

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИСТОРИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ:
ОБЪЕКТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ
И НАУЧНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Сборник научных статей
по материалам международной научной конференции,
посвященной 140-летию со дня рождения
академика В. И. Пичеты

МИНСК
БГУ
2018

УДК 93/94(082)
ББК 63я434
И90

Редакционная коллегия:

доктор педагогических наук, профессор *А. Д. Король* (гл. ред.);
доктор исторических наук, профессор *С. Н. Ходин*;
доктор исторических наук, профессор *А. Г. Кохановский*;
доктор исторических наук, профессор *Е. В. Кодин*;
доктор исторических наук, профессор *С. И. Михальченко*;
доктор исторических наук, профессор *Т. И. Хорхордина*;
доктор наук, профессор *В. Хоронжичевски*;
кандидат исторических наук, доцент *М. Ф. Шумейко*;
кандидат исторических наук, профессор *О. А. Яновский*

И90 **История** и историография: объективная реальность и научная интерпретация : сб. науч. ст. по материалам междунар. науч. конф., посвящ. 140-летию со дня рождения акад. В. И. Пичеты / редкол.: А. Д. Король (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2018. – 405 с.
ISBN 978-985-566-674-6.

Сборник научных статей – итог работы Международной научной конференции «История и историография: объективная реальность и научная интерпретация» (Минск, 5 октября 2018 г.), посвященной 140-летию со дня рождения первого ректора Белорусского государственного университета академика В. И. Пичеты. Представлены материалы, позволяющие оценить труд историка с позиций стремления настоящего ученого постичь прошлое с максимальной объективностью. Включены тексты, в которых исследуются различные сюжеты белорусской и всеобщей истории, рассматриваются проблемы историографии, источниковедения, архивистики. Имя В. И. Пичеты обращает внимание авторов на углубленное осмысление и использование просопографии.

УДК 93/94(082)
ББК 63я434

ПРАДМОВА

Дадзены зборнік навуковых артыкулаў патрэбна разглядаць як вынік Міжнароднай навуковай канферэнцыі «Гісторыя і гістарыяграфія: аб'ектыўная рэальнасць і навуковая інтэрпрэтацыя». Канферэнцыя была наладжана гістарычным факультэтам Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта з нагоды 140-годдзя з дня нараджэння слыннага гісторыка Уладзіміра Іванавіча Пічэты, які для нас-беларусаў мае асаблівую вартасць. Ён – першы рэктар першага ў маштабе па-сапраўднаму першай беларускай дзяржаўнасці ўніверсітэта. І яму належыць выключная роля ў тым, каб наш беларускі ўніверсітэт адбыўся, стаў вызначаць галоўныя кірункі развіцця ўсёй сістэмы адукацыі і навукі ў краіне.

Між тым Уладзімір Іванавіч у першую чаргу выключны па сваіх даследчыцкіх кампетэнцыях і творчай спадчыне гісторык. Яго навуковы далягляд і раней, і асабліва цяпер вызываў і вызывае павагу ўсіх, хто лічыць сябе беларусістам, расіязнаўцам, славістам, украіністам, гістарыёграфам, архівістам, крыніцазнаўцам... З амаль што шасцісот яго надрукаваных прац ні адна не адзначана павярхоўнасцю, кан'юнктурнасцю, хаця палітычныя хвалі кідалі гісторыка як мала каго.

Сутнасць заяўленай тэмы канферэнцыі, па меркаванню яе арганізатараў, павінна была адлюстравать якраз той стрыжань, вакол якога і праходзіла творчае жыццё У. І. Пічэты. Гэта неабходнасць засноўваць свае даследаванні нават самых вострых пытанняў на базе крыніц, адшукваць «аб'ектыўную рэальнасць» у мінулым. І ў сілу магчымага (інтэлектуальных здольнасцей, дасведчанасці і «запытаў часу» сённяшняга) ствараць свае працы, якія праз ужо кароткі час становяцца прадметам гістарыяграфічнага прачытання. А тым самым творчыя здабыткі гісторыка і той ці іншай групы гісторыкаў як правіла падвяргаюцца аналізу з пункту гледжання наяўнасці ці адсутнасці ў іх наратыве і высновах гэтай самай «аб'ектыўнай рэальнасці». Пры адсутнасці, па меркаваннях гістарыёграфу, «праўды гісторыі» магчымы і вынясенні вердыктаў аб толькі, у лепшым выпадку, наяўнасці «навуковай інтэрпрэтацыі», толькі аўтарскага небяспрэчнага погляду.

Калі ж абагуліць, то гэты бясконцы працэс і ёсць не толькі сутнасць самой навукі гісторыі, але і сутнасць працы кожнага гісторыка, яе вонкавыя і ўнутраныя праявы. А нават і сэнс. Такі комплексны погляд на сваю працу і дазволіў у юбілейны год сфарміраваць ідэю канферэнцыі, якая б прыхіліла да сябе даследчыкаў розных накірункаў спазнання мінулага. А тым самым падвесці пэўную рысу пад ранейшымі творчымі

напрацоўкамі: на працягу многіх апошніх гадоў традыцыйна на гістфаку БДУ кафедра гісторыі Расіі і кафедра крыніцазнаўства ладзяць «Пічэтаўскія чытанні», на якіх абмяркоўваюцца дакладныя і нават вузкія пытанні айчыннай і сусветнай гісторыі, гістарыяграфіі і інш.

Галоўныя пасылы канферэнцыі відавочна адлюстравалі чатыры даклады, агучаныя на пленарным пасяджэнні (Я. У. Кодзіна, В. А. Фядосіка, С. М. Цемушава і А. А. Яноўскага). Дасланыя заяўкі дазволілі арганізатарам сфарміраваць пяць секцый, якія сваімі сутнаснымі парадыгмамі яшчэ у большай ступені падкрэслілі ідэі, закладзеныя ў назве канферэнцыі («У. І. Пічэта – навуковая і грамадска-палітычная іпастасі гісторыка», «Навука і адукацыя ў прасапаграфічным працытанні», «Разнастайнасць гісторыі ў кагнітыўнай практыцы даследчыка», «Гісторыя як інтэлектуальная аснова неразрыўнай сувязі пакаленняў беларускага народа» і «Гістарычная крыніца: пошук, зберажэнне, навуковае працытанне»).

Канферэнцыя (дакладней, памяць аб У. І. Пічэце, павага да яго) сабрала навукоўцаў Беларусі, Расіі, Украіны, Польшчы. З дакладамі і паведамленнямі выступілі больш за 90 чалавек – сталых прафесараў, крэатыўнай моладзі. Арганізатары палічылі за лепшае даць магчымасць выступоўцам некалькі дапоўніць свае тэксты, пераасэнсаваць высновы праз прызму тых дыскусій, якія суправаджалі іх даклады. Таму дадзенае выданне – натуральны працяг тэмы канферэнцыі і характару яго навуковых складнікаў. Гэта, як нам падаецца, зборнік навуковых артыкулаў, напісаных да канферэнцыі і дапоўненых, пашыраных пасля яе правядзення. Каб адлюстраваць мемарыяльны характар прайшоўшага навуковага мерапрыемства – 140-годдзя з дня нараджэння Уладзіміра Іванавіча Пічэты – асобна падаюцца артыкулы, прысвечаныя розным бакам яго творчасці і жыцця, аналізу яго прац і інш. Палічылі неабходным таксама ў гэтым першым раздзеле прадставіць разам і артыкулы прасапаграфічнага накірунку. Усе разнабаковыя тэмы нашых аўтараў у алфавітным парадку іх прозвішчаў саставілі другі вялікі раздзел зборніка. Тым самым чытачу даецца магчымасць знайсці найбольш цікавы для яго матэрыял, адначасова ўспрымаючы ўвесь спектр разнабаковых падыходаў гісторыкаў да праблем айчыннай і сусветнай гісторыі, гістарыяграфіі, крыніцазнаўства, архівістыкі і інш.

Члены аргкамітэта канферэнцыі:

Міхаіл Шумейка

Алег Яноўскі

РАЗДЕЛ I

В. И. ПИЧЕТА, ЕГО КОЛЛЕГИ, УЧЕНИКИ И ПОСЛЕДОВАТЕЛИ: ОПЫТ ПРОСОПОГРАФИЧЕСКОГО ПРОЧТЕНИЯ ИСТОРИИ

Белозорович В. А.

УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы» (г. Гродно, Республика Беларусь)

КОНЦЕПЦИЯ ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ В ТРУДАХ В. К. ЩЕРБАКОВА

Развитие исторической науки Беларуси в 1930-е гг. связано с именем академика, директора Института истории АН БССР В. К. Щербакова. По приглашению ЦК КП(б)Б в апреле 1930 г. историк переехал из Украины в БССР. На родине ученый начал активно работать над обобщающим трудом по отечественной истории – «Нарыс гісторыі Беларусі», который был издан в 1934 г. [1].

Во введении автор, упоминая труды М. Н. Покровского, ответил на поставленный им же вопрос: «Почему необходимо изучать историю Беларуси?» Во-первых, для понимания настоящего; во-вторых, «для разъяснения основных вопросов политики»; в-третьих, для «борьбы с различного рода враждебными нам элементами»; в-четвертых, для «изучения опыта революционной борьбы» [1, с. 5–8].

В. К. Щербаков был глубоко убежден, что несоветские историки выражали интересы господствующих классов («помещиков, буржуазии, кулаков»), поэтому были необъективны в освещении прошлого. Они не раскрывали тяжелое положение крестьян в период крепостничества и капитализма, не освещали революционную борьбу рабочих, формировали религиозное мировоззрение, разжигали национальную вражду, выступали против Октябрьской революции и диктатуры пролетариата, поддерживали белогвардейцев [1, с. 10].

Историю Беларуси В. К. Щербаков разделил на четыре периода или социально-экономические формации: первобытный коммунизм (25 тыс. лет до н. э. – начало II тыс. н. э.), феодализм (X – середина XIX в.), капитализм (середина XIX в. – 1917 г.), период диктатуры пролетариата и социалистического строительства как начало новой коммунистической формации [1, с. 19–20]. Исследователь исходил из принципа линейного и закономерного развития исторического процесса, применимого ко всем странам мира. Он отметил отсутствие в истории Беларуси эпохи рабовладения. Отличались формации характером и способом производства, производственными отношениями, способом эксплуатации. Переход от одной эпохи к другой происходил не постепенно, а в результате революционных кризисов и социальных революций. Каждая формация развивалась по следующей схеме: зарождение, развитие, разложение, гибель. Иные, ранее предложенные варианты периодизации истории Беларуси, автор категорически не принимал.

Анализируя так называемое «первобытно-коммунистическое общество», В. К. Щербаков использовал информацию, предоставленную белорусскими советскими археологами в 1920-е гг. В частности, он обозначил древнейшие стоянки людей на территории БССР, назвал время их появления, выделил особенности ледникового периода, климата, флоры, фауны и рельефа местности. Автор выделил следующие этапы первобытного общества: «дородовые коммуны», «родовые коммуны», «разложение родового общества». При этом он соотносил их, правда хронологически нечетко, с традиционной археологической периодизацией первобытно-общинной формации, подразделявшейся на каменный, бронзовый и железный века. На страницах монографии раскрываются без фактологического обоснования особенности «бронзовой культуры» на белорусских землях, роль железа в хозяйственной и общественной жизни людей [1, с. 32].

Исследователь отдельно рассмотрел хозяйственную деятельность и быт славянского населения. Его ареал в начале нашей эры он ограничил рекой Вислой на западе, рекой Березиной – на востоке, рекой Днепр – на юге, реками Неман и Западная Двина – на севере. Соседями славян в северной части Беларуси названы литовское и финское население.

Процесс формирования имущественного и социального неравенства у восточнославянских племен представлен автором в соответствии с марксистской схемой, изложенной в работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности, государства». Внутренние процессы классовообразования сопровождались появлением в Восточной Европе

«вооруженных скандинавских варяжских шаек», предводители которых (князья) устанавливали свою власть. Одним из них был князь Рогволод.

От военных действий страдали местные жители («общинно-родовые объединения»), которые поднимали восстания и организовывали бунты против феодальной верхушки. Исследователь подает события в Полоцкой земле, зафиксированные в летописях под 1127, 1151, 1180 годами, как факты классовой борьбы [1, с. 49–50].

Основное содержание книги посвящено феодальной эпохе. Автор разделил феодальную формацию на следующие этапы: «развитие феодализма и классовая борьба до середины XV в.», «дальнейшее развитие крепостного строя и усиление эксплуатации крестьянства», «крестьянское движение в XVI и XVII в.».

В центре внимания автора – социально-экономические отношения на белорусских землях и развертывание классовой борьбы. В. К. Щербаков раскрыл процесс формирования крупного феодального землевладения, появления класса зависимых крестьян, закрепощения крестьянства. Однако исследователь не мог обойти вопрос генезиса Великого Княжества Литовского, которое он считал Литовско-Белорусским государством. Для него «процесс создания феодального государства на территории Беларуси, Литвы и части Украины есть ни что иное как объединение сил правящих верхов против общинного крестьянства с целью захвата их земель и превращения крестьян в зависимый класс» [1, с. 79]. В. К. Щербаков не принимал тезис о добровольном вхождении белорусских земель в состав княжества, считая его «нацдемовским» [1, с. 82].

Автор критиковал М. В. Довнар-Запольского за идеализацию личности князя Витовта. Он считал, что великие князья были крупными феодалами, нажившими свои богатства за счет военных походов и «кровавой расправы с населением» [1, с. 83]. Вся история Великого Княжества Литовского до середины XV в. была наполнена непрерывными феодальными войнами. В результате «они усилили эксплуатацию и угнетение феодально-зависимого крестьянства, вызвали рост среднего и мелкого шляхетского землевладения за счет захвата земли у крестьянства».

Подробно автор проанализировал феномен крестьянской общины на белорусских землях. Он выделил три ее вида: волостную, сельскую и дворищную, раскрыл роль старцев и функции копного суда [1, с. 96–106]. Интерес В. К. Щербакова к вышеозначенным формам «народного» самоуправления был обусловлен симбиозом двух методологических парадигм. Марксистско-ленинская теория под субъектом исторического исследования подразумевала «народные массы», традиционно пред-

ставленные в феодальную эпоху крестьянством. С другой стороны, ощущалось последствие «романтизированной» белорусской историографии, ориентированной на изучение «народной» истории.

Для исследователя крестьянская община выступала «готовой формой организации для выступления против феодалов» [1, с. 107]. Классовую борьбу крестьян он отсчитывал с XIV в., но доказывающих этот тезис фактов не представил. Из текста следует, что самый ранний пример протеста крестьян (жители Озерищенской и Усвятской волостей [1, с. 108]) относится к концу XV в. Даже Люблинская уния 1569 г. была результатом крестьянского движения в эпоху феодализма.

Публикация книги совпала с выходом постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР». Ряд известных историков (Н. Н. Ванаг, Б. Д. Греков, А. М. Панкратова, С. А. Пионтковский) быстро подготовили рукопись нового учебника по истории СССР для школьников. Однако И. В. Сталин подверг конспект учебника критике, обвинив авторов в том, что они стремятся разработать «марксизм для неграмотных». Для пропаганды советского патриотизма как новой идеологической доктрины «нужен такой учебник истории СССР, где бы история Великороссии не отрывалась от истории других народов СССР... и где бы история народов СССР не отрывалась от истории общеевропейской и вообще мировой истории» [2].

«Нарыс гісторыі Беларусі» В. К. Щербакова соответствовал историографической традиции 1920-х гг., так называемой «школе Покровского». Абстрактный подход к изучению общественно-экономических формаций, обезличенная история были признаны основными методологическими «ошибками» советских ученых. С 1936 г. развернулась кампания по ниспровержению с пьедестала «корифея» исторической науки СССР М. Н. Покровского и его учеников, которая затронула и БССР. В докладной записке в ЦК КП(б)Б от 25 июня 1938 г. народный комиссар внутренних дел БССР А. А. Наседкин назвал книгу В. К. Щербакова «контрреволюционной» [3, с. 215].

Роль академика В. К. Щербакова в формировании концепции истории Беларуси заключается в использовании им формационного критерия для освещения хода исторического процесса на белорусских землях. Историк в качестве приоритетной сферы выделил социально-экономические отношения, отобразившие уровень развития производительных сил. Политическая история выступала следствием эволюции хозяйственной жизнедеятельности населения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Шчарбакоў В. К.* Нарыс гісторыі Беларусі. Ч. 1. Мінск : Выдавецтва Беларускай акадэміі навук, 1934. 240 с.
2. «Не освещен вовсе аппарат самодержавия...» // Родина [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2016/09/13/rodina-uchebniki-istorii.html> (дата обращения: 03.07.2018).
3. *Ліндэнэр Р.* Гісторыкі і ўлада: нацыятворчы працэс і гістарычная палітыка ў Беларусі XIX–XX стст. / Пер. з ням. Л. Баршчэўскага; нав. рэд. Г. Сагановіча. СПб. : Неўскі прасцяг, 2003. 540 с.

Веремейчик А. Е.

Белорусский государственный университет (г. Минск, Республика Беларусь)

В. И. ПИЧЕТА КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ЧАСТНОЙ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

Проблемное поле истории частного земельного владения и его правового оформления на белорусских землях является одним из самым дискуссионных в современной отечественной историографии. Вопросы формирования, правового положения, управления частными владениями на территории Беларуси не получали комплексного освещения.

В то же время историография располагает рядом работ более раннего периода, посвященных эволюции феодального землевладения на белорусских землях, без которых современные достижения отечественной историографии были бы невозможны. В их числе находятся и исследования В. И. Пичеты, первым в историографии обратившимся к изучению проблематики формирования и развития частной земельной собственности, как неотъемлемой части истории феодализма на белорусских землях.

Не все они касались истории восточных славян, и в частности белорусских земель, рассмотрения научной проблемы развития феодализма и форм собственности на землю. Однако в целом в историографии дореволюционное время обозначалось как начало исследований истории Беларуси, которые оказали влияние на формирование научных интересов В. И. Пичеты.

История восточных славян впервые была представлена в монографии О. В. Турчиновича. Она стала работой общего характера и охватывала период от скифов и будинов до вхождения Беларуси в состав Российской империи [49]. Ему же принадлежит и первая работа в области наследования земельной собственности у восточных славян [50].

Напечатанные в 1889 г. «Очерки по истории Белоруссии» представляют собой отрывок из монографии М. В. Довнар-Запольского «Очерки истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII столетия» [17]. «Кароткая гісторыя Беларусі» Власта, вышедшая в 1910 г. не выделялась глубиной исследования, но внесла свой вклад в формирование интереса к истории белорусских земель [31].

Изучением истории Великого Княжества Литовского (далее ВКЛ) занимался М. К. Любавский, который утверждал, что в основе государства лежала литовско-русская этнооснова [33]. При этом автор отмечал, что русское влияние в нем имело доминирующую роль. И. И. Лаппо придерживался другой точки зрения. В трудах ученые утверждали, что ВКЛ вошло в состав Речи Посполитой на федеративной основе [29–30].

В конце XIX – начале XX в. М. К. Любавский [34–35], М. В. Довнар-Запольский [14] и Е. Ф. Карский [24–26] опубликовали работы о социально-экономической истории ВКЛ. М. В. Довнар-Запольский издал законодательные документы ВКЛ [18]. Впоследствии В. И. Пичетой была использована методология их исследований.

Упомянутые выше работы представляют собой обобщающие труды исследователей об истории восточных славян, составной частью которых являются и белорусские земли. В них ученые пусть фрагментарно, но впервые в исторической науке обращаются к вопросу формирования собственности на землю, сословной и имущественной дифференциации населения.

Первые исследования, в которых нашли отражение некоторые аспекты истории частных земельных владений на территории Беларуси появились в конце XIX – начале XX в. В работах М. О. Без-Корниловича [4], В. К. Стукалича [47], П. Д. Брянцева [6], А. П. Смородского [46] и в материалах, собранных офицерами Генерального штаба П. О. Бобровским [5], И. И. Зеленским [22], А. К. Корево [8] были опубликованы краткие исторические очерки о городах и местечках, охарактеризованы основные виды их хозяйственной деятельности.

Экономическое положение городов и местечек было описано в трудах М. Ф. Владимирского-Буданова [10, 11], В. Б. Антоновича [1], М. С. Грушевского [12, 13]. Авторы впервые привели статистические данные об объемах продукции и показали ведущую роль товаров легкой промышленности и сельскохозяйственного производства в экономике Российской империи.

Сведения о социальной структуре населения периода феодализма на белорусских землях нашли отражение в работах П. М. Шпилевского

[51]. В начале XX в. Минское дворянское депутатское собрание и Управление Виленского учебного округа опубликовали сводные статистические данные о площади имений и городов Российской империи, включив в них данные и о территории Беларуси [2, 3].

Первые работы В. И. Пичеты увидели свет в 1909–1912 гг. В них впервые появляются исследования истории частной земельной собственности на территории восточных славян. Статьи историка вошли в сборники и книги: «Великая реформа: Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем» (1911) [7], «Крепостное право в России и реформа 19 февраля» (1911) [27], «Отечественная война и русское общество. 1812–1912» (1911–1912) [36], «Три века. Россия от смуты до нашего времени» (1912) [48]. В них историк уделяет внимание проблемам внешней политики Московского, а позже Российского государства, торговле, хозяйственной деятельности и быту в XVII–XIX вв.

Несмотря на то, что в этих работах не уделялось внимания только истории Беларуси и ее феодальное право рассматривалось с точки зрения составной части восточнославянской истории, труды ученого стали первой попыткой научного анализа истории феодальных отношений на белорусских землях.

Данные о частной земельной собственности фрагментарно появляются и в трудах В. И. Пичеты накануне Первой мировой войны: «Литовско-польские унии и отношение к ним литовско-польской шляхты» [45, с. 605–631] и «Литовско-Русское государство» [44, с. 357–439].

Крупнейшим исследованием В. И. Пичеты дореволюционного периода, в котором отчетливо прослеживается обращение к вопросам формирования, распределения и хозяйственной деятельности в земельных владениях на территории Беларуси, является «Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве» [38].

До ученого об аграрной реформе 1557 г. лишь упоминали М. К. Любавский [33], М. В. Довнар-Запольский [14–16]. Первый называл это мероприятие «померой», второй – «реформой». В. И. Пичета стал применять термин «реформа», расширив и уточнив его понятие [38, с. 5]. Именно введенный В. И. Пичетой термин стал употребляться в современной отечественной историографии.

В феврале 1918 г. за первый том исследования «Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве» В. И. Пичете была присуждена степень магистра, а за вторую часть, защищенную марте 1918 г. – степень доктора истории.

Работа не утратила своей актуальности и для современной исторической науки. Аграрная реформа середины XVI в. повлияла на социально-экономическое развитие белорусских земель, в том числе в частновладельческих владениях, в XVI–XVIII вв. Поэтому к ее изучению обращались и будут обращаться исследователи, которые занимаются социально-экономической историей Беларуси.

Таким образом, характерная черта всех дореволюционных исследований в области частной земельной собственности, – фрагментарность сведений и слабая источниковая база. Историки не акцентировали внимания на существовании на территории Беларуси частной земельной собственности. В большинстве своем публикации представляли этнографические и историко-экономические очерки с описанием основных видов хозяйственной деятельности населения. Однако, несмотря на отсутствие глубоких научных исследований в области истории Беларуси и в частности форм собственности на землю, нельзя сказать, что заявленная научная проблема оставалась неизвестной и мало освещенной. Самыми крупными исследованиями данного периода, стали труды В. И. Пичеты.

В послереволюционное время в Москве для изучения белорусской истории было создано Белорусское научно-культурное общество. Его основателями стали В. И. Пичета, Н. А. Янчук, Д. Г. Коновалов и др., почетными членами – Е. Ф. Карский, М. К. Любавский, П. Н. Жукович, М. В. Довнар-Запольский и А. П. Сапунов.

В 1918 г. обществом был издан доклад М. К. Любавского «Основные моменты истории Белоруссии», который ученый прочитал на его первом публичном заседании [35а, с. 15–16]. Основное внимание в нем было уделено истории белорусских земель до ВКЛ включительно [35а, с. 16–18].

В 1918 г. в Москве начал работать Белорусский народный университет. Ведущим лектором в нем стал В. И. Пичета. Лекции университета были изданы отдельной книгой под названием «Курс белорусоведения» [28] и посвящены различной проблематике. В основном в них акцентировалось внимание на территориальном формировании этнических белорусских земель и краеведении.

В «Курс белорусоведения» вошел цикл лекций В. И. Пичеты общим объёмом 82 страницы, разделённые на 20 тем. [28, с. 1–86]. Самыми информативными блоками в области изучения частной собственности на землю являются пятый и шестнадцатый очерки, в которых автор изложил суть Кревской унии, волочной померы середины XVI в., положение шляхты и мещан в XVI–XVIII вв., правовое положение шляхты в

последние годы существования Речи Посполитой; отношение шляхты к разделам Речи Посполитой, вхождению белорусских земель в состав Российской империи, к восстанию Т. Костюшко и к войне с императором Наполеоном в 1812 г.

В межвоенное время В. И. Пичета опубликовал работы обобщающего характера о развитии экономической деятельности в ВКЛ, где проанализировал роль сельскохозяйственной продукции в экономике ВКЛ. Автор утверждал, что выход зерновой продукции на европейские рынки способствовал увеличению доходов владельцев имений XVI–XVII вв. [37, 39–42] В его работах рассмотрено развитие земледелия и скотоводства, увеличение дополнительных наделов и посевных площадей в частновладельческих имениях ВКЛ.

В. И. Пичета был не единственным ученым, кто в 20-е гг. XX в. обратился к истории социально-экономических отношений белорусских земель. Историк Ф. И. Забелло проанализировал влияние крепостного права на характер экономических отношений в имениях ВКЛ [20; 21]. В своих трудах автор использовал и наработки Н. А. Рожкова, который занимался изучением феодального хозяйства [43]. Ученый на основании инвентарей частновладельческих земель исследовал развитие сельского хозяйства во второй половине XVIII в., не используя данные реестров Несвижской ординации. Таким образом, в советской историографии 20-х гг. XX в. сведения о частном землевладении давались косвенно и глубоко не затрагивали проблемы экономического и социального развития земель. Основными вопросами исследований стали: закрепощение крестьян, сельское хозяйство в деревнях, ремесло и торговля в городах. В публикациях наблюдается критика феодальных и капиталистических форм производства. Однако труды В. И. Пичеты выделялись анализом процесса реформирования земельных отношений, унификации и дифференциации ремесленного производства в городах, а также заложили основу дальнейшего изучения социально-экономических отношений на белорусских землях.

В 1930 г. В. И. Пичета был арестован по «академическому делу» и в 1931 г. выслан в Вятку. В сентябре 1934 г. В. И. Пичету перевели в Воронеж, где он работал профессором Воронежского педагогического института. Ученый отошел от исследования белорусской истории и не издавал с этого время трудов о развитии феодальных отношений на белорусских землях.

С уходом ученого из проблемного поля белорусской истории в 1930-х гг. прекратились работы в изучении социально-экономических

отношений и развития феодализма на территории Беларуси. Первые работы в данной области появились только в послевоенное время.

В монографиях исследователей послевоенного периода расширился круг изучаемых проблем и привлекаемых источников. В историографии сохранилась тенденция к изучению ремесла и сельскохозяйственного производства. Особо глубокое освещение получило развитие внутренней и внешней торговли на белорусских землях. Наибольшее внимание было уделено экономическому развитию городов, мануфактурному производству. В то же время не был проведен анализ социальной структуры населения. В исследованиях не рассматривались особенности экономической деятельности в государственных и частновладельческих имениях и ее правовое регулирование.

Основной задачей современной белорусской историографии стало рассмотрение более широкого диапазона вопросов о частном землевладении, которое заложило основы для объективного анализа проблематики. Историки обратились к более детальному изучению социально-экономических аспектов в истории белорусских земель. Однако исследования ученых по заявленной проблематике, среди которых свое главное место по праву занимают работы В. И. Пичеты, стали отправной точкой в изучении вопроса о формировании и функционировании частной земельной собственности, ее правового оформления и включенности белорусских земель в социально-экономическое развитие.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Антонович В. Б. Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. Киев : Тип. Е. Я. Федорова, 1885. 351 с.

2. Алфавитный список дворянским родам Минской губернии, внесенным в дворянскую родословную книгу по 1-е июля 1903 года: [с прил. списка губерн. и уезд. предводителям и депутатам дворянства]. Минск : Губерн. тип., 1903. 162 с.

3. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при Управлении Виленского учебного округа : [в 14 т.]. Вильна : Печатня Губерн. правления, 1867–1904. Т. 7: [док. 1433–1791 гг.] / собр. в Несвиже и изд. П. Гильтебрандтом и А. Миротворцевым. 1870. 375 с.

4. Без-Корнилович М. О. Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии с присовокуплением и других сведений, к ней же относящихся. СПб.: Тип. III Отд. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1855. 355 с.

5. Карский Е. Ф. К вопросу об этнографической карте белорусского племени. СПб., 1902. 16 с.

6. *Карский Е. Ф.* Этнографическая карта белорусского племени / ординарно-го академика Е. Ф. Карского. Пг. : Белорусский областной комитет при Всероссийском совете крестьянских депутатов, 1917. 32 с.

7. Крепостное право в России и реформа 19 февраля / Историческая комис. Учеб. отдела ОРТЗ; ред. А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова и В. И. Пичеты. М. : [И. Д. Сытин], 1911. 399 с.

8. Курс белорусоведения: лекции, читанные в Белорусском народном университете в Москве летом 1918 года: с библиографическим указателем по каждому вопросу и с приложением этнографической карты белорусского племени акад. Е. Ф. Карского / Белорусский подотдел Отдела просвещения национальных меньшинств НКП. Москва, 1918–1920. 303 с. Содерж.: Турук Ф. Предисловие (с. I–IV); Пичета В. И. История белорусского народа (с. 1–86); Анучин Д. Н. К вопросу о белорусской территории (с. 87–100); Силинич И. П. Географический очерк Белоруссии (с. 101–125); Фортунатов А. Ф. Из сельскохозяйственной статистики пяти белорусских губерний (с. 126–244); Чепурковский Е. М. Антропология белорусов (с. 145–151); Янчук Н. А. Этнографический очерк Белоруссии (с. 152–184); Расторгуев П. А. Белорусская речь в ее современном и прошлом состоянии (с. 185–253); Жилунович Д. Ф. Белорусская литература (с. 258–288); Силищенский М. И. К вопросу о методике родинovedения (с. 294–304); Акад. Карский Е. Ф. Этнографическая карта белорусского племени.

9. *Ланно И. И.* Великое княжество Литовское во второй половине XVI в.: литовско-русский повет и его сеймик. Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1911. 624 с.

10. *Ланно И. И.* Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория (1569–1586): опыт исследования политического и общественного строя. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1901. Т. 1. 780 с.

11. *Ластоўскі В. Ю.* Кароткая гісторыя Беларусі: з 40 рысункамі. Вільня : Друкарня М. Кухты, 1910. 104 с.

12. Литовский статут 1529, 1566 и 1588 гг. М. : Изд. Московского О-ва истории и древностей российских, 1854–1855.

13. *Любавский М. К.* Литовско-русский сейм: опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешней жизнью государства. М., 1900. 232 с.

14. *Любавский М. К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута: историческое очерки. М. : Университетская типография, 1892. 884 с.

15. *Любавский М. К.* Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно: с приложением текста хартий, выданных Великому князю Литовскому и его областям. М. : издание Императорского Общества истории и древностей российских, 1910. 376 с.

16. *Любавский М. К.* Основные моменты истории Белоруссии: доклад, читанный на 1-ом публичном заседании Белорусского научно-культурного общества в Москве 1/14 июля 1918 года. М., 1918. С. 7–23.

17. Отечественная война и русское общество: [в 7 т.] / Историческая комиссия учебного отдела ОРТЗ. Юбилейное изд. (1812–1912). М. : изд. Т-ва И. Д. Сытина, 1911–1912.

18. *Пічэта У.* Гаспадарскія (вялікакняскія) двары ў заходніх воласцях Беларусі пасля рэформы Жыгімонта-Аўгуста. Мінск : Ін-т беларус. культуры, 1927. 19 с.

19. *Пічэта В.* Аграрная рэформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государствах : в 2 т. М. : Синод. тип., 1915–1917.

20. *Пічэта В.* Основные моменты исторического развития Западной Украины и Западной Белоруссии. М. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1940. 135 с.

21. *Пічэта В. И.* Белоруссия и Литва XV–XVI вв.: исследования по истории социально-экономического, политического и культурного развития; Акад. наук СССР, Ин-т славяноведения; под ред. З. Ю. Копысского [и др.]. М. : Изд-во АН СССР, 1961. 812 с.

22. *Пічэта В. И.* История сельского хозяйства и землевладения в Белоруссии ; Нар. комисариат земледелия Белорус. ССР. Минск : Наркомзем, 1927. Ч. 1 : До конца XVI в. 179 с.

23. *Пічэта В. И.* Крестьяне тяглые во второй половине XVI века в Великом княжестве Литовском. [Б. м., б. г.]. 7 с.

24. *Рожков Н. А.* Русская история в сравнительно-историческом освещении. Т. 1 : Первобытное общество; Дикари; Варвары; Феодалная революция. [1919]. 450 с.

25. Русская история в очерках и статьях / Сост. при участии профессоров и преподавателей под ред. проф. М. В. Довнар-Запольского. Изд. 2-е. [М.] : Моск. учеб. кн-во, 1909.

26. Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому его учениками, друзьями и почитателями ко дню тридцатилетия его профессорской деятельности в Московском университете: (5 декабря 1879 – 5 декабря 1909 г.): с тремя портретами В. О. Ключевского, исполненными фототипией и гелиографией, и приложением списка трудов его / участвуют: Я. Л. Барсков [и др.]. М. : Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1909. 828 с.

27. *Смородский А. П.* Столетие Минской губернии, 1793–1893 : ист.-стат. зап. / сост. секретарь Мин. губерн. стат. ком. А. П. Смородский. 2-е изд., испр. и доп. Минск : Типолитограф. Р. Дворжец, 1893. 90 с.

28. *Стукалич В. К.* Белоруссия и Литва: очерки из истории городов в Белоруссии. Витебск : Губерн. тип., 1894. 62 с.

29. Три века. Россия от смуты до нашего времени: Исторический сборник / Под ред. [и с предисл.] В. В. Каллаша. М. : Т-во И. Д. Сытина, [1912].

30. *Турчинович О. В.* История сельского хозяйства России, от времен исторических до 1850 года. СПб. : В. П. Поляков, 1854. 168 с.

31. *Турчинович О. В.* О поземельной собственности и наследстве в древней Руси. СПб. : тип. Э. Веймара, 1853. 58 с.

32. *Штилевский П. М.* Путешествие по Полесью и белорусскому краю ; предисл., текстол. подгот., примеч. и коммент. С. А. Кузнецовой. Минск : Беларусь, 2004. 250 с.

Гернович Т. Д.

Белорусский государственный университет (г. Минск, Республика Беларусь)

НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ ШКЛЯЕВ – ХРАНИТЕЛЬ МИНСКИХ АРХИВОВ

Биография первого заведующего постреволюционными архивами г. Минска Николая Павловича Шкляева (1888–1959), как и его вклад в развитие архивного дела Беларуси, не нашли должного освещения в специальной архивоведческой литературе. Так, опубликованная в библиографическом справочнике «Архівісты Беларусі» статья не включает довольно ограниченные сведения, которые не содержат информации о его судьбе после мая 1921 г., ни о дате и месте рождения и смерти [3, с. 223–224]. Тем интереснее выявленные нами документы, дополняющие и уточняющие биографию Н. П. Шкляева.

Н. П. Шкляев родился 15 ноября (по новому стилю) 1888 г. в с. Орша Яранского уезда Вятской губернии (в настоящее время Российская Федерация) в семье священника.

В своей автобиографии он писал, что начал трудовую жизнь в 20 лет в качестве народного учителя в Орловском уезде Вятской губернии. В 1910 г. поступил в Петербургский историко-филологический институт, который окончил со званием учителя гимназии по истории, географии и древним языкам. Одновременно Н. П. Шкляев учился в Петербургском археологическом институте, по окончании которого со званием действительного члена был направлен на работу преподавателем в г. Минск¹ [2].

Преподавательская карьера была основным делом жизни Николая Павловича. В его личном деле, которое сохранилось в фонде Наркомпроса в НАРБ, указывается, что в 1914 г. он работал в Минской реальной школе, с 1915 г. в Минской женской гимназии Рэйман, с 1916 г. в Минской женской гимназии Левидовой-Нейфак, Минской женской гимназии Сковородниковой. После 1917 г. Н. П. Шкляев преподавал в Минской гимназии для взрослых при профсоюзе учителей, Минской женской гимназии Левицкой, а также продолжал работу в Минской реальной школе, преобразованной в Советскую школу.

¹ Выражаем особую признательность за помощь в поиске материалов профессору, доктору исторических наук Казанского Федерального университета С. Ю. Малышевой, заведующим отделом рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского Э. И. Амерхановой и архивом университета В. Г. Ермолаевой.

В 20-х гг. Николай Павлович преподает в минских Институте народного образования (1920-1921 г.), 1-й и 2-й железнодорожной школах (1921–1925 гг.), общеобразовательных курсах (1922–1925 гг.), железнодорожном техникуме (1922–1924 гг.).

Преподавательскую деятельность Н. П. Шкляев совмещает с административной работой. С 1918 г. он возглавляет педагогический совет в Минской женской гимназии Левицкой, а с 1919 г. назначается заместителем руководителя в Советской школе [21].

К такой активной преподавательской деятельности Шкляева обязывало семейное положение: он был единственным кормильцем пятерых членов семьи (жены, двоих детей, младшей сестры и матери жены).

Большую занятость в преподавании Н. П. Шкляев совмещал с общественной работой. С 1917 г. он являлся членом правления и секретарем профсоюза учителей г. Минска, с 1921 г. – Минского общества истории и древностей (одновременно входил в состав его правления), с 1922 г. – Минского педагогического общества. После отстранения от должности председателя Минского общества истории и древностей Н. Маслаковца Н. П. Шкляев, вероятно являясь ученым секретарем общества, подписывал, начиная с 1923 г. протоколы его заседаний [5].

Как отмечает современный исследователь, Минское педагогическое общество, созданное 24 марта 1919 г. базировалось во 2-й минской гимназии, и практически все члены Минского общества истории и древностей являлись членами Минского педагогического общества [1; 6]. Нам представляется это утверждение несколько упрощенным. Тесная связь между членами обществ объясняется тем, что в ситуации отсутствия научного центра (университета, государственного архива, государственного музея, государственной библиотеки), который бы аккумулировал исследователей истории, преподаватели и учителя, как самые квалифицированные кадры, брали на себя задачу по созданию белорусских культурных и научных учреждений.

Другой стороной профессиональной деятельности Н. П. Шкляева была работа по охране и собиранию культурных ценностей. После его назначения на должность заведующего охраной архивов в подотделе охраны памятников старины и искусства отдела искусства Наркомпроса БССР он активно включается в работу по спасению архивных документов.

Работа по организации архивов начала проводиться с апреля 1920 г., когда при подотделе охраны памятников старины и искусства была создана Архивная секция. Обязанности заведующего охраной архивов в

ней выполнял до 26 мая 1921 г. Н. П. Шкляев. Благодаря его самоотверженным усилиям за год были собраны и сохранены находившиеся в Минске архивы учреждений.

Первоначально основной задачей являлось принятие на учет архивов бывших учреждений и обеспечение их сохранности. Это было достаточно сложно, так как не всегда новые учреждения, занявшие здания, в которых хранились архивы, были согласны на их пребывание там.

Так, архив Губернского правления был вынесен из здания и размещен в двух сараях, один из которых требовала освободить типография ревкома. Понимая, что сарай не является подходящим местом для хранения архивных документов, за неимением других вариантов, Н. П. Шкляев просит у руководства денег на доски, гвозди и оплату рабочим за заколачивание окон сарая для того, чтобы архив смог хоть как-то перезимовать.

Архив бывшей казенной палаты находился в более благоприятных условиях. Он хранился на чердаке здания палаты. Однако его невозможно было опечатать, потому что ежедневно через чердак проходил мастер, обслуживавший находившиеся на башне здания часы.

В 1921 г. в ведении Минского губархива находились 7 архивных комплексов: 1) Архив Казенной палаты (угол Соборной пл. и Койдановской ул.); 2) Архив Губернского правления (Соборная площадь, дом Труда); 3) Архив старшего нотариуса окружного суда (Соборная площадь, дом Труда); 4) Архив упраздненных судебных мест (Монастырский переулок); 5) Архив Контрольной палаты (угол ул. Юрьевской и Петропавловской); 6) Архив Минского дворянства (угол ул. Подгорной и Петропавловской); 7) Духовной консистории (угол ул. Захарьевской и Архиерейский переулок).

Здание бывшей Казенной палаты, которое размещалось на площади Свободы, под башней с часами стало одним из первых центральных архивохранилищ г. Минска. В нем были сконцентрированы фонды Казенной палаты, Казначейства, управления Либаво-Роменской железной дороги. Документы здесь находились в относительной безопасности. Во время немецкой оккупации (1918 г.) часть материалов была повреждена пожаром, но основной массив сохранился. Здание оставалось пустым после эвакуации советских учреждений из Минска в сентябре 1920 г. По их возвращении через месяц оно также не было занято до февраля 1921 г.

Подотдел охраны памятников старины и искусства опечатал шесть оборудованных архивных помещений, которые находились на чердаке. В одном из них находилось, как указывал Н. П. Шкляев, около 2000 пу-

дов документов. Был опечатан большой, оборудованный под архив, подвал. В нем также хранилось несколько тысяч пудов документов [13].

Следующая проблема, с которой столкнулся заведующий минскими архивами, была связана с позицией Центрутиля ВСНХ. В декабре 1920 г. Президиум СНХ БССР неоднократно направлял в Наркомпрос требования о выделении «архивных бумаг» для нужд бумажной промышленности. В ответном письме Н. П. Шкляев не только отрицает возможность выделения документов, но и разъясняет Центрутилю, что «...на Подотдел охраны памятников Наркомпроса возлагается не только внешнее сохранение всех существующих архивов от уничтожения, но напротив, объединение их в Центральный архив Белоруссии и открытие его для научной работы. При таких обстоятельствах следует раз и навсегда отказаться от мысли, что архив может быть источником какой-либо другой утилизации его бумаги, кроме научной. Они должны быть абсолютно неприкосновенны ни для кого...» [17].

Тем не менее эта битва за архивы была Н. П. Шкляевым проиграна, потому что несмотря на неоднократные отказы в выделении из архива бумаги для переработки и письма в Совнарком Белоруссии «...о недостаточном понимании в некоторых учреждениях сознания ценностей для культуры сохранения архивов...», была организована специальная комиссия, которая в мае 1921 г. отправила 951 пуд архивной бумаги на писчебумажную фабрику «Папирус» в НовоБорисове [20].

И это был не единственный случай, когда документы архива отправлялись на переработку [10]. Пытаясь минимизировать последствия для сохранности архивных документов, Н. П. Шкляев предлагает разделить все архивное имущество на подлежащее дальнейшему хранению в виду его исторической ценности и подлежащее выдаче по требованию различных правительственных учреждений на предмет утилизации благодаря его случайному в архиве появлению [19].

Понимая, что единственным спасением архивов могло стать издание нормативного акта, запрещающего уничтожение документов, Н. П. Шкляев подготовил в январе 1921 г. проект декрета об охране архивных материалов на территории Беларуси. В соответствии с ним местные отделы народного образования должны были до 15 марта 1921 г. взять на учет, опечатать и сообщить в Наркомпросведения об имеющихся архивных комплексах. Проект аналогичного постановления был подготовлен также и по Накомпросу [21].

Представляется небезынтересным подготовленный Шкляевым и оформленный в виде докладной записки проект об организации главного

архива Беларуси. В нем предусматривалось выделение для архива отдельного здания (например, бывшего воинского начальника). При систематизации фондов предлагалось использовать следующую классификацию: 1. Отделение внутренних дел (архив Губернского правления), 2. Судебных, 3. Финансовых, 4. Церковных, 5. Местного дворянства и других сословий. 6. Учебных заведений, 7. Военный, железнодорожный и др. Каждое отделение должно было иметь своего заведующего. Общее руководство Главархивом возлагалось на директора, помощника и секретаря, при которых должна была действовать общая канцелярия. В архиве предполагалось оборудовать библиотеку, читальный зал, переплетную мастерскую. В штате планировалось 12 постоянных сотрудников и 4 разъездных [18].

Представляется не случайным то обстоятельство, что в докладной записке Шкляев для обозначения создаваемого учреждения использует название «Главархив». Этот термин и деление на секции скорее всего были предложены под влиянием российского архивного декрета от 1 июня 1918 г.

Несмотря на то, что проект Н. П. Шкляева не был принят, он лег в основу Постановления СНК БССР «Об учете и сохранении архивных материалов» от 23 января 1921 г., опубликованного в газете «Звезда» 2 февраля 1921 г.

Однако проблема с сохранностью архивов так и не была решена. В феврале 1921 г. здание бывшей Казенной палаты было занято 81 пехотными командными курсами. Печати с архивов были сорваны и документы начали расхищаться. Шкляев в присутствии представителя администрации курсов и милиции вновь наложил печати Наркомпроса. Начальник курсов Клауз обещал полную неприкосновенность архивов. Однако, обещание не было выполнено. В этом же месяце администрация курсов занялась распродажей хранящихся в здании архивов. Были проданы часть материалов Казенной палаты, и управления Либаво-Роменской дороги [15].

Стало очевидно, что для обеспечения действия принимаемых законодательных актов недостаточно самоотверженных действий нескольких человек. Необходимо было создать центральное архивное учреждение, которое имело бы полномочия по осуществлению контроля за сохранностью архивов.

Н. П. Шкляева занимала не только проблема архивов. Время перемены, как известно, требует от культурных элит огромной энергии и широкого охвата всех направлений. Подобно многим образованным лю-

дям, он старался участвовать во всех культурных событиях. 26 мая 1921 г. Николай Павлович подал заявление об отстранении его от должности хранителя минских архивов в связи с отъездом в экспедицию по изучению белорусского народного художественного творчества [7]. Около года он исследовал народные песни, обряды Слуцкого уезда, собирал предметы культуры и быта, которые затем были переданы в коллекцию Минского областного музея [8].

В конце июня 1921 г. произошли изменения в структуре Наркомпроса. Он разделился на центры и главки. 27 июня 1921 г. в нем был образован высший административный научный орган – Академический центр Белоруссии (Академцентр).

На Академцентр было возложено общее руководство научной, учебной и просветительской деятельностью Наркомпроса БССР. 11 июля 1921 г. Коллегией Наркомпроса был утвержден состав секретариата Академцентра. В соответствии с Положением о Центре его председателем являлся наркомпросвещения, которым в то время был В. М. Игнатовский. В состав секретариата вошли ученый секретарь по делам науки Н. М. Гутковский и ученый секретарь по делам искусства В. С. Фальский. Структура Центра состояла из Терминологической белорусской комиссии, Минского общества истории и древностей, Научно-литературного белорусского отдела, а по художественной части – Экспедиции по изучению белорусского народного творчества и Подотдела охраны памятников искусства и культуры.

В составе Академцентра 17 августа 1921 г. была создана Архивная комиссия, председателем которой был назначен В. И. Пичета, заместителем – А. А. Савич, членом – Н. П. Шкляев, научным секретарем – Н. М. Гутковский [22]. Комиссия начала активную работу по собиранию местных архивов в одно учреждение Главархива. В связи с этим ее членам было предоставлено право обследования всех древлехранилищ и других учреждений как в г. Минске, так и за его пределами с целью извлечения из них всего, что имело историческую ценность.

Архивная комиссия Академцентра Наркомпроса фактически стала отправной точкой в создании Главархива. Как отмечалось в отчете Академцентра за 1921 г. «...Свезены и совершенно находятся в безопасности в высшей степени ценные архивы: 1) бывшей Контрольной палаты, 2) дворянский, 3) консисторский, 4) Слуцкого монастыря, 5) дирекции народных училищ Минской губернии, 6) Городского минского самоуправления; удалось раздобыть драгоценные материалы из Бобруйска, и совершенно случайно оказался в пользовании Архивной комиссии сун-

дук с редкими архивными материалами из какой-то барской усадьбы. На очереди перевозка в приличное здание из помещения сарая величественного и очень важного архива бывшего Минского окружного суда и Минского губархива...». Составитель отчета, которым предположительно был Н. М. Гутковский, пишет, что «...АЦ не может не отметить выдающейся деятельности в сохранении Минских архивов профессора А. А. Савича, председателя Архивной комиссии самоотверженно и фанатично преданного архивам, а также члена Архивной комиссии Н. П. Шкляева во время всех политических перипетий, пережитых Минском, ревниво, с подвигом ученого, охранявшего драгоценное архивное достояние...» [11].

Несмотря на довольно широкие полномочия, в виду неопределенности юридического статуса Архивной комиссии, учреждения ее часто игнорировали. Так, например, Наркомфин, несмотря на печати Наркомпроса, использовал документы из архива, который хранился в здании ведомства для собственных нужд [14].

Новым этапом в деятельности Архивной комиссии стала выработка ею нормативного акта. 4 августа 1922 г. Президиум ЦИК БССР принял постановление «Об архиве», состоявшее из 5 пунктов и запрещавшее «под страхом строгих взысканий продажу архивных материалов». В соответствии с ним Архив Беларуси передавался в ведение ЦИК. Уполномоченным ЦИК по архивному делу назначался заместитель наркома просвещения А. В. Балицкий. Архиву передавалось отдельное здание по Мало-Монастырскому переулку, 4.

Система архивных органов была определена «Положением о Центральном архиве ССРБ», принятым 12 сентября 1922 г. В его основу легло Постановление о Центральном архиве РСФСР от 30 января 1922 г. Первые правки были сделаны прямо по тексту, в котором аббревиатура «РСФСР» была исправлена на «ССРБ». Однако, в остальных редакциях проекта Положения 1922 г. ясно прослеживается стремление авторов, которыми по нашему мнению были А. А. Савич и Н. П. Шкляев, создать систему управления архивами Беларуси по самостоятельному принципу [12].

После создания ЦентрархиваБССР Н. П. Шкляев уходит из архивной отрасли. С 1922 г. он становится преподавателем географии вечернего отделения Рабочего факультета БГУ. С 1923 г. его выбирают членом и секретарем Президиума вечернего Рабфака. С 1 февраля 1925 г. по 1927 г. он являлся заместителем декана Рабфака и руководителем учебной части.

На рабфаке Н. П. Шкляев занимался разработкой учебных программ, выступал за перевод образования на белорусский язык. При его активном участии преподавание на рабфаке было переведено с 3-х летнего на 4-х летний срок обучения. В феврале 1925 г. он участвовал в Съезде рабфаков в Москве. Во время работы в БГУ он входил в состав группы разработчиков заданий и рабочего материала по заочному обучению взрослых, которые были опубликованы в 1929–1930 гг. [9]. Николай Павлович работал также и в других белорусских вузах. В 1934–1937 гг. он занимал должность и. о. доцента в Минском педагогическом институте, а с 1936 г. преподавал в Минском учительском институте (1936–1938).

Педагогическую деятельность Н. П. Шкляев совмещал с административной работой; с 1934 по 1937 г. он выполнял обязанности ученого секретаря Совета БГУ.

В 1938 г. Н. П. Шкляев с семьей переехал в Казань. Возможно, это решение было принято в связи с предложением должности заведующего кафедрой иностранных языков в Казанском государственном университете его жене, Александре Степановне. Этот период в истории Казанского государственного университета тесным образом связан с историей БГУ. Большое количество преподавателей БГУ белорусских ученых из Академии наук республики работают в его стенах во время Великой Отечественной войны и в послевоенный период. Так, например, на историко-филологическом факультете КГУ преподавал первый доктор наук по истории белорусской литературы, профессор А. Н. Вознесенский [27].

С 1940 г. Н. П. Шкляев начал преподавать латинский язык в Казанском университете; в 1941–1944 гг. он работал в Казанском педагогическом институте. С 1946 г. его назначают на должность заведующего кафедрой классической филологии Казанского университета. В 1943–1946 гг. он являлся помощником проректора по учебной части.

Великая Отечественная война оставила трагический след в его семье: погибла старшая дочь Татьяна, которая ушла на фронт медицинским работником.

Во время войны Николай Павлович завершил свое научное исследование. В 1945 г. в Казанском государственном университете он защитил кандидатскую диссертацию по теме «Социальные реформы в Спарте царей Агиса и Клеомена в III в. до нашей эры». В 1946 г. Н. П. Шкляев был утвержден в учёном звании доцента. В дальнейшем сфера его научных интересов была связана с разработкой темы «История науки клас-

сической филологии в России и СССР» [23–26]. В 1955 г. он входил в состав авторского коллектива, работавшего над темой по истории Казанского университета.

Николай Павлович организовывал поездки студентов-античниковв Эрмитаж (Ленинград) для прохождения производственной практики. С 1957 г. он на пенсии.

Н. П. Шкляев награждён орденом «Знак Почёта» (1952), медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1946), «За трудовую доблесть» (1950) [4].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Алфавитный список действительных членов Минского педагогического общества // НАРБ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 530. Л. 2, 2 об., 3, 3 об., 4, 4 об.
2. Архив федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет». Личные дела сотрудников. Оп. 4. Д. 1144. Л. 92–93.
3. Архівісты Беларусі. Біябібліяграфічны даведнік / Склад. С. У. Жумар, М. Ф. Шумейка. Мінск : БелНДІДАС, 2006. С. 223–224.
4. Биобиблиографический словарь профессоров и преподавателей Казанского университета (1905–1963). Ч. 2: Советский период. Вып. 2. Историко-филологический факультет. Казань, 1965. С. 145.
5. *Денисов А. В.* Минское общество истории и древностей // *Беларуская думка*. . 2016. № 10. С. 94–99.
6. *Денисов А. В.* Участие интеллигенции в создании и деятельности добровольных краеведческих обществ в Советской Беларуси в первой половине 1920-х гг. // *Труды БГТУ*. Минск : БГТУ, 2013. № 5 (161). С. 39–41.
7. Докладная записка К. Елисеева Об учреждении Экспедиции изучения народного художественного творчества от 13. 05. 1922; Положение об Экспедиции // НАРБ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 521. Л. 3–5 об.
8. Докладная записка об Экспедиции по изучению белорусского народного творчества при АЦ Наркомпроса от 31.08.1921 // НАРБ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 516. Л. 3–3а.
9. Заданні для першага курса завочнага рабфаку / Народны камісарыят асветы БССР, Завочны рабфак пры рабфаку БДУ імя Пакроўскага. Вып. 1–7. Мінск, 1929–1930.
10. *Клепиков Н. Е.* Макулатурные кампании в белорусских архивах 1920-х – начала 1930-х гг. // *Отечественные архивы*. 2009. № 3. С. 14–20.
11. НАРБ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 519. Л. 38–39.
12. НАРБ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 527. Л. 20–115 об.
13. НАРБ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 527. Л. 35–35 об.
14. НАРБ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 527. Л. 36 об.

15. НАРБ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 527. Л. 37.
16. НАРБ. Ф. 42. Оп. 3. Д. 2606. Л. 14, 14 об., 14а.
17. НАРБ. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.
18. НАРБ. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1. Л. 11–12 об.
19. НАРБ. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.
20. НАРБ. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1. Л. 27–30 об., 33, 40–42 об.
21. НАРБ. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1. Л. 31–31 об., 45–45 об.
22. Приказ № 15 от 17.08.1921 по АЦ Наркомпроса БССР // НАРБ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 65. Л. 1.
23. Шкляев Н. П. Академик С. А. Жебелев как эпитафист в трудах по истории Сев. Причерноморья античной эпохи // Ученые записки Казанского государственного университета. 1954. Т. 114. Кн. 5.
24. Шкляев Н. П. Казанский период научной деятельности профессора-античника Ф. Г. Мищенко (1889–1903) // Ученые записки Казанского государственного университета. 1956. Т. 116. Кн. 5.
25. Шкляев Н. П. Н. М. Благовещенский // Ученые записки Казанского государственного университета. 1957. Т. 117. Кн. 9. Вып. 1.
26. Шкляев Н. П. Выдающийся русский эпитафист академик В. В. Латышев (1859–1921) // Ученые записки Казанского государственного университета. 1952. Т. 112. Кн. 5.
27. Шумейко М. Ф. Исследователь творчества Янки Купалы и Якуба Коласа (к 130-летию со дня рождения А. Н. Вознесенского) // Гасырлар авазы (Эхо веков). 2018. №2. С. 137–150.

Дзянісаў А. У.

Беларускі нацыянальны тэхнічны ўніверсітэт (г. Мінск, Рэспубліка Беларусь)

УЛАДЗІМІР ПЧЭТА ЯК ЛІДАР КРАЯЗНАЎЧАГА РУХУ САВЕЦКАЙ БЕЛАРУСІ Ў ПЕРШАЙ ПАЛОВЕ 1920-х гг.

Краязнаўчы рух Савецкай Беларусі ў 1920-я гг. можна назваць сапраўдным грамадскім і сацыяльна-культурным феноменам. За кароткі перыяд краязнаўчая праца набыла ў Беларусі масавы характар і выйшла на першае месца ў Савецкім Саюзе па многіх паказчыках. У 1929 г. колькасць добраахвотных краязнаўчых таварыстваў і гурткоў дасягала лічбы 330, а агульная колькасць членаў гэтых таварыстваў складала каля 10 000 чалавек. Сярод краязнаўцаў пераважную большасць складалі прадстаўнікі інтэлігенцыі: навукоўцы, работнікі асветы, студэнты і вучнёўская моладзь. Некаторыя з іх зрабілі вялікі ўклад у метадычныя, арганізацыйныя і навукова-даследчыя напрамкі новага беларускага краязнаўства, сталі сапраўднымі лідарамі краязнаўчага руху. Калі ў дру-

гой палове 1920-х гг. у краянаўстве выдзялялася фігура маладога даследчыка і арганізатара М. І. Каспяровіча, то ў перыяд станаўлення краянаўчага руху (1920–1924 гг.) такую ролю адыгрываў прафесар Уладзімір Іванавіч Пічэта.

У 1918–1919 гг. на тэрыторыі Беларусі дзейнічала некалькі арганізацый, якія ставілі сваёй мэтай краянаўчую дзейнасць: Беларускае культурна-асветніцкае таварыства «Папараць-кветка», гурток па вывучэнні Гомельшчыны і інш. [4, с. 61]. Але гэтым таварыствам прыходзілася працаваць у надзвычайна складаных умовах ваеннага становішча, нямецкай, а потым і польскай акупацыі, адсутнасці фінансавых сродкаў. Некаторыя з таварыстваў трымаліся толькі на ўласнай ініцыятыве і энергіі маладых удзельнікаў, якія былі апантанымі патрыятычнымі пачуццямі ў адносінах да свайго краю. Гэтыя рэгіянальныя арганізацыі не абмяжоўваліся толькі культурна-асветніцкай дзейнасцю. Так, у час нямецкай акупацыі, удзельнікі «Папараць-кветкі» стварылі падпольны «Саюз абароны краю», які займаўся агітацыйнай супраць палітыкі акупацыйнай адміністрацыі. Кожная з такіх арганізацый дзейнічала амаль што аўтаномна і не мела магчымасці наладзіць сувязі з іншымі [8, с. 111].

Арганізацыя, якая магла б стаць цэнтрам краянаўчага руху, магла дзейнічаць толькі ў Мінску, які ў часы Першай сусветнай вайны зрабіўся сапраўднай сацыяльна-палітычнай і культурнай сталіцай Беларусі. Такой арганізацыяй стала Мінскае таварыства гісторыі і старажытнасцей, якое было заснавана ў 1919 г. [8, с. 40]. У час польскай акупацыі Мінска таварыства не мела магчымасці займацца легальнай дзейнасцю. Польскія акупацыйныя ўлады ставіліся негатыўна да беларускага нацыянальнага руху, у тым ліку і да навукова-асветніцкай дзейнасці, і даволі часта практыкавалі ў адносінах да яго актывістаў рэпрэсіўныя меры. Так, у гэты час былі арыштаваны беларускія павятовыя інструктары Цэнтральнай беларускай школьнай рады М. І. Каспяровіч, М. Я. Кошаль, А. А. Акулік і інш. [8, с. 124–125].

З вызваленнем Мінска і ўсталяваннем савецкай улады ў 1920 г. Мінскае таварыства гісторыі і старажытнасцей змагло легалізаваць сваю дзейнасць і атрымаць рэгістрацыю ў Народным камісарыяце асветы, куды яно прадставіла неабходныя дакументы. Таварыства мела сваё праўленне на чале са старшынёй і магло склікаць агульны сход членаў. У праўленне ўваходзілі 8 чалавек: Л. М. Замкаў (служачы), М. Г. Маслаковец (выкладчык 2-й Мінскай савецкай школы), М. К. Навіцкі (святар), А. М. Паноў (выкладчык 4-й школы), О. І. Пенкіна (выкладчык 1-й

школы), І. І. Поляк (служачы), А. А. Сцепуружынскі (будучы выкладчык БДУ). Абавязкі старшыні выконваў Мікалай Георгіевіч Маслаковец [12, л. 3–4].

Статут таварыства быў зацверджаны намеснікам народнага камісара асветы ССРБ І. П. Каранеўскім 28 снежня 1920 г. [12, л. 2].

Галоўнымі сваімі мэтамі таварыства ставіла: вывучэнне гісторыі роднага края і археалагічныя даследаванні; ахову гісторыка-культурных помнікаў; арганізацыю гістарычна-археалагічнага музея; асветніцкую дзейнасць. Таксама Мінскае таварыства гісторыі і старажытнасцей планавала праводзіць археалагічныя і этнаграфічныя даследаванні і экспедыцыі, публічныя лекцыі, экскурсіі і выстаўкі, наладзіць выпуск свайго перыядычнага выдання, арганізаваць уласную бібліятэку і інш. [10, л. 4].

27 снежня 1920 г. У. І. Пічэта разам з Ф. Ф. Туруком і Я. Ф. Карскім і іншымі членамі камісіі па арганізацыі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта прыязджае ў Мінск [1, с. 11.]. Прыезд такіх знакавых асоб не застаўся без увагі членаў Мінскага таварыства гісторыі і старажытнасцей. У. І. Пічэта быў запрошаны ў якасці ганаровага ўдзельніка на першае ўрачыстае пасяджэнне таварыства. Пасяджэнне адбылося 30 снежня 1920 г. у 18. 00 ў актавай зале Інстытута народнай адукацыі (які знаходзіўся на вул. Захарьеўскай, з 1922 г. – вул. Савецкая, будынак не захаваўся), на якім прысутнічала каля 400 чалавек [10, с. 40]. У пачатку пасяджэння У. І. Пічэта зачытаў прывітальныя словы ад Беларускага навукова-культурнага таварыства ў Маскве і Беларускага аддзела нацыянальных меншасцей Народнага камісарыята асветы РСФСР. М. Г. Маслаковец прачытаў даклад па гісторыі стварэння таварыства, яго мэтах і задачах. Таксама У. І. Пічэта выступіў з дакладам аб некаторых момантах беларускай гістарыяграфіі», а этнограф і фалькларыст М. А. Янчук – пра стан і перспектывы беларускай археалагічнай навукі. На тым жа пасяджэнні У. І. Пічэта, Ф. Ф. Турук, Я. Ф. Карскі і М. А. Янчук былі абраны ганаровымі членамі Мінскага таварыства гісторыі і старажытнасцей [10, с. 41]. Па ўсёй верагоднасці аўтарытэт гэтых навукоўцаў адыграў не апошнюю ролю ў больш пазітыўным стаўленні да таварыства з боку органаў Савецкай улады.

Мінскае таварыства гісторыі і старажытнасцей праводзіла свае пасяджэнні ў будынку 2-й Мінскай савецкай школы (былой Мінскай мужчынскай гімназіі) на вул. Губернатарскай (сучасная вул. Леніна), там жа знаходзілася і бібліятэка таварыства. Таксама пасяджэнні праводзіліся ў будынку Інстытута народнай адукацыі.

Прафесар У. І. Пічэта працягнуў цеснае супрацоўніцтва з таварыствам. Так, 2 студзеня 1921 г. пад яго кіраўніцтвам прайшлі выбары кіраўніцтва таварыства адпаведна статута [10, с. 41]. Абраны на гэтым пасяджэнні кіраўніцтва на чале з М. Г. Маслакоўцам (старшыня), А. А. Сцепуружынскім і І. П. Полякам распрацавала план далейшых дзеянняў. У першую чаргу таварыства павінна было заняцца зборам дадзеных аб стане помнікаў гісторыі і культуры у розных месцах Беларусі, а таксама наладжваннем сувязяў з мясцовымі краязнаўчымі арганізацыямі. Дзеля гэтага былі складзены спецыяльныя анкетныя, якія павінны былі распаўсюджвацца праз Інстытут народнай адукацыі сярод беларускага настаўніцтва. Таксама Мінскае таварыства гісторыі і старажытнасцей накіравала хадайніцтва кіраўніцтву інстытута для перадачы яму калекцыі музея Таварыства аматараў прыроднаўства, этнаграфіі і археалогіі [8, с. 41–42]. У хуткім часе гэтае хадайніцтва было задаволена.

Летам 1921 г. на пасяджэннях Мінскага таварыства гісторыі і старажытнасцей прайшло слуханне навуковых дакладаў па гісторыі Заслаўя. Пасля гэтага таварыства стварыла камісію для правядзення на тэрыторыі Заслаўя археалагічных даследаванняў у складзе М. Г. Маслакоўца, І. П. Поляка і В. П. Сушчынскага. Сіламі таварыства была здзейснена экспедыцыя ў Заслаўе, дзе адбыліся археалагічныя раскопкі кургану, быў сабраны багаты археалагічны і этнаграфічны матэрыял. Як пазней адзначаў сам Маслаковец «...получившее в 1921 г. очень скромное пособие от Ак [адемического] центра на производство историко-археологического обследования Изяславля, общество в следующем году было лишено финансовой поддержки, вследствие этого приостановились подобные раскопки, давшие поначалу весьма интересные результаты...» [7, с. 302].

Акрамя Мінскага таварыства гісторыі і старажытнасцей краязнаўчай працай займаліся Мінскае педагагічнае таварыства і Беларускае вольна-эканамічнае таварыства. Мінскае педагагічнае таварыства, шматлікія члены якога адначасова ўваходзілі ў Мінскае таварыства гісторыі і старажытнасцей, займалася пытаннямі папулярызацыі беларусканаўства і краязнаўства сярод настаўніцтва, арганізацыяй гістарычных экскурсій, а Беларускае вольна-эканамічнае таварыства ставіла сваёй мэтай вывучэнне эканамічнага стану беларускіх зямель, у прыватнасці вельмі шмат увагі таварыства надавала даследаванню стану глебы ў розных раёнах Беларусі [2, с. 40].

У снежні 1921 г. у Маскве адбылася знакавая падзея не толькі для расійскага краязнаўства, але і для краязнаўчага руху іншых савецкіх

рэспублік – Першая Усерасійская краязнаўчая канферэнцыя [24, с. 28–29]. Канферэнцыя насліла назву «Першай Усерасійскай канферэнцыі таварыстваў па вывучэнні мясцовага краю», якая, на думку арганізатараў павінна была паспрыяць аб’яднанню ўсёй краязнаўчай працы на аснове дзяржаўнага будаўніцтва. У ёй прымалі ўдзел як шматлікія прадстаўнікі краязнаўчых таварыстваў з правінцый, так і вядомыя дзеячы навукі, культуры і асветы. У канферэнцыі ўдзельнічалі і прадстаўнікі ад Савецкай ўлады, чым падкрэслівалася вялікае значэнне, якое надавалі камуністычная партыя і Савецкая ўлада краязнаўчаму руху, і іх імкненне накіраваць яго ў першую чаргу на вырашэнне актуальных задач сацыялістычнага будаўніцтва. [28, с. 19].

Галоўным вынікам канферэнцыі стала стварэнне пад эгідай Галоўнавукі спецыяльнага плануючага і кардынуючага органа – Цэнтральнага бюро краязнаўства (ЦБК). У кола галоўных абавязкаў ЦБК ўваходзілі ўлік усіх краязнаўчых таварыстваў, кіраванне на месцах краязнаўчай працай, распрацоўка яе агульных накірункаў і метадычная і матэрыяльная дапамога ўсім краязнаўчым таварыствам. Пачынаецца выданне спецыялізаванага часопіса «Краеведение» [24, с. 28].

На гэтай канферэнцыі ад БССР прысутнічалі М. Г. Маслаковец і Ф. Ф. Турук. Па вяртанні ў Мінск краязнаўцы вырашаюць паўтарыць вопыт расійскіх краязнаўцаў. 10 студзеня 1922 г. адбыўся аб’яднаны з’езд Мінскага таварыства гісторыі і старажытнасцей, Мінскага педагагічнага таварыства і Беларускага вольна-эканамічнага таварыства. Пасля слухання даклада М. Г. Маслакоўца аб краязнаўчай канферэнцыі ў Маскве было прынята рашэнне аб правядзенні Усебеларускай краязнаўчай канферэнцыі. Дзеля гэтага было створана Часовае бюро краязнаўства, у якое ўвайшло аб’яднанае кіраўніцтва з’езда. Узначаліў часовае бюро У. І. Пічэта. Таксама былі распрацаваны спецыяльныя анкеты і запрашэнні, іх неабходна было разаслаць грамадскім таварыствам і гурткам, якія займаліся краязнаўчай працай. [14, л. 6]. На Усебеларускай канферэнцыі планавалася стварыць Цэнтральнае бюро краязнаўства для кардынацыі ўсёй краязнаўчай справы Савецкай Беларусі. Разам з тым, Народны камісарыят асветы не даў дазволу на правядзенне канферэнцыі. Афіцыйнай прычынай адмовы была названа адсутнасць неабходных сродкаў. Але не апошняю ролю адыграла і тое, што бальшавіцкі ўрад даволі насцярожана ставіўся да ініцыятыў беларускай інтэлігенцыі, якія прымаліся без яго ведама. Так ці інакш, гэта не спыніла далейшую кансалідацыю краязнаўчага руху.

У 1922 г. старшынёю Мінскага таварыства гісторыі і старажытнасцей быў абраны У. І. Пічэта, намеснікам стаў Д. У. Мейчык, а М. Г. Маслаковец заняў пасаду сакратара таварыства [12, л. 5]. Як вядома ў гэты час прафесар У. І. Пічэта з'яўляўся даволі ўплывовай фігурай у Беларусі. Ён займаў пасаду рэктара БДУ, уваходзіў у склад Цэнтральнага выканаўчага камітэта БССР. Менавіта яго аўтарытэт дапамог Мінскаму таварыству гісторыі і старажытнасцей паспяхова прайсці рэгістрацыю ў органах НКУС і ДПУ БССР.

Добраахвотныя грамадскія арганізацыі ў 1920–1921 гг. атрымлівалі дазвол на легальную дзейнасць у Наркамата асветы, але пачынаючы з 1922 г. для рэгістрацыі стала патрэбна заключэнне НКУС і ДПУ, якое давалася пасля поўнай праверкі на добранадзейнасць. 15 студзеня 1922 г. НКУС РСФСР у мэтах стандарцізацыі выдала спецыяльны цыркуляр, у якім быў прадстаўлены тыповы узор статута таварыства. Усе таварыствы павінны былі прывесці свае статуты ў адпаведнасць з гэтым узорам. 3 чэрвеня 1922 г. УЦВК і СНК РСФСР прынялі пастанову «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли и порядке надзора за ними», а 9 мая таго ж года выйшла пастанова «О порядке утверждения уставов и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли и распространявших свою деятельность по территории всего Союза ССР, и о надзоре за ними». Гэтыя дакументы і інструкцыі былі адпаведна прадубліраваны ў БССР [17; 18; 19].

З гэтага часу ніводнае добраахвотнае таварыства (за выключэннем прафесійных саюзаў) не магло дзейнічаць легальна без рэгістрацыі ў НКУС і яго мясцовых аддзяленнях [15; 16]. Таварыствы, якія не атрымалі рэгістрацыю на працягу 3 год ад прыняцця пастановы, распускаліся. Адпаведна новым правілам, таварыства павінна было прадставіць свой статут, спіс членаў і выплаціць збор (100 руб.). Пры разглядзе справы таварыства НКУС рэспублікі рабіў запыт ў ДПУ і НКУС РСФСР і, адпаведна іх адказу, выносіў рашэнне [11, л. 10].

Мінскае таварыства гісторыі і старажытнасцей пасля прадстаўлення адпаведных дакументаў паспяхова прайшло рэгістрацыю ў НКУС [11, л. 31]. А Мінскаму педагагічнаму таварыству было ў рэгістрацыі адмоўлена [13, л. 4].

Мінскае таварыства гісторыі і старажытнасцей працягвала сваю дзейнасць: адбываліся пасяджэнні, на якіх агучваліся навуковыя даклады; вынікі працы членаў таварыства друкаваліся на старонках часопісаў «Вольны Сцяг», «Веснік Народнага камісарыята асветы ССРБ», а так-

сама «Трудов БГУ», газеты «Савецкая Беларусь». У гэты перыяд агульная колькасць членаў таварыства была каля 100 чалавек. Сакратар таварыства М. Г. Маслаковец вёў актыўную перапіску з Цэнтральным бюро краязнаўства ў Маскве, апублікаваў артыкул у часопісе «Краеведение», дзе паведаміў аб развіцці краязнаўчага руху ў Беларусі [9]. Прафесар Ф. Ф. Турук удзельнічаў у краязнаўчых канферэнцыях і выступаў з дакладамі ў Маскве [3].

1923 г. стаў пераломным як для Мінскага таварыства гісторыі і старажытнасцей, так і для ўсяго краязнаўчага руху ў БССР. Краязнаўчыя таварыствы больш інтэнсіўна дзейнічаюць, іх колькасць павялічваецца. З іншага боку, улады пачынаюць разумець, якую карысць ў сферы культуры, сацыяльнага і эканамічнага будаўніцтва могуць прынесці вынікі даследаванняў розных рэгіёнаў Беларусі. Да таго ж доследныя аддзелы і секцыі нядаўна створанага Інстытута беларускай культуры (Інбелкульты), створанага ў 1922 г., востра адчувалі недахоп звестак і інфармацыі з усіх рэгіёнаў Беларусі. А іх маглі даць краязнаўчыя таварыствы.

Неабходнасць ў краязнаўчай працы бачылі ў Наркамаце асветы [20, л. 19]. На старонках прэсы з'яўляліся заклікі да вывучэння краязнаўства ў школе [4, с. 11–16]. У гэтых умовах Мінскае таварыства гісторыі і старажытнасцей робіць апошнюю спробу стаць цэнтрам краязнаўчай працы. На адным з пасяджэнняў вырашана было змяніць назву на «Беларускае краязнаўчае таварыства», з мэтай аб'яднання ўсіх краязнаўчых таварыстваў ў БССР. Аднак гэтая спроба не дала вынікаў.

Менавіта комплекс гэтых умоў і выклікаў стварэнне пры навуковым і доследным цэнтры рэспублікі – Інбелкульце – Цэнтральнага бюро краязнаўства (ЦБК) ў канцы 1923 г. Аб ЦБК у складзе Інбелкульты гаворыцца ў некалькіх версіях праекта статута Інстытута Беларускай культуры. Так, у адным з варыянтаў ЦБК разглядалася як адна з секцый інстытута [25, арк. 6]. Пазней, у пратаколе пасяджэння прэзідыума Цэнтральнага выканаўчага камітэта Беларусі ад 25 чэрвеня сцяврджаецца, што ЦБК «існуе пры Інбелкульце на правах пастаяннай камісіі» [25, л. 23].

Пра дзейнасць Цэнтральнага бюро краязнаўства ў канцы 1923 г. вядома няшмат. Афіцыйна яно было зацверджана загадам Народнага камісарыята асветы ад 28 сакавіка 1924 г. у складзе: А. А. Смоліча, У. І. Пічэты, С. В. Скандракова (сакратар), М. В. Азбукіна, В. Д. Дружчыца і прадстаўнікоў ад Агітацыйна-прапагандысцкага аддзела ЦК КП(б)Б (АПА), ад ЦК ЛКСМБ, Галоўнага ўпраўлення палітыка-асветнай работы (Глаўпалітсацвыху), Галоўнага ўпраўлення сацыяльнага выхавання (Глаўсацвыху) і Саюза прадстаўнікоў асветы [23, с. 12–

13]. Менавіта прафесар У. І. Пічэта займае пасаду старшыні ЦБК, аб чым сведчаць пратаколы пасяджэнняў прэзідыума Інбелкульта [26, л. 6].

Асноўнымі задачамі ЦБК лічыліся арганізацыя краязнаўчых таварыстваў і агульнае кіраванне іх дзейнасцю, арганізацыя ўсебеларускіх канферэнцый па краязнаўстве, збор экспанатаў праз таварыствы краязнаўства і размеркаванне іх па музеях, аддзелах і секцыях Інбелкульта, выданне прац, праграм і анкет па краязнаўстве [25, л. 74]. Для ажыццяўлення каардынацыі і на месцах пры ЦБК працавалі члены-карэспандэнты, якія абіраліся прэзідыумам з ліку больш актыўных мясцовых краязнаўцаў тэрмінам на тры гады. Карэспандэнцкія пункты арганізаваліся ЦБК у тых месцах, дзе краязнаўчая праца была менш развіта [7, с. 3].

Для пачатку ЦБК пастанаўляе правесці 30 сакавіка 1924 г. Мінскую гарадскую канферэнцыю па краязнаўстве. З гэтай мэтай у НКУС быў накіраваны запыт аб дазvole на правядзенне канферэнцыі. На канферэнцыі былі заслуханы інфармацыя аб задачах і працы ЦБК, аб працы краязнаўчых таварыстваў і гурткоў Мінска і аб краязнаўчай працы ў школе [15, л. 70].

У красавіку 1924 г. Мінскае педагагічнае таварыства ў другі раз (першы ў лістападзе 1922 г.) звярнулася у НКУС, аднак не атрымаўшы рэгістрацыі, фактычна прыпыніла сваю дзейнасць [12, л. 10]. Мінскае таварыства гісторыі і старажытнасцей з лета 1924 г. не праводзіла пасяджэнняў. Між тым некаторыя яго члены ўдзельнічалі ў працы ЦБК. У пачатку 1925 г. гэтыя два таварыствы афіцыйна аб'явіць аб самаліквідацыі [12, л. 11].

29 лістапада 1924 г. адбылася Першая Усебеларуская краязнаўчая канферэнцыя, на якой былі заслуханы справаздачы аб краязнаўчай дзейнасці ЦБК Інбелкульта, вышэйшых навучальных устаноў, доследных станцый, музеяў і краязнаўчых таварыстваў і гурткоў, якіх на канферэнцыі было прадстаўлена каля 20. Канферэнцыя адзначыла ролю краязнаўства ў савецкім будаўніцтве і вызначыла перспектывы і метады кардынацыі краязнаўчай працы ў БССР [6, с. 8]. Усяго, паводле дадзеных, якія атрымала ЦБК, за 1924 г. утварылася 17 новых краязнаўчых арганізацый [23, с. 14].

Разам з тым У. І. Пічэта паспеў папрацаваць на пасадзе старшыні ЦБК БССР даволі кароткі тэрмін. У канцы 1924 г. склад прэзідыума ЦБК змяняецца. На пасаду старшыні быў прызначаны П. Р. Віленстовіч, а яго намеснікам – Р. К. Шукевіч-Траццякоў. Сакратаром ЦБК застаўся С. В. Скандракоў, а членамі прэзідыума М. В. Азбукін, І. А. Сербай [6,

с. 7]. Пазней у склад прэзідыума былі запрошаны В. Д. Дружыц і К. К. Атраховіч (Кандрат Крапіва). У склад пленума ЦБК увайшлі члены Саюза прадстаўнікоў асветы, ЦК ЛКСМБ, інбелкультаўскія камісій па вывучэнні прыроды і вытворчых сіл Беларусі, гісторыка-археалагічнай, прыродазнаўчай, педагагічнай, па ахове помнікаў; БДУ, Беларускага інстытута сельскай і лясной гаспадаркі, Цэнтральнага статыстычнага ўпраўлення БССР і інш. [27, л. 162]. Прэзідыум ЦБК склікаўся раз ў два тыдні па серадах, а пашыраны пленум з удзелам прадстаўнікоў – два разы на месяц [27, л. 161].

Каб зразумець прыроду гэтых кадравых зменаў, вельмі важна падрабязней спыніцца на асобе Віленстовіча, які ажыццяўляў кіраўніцтва бюро.

Павел Рыгоравіч Віленстовіч з'яўляўся тыповым партыйным функцыянерам: нарадзіўся ў 1891 г. у вёсцы Касцюкі Мінскай губерні, у 1917 г. уступіў у партыю бальшавікоў, у 1921 г. паступіў у БДУ, адначасова займаў розныя кіруючыя пасады, з 1924 г. – намесніка загадчыка АПА ЦК КП(б)Б, пазней займаў пасаду адказнага сакратара Цэнтральнай кантрольнай камісіі КП(б)Б.

Тое, што прафесара І. У. Пічэту на пасадзе старшыні ЦБК змяніў партыйны функцыянер, гаворыць аб тым, што ўлады жадалі паставіць краязнаўчы рух пад больш пільны кантроль. Пратактылы пасяджэнняў бюро ЦК КП(б)Б сведчаць аб тым, што П. Р. Віленстовіч займаўся справай добраахвотных краязнаўчых таварыстваў [21, л. 449–450].

Такім чынам можна зрабіць высновы, што дзейнасць прафесара У. І. Пічэты адыграла рашучую ролю ў станаўленні краязнаўчага руху ў Савецкай Беларусі. У пачатковы перыяд кансалідацыі краязнаўчых сіл Савецкай Беларусі ў 1920–1924 гг. У. І. Пічэта ўзначаліў дзве важнейшыя краязнаўчыя арганізацыі. Ён з'яўляўся старшынёю праўлення Мінскага таварыства гісторыі і старажытнасцей і першым старшынёю ЦБК пры Інбелкульце. Дзякуючы яго намаганням і аўтарытэту, Мінскае таварыства гісторыі і старажытнасцей змагло прайсці рэгістрацыю ў органах бяспекі, а ў выніку яго дзейнасці на пасадзе старшыні ЦБК краязнаўчы рух змог атрымаць сваю арганізацыйную структуру, друкаваны спецыялізаваны орган (часопіс «Наш Край»). У 1924 г. прыняў удзел у падрыхтоўцы і правядзенні Першай Усебеларускай краязнаўчай канферэнцыі. Не менш важнай для краязнаўчай справы была навукова-даследчая дзейнасць прафесара У. І. Пічэты. Трэба адзначыць, што пасля вызвалення у канцы 1924 г. ад пасады старшыні ЦБК У. І. Пічэта працягваў займацца краязнаўчай працай, узначальваў краязнаўчае таварыства БДУ, удзельнічаў у краязнаўчых экспедыцыях і канферэнцыях

[22]. Усё гэта робіць У. І. Пічэту сапраўдным лідарам краязнаўчага руху ў БССР у першай палове 1920-х гг.

БІБЛІАГРАФІЧНЫЯ СПАСЫЛКІ

1. Акадэмік В. І. Пічэта. Страницы жизни. Минск : Изд. БГУ им. В. И. Ленина, 1981. 126 с.
2. В Вольно-экономическом обществе // Веснік Народнага камісарыята асветы ССРБ. 1921. № 2. С. 42–43.
3. Доклад профессора Ф. Турука // Краеведение. 1923. № 3. С. 63–64.
4. *Жаринов Д.* Культурно-исторический кружок в современной школе // Веснік Народнага камісарыята асветы ССРБ. 1922. № 9–10. С. 16–19.
5. Каспяровіч М. Краязнаўства. Мінск : Бел. дзярж. выдавецтва, 1929. 160 с.
6. Краязнаўчыя арганізацыі ў БССР // Наш Край. 1925. № 1. С. 6–10.
7. Краязнаўчая праца. Цэнтральнае Бюро краязнаўства// Савецкая Беларусь. 1924. 3 кастр. С. 3.
8. *Ляхоўскі У. В.* Ад гоманайцаў да гайсакоў. Чыннасць беларускіх маладзёвых арганізацый у 2-й палове XIX ст. – 1-й палове XX ст. (да 1939 г.). 2-е выд., дапр. і дап. Смаленск: Інбелкульт, 2015.
9. *Маслаковец Н. Г.* Краеведение в Белоруссии // Краеведение. 1923. № 3. С. 301–303.
10. Минское общество истории и древностей // Веснік Народнага камісарыята асветы ССРБ. 1921. № 2. С. 40–42.
11. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). Ф. 34. Воп. 1. Спр. 166.
12. НАРБ. Ф. 34. Воп. 1. Спр. 170
13. НАРБ. Ф. 34. Воп. 1. Спр. 171.
14. НАРБ. Ф. 34. Воп. 1. Спр. 178
15. НАРБ. Ф. 34. Воп. 1. Спр. 179.
16. НАРБ. Ф. 34. Воп. 1. Спр. 184.
17. НАРБ. Ф. 34. Воп. 1. Спр. 205
18. НАРБ. Ф. 34. Воп. 1. Спр. 206.
19. НАРБ. Ф. 34. Воп. 1. Спр. 207.
20. НАРБ. Ф. 42. Воп. 1. Спр. 199.
21. НАРБ. Ф. 4 п. Воп. 1. Спр. 2535.
22. *Пічэта У.* Краязнаўства ў Беларускаім дзяржаўным універсітэце // Наш край. 1927. № 10. С. 16–25.
23. Працы Першага Усебеларускага краязнаўчага з’езда. 7–11 лютага. Менск : Коштам Ін-та Бел. культуры, 1926. 81 с.
24. У истоков советского краеведения. (Из выступлений участников всероссийских краеведческих конференций 1920-х гг.) // Памятники Отечества. 1989. № 1 (19). С. 18–24.
25. Цэнтральны навуковы архіў Акадэміі навук Беларусі (ЦНА НАН Беларусі). Ф. 67. Воп. 1. Спр. 8.

26. ЦНА НАН Беларусі. Ф. 67. Воп. 1. Спр. 9.
27. ЦНА НАН Беларусі. Ф. 67. Воп. 1. Спр. 12.
28. Хроника культурной жизни Белоруссии. К изучению Белоруссии // Веснік Народнага камісарыята асветы ССРБ. 1922. № 1–3. С. 26–27.

Ершова О. И.

Белорусский государственный университет (г. Минск, Республика Беларусь)

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ПРОСВЕЩЕНИЯ БССР А. М. ПЛАТУН КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЬ СОВЕТСКОЙ НОМЕНКЛАТУРЫ

Народный комиссариат просвещения (далее – Наркомпрос) занимал важное место в системе советских органов государственного управления 1920–1930-х гг. В сферу его ведения входили образование, наука, литература, искусство, политико-просветительная работа, издательское дело. Одним из десяти народных комиссаров просвещения Беларуси межвоенного периода был Антон Мартынович Платун, занимавший эту должность с 31 августа 1929 г. по 7 марта 1933 г.

Предшественниками А. М. Платуна на посту наркома просвещения являлись В. М. Игнатовский и А. В. Балицкий – представители белорусской национальной интеллигенции, имевшие высшее образование, опыт педагогической деятельности еще в дореволюционный период. В отличие от них Антон Мартынович получил только начальное образование, но приобрел опыт партийной, советской и профсоюзной работы. Его назначение на пост наркома просвещения совпало с «новой генеральной линией партии» на строительство социализма, для реализации которой потребовались соответствующие управленческие кадры. Постановление ЦК ВКП(б) «О руководящих кадрах народного образования» от 5 августа 1929 г. определило, что управленцы должны «добиться скорейшего перелома и перестройки методов работы органов народного образования на основе тесной связи со всей политической работой партии». [22, с. 452] Систему управления образованием планировали укрепить работниками с опытом руководящей партийно-советской работы.

А. М. Платун являлся типичным представителем советской номенклатуры – назначаемой части госаппарата, прошедшим в течение 1920-х гг. путь от руководящего работника уездного масштаба до высшего эшелона власти. Институт номенклатуры, созданный в 1920-е гг., предполагал строгий учет руководящих должностей и подбор лиц на их

замещение согласно принципу иерархии партийных комитетов. Для этого партия большевиков составляла списки руководящих должностей в государственных органах (номенклатуру) и устанавливала порядок назначения и смещения этих работников с ведома соответствующих парторганизаций. Перечень должностей был установлен по каждому государственному ведомству и его важнейшим органам на местах и являлся отправным пунктом в дальнейшей практической распределительной работе партии. Особое внимание уделялось кадрам сферы просвещения – центрального аппарата Наркомпроса, органов просвещения на местах, печати, издательств, вузов. Так как они руководили воспитанием молодежи и масс в духе коммунизма, а для этого требовались «марксистски грамотные партийцы» [29, с. 134]. В 1929 г. номенклатура № 1 Наркомпроса БССР включала 194 должности, номенклатура № 2–54. [14, л. 44–46]. Должность наркома просвещения БССР входила в номенклатуру № 1, назначение на нее и смещение проводилось в соответствии с постановлением Бюро ЦК КП(б)Б [10, л. 68].

Кандидатура А. М. Платуна была утверждена на должность наркома просвещения решением Бюро ЦК КП(б)Б на заседании 24 августа 1929 г. [12, л. 268]. Уже 31 августа 1929 г. вышло соответствующее постановление Президиума ЦИК БССР [26]. Критериями отбора кадров в рамках номенклатурной системы выступали: 1) социальное происхождение – приоритет отдавался выходцам из рабочего класса и крестьян; 2) образование – конкретный его уровень не указывался; 3) партийный стаж; 4) профессионально-отраслевая позиция до номенклатуры; 5) динамика продвижения по номенклатурной лестнице. Основным иерархическим принципом провозглашался подбор преданных, дисциплинированных и исполнительных служащих [9, с. 31].

А. М. Платун в целом соответствовал перечисленным выше критериям. Он родился 1 ноября 1896 г. в д. Омлинцы Говезнянской волости Слуцкого уезда Минской губернии (сейчас – Несвижский район Минской области) в многодетной крестьянской семье, которая обрабатывала 4,5 десятины земли. По национальности Антон Мартынович был белорусом. Трудовую деятельность он начал в крестьянском хозяйстве, затем работал по найму в Варшаве у местного судьи. В 1915 г. был призван в российскую армию, где служил писарем, делопроизводителем [16, л. 14].

В личном деле А. М. Платуна, хранящемся в Национальном архиве Республики Беларусь, зафиксированы противоречивые данные об образовании наркома. В листке по учету кадров 1921 г. и в анкете переписи

членов РКП(б) 1922 г. он указал – «домашнее» (4 года) образование [16, л. 3–4]. Однако в анкете Всебелорусской переписи членов и кандидатов КП(б)Б 1924 г. в графе «образовательный ценз» им была сделана запись – «Несвижское 4-классное училище, 2 года, не окончил» [16, л. 7]. В автобиографии в 1923 г. написал: «В 1909 г. окончил народное училище и поступил в Несвижское 4-классное училище, которое не окончил из-за недостатка средств и вышел из 3 класса в 1912 г.» [16, л. 14]. В 1929 г. в личном деле народного комиссара вновь указано домашнее образование [18, л. 3]. Интересно, что низкий уровень образования не помешал Антону Мартыновичу сделать карьеру и даже в 1931 г. стать академиком Белорусской академии наук.

В 1920 г. А. М. Платун вступил в ряды партии большевиков, что открыло дорогу для работы в партийных органах. С января 1921 г. по февраль 1923 г. он заведовал общим отделом Мозырского уездного комитета КП(б)Б, с февраля по май 1923 г. – общим отделом Борисовского уездного комитета партии. После непродолжительной работы в прокуратуре (с июня 1923 г. по июль 1924 г.) вновь был направлен на партийную работу. С августа 1924 г. по февраль 1925 г. Антон Мартынович трудился инструктором Борисовского окружного комитета КП(б)Б, с марта 1925 г. по сентябрь 1925 г. – заведующим организационным отделом Борисовского окружного комитета партии, с октября 1925 г. по май 1927 г. – секретарем Слуцкого окружного парткомитета [18, л. 4–5].

В Мозырском уездном комитете КП(б)Б в 1921 г. А. М. Платуну дали следующую характеристику: «Политически грамотен. Марксистски выдержан. Очень энергичный работник. Очень хорошо знает партийное строительство. И сравнительно знает также советское строительство. Безукоризненно честный, хорошо знает деревню, сможет самостоятельно работать как в городе, так и в деревне, может сотрудничать с издательством» [16, л. 5]. Правда, когда в 1923 г. Антона Мартыновича назначили помощником прокурора в Борисовском уезде, он написал в анкете: «Считаю неправильным использование, т. к. не имею специальной юридической подготовки, хотя и имею желание работать по данной отрасли». Тем не менее, парторганизация вынесла заключение: «использован правильно» [16, л. 5].

В 1924 г. заведующий учетно-статистическим подотделом Борисовского окружкома КП(б)Б дал А. М. Платуну следующую характеристику: «Исполняет обязанности прокурора. В обязанности углубился и с работой справляется самостоятельно и хорошо. На своем месте. Политическое развитие достаточное. Выступает по партвопросам и в дискус-

сиях и с докладами. Вполне активный и умеющий ориентироваться по-марксистски в политической обстановке. Устойчивый партийный товарищ. Выдержанный. Дисциплинированный и пользуется авторитетом среди членов партии и в работе и в партийной жизни инициативный» [16, л. 10].

Перечисленные в характеристиках качества способствовали дальнейшей карьере, так как они рассматривались партийными органами как главные у кандидатов на руководящие должности. Платун избирался делегатом шести съездов (IX–XIV) КП(б)Б [17, л. 60]. Еще на IX съезде в 1925 г. Антона Мартыновича избрали кандидатом в члены ЦК, что означало доверие со стороны высшего партийного руководства и стало первым шагом к выдвижению в высший эшелон номенклатуры. В 1927 г. на X съезде его избрали в члены ЦК КП(б)Б [19, л. 4]. Успешному продвижению по карьерной лестнице в 1920-е гг. способствовало и то, что он никогда не состоял в рядах какой-либо оппозиции и не поддерживал оппозиционных взглядов.

Кадры советской номенклатуры распределялись на основе метода совмещения партийных, советских, общественных должностей. В начале своей карьеры А. М. Платун совмещал партийную работу с выборными должностями в местных организациях профсоюза работников советских органов, а также работников просвещения [16, л. 6]. Очевидно, это поспособствовало направлению его на профсоюзную работу республиканского уровня. С мая 1927 г. до назначения наркомом просвещения Антон Мартынович занимал выборную должность председателя Центрального правления профсоюза работников просвещения (ЦП Рабпроса) БССР, которая также входила в номенклатуру работников, учитывавшихся ЦК КП(б)Б [11, л. 425]. На этой должности он непосредственно принимал участие в руководстве работой системы просвещения, так как партия рассматривала отраслевые профсоюзы как общественную организацию, первоочередной задачей которой являлась организация работников конкретной отрасли на проведение в жизнь партийной политики [28, с. 18]. Профсоюз работников просвещения принимал участие в решении задач культурной революции, что подтверждают резолюции профсоюзных съездов, совместные заседания и постановления Наркомпроса и ЦП Рабпроса [30]. О тесной связи профсоюзной и партийной работы свидетельствует избрание А. М. Платуна на XI (1927) и XII (1929) съездах КП(б)Б членом ЦК [19, л. 5–7].

Работа на должности руководителя профсоюза Рабпроса совпала с изменением партийного курса в национальной политике и началом по-

литических репрессий против белорусской национальной интеллигенции под флагом борьбы с так называемыми национал-демократами. Антон Мартынович одобрял начавшиеся репрессии против национальной интеллигенции [23, с. 138–139]. Данная позиция, а отнюдь не профессиональные знания и подготовка, и стала решающей при назначении его наркомом просвещения БССР 31 августа 1929 г. (после отстранения А. В. Балицкого, на которого обрушились обвинения в поддержке национал-демократов) [1, с. 4]. Избрание же членом БАН в 1931 г., очевидно также было чисто политическим решением – никаких научных работ нарком просвещения с начальным образованием не имел [13, л. 123]. Вместо исключенных академиков, обвиненных в национал-демократизме, в состав академии ввели сторонников проведения партийного курса в науке. Да и культурные интересы, по словам самого Антона Мартыновича, ограничивались стремлением к грамоте, а не к науке [16, л. 3]. В анкете Всебелорусской переписи членов и кандидатов КП(б)Б 1924 г. в графе «специальность» он записал – «письмоводство» [16, л. 7].

Занимая пост наркома, А. М. Платун продолжал проводить в сфере просвещения линию на борьбу с национал-демократами как классово-враждебными элементами, якобы срывающими решение задач культурной революции, всеобща и т. д. [24, с. 20–21] В докладе на X Всебелорусском съезде Советов в феврале 1931 г. он назвал разработанный прежним руководством Наркомпроса план осуществления всеобща в БССР в срок до 1932/33 года «контрреволюционным», так как его нужно было выполнить досрочно – в 1931 г. [25, с. 3].

При А. М. Платуне началась «чистка» аппарата Наркомпроса, районных и окружных органов управления образованием от «контрреволюционных элементов». В результате аппарат Наркомпроса обновился на 90%. В первую очередь избавлялись от представителей интеллигенции – «рупора классового врага» – и замещали их пролетарскими кадрами, что должно было усилить «боеспособность аппарата в борьбе против кулацко-буржуазной идеологии» [20, с. 93]. Такая кадровая политика соответствовала партийным решениям: постановление мартовского объединенного пленума ЦКК и ЦК КП(б)Б 1932 г. о культурном строительстве требовало «усилить борьбу против классово-враждебных вредительских элементов среди интеллигенции» [5, с. 7].

Новое руководство Наркомпроса во главе с А. М. Платуном видело основную задачу школы в воспитании борцов за коммунизм, не уделяя, однако, должного внимания качеству знаний и умений обучавшихся [25,

с. 4]. Оно поддержало распространявшиеся с подачи Наркомпроса РСФСР радикалистские идеи об «отмирании школы» в эпоху социалистической реконструкции; переход к преподаванию по методу проектов; создание новой школы, включенной в общехозяйственный план конкретного предприятия. Эти идеи вскоре осудил ЦК ВКП(б) в постановлении «О начальной и средней школе» от 25 августа 1931 г. [21]. Наркомпросу БССР пришлось перестраивать свою работу в соответствии с этим постановлением, вести борьбу против «правого» и «левого» уклонов в педагогике [8]. Задачи по реализации партийных решений были определены на объединенном заседании коллегии Наркомпроса и ЦП союза Рабпроса в сентябре 1931 г. [30].

Документы о деятельности А. М. Платуна на посту наркома свидетельствуют о том, что, находясь в высшем эшелоне власти, он был облечен доверием со стороны партийного руководства республики и стремился обеспечить проведение генеральной линии партии в вопросах строительства социализма, поддерживал борьбу с «классовыми врагами» в системе просвещения. В 1932 г. на XIII (1930) и XIV (1932) съездах КП(б)Б Антона Мартыновича вновь избрали членом ЦК [19]. Одновременно он был членом высших органов государственной власти в республике – ЦИК БССР (1927–1933) и Президиума ЦИК БССР (1931–1933) [3, с. 88]. Однако это не помогло сохранить пост наркома.

В 1932–1933 гг. в стране продолжала нагнетаться обстановка борьбы с «классовыми врагами» всех мастей – остатками «нацдемов», «великодержавными шовинистами», «националистами», «вредителями» в различных отраслях хозяйства и культуры, «контрреволюционерами». Информация об их «вредительской деятельности» постоянно публиковалась на страницах республиканских и общесоюзных газет и журналов. В начале 1933 г. в газете «Правда» появились три публикации, которые, в конечном счете, положили конец карьере А. М. Платуна. Первой вышла статья спецкора А. Давидюка «Под фальшивонациональным флагом», в которой писалось об активизации в БССР националистов, в том числе в БАН, вузах, среди белорусских литераторов [6]. Вскоре, 25 февраля 1933 г., было опубликовано письмо школьного учителя Г. П. Сцепуро из м. Бобр Крупского района БССР «Буржуазные националисты орудуют», в котором он жаловался, что его обвинили «в махровом великодержавном шовинизме» за употребление русского языка [31]. Наконец, 2 марта 1933 г. газета напечатала письмо своего минского корреспондента Ф. Вигдоровича «Очистить аппарат Наркомпроса Белоруссии от классового врага». Автор утвер-

ждал, что в Наркомпросе БССР проявляются «рецидивы национал-демократизма», что он «сильно засорен нацдемовщиной и др. антисоветскими элементами», сорабниками «нацдемовского мракобеса» Ба-лицкого; что органы Наркомпроса не обеспечивают «четкого осуществления генеральной линии партии». Автор сделал вывод о том, что А. М. Платун «из рук вон плохо руководит аппаратом» и работников его не знает. Статья завершалась требованием «немедленно очистить аппарат Наркомпроса от мусора» [2].

4 марта 1933 г. «Правда» опубликовала статью председателя СНК БССР Н. М. Голодеда «Об ошибках партийных и советских организаций Белоруссии в национальном вопросе», в которой перечислялись принятые в республике меры: конкретных виновников привлекли к ответственности «за извращения в проведении ленинской национальной политики партии»; объявлен выговор т. Платуну и другим руководителям; ряд работников сняли с работы «за потворство буржуазно-националистическим тенденциям». ЦК КП(б) и СНК БССР заверили, что примут меры по пресечению «кулацко-буржуазных националистических тенденций и будут на деле вести большевистскую борьбу за основные принципы интернационализма» [4].

Во время рассмотрения на заседании бюро ЦК КП(б)Б 7 марта 1933 г. статьи А. Вигдоровича в газете «Правда» и вопроса о работе Наркомпроса было сказано о том, что руководство наркомата допустило «ряд политических ошибок в работе». Ответственность за это возложили преимущественно на А. М. Платуна и решили снять его с должности наркома [15]. 10 марта 1933 г. Президиум ЦИК БССР принял постановление об освобождении Платуна от обязанностей наркома просвещения [27]. Впоследствии его направили на низовую партийную работу в Новосибирскую область РСФСР – начальником политотдела Коченевского зерносовхоза. В период массовых репрессий 2 сентября 1937 г. Антон Мартынович был арестован и приговорен Высшей коллегией Верховного суда СССР по обвинению в причастности к антисоветской троцкистской организации к расстрелу с конфискацией имущества. 15 июня 1938 г. приговор привели в исполнение. Антона Мартыновича Платуна реабилитировали 6 декабря 1957 г. – «за отсутствием состава преступления» [7].

Таким образом, анализ политической биографии наркома просвещения БССР А. М. Платуна показывает, что он являлся типичным представителем номенклатуры, сформировавшегося в 1920-х гг. особого слоя советского общества, призванного осуществлять важнейшие реше-

ния партии большевиков в области государственного управления и нести за них ответственность. Человек, получивший должность, перечисленную в номенклатуре ЦК КП(б)Б, должен был соответствовать требованиям, которые выдвигала система, подчиняться ей и выполнять эти требования. Менее всего ценилась профессиональная подготовка, критическое мышление, талант и индивидуальные способности. Такой подход превращал руководителя в исполнителя, но не лидера. Чрезмерно идеологизированные взгляды на жизнь, невысокий уровень образования, отсутствие профессионального опыта у номенклатурных кадров формировали специфический стиль и методы управления: стремление к администрированию, командованию, демонстрации власти над подчиненными.

В самой системе власти и управления, какой она складывалась в 1920–1930-е гг., не оставалось места для человеческой индивидуальности. От руководителей в первую очередь требовалось неукоснительное исполнение директивных указаний центральной власти. Партия полностью и безоговорочно распоряжалась своими назначенцами, определяя не только их место работы, стиль руководства, но и образ жизни и даже ее конец.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Адозва Пленуму ЦК КП(б)Б да ўсіх членаў КП(б)Б // Бальшавік Беларусі. 1929. № 7–8. С. 3–6.
2. *Вигдорович Ф.* Очистить аппарат Наркомпроса Белоруссии от классового врага // Правда. 1933. 2 марта.
3. Возвращенные имена: сотрудники Академии наук Беларуси, пострадавшие в период сталинских репрессий / сост. Н. В. Токарев; под ред. А. С. Махнач. Минск : Навука і тэхніка. 120 с.
4. *Голодед Н.* Об ошибках партийных и советских организаций Белоруссии в национальном вопросе // Правда. 1933. 4 марта.
5. Да вынікаў сакавіцкага аб'яднанага пленуму ЦК і ЦКК КП(б)Б // Бальшавік Беларусі. 1932. № 5. С. 3–11.
6. *Давидюк А.* Под фальшиво-национальным флагом // Правда. 1933. 3 февр.
7. Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс]. URL: <http://lists.memo.ru/index3.htm> (дата обращения: 06.05.2018).
8. За бальшавіцкую рэалізацыю пастановы Камуністычнай партыі аб школе // Камуністычнае выхаванне. 1931. № 10–11. С. 9–12.
9. *Коржихина Т. П., Фигатнер Ю. Ю.* Советская номенклатура: становление, механизмы действия // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 25–38.
10. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). Ф. 4п. Оп. 1. Д. 2016.

11. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 2035.
12. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 4326.
13. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 4331.
14. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 4349.
15. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 6363.
16. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 2. Д. 4374.
17. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 2. Д. 5603.
18. НАРБ. Ф. 42. Оп. 3. Д. 1906.
19. НАРБ. Ф. 60п. Оп. 3. Д. 844.
20. *Нікалаеў А.* Да праверкі баяздольнасці штабу культурнае рэвалюцыі// Камуністычнае выхаванне. 1930. № 5. С. 92–94.
21. О начальной и средней школе: постановление ЦК ВКП(б) от 25 августа 1931 г. // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917–1973. М. : Педагогика, 1974. С. 156–161.
22. О руководящих кадрах народного образования: постановление ЦК ВКП(б) от 5 августа 1929 г. // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917–1973. М. : Педагогика, 1974. С. 452–453.
23. *Платонаў Р.* Палітыкі. Ідэі. Лёсы: Грамадзянскія пазіцыі ва ўмовах нарастання ідэолага-палітычнага дыктату ў Беларусі 20–30-х гадоў. Мінск : БелНДДАС, 1996. 383 с.
24. *Платун А. М.* За культурную рэвалюцыю. Мінск : Белдзяржвыдавецтва, 1930. 40 с.
25. *Платун А.* Становішча культурнага сацыялістычнага будаўніцтва ў БССР // Камуністычнае выхаванне. 1931. № 2. С. 3–8.
26. Пра аслабаненне тав. Баліцкага А. В. ад абавязкаў Народнага Камісара Асветы БССР і пра назначэнне тав. Платуна А. М. Народным Камісарам Асветы БССР: пастанова Прэзідыўма ЦВК БССР ад 31 жніўня 1929 г. // Збор законаў БССР. 1929. № 20.
27. Пра аслабаненне тав. Платуна А. М. ад абавязкаў Народнага Камісара Асветы БССР: пастанова Прэзідыўма ЦВК БССР ад 10 сакавіка 1933 г. // Збор законаў БССР. 1933. № 12.
28. Резолюции и постановления IV Всебелорусского съезда Профсоюзов. Минск : [б. н.], 1924. 28 с.
29. Руководящие кадры РКП (большевиков) и их распределение. М. ; Л. : Госиздат, 1925. 176 с.
30. Рэвалюцыя аб'яднанага пасяджэння Калегіі НК Асветы і ЦП саюзу працаасветы аб рэалізацыі пастановы ЦК УсеКП(б) // Камуністычнае выхаванне. 1931. № 10–11. С. 12–18.
31. *Сценуро Г. П.* Буржуазные националисты орудут // Правда. 1933. 25 февраля.

Кахновіч В. А.

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт (г. Мінск, Рэспубліка Беларусь)

**ЗАСНАВАЛЬНІК ШКОЛЫ ФІЗІЧНАЙ ХІМІІ Ў БДУ:
ПРАФЕСАР М. М. ПАЎЛЮЧЭНКА (1909–1975)**

БДУ сёння – перадавая навучальная ўстанова Беларусі, якая займае адно з вядучых месцаў у сусветным рэйтынгу ўніверсітэтаў. У сценах БДУ вырастала сучасная беларуская навука. Асабліва тое датычыцца хіміі. Прафесар жа БДУ Міхаіл Міхайлавіч Паўлючэнка стаў заснавальнікам школы і практыкі фізічнай хіміі ў Беларусі, якая мае высокі сусветны аўтарытэт.

Міхаіл Паўлючэнка нарадзіўся 17 (30) сакавіка 1909 г. у сялянскай сям’і ў сяле Глухавічы Рэчыцкага павета Мінскай губерні. Тады гэта быў буйны населены пункт з болей як 500 жыхароў. Тут ён скончыў 4-гадовую пачатковую школу, а затым у 1920-я гг. пры савецкай уладзе – сярэдняю школу з педагагічным ухілам (у суседняй вёсцы Бабчыні). У 1927–1928 гг. Паўлючэнка працаваў настаўнікам хіміі ў пачатковай школе ў в. Аляксандраўка (Чэрвеньскі раён), у 1928–1929 гг. настаўнічаў у сярэдніх школах у вёсках Бабруйшчыны. Імкненне да глыбокіх ведаў у хіміі прывяло М. М. Паўлючэнку да паступлення ў кастрычніку 1929 г. на хімічны факультэт МДУ. Вядома, што вялікі ўплыў на яго станаўленне як вучонага меў Адам Уладзіслававіч Ракоўскі, заснавальнік фізічнай хіміі ў Расіі. Менавіта настаўнік стварыў і ўзначаліў у МДУ (1930–1941) кафедру фізічнай хіміі. З уласных успамінаў Паўлючэнкі вядома, што перад ім у Маскве адкрываліся навуковыя перспектывы [4, с. 126; 7, арк. 2, 12]. Ён скончыў МДУ па спецыяльнасці «неарганічная хімія», падрыхтаваў дыпломную работу «Вывучэнне растваральнасці газаў», што абараніў 15 снежня 1933 г., і па заканчэнні ўніверсітэта атрымаў кваліфікацыю навуковага работніка II разраду [7, арк. 12].

Аднак, па словах калегаў, «верны свайму грамадзянскаму абавязку», М. М. Паўлэчэнка ў 1933 г. прыехаў у Мінск з вялікім жаданнем развіваць беларускую хімічную навуку. У сталіцы БССР ён паступіў у аспірантуру Інстытута хіміі Акадэміі навук БССР, а ўвосень 1935 г. стаў працаваць у БДУ асістэнтам кафедры фізічнай хіміі [7, арк. 2]. У 1936 г. малады вучоны скончыў аспірантуру і з 1937 г. атрымаў пасаду «выконваючага абавязкі дацэнта» кафедры фізічнай хіміі ўніверсітэта па сумяшчальніцтву, з акладам у 600 руб. [5, арк. 5, 19, 30].

Трэба сказаць, што з пачатку 1930-х гг. БДУ адчуваў востры недахоп навуковых і педагагічных кадраў, што негатыўна адбівалася на арганізацыі навучальнага працэсу, чытанні агульных і спецыяльных курсаў, на навуковай працы. Да прыкладу, у справаздачах аб працы хімічнага факультэта за 1939–1941 гг. дэкана І. П. Маркоўкі адзначалася: «навукова-даследчая работа факультэта разгорнута слаба», што тлумачылася ўмовамі для яе правядзення. Так, было «халодна ва ўсіх аўдыторыях і лабараторыях корпуса хімфака. На 3-м паверсе тэмпература ў лабараторыях 4–5 °С. Не нашмат вышэй і на астатніх паверхах». Таксама: «недахоп рэактываў», «недахоп плошчаў і ўмоў утрымання рэактываў на складзе», «недахоп посуду і шкла», «частае адсутнасць вады і электрычнасці», «аўдыторый недастаткова», «недахоп навучальных дапаможнікаў», «значная вучэбная перагрузка навуковых работнікаў і студэнтаў», «ненармальна высокі і непатрэбны кантроль» [6, арк. 1, 4, 11, 42].

У падобных умовах працавала кафедра фізічнай хіміі, што ўзнікла ў БДУ ў 1934 г. Між тым, у 1930-я гг. фізічная хімія стала перадавым навуковым напрамкам, але па-ранейшаму патрабавала свайго развіцця ў Беларусі. Узначальваў кафедру спачатку прафесар Васіль Кузьміч Нікіфараў. Ён быў выпускніком МДУ і таксама ў 1933 г. прыехаў на працу ў Мінск. Вучоны праводзіў доследы ў галіне фізічнай і калоіднай хіміі. На жаль, ужо ў 1938 г. ён быў рэпрэсаваны. Вядома, што некалькі гадоў кафедра фізічнай хіміі заставалася вакантнай. У 1940 г. разглядалася пытанне аб прыцягненні ў якасці загадчыка прафесара Сяргея Міхайлавіча Ліпатава, віцэ-прэзідэнта АН БССР і піянера ў галіне фізіка-хіміі калоідаў, заснавальніка першай у СССР лабараторыі штучных валакон (1929) і лабараторыі высокамалекулярных злучэнняў АН БССР (1940). Вядома, што пазней С. М. Ліпатаў прыцягваўся да выкладання ў БДУ на станцыі Сходня і лічыўся тады загадчыкам кафедры фізічнай хіміі. Аднак архіўныя дакументы сведчаць, што з верасня 1940 г. на хімічным факультэце дзейнічала кафедра фізічнай і калоіднай хіміі, якую ўзначаліў менавіта М. М. Паўлючэнка [8, арк. 13; 9, арк. 36 адв., 48 адв.].

З дакументаў можна даведацца, што ў 1935–1937 гг. Міхаіл Міхайлавіч знаходзіўся ў навуковай камандзіроўцы ў Ленінградзе ў Дзяржаўным аптычным інстытуце [7, арк. 6]. Гэты інстытут меў лепшае па тых часах абсталяванне, закупленае за мяжой, і лічыўся адным з самых перадавых НДІ. Сярод іншых вядомых навукоўцаў там працаваў фізіка-хімік Аляксандр Мікалаевіч Цярэнін, распрацоўкі якога адкрылі

шлях да ядзернай спектраграфіі. Апроч таго ён займаўся спектральна-апытчынымі даследаваннямі малекул солей пад уздзеяннем каталізатараў на цвёрдых паверхнях. Гэты напрамак глыбока захапіў і Паўлючэнка. Па словах М. Ф. Ярмоленка, пад кіраўніцтвам Цярэніна той «аформіўся ў якасці самастойнага даследчыка ў галіне фізіка-хіміі, у прыватнасці, у галіне кінетыкі фотахімічных рэакцый» [7, арк. 5].

У 1937–1941 гг. Міхаіл Міхайлавіч займаўся спектральна-хімічнымі і кінэтычнай даследаваннямі акіслення смаляных кіслот у крышталічным і рэнтген-аморфным стане. Яны былі цікавымі вучоному, бо мала хто займаўся гэтымі даследаваннямі. Асабліва цікавымі былі доследы з гэтымі кіслотамі ў цвёрдым стане (топахімічныя рэакцыі). Як вынік, у 1941 г. М. М. Паўлючэнка выдаў працу «Класіфікацыя ўстойлівасці неарганічных злучэнняў» [6, арк. 50].

З 1937 г. Міхаіл Міхайлавіч чытаў лекцыі па фізічнай хіміі і заняў штатную пасаду дацэнта кафедры фізічнай хіміі БДУ, адначасова ў 1937–1939 гг. быў малодшым навуковым супрацоўнікам Інстытута хіміі АН БССР. Тады ж (з 1937 г.) на хімфаку пачала працу лабараторыя фізічнай хіміі. Са справаздачы па хімфака за 1939/1940 навучальны год вядома: «Добра прайшла падрыхтоўка да іспытаў па фізічнай хіміі дац. Паўлючэнка, як з арганізацыйнага пункту гледжання, так і ў сэнсе кансультацый. Кансультацыі даваліся рэгулярна, кожны чацвёрты дзень у плыні семестра» [6, арк. 12]. Хімік актыўна ўдзельнічаў у навуковым жыцці, уводзіў новыя напрамкі – калоідная і фізічная хімія [6, арк. 10]. Так, калі ў 1931/1932 навучальным годзе «Фізічная і калоідная хімія» чыталася ў аб'ёме 216 гадзін, то ў 1939/1940 – у аб'ёме 92 гадзін лекцый на III курсе, 295 гадзіны на IV курсе, а на V курсе было 40 гадзін лекцый па фізіка-хімічным аналізе і 140 гадзін практычных заняткаў.

Па звестках самога М. М. Паўлючэнка, з пачаткам вайны ён выехаў у эвакуацыю ў Казань, дзе ў 1941–1943 гг. працаваў у навукова-даследчай лабараторыі завода № 9. І толькі восенню 1943 г. вярнуўся ў БДУ і ўзначаліў кафедру фізічнай і калоіднай хіміі, якую ачольваў да 1966 г. Вялікім быў яго ўнёсак у адраджэнне і развіццё хімічнай навукі і адукацыі ў БДУ і Беларусі ў пасляваенны час. Так, ён веў на хімічным і фізічным факультэтах лекцыі па фізічнай хіміі (204 гадзін і 55 гадзін адпаведна), увёў новы курс па хімічнай тэрмадынаміцы (53 гадзіны), кіраваў арганізацыяй лабараторыі фізічнай хіміі [10, арк. 17].

Са справаздачы хімічнага факультэта за 1944/1945 навучальны год можна даведацца, што хімічны факультэт аднавіў сваю працу ў Мінску 16 кастрычніка 1944 г. у вылучаных яму 7 пакоях (170 м²) корпуса

фізіка-матэматычнага факультэта. Прычым, як сведчаць дакументы, ніводны з гэтых пакояў для заняткаў па хіміі не быў прыстасаваны: «Лабараторна-вытворчую базу даводзілася ствараць у сапраўдным сэнсе гэтага слова на пустым месцы» [11, арк. 1адв., 5]. Апроч таго востра адчуваўся дэфіцыт кадраў. Таму ў навучальны план 1944/1945 г. быў выкананы ў 1-м семестры на 70 %, а ў 2-м – на 87 %. Студэнты часта не маглі прыступіць да заняткаў па матэрыяльных прычынах: «студэнты ехалі па хлеб», «ехалі па кнігі», «ехалі за прадуктамі». У выніку, з 30 студэнтаў 1-га курса засталася 25, а з усіх 87 студэнтаў факультэта – 77. Выпуск спецыялістаў склаў усяго 11 чал. [11, арк. 3, 11, 36а.].

Нягледзячы на гэтыя праблемы, Міхаіл Міхайлавіч рупіўся, каб «усе кафедры працавалі добра; супрацоўнікамі і іх кіраўнікамі праведзена вялікая праца па арганізацыі вытворчага працэсу». Прыкладзены намаганні дазволілі наладзіць працу кафедраў і факультэта. М. М. Паўлючэнка быў прыкладам для іншых. Калегі адзначалі, што ён «чытае на высокім тэарэтычным узроўні агульныя і спецыяльныя курсы па фізічнай хіміі і прадуктыўна вядзе даследчую працу». Аднаўленне працы Інстытута хіміі АН БССР у Мінску, у чым актыўны ўдзел прымаў М. М. Паўлючэнка, шмат у чым вызначыла сутнасць яго далейшых навуковых пошукаў [7, арк. 2].

Яшчэ ў 1940 г. М. М. Паўлючэнка заняўся гетэрагеннымі рэакцыямі. Ён пісаў: «Многія гетэрагенныя рэакцыі ўяўляюць сабой вялікі практычны інтарэс. Яны ляжаць у аснове атрымання металаў з руд, будаўнічых матэрыялаў, каталізатараў, паўправаднікоў, фосфару і г. д. Разлажэнне выбуховых рэчываў, фатоліз галоідных злучэнняў срэбра, гарэнне вугалю, карозія металаў і т. д. – таксама адносіцца да гэтага тыпу рэакцый» [14, с. 5].

Асаблівую ўвагу Міхаіла Міхайлавіча прыцягвалі топахімічныя рэакцыі – род гетэрагенных, звязаных з дэфармацыяй крышталічны структуры. Вучоны быў у гэтай сферы піянерам ў савецкай навуцы. Вопытам шляхам М. М. Паўлючэнка і яго вучань Яўген Аркадзьевіч Продан (выпускнік хімфака БДУ 1953 г., у будучыні доктар хімічных навук і акадэмік) высветлілі, што нарастанне хуткасці рэакцыі адбываецца ў сувязі з павышэннем тэмпературы, а не механізмам рэакцыі [14, с. 34]. Гэта стала адкрыццём сусветнага маштабу ў фізічнай хіміі. Свае адкрыцці М. М. Паўлючэнка прадставіў у шэрагу навуковых прац, у доктарскай дысертацыі «Даследаванні ў галіне кінетыкі гетэрагенных рэакцый, якія працякаюць з удзелам цвёрдых целаў» (1953) [7, арк. 2].

Калі ў чэрвені 1953 г. навуковец быў вылучаны калегамі з БДУ на суісканне вучонага звання прафесара, то пра яго пісалі: «Доктар хімічных навук М. М. Паўлючэнка з'яўляецца... вядомым не толькі ў БССР, але і за яе межамі» [7, арк. 4]. Міхаіл Міхайлавіч неаднаразова прымаў удзел у міжнародных канферэнцыях і сімпозіўмах, а ў 1958 г. чытаў лекцыі па фізічнай хіміі ў Венгерскай Акадэміі навук. За выдатныя навуковыя і навукова-практычныя дасягненні ён быў узнагароджаны двума ордэнамі «Знак Пашаны», медалём «За доблесную працу», атрымаў званне Заслужанага дзеяча навукі Беларусі (1972). У 1956 г. М. М. Паўлючэнка быў абраны членам-карэспандэнтам, а ў 1959 г. – акадэмікам АН БССР [4, с. 127; 7, арк. 3, 4].

Менавіта па ініцыятыве вучонага ў БДУ на базе хімічнага факультэта была адкрытая ў 1957 г. радыёхімічнага лабараторыя, а ў 1959 г. – Інстытут агульнай і неарганічнай хіміі (ІАНХ) АН БССР. Міхаіл Міхайлавіч ўзначальваў ІАНХ у 1959–1965 гг. і, уласна, ён вызначыў прыярытэтнай распрацоўку тэхналагічных працэсаў мінеральных угнаенняў (перш за ўсё калійных) і развіццё тэорыі адсорбцыі ў ІАНХ. У далейшым развіццё атрымала таксама распрацоўка неарганічных кампазітных матэрыялаў. Як вынік яго высілкаў, у ІАНХ і БДУ ўзніклі магутныя навуковыя школы яго вучняў, якія шмат у чым вызначаюць поспехі і сучаснай Беларусі. Да прыкладу, Міхаіл Міхайлавіч першым ацаніў магчымасці распрацоўкі Старобінскага радовішча калійных соляў. Адкрытае ў ваколіцах в. Чыжэвічы ў 1949 г., гэта радовішча мела 20 % сільвініту і да 80 % баласта ў выглядзе хлорыстага натрыю і нерастваральных у вадзе карбнатаў кальцыя і магнію (10 % агульнай масы пароды). Усё гэта, разам з глыбінёй залягання (352–900 м), стварала значныя праблемы ў эксплуатацыі радовішча, бо патрабавала вялікіх выдаткаў на ачыстку і абсорбцыю сільвініту. Рашэнне было знойдзена М. М. Паўлючэнка сумесна з калегамі і вучнямі з ІАНХ АН БССР і БДУ – флатацыя сільвініту. Менавіта М. М. Паўлючэнка першым убачыў у будаўніцтве Старобінскага калійнага камбіната (1958) «базу развіцця асноўнай хімічнай прамысловасці ў рэспубліцы» [1, с. 7–35; 13, с. 5, 17, 23; 15, с. 45].

Разнастайная і шырока навуковая спадчына Міхаіла Міхайлавіча. Ён падрыхтаваў 40 кандыдатаў і 3 доктара навук, апублікаваў 2 манаграфіі і звыш 400 навуковых прац па кінэтыцы, гетэрагенным рэакцыям, тэхналогіям перапрацоўкі калійных соляў. У большай частцы сваю навуковую школу вучоны ствараў менавіта ў аўдыторыях БДУ. Універсітэцкі прафесар прыцягваў студэнтаў і калегаў да распрацоўкі цікавых навуковых праектаў, да правядзення важных доследаў і асэнсавання іх вынікаў.

Ён спрыяў публікацыі навуковых дадзеных, актыўна выступаў з дакладамі на навуковых канферэнцыях. Шэраг дакладаў М. М. Паўлючэнка зрабіў сумесна з калегамі [2; 3; 1; 14].

Па слядах бацькі пайшла і дачка прафесара Г. М. Паўлючэнка (1938–1989), выпускніца хімфака (1960) і аспірантуры БДУ (1964). Яна абараніла ў 1964 г. кандыдацкую дысертацыю па тэме «Даследаванне сарбцыйных уласцівасцяў і ацэнка гнуткасці ланцугоў крышталічных палімераў» і ў далейшым доўгі час працавала на новай, адкрытай ў 1962 г., кафедры высокамалекулярных злучэнняў БДУ [12, арк. 58].

Буйных навуковых поспехаў дасягнулі вучні Міхаіла Міхайлавіча, выпускнікі і супрацоўнікі БДУ: акадэмік і доктар хімічных навук, прафесар, шматгадовы супрацоўнік БДУ і ІАНХ АН БССР Яўген Аркадзьевіч Продан; акадэмік, доктар хімічных навук, прафесар, супрацоўнік БДУ і ІАНХ АН БССР, дырэктар НДІ ФХП БДУ ў 1979–1993 гг. Вадзім Васільевіч Свірыдаў; акадэмік, доктар хімічных навук, прафесар, рэктар БДУ ў 1990–1996 гг., дэкан хімічнага факультэта ў 1965–1973 гг., а таксама стваральнік (лістапад 1977 г.) і загадчык НДІ фізіка-хімічных праблем (ФХП) БДУ Фёдар Мікалаевіч Капуцкі; акадэмік, доктар хімічных навук, прафесар, выпускнік хімфака БДУ (1952), супрацоўнік і дырэктар ІАНХ АН БССР і НАН Беларусі (1966–1992) Уладзімір Сямёнавіч Камароў; член-карэспандэнт НАН Беларусі, доктар хімічных навук, выпускнік хімфака БДУ (1959), супрацоўнік і загадчык лабараторыі мінеральных угнаенняў ІАНХ АН БССР Тамаш Фаміч Мажэйка. Пералік імёнаў можна доўжыць.

БІБЛІАГРАФІЧНЫЯ СПАСЫЛКІ

1. *Александрович Х. М., Павлюченко М. М.* Калийные соли Белоруссии, их переработка и использование. Минск : Наука и техника, 1966. 303 с.

2. Гетерогенные реакции и реакционная способность: сб. научн. работ / под ред. М. М. Павлюченко, И. Г. Тищенко. Минск : Выш. шк., 1964. 291 с.

3. Гетерогенные химические реакции: сб. научн. статей / под ред. М. М. Павлюченко. Минск : Изд-во М-ва высш., ср. спец. образования БССР, 1961. 262 с.

4. Комаров В. С., Капуцкий Ф. Н., Солдатов, В. С. Михаил Михайлович Павлюченко (К 90-летию со дня рождения) // Весті Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі: Серыя хімічных навук. 1999. № 2. С. 126–128.

5. НАРБ. Ф. 205. Воп. 1. Спр. 698 – Спісы і звесткі аб навуковых работніках універсітэта. 1937–1939 гг. 64 арк.

6. НАРБ. Ф. 205. Воп. 1. Спр. 719 – Справаздачы аб працы хімічнага і геаграфічнага факультэтаў за 1939–1941 гг. 58 арк.

7. НАРБ. Ф. 205. Воп. 10. Спр. 575 – Паўлючэнка Міхаіл Міхайлавіч. 1953 г. 13 арк.
8. НАРБ. Ф. 205. Воп. 5. Спр. 122 – Спісы прафесарска-выкладчыцкага складу БДУ на 1946/1947 навуч. г. 20 арк.
9. НАРБ. Ф. 205. Воп. 5. Спр. 48 – Даведкі аб навукова-даследчай і вучэбнай рабоце факультэтаў БДУ за 1943/1944 навуч. г. 48 арк.
10. НАРБ. Ф. 205. Воп. 5. Спр. 51 – Планы вучэбна-педагагічнай работы праф.-выкладч. складу факультэтаў БДУ, 1944/1945 н. г. 24 арк.
11. НАРБ. Ф. 205. Воп. 5. Спр. 56 – Справаздача аб вучэбна-вытворчай рабоце хімічнага факультэта БДУ за 1944/1945 навуч. г. 44 арк.
12. НАРБ. Ф. 205. Воп. 8. Спр. 295 – Штатны фармуляр на прафесарска-выкладчыцкі склад БДУ на 1964/1965 навуч. г. 102 арк.
13. *Павлюченко М. М.* Природные соли Белоруссии. Минск, 1959. 35 с.
14. *Продан Е. А., Павлюченко М. М., Продан С. А.* Закономерности топомических реакций. Минск : Наука и техника, 1976. 260 с.
15. Труды Совещания по использованию и обогащению калийных солей Белоруссии / Госкомитет по химии СМ СССР, СНХ БССР, ИОНХ АН БССР. Минск : Изд-во АН БССР, 1961. 262 с.

Кодин Е. В.

Смоленский государственный университет (г. Смоленск, Российская Федерация)

Н. П. ВАКАР И НАЧАЛО АМЕРИКАНСКОГО ПОСЛЕВОЕННОГО БЕЛОРУСОВЕДЕНИЯ

Публикация подготовлена в рамках исследовательского проекта Минобрнауки России «Мировая славистика в изучении новой и новейшей истории России и Беларуси: концепты славянского единства и самобытного развития в исторической ретроспективе», № 33. 1419. 2017/ПЧ.

У специалистов по белорусской истории имя Н. П. Вакара ассоциируется в первую очередь с его книгой «Белоруссия. Создание нации», изданной Гарвардским университетом в 1956 г. [1]. Однако обстоятельства разработки им белорусской темы и подготовки вышеназванной работы до сих пор остаются малоизвестными. В настоящем исследовании некоторые аспекты подготовки указанной работы проясняются, благодаря знакомству с материалами небольшой коллекции дневниковых записей Вакара, хранящихся в Хоугтонской библиотеке Гарвардского университета. Для более полной картины предстоит проработать материалы Бахметьевского архива Колумбийского университета (Нью-Йорк), куда была передана часть личных материалов Н. П. Вакара.

Николай Платонович Вакар родился в 1894 г. Обучался на юридических факультетах Московского и Киевского университетов. Участник Первой мировой войны. Участник Гражданской войны, служил в Добровольческой армии в разведывательном отделе. Эмигрировал во Францию, жил в Париже. Штатный сотрудник газеты «Последние новости» (гл. ред. П. Н. Милюков), заведовал отделом информации, был секретарем редакции.

В 1940 г. эмигрировал в США. В 1945 г. окончил Гарвардский университет, там же защитил докторскую диссертацию по славянской филологии. Преподавал русский и белорусский языки в Гарвардском и Бостонском университетах. После выхода в отставку в 1960 г. стал профессиональным художником. Умер в 1970 г.

В 1983 г. Русский исследовательский центр Гарвардского университета передал в Хоугтонскую библиотеку университета коллекцию материалов Н. П. Вакара (Nicholas P. Vakar Papers (MSRuss 58). Houghton Library, Harvard University). В описании коллекции автор определен как «русский эмигрант, писатель и преподаватель русского языка» («Vakarwasa Russianemigré writerandteacher of Russian»).

Коллекция включает в себя дневниковые записи Вакара за 1938–1939 гг. и за 1939–1940 гг. Они в двух вариантах: фотокопии дневников Вакара и их машинописные копии с правками. Вся коллекция на русском языке.

Итак, вначале поздний парижский период эмигрантской жизни Н. П. Вакара.

Николай Платонович работает в редакции газеты «Последние новости». По роду своей деятельности общается с широким кругом представителей первой русской эмиграции. В том числе и разных национальностей. Постепенно он все больше и больше задается вопросом будущего государственного устройства России. Читаем в дневнике: «Написал первые три статьи о «Реформе советского государства». /1 – Финская война, 2 – Революция или реформа, 3 – Возможна ли реформа/, но с этими семейными хлопотами и переездом не мог продолжать. Боюсь, так и застряну... А нужно еще четыре, которые готовы в голове: 4 – Три капитализма, 5 – Раскрепощение человека, 6 – Право и свобода, 7 – Трудовое государство» [10].

Свои статьи в парижские газеты Н. П. Вакар направлял за подписью «Лагутин». Как он сам пишет: то была фамилия его матери, под этой фамилией он жил в Москве в 1924 г. в нелегальной поездке [10].

Вакар недоумевал и возмущался постоянным интересом американских и других представителей в Париже к проблемам украинской диас-

поры, кавказских и тюркских народов и тем значительным суммам, которые руководители национальных эмигрантских организаций получали от спонсоров. Чего не было в отношении русских и белорусов. Запись от 23 мая 1939 г.: «Допытывал вчера Чокаева за чаем, какие идиоты дают до сих пор деньги всем этим кавказским сепаратистам, которые только и делают тут, что ссорятся между собой. Он молчит и смеется». И далее в разговоре: например, группа Баммата «Кавказ» субсидировалась японцами на случай, «если понадобится... расстроить глубокий тыл России – Кавказ, казачьи области и Украину, лишить русскую армию хлеба и нефти» [7].

В Париже Вакар пытался создать Общество изучения народов России. Ничего по сути не вышло. Идею поддержали всего несколько человек. Но после первых же заседаний общество показало свою нежизнеспособность. Зимой 1940 г. Вакар пишет: «Попытки оживить на Общество изучения народов безуспешны. А сейчас его работа впрямую была бы очень полезна. Ее нужно перестроить принципиально. Русский вопрос – пустое место в канцеляриях Парижа и Лондона... чтобы... начать работу, как следует, необходимы деньги и, собственно, гроши. Но нет и грошей. Общество совсем не способно на это» [11].

В феврале 1939 г. Вакар пишет о том, что уполномоченный института Карнеги в Европе Дэйвис «интересуется национальным вопросом в России, так как по должности занят «примирением народов». Вакар предполагает: если интерес у Дэйвиса серьезный, то, может быть, удастся «склонить его к мысли издать в Институте Карнеги несколько трудов на русскую тему» [5]. Но из этого в итоге ничего не получилось.

Весной 1939 г. на одном из вечеров с докладом «о самостийниках» Вакар познакомился с представителем белорусской эмигрантской среды, организатором «Союза белорусской трудовой эмиграции» Н. С. Абрамчиком. 11 марта Вакар делает запись: «был у него в мансарде под небом..., книжные полки, чугунная печка, пишущая машинка на тесаном столе и ротатор... Славный, хороший малый. Обрадовался, как ребенок, что вот, наконец, нашелся русский, который любопытствовал. Говорили три часа – сначала у него, потом в кафе. Собрал литературу. Нужно непременно написать. В этом есть подлинное горение, самопожертвование, а, стало быть, правда. В народе, видно, ненависть одинаковая к полякам и москалям. Но поляки ведут себя умнее. Культурный центр теперь не в Минске, а в Вильнюсе» [6].

К этому времени работа над книгой по белорусам была уже в активной стадии. В дневниковой записи от 19 мая 1939 г. читаем: «Завтра

возвращаюсь в Париж... (был в отпуске. – *Е. К.*) Гертруда (жена. – *Е. К.*) недовольна, что сижу за машинкой и истощаю силы. Но мне абсолютно ничего не нужно. Наслаждаюсь деревенским покоем... Почти окончил книгу о белорусах (так в тексте. – *Е. К.*). Остались две заключительные главы – но это надеюсь закончить сразу по возвращении домой, до начала работы в газете» [7].

И вот долгожданная запись в дневнике от 23 мая 1939 г.: «В 6 ч. 30 м. вечера кончил книгу «Белоруссы» [7].

Издать книгу в парижской эмиграции по белорусам не было никакой возможности: тема ни для кого не представляла интереса, денег на это никто не давал. Вот красноречивая дневниковая запись периода ноября 1939 – марта 1940 г. (точной даты не указано): «К сожалению нет работников. Все перегружены, копаются в своем дерьме. Я не могу физически продолжать статью о реформе...! Хотя бы белоруссов удалось издать!» [11]. Не удалось.

Однако еще несколькими месяцами раньше познакомиться с содержанием труда Вакара изъявил желание редактор «Последних новостей» П. Н. Милюков. 29 июля 1939 г. Вакар пишет об этом так: «Милюков уехал в Швейцарию на 2 месяца и увез с собой первую часть «Белоруссов». Условился послать ему туда вторую, когда окончу переписку» [7].

Больше в дневниках упоминаний о рукописи книги нет. Однако в описании материалов фонда Вакара в Хоугтонской библиотеке читаем следующее. 5 декабря 1940 г. «Белоруссы», – т. е. рукопись Вакара была спасена из квартиры на парижской улице Sant Mande Борисом Проссом (Проскураковым) и доставлена в г. По (Рау, расположен в западной части юга Франции, недалеко от границы с Испанией) спустя несколько месяцев после того как Вакар соединился там со своей семьей [9].

Здесь следует сделать некоторые уточнения. В квартире на улице Sant Mande Вакар жил один вплоть до гитлеровской оккупации Парижа. Туда он перебрался из гостиницы, которая находилась ближе к редакции, но это было накладно с финансовой точки зрения. Квартиру Вакар описывает без какого-либо вдохновения. Март 1940 г.: «Переехал из отеля обратно в St. Mande, благо потеплело. Однако, холод все-таки изловляет, несмотря на отличную, солнечную погоду. Сижу и сплю в Гертрудиной комнате, греясь электрической печкой. Но здесь, хоть и в холоде, можно, наконец, взяться за работу: и времени больше, и материалы под рукой» [11].

К этому времени Гертруда нашла жилье в городке По. Читаем записи Вакара: «Гертруда нашла, наконец, квартиру в По, два месяца мучи-

лась, натываясь на нежелание квартирных хозяев связываться с русской (подчеркнуто в оригинале. – *Е. К.*) жилищей: мужа нет и, может быть, будет мобилизован, а дети в колонии, репутация которой, повидимому ужасна в По» [11]. (В городе По в это время был организован летний лагерь для русских детей, в этом лагере находились дочери Вакаров – Катя и Анна. – *Е. К.*) [9]. Сюда Н. П. Вакар приедет, покинув Париж в канун гитлеровского захвата столицы Франции.

Об исходе населения из Парижа несколько впечатляющих зарисовок из дневников Вакара.

Редакция газеты еще работает в штатном режиме. Но уже прошла первая информация о наступлении немцев на Париж. Вакар из окон редакции газеты наблюдает картину массового покидания столицы: «Мимо проносятся сотни, тысячи автомобилей, нагруженных беглецами, матрасами, чемоданами, кухонной дрянью. Но это все как бы скользит по поверхности парижской жизни. Основная масса населения не двигается: глазеет из окон, толпится на тротуарах, а к вечеру наполняет рестораны, кинематографы, кафе» [8].

Совсем иная картина через несколько дней: «Редакция – брошенный штаб... Имущество брошено: адреса подписчиков, пишущие машинки, рукописи, счетные книги, недельный гонорар не заплачен, убежавшие не успели проститься, пожать руку оставленным... Стонут покинутые, растерянные машинистки... На полу бумаги. На столах не допитый со вчерашнего дня чай. Та же картина, что двадцать лет назад в киевских газетах перед приходом большевиков» [8].

Начало исхода: «Под окнами проносятся автомобили с беженцами и домашним барахлом, тянутся толпы пеших с детскими колясками, с тачками, с чемоданами в руках и на плечах. Великий город тронулся, уходя от немцев» [8].

Вакар покидает редакцию и Париж:

«Простился с товарищами, поцеловал Коновалова в дрожащие щеки. Чего пожелать друг другу в такие минуты? Расстались молча. Схожу к велосипеду, на который с утра нагружены одеяло, пижама, запасный костюм, пара штиблет, бритва, мыло, зубная щетка, хлеб и несколько консервных банок» [8].

«В 4 часа дня на перегруженном велосипеде, плохо слушающем руля, проезжаю через Сену. Сплошным потоком беженцы поднимаются по бульвару Сен-Мишель к Люксембургскому саду, спускаются дальше к Итальянским воротам. Неуклюжий велосипедист валит меня на мостовую. Встаю с продранными коленями и распоротой задницей. Но сам

цел, и только большой палец правой руки болит нетерпимо. Вывихнул? Сломал?.. Дрожь пробегает по спине, как же я поеду. Все же беда, как будто, не велика. Оттопырев палец, можно держать руль. Слава Богу, что наседавшие сзади грузовики не задавили. Машина цела, а это – все!

Толпа автомобилей и пешеходов становится все гуще по мере приближения к заставе. Сосредоточенно и молча, глотая пот и пыль, человеческий поток выплывает на дорогу Фонтенбло. Велосипедисты обгоняют автомобили, едва продвигающиеся вперед; проворные пешеходы обгоняют велосипедистов, вынужденных ежеминутно слезать с седла. Старик и старуха в мягких туфлях волочат детскую коляску с подушками, бутылками и мешком, из которого торчат стенные часы. Сгибаясь под ношей, два подростка толкают тачку, на дне которой младенец копошится среди барахла; люди тащат с собой птичьи клетки, кошек и собак в кухонных мешках... Безжалостно палит солнце. Грудь харкает раскаленной пылью. Впереди все выпито в кофейнях и бистро. Дома пусты. Не у кого найти стакан воды.

В Эссоне, в 20 км от Парижа, нахожу кабака, где есть пиво. Как мухи, люди облепили мокрые столы. В кабаке сыро и душно от пота. Пью молча, жадно. Никто не понимает толком, что случилось» [8].

В такой ситуации вызывает определенное сомнение описанное выше «счастливое спасение рукописи Вакара из покинутой им парижской квартиры не им самим, а одним из его товарищей и из уже оккупированного немцами Парижа. Не верится в то, что Вакар не взял с собой на хотя и перегруженный велосипед книгу, написание которой потратил не один год. Однако других свидетельств, кроме описаний этого сюжета по памяти дочерью Вакара Екатериной Чвани (CatherineV. Chvany) у нас пока нет. Возможно, пояснения этого обстоятельства имеются в Бахметьевском архиве.

Тем не менее рукопись «Белоруссов» оказалась у автора, и он взял ее с собой, уезжая в Соединенные Штаты Америки. Точной даты прибытия Вакара в США нет. Екатерина Чвани утверждает, что семья Вакаров прибыла в США в августе 1940 г. [12]. Дневниковая запись Вакара Бостонского периода от 26 мая 1941 г. говорит об их встрече и беседе с профессором М. Карповичем, который работал в Русском исследовательском центре Гарвардского университета. Обсуждали многое, в том числе и рукопись «Белоруссов». Карпович советовал «не отчаиваться насчет «Белоруссов»: он искал три года издателя для Милюковских «Очерков» [12].

Вакар начинает приобщаться к Гарварду.

Здесь опять идет некая временная нестыковка. Дочь Вакара пишет, что рукопись попала в г. По в декабре 1940 г. А, согласно ее же записям в аннотации к архивной коллекции, Вакар прибыл с Америку в августе 1940 г.

Далее в своих пояснениях для читателей Екатерина Чвани пишет, что во время Второй мировой войны американское правительство позаимствовало единственный экземпляр рукописи, заплатив Вакару около 400 долларов за пользование и вернуло рукопись по окончании войны. Вакар завершил работу над книгой в Русском исследовательском центре Гарварда. Книга была опубликована там же [9].

Итак, Н. П. Вакар в Гарварде и в Бостонском университете.

Первой опубликованной в США научной работой Н. П. Вакара стала статья «Название «Белая Русь» (1949) [4]. Статья была подготовлена по гранту Русского исследовательского центра Гарвардского университета. Здесь Вакар показал свое умение работать с разными источниками. В ней использованы и Русская энциклопедия Брокгауза и Эфрона, и работы М. Довнар-Запольского, Н. Карамзина, Е. Карского, М. Любавского, П. Милокова, В. Татищева, Г. Вернадского и др., и незавершенное исследование профессора В. И. Ламанского «Белая Русь» (частично опубликованное в журнале «Живая старина» в 1891 г.), и другие материалы.

В начале автор поясняет для американского читателя некоторые терминологические тонкости при использовании понятия «белые русские». Русских, которые воевали против красных в годы Гражданской войны, так же называли «белые русские». В русском языке слово «белорусы» означает этническую группу, а «белые русские» – это политическая группа. Но в английском языке провести такую четкую линию разграничения невозможно. Потому многие люди, пишет автор, все еще не могут понять, как «антисоветская группа преуспела в создании республики внутри Советского Союза, и почему их все еще называют «белыми» после того как они стали «красными» [4, р. 201].

В данной статье Вакар приводит много разных толкований ответа на вопрос: когда и почему белорусские земли и люди были впервые названы «белыми»?

Первое письменное упоминание понятия «Белая Русь» автор относит к 1382 г., когда эта территория входила в состав ВКЛ. Термин «белый» имеет множество объяснений: белые национальные одежды жителей, земля покрыта белым снегом от октября до апреля, белые волосы (Карский) и т. д. Вплоть до конца XV – начала XVI в. поляки и литовцы использовали термины в отношении Московской Руси «белая» и в отно-

шении Белоруссии «черная» (Русь). Было давно и понятие «красная Россия», которое относилось к Галиции (Западной Украине), жители которой носили красные одежды.

В 1920-е гг. белорусские политические эмигранты в Литве выдвинули идею схожести в названии богов и предположили, что белорусы могут быть балтами. Однако в тот момент попытки отсоединить белорусов от славян никем поддержаны не были. Но к этой идее вновь вернулись в 1948 г. в эмигрантской периодической печати, издававшейся в американской зоне оккупации Германии. Да, внешне белорусы в значительной степени славяне, но «самые значимые черты национальной философии имеют балтскую основу... Мы должны подчеркивать наш балтизм, а не только наш славизм» [4, р. 205]. И далее шло предложение создать «федерацию балтийских народов» в составе Белоруссии, Литвы, Латвии, Эстонии, Финляндии, Норвегии, Швеции и Дании.

Здесь же с территории Германии в эмигрантских националистических кругах высказывалось серьезное беспокойство тем, что понятие «Белая Русь» слишком близко к русским. И это может стать серьезной помехой для формирования нового белорусского национального самосознания и национальной культуры. И потому пошли предложения называть белорусов кривичами (по названию славянского племени), а Белоруссию – Кривией. Что, правда, как отмечает автор, уже предлагалось ранее в 1920-е гг. [4, р. 211].

В конце автор заключает: не надо вообще пытаться переводить на английский язык слово «Белоруссия» как «Белая Русь», а просто использовать по отношению к Белоруссии английское слово «Belorussia», точно также как Шпицберген, Лихтенштейн, Украина, Югославия или Аргентина [4, р. 212].

Основной работой Н. П. Вакара является его исследование «Белоруссия. Создание нации», доработанное по гранту Русского исследовательского центра и изданное в Гарвардском университете в 1956 г. В Предисловии автор выражает благодарность профессору М. М. Карповичу из Гарварда и профессору Ф. Мосли из Колумбийского университета за то, что они сподвигли его на разработку данной темы. Рукопись читали Александр Даллин, Мерл Фэйнсод, Михаил Карпович, Талкотт Парсонс и др.

Основные положения работы Вакара.

В своем становлении белорусы прошли все этапы развития. Вначале они осознали свое языковое отличие от других, затем отличия в обычаях и верованиях, и, наконец, в исторических корнях: «Белорусы считают

себя самой древней и чистой ветвью славянской семьи» [1, р. 37]. Другими словами, он приносит в американское белорусоведение известный тезис об исключительности белорусского славянского происхождения.

Вакар не приемлет норманскую теорию для Белоруссии. Так, в Никоновской летописи, пишет он, есть рассказ о том, что два варяжских князя Аскольд и Дир захватили в IX в. Полоцк и нанесли его жителям ущерб. На этом основании белорусские историки пришли к заключению, что «легенда о том, что варягов *призвали* (курсив Вакара. – Е. К.) управлять славянами не имеет отношения к нам (белорусам. – Е. К.)». В противоположность Новгороду, Полоцкая земля «не нуждалась в помощи иноземцев для того, чтобы привести их дом в порядок». А при князе Всеславе (1044–1101 гг.) это «первое независимое белорусское государство» стало богатым, подчинило себе соседние земли, торговало с греками, арабами, скандинавами и германцами [1, р. 40, 41]. При этом, конечно, никакого осознания быть белорусом, или полочанином в широком смысле слова, в это время не было, заключает автор, хотя на протяжении двух столетий (XII–XIII вв.) Полоцкая Русь была «центром восточно-славянской культуры» [1, р. 42]. То есть здесь речь идет о независимом постславянском белорусском государстве.

Живших к западу от Полоцка литовцев Вакар характеризует так: «дикие языческие племена» [1, р. 43]. Они успешно избежали христианизации как со стороны германцев, так и поляков, и в XIII в. стали политически организованными. При этом их «неграмотные и неотесанные князья» были способными военачальниками. Полоцк удачно противостоял литовским князьям, но попал на время «в руки германцев». И когда последние стали навязывать католицизм вместо православия, то Полоцк обратился за помощью к «неотесанным литовцам». Те согласились и отбили Полоцк у германцев. В итоге к концу XIV в. вся полоцкая земля оказалась под литовским управлением. Другими словами, белорусы потеряли независимость в противостоянии германцам, которых сменили литовцы.

Затем литовцы захватили многие русские земли, и период 1350–1430 гг. автор называет периодом расцвета нового Литовско-Русского государства, в состав которого входили Вильно, Гродно, Ковно, Суwalkи, Подолье, Волынь, Минск, Могилев, Витебск, Смоленск, Киев, Чернигов, Екатеринослав, Херсон, Орел, часть Калужских и Тульских земель, т. е. от Балтики до Черного моря. Самые восточные пограничные заставы литовцев находились в 65 милях от Москвы [1, р. 43].

Эпоха Речи Посполитой описывается как период постоянного противостояния Москвы и Польши. При этом негатив приписывается толь-

ко одной стороне. Например, во время войны 1654–1656 гг. московские войска «разрушили 200 западно-русских городов». На протяжении 200 лет «враждебность продолжалась почти без перерывов» [1, р. 63].

Здесь важно отметить методологический подход Вакара в его выводах по главам. Не являясь профессиональным историком, занимающимся конкретными событиями белорусской истории, он не категоричен в однозначности оценок, а приводит разные точки зрения.

Например, выводы по четвертой главе книги.

С отсылкой к В. И. Пичете, он пишет: в то время как высший класс и значительная часть среднего в итоге приняли польскую культуру, большая часть белорусского крестьянства остались верными своим традициям. Здесь же идет добавление по В. М. Игнатовскому: московская политика была в значительной степени виной упадку и гибели западно-русской культуры. Вновь Пичета: польско-литовский союз был чем-то вроде древней республики с небольшим классом властителей, управлявших классом рабов. А союз с Москвой был разрушительным для народа, образ жизни которого «полностью не совпадал с социальной структурой и моральным климатом Московского государства» (это по Игнатовскому). И далее отсылка на В. Ю. Ластовского: в процветавшей прошлом белорусской нации не было ничего, что вызывало бы чувства симпатии у белорусского народа как к Польше, так и к России: «...Горькие воспоминания о прошлом отворачивают белорусов от тех и других» [1, р. 64].

Разделы Польши не повлекли за собой создание самостоятельной белорусской территориальной единицы в рамках Российской империи. Их вновь поделили, но в иной форме. Перешедшие к Российской империи территории с белорусским населением автор называет «аннексированными территориями». При этом он отмечает, что при формальном провозглашении равенства белорусов в своих правах с русским населением, в реальности ситуация была парадоксальной: под русским правлением здесь усилилась колонизация [1, р. 65–66]. Поляков и литовцев российские власти не притесняли. После «польского восстания 1831 г.», в котором белорусское население не принимало участия, оно пострадало от репрессий даже больше, чем польское [1, р. 69].

Отмена крепостного права в России в 1861 г. всколыхнула землю под ногами местных землевладельцев. Поляки вновь организовали восстание против России в 1863 г. Этим они восстановили против себя даже либеральные круги. А «карательная экспедиция Муравьева» практиковала жесткое отношение к белорусам, нисколько не лучше, чем к полякам [1, р. 70, 73].

После разделов начинается политика русификации. Вся жизнь перестала подчиняться российским правилам и под русский язык. До того белорусы были под поляками, теперь те же белорусы оказались под русскими. Автор заключает, что к концу XIX в. белорусы представляли собой в Российской империи в социологическом плане «самую низшую страту местного населения» [1, р. 74].

Национальное самосознание начинает проявляться у белорусов только в конце XIX в. Этот процесс затруднялся тем, что к тому времени не существовало письменной формы белорусского языка, а формирование в начале XX в. «белорусского политического национализма» было прервано Первой мировой войной, когда тысячи белорусских семей двинулись на восток, а линия фронта разделила белорусов на части [1, р. 93].

Здесь же Вакар обвиняет самих белорусов в том, что они не смогли воспользоваться предоставленной немецкой оккупационной администрацией возможностью создания самостоятельного государства. Немцы поддержали идею о том, что белорусский народ – это отличный народ как от поляков, так и от русских и позволили начать работу по формированию белорусской администрации. Но и Антон и Иван Луцкевичи, создав Белорусскую социалистическую Громаду, так и не верили даже сами в возможность создания самостоятельного белорусского государства. И тогда в ходе переговоров родилась идея воссоздания ВКЛ в старых границах. Немцы и этому не противились. Но переговорщики перессорились между собой: белорусы с литовцами из-за Вильно, поляки настаивали на том, что в новом государстве главными будут они. Вскоре у немецкой стороны к этому вопросу интерес пропал. Немцы сделали ставку на Литву и включили белорусские земли в состав литовского государства. Белорусы стали «национальным меньшинством в составе иностранного государства» [1, р. 93–94].

В такой ситуации после «русской революции в марте 1917 г.» белорусы, как и все другие народы в империи, устремили свои взоры в Питер как на «новый символ свободы, равенства и справедливости». Белорусские националисты в это время погрязли в своих внутренних раздорах [1, р. 96, 98].

После ухода немецких войск из Белоруссии 2 мая 1918 г. польский сейм заявил, что Белоруссия принадлежит Польше и является ее неотъемлемой частью. Встала задача – освободить Белоруссию от большевиков. Вакар этому периоду дает такую оценку: значительная часть белорусской интеллигенции и среднего класса «предпочла бы заключить союз с дья-

волом, нежели быть брошенными в советские застенки. Когда польские войска вошли в Минск, Пилсудского с энтузиазмом приветствовали как «друга и освободителя белорусского народа» [1, р. 110]. Руководство БНР вернулось из-за границы. Началось возвращение белорусского языка, воссоздание белорусских школ и т. д. А далее следует такая антироссийская оценка: «В большинстве случаев Луцкевич лишь восстановил то, что было утрачено во времена немецкой оккупации и было разрушено за короткое советское время» [1, р. 113]. То есть – немцы лишь не давали развиваться всему белорусскому, а вот большевики – разрушили!

После Рижского мира политику полонизации в западной Белоруссии Вакар называет не иначе как «колониальная политика», при которой 37 % обрабатываемой белорусской земли принадлежало полякам [1, р. 132]. В восточной же части Белоруссии была достигнута главная цель белорусских националистов: пусть даже и с неправильной системой управления, но «было создано государство равное в правах с самой Россией» [1, р. 138]. В противоположность полонизации здесь проводилась политика белорусизации, которое потом будет заменена русификацией.

Вывод автора: 20 лет раздела Белоруссии на две части привели к тому, что за это время в разных ее частях выросли два разных поколения, в разных культурах, с разными центрами в Вильно и Минске. Полонизация и русификация с каждым годом все больше разделяли белорусов в части языка, литературных стандартов и образования в целом [1, р. 155].

Договор с Германией 1939 г. автор называет четвертым разделом Польши, наступление Красной армии 17 сентября – «советской оккупацией». Правда, с существенной оговоркой: советско-германский раздел Польши означал для белорусов долгожданное воссоединение страны, когда они «смогли почувствовать, что их страна наконец-то стала по настоящему нацией». Нацией, которая не испытывала страха перед советским коммунизмом. Белорусы думали, что «в их жизни уже ничего не может быть хуже, чем было при польском господстве» [1, р. 155, 156].

Особенностью книги Вакара является и то обстоятельство, что в самой работе нет источников, на которые часто ссылается автор. Они изданы отдельным библиографическим указателем [3]. В указателе впечатляющий список справочной и научной литературы: труды Е. Ф. Карского, В. И. Пичеты, Т. Д. Флоринского, В. М. Игнатовского, М. В. Довнар-Запольского, Д. И. Иловайского, М. К. Любавского, В. Б. Антоновича, А. И. Луцкевича, П. Н. Милюкова и других ученых.

Уже будучи в отставке, Н. П. Вакар в 1968 г. публикует свою последнюю работу по Белоруссии – статью в сборнике по национальным

меньшинствам в СССР под редакцией Эрика Голдхагена ««Белорусский народ между государственностью и исчезновением» [2].

Вначале автор констатирует, что БССР является самостоятельной национальной республикой в составе Советского Союза, со всеми присущими атрибутами государственности (флаг, герб, гимн) и правом выхода из состава СССР. Но при всех этих формальных признаках независимости фактически Белоруссия управляется Москвой.

Но самое главное, что теряет Белоруссия – это свою национальную культуру, то единственное, благодаря чему «население все еще останется белорусским». Эта «битва белорусских патриотов» за сохранение национальной культуры, как ее называет Вакар, похоже, ими проигрывается. И приводит следующие аргументы.

Белорусский язык. Он формально является языком Белорусской республики. Но его редко можно услышать на улицах и в учреждениях Минска. Все высшее образование ведется на русском языке. На очереди средняя и начальная школы. Все школьные учебники издаются на русском языке. Писатели предпочитают издаваться на русском языке. Вся печатная продукция Белорусской академии наук – на русском языке. Русский язык становится главным не только в городах, но и в деревнях Белоруссии.

И Вакар задается вопросом: белорусы являются третьей по численность языковой группой населения в СССР, так почему же они «показывают такое слабое сопротивление систематической русификации?» [2, р. 222]. И сам же дает ответ: новая белорусская интеллигенция считает, что русский язык необходим и выгоден, при этом он «нисколько не делает их менее белорусами» [2, р. 222] в сравнении с теми, кто не говорит по-русски. Они не считают, что русский язык обязательно является угрозой белорусской независимости.

Далее автор описывает свои беседы с молодым белорусом, который учился в США по обмену. Студент говорил так о себе и русском языке: для меня русский язык открыл весь мир мировой литературы и культуры; зная русский язык, я не стал менее белорусом, чем мой отец, который даже в руки не берет книги и газеты на русском языке. И далее основное: «Для нас русский – это язык Советского Союза, а не язык русских. Это мировой язык, такой же, как английский и французский» [2, р. 224].

Вакар не спорит со своим собеседником. Он задается вопросом: а не приведет ли желание быть «большим белорусом» (в части русского языка) к опасности самоуничтожения? При этом Вакар выражает здесь и свою позицию: русский язык мешает белорусам «быть, или стать на-

цией» [2, р. 223]. Вакара настораживает заявление молодого собеседника о том, что не белорусская культура и не белорусский язык сделали его белорусом, ощущать себя белорусом его сделало белорусское государство [2, р. 226]. На что Вакар реагирует так: а говорит ли о наличии белорусской нации наличие белорусского государства? И делает вывод: в части сегодняшней (1968 г. – *Е. К.*) Белоруссии «мы не можем говорить ни о государственности, ни об исчезновении. Этот народ имеет свои специфические этнические характеристики, но тенденция сегодняшнего дня – только сохранить их как историческую и чувственную ценность» [2, р. 226]. Другими словами, по Вакару, наличие формальной белорусской государственности в составе СССР никак не свидетельствует о наличии белорусской нации.

Выводы:

Опубликованная в 1956 г. Гарвардским университетом работа Н. П. Вакара «Белоруссия. Становление нации» стала первым научным зарубежным исследованием по истории Беларуси, положившим начало процессу формирования американского белорусоведения.

Н. П. Вакар, не будучи профессиональным историком, описывает прошлое Белоруссии, опираясь на большой пласт научной литературы, ранее опубликованной историками Белоруссии, России, Польши, Литвы, Украины. Его выводы и заключения редко однозначны и категоричны, большей частью автор предлагает разные точки зрения на ключевые моменты белорусской истории, пытаясь тем самым быть максимально объективным в оценках.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Vakar, Nicholas P.* Belorussia. The Making of a Nation. A Case Study. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1956.
2. *Vakar, Nicholas P.* The Belorussian People Between Nationhood and Extinction // *Ethnic Minorities in the Soviet Union*. Ed. by Erich Goldhagen. New York, F. A. Praeger, Inc., 1968. P. 218–229.
3. *Vakar, Nicholas P.* A Bibliographical Guide to Belorussia. Cambridge: Harvard University Press, 1956. 63 p.
4. *Vakar, Nicholas P.* The Name «White Russia», *The American Slavic and East European Review*, Vol. 8, No. 3 (Oct., 1949). P. 201–213.
5. *Vakar, Nicholas P.* Papers (MS Russ 58 (1). Houghton Library, Harvard. Notebook 1, Dec. 1938 – Nov. 1939. Folder 1 of 8.
6. *Vakar, Nicholas P.* Papers (MS Russ 58 (1). Houghton Library, Harvard. Notebook 1, Dec. 1938 – Nov. 1939. Folder 3 of 8.

7. *Vakar, Nicholas P.* Papers (MS Russ 58 (1). Houghton Library, Harvard. Notebook 1, Dec. 1938 – Nov. 1939. Folder 4 of 8.

8. *Vakar, Nicholas P.* Papers (MS Russ 58 (3). Houghton Library, Harvard. Last days of *Poslednie novosti*.

9. *Vakar, Nicholas P.* Papers (MS Russ 58 (2). Houghton Library, Harvard. Notebook 2, Nov 1939 – Mar 1940. Folder 1 of 5.

10. *Vakar, Nicholas P.* Papers (MS Russ 58 (2). Houghton Library, Harvard. Notebook 2, Nov 1939 – Mar 1940. Folder 3 of 5.

11. *Vakar, Nicholas P.* Papers (MS Russ 58 (2). Houghton Library, Harvard. Notebook 2, Nov 1939 – Mar 1940. Folder 4 of 5.

12. *Vakar, Nicholas P.* Papers (MS Russ 58 (4). Houghton Library, Harvard. Loose sheets from notebook 2, Boston, May [1941].

Лойко А. И.

Белорусский национальный технический университет (г. Минск, Республика Беларусь)

ФИЛОСОФИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ – МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЙ В. И. ПИЧЕТЫ ПО ИСТОРИИ НАРОДОВ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

В. И. Пичета изучал историческую динамику народов Восточной Европы на основе признания их культурной специфики. Этот подход созвучен философии идентичности, в рамках которой особую роль играет тематика этногенеза, становления наций и их культурной самобытности.

В результате техногенной эмансипации идентичность приобрела конкретный набор системных характеристик, связанных с этнографией, сексуальностью, гендером, возрастом, межрасовым синтезом, классовыми интересами. Это разнообразие формирует содержание современной философии идентичности [8].

В начале XX столетия В. И. Ленин использовал основные положения этнологии К. Маркса в области национального вопроса для решения конкретных политических задач в пределах бывшей Российской империи. Его интересовал вопрос о сохранении единого экономического и политического пространства на основе положения о праве наций на самоопределение. В рамках изучения этого вопроса им был взят за основу концепт нации – территориально-экономической общности населения. По мнению В. И. Ленина процесс становления новых государств в Восточной Европе был неизбежен.

Одним из таких государств хотела стать Беларусь. Об этом свидетельствовал Первый всебелорусский съезд в декабре 1917 г. Он проходил в Минске в условиях прифронтовой обстановки. Его работа была приостановлена, но усилия сторонников белорусской государственности привели к провозглашению в Смоленске 1 января 1919 г. Советской Социалистической Республики Белоруссии. В. И. Пичета находился в атмосфере этих событий. С 1918 г. он преподавал в Белорусском народном университете в Москве [1]. Он разработал первый системный курс по истории Беларуси.

Своими исследованиями В. И. Пичета оказал значительное влияние на позицию В. И. Ленина по белорусскому вопросу. В этом вопросе лидер большевиков руководствовался территориально-экономическими критериями нации, что позволило ему на основе фундаментальных исследований Е. Ф Карского и В. И. Пичеты сформировать полное представление о белорусской нации. В нем учитывались критерии языка и этнографического самовыражения, культурные традиции, особенности ментальности и территориальная самоидентификация народа.

Этнические белорусы стремились создать национальное государство, которое требовало национальной экономики, инфраструктуры, образования, науки. Именно эта особенность национального вопроса в Восточной Европе была заложена в программы индустриализации, культурной революции, выравнивания уровня развития национальных окраин к уровню промышленных регионов бывшей Российской империи. С этой целью было проведено территориальное перераспределение научных и инженерных кадров, высококвалифицированной рабочей силы.

Беларуси предстояло выработать самостоятельный опыт модернизации, идентичной культуре народа. Такая модернизация требовала хорошего знания истории народа, механизмов культурного детерминизма [7]. На основе этих механизмов определялось пространство синергии культурного ландшафта [4]. В этой связи возникает исследовательская тематика социальной психологии партикулярной структуры [5].

Описанная концептуальная модель философии идентичности стала основой научной деятельности В. И. Пичеты. Ученый формулировал свое отношение к истории и перспективам развития Беларуси в категориях сознательного выбора. Страна ему была близка историческим прошлым. Самоидентификации способствовали и сформировавшиеся еще до революции научные интересы, связанные с аграрной политикой в Великом княжестве Литовском. В. И. Пичета защитил в Московском

университете магистерскую диссертацию на тему «Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве».

Дореволюционные исследовательские проекты В. И. Пичеты в области славистики после 1917 г. были мотивированы задачами государственного и культурного строительства БССР. В период с 1918 по 1920 г. В. И. Пичета занимался вопросами этногенеза белорусов, географией их расселения, межкультурной демаркации. В рамках этого этапа реализации философии идентичности ученый способствовал консолидации белорусской нации, ее институционализации в форме системы национальных учреждений. Велика его роль как ректора в становлении Белорусского государственного университета, а также Института белорусской культуры [3].

В 1920 г. во время участия в переговорах в Риге ученый представил аргументы по белорусскому вопросу, касавшиеся демаркации границы между Беларусью и Польшей. На переговорах В. И. Пичета приобрел опыт дипломатической работы. Он был настроен на защиту национальных интересов Беларуси. Но отстоять территориальную целостность страны не удалось. Западная часть Беларуси отошла к Польше. Территориально белорусское государство оказалось в пределах территории бывшей Минской губернии. После передачи Российской Федерацией БССР территорий, населенных этническими белорусами, сформировалось единое пространство Восточной Беларуси.

В. И. Пичета в 1920-е гг. посвятил свою деятельность не только административным вопросам управления университетом, но и исследовательской миссии. Этому способствовало 400-летие белорусского книгопечатания. Оно сконцентрировало внимание В. И. Пичеты на вопросах культурного наследия Беларуси. Им была актуализирована тема скоринианы [6].

В. И. Пичета был убежден, что Ф. Скорина занимает особое место в становлении культуры Беларуси. Он родился в Полоцке в период Возрождения; был православным человеком, что не помешало ему получить образование в университетах Кракова и Падуи. Сочетая разнообразие интересов в области культуры, он стремился сделать книгу и образованность ключевыми ценностями белорусского народа. Имея медицинское образование, занимался биологией, был директором ботанического сада в Праге. Одним из направлений деятельности Ф. Скорины было книгопечатание. В нем он реализовался как философ и гуманист, переводчик и оригинальный мыслитель.

Книгопечатание на Беларуси получило широкое распространение с XVI в. Издательской деятельности первопечатников способствовали

православные братства. Ф. Скорина стал основоположником белорусского книгопечатания, издав в 1517 г. первую книгу, адресованную белорусскому населению. В тексте книги церковнославянский язык соседствует со словами белорусского языка. Библия стала основой издания его книг. Философ сопровождал издания предисловиями. Он заложил в Беларуси уникальную традицию библеистики. Его издательская деятельность проходила в Праге и Вильно. Ей способствовали меценаты. По мнению В. И. Пичеты это является важным показателем зрелости белорусской культуры как единого интеллектуального пространства.

Ф. Скорина способствовал распространению книгопечатания в Московском государстве. По мнению В. И. Пичеты православную основу книгопечатания, заложенную Ф. Скориной, продолжили И. Федоров, П. Мстиславец, В. Тяпинский. В. И. Пичета осуществил уникальное историографическое исследование творчества Ф. Скорины. Он разделил его хронологически по источникам на два периода. Первый период включает 1776 г. – конец 80-х гг. XIX в. Начало второму этапу дала монография П. В. Владимирова о Ф. Скорине. В ней реализован системный подход к культурному наследию Беларуси. Эта работа оказала влияние на В. И. Пичету и мотивировала его к созданию целого направления исследований биографии и творчества Ф. Скорины. Благодаря этой инициативе накоплен значительный материал, раскрывающий особенности жизни и деятельности Ф. Скорины.

Феномен Ф. Скорины отражает, по мнению В. И. Пичеты, европейский контекст эпохи Возрождения. Важную роль в реализации творческих планов Ф. Скорины сыграли технологические предпосылки в области производства бумаги. Белорусский первопечатник при разработке печатного станка использовал европейские аналоги. Он адаптировал литерные оттиски к особенностям кириллицы. В этом ему помогло знание механики, химии, физики. Ф. Скорина пользовался знаниями технических, естественных и гуманитарных наук. Он решал практическую задачу распространения грамотности и образованности среди белорусского народа. Нравственную основу его книгам придавала Библия.

Тема Возрождения стала для В. И. Пичеты одной из основных при рассмотрении истории Беларуси [2]. В ее рамках он выявил особенности духовной динамики, связанные с Реформацией. В поле его рассмотрения оказалось творчество С. Будного, его связь с социальными процессами в Великом Княжестве Литовском. В. И. Пичета проанализировал причины политической нестабильности этого государства, обусловлен-

ные эксплуатацией крестьян и городских слоев общества. Вследствие этого Реформация уступила место Контрреформации, с которой началась эпоха усиления давления на белорусскую культуру и ее православные ценности. Терял позиции гуманизм. На фоне смены исторических эпох В. И. Пичета высоко оценил роль Возрождения в становлении белорусской культуры.

В. И. Пичета стал основоположником исследований в области экономической истории Беларуси. Ему удалось объяснить причины исторического краха Речи Посполитой. Они заключались в периферийном статусе внутренней экономики, торговля которой была монополизирована купцами из Голландии. Торговые пути сходились в Данциге, где товары скупались по заниженным ценам. Белорусские магнаты вынуждены были усиливать эксплуатацию крестьян с тем, чтобы получить собственную долю прибыли за их счет. Эксплуатация сопровождалась усилением религиозного давления на православное население. В результате крестьяне были настроены на массовое бегство в Запорожскую Сечь. Этому способствовало и отсутствие внутренней границы между Беларусью и Украиной. Для В. И. Пичеты эти страны рассматривались в едином исследовательском поле. В их истории он видел общее и особенное. Уникальность выражалась в феномене идентичности и культурной самобытности и проявлялась в языке, запаздывании Возрождения на Украине.

Таким образом В. И. Пичета эффективно и оригинально использовал методологический потенциал философии идентичности в своих работах. Он оставил уникальное творческое наследие, которое оказалось созвучным современной проблематике этногенеза.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Баранова Е. В., Яновский О. А. В. И. Пичета: белорусское обрамление исторического портрета (к 130-летию со дня рождения) // Российские и славянские исследования: науч. сб. Минск, 2008. Вып. 3. С. 219–232.

2. Демидович А. В. Ренессансный аспект деятельности Ф. Скорины в исследованиях В. И. Пичеты // Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы: материалы X Международной научной конференции, Гомель, 25–26 мая 2017 г. / М-во образования Респ. Беларусь [и др.]; под общ. ред. В. В. Кириенко. Гомель : ГГТУ им. П. О. Сухого, 2017. С. 180–182.

3. Иоффе Э. Г. Академик В. И. Пичета: страницы жизни. Минск : Изд-во БГУ имени В. И. Ленина, 1981. 124с.

4. Лойко А. И. Синергия социального пространства. Саарбрюккен : Palmari-um Academic Publishing, 2016. 145 с.

5. *Лойко А. И.* Социальная психология партикулярных структур. Саарбрюкен : Palmarium Academic Publishing, 2016. 140 с.

6. *Пичета В. И.* Scoriniana. 1776-1926 // В кн.: 400-леще беларускага друку. Минск : Інстытут беларускай культуры, 1926. С. 284–327.

7. *Трубцын Д. В.* Культурный детерминизм в концепции модернизации: философско-методологический анализ // Вопросы философии. 2009. № 8. С. 39–55.

8. *Howard J. A.* Social Psychology of Identities // Annual review of sociology. 2000. № 26. P. 367–393.

Мелешко Е. И.

*УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»
(г. Гродно, Республика Беларусь)*

МИХАИЛ И ПАВЕЛ БОБРОВСКИЕ: ВОСПИТАНИЕ ИСТОРИКА

XIX век явился периодом возникновения в исторической науке нового предмета исследования – прошлого белорусских земель и белорусского народа. Подъём национального движения ряда славянских народов, события, связанные с присоединением белорусских земель Речи Посполитой к Российской империи, идеологическое противостояние католицизма и православия на этих землях обусловили неподдельный интерес общества к этим явлениям и возбудили активное историческое и этнографическое изучение Беларуси. Представители статистических комитетов, путешественники, географы, археологи, собиратели старины, журналисты, священнослужители, военнослужащие – вот далеко не полный перечень участников исследовательского процесса. Этим людям современная отечественная наука обязана созданием и накоплением ценного круга источников. В списке их заслуг – поиск и публикация документов, рукописей, первопечатных изданий, описание памятников материальной культуры, в том числе и не сохранившихся до сего дня, создание первых музейных коллекций, формирование архивной и археографической базы края, построение первых концепций его исторического развития, накопление этнографических знаний.

Среди плеяды белорусских историков XIX в. особое место занимают Михаил (1784–1848) и Павел (1832–1905) Бобровские. Они происходили из старинного рода «червонорусских дворян» города Дрогичина Бельского уезда Гродненской губернии [4, с. 12]. Бобровские уже в XVII в. владели несколькими имениями в юго-западной части Грод-

ненщины. Наиболее древняя грамота, найденная Павлом Бобровским в актах дрогицкого суда, относилась к 1632–1634 гг. Подписанная королем Речи Посполитой Владиславом IV, она содержала распоряжение о назначении дворянина Михаила Бобровского на должность местного дрогицкого администратора в звании летическогоподчашия. В грамоте указывались наследственные владения семьи – имения Островице, Лишки, Залесье и Глуховка в окрестностях города Дрогичина [4, с. 12].

Затем родословные документы на долгое время упускают из вида экономическое преуспевание рода как крупного земельного собственника. Следует заключить, что наследники подчашия – сын Емельян, внук Матвей и правнук Иван – передавали из поколения в поколение права на владение имениями. Видимо, в силу определённых причин к середине XVIII в. родовое состояние пришло в упадок, поскольку следующему наследнику Кириллу Ивановичу Бобровскому пришлось продать земельное наследство предков [4, с. 12].

О колоритной личности Кирилла Бобровского следует сказать особо. Его внук Павел Бобровский с гордостью рассказывал о тяжёлой жизни разорившегося деда и тщательно собирал о нём положительные отзывы людей, знавших Кирилла Ивановича лично [4, с. 31]. С 1757 г., когда Кирилл Иванович стал полноправным владельцем наследственных земель, его начинают преследовать финансовые неудачи. Уже в 1762 г. ему пришлось продать остаток вотчины – деревню Углы [4, с. 12]. В поисках благополучия он отправился в путешествие по южным землям, долгое время жил в Киеве. В возрасте сорока лет в мировосприятии К. И. Бобровского наступил перелом. Он возвратился на родину и поступил в Клещельскую школу при униатской церкви, затем – в Брестскую духовную семинарию, где, несмотря на свой далекий от студенческих лет возраст, «в обучении превосходил всех» [9, с. 166]. По окончании семинарии брестский епископ посвятил его в духовное звание униатского священника. Отец Кирилл вступил в брак с девицей Анной из рода Крупских [4, с. 31]. Его назначили приходским священником Вольчанской церкви. Постепенно жизнь у К. И. Бобровского налаживалась. Священник обустроил свой быт, воспитывал пятерых сыновей, приобрёл уважение своих прихожан, которые отзывались о нём, как о «человеке умном, домовитом хозяине, заботливом отце» [4, с. 13].

Но лишь на недолгое время несчастья оставили семью. Через двенадцать лет супружеской жизни умерла жена. Из пятерых сыновей в живых осталось лишь двое: старший Осип и средний Михаил [4, с. 31]. Смысл жизни для отца Кирилла сконцентрировался на воспитании де-

тей. Будучи человеком высоких нравственных качеств, он сумел привить им любовь к знаниям. Сам отец Кирилл не имел высшего образования, но считал необходимым отдавать все средства на оплату учёбы сыновей. Благодаря его самоотверженности, Осип Кириллович Бобровский стал профессором Виленского университета, получил известность как доктор философии и магистр права [5, с. 41]. Финансовая независимость О. К. Бобровского позволила приобрести недалеко от Вильно имение Вакка, куда он перевёз свою жену, урождённую Марию Павловну Кунахович.

Кунаховичи были представителями обедневшего дворянского рода и жили по соседству с Бобровскими в имении Клещели на Дрогичинщине [5, с. 41]. Семья старшего сына стала надёжной опорой постаревшему отцу Кириллу, который дожил до 84 лет и умер, удовлетворённый успехами своих сыновей [9, с. 168].

Младший сын Михаил прославил фамилию Бобровских в пределах всего славянского региона Европы. Окончив последовательно Белостокскую гимназию и Главную Виленскую духовную семинарию, он получил степени доктора теологии, магистра филологии и философии. В качестве преподавателя Виленского университета он использовал возможность пятилетней стажировки в западноевропейских университетах. За это время изучил более 20 современных ему и мёртвых языков, завязал дружественные контакты с известными учёными-славистами, подготовил к публикации исследование по славянским рукописям. По возвращении в Вильно он стал профессором герменевтики и экзегетики университета, вёл активную преподавательскую и научную деятельность, а каникулярное время проводил в приобретённом имении Шерешево Пружанского уезда Гродненской губернии [13, с. 41].

Будучи рукоположенным в звание каноника Брестского капитула, Михаил Кириллович не женился, а все своё внимание отдавал сыновьям старшего брата – Михаилу и Павлу. После скоропостижной смерти брата М. К. Бобровскому пришлось взять на себя весь груз забот по воспитанию и содержанию племянников. Он перевёз осиротевшую семью в имение Обруч, недалеко от Шерешево, сумев сохранить за мальчиками права владения их наследственной усадьбой Вакка [5, с. 41].

Большую часть времени Павел проводил в Шерешево. Личность его дяди, Михаила Кирилловича, его человеческие качества и профессиональные достижения на всю жизнь стали для племянника примером и предметом гордости. Профессор Виленского университета М. К. Бобровский, как человек разносторонний и талантливый, отличился в изу-

чении многих наук – теологии, философии, филологии, истории, археологии, литературы. Мировую известность ему принесли открытие и изучение древнеславянских рукописей и первопечатных книг. Его заслуги признаны были Археологической академией в Риме, Парижским и Лондонским обществами азиатских наук, Московским обществом истории и древностей российских, почётным членом которых он состоял [10, с. 249]. Не единожды учёный был удостоен награды от российского императора.

Как натура деятельная, М. К. Бобровский не замыкался в узких рамках теоретических поисков. Вернувшись из научной командировки в европейские университеты, он сразу же начал коренные преобразования на теологическом факультете Виленского университета: заменил учебники, попытался ввести новую методику преподавания [14, с. 55]. Вместе со своими друзьями-коллегами, профессурой университета – И. Левелем, И. Ярошевичем, И. Даниловичем, И. Онаевичем – Михаил Кириллович организовал студенческий кружок по поиску исторических источников с целью популяризации знаний о родном крае [12, с. 11]. Его личная библиотека, собираемая в течение всей жизни и отнявшая значительные средства, содержала многочисленные раритеты XI–XVII вв. Это собрание насчитывало более тысячи томов и являлось первой на территории белорусских земель коллекцией историко-литературных памятников.

М. К. Бобровский подготовил к печати несколько трудов, в том числе «Историю славянских книгопечатен в Литве» и «Описание древнеславянских книг и рукописей в библиотеках Европы». Он поддерживал научные контакты с представителями европейского славяноведения: А. Востоковым, И. Лобойко, П. Кеппеном, И. Добровским, В. Копитаром [2, л. 3, 10–12, 50]. О его неизданных по причине нехватки средств трудах ходили легенды [11, с. 20], студенты восхищались его эрудицией и талантами [2, л. 3], с ним спешили установить близкое знакомство меценаты и любители археологии из аристократических кругов [2, л. 31; 14, с. 57]. Своей просветительской деятельностью в стенах Виленского университета и Главной Виленской духовной семинарии профессор подготовил целый ряд своих последователей. Он пользовался заслуженным авторитетом у известных представителей местного униатского клира: М. Голубовича, И. Гомолицкого, П. Янковского, А. Тупальского, А. Сосновского, П. Сосновского. Круг этих священников, по оценке минского архиепископа А. Зубко, являлся «оазисом в литовских губерниях, в котором был слышен поповско-народный патриотизм» [7, с. 312]. Удачли-

вые в карьере и титулованные ученики М. Бобровского И. Семашко и А. Зубко не раз приезжали к Михаилу Кирилловичу за советом и помощью [2, л. 46, 47, 102, 108; 7, с. 330].

Данные факты позволяют судить о богатой духовной атмосфере, в которой рос и воспитывался Павел Осипович Бобровский. Его родной дядя, а также крёстный отец И. Ярошевич, автор популярных исследований по литовской истории [5, с. 42], друзья семьи, часто посещавшие Шерешево, повлияли на формирование у мальчика интереса к историческим наукам. Немаловажное значение имел тот фактор, что люди, окружавшие учёного в детстве, являлись представителями униатского духовенства или выходцами из него. В западно-белорусских губерниях эта прослойка играла роль интеллектуальной и духовной элиты. По своему происхождению она была ближе белорусскому крестьянству, чем польская шляхта или русское дворянство.

В своих публикациях Павел Осипович Бобровский впоследствии всегда с теплотой вспоминал о детстве, с благодарностью отзывался о людях, участвовавших в его воспитании [4, с. 9]. Для мальчика финансовая несостоятельность семьи в полной мере компенсировалась заботой и вниманием родных. По достижении необходимого возраста Михаил Кириллович сам готовил племянника к учёбе: преподавал ему арифметику, языки и историю. В десять лет Павел Бобровский с успехом выдержал экзамен в Пружанское пятиклассное дворянское училище [5, с. 42]. Возможно, Михаил Кириллович планировал для племянника карьеру учёного, но обстоятельства сложились иначе.

Деятельность М. К. Бобровского в сути своей противоречила установленному курсу правительства в области культуры. В Российской империи в отношении присоединённых губерний набирала ход кампания борьбы с «польскостью и латинством», поддерживавшая унификацию национальных индивидуальностей славянских народов.

В это же время – в 30–40-е гг. XIX в. – учёный-славист М. К. Бобровский, как представитель идеологии романтизма, популяризировал культурные особенности родного края. Ещё в 1824 г. по итогам «дела филоматов и филаретов» Михаил Кириллович был лишён профессорской кафедры и сослан в Жировичи. Тогда же из стен Виленского университета была изгнана вся либеральная профессура, обвинённая в содействии «польскости». Влиятельные друзья в Санкт-Петербурге смогли исходатайствовать помилование, и уже в 1826 г. профессор возвратился к преподаванию [14, с. 57]. Но заступничество действовало недолго, и в 1829 г. с началом реформ в униатской церкви, которые в

конечном итоге привели к ликвидации унии, М. К. Бобровского перевели на должность младшего соборного протоиерея Жировичской кафедры. Приведённый в мемуарах А. Зубко эпизод свидетельствует, что учёный, несмотря на преследовавшие его трудности, не изменил своим убеждениям: «он публично в аудитории, когда один из учеников назвал греко-российскую церковь схизматическою, отозвался: «Они ли, мы ли схизматики, об этом Богу, а не нам судить»» [7, с. 330]. Опасный своим либерализмом, популярностью среди местной интеллигенции, М. К. Бобровский вскоре был отстранён властями и от этой должности.

О бедственном положении семьи в конце 30–40-х гг. XIX в. свидетельствуют строки личного письма учёного к профессору И. Лобойко: «...мы остались без всяких средств к жизни, а когда используем ту безделицу, которую выручили за продажу книг, не знаю, чем буду существовать, разве подаянием... Мои начальники строго соблюдают высочайший приговор и не пытаются дать мне какое-либо дело в духовном ведомстве, хотя и знают о моём положении... Может господин Кеппен имеет способ представить меня министру, епископ Булгак не имеет возможности...» [2, л. 10–11]. В 1833 г. М. К. Бобровскому предоставили Шерешевский приход, где в должности приходского священника он прославился тем, что читал проповеди на «чернорусском наречии», чем заслужил себе небывалую популярность среди народа.

Но семья продолжала испытывать финансовые проблемы. Бывший профессор постепенно распродал свою уникальную библиотеку [2, л. 10]. После пожара в Шерешево, принёсшего большой урон имению [14, с. 56], Михаил Кириллович вынужден был заложить оставшуюся его часть и за долги отдать после своей смерти помещику Владиславу Тренбицкому [2, л. 3]. Как и полвека тому назад, когда приходской священник Кирилл Бобровский отдавал все средства на обучение сыновей, отец Михаил ограничивал себя ради племянников.

Неожиданная помощь пришла от дворянского попечительского комитета губернии, который предоставил М. К. Бобровскому возможность отдать Павла на иждивение дворянской опеке в Полоцкий кадетский корпус. Это среднее учебное заведение было создано в 1830 году вследствие реформы, позволившей готовить офицеров для армии вблизи их родных мест на средства дворянских комитетов местных губерний. Вынужденный обстоятельствами, дядя прерывает учёбу Павла в Пружанском училище и направляет его в Полоцк, тем самым определив воспитаннику военную карьеру. Тяжёлые испытания принёс 1848 год. С весны в Полоцке свирепствовала холера. Преподаватели ценой своей жиз-

ни спасли мальчиков, полностью изолировав их от города. В том же году Павел получил из Шерешево весть о смерти дяди, ставшего ещё одной жертвой эпидемии. Нищета не позволила организовать подобающее прощание, и местный дьячок скромно похоронил учёного у алтаря кладбищенской церкви. Имение было распродано за долги [4, с. 5].

В дальнейшем П. О. Бобровский связал свою судьбу с профессией военного. Он прошёл все ступеньки карьеры от воспитанника Полоцкого кадетского корпуса до генерала русской армии, начальника Военно-юридической академии России. Перечень его заслуг достаточно внушителен: кавалер многих почётных орденов империи, участник Крымской войны, один из активных деятелей либеральных реформ 60–70-х гг. XIX в., активный участник реорганизации системы российского профессионального военного образования, сенатор. Кроме общественной деятельности историческая наука стала ещё одной сферой реализации этой личности. О творческом потенциале П. О. Бобровского рассказывает сегодня его научное наследие – десятки книг, критических статей и многотомных трудов. В научных кругах он был известен как военный историк и историк права. Несправедливо забыто другое амплу исследователя-Бобровского. Сегодня для историографии Беларуси наиболее ценен ряд его краеведческих работ, которые были среди первых исследований по истории, географии и этнографии края.

Как истинный патриот родного края, П. О. Бобровский в своих работах по истории показывал читателям прошлое белорусских земель, особенности их современного развития, составлял собственные проекты на будущее. Он считал своим долгом дать народу знания о его истории, этнографической стороне жизни, физико-географических свойствах края. Он верил, что популяризация знания поможет в поднятии белорусов на новый социально-экономический уровень и будет воспитывать гражданское самосознание.

Пристальное внимание в русской историографии вызвали вышедшие в 1864 г. «Материалы по географии и статистике» по Гродненской губернии [3]. Оригинальная авторская концепция об этногенезе западно-белорусских территорий, изложенная П. О. Бобровским, была высоко оценена П. А. Бессоновым во вступительном историографическом очерке к «Белорусским песням» [1, с. XLV–XLVIII]. Он выделил труд Бобровского среди других исследований о «Северо-западном крае»: «всестороннюю образованность автора, глубокий, практический и научный характер работы, взгляд простой и ясный, любовь и народной жизни». П. Бессонов указал, что автор «Материалов» «уловил все черты жизни,

раскрыл язвы и беды Белой Руси». «Таких писателей и людей называют народными» – заключал краевед [1, с. XLVII].

Увлечённость автора «Материалов» историей и генеалогическая связь с Гродненщиной делали его не случайным исполнителем. В описании ландшафтов губернии, практических советах по поводу развития её производительных сил, романтических пересказах местных легенд и исторических событий явственно просматривалось глубокое знание Бобровским родного края, его патриотизм.

Второй фактор, повлиявший на уровень издания – это активная помощь местных энтузиастов. Даже российские историки XIX в. признавали, что население присоединённых западных губерний имело более высокий уровень образования, и в них чаще можно было встретить любителей истории [6, № 137, с. 1]. П. О. Бобровский широко привлекал к поиску материалов губернских помещиков, священников, учителей [3, т. 1, с. XII]. Старые друзья семьи не скупились на помощь. В распоряжение исследователя предоставили свои библиотеки профессор бывшего Виленского университета Ярошевич и гродненский ксёндз Гинтовт. Сотрудники Виленского архива, а также монахи Супрасльского и Жировичского монастырей согласились предоставить материалы своих учебных заведений племяннику когда-то работавшего в этих обителях М. К. Бобровского. Охотно шли на сотрудничество присутственные места, хозяйственные комитеты и административные учреждения губернии. Сам П. О. Бобровский три года провёл в бесконечных разъездах по территории, «много ходил по краю, во всем присматривался к народу, сам записывал образы его речи и творческих произведений» [1, с. XLVIII].

Работа над «Материалами» позволила П. О. Бобровскому осуществить некоторые личные устремления. Он пытался разыскать и восстановить богатейший архив и библиотеку М. К. Бобровского [2, с. 3], вёл переговоры со священниками, завязал переписку с местными помещиками, опрашивал бывших прихожан дяди. Уже в 1860 г. он узнал, что наиболее ценные рукописи и книги после многочисленных перепродаж попали в частные и государственные фонды архивов и библиотек Санкт-Петербурга, Москвы, Варшавы, Вильно. Он бережно собирал оставшиеся у знакомых личные документы дорогого ему человека. Мизерность результатов огорчила не только исследователя. Местные клирики выразили упрёк в прессе по поводу бесплодности попыток племянника воссоздать в памяти народа авторитет М. К. Бобровского [14, №2, с. 66]. Но Павел Осипович не оставил поисков. Сбор информации о творческом пути дяди, начатый в период объезда им губернии, продол-

жался еще 30 лет и закончился рядом биобиблиографических изданий об учёном. Работы племянника показали уникальное значение Михаила Кирилловича для истории церкви. Павел Осипович считал, что профессор и его соратники стремились сохранить независимость церкви как неотъемлемую часть культуры и мировоззрения народа.

Своим долгом Павел Осипович посчитал вернуть российской общественности память о вкладе своего дядив развитие славяноведения. В 1890 г. он лично отнёс труды Михаила Кирилловича в фонд Библиотеки Императорской Академии наук. В состав собрания вошли труды слависта о древнейших письменных памятниках, отрывки старинных славянских рукописей, пергамены XII в. [8, с. 14]. В 1897 г. после пополнения домашнего архива новыми документами, он вновь принёс в дар Академии наук биографические материалы о М. К. Бобровском, к которым добавил личную переписку, свидетельствующую о поиске данных источников. 29 октября 1897 г. на заседании историко-филологического отделения Академии наук учёный совет дал высокую оценку представленным материалам и определил их в отдельный фонд, существующий и поныне в Отделе рукописной книги Санкт-Петербургского филиала Библиотеки Академии наук России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Бессонов П.* Белорусские песни с подробным объяснением их творчества и языка, с очерками обряда, обычая и всего народного быта. М., 1871. LXXXII. 175 с.

2. БАН. ОРК. Ф. 40. Д. № 4. Материалы к биографии профессора священного писания Главной духовной семинарии при Виленском университете и часть его переписки с 1825 по 1847 гг., 1831–1891 гг.

3. *Бобровский П. О.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Гродненская губерния: 2 т., прилож. к Т. 1–2. СПб., 1863. XXII, 866, II, 244, VIII, 1074, II, 392, 72 с.

4. *Бобровский П. О.* Михаил Кириллович Бобровский, учёный славист-ориенталист: Историко-биографический очерк. С портретом, автографами, собственноручными списками и снимками древнейших славянских рукописей и факсимиле почерка знаменитой Супрасльской рукописи. СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1889. VII. 110 с.

5. *Венгеров С. А.* Критико-биографический словарь русских писателей и учёных (от начала русской образованности до наших дней). СПб., 1895. Т. 4. Боборыкин – Введенский. 212 с.

6. Вонсарскос. Статистические труды Генерального штаба. Материалы для географии и статистики России. Губернии: Гродненская, Виленская // Народное богатство. 1863. № 137. С. 1–2; № 138. С. 2–3.

7. Зубко А. О греко-униатской церкви в Западном крае // Русский вестник. 1864. Т. 53. № 9. С. 279–342.

8. Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. 2. XIX–XX вв. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1958. 400 с.

9. *Костыцевич А.* Проповедь в день похорон священника Кирилла Бобровского, настоятеля Вольчанской церкви, сказанная магистром богословия 7 июня 1824 г. // Литовские епархиальные ведомости. 1887. № 20. С. 166–169.

10. *Лабынцаў Ю. А.* Баброўскі Міхаіл Кірылавіч // Энциклапедыя гісторыі Беларусі. У 6 т. Т. 1. А – Беліца. Мінск : БелЭн, 1993 С. 248–249.

11. *Лабынцаў Ю. А.* Пачатак Скарынам: Беларуская друкаваная літаратура эпохі Рэнесансу. Мінск : Маст. літ., 1990. 333 с.

12. *Латышонак А.* Народзіны беларускай нацыянальнай ідэі ў другой палове XVIII – пачатку XIX ст. // Спадчына. 1992. № 1. С. 9–14.

13. *Улащик Н. Н.* Введение в изучение белорусско-литовского летописания. М. : Наука, 1985. 281 с.

14. *Янковский П.* Протоиерей Михаил Бобровский // Литовские епархиальные ведомости. 1864. № 1. С. 11–19; № 2. С. 51–66.

Мосейчук Л. И.

Белорусский государственный университет (г. Минск, Республика Беларусь)

НАЦИОНАЛЬНОЕ МНОГООБРАЗИЕ В УЧЕБНЫХ ПРОГРАММАХ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА В 20–30-е гг. XX в.

С открытием 30 октября 1921 г. Белорусского государственного университета университетская традиция была возобновлена.

Деятельность БГУ, как и других советских вузов, регламентировалась положением о высших учебных заведениях РСФСР, подписанным В. И. Лениным и принятым Советом Народных Комиссаров 2 сентября 1921 г. [1]. Согласно п. 7 Положения, в БГУ были сформированы три факультета: рабочий, медицинский и факультет общественных наук. ФОН состоял из четырех отделений: экономическое, правовое, педагогическое и этнолого-лингвистическое (в нем действовали четыре языковые секции – белорусская, еврейская, русская и польская [2]. Таким образом, согласно Декларации о возобновлении ССРБ от 31 июля 1920 г., должно было соблюдаться равноправие четырех народов на получение образования на родном языке. Очевидно, что перед администрацией и профессорско-преподавательским составом БГУ стояла сложнейшая задача: разработать учебные программы, которые позволили бы студен-

там не только обучаться на родном языке, но и интегрироваться в образовательную среду университета.

До настоящего времени вопросы, связанные с состоянием образовательного процесса, а также научно-методическим обеспечением всех национальных секций, работавших в БГУ в 20–30-х гг. XX в., не нашли должного освещения современной историографией. Такой пробел, на наш взгляд, связан с несколькими аспектами: во-первых, с языковым барьером, стоящим перед исследователями, поскольку значительный массив документов, освещающих деятельность еврейской секции (отделения) БГУ, велся преимущественно на языке идиш; во-вторых, с недостаточным количеством документальных свидетельств, позволяющих более четко проследить работу польской национальной секции.

Однако материалы по работе национальных секций БГУ представлены довольно широко. Это протоколы заседаний методической комиссии еврейской опытно-показательной школы (с 21.10.1926 г. по 05.09.1927 г.), резолюции предметных комиссий БГУ по еврейскому отделению, отчеты профессорско-преподавательского состава, доклады и отчеты руководителей цикловых комиссий и пр. Они сосредоточены в фонде 205 «Белорусский государственный университет» Национального архива Республики Беларусь.

Для реализации права на получение образование на национальном языке студенту достаточно было указать, на каком языке он хотел получать образование. Этим языком (по крайней мере, его разговорным вариантом) он должен был владеть совершенно свободно. Введение в образовательный процесс языкового многообразия диктовалось, в первую очередь, национальным составом студенчества БГУ. Так, в первый учебный год из 1480 принятых студентов 459 составили белорусы, 678 евреи, 21 русский и 14 поляки. В 1925/1926 учебном году в БГУ обучалось 2916 студентов, из них белорусов – 1519, евреев – 1162, русских – 165 и поляков – 26. В 1927/1928 учебном году из 2986 студентов белорусов было 1720, евреев – 1025, русских – 143 и 51 поляк [3; л. 359–360].

Поскольку многие из первых преподавателей БГУ были представителями российской интеллигенции, то вполне логично и закономерно, что вплоть до 1925 г. большинство предметов читались на русском языке. Значительное место отводилось истории России и славянских стран. Однако основную задачу деятельности БГУ его организаторы видели в подготовке белорусской интеллигенции, поэтому большое внимание уделялось дисциплинам белорусоведческого направления. В учебные

планы факультета общественных наук были включены История Белоруссии, История белорусской культуры, История народного хозяйства Белоруссии, История этнографии народов Белоруссии, История религиозных движений в Белоруссии, Археология Белоруссии, Архивоведение, История основных видов белорусской промышленности.

Первые программы по белорусскому языку в 1922/1923 учебном году были разработаны Иосифом (Язэпом) Юрьевичем Лёсиком [4, л. 70–73]. Требования, заложенные в их основу, оставались неизменными на протяжении долгого времени. Программа ориентировала на практическое изучение языка. По окончании курса студент должен был уметь правильно читать и артикулировать белорусские тексты; при написании применять правила грамматики и пунктуации; уметь отвечать на вопросы на белорусском языке и пересказать небольшое произведение или статью. От студента требовалось понимание природы таких языковых явлений, как «аканне», «дзеканне» и «цэканне», использование «у нескладовага», природу происхождения твердых согласных, сдвоенных согласных, произношение звука «г» и написание мягких «з» и «с». Студенты должны были хорошо владеть склонением, спряжением и синтаксическими особенностями белорусского языка [5, л. 202].

Начавшаяся в 1924 г. политика белорусизации потребовала от преподавателей скрупулезной работы по подготовке специалистов, владеющих белорусским языком. В 1924 г. в БГУ проф. А. Горбатов впервые начал читать курс по рабочему праву на белорусском языке [4, л. 404 об.], преподаватель Н. Гутковский осуществил перевод основной судебной терминологии с русского на белорусский язык, чтобы иметь возможность проводить семинарские занятия по судебному праву на белорусском языке [7, л. 18–18 об.]. Преподавателем математики А. Круталевичем был написан учебник элементарной алгебры на белорусском языке [8, л. 280б].

Однако незнание языка профессорско-преподавательским составом и безалаберное отношение к языку со стороны студентов привело к тому, что выпускники 1924/1925 учебного года педагогического факультета не смогли найти работу. Народный комиссариат просвещения потребовал от БГУ разобраться в сложившейся ситуации и предупредил, что выпускать специалистов без знания белорусского языка недопустимо. В крайнем случаи их нужно оставлять еще на один год для «его изучения» [5, л. 359]. Правление БГУ приняло замечание во внимание и уже с нового учебного года было увеличено количество преподаваемых предметов на педфаке на белорусском языке до 46 % [9, л. 359]. Однако,

по замечанию ректора БГУ В. И. Пичеты, чтобы университет перешел на белорусский язык необходимо запретить студентам выбирать язык обучения путем голосования и направить усилия на «подготовку собственной смены» [5, л. 360].

Большое внимание уделялось в БГУ развитию еврейского образования. Еврейская секция была официально открыта 30 декабря 1921 г. Ее глава М. Вейнгер подчеркивал, что основной задачей секции была «подготовка будущих высококвалифицированных строителей социализма», способных заняться «идишизацией всего еврейского образования» [10, с. 157]. Позднее, после реорганизации факультетов БГУ, еврейские секции, объединенные в еврейское отделение, функционировали на литературно-лингвистическом и социально-историческом отделениях педагогического факультета. В 1921 г. первые 92 студента начали получать высшее образование на идиш. В 1922 г. их количество возросло до 187 человек, а в 1923 г. – до 225 [11, л. 108 А].

Профессор И. Маркон написал программы к курсам, которые читались им на педфаке с 1922 по 1930 г.: «Введение в еврейскую филологию (семитическое языкознание)» [4, л. 80–81об.] и «История еврейской средневековой литературы» [4, л. 29–29об.]. И. Сосис с 1923 г. разработал курс «История еврейских общественных течений в России в XIX в.», а в 1924/1925 учебном году Б. Оршанский подготовил программу по предмету «Новейшая еврейская литература» [4, л. 32]. На основании лекций, которые читались на данном курсе, автор издал в 1931 г. монографию «Еврейская литература в Белоруссии после революции» [11, с. 352]. Работа, посвященная критическому анализу еврейской печатной литературы, была написана на идише. Число предметов на идиш в учебной программе возрастало с увеличением числа квалифицированных специалистов в штате отделения: с одного в 1921 г. до 16 человек на четырех курсах в 1924 г.

В 1929 г. на идиш преподавались следующие дисциплины: диалектический материализм (семинары), ленинизм, политическая экономика, история евреев в Польше, Литве, Украине и Беларуси, экономическая история евреев в России, история педагогики, история общества у евреев, еврейский фольклор, педагогика, новая и новейшая еврейская литература, история еврейского языка, еврейская диалектология, введение в немецкое языкознание, введение в семитское языкознание, методика изучения языка и литературы, методика обществознания, экономическая политика РСФСР, история России в эпоху империалистической войны и пролетарской революции, физика, методология физики, мето-

дология математики, аналитическая геометрия, методология естествознания, неорганическая химия, дифференциальные уравнения. На секции еврейского языка в качестве дополнительных занятий читались курсы Талмуда, Каббалы, Библии. Профессор Н. Никольский читал студентам курсы истории религии, раннего христианства и истории Израиля [12, л. 26, 27]. Читались эти курсы на русском языке. В целом, как отмечал М. Вейнгер, в 1929 г. 40% гуманитарных, 15 % естественнонаучных и 10% математических дисциплин читались на идиш [10, с. 157]. Итоговые экзамены также сдавали на идиш [10, с. 158].

В 1927 г. был осуществлен первый набор в аспирантуру БГУ студентов еврейского отделения. Наиболее способные из них (5 человек) стали аспирантами при кафедрах идишского и немецкого языкознания, литературы, биологии и физики.

Несмотря на динамичное развитие отделения, абитуриенты, однако, все неохотнее подавали туда документы: в 1924 г. на первый курс было зачислено 133, в 1925 г. – 81, в 1926 г. – всего 78 студентов [11, л. 111]. В 1929/1930 учебном году в еврейской секции (на пяти курсах) обучался 201 студент: на литературно-лингвистическом отделении – 58, на социально-историческом – 43, на естествознании – 62, на физико-математическом – 38 человек [10, с. 158]. Специалисты, получившие высшее образование на идиш, должны были способствовать развитию национальной культуры на новой идеологической основе. Однако с изменением политического курса еврейское отделение БГУ было расформировано в январе 1930 г. Студенты продолжили обучение на своих факультетах, а преподаватели были переведены на другие кафедры или в иные учреждения.

Задачей польской секции БГУ являлась подготовка учителей для польских школ, количество которых постоянно увеличивалось. В 1921/1922 учебном году их насчитывалось 73, в 1926/1927 – 111, а к 1934 г. увеличилось до 218, заняв второе место после белорусских школ [12]. Для студентов польской секции польский язык преподавался в качестве основного, в качестве же факультативного его могли изучать все желающие. Языковой курс разработала преподаватель М. Ковалевская, а курс польской истории читался профессором С. Т. Бабинским как на русском, так и на польском языках [4, л. 79–79 об.]. Польская секция в БГУ не была до конца сформирована и не имела такого влияния как еврейское отделение. В 1931 г. в преобразованном из педагогического факультета БГУ Белорусском государственном высшем педагогическом институте в Минске начала действовать польская секция, которую пла-

нировалось преобразовать в Польский педагогический институт. Но попытки к 1934 г. провалились.

Октябрьская революция принесла народам бывшей Российской империи возможность говорить, писать и получать образование на своем родном языке. Это право в полной мере было реализовано в стенах БГУ, что нашло свое отражение в многообразии образовательных программ и работе национальных секций университета. Вплоть до середины 1930-х гг. университет обучал студентов на белорусском, русском, польском и идиш.

С изменением политической ситуации, принятием новой редакции Конституции БССР в 1937 г. и нового рисунка герба (на котором исчезли надписи на польском и идиш) с июля 1938 г. ощутимо стал усиливаться контроль за учебными программами БГУ. Постепенно исчезли предметы, связанные с белорусведческим циклом. Позакрывались все национальные отделения. Языки польский и идиш больше не заявлялся для даже факультативного изучения. Все демократические интенции были подавлены, не успев толком реализоваться.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Положение о высших учебных заведениях РСФСР (2 сентября 1921). Декрет Совета Народных Комиссаров № 486 [Электронный ресурс]. URL: <http://letopis.msu.ru/documents/2762> (дата обращения: 23.10.2016).

2. Белорусский университет (беседа с зам. ректора БГУ проф. С. З. Каценбогиным) // Газета «Звезда». 30 октября 1921.

3. НАРБ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 213. Положение Наркопроса БССР о рабфаке БГУ, протоколы заседания правления Совета медицинского факультета, комиссии по приёму студентов на рабфак БГУ и т. п.

4. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 41. Программы по истории, педагогики, русской литературе, белорусской народной словесности и др. предметам на 1921–1923 гг. 18.04.1923 – 03.11.1923.

5. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 132. Приказы и протоколы заседаний штатной комиссии НК РКИ, Наркомпроса и Главпрофобра БССР, анкеты, заявления и требовательная ведомость на выдачу зарплаты профессорско-преподавательскому составу университета. 29.12.1924 – 7. 1925 г.

6. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 87. Отчеты профессорско–преподавательского состава университета за 1923–1924 уч. год.

7. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 72. Протоколы заседаний коллегии Наркомпроса БССР, советов, деканатов и предметных комиссий. 03.12.1923. – 16.12.1924.

8. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 231. Учебные планы факультетов, программы по обществоведению, физике и доклад заведующего учебной частью университета о проверке успеваемости студентов. 17.11.1926 – 30.05.1927.

9. *Вейнгер М. Б.* Яўрэйская секцыя педфаку Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэту (мова арыгінала – ідыш) // Працы БДУ. 1929. № 23. С. 157–158.

10. НАРБ. Ф. 205. Оп 1. Д. 42. Протоколы заседаний естественной научно–предметной комиссии педагогических и медицинских факультетов (06.12.1922–16.12.1923).

11. НАРБ. Ф. 205. Оп 1. Д. 82. Программы по истории русского языка, методологии изучения литературы, русской истории XIX в., истории новоевропейской литературы и еврейской филологии на 1923–1924 уч. год и отчеты профессорско–преподавательского состава университета.

12. *Кожина А. А.* Языки и графические системы Беларуси в период от Октябрьской революции до Второй мировой войны [Электронный ресурс]. URL: C:/Users/Downloads/21942–45573–1–PB. Pdf (дата обращения: 23.07.2018).

Петаченко Г. А.

Белорусский государственный университет (г. Минск, Республика Беларусь)

В. И. ПИЧЕТА В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ 1920-х гг.

Политическая обстановка в Беларуси в 1920-е гг. была весьма противоречивой. Партийному и государственному руководству необходимо было решать целый комплекс задач: развитие республики на советской основе, создание основ белорусской государственности и ее территориальных очертаний, восстановление разрушенного войнами и оккупациями народного хозяйства, национально-культурное строительство и др. В этом контексте логичной была политическая активность университетского ректора В. И. Пичеты – одного из представителей интеллигенции, на которую возлагались надежды в становлении республики.

В период 1921–1930 гг. Владимир Иванович принимал активное участие в работе Всебелорусских съездов Советов в качестве делегата и несколько раз избирался в президиум, был членом ЦИК БССР. Безусловно, в основе его деятельности находились вопросы организации науки и образования. И он был активен как непосредственно в университете, так и в Народном комиссариате просвещения БССР, где на протяжении 1920-х гг. он являлся постоянным членом коллегии.

В 1920-е гг. В. И. Пичета участвовал в работе конференций и совещаний научных работников Беларуси и СССР. Отдельно следует отметить его участие в работе первого всебелорусского совещания по высшему образованию, на котором обсуждались вопросы обновления учеб-

ных планов, рассматривалась их связь с применением новых методов преподавания. Было признано целесообразным построение учебных планов педагогических специальностей по трем циклам: общественному, методико-педагогическому и специальному. Необходимо было при- дать отделениям педфака БГУ «практическую установку» (например, социально-историческому отделению – политико-просветительскую). Разумеется, реорганизация принципов работы высшей школы проходила в соответствии с новыми партийными директивами. Отмечалось, что «громадным недостатком» является чрезмерная продолжительность пребывания в вузах [9, с. 144]. Поэтому курс на максимальное использование «активных методов обучения» нашел отражение в 80–90 % учебных планах БГУ [4, с. 9].

Тем не менее, белорусский ректор был противником неоправданного, огульного внедрения новых методов обучения. Его коллега университетский профессор В. Н. Перцев отмечал, что лекции формально запрещались, но профессорско-преподавательский состав при поддержке В. И. Пичеты нередко сознательно нарушал это предписание учебной части, и лекции все-таки читались [7, л. 109]. Кроме того, говоря о неудовлетворительной подготовке студентов, окончивших рабфаки, ректор БГУ даже предлагал увеличить сроки обучения в университете на один год [8, л. 13].

Владимир Иванович активно выступал за создание Белорусской республики в ее этнических границах и искренне приветствовал решение об укрупнении территории Беларуси в 1924 г. Являясь делегатом VI Чрезвычайного съезда Советов БССР, он участвовал в принятии важнейшего для Беларуси постановления о присоединении к республике 15 уездов и отдельных областей Витебской, Могилевской и Смоленской губерний (в результате чего территория Беларуси увеличилась более чем в 2 раза). Владимир Иванович видел и дальнейшую перспективу, призывая к объединению всей территории Беларуси: «Западная Белоруссия... была и остается политическим организмом, тесно связанным с Восточной Белоруссией. Соединение искусственно разделенных частей продиктовано всей логикой событий» [10].

Должность ректора БГУ, как и члена белорусского правительства, предполагала широкое участие в общественной жизни республики. В. И. Пичета был избран в комитет только что образованного «Общества друзей воздушного флота», был членом совета общества «Долой неграмотность» и участвовал в съездах этого общества. Он являлся одним из создателей белорусского отделения Всесоюзного общества культурной связи с заграницей, был членом белорусского общества

историков-марксистов, председателем общества безбожников БГУ (активно участвовал во всебелорусском съезде безбожников). Университетского ректора власти использовали в качестве проводника наиболее приоритетных направлений государственной общественной политики. И сам Владимир Иванович в 1920-е гг. проявлял и инициативу, и активность.

Однако подобная позиция не могла не вызвать зависть недоброжелателей и даже некоторых коллег. Этому способствовала и сгушавшаяся в обществе атмосфера недоверия, политиканства, доноительства. Так, очевидную антипичетовскую линию попыталась занять коммунистическая фракция Правления БГУ во главе с С. З. Слонимом. Позднее В. И. Пичета писал по этому поводу, что «беспартийный ректор, при наличии руководящей парт. организации, да еще при отсутствии такта со стороны руководителя университетской фракции попадает в тяжелое, подчас невыносимое положение, унижающее человека и влекущее за собой тяжелые личные конфликты» [11, с. 39].

Неоднократно комфракцией принимались решения о снятии В. И. Пичеты с поста ректора. Он, по сути, боролся за продолжение национальной политики в университете, тогда как комфракция БГУ во главе с С. З. Слонимом начала ее свертывание. На том этапе Владимиру Ивановичу удалось отстоять белорусские предметы в учебном расписании. Но развернулась критика его деятельности со стороны партийного руководства республики. В 1927 г. Агитационно-пропагандистский отдел ЦК КП(б)Б причислил В. И. Пичету к лицам, выступавшим за замедленный темп политики белорусизации. Затем в 1928 г. жесткой критике была подвергнута деятельность профессорско-преподавательского состава БГУ и, в первую очередь, Владимира Ивановича: «Ідэялогія буржуазнага-дэмакратычнага нацыяналізму характарызуецца тым, што для таго, каб беларусам канструявацца як нацыі, трэба... даказаць гістарычнасць беларускага народу... стварыць лягенду аб нацыянальным мінулым, якая будзе падтрымліваць нацыяналізм зараз» [3].

Одним из постулатов, который к концу 1920-х гг. стала руководствоваться власть в «перевоспитании» вузовских преподавателей национальных республик СССР, стало обвинение их в излишней увлеченности изучением особенностей местной культуры. Постепенное сворачивание проведения политики белорусизации привело к тому, что представители научной интеллигенции, которые непосредственно проводили эту политику, начали вытесняться из высшей школы. Например, только из БГУ в течение 1928–1929 гг. по обвинению в великодержавном шо-

винизме, национализме («нацдемовщине»), отсутствию в работе марксистских принципов и в целом в непонимании марксизма были уволены более 30 преподавателей [1, с. 86].

В. И. Пичета пытался отстаивать интересы своих коллег и направил 11 июня 1928 г. письмо в Наркомпрос БССР в котором, в частности, отмечал: «Калі не навуковыя заслугі, ні ўкараненне на Беларусі, ні Палажэнне аб Навуковых Працаўніках не замацоўваюць становішча працаўніка ва універсітэце, то кожны з працаўнікоў будзе думаць так: сягоння так паступілі з маімі таварышамі, заўтра са мною – трэба пакідаць універсітэт» [6, л. 23].

В скором времени начался процесс «разукрупнения» БГУ, как и наиболее значимых университетов страны. От руководства университетом В. И. Пичета был отстранен как один из главных представителей национальной интеллигенции, видный советский ученый-историк «старой формации». А через год арестован, причислен к процессу по сфабрикованному в 1929 г. «Академическому делу» [5, с. 18]. Характерна в этой связи позиция официальных лиц. Так, в письме Е. П. Воронова (зав. отделом научных учреждений СНК СССР) к Н. П. Горбунову от 29 октября 1929 г. утверждалось: «Что собой представляют в действительности отобранные документы пока неизвестно. Вся эта архивная передряга навела на академиков большую панику и сейчас из них можно веревки вить, беда лишь в том, что никто толком из наших не представляет нужно ли вить и что вить вообще [2, с. 133]. Тем не менее, вина ученых, привлеченных к следствию, формулировалась традиционно: заговор и попытка смены политической власти в стране.

В. И. Пичета не разделял начавшиеся преобразования в области высшего образования. Он, как и многие другие, стоявшие у истоков формирования советской высшей школы, оказался не нужными в политических реалиях 1930-х гг. В истории советской высшей школы наступал этап ускоренной пролетаризации, жесткой ориентации вузов на нужды производства. События конца 1920-х гг. оказали серьезное влияние на всю последующую жизнь Владимира Ивановича, Его общественно-политическая активность резко снизилась.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Десять лет Белорусского государственного университета. 1921–1931 / Издание правительственной комиссии по празднованию десятилетия высшей школы БССР. Минск, 1931. 125 с.

2. Зеленов М. В. Академия наук СССР и ЦК ВКП(б). 1927–1930 // Исторический архив. 1997. № 4. С. 133–134.
3. Кнорын В. Аб рашаючых дробязях у вялікім пытанні // Савецкая Беларусь. 1928. 19 красавіка; Рабочий. 1928. 19 апреля.
4. Кореневский И. Роль Белорусского Государственного Университета в подготовке кадров (К 10-летию БГУ 1921–1931 гг.) // Десять лет Белорусского Государственного Университета. 1921–1931 гг. Издание правительственной комиссии по празднованию десятилетия высшей школы в БССР. Минск, 1931. С. 9–20.
5. Литвин А. Л. Без права на мысль. (Историки в эпоху Большого террора. Очерки судеб). Казань: Татарское кн. изд-во, 1994. 191 с.
6. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). Ф. 4–п. Оп. 1. Д. 4601. Протоколы сведения и другие материалы БГУ. Ліст рэктара БДУ У. І. Пічэты ў Наркамсветы БССР ад 11 чэрвеня 1928 г.
7. НА РБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 751. Воспоминания Перцева датированы 1941 г.
8. НА РБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 161. Постановления Наркомпроса БССР. Протоколы заседаний правлений БГУ.
9. Об улучшении подготовки новых специалистов (Резолюция пленума ЦК ВКП(б) от 12/VII 1928.) / Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения / Ин-т планирования и организации нар. образ. 3-е изд., пересм. и доп. Л. ; М. : Народный ком. прос. РСФСР, Огиз, 1931.
10. Укрупнения требует логика истории (Беседа с ректором БГУ, проф. В. И. Пичетой) // Звезда. 1924. 14 марта.
11. Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–1941). Минск : БГУ, 2017. 303 с.

Сыцько К. В.

Цэнтральны навуковы архіў Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі (г. Мінск, Рэспубліка Беларусь)

ДАКУМЕНТЫ АБ ДЗЕЙНАСЦІ У. І. ПІЧЭТЫ Ў ІНБЕЛКУЛЬЦЕ І АН БССР (па матэрыялах фондаў ЦНА НАН Беларусі)

Сёння Цэнтральны навуковы архіў Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі змяшчае ў сваіх фондах каля 60 тысяч адзінак захавання, вялікая колькасць з якіх прысвечана прафесійнай дзейнасці прадстаўнікоў айчынай навукі. Так, з названага аб'ёму 23 тысячы адзінак з'яўляюцца асабістымі справамі навукоўцаў. Сярод дадзеных гістарычных крыніц можна адзначыць матэрыялы, прысвечаныя выбітнаму прадстаўніку айчынай гістарычнай навукі акадэміку Уладзіміру

Іванавічу Пічэце. Амаль заўжды дадзеныя асоба асацыюецца з заснаваннем Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, а таксама са станаўленнем беларускай савецкай гісторыяграфіі [1, с. 90]. Аднак не менш важную ролю Уладзімір Іванавіч адыграў у працы Інстытута беларускай культуры. У дадзеным артыкуле разглядаюцца матэрыялы, прысвечаныя дзейнасці акадэміка Пічэты ў Інбелкульце і Акадэміі навук БССР. Дакументы, датычныя памянёнай асобы, сканцэнтраваны ў некалькіх архіўных фондах – 1 (Прэзыдыум), 1а (Адзел навуковых кадраў), 2 (Асабістыя справы навукоўцаў), 67 (Інстытут беларускай культуры).

Найбольшая частка матэрыялаў, якая захавалася ў ЦНА НАН Беларусі, прысвечана дзейнасці Уладзіміра Іванавіча ў Інстытуце беларускай культуры. З дадзеных гістарычных крыніц вынікае, што Пічэта з’яўляўся адным з рухавікоў працы гісторыка-археалагічнай секцыі, а з сакавіка 1925 – яе старшынёй [10, арк. 14]. Ён актыўна выступаў з навуковымі дакладамі і прамовамі. Так, у фондах архіва захаваліся абвесткі аб выступах Пічэты з дакладам «Губернатарская ўлада аб сялянскіх рухах 1905 г.» [13, арк. 53–53 адв.]. На першым пасяджэнні секцыі ў лютым 1924 г. У. І. Пічэта ўдзельнічаў у дыскусіі, прысвечанай пытанням рэстытуцыі беларускіх архіваў і адзначаў, што ў 1919–1921 гг. архіўныя зборы з былых Віцебскага і Віленскага архіваў старажытных актаў, якія цікавілі сяброў Інбелкульта, знаходзіліся ў Яраслаўлі. Цікава, што Уладзімір Іванавіч акцэнтаваў асабліваю ўвагу на тым, што займацца пытаннямі пошуку вывезеных каштоўнасцей павінны прафесійныя архівісты з Галоўархіва, а не Інбелкульт [13, арк. 7–7 адв.]. Спробы вярнуць беларускія гістарычныя крыніцы не былі паспяховымі. У прыватнасці, у 1927 г. з загадчыкам Яраслаўскага архіва К. Сакаловым ліставаўся акадэмік Я. Ф. Карскі. У адказе на імя Карскага адзначана, што вялікая частка архіўных дакументаў, што цікавілі беларускі бок, стала ахвярай вандалаў, якія пасеклі сцэлажы на дрывы і выкарыстоўвалі гістарычныя крыніцы на гаспадарчыя патрэбы. Нешматлікія захаваныя матэрыялы, паводле ліста Сакалова, былі перавезены ў Маскву [2, арк. 1–3].

Шэраг гістарычных крыніц ЦНА НАН Беларусі адлюстроўваюць працу У. І. Пічэты ў 1924–1926 гг. у складзе разнастайных камісій, у прыватнасці рэдакцыйнай, якая займалася пытаннямі карэкцыі і рэдакцыі кніг сяброў Інстытута [13, арк. 7]; камісіі па падрыхтоўцы з’езду навуковых працаўнікоў у галіне беларусазнаўства [10, арк. 10]; гісторыка-археалагічнай (якую варта не блытаць з аднайменнай секцыяй) па галіне гісторыі [13, арк. 73]. Асобна варта выдзеліць пратакол аб

уключэнні Уладзіміра Іванавіча ў склад Навуковай рады Інбелкульта [14, арк. 72].

Асаблівай увагі заслугоўваюць матэрыялы, прысвечаныя г. зв. «Скарынінскай» юбілейнай камісіі, створанай у 1924 г. У яе складзе апроч У. І. Пічэты былі такія прадстаўнікі беларускай навукі, як В. Друшчыц, Я. Дыла, М. Пятуховіч, М. Шчакаціхін, Я. Лёсік, Я. Дыла, З. Жылуновіч, С. Кацэнбоген. Перад навукоўцамі стаяла задача падрыхтоўкі да святкавання 400-годдзя з моманту выхаду першай беларускамоўнай кнігі. Прафесар Пічэта з першых дзён узначаліў працу памянёнай камісіі. На падставе аналізу захаваных гістарычных крыніц можна казаць аб тым, што Уладзімір Іванавіч з’яўляўся адным з рухавікоў ідэі сакралізацыі і мемарыялізацыі памяці аб Ф. Скарыне. Так, менавіта ён на пасяджэнні 16 чэрвеня 1924 г. упершыню акцэнтаваў увагу на неабходнасці адлюстравання асобы Скарыны як пэўнага сімвала беларускай культуры і гісторыі [14, арк. 49]. Аб зацікаўленасці з боку Пічэты ў навуковым даследаванні спадчыны беларускага першадрукара сведчыць той факт, што чатыры з 12 артыкулаў у зборніку «400-лецце беларускага друку», выдадзенага ў Інбелкульце, належалі менавіта яго аўтарству [3, с. 312]. Цікавым з’яўляецца таксама тое, што ў 1930-я гг., калі скарыназнаўства стала фактычна забароненым, прафесар Інстытута імя К. Лібкнехта А. А. Савіч даў навуковую характарыстыку на працы У. І. Пічэты, у якой цалкам адсутнічалі звесткі аб артыкулах, прысвечаных Ф. Скарыне [11, арк. 20–27].

З пратаколаў пасяджэнняў разнастайных камісій, захаваных у фондзе 67 Цэнтральнага навуковага архіва, вынікае, што асоба Уладзіміра Іванавіча з’яўлялася вялікім аўтарытэтам сярод сяброў Інбелкульта. Так, менавіта ён хадатайнічаў аб звароце да Прэзідыума ІБК для выдзялення Я. Дыле і В. Друшчыцу грашовых сродкаў на паездку ў Маскву з мэтай працы ў архівах [13, арк. 28]. Уладзіміра Іванавіча прасілі аб тым, каб ён вёў перагаворы з вядучымі антрапологамі і археолагамі краіны з мэтай пошука кіраўнікоў для археалагічных экспедыцый Інбелкульта [13, арк. 7].

У чэрвені 1924 г., падчас абмеркавання рэарганізацыі секцыі і падсекцыі Інстытута, выступіў М. Шчакаціхін, які прапанаваў стварыць этнаграфічную падсекцыю гісторыка-археалагічнай секцыі. З іншага боку выступіў У. І. Пічэта, які акцэнтаваў сваю ўвагу на тым, што прадмет этнаграфіі блізкі да прадметаў гісторыі і археалогіі, з прычыны чаго асобную структурную адзінку, якая б займалася толькі этнаграфіяй, ствараць не варта. У выніку абмеркавання была прынята ідэя Пічэты [13, арк. 30].

Сябры Інстытута Беларускай культуры шмат увагі надавалі друку крыніц па гісторыі Беларусі. У прыватнасці, на пасяджэннях гісторыка-археалагічнай камісіі ў кастрычніку і лістападзе 1924 г., якія прайшлі з непасрэдным удзелам Уладзіміра Іванавіча, распрацоўваўся план выдання зборніка па крыніцазнаўстве Беларусі ў 14 выпусках. Памер кожнага з выпускаў – 2–3 аўтарскія аркушы. Камісія адзначала, што студэнты Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта не маюць гістарычных крыніц для працы, што амаль спыняе магчымасці весці заняткі. Падобная «беларуская бібліятэчка», на іх думку, рабіла б працэс навучання больш якасным. У дадзеным выпадку на У. І. Пічэту ўсклалі абавязкі рэдагавання тома, прысвечанага цэлавым уставам [13, арк. 58–58 адв.]. Як вынікае з дакументаў Інбелкульту, а пазней і Беларускай акадэміі навук (БАН), рэалізацыя дадзенай задумы пастаянна адкладалася з-за недахопу грашовых сродкаў. Калі ў 1930 г. Акадэмія навук СССР запланавала фундаментальную працу, прысвечаную археаграфічнай апрацоўцы і выданню крыніц, якія датычацца гісторыі савецкіх народаў, да працы планавалася прыцягнуць і беларускіх гісторыкаў. У выніку 6 мая 1930 г. Беларуская акадэмія навук ухілілася ад працы, аргументаваўшы гэта адсутнасцю грашовых сродкаў на падобнае выданне. Разам з тым былі прызначаны асобы, якія павіны былі ўдзельнічаць у гэтым археаграфічным праекце на ўзроўні кансультацый – Дз. І. Даўгяла і У. І. Пічэта [17, с. 214].

У перыяд 1927–1928 гг. навуковая супольнасць рыхтавалася да рэарганізацыі Інстытута беларускай культуры ў БАН. Ва Уладзіміра Іванавіча запрасілі яго аўтабіяграфію для ўключэння ў склад першых акадэмікаў. Нажаль, у фондах ЦНА НАН Беларусі захаваліся толькі фрагменты жыццяпісу, зробленыя, па ўсёй бачнасці, рукой стэнаграфісткі [16, арк. 150]. На дадзеную думку наштурхоўвае той факт, што почырк супадае з тым, якім напісаны біяграфіі А. Ясінскага і І. Замоціна, а таксама памылка ў даце нараджэння – 1778 замест 1878 г. Аб важнасці Пічэты для беларускага акадэмічнага асяродку ў гэты перыяд сведчыць той факт, што Уладзімір Іванавіч знаходзіўся ў складзе 24 асоб, якім выслалі персанальныя запрашэнні на урачыстае адкрыццё БАН [16, арк. 167].

Да перыяду дзейнасці У. І. Пічэты ў 1930-я – пачатку 1940-х гг. адносіцца невялікая колькасць матэрыялаў, што захаваліся у фондах Цэнтральнага навуковага архіва. Перадусім, гэта асабовыя спісы першых акадэмікаў [5, арк. 17], а таксама газетныя выразкі і копіі дакументаў ад 3 снежня 1930 г. аб выключэнні гісторыка са складу пра-

вадзейных сяброў Беларускай акадэміі навук у сувязі са «шкоднай контррэвалюцыйнай» дзейнасцю ў складзе групы акадэмікаў, у якой таксама былі В. Ю. Ластоўскі, Я. Ю. Лёсік, С. М. Некрашэвіч, Г. І. Гарэцкі, А. Д. Дубах [4, арк. 5].

Важнай крыніцай аб дзейнасці прафесара Пічэты ў 1940-я гг. з’яўляецца яго асабістая справа, якая захоўваецца ў фондах ЦНА НАН Беларусі. Дадзены комплекс дакументаў займае 39 аркушаў і ўключае ў сябе аўтабіяграфію, спіс асноўных прац, водгук на працы ад імя А. А. Савіча, анатацыю прац, асноўныя звесткі аб месцажыхарстве. Па ўсёй бачнасці, асабістая справа Уладзіміра Іванавіча фарміравалася ў 1945 г. Аб гэтым гаворыць тое, што апошнім атрыбутаваным дакументам з’яўляецца лістак са звесткамі аб месцажыхарстве, падпісаны О. К. Кедравым-Зіхманам 3 лютага 1945 г., а апошняя праца, указаная ў бібліяграфічным спісе – артыкул «Багдан Хмяльніцкі», які выйшаў у 1944 г. [11, арк. 1–39]. У фондах архіва захаваны таксама шэраг матэрыялаў, прысвечаных выплаце заробкавай платы, перадачы асабістых бухгалтарскіх картак падчас перыяду знаходжання прафесара ў Ташкенце ў 1943 г. і г. д. [9, арк. 94].

Некаторыя звесткі аб акадэміку У. І. Пічэце нясе асабістая справа яго дачкі, Ксеніі Уладзіміраўны, захаваная ў фондах ЦНА НАН Беларусі. К. У. Пічэта ўзгадвае аб бацьку ў некалькіх месцах аўтабіяграфіі, складзенай у 1943 г. У прыватнасці, ёсць згадка аб тым, як яна разам з маці выехала ў 1910 г. у Лазану (Швейцарыя) па месцы навучання апошняй, але ўжо ў 1911 годзе Уладзімір Іванавіч прывёз дачку ў Маскву. У кастрычніку 1941 г., калі акадэміка Пічэту эвакуіравалі з Масквы ў Ташкент, ён таксама ўзяў дачку з сабой, пасля чаго яна ўладкавалася на працу перакладчыкам у структурах эвакуіраванай у той жа горад АН БССР [12, арк. 4–5].

Дакументы Цэнтральнага навуковага архіва сведчаць, што ў гады Другой сусветнай вайны Уладзімір Іванавіч працягваў сваю працу па гісторыі Беларусі. У прыватнасці, ён пісаў планавыя тэксты па некалькіх тэмах, сярод якіх самай буйной можна назваць «Паходжанне феадальных адносін у Вялікім княстве Літоўскім», ахапіўшую перыяд XIII–XVI стст. Дадзеная тэма была сумежнай з працай А. П. Пьянкова, які пісаў аб феадальных адносінах у Паўночна-Усходняй Русі ў той жа перыяд [6, арк. 20–21]. Як вынік, у 1941 г. навукоўцы працавалі разам над фундаментальнай тэмай «Крыніцы гісторыі БССР». У дадзенай працы планавалася даць агляд гістарычных крыніц, звязаных з Беларуссю, пачынаючы ад старажытных часоў да Кастрычніцкай рэвалюцыі. Як

адзначалася ў праспекце навуковай тэмы па стане на 1941 г., не было створана ніводнай працы падобнага характара як у БССР, так і ў СССР у цэлым. Уладзімір Іванавіч прапаноўваў выкарыстоўваць напісаны тэкст у якасці дапаможніка для студэнтаў, аспірантаў і выкладчыкаў. Крыніцы па гісторыі Беларусі планавалася разбіць на пяць раздзелаў: крыніцы першабытна-абшчыннага ладу; крыніцы па гісторыі усходніх славян і ўсталявання ў іх класавага грамадства; крыніцы па гісторыі Полацкай і Тураўскай земляў; крыніцы па гісторыі «ўсталявання літоўскага панавання» XIII–XVI стст. ; крыніцы па гісторыі «барацьбы беларускага народа супроць польскіх паноў» XVI–XVIII стст. [7, арк. 52–53]. Можна казаць, што Уладзімір Іванавіч Пічэта планаваў стварыць першы фундаментальны сістэматызаваны падручнік па крыніцазнаўстве Беларусі.

Такім чынам, у фондах Цэнтральнага навуковага архіва Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі адклаўся адносна невялікі комплекс дакументаў, прысвечаных дзейнасці акадэміка У. І. Пічэты. Дадзеныя гістарычныя крыніцы праліваюць святло на працу Уладзіміра Іванавіча ў складзе секцый Інстытута беларускай культуры (гісторыка-археалагічнай, секцыі па падрыхтоўцы з'езду беларусазнаўцаў, рэдакцыйнай і «Скарынінскай» юбілейнай секцыі), яго навуковыя ідэі адносна развіцця беларускай гістарычнай навукі, у тым ліку ініцыятывы па выданні гістарычных крыніц. З дапамогай памянёных матэрыялаў можна аналізаваць той уплыў, які аказвала асоба Пічэты на сяброў Інбелкульту. Дакументы перыяда Беларускай акадэміі навук прадстаўлены біяграфічнымі звесткамі, а таксама тэматычнымі планамі навукова-практычных работ, з якіх вынікае ў тым ліку задума аб стварэнні падручніка па крыніцазнаўстве Беларусі IX–XVIII стст. Найменш добра прадстаўлены перыяд знаходжання У. І. Пічэты ў Ташкенце, за які захаваўся толькі шэраг бухгалтарскіх матэрыялаў, а таксама згадкі дачкі вучонага К. У. Пічэты у аўтабіяграфіі аб тым, што яна пераехала ў названы горад па прычыне эвакуацыі бацькі.

БІБЛІАГРАФІЧНЫЯ СПАСЫЛКІ

1. *Касцюк М. П., Петрыкаў П. Ц., Токараў М. У. [і інш.]* Інстытут Беларускай Культуры. Мінск : Навука і Тэхніка, 1993. 255 с.
2. Санкт-Пецярбургскі філіял Архіва Расійскай акадэміі навук (СПбФ АРАН). Ф. 292. Воп. 2. Спр. 132.
3. *Сыцько К. В.* Інстытут Беларускай культуры і падрыхтоўка да святкавання 400-годдзя беларускага кнігадрукавання (паводле матэрыялаў Цэнтральнага наву-

ковага архіва Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі) // Rocznik Centrum Studiów Białoruskich. 2018. Rok 3 Nr. 3. С. 303–313.

4. Цэнтральны навуковы архіў Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі (ЦНА НАН Беларусі). Ф. 1. Воп. 1. Спр. 52.

5. ЦНА НАН Беларусі. Ф. 1. Воп. 1. Спр. 52а.

6. ЦНА НАН Беларусі. Ф. 1. Воп. 1. Спр. 70.

7. ЦНА НАН Беларусі. Ф. 1. Воп. 1. Спр. 75.

8. ЦНА НАН Беларусі. Ф. 1. Воп. 1. Спр. 77а.

9. ЦНА НАН Беларусі. Ф. 1. Воп. 1. Спр. 83.

10. ЦНА НАН Беларусі. Ф. 1а. Воп. 1. Спр. 18.

11. ЦНА НАН Беларусі. Ф. 2. Воп. 1. Спр. 607.

12. ЦНА НАН Беларусі. Ф. 2. Воп. 1. Спр. 622.

13. ЦНА НАН Беларусі. Ф. 67. Воп. 1. Спр. 6.

14. ЦНА НАН Беларусі. Ф. 67. Воп. 1. Спр. 8.

15. ЦНА НАН Беларусі. Ф. 67. Воп. 1. Спр. 17.

16. ЦНА НАН Беларусі. Ф. 67. Воп. 1. Спр. 28.

17. *Шишкина К. Г.* Российско-белорусские академические связи в документах Санкт-Петербургского филиала архива РАН // Миллеровские чтения: к 285-летию Архива Российской академии наук : сборник науч. статей по мат. Междунар. конференции, Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2013 / отв. ред. И. В. Тункина. СПб. : Нестор-история, 2013. С. 210–215.

Тарасенкова Т. И.

Государственный архив новейшей истории Смоленской области (г. Смоленск, Российская Федерация)

СОВЕТСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ: РУКОВОДИТЕЛИ И ПРЕПОДАВАТЕЛИ ВУЗА В ПЕРИОД ЕГО СТАНОВЛЕНИЯ (на примере Смоленского государственного университета 1920–1930-х гг.)¹

Роль архивных источников в изучении прошлого велика, и она продолжает постоянно возрастать с введением в оборот новых исторических документов, особенно по истории России XX в.

История образования и науки в Смоленской области в советский период почти не являлась предметом изучения региональных историков

¹ Статья подготовлена при поддержке Минобрнауки России, проект № 33.1419.2017/ПЧ «Мировая славистика в изучении новой и новейшей истории России и Беларуси: концепты славянского единства и самобытного развития в исторической ретроспективе».

[12]. Большую роль в изучении данного предмета играет просопографический метод. Он позволяет рассматривать историю образования и науки сквозь призму биографий руководителей и преподавателей, работавших в одном из ведущих высших учебных заведений региона.

Смоленский государственный университет имеет давнюю историю. Ее создавали несколько поколений студентов, преподавателей, руководителей университета. Именно людям, возглавлявшим Смоленский государственный университет, а затем Смоленский государственный педагогический институт, в один из сложных периодов с момента образования до начала 1940-х гг., посвящена настоящая статья.

Документальную основу исследования составили архивные материалы фонда Смоленского государственного университета за 1918–1930 гг. (Государственный архив Смоленской области), документы по личному составу фонда Смоленского губернского комитета ВКП(б) (Государственный архив новейшей истории Смоленской области), документы собственного архива Смоленского государственного университета. В статье анализируются социально-политические характеристики руководителей вуза – их социальное происхождение, образование, возраст, партийность.

Первым руководителем университета, чье имя встречается в архивных документах, стал профессор истории А. М. Васютинский. Сфера его научных интересов – Великая Французская революция – гармонично пересекалась с теми событиями, которые происходили в стране – создание нового общества после революционного переворота и радикальной смены власти. С декабря 1918 г. по июнь 1919 г. А. М. Васютинский являлся председателем Совета профессоров государственного университета.

Совет профессоров был коллегиальным органом, осуществлявшим работу по организации структуры управления университетом. Важную роль в этом играл и хозяйственный комитет, действовавший до конца июня 1919 г. В отдельные периоды времени значение хозяйственного комитета возрастало. Причина такого явления заключалась в том, что значительная часть профессоров – членов Совета и профессоров, преподававших в университете, проживала в Москве. В Смоленск они приезжали с определенной периодичностью. Можно предположить, что в отсутствие в Смоленске членов Совета профессоров, хозяйственный комитет оставался одним из немногих постоянно действовавших подразделений вуза.

Изменения в организации управления университетом произошли в июне 1919 г. На заседании Совета профессоров 25–26 июня 1919 г. хозяйственный комитет был распущен и избрано Правление университета, к которому перешли многие функции упраздненного комитета. Должности председателя Совета профессоров и его заместителя переименованы в должности ректора и помощника ректора соответственно. Правление университета сформировано в составе ректора, помощника ректора, декана факультета социальных наук, представителя от совета старост и представителя от комитета служащих.

Персональный состав Правления определен на заседании Совета профессоров 26 июня 1919 г. На должность ректора были выдвинуты кандидатуры профессоров А. М. Васютинского, М. А. Рейснера, Г. С. Гурвича, Н. М. Никольского. Больше всего записок – двенадцать из шестнадцати – подали за кандидатуру А. М. Васютинского, поэтому остальные отказались баллотироваться на должность ректора. По итогам голосования за А. М. Васютинского проголосовали 13 членов Совета из шестнадцати, при двух голосах против и одном воздержавшемся. Остальными членами Правления стали Н. М. Никольский – помощник ректора, П. И. Биркерн – декан факультета социальных наук, а также Г. С. Гурвич и И. М. Херасков.

Предполагалось, что Правление в этом составе будет работать в течение шести месяцев до 1 января 1920 г. Но уже в сентябре 1919 г. в руководстве вузом произошли изменения, и должность ректора занял профессор философии В. К. Сержников [8, л. 54–55; 8, л. 16].

В 1918–1920 гг. в Смоленском государственном университете преподавали известные ученые – профессора.

Комиссия по организации государственного университета Западной коммуны имени Октябрьской революции сообщала «трудящимся Западной коммуны, что в состав профессоров Смоленского университета по факультету социальных наук включены следующие лица: Васютинский А. М., Виппер Б. Р., Никольский Н. М., Пичета В. И и др. [9, л. 15].

На заседании президиума Совета профессоров университета, состоявшемся 7 февраля 1919 г. в Смоленске, было принято решение о делении всех преподаваемых курсов на четыре цикла: социально-экономический, общественно-политический, исторический, литературный. Курсы В. И. Пичеты были признаны «входящими во все циклы» [8, л. 30]. Один из курсов, который он читал – «История местного края» [9, л. 21].

Для приезжавших преподавать в Смоленск из Москвы профессоров был определен обязательный минимум академических часов занятий в

месяц. Занятия включали в себя как лекции, так и практические работы. Продолжительность академического часа устанавливалась в 30 минут [8, л. 30].

В списке профессоров Смоленского государственного университета, предположительно за 1919 г., с указанием фамилий и адресов местожительства, из 22 преподавателей 19 человек проживали в Москве. Владимир Иванович Пичета значился в списке под номером 14 как преподаватель истории политических учений в России, проживавший по адресу: ул. Остоженка, 35 [9, л. 16].

Владимир Иванович Пичета регулярно принимал участие в заседаниях Совета профессоров университета, которые чаще собирались в Москве, а не в Смоленске [8, л. 50, 54, 57].

В 1920 г. его преподавательская нагрузка увеличилась. На заседании президиума факультета общественных наук 13 сентября 1920 г. ему было предложено читать курс политического отделения «Борьба классов и партий и история рабочего движения в России» [11, л. 1].

В дальнейшем сотрудничество В. И. Пичеты со Смоленским государственным университетом перестало быть возможным из-за его большой занятости в связи с организацией государственного университета в Минске.

В 1920–е гг. в управлении вузом установилась определенная стабильность. В течение четырех лет его возглавлял В. К. Сerezников (с сентября 1919 г. по сентябрь 1923 г.) и в течение шести лет – Н. Н. Ровинский (с октября 1923 г. по февраль 1929 г.). Короткий период, во время отсутствия в Смоленске В. К. Сerezникова, обязанности ректора исполнял Н. М. Никольский – с декабря 1921 г. по апрель 1922 г. [10, л. 1–2].

Они были специалистами, получившими высшее образование в дореволюционной России, в университетах и институтах Москвы и Санкт-Петербурга. Руководящая работа не являлась для них основной и единственной сферой деятельности. Важное место в их жизни занимала наука – подготовка книг и статей, редактирование периодических изданий. Получению ответственной работы, вероятно, способствовали и политические взгляды ученых. В. К. Сerezников и Н. М. Никольский в дореволюционное время сотрудничали с большевистскими газетами, В. К. Сerezников принимал участие в революционных событиях 1905–1907 гг.

В 1930–е гг. руководители вуза – в те годы директора – менялись чаще. Средняя продолжительность пребывания в этой должности составляла два года. Только в предвоенные годы И. А. Михайлов сохранял за собой этот пост четыре года – с октября 1937 г. по июль 1941 г. [7, л. 10].

Образовательный уровень директоров Смоленского государственного педагогического института в первой половине 1930-х гг. снизился. А. А. Пичугин окончил церковно-учительскую школу, училище и курсы [6, л. 2094], Э. Я. Газганов – историческое отделение Института красной профессуры [2, л. 224–225]. Со второй половины 1930-х гг. к образованию у руководителей института стали предъявляться более высокие требования. П. П. Грищенко-Меленевский – выпускник учительского института [3, л. 225–227], И. А. Михайлов – химического отделения Ленинградского педагогического института [7, л. 6]. Директора пединститута в большей степени являлись профессиональными управленцами, нежели учеными.

Большинство руководителей госуниверситета и педагогического института занимали этот ответственный пост в 35–45 лет. Самым молодым директором вуза стал И. А. Михайлов [7, л. 6]. Его назначили на эту должность в 31 год. Это произошло в 1937 г. Конечно, решающую роль в его назначении сыграла сложившаяся в тот момент политическая обстановка в стране. Репрессии второй половины 1930-х гг. не обошли стороной и пединститут. Репрессиям подверглись В. К. Сержников, Э. Я. Газганов, П. П. Грищенко-Меленевский, причем последние двое были расстреляны [11, л. 52–53, 67–68].

О социальном происхождении первых лиц вуза сохранилось мало сведений, но они показывают, что в 1920-е и в начале 1930-х гг. вуз возглавляли выходцы из семей служащих и интеллигенции, а во второй половине 1930-х гг. – родившиеся в крестьянских семьях.

Характерная особенность того времени – назначение на руководящие должности работников, не являвшихся уроженцами данного региона. В полной мере это относится и к руководителям вуза. Почти все они родились за пределами Смоленской губернии, смолянином был только Н. Н. Ровинский.

Еще одна важная характеристика руководящего работника 1920–1930-х гг. – членство в коммунистической партии. В 1920-е гг. для ректоров университета – не только управленцев, но и научных работников – членство в РКП(б) – ВКП(б), очевидно, не имело решающего значения. Однако после 1929 г. руководителями вуза становились только коммунисты с партийным стажем не менее 10 лет.

Несмотря на схожесть требований, предъявляемых руководителям Смоленского государственного университета – Смоленского государственного педагогического института, их персональные судьбы были индивидуальны и многогранны.

Одним из руководителей вуза в 1920-е гг. был Николай Николаевич Ровинский. Его судьба одновременно индивидуальна и типична для того времени.

Н. Н. Ровинский родился 4 января 1887 г. в Смоленске в семье бывшего служащего Министерства финансов. Материальное положение семьи было сложным и с 15 лет Николай, чтобы содержать себя и помогать семье, начал подрабатывать частными уроками. В 1906 г. окончил с золотой медалью Смоленскую гимназию и поступил в Санкт-Петербургский политехнический институт на экономическое отделение. В институте он специализировался на изучении финансовых наук, на полтора года оставался при кафедре для дальнейшей подготовки и получил степень кандидата экономических наук.

По-прежнему, как и в Смоленске, одним из основных источников доходов для Ровинского была педагогическая работа – преподавание политической экономии и экономической географии в коммерческих училищах, торговых школах, на вечерних курсах для коммерческих служащих. С 1911 г. и до начала Первой мировой войны он работал служащим в Министерстве финансов. В 1914 г. Николая Николаевича призвали в царскую армию, но непосредственного участия в боевых действиях он не принимал и демобилизовался из армии в начале 1918 г. в Смоленске.

Н. Н. Ровинский вернулся к педагогической деятельности и преподавал политэкономии, экономическую географию и финансы в Смоленском коммерческом училище, советско-партийной школе, на бухгалтерских курсах, в других учебных заведениях.

8 мая 1920 г. совет Смоленского государственного политехнического института избрал его профессором кафедры финансовых наук, а в августе того же года – деканом экономического факультета и помощником ректора вуза.

15 декабря 1921 г. при объединении политехнического института и Смоленского государственного университета Николай Николаевич перешел на работу в СГУ в качестве профессора кафедры финансовых наук факультета общественных наук и кафедры политической экономики педагогического факультета. Ему было поручено читать курс экономической политики. Одновременно Николай Николаевич избран деканом ФОНа, членом правления университета и заместителем ректора.

15 мая 1922 г. решением отдела вузов Главного управления профессионально-технического образования (Главпрофобр) он назначен ректором Смоленского практического института, который возглавлял в течение года, пока учебное заведение не было ликвидировано.

Ректором Смоленского государственного университета Н. Н. Ровинского избрали 1 октября 1923 г. В его характеристике отмечалось, что он «сумеет закончить организацию университета в соответствии с требованиями Советской власти и вести работу по университету в полном контакте с советскими, партийными и профсоюзными организациями. Пользуется авторитетом у местных советских органов, преподавателей, студентов».

Эти формулировки не были формальными. Наряду с основной профессиональной деятельностью в вузе Николай Николаевич много сил и энергии отдавал работе в различных советских и профсоюзных учреждениях и организациях. В декабре 1918 г. он был избран членом коллегии и назначен заместителем заведующего отделом финансов Западной области. Спустя два года возглавил Смоленский губернский комитет профессионально-технического образования. С сентября 1921 г. Н. Н. Ровинский – председатель финансовой секции губернской плановой комиссии, с ноября 1922 по декабрь 1923 г. – член правления губернского отдела профсоюза работников просвещения. В первой половине 1920-х гг. неоднократно избирался членом Смоленского городского совета, а с 1924 г. – членом Смоленского губернского исполкома.

10 августа 1923 г. Н. Н. Ровинский за самоотверженную работу и гражданское мужество в борьбе за восстановление финансового хозяйства Советской республики награжден золотыми часами с надписью: «Заместителю заведующего Смоленским губфинотделом Ровинскому Н. Н. от Наркомфина СССР. 1923 год».

Среди многочисленных занятий Николай Николаевич находил время и для научной работы. Он – автор многих трудов по вопросам экономики и финансов, экономической политики и хозяйственного строительства СССР. Студенты отзывались о нем как о хорошем лекторе, которого интересно слушать.

В январе 1926 г. Николая Николаевича утвердили профессором кафедры прикладной экономики. Результаты научных исследований, проводившихся в вузе, публиковались в «Научных известиях Смоленского университета». Ответственным редактором издания в январе 1927 г. назначен Н. Н. Ровинский. С декабря 1928 г. он являлся постоянным представителем университета в Комиссии горсовета по строительству студенческого общежития.

В 1928–1929 гг. в Смоленской губернии практически полностью обновился руководящий состав партийных и советских организаций. В процессе смены руководства выявлялось немало ошибок и недостат-

ков, допущенных отстраненными от власти партийными и советскими работниками. Н. Н. Ровинский в силу своей профессиональной деятельности оказался тесно связан с прежним руководством губернии. Это стало одной из причин его переезда на работу в Москву. 1 февраля 1929 г. он был освобожден от должности ректора СГУ, а с 1 сентября 1929 г. окончательно оставил и должность профессора Смоленского государственного университета.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). Ф. 3. Оп. 2. Д. 21.
2. ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 52.
3. ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 65.
4. ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 70.
5. ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 152.
6. ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 208.
7. ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 7. Д. 4307.
8. Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. Р-139. Оп. 1. Д. 1.
9. ГАСО. Ф. Р-139. Оп. 1. Д. 4.
10. ГАСО. Ф. Р-139. Оп. 1. Д. 14.
11. ГАСО. Ф. Р-139. Оп. 1. Д. 34.
12. *Петухова О. А.* Историческое образование в российской школе в первые годы Советской власти: 1917–1937 гг.: диссертация ... кандидата исторических наук. Смоленск : Б. и., 2004. 283 с.

Темушев С. Н.

Белорусский государственный университет (г. Минск, Республика Беларусь)

ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ В. И. ПИЧЕТЫ

История восточных славян древнерусского периода входила в круг профессиональных интересов В. И. Пичеты, и в своих работах ученый неоднократно обращался к различным ее аспектам. Владимир Иванович был глубоким специалистом по истории Древней Руси, причем из самых ранних его работ видно, что он старался рассматривать те или иные явления или процессы во взаимосвязи их различных аспектов. Уже в 1908 г. молодой ученый выступил соавтором обобщающей работы

«Очерки русской истории» (совместно с Е. И. Вишняковым, переиздана в 1913 г.) [2; 3], в которой была поставлена задача выяснить связь между экономическим строем России и ее социальным, политическим и культурным бытом.

Среди первых монографий, опубликованных ученым уже в послереволюционное время, следует отметить работу 1922 г. «Введение в русскую историю: Источники и историография» [6]. В новых условиях, сложившихся после Октябрьской революции, обращение к историографии было одной из важнейших задач исследователей (требовалось осмысление с новых позиций завершеного периода). Владение же источниками стало фундаментом для дальнейшей исследовательской деятельности ученого. В то же время превосходное и всестороннее знание В. И. Пичетой историографии и источников по истории восточных славян в целом позволило ему глубоко исследовать историю белорусских земель данного периода. В то же время прочитанный в руководимом им Белорусском государственном университете курс лекций под названием «История белорусского народа» стал первым курсом по истории Беларуси, охватывающим максимально длительный период (с древнейших времен до 1900 г.). Ряд проблем, в том числе и средневековой истории, был затронут в этом курсе впервые [1, с. 220]. Именно в рамках изучения средневековой истории Беларуси ученый-славист смог глубоко осмыслить древнерусскую историю (в дореволюционный период своей исследовательской деятельности В. И. Пичета обращался к хронологически и тематически иной проблематике: от образования Российского государства и событий Смутного времени начала XVII в. до отмены крепостного права и реформ 1860–70-х гг.) [15, с. 8].

Можно выделить три проблемы древнерусской истории, получившие в работах Владимира Ивановича обстоятельное освещение: 1) *этногенез восточных славян*; 2) *формирование и развитие восточнославянской государственности*; 3) *особенности общественно-политического строя древнерусских княжеств-земель* (вместе с функционированием их основных политических институтов). Еще одна тема, к которой вынужден был обратиться ученый уже в 1940-х гг., была связана с государственным заказом. В условиях Великой Отечественной войны, когда все советские граждане старались внести свой вклад в общую победу, ученые-историки были мобилизованы на один из участков идеологического фронта. Большое значение для усиления патриотизма и самопожертвования в борьбе с врагом придавалось обращению к воинской славе России. Как известно, поэт в России больше, чем поэт. Так и ученые историки не могли ограни-

читься разработкой узкой «кабинетной» тематики. В 1942 г. В. И. Пичета подготовил к изданию научно-популярную работу об Александре Невском (издана в Ташкенте). Еще более показательны его работы 1939–1940 гг. «Исторические судьбы Западной Украины и Западной Белоруссии» и «Основные моменты исторического развития Западной Украины и Западной Белоруссии» [8].

Основная задача трудов состояла в создании яркой картины «вековой эксплуатации народов этих стран под двойным гнѐтом (классовым и национальным)» [10, с. 2]. В то же время автором были подробно рассмотрены различные аспекты истории Галицкой и Владимиро-Волынской земель, включая проблемы миграции населения, развития государственности и экономики восточных славян. Уделил внимание В. И. Пичета и проблеме становления феодальных отношений, которые он связывал с формированием крупной частной земельной собственности. Бояре-землевладельцы (прежде всего, Галицкой земли) раздавали землю «отрокам», которые становились их военными слугами. Так, по мнению историка, феодал-боярин становился сеньором западноевропейского типа [10, с. 9]. Важно, что ученый не стремился искусственно отодвинуть начало феодализма вглубь веков: о «значительном развитии феодальных отношений» в древнерусский период он писал начиная только с XII в., что согласуется с современным представлением.

Далее рассмотрим решение В. И. Пичетой обозначенных ранее трех основных проблем древнерусской истории, к которым он обращался в своих исследованиях, лекциях, научно-популярных работах. В ряде случаев под влиянием получившей полное господство в советской исторической науке марксистской парадигмы историк корректировал некоторые свои выводы, но в целом обнаруживается сохранение им собственного видения основных аспектов древнерусской истории. Во многом представления В. И. Пичеты о своеобразии Древней Руси («Киевского государства») сложились еще в дореволюционный период. Несомненно и мощное воздействие на них взглядов В. О. Ключевского. Именно благодаря лекциям выдающегося российского историка, прочитанным на историко-филологическом факультете Московского университета, будущий разносторонний исследователь смог получить достаточно полную и строго систематизированную картину древнерусской истории. Несомненным было влияние В. О. Ключевского и в плане методологии исторических исследований: московский профессор являлся научным руководителем дипломной работы В. И. Пичеты.

Несколько работ В. И. Пичета непосредственно посвятил проблеме происхождения русского, белорусского и украинского народов. В целом, проблему этногенеза восточных славян он решал в духе теории «триединства русского народа» [14, с. 19–32; 13, с. 240–241]. И его идеи явились предтечей, или, по крайней мере, были созвучны теории древнерусской народности, позже получившей завершённую формулировку в работах В. В. Мавродина. К выводу о формировании в домонгольский период восточнославянской общности и ее «расколе» после монгольского нашествия [7, с. 160] ученый пришел не в результате заимствования у своих предшественников (например, В. О. Ключевского) или воздействия современных ему событий (присоединение Западной Украины и Западной Беларуси), как считала украинская исследовательница Наталья Юсова, а вследствие глубокого изучения источников. Как представляется, Владимир Иванович строил свои умозаключения главным образом на основе сведений источников, именно источники позволяют делать вывод об интеграционных этнических процессах в рамках Древнерусского государства и последующей дезинтеграции восточнославянской общности после монгольского нашествия. Нельзя также сводить к заимствованию из работ украинского историка Козаченко [13, с. 242] вывод В. И. Пичеты о значительной консолидирующей роли церковной организации на Руси.

Но в целом в своей общей концепции генезиса восточнославянских народностей («трех братских народов») В. И. Пичета во многом повторял выводы В. О. Ключевского. Было это прямым заимствованием или же осмысление информации источников позволяло прийти к тем же выводам – проблема, целиком лежащая в плоскости субъективной оценки научного наследия ученого. Между тем тезис о «разрыве» восточнославянской этнической общности (термин «народность» В. И. Пичета не использует) вследствие монгольского нашествия не обязательно должен был быть заимствован у выдающегося российского историка начала XX в.

Этнические процессы В. И. Пичета тесно связывал с политическим развитием, становлением и эволюцией государственности восточных славян. При этом ученый не стремился упростить схему этнического развития. Так, в его работах нельзя найти прямого указания на то, что союзы племен дреговичей, радимичей и кривичей были «белорусскими» этническими образованиями. Это были основные «предки белорусов» (кавычки принадлежат самому историку), но на их развитие оказывали воздействие соседи: на юге – южнорусские древляне, на западе – южнорусские волыняне, на востоке – русские вятичи. В результате этих

«племенных скрещений» из «племенных славянских элементов» образовалось пять «этнических добелорусских центров» [4, с. 16]. Их обособленность была обусловлена, прежде всего, развитием феодальных отношений и феодальной раздробленностью (что поддерживало политическое раздробление), а также и господством натурального хозяйства и слабым развитием обмена. В период раздробленности происходило также «скрещение местных славянских и неславянских этнических элементов», что способствовало формированию особенностей каждого этнически смешанного района [4, с. 17].

Тем не менее, несмотря на «феодальную раздробленность», по мнению В. И. Пичеты, сохранялось культурное единство всей русской земли [4, с. 18]. В ряде работ ученый утверждал и об относительном этническом и политическом единстве Руси. В работе 1940 г. он писал: «...Червенские города, Волынь, Полоцкая и Турово-Пинская земли, войдя в состав «империи Рюриковичей», представляли собой часть «Русской земли», единой в своем этническом составе и достаточно мощной в политическом отношении» [10, с. 5]. В дальнейшей истории Древней Руси В. И. Пичета обнаруживал расширение экономических связей и укрепление политического единства, что, по его мнению, должно было привести к завершению процесса скрещивания отдельных славянских и неславянских элементов в этническое единство. Но эта тенденция была прервана «татаро-монгольским» завоеванием, вследствие которого произошел «разрыв народности», и «исторические судьбы северо-западной Руси сложились иначе, чем северо-восточной» [4, с. 18–19].

В осмыслении проблемы формирования восточнославянской государственности В. И. Пичета во многом предвосхитил современное представление о восточнославянском политогенезе. Так, несмотря на усилившиеся в советской историографии позиции «воинствующих антинорманистов», ученый открыто писал о значительной роли скандинавов (в его терминологии – норманнов) в складывании Древнерусского государства. Вместе с тем, в представлении историка, норманнские князья, когда прибыли в славянские города «застали тут уже утвердившуюся городскую жизнь, с формами которой не могли не считаться» [11, с. 57].

Созданное во главе с норманнской династией государство, объединившее славян, населивших лесные и лесостепные регионы Восточной Европы, В. И. Пичета характеризует, как «династическое». В его представлении раннее Древнерусское государство представляло собой лишь поверхностное объединение славянских племен, которое «не

касалось внутренней жизни славянства» [11, с. 46]. В работах ученого неоднократно затрагивается, ставшая в последнее время одной из ключевых, проблема взаимодействия «Севера» и «Юга» в процессе образования Древнерусского государства. В представлении ученого для организации отпора норманнским завоевателям первоначально на севере Восточной Европы славянский и финские племена создают политический союз, который освободился от выплаты дани. Между тем, встретив сопротивление на севере, норманны «имели большую удачу» на юге – в стране полян, которые нуждались в хорошо организованной силе для охраны торговых путей. Со временем и на севере «враги славян одержали победу» и утвердились в Новгороде, Изборске и Белозере. Так образовалось два «варяжских княжества» – Новгородское и Киевское. В результате похода Олега эти княжества были объединены [11, с. 46]. При этом, в отличие от В. О. Ключевского, В. И. Пичета, хотя и отмечает определенное значение водных торговых путей, не рассматривает их в качестве важнейшего фактора политической консолидации восточных славян.

«Династическое государство» (до середины XI в.), по мнению В. И. Пичеты, представляло собой объединение отдельных «земель-стран», которые были связаны с Киевом только экономическими отношениями [11, с. 65–66] (речь идет о необходимости выплаты дани и торговых связях). Тем проще было освободиться «землям-странам» из-под влияния Киева. Это произошло, как считал Владимир Иванович, уже после смерти Ярослава Первого. Завещание Ярослава свидетельствовало об обособленности стран и о самостоятельности их политической жизни. Появление же в «странах» местных династий должно было способствовать еще большему закреплению обособленности.

Важно, что в своих ранних работах В. И. Пичета совершенно не учитывал воздействие развития феодальных отношений на процесс политической децентрализации. Основную причину раздробленности «династического государства» ученый обнаруживал в нормах общеславянского семейного права. Киевское государство рассматривается, как общее владение всей княжеской семьи. По нормам обычного права эта коллективная собственность в случае раздела должна быть разделена между сонаследниками на равные доли [11, с. 66]. В данном случае историк отдавал дань родовой теории С. М. Соловьева, теории «задружного быта» Ф. И. Леонтовича и концепции «княжого права» А. Е. Преснякова. Но в более поздних работах он переходит на позиции марксизма, хотя его основные положения воспринимает весьма поверхностно, заимствуя

чаще всего лишь терминологию. Так, раннее Древнерусское государство В. И. Пичета называет «империей Рюриковичей» (вслед за К. Марксом), а в качестве основной причины, приведшей к раздробленности – рост в отдельных землях «крупного феодального землевладения» [10, с. 6]. При этом как в работах 1920-х гг., так и позднее, ученый главный акцент делает на упадке «Киевского государства», вызванном внутренними (усобицы князей) и внешними (нападения кочевников) причинами [11, с. 74].

В 1920-е гг. В. И. Пичета активно занимался изучением истории Беларуси, при этом значительное внимание им было уделено древнерусскому периоду. В своей работе «История Беларуси», доведенной до Люблинской унии 1569 г., выдающийся историк подробно рассмотрел вопросы государственного строя белорусских земель в древнерусский период и организации управления в Полоцке и Смоленске. Он считал, что общественно-политический строй этих древнерусских княжеств-земель был построен на принципе согласия трех элементов власти: народного веча, князя и княжеской думы, однако при преобладании веча. Вече не было периодическим и созывалось под воздействием тех или иных очередных государственных потребностей [11, с. 89, 90]. Значение же князя и его отношение к вече в значительной степени зависели от «степени его влияния и заслуг перед страной».

Между тем именно к компетенции князя В. И. Пичета относил ведение военных дел, суд и внутреннее управление. Князь назначал «правительственных лиц» – посадников, а также чиновников («детских») для сбора торговых и других податей. Важно, что органы внутреннего управления, в понимании историка, относились исключительно к княжеской прерогативе и призваны были поддерживать порядок и тишину на той или иной подвластной князю территории. В пользу князя поступали судебные сборы, общие натуральные и денежные подати, торговые налоги и т. д. В совет при князе («княжескую думу»), по мнению В. И. Пичеты, входили старшие княжеские дружинники – бояре. Именно из их числа назначались посадники, им князь давал различные поручения. В какой-то степени эти бояре-дружинники ограничивали власть князя, поскольку без их совета тот не мог ничего сделать [11, с. 91].

Таким образом, ученым создана картина сложной системы организации управления Полоцкой землей и согласования интересов различных центров силы (или групп населения, что уже близко к марксистскому подходу в объяснении исторических явлений). Такое понимание было

более объективным в сравнении с упрощенной схемой в духе теории земско-вечевого строя, характерной для историографии второй половины XIX – начала XX в. [12, с. 17]. Важно, что В. И. Пичета не ограничивался дошедшей до нас информацией источников, территориально относящихся к Беларуси. Он широко использовал сравнительно-исторический метод, данные источников по истории развития иных, кроме Полоцкого или Туровского, древнерусских княжеств (особенно широко – Смоленского). Выводы глубокого исследователя строятся на основе всего имевшегося в его распоряжении источникового материала по проблемам древнерусской истории.

Итак, анализ наработок В. И. Пичеты в области древнерусской истории с полным на то основанием позволяет отнести его к числу ведущих советских специалистов по истории Древней Руси. Ученый избегал прямолинейного, упрощенного решения проблемы этногенеза восточнославянских народов. Его решение проблемы генезиса древнерусской государственности созвучно современному пониманию раннесредневекового политогенеза в нескольких важнейших аспектах (например, в объяснении роли скандинавского фактора и противостоянии «Севера» и «Юга»). Одним из первых среди советских историков В. И. Пичета стал рассматривать распространение крупного феодального землевладения как причину раздробления государства. При этом важно, что этническое обособление в представлении ученого было следствием, а не причиной политического раздробления Древней Руси. До наших дней сохранило научную состоятельность видение В. И. Пичетой принципов организации власти и управления в древнерусских княжествах, среди которых достойное место принадлежало Полоцкому княжеству.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Баранова Е. В., Яновский О. А. Пичета: белорусское обрамление исторического портрета (к 130-летию со дня рождения) // Российские и славянские исследования. Вып. 3. Минск, 2008. С. 219–232.
2. Вишняков Е. И. и Пичета В. И. Очерки русской истории. М. : «Польза» В. Антик и К°, 1913. 248 с.
3. Вишняков Е. И. и Пичета В. И. Очерки русской истории. М. : «Польза» В. Антик и К°, 1908. 267 с.
4. Пичета В. Образование белорусского народа // Вопросы истории. 1946. № 5–6. С. 3–29.
5. Пичета В. И. Александр Невский. Ташкент : Изд-во УзФАН, 1942. 39 с.

6. *Пичета В. И.* Введение в русскую историю: (источники и историография). М. : Кооператив. изд-во науч. раб-в, 1922. 205 с.

7. *Пичета В. И.* Западная Украина и Западная Белоруссия // Советская книга. 1939. № 12.

8. *Пичета В. И.* Исторические судьбы Западной Украины и Западной Белоруссии. М. : Моск. рабочий, 1939. 40 с.

9. *Пичета В. И.* История белорусского народа. Минск : Изд. центр БГУ, 2003. 182 с.

10. *Пичета В. И.* Основные моменты исторического развития Западной Украины и Западной Белоруссии. М. : Госуд. соц. -эконом. изд-во, 1940. 136 с.

11. *Пічэта У. І.* Гісторыя Беларусі. Мінск : Выд. цэнтр БДУ, 2005. 179 с.

12. *Цемушаў С. М.* Веча ці князь: праблема арганізацыі кіравання ў Полацкай зямлі X – пачатку XIII ст. у дарэвалюцыйнай і савецкай гістарыяграфіі // Беларускі гістарычны часопіс. 2012. № 12. С. 14–21.

13. *Юсова Н.* «Давньоруська народність»: зародження і становлення концепції в радянській історичній науці (1930-ті – перша половина 1940-х рр.): Монографія. 2-е вид., перероб. і доп. К. : ВД «Стилос», 2006. 620 с.

14. *Юсова Н. А.* Академік Володимир Пічета та генезис концепції давньоруської народності // Российские и славянские исследования. Вып. 2. Минск, 2007. С. 19–32.

15. *Яноўскі А. А., Зельскі А. Г.* Трымацца гістарычнай праўды (да 125-годдзя з дня нараджэння рэктара БДУ У. І. Пічэты) // Российские и славянские исследования. Вып. 1. Минск, 2004. С. 7–24.

Хадасевич А. С.

Белорусский государственный университет (г. Минск, Республика Беларусь)

ИРАИДА ОСИПОВНА ЦАРЮК – ИСТОРИК, ДЕКАН, ПЕДАГОГ

Это имя хорошо известно как в научных, так и общественно-политических кругах, среди историков нескольких поколений в Беларуси и за пределами республики. Ученики Ираиды Осиповны, ставшие известными учеными, по праву называют ее незаурядным организатором исторического образования и науки [1, с. 139].

Родилась Ираида Осиповна Царюк (Притыцкая) на Белостотчине, где выросла в гуще народной жизни, вбирая лучшие качества людей труда, которыми потом всегда руководствовалась в своей творческой и организаторской деятельности. Так распорядились время и обстоятельства, что ей с детства довелось наблюдать, осознавая, сопереживая и выражая сострадание (иногда по-детски недоумевая), за теми тяготами

судьбы, которые довелось испытать ее семье, ставшей воистину легендарной.

Очень рано потеряв мать, Ираиде Осиповне пришлось в 15-летнем возрасте переступить порог школы трудовой жизни, обучаясь в московском ремесленном училище с 1943 по 1945 г. Здесь проявились способности и интерес к общественной работе и как результат – первая награда. За отличную учебу и большую общественную работу в 1945 г. Ираиду Притыцкую наградили Почетной Грамотой ЦК ВЛКСМ [2, с. 193]. Потом наступило победное окончание войны, возвращение в освобожденную Беларусь и долгожданное воссоединение с семьей.

Отец увидел, что неиссякаемое желание стать педагогом не покинуло целеустремленную дочь, а потому одобрил ее поступление в педагогическое училище. В 1948 г. после окончания Несвижского педучилища она в числе 5 % отличников была рекомендована на учебу в Белорусский государственный университет. В годы учебы на историческом факультете БГУ формировались многогранный интеллект и мировоззрение будущего ученого и организатора высшей школы. Тут проявлялись и природные черты характера, воспитанные и окрепшие в семье: дружелюбие, стремление прийти на помощь, трудолюбие, упорство в приобретении знаний, аналитический склад ума. Учеба приносила необыкновенное удовлетворение. Здесь Ираида встретила свою судьбу и любовь – отличника и активиста, сподвижника и единомышленника Александра Владимировича Царюка. С ним она прошла 60 лет совместной жизни, сохраняя самые сокровенные чувства и уважение друг к другу.

1953–1957 гг. – время напряженной учебы в аспирантуре, которые совпали с решением проблем семейно-бытового характера. Все невзгоды преодолевались, так как двух историков объединяла не только семья, но и наука. После окончания аспирантуры знания и способности вначале пришлось применять в партийных органах. Новый этап в профессиональном и творческом плане для Ираиды Осиповны наступил в Минском городском комитете, а потом и Минском областном комитете КПБ. В эти высокие инстанции ее приняли на работу в относительно молодом возрасте, что не было характерным для учреждений такого уровня. Это время напряженной и серьезной каждодневной подготовки, приемы и встречи с людьми разных возрастов и уровней. Требовалось умение принять иногда чуть ли не мгновенное решение проблем, исполнить ответственное поручение. Работа позволяла совершенствовать знания и организаторские способности, вырабатывалась коммуника-

бельность, приобретался бесценный опыт общения с людьми, что сыграло большую роль в последующей жизни.

Однако перспектива партийного руководителя не овладела стремлениями Ираиды Осиповны. Ее больше привлекала научно-педагогическая сфера деятельности. В 1963 г. она перешла на работу в БГУ – на кафедру истории КПСС. В новом коллективе реализовывался богатый интеллектуальный потенциал педагога и исследователя новейшей истории Беларуси. Все внимание было сосредоточено на завершении кандидатской диссертации на тему «Деятельность Компартии Белоруссии по осуществлению культурных преобразований в западных областях Белоруссии (1939–1953 гг.)». Тема целиком касалась не только сугубо научных проблем, но своим содержанием была абсолютна близка ученому, родившемуся и выросшему именно в этих «западных областях Белоруссии».

В 1965 г. диссертация была успешно защищена. В БГУ И. О. Царюк прошла путь ассистента, старшего преподавателя, доцента и профессора. Опыт прожитых лет, свои глубокие знания она переносила в студенческую среду и была для студентов и авторитетом, и душевным, обожаемым педагогом. Ираида Осиповна никогда не выходила после лекции из аудитории одна: ее сопровождали студенты, задавая все новые и новые вопросы. И она со знанием дела удовлетворяла их интересы. Свидетелем этого являлась и автор данных строк. У нее раскрылся талант педагога-интеллектуала и научного руководителя. В результате студенческие научные работы, выполнявшиеся под интеллектуальной опекой И. О. Царюк, не раз являлись номинантами Республиканских, Всесоюзных и Международных конкурсов.

Одновременно продолжался процесс углубления и личных научно-исследовательских интересов, долгий и кропотливый труд над докторской диссертацией. Она была успешно защищена в 1975 г. на тему «Социалистические преобразования экономики в западных областях БССР (сентябрь 1939 – июнь 1941 гг.)». Вскоре последовало присвоение ученого звания профессора. Проведенное исследование явилось не только важным этапом в исследовательском и научном становлении И. О. Царюк, но и значительным вкладом в развитие белорусской исторической науки. В объективе ее научных интересов находились вопросы политической истории Беларуси XX в., национально-государственного строительства в БССР, национально-освободительного и революционного движения в Западной Беларуси. Всего в научном багаже ученого насчитывается более 100 научных публикаций [1, с. 140].

Свою большую научно-исследовательскую деятельность Ираида Осиповна проводила в сочетании с ответственной должностью декана исторического факультета, руководство которым успешно и плодотворно осуществляла на протяжении 13 лет – с 1973 по 1986 г. Назначение на эту должность женщины было впервые в истории университета. Но руководство БГУ не ошиблось в своем выборе. Доверие было сполна оправдано. День за днем рос авторитет факультета и его руководителя. Все было не так просто и время выпало далеко не простое. Факультет был многоплановый, состоял из трех отделений: истории, философии и политэкономии. Плодотворная работа этих отделений и определение руководителем их перспективы дали возможность на базе отделений позже открыть самостоятельные факультеты. На то время факультет был одним из самых крупных в университете. Учебный процесс обеспечивали 250 преподавателей, обучалось более 2 тысяч студентов [3, с. 155].

Должность декана обязывала не только обеспечить четкую координацию и успех учебного и воспитательного процесса, но и создать здоровый, рабочий микроклимат как на факультете и каждой кафедре в отдельности, так и в студенческой среде. Только природная мудрость, масштабность мышления и необыкновенное женское обаяние Ираиды Осиповны помогли сформировать дружный, работоспособный, органично слаженный коллектив, болеющий за общее дело. Силой аргументов декан смогла заинтересовать и убедить, вовлечь не только свой факультет, но и другие факультеты и ректорат БГУ в трудоемкий процесс создания исторического музея, а одновременно и музея истории университета. В ее работе на высоком и ответственном посту одним из проявлений деловых качеств было сохранение и продолжение традиций предшественников, учителей.

Большое внимание Ираида Осиповна уделяла учебно-организационной работе. Благодаря ее стараниям в 1979 г. был решен вопрос о выделении из состава кафедры истории БССР и создании самостоятельной кафедры археологии, этнографии и вспомогательных исторических дисциплин. В этом она видела расширение масштабов специализации и углубления научно-исследовательской деятельности. Впервые на историческом факультете была создана и научная лаборатория. Когда возникла необходимость сохранить престиж коллектива и науки, она сама возглавила кафедру истории Беларуси, осознанно взяв на себя дополнительную нагрузку: разработка совершенно нового курса лекций, учебно-методических пособий и решение кадровых вопросов. Благодаря высокой работоспособности, умению четко расставить приоритеты, слаженной работе команды, поддержке и пониманию со стороны семьи, фа-

культет жил и развивался в своем поступательном движении, преодолевая все трудности и решая очередные задачи.

Исторический факультет – факультет идеологический. Он готовил специалистов не только для народного образования и научной сферы, но и для партийных, комсомольских и силовых структур. Отсюда особое внимание декана этому направлению в работе. И всегда оно обеспечивалась на высоком уровне. Ираида Осиповна сумела сформировать сильный и надежный коллектив опытных профессионалов, без которых не представляла успеха в решении общих задач – подготовка высококвалифицированных специалистов и формирование гармонично развитой личности. Она по-родительски строго и требовательно, но с теплом и заботой относилась к каждому студенту, каждого знала в лицо, что вызывало особое восхищение. Декан никогда не оставался безучастным к их проблемам. Много сил и времени И. О. Царюк уделяла решению социально-бытовых вопросов: вникнет в суть, разберется, если надо – пожурит, но поддержит, направит на правильный путь.

Серьезных успехов достигли студенты исторического факультета в спортивных соревнованиях, в конкурсах–смотре художественной самодельности и в научно-исследовательской работе. Вокруг декана бурлила жизнь во всех ее проявлениях. Не без инициативы и участия Ираиды Осиповны полезные и интересные контакты установились с коллективами исторических факультетов вузов Прибалтики и Калининграда, что расширило возможности обсуждать насущные проблемы преподавания истории и организацию воспитательной работы. В целом международные связи исторического факультета и БГУ активно развивались. В те годы довольно широко практиковался обмен преподавателями для чтения лекций в зарубежных университетах. Профессор И. О. Царюк читала лекции студентам и выступала перед коллегами в университетах Болгарии, Польши, Венгрии, ГДР.

Более 10 лет Ираида Осиповна являлась членом Президиума научно-технического и научно-методического совета Минвуза СССР, принимала участие в его заседаниях, где обсуждались проблемы методики, организации чтения лекций на исторических факультетах различных вузов страны. Она являлась членом координационного Совета Института истории АН Беларуси, членом специализированного совета по защите диссертаций. За большую и плодотворную работу была дважды награждена Грамотами Президиума Верховного Совета БССР, удостоена званий «Заслуженный работник высшей школы БССР» и «Заслуженный работник БГУ».

Много внимания Ираида Осиповна уделяла такому важному направлению в своей деятельности, как подготовка научных кадров. Ее ученики и сегодня с успехом работают в различных вузах республики. Фундаментальные научные знания, талант педагога, вдумчивый подход и щедрость сердца научного руководителя обеспечивали творческий успех в совместном труде с аспирантами и докторантами. Начиная с выбора тем кандидатских и докторских диссертаций, помощи в освоении методики диссертационного исследования и оканчивая защитой – все это было в центре внимания Ираиды Осиповны, как научного руководителя. Под ее чутким руководством 30 аспирантов защитили кандидатские диссертации, 10 из них стали докторами наук. И для каждого из них Ираида Осиповна была и останется дорогим и родным человеком.

Декан глубоко и четко знала свое дело, подготовила себе замену и передала руководство факультетом своим же воспитанникам. Ираида Осиповна осталась руководить кафедрой истории Беларуси, сосредоточив силы, знания и опыт на кафедральных делах. Но время неумолимо: Ираида Осиповна приняла решение, что пришло время направить свой педагогический дар на внуков. В 1992 г. она рассталась со всеми должностями в БГУ, но оставила в сердце связь с коллективом. Во всех отношениях незаурядный человек, Ираида Осиповна Царюк не только занялась воспитанием любимых внуков, вкладывая в них лучшие порывы своего ума и сердца, но посчитала своим долгом написать книгу воспоминаний о прожитом, о сокровенном – дорогих ее сердцу людях, о своей семье, о истории Западной Беларуси, о истории своей малой родины Белостотчины, давшей путевку в большую жизнь.

Результатом напряженного труда стало издание в 2011 г. книги «От родного порога». На примере своей семьи автор представил читателю картину истории целого поколения нашей страны, яркие эпизоды самоотверженной борьбы за социальное и национальное освобождение Западной Беларуси. Получилась настоящая летопись страны и бурного времени, написанную через историю одной семьи – семьи Притыцких. Как отметил в предисловии один из учеников Ираиды Осиповны, доктор исторических наук С. Н. Ходин: «Эта книга создана не профессиональным писателем, а профессиональным историком, что наполняет ее особым духом, вызывает ощущение соприкосновения с глобальной историей» [3, с. 3].

В 2012 г. из-под пера Ираиды Осиповны вышла вторая книга – «Крутые дороги: посвящается Сергею Притыцкому». Сестра таким образом отдала дань своего уважения легендарному брату, приурочив

книгу к 100-летию со дня его рождения. Обе книги наполнены ценным фактическим и документальным материалом, что делает их важными источниками для исследователей – ученых, аспирантов, студентов. Как и для всех тех, кому не безразлична история страны и ее народа.

Большая трудовая жизнь Ираиды Осиповны Царюк в сочетании с природным талантом, незаурядными организаторскими способностями, высокой самодисциплиной, душевными качествами позволяет определять все сделанное деканом исторического факультета БГУ не только с большой буквы, и с чувством глубокой признательности и уважения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Каханюўскі А. Г., Ходзін С. М., Яноўскі А. А.* Грайда Осіпаўна Царук // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2018. № 2. С. 139–140.

2. *Царюк И. О.* Крутые дороги: посвящается Сергею Притыцкому. Минск : Рифтур, 2012. 256 с.

3. *Царюк И. О.* От родного порога / под ред. С. Н. Ходина. Минск : БГУ, 2011. 168 с.

Хорхордина Т. И.

Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва, Российская Федерация)

ИСТОРИК И ВЕЧНОСТЬ: С. О. ШМИДТ И ИСТОРИЧЕСКОЕ АРХИВОВЕДЕНИЕ

Осмысление научно-педагогической школы С. О. Шмидта позволяет понять и феномен российского интеллигента, его роль и место в целостной феноменологии человеческого духа. Любая из многочисленных ипостасей С. О. Шмидта – историка, источниковеда, культуролога, текстолога, архивоведа, краеведа, педагога, просветителя и прочая, прочая – может послужить темой для фундаментального анализа, и каждое новое поколение исследователей даст свое прочтение его научного наследия. Достоинство настоящих ученых в том, что они никогда не замыкаются в одной узкой специализации. Эти слова, сказанные С. О. Шмидтом в 1996 г. на Международной научной конференции «Новое и старое в профессии архивиста: проблемы архивных кадров», в полной мере относятся к нему, выдающемуся российскому ученому.

Можно говорить, что уже сложилась полновесная источниковая база своеобразной учебно-научной дисциплины – «шмидтоведения».

100-летие Государственной архивной службы побуждает обратиться к научному наследию С. О. Шмидта, чьи труды содержат целостную программу принципиально нового направления в архивоведении и занимают важное место в истории архивоведческой мысли. Ученый возглавил возрожденное им краеведческое движение и неизменно подчеркивал необходимость интегрировать в него архивистов, выявляя преемственную связь в деятельности представителей обеих профессий. Отметим, что в провинции местные краеведы подняли тему «История в человеке», которая в научно-теоретическом плане долгое время оставалась неразработанной, хотя исторические источники, посвященные деятельности губернских ученых архивных комиссий и краеведческих организаций давали такую возможность. В частности, тезис С. О. Шмидта о том, что архивисты делают первые шаги по изменению сложившегося стереотипа «ценного» и «неценного» материала при отборе источников, остается актуальным до сегодняшнего дня. [5] Примечательно, что современные, поражающие своей остротой и востребованностью, «архивно-просветительские» идеи С. О. Шмидта соответствуют тому, что ученый высказывал на протяжении всей своей жизни.

Так, глубокие наблюдения и выводы содержатся в его исследовании «Исторические корни профессии историка-архивиста: отечественный опыт» [12], где ученый не только убедительно соотносит время возникновения архивов на Руси с периодом образования основ ее государственности и национально-культурной самобытности, но и намечает объективный подход к пониманию двойственной природы и сущности архивов.

С. О. Шмидт отмечает, что с Петровской эпохи достаточно четко разделялись понятия «архив» как присутственное место, т. е. учреждение, и «архивы» как «канцелярские письма». Одним из немногих исключений в этом смысле и является упомянутая статья, где ученый указал, что с самого момента возникновения архивы совмещают разные функции: для практических нужд, и как памятник истории и культуры, например: «Повесть временных лет» и другие летописи.

Ученый писал, что словом «...*архив* обозначают и документальные материалы, отложившиеся в результате деятельности учреждения или отдельных лиц. Но *самое употребительное значение* (выделено авт. – Т. Х.) слова *архив* – хранилище документальных материалов, т. е. учреждение (или его структурная часть), функциями которого являются

прием, учет, хранение таких документов, составление к ним справочно-го аппарата и организация их использования. «Архивы» в первом значении становятся нам доступны, как правило, только тогда, когда оказываются в архиве-хранилище и воспринимаются нами уже как «архивный фонд» (или в просторечии – просто фонд)» [12, с. 29].

Трактуя понятие «архивы» в первом, т. е. не в самом употребительном, значении слова, С. О. Шмидт напоминает, что академик Д. С. Лихачев еще в 1947 г. справедливо характеризовал летописи как архивы, поскольку они представляют собой «сочинения исторические (даже историко-литературные) и эстетические, и в то же время справочные и подтверждающие» [12, с. 21].

В самом деле, если рассматривать архивы только как систему специализированных вспомогательных учреждений при централизованных органах государственной власти, то такого рода архивы возникли при Петре I. Этимологический анализ данного термина в этом случае сводится к латинскому корню «archivum» и древнегреческому «archeion», которые в лексикографических трудах, специально посвященных русскому языку петровского времени, трактуются однозначно (это относится и к другим терминам из понятийного аппарата архивного дела той эпохи): «*Архив* [от греч. archeion] – присутственное место. *Архивы* – канцелярские письма. *Документ* – доказательство. *Камер-архив* – место, где помещается архив. *Канцелярия* – приказ» [2, с. 47, 109, 128, 131]. С. О. Шмидт же аргументированно обосновал, что Архив способствует расширению и общекультурного кругозора (мировоззрения), и в этом плане архив можно рассматривать и как культурно-формирующий фактор, и как расширение представлений о возможностях использования междисциплинарных научных связей.

Уже в первых архивоведческих работах 1950-х гг., посвященных истории Царского архива XVI в. и создания лицевого описей этого архива [3, 4], С. О. Шмидт установил, что в официальной терминологии XVI в. Царский архив назывался Казной, или Государской казной, в отличие от государевой казны, обозначавшей обычно Постельную казну государя, и которой ведал А. Ф. Адашев. Он же определил, что слово «казна» имело тогда несколько значений. Так называли и всякое имеющее ценность имущество, и место хранения ценностей (вещей и документов), и учреждение, в ведении которого находились ценности. Казной назывались и хранилища рукописных и печатных книг, т. е. то, что на современном языке называется словом «библиотека». Иногда библиотеки имели особые названия: книгохранительная казна, «книгохранители-

ца». С. О. Шмидт выявил, что первое повеление И. М. Висковатому – «грамоту перемирную королево слово и другую грамоту с пословными печатями положить в казну» – датируется 9 мая 1554 г. Он же первым установил, что, хотя Висковатый был назначен печатником, т. е. хранителем Большой царской печати в 1561 г., в реальности же эти обязанности он исполнял и раньше – в 1553–1560 гг., будучи, по словам Ивана IV, «ближним верным думцем» [3, с. 304].

Именно в качестве печатника и думного дьяка И. М. Висковатый имел непосредственное отношение к Царскому архиву, что подтверждается его первыми описями, составленными либо самим Висковатым, либо под его руководством. Как отметил С. О. Шмидт, «печатником и главным хранителем архива, сосредоточившего все важнейшие документы внутренней и внешней политики государства, в том числе касающиеся династии и лично государя (например, «изветы»), Висковатый стал, видимо, после того, как в дни боярского «мятежа» 1553 г. обнаружилось «шатание» казначея и печатника Н. А. Фуникова» [3, с. 306]. Ученый приводит важное в историко-архивоведческом смысле угрожающее замечание митрополита Макария в адрес Висковатого во время заседания собора на еретиков летом 1553 г.: «знал бы ты свои дела, которые на тебя положены, не разроняй списков» [3, с. 307].

Составителями описей, легших в основу описи Царского архива, являлись И. М. Висковатый и А. Васильев. Дьяк Иван Висковатый в 1556–1562 гг. составил опись, которую называли «книгами Ивана Михайлова». Новый дьяк, Андрей Васильев, сменивший Висковатого в 1562 г., разработал на основании этой описи новую опись – «переписную тетрадь».

Кроме того, С. О. Шмидт установил, что «переписная тетрадь», составленная А. Васильевым, и новая опись, относящаяся к 1626 г., в свое время «были составлены, вероятнее всего, тоже под руководством Висковатого, так как он в эти годы продолжал оставаться начальником Царского архива и еще в 1567 г. присылал А. Васильеву в Посольскую избу список о приезде шведского посольства» [3, с. 390]. Историк сделал обоснованный и аргументированный вывод: там, где предполагалось длительное хранение, вырабатывались постепенно и правила описания источников, проверки их подлинности, там формировались и предпосылки и первичные основы вспомогательных исторических дисциплин и архивной науки. [12, с. 22]

Эти открытия в полной мере доказывают ключевую мысль ученого, которую он озвучил еще в январе 1964 г. на обсуждении в Академии наук СССР доклада П. Н. Федосеева и Ю. П. Францева «О разработке методо-

логических вопросов истории»: «Первейшая задача историков – воспитывать у своих читателей и слушателей историческое мышление... Наши учебные пособия не всегда содействуют этому в полной мере. Они, как правило, описательно-назидательны... Из них практически изгнан элемент историографии» [5, с. 284]. Уже в 1960-е гг. С. О. Шмидт сформулировал идею о необходимости перехода исследования с эмпирического уровня на системный. Его идеи порой с трудом воспринимались архаистами с узкоцеховыми взглядами. Так, в 1969 г. ученый представил на суд коллег по Академии наук доклад «К истории архивного строительства в первые годы советской власти». Однако ему было рекомендовано не писать о «сомнительных» заслугах старых ученых, тем более что С. Ф. Платонов с 31 августа 1918 г. критиковал советскую власть, и негативные высказывания были зафиксированы также у А. С. Лаппо-Данилевского и у Е. В. Тарле. Несмотря на это, С. О. Шмидт опубликовал свой доклад в Ленинграде [6].

Более того, С. О. Шмидт становится научным руководителем студента А. В. Олигова, и когда члены ГЭК снижают ему оценку, ученый, пользуясь правом ответственного редактора сборника «Источниковедение и историография. Специальные исторические дисциплины» включает в него статью А. В. Олигова о фонде документов Общества российских архивных деятелей в ЦГАОР СССР как одно из лучших студенческих исследований [1].

Однажды С. О. Шмидт объяснил свою привязанность к сюжету о Союзе Российских архивных деятелей (Союз РАД) тем, что ему выпало родиться именно в год пятилетнего юбилея со дня образования этого уникального явления отечественной культуры. В данной шутке, как и в любой шутке, есть большая доля правды (хотя мистику «странных сближений» в наши исполненные эсхатологических переживаний дни не отмечаем с порога). На мой взгляд, эта толика правды кроется в просветительском мировосприятии ученого.

Дело в том, что в послереволюционном Союзе Российских архивных деятелей на короткий миг воплотилась в реальность исконная мечта историков, архивистов, краеведов делать одно общее дело, опираясь на доступные любому исследователю архивные источники. «Золотой миг» исторической науки – так можно назвать короткий, как взмах ресниц, период, когда руль исторической науки и архивного дела оказался в руках таких корифеев, как А. С. Лаппо-Данилевский и С. Ф. Платонов. Опять во времена Союза РАД, как и «архивных юношей», о которых ученый написал глубокое исследование [14], а также «славной эпохи

Н. В. Калачова», целые когорты энтузиастов заполнили тесные каморки древлехранилищ и вступили в напряженный диалог с историческими памятниками, пытаясь пробиться к подлинным знаниям.

Важное место в историографии архивной мысли занимают труды С. О. Шмидта, посвященные отечественным историкам, источниковедам, архивистам и архивоведам. Отметим, в первую очередь, его исследования о великом князе Николае Михайловиче (Романове), А. С. Лаппо-Данилевском, С. Ф. Платонове, М. М. Богословском, А. Е. Преснякове [9; 10; 11; 13] и других выдающихся представителей историко-архивоведческой науки, многие из которых явились разработчиками Декрета «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР» от 1 июня 1918 г. Новым словом в историко-архивоведческой науке стала статья С. О. Шмидта «О восприятии в исторических трудах декрета об архивном деле 1918 г. и история его подготовки и реализации», где он проанализировал глубокое влияние декрета на последующий ход архивного строительства не только в нашей стране, но и за рубежом [15].

Однако вскоре власти прикроют двери архивов, а история станет превращаться во внеисточниковое знание. Процесс возвращения к архивным устоям исторической науки затягивался, и С. О. Шмидт одним из первых начал бить тревогу. Он призывал от методологической однозначности переходить к многоплановому восприятию истории. Вот где находятся корни его концепции возвращения к гуманитарным истокам подлинного историко-архивного образования. Он с искренней болью призывал разобраться в том, почему «молодые люди, склонные к творческому поиску, неохотно специализировались на кафедрах археографии истории и организации архивного дела». И тогда же ученый указал магистральный путь выхода из ситуации, сложившейся в вузовской системе подготовки архивистов. Вспомним, писал он, что «выявление, изучение и использование архивных материалов всегда воспринималось как дело всей исторической науки и шире – гуманитарных наук... Думается, что все это будет еще в большей мере способствовать сближению собственно исторических и архивоведческих дисциплин и взаимопроникновению знаний об этом в процессе преподавания в высшей школе» [8, с. 12].

Идеи С. О. Шмидта о необходимости взаимопроникновения знаний сегодня воплощаются в университетской системе междисциплинарного обучения студентов. Такой концептуальный методологического масштаба взгляд характерен и для его статьи, посвященной подготовке и обучению историков-архивистов в МГИАИ, в которой прозвучал программный вывод, сохраняющий свое значение и сегодня: «Конечная

цель вузовского обучения – развитие самосознания будущих специалистов» [7, с. 57]. По моему мнению, в этих словах и заключен символ веры академика РАО С. О. Шмидта.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Олигов А. В.* Фонд Общества российских архивных деятелей в ЦГАОР СССР (1917–1924) // Источниковедение и историография. Специальные исторические дисциплины: Сб. статей. М. : МГИАИ, 1980. С. 73–77.
2. *Смирнов Н. А.* Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху // Сб. Отделения русского языка и словесности Академии наук. СПб., 1910. Т. 88. № 2. С. 47–131.
3. *Шмидт С. О.* К истории Царского архива середины XVI в. // Труды МГИАИ. М., 1958. Т. 11. С. 304–407.
4. *Шмидт С. О.* К истории создания описей Царского архива XVI века // Археографический ежегодник за 1958 год. М., 1960. С. 53–57.
5. *Шмидт С. О.* О разработке методологических вопросов истории // История и социология. М., 1964. С. 284–296.
6. *Шмидт С. О.* К истории архивного строительства в первые годы Советской власти // Проблемы архивоведения и истории архивных учреждений: Материалы юбилейной научной конференции архивистов Ленинграда 13–14 июня 1968 г. Л., 1970. С. 19–35.
7. *Шмидт С. О.* О подготовке историков-архивистов в МГИАИ (Размышления в связи с реформой высшей школы) // Советские архивы. 1987. № 4. С. 55–63.
8. *Шмидт С. О.* Заметки об источниковой базе трудов по архивоведению // Классификация, комплектование и экспертиза ценности документов в советском архивоведении (1917–1987). М., 1989. С. 9–20.
9. *Шмидт С. О.* К изданию сборника трудов БАН памяти великого князя Николая Михайловича // Археографический ежегодник за 1992 год. М., 1994.
10. *Шмидт С. О.* А. С. Лаппо-Данилевский на рубеже эпох // Археографический ежегодник за 1994 год. М., 1996. С. 229–238.
11. *Шмидт С. О.* Сергей Федорович Платонов и «дело Платонова» // Советская историография. М., 1996. С. 215–239.
12. *Шмидт С. О.* Исторические корни профессии историка-архивиста: отечественный опыт // Вестник архивиста. 1996 г. № 4. С. 20–31.
13. *Шмидт С. О.* Вступительное слово на конференции, посвященной научному наследию М. М. Богословского и А. Е. Преснякова // Археографический ежегодник за 2000 год. М., 2001. С. 247–253.
14. *Шмидт С. О.* «Архивны юноши толпою...» // Вестник архивиста. 2003. № 3–4 (75–76). С. 136–156.
15. *Шмидт С. О.* О восприятии в исторических трудах декрета об архивном деле 1918 г. и история его подготовки и реализации // Отечественные архивы. 2008. № 6. С. 134–138.

Шимукович С. Ф.

ГУО «Республиканский институт высшей школы» (г. Минск, Республика Беларусь)

ОТ ФИЛОМАТА ДО РЕКТОРА ИМПЕРАТОРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА: О. М. КОВАЛЕВСКИЙ НА СЛУЖБЕ НАУКЕ И ОБРАЗОВАНИЮ

Начало XIX в. в истории европейского континента отмечено значительными изменениями, которые затронули почти все сферы социальной, политической, экономической активности человека. В это время происходило становление и окончательное закрепление буржуазного общества с его ценностями и нормами поведения [1]. В рамках бурных трансформаций непосредственный интерес представляет участие представителей групп элит в реализации самых разных проектов, в поступательном развитии своего региона или страны. Представители интеллектуальной, научной элиты наиболее полно могли реализовать свой потенциал только в стенах научных либо учебных институтов – университетов и академий наук.

Как отмечает российский историк Д. А. Литошенко, университеты к концу XVIII – началу XIX в. так же прошли сложный период трансформации, который привел к замене средневековой модели университетом нового типа. Исследователь отмечает явное усиление влияния государства на учреждения образования, «...включение их в функциональный контур действовавшего политико-административного макромеханизма, что способствовало повышению уровня управляемости университетами» [6, с. 18]. Параллельно происходило формирование новой комплексной университетской идеологии, которая включала не только идеологию образования, но и идеологию университетского сообщества и идеологию социального инжиниринга, т. е. активного включения в общественные процессы за стенами учебного заведения. В конце XVIII в. университеты активно интегрировались как в социальную ткань общества, так и интенсифицировали научные контакты внутри европейского университетского сообщества. Таким образом, «...университетское сообщество в значительной степени повлияло на формирование элитарных групп, функционирующих в обществах вовлечённых в процесс складывания государства современного типа...» [6, с. 18–24].

Одной из таких элитарных групп, на наш взгляд, является научная и интеллектуальная элита, представленная академическими учеными и

профессурой университетов. Данную группу можно и нужно изучать, в том числе используя методы просопографии. Как отмечает французский исследователь Ж. Дюма, элиты нового времени являются приоритетным предметом исследований с помощью данного метода, поскольку наличествует достаточно архивных материалов для качественного анализа. «Выделение такой группы позволяет одновременно выявить ее границы и увидеть, в чем она является элитой и каким образом она обозначает свое преимущественное положение в обществе» [4, с. 123–124].

В начале XIX в. в белорусском регионе распространяли свое влияние два высших учебных заведения, имевших статус университета. Это Виленский университет, который вел свою традицию с середины XVI в. от иезуитской академии, и Полоцкая иезуитская академия, которая пользовалась правами университета непродолжительный период с 1812 по 1820 г. Виленский университет с 1803 г. являлся центром учебного округа и, соответственно, был включен в функциональный контур действовавшего политико-административного макромеханизма Российской империи. Однако почти вся деятельность университетского сообщества носила явно оппозиционный характер и не содействовала решению задачи по интеграции присоединенного региона в состав империи. Университет стал центром интеллектуального идеологического противостояния с имперскими властями, местом подготовки представителей региональных элит, предлагавших и пытавшихся реализовать альтернативные проекты политического развития данного региона. После раскрытия деятельности тайных обществ в 1820-х гг. и самого активного участия студентов и части преподавателей в восстании 1830–1831 гг. власти приняли решение закрыть оппозиционный университет. Стоит отметить, что Виленский университет был одним из крупнейших в империи, а это значит, что с этого момента для сотен молодых людей значительно усложнились условия получения высшего образования, а ученые и преподаватели лишались возможностей для полноценной профессиональной деятельности в границах родного региона. С этого момента студенты могли обучаться в других университетах Российской империи либо Европы, однако эта ситуация вела к увеличению расходов на обучение. Талантливая молодежь так же могла делать научную карьеру за пределами своего региона, но при этом зачастую теряя тесную связь с родиной.

Одним из научных центров Российской империи являлся Казанский университет. В этом самом удаленном учебном и научном центре за весь период его существования в качестве императорского (1804–1917)

в разные периоды на преподавательских и административных должностях работали десятки уроженцев белорусского региона. Некоторые из них прославили и свое имя, и университет (О. М. Ковалевский, Е. В. Адамюк, Д. И. Дубяго, И. М. Догель, К. В. Харлампович и др.). Сложилась даже династия ученых, работавших в Казанском университете (Ковалевские, Догели, Адамюки). Деятельность уроженцев западных территорий империи достаточно полно представлена в биографическом указателе профессоров и преподавателей, изданном к столетнему юбилею Казанского университета в 1904 г. [2].

Одним из наиболее известных профессоров Казанского университета был Осип Михайлович Ковалевский, уроженец Гродненской губернии. Его жизненный и научный путь достаточно активно изучался уже в XX в. – исследователей интересовала не только его научная деятельность, но и общественная деятельность, позиция по важным социальным и политическим событиям. При том, что о О. М. Ковалевском подготовлено достаточно исследований [3; 10; 11; 12], некоторые моменты его научной и общественной деятельности, а так же личной жизни требуют уточнения. Определенные возможности для детализации обстоятельств жизни ученого (в том числе семейной) дают документы фонда Казанского университета (Совет университета, ректорат, историко-филологический факультет), а также фонды попечителя Казанского учебного округа. Они хранятся в Национальном архиве Республики Татарстан.

Обстоятельства появления О. М. Ковалевского в Казани связаны с попытками имперских властей придать Виленскому университету характер учебного заведения, следующего государственным интересам Российской империи. Для этого в университете необходимо было подавить оппозиционные настроения и ликвидировать действующие тайные общества. М. О. Ковалевский был участником обществ филоматов и филаретов и, соответственно, попал под следствие. Исследователи жизни ученого отмечают, что общественная деятельность была у молодого ученого на втором месте, приоритетом для него изначально являлась наука. В некотором роде данное обстоятельство определило дальнейшую судьбу ученого. Вместе с И. Верниковским и Ф. Кулаковским Осипа Ковалевского направили в ссылку в Казань. Однако, учитывая способности молодых людей и их желание далее заниматься научной деятельностью, определили в ведение Казанского университета для изучения восточных языков (но под особым надзором полиции). Биография О. М. Ковалевского содержит интересный факт: находясь под особым надзором, с 25 сентября 1825 г.

он был в должности комнатного надзирателя, а с 29 января 1827 г. – помощника инспектора студентов [2, ч. 1, с. 232].

Выполнение функциональных обязанностей на данных должностях предполагало и отслеживание уровня верноподданнических настроений среди студентов. Сам ученый был освобожден от надзора только в 1832 г. – после возвращения в Казань из многолетней экспедиции на Восток, научные результаты которой принесли ему общероссийскую и мировую известность. Вероятно, именно в это время для О. М. Ковалевского активная общественно-политическая деятельность в интересах польского движения потеряла актуальность, в абсолютный приоритет была поставлена наука. Вероятно, на данный выбор повлияло и происхождение ученого. Исследователи отмечают, что он родился в семье униатского священника, вероятно белоруса по происхождению. Некоторые российские исследователи указывают на его польское происхождение: мать ученого исповедала католицизм, и дети были крещены в костеле. Изначально О. М. Ковалевскому не был свойственен избыточный польский патриотизм.

В отличие от своего товарища по ссылке, талантливый молодой исследователь Иван (Ян) Антонович Верниковский (происходил из шляхетского рода Игуменского уезда Минской губернии), также высланный в 1824 г. из Вильно в Казань, приоритеты выстроил иначе. В 1832 г. с него также сняли особый надзор. Однако уже 20 сентября 1834 г. он был отдан под суд за активное участие в политической антиправительственной деятельности – в частности, за «антиправительственную пропаганду в западном крае» (по т. н. «делу Заблоцкого») и был выслан в Вятку [2, ч. 1, с. 53–54].

Для О. М. Ковалевского, после возвращения из длительной научной командировки, стояла задача обработать и опубликовать собранный материал. А это были не только записи, но и материальные ценности. По материалам деканата историко-филологического факультета в 1835–1837 гг. у Ковалевского (на начало процедуры он был еще адъюнктом) были выкуплены редкости – китайские, монгольские, маньчжурские костюмы, изображения буддийских божеств, богослужебные вещи, монеты, картины, книги и др. на сумму 4480 рублей ассигнациями (подробный список вещей прилагался). При этом отмечалось, что данные предметы исследователь приобретал, путешествуя через Монголию, Китай и бурятские земли по поручению попечителя Казанского учебного округа. Коллекция была выкуплена в несколько этапов и распределена частично в библиотеку университета, частично в кабинет редкостей [17].

По возвращению из экспедиции О. М. Ковалевский успешно прошел испытания в Академии наук и 25 июля 1833 г. получил назначение адъюнкт-профессором Казанского университета по кафедре монгольского языка [2, ч. 1, с. 233]. Тем не менее, полностью сосредоточиться исключительно на восточной тематике (в частности, монгольском языке) не всегда получалось. Так, в 1835 г. университет поручил Ковалевскому читать лекции по латинскому языку [7], а в 1837–1839 гг. – по всеобщей истории [2, ч. 1, с. 233]. Тем не менее, в течение нескольких лет он смог издать ряд своих главных работ по грамматике и морфологии монгольского языка, которые принесли мировую славу.

Академическая карьера О. М. Ковалевского развивалась достаточно стремительно: в 1835 г. он уже экстраординарный профессор, а ординарным профессором стал в 1837 г. и тогда же был избран и утвержден деканом факультета (в дальнейшем неоднократно переизбирался) [2, ч. 1, с. 233]. В 1838 г. в университет пришло уведомление об избрании профессора О. М. Ковалевского членом-корреспондентом Академии наук [8].

В 1855 г. Осип Михайлович был назначен ректором Казанского университета и выполнял данные функции до 1860 г. [14]. Назначение утвердил император Николай I. Более того, доверие Ковалевскому со стороны властей было так велико, что в ведение ректора университета находилось цензурирование периодических изданий «Казенные губернские новости» и «Записки экономического общества». В 1860 г., с увольнением О. М. Ковалевского с должности ректора, эта функция была в принципе снята с ректора университета и передана утвержденным в Казани особым цензорам [15].

Вместе с успешной академической карьерой бывший политический неблагонадежный был осыпан всевозможными российскими и зарубежными наградами, знаками отличия, почетными званиями. Просматривая многочисленные дела о награждениях профессоров Казанского университета за 1830–1850-е гг., ловишь себя на мысли, что фамилия О. М. Ковалевского встречается в документах на награждение чаще, чем чья либо. В 1838, 1840 и 1843 годах Ковалевский получал благодарности попечителя учебного округа (опись 4 дел Совета университета, дела 2212; 2330; 2578), в 1844 г. награжден сразу двумя орденами – Св. Станислава 2-й степени и Св. Владимира (опись 4 дел Совета университета, дела 2604 и 2697). Знаки отличия беспорочной службы получил в 1842 и 1851 гг. (опись 4 дел Совета университета, дела 2551 и 3232). А ведь были и другие награды.

Случались и сбои в данном водопаде знаков внимания со стороны российских властей. Так, российский исследователь О. Н. Полянская отмечает, что в 1847 г. О. М. Ковалевский был избран ординарным профессором Академии наук по части восточной словесности, однако Николай I вычеркнул его из списков академиков, предположительно, по политическим соображениям [18, с. 26]. Тем не менее уже 31 декабря 1849 г., Ковалевский получает через попечителя учебного округа извещение о «монаршем благоволении» [12].

Широкое признание заслуг ученого ориенталиста пришло от европейских коллег и правительств. Особенно отметили заслуги ученого официальные власти Пруссии. Еще в 1838 г. прусский король наградил О. М. Ковалевского золотой медалью, в 1846 г. – еще одной, а в 1850 г. попечитель учебного округа вновь известил руководство университета о вынесении благодарности прусским королем профессору О. М. Ковалевскому (опись 4 дел Совета университета, дела 2214; 2902; 3204). Такое признание научных заслуг, вероятно, связано с активным использованием научных работ Ковалевского по монгольскому языку и космологии в Берлинском университете, где формировалась собственная сильная школа ориенталистики.

В 1839 г. из Парижа пришло извещение об избрании О. М. Ковалевского почетным членом Парижского королевского азиатского общества [10], а в 1844 г. профессор был избран действительным членом Королевского Датского общества северных антикваров [11].

Интересно то, что формулярные списки служащих Казанского университета, равно как и документы на награждения, не содержат сведений об участии О. М. Ковалевского в деятельности тайных студенческих обществ в Виленском университете. Польский ориенталист белорусского происхождения Владислав Котвич, автор одной из биографий Ковалевского, отмечает, что только по итогам восстания 1863–1864 г. произошла полная «реабилитация» учёного российскими властями, и из служебного формуляра было вычеркнуто «филоматское прошлое» [20, р. 129, 133]. Однако служебный формуляр служащих в Казанском университете за 1858 г., когда О. М. Ковалевский являлся его ректором, уже не содержит даже намека на непростые обстоятельства его приезда в Казань. Там кратко было расписано начало научного пути ученого: из Гродненской гимназии поступил в Виленский университет, по итогам прослушивания стал кандидатом. Для изучения восточных языков по высочайшему повелению переведен в Казанский университет [13, л. 1–2]. Дополнительные обстоятельства перевода не указываются, об участии в антиправительст-

венной деятельности нет ни слова, ни намека. Зато в данном формуляре можно найти информацию о семье ректора. В 1858 г. он был женат на Анне Андреевой (в том году исполнилось 20 лет их супружеской жизни), у них было два сына и дочь, супруга и все дети были православного вероисповедания, в то время как сам Ковалевский последовательно придерживался римско-католической веры [13, л. 2].

Многие исследователи указывают на отсутствие сведений о супруге ученого, считая, что кроме имени и вероисповедания документы ничего не сохранили. Тем не менее, в делах Совета Казанского университета сохранилось свидетельство на вступление в брак, выданное профессору Ковалевскому О. М. Оно проясняет ситуацию с семейным положением ученого. 11 июня 1838 г. Осип Михайлович обратился в Совет университета с просьбой выдать ему свидетельство для предъявления священнику, в котором бы было отмечено о его положении холостяка и наличии для вступления в брак законных лет. При этом пояснял, с кем он хочет заключить семейный союз: «Намерен вступить в брак с дочерью покойного Андрея Соколова, священника Костромского, воспитанницей Казанского губернского предводителя дворянства П. М. Еремеева, девицей Анной Андреевой» [9].

Таким образом, нам становится известно не только полное имя супруги ученого, но и ее социальный статус. Анна Андреевна Соколова была дочерью русского православного священника. Здесь стоит вспомнить, что сам Осип Михайлович был сыном униатского священника, который также происходил из семьи униатского священника [5, с. 270]. В семье О. М. Ковалевского все дети были православными: видимо, вероисповедание детей определяла их мать Анна Андреевна. Это напоминает ситуацию в семье отца Осипа – Михаила Ковалевского, униатского священника, где мать будущего ученого была католичкой. И католиками стали Осип и оба его брата.

Все эти факты слабо вписываются в стереотип обязательного поведения «польского патриота», коим О. М. Ковалевский выделялся в польском обществе, где помнили о его филломатском прошлом и дружбе с Адамом Мицкевичем. Одновременно исследователи отмечают высокий уровень доверия к О. М. Ковалевскому со стороны российских властей, в том числе и после его переезда в Варшаву, где он с сентября 1862 г. стал профессором Главной школы и деканом историко-филологического факультета (позднее – Варшавского университета). Владислав Котвич отмечает, что Ковалевскому не удалось влиться в польскую научную и общественную среду. Причиной он считал космополитизм

Осипа Михайловича, который не воспринимали радикально настроенная польская интеллигенция и особенно студенчество [20, р. 127]. Полагаю, что не столько космополитизм стал причиной остракизма известного ученого, сколько значительная трансформация его политических взглядов, которая прошла эволюцию от революционных идей тайных студенческих обществ 1820 гг. до демонстративного проявления лояльности российским властям в ходе восстания 1863–1864 гг.

О. М. Ковалевский руководствовался скорее принципами объективной рациональности и действовал в пользу науки и образования. В материалах ректората Казанского университета хранится один интересный документ, который напрямую не соотносится с Ковалевским, но по косвенным признакам Осип Михайлович вполне может иметь отношение к его появлению. Речь идет о просьбе Начальника гражданского Управления Царства Польского на имя наместника императора в Варшаве великого князя Константина Николаевича о содействии в пополнении фондов Главной библиотеки в Варшаве книгами из российских университетов. В Казанский университет данная просьба поступила в августе 1862 г. [16, л. 7–8]. Вполне вероятно, что такую необходимость с Начальником гражданского Управления Царства Польского оговаривал О. М. Ковалевский, который переехал в Варшаву в начале 1862 г., для дальнейшей работы в Главной школе. Плачевное состояние Главной библиотеки могло его неприятно озадачить, одновременно он мог располагать информацией как о дубликатах ценных книг библиотеки Казанского университета, так и о польских собраниях в ее хранилищах (книги из библиотеки Залусского, библиотеки бывшего Александровского университета и т. д.). В итоге список книг, передача которых в Варшаву стала возможной без негативных последствий для университетской библиотеки Казани, насчитывал более сотни позиций [16, л. 10–17 об.].

Деятельность О. М. Ковалевского, как и деятельность подавляющего большинства других уроженцев белорусских земель – профессоров Казанского императорского университета – ограничивалась преимущественно научными интересами и общественными инициативами в рамках места их пребывания. Об этом свидетельствуют их биографические сведения [2]. Вынужденная оторванность от родных мест корректировала приоритеты представителей данной элитарной группы в пользу преимущественно научной и образовательной деятельности, но не участия в общественно-политической жизни. У них формировался «безопасный» уровень лояльности имперским властям, что в целом способствовало процессам имперской унификации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Ананьева А.* «Долгий XVIII век»: характерные черты периодизации вне календарной хронологии и применение концепта к российской истории // *Изобретение века: проблемы и модели времени в России и Европе XIX столетия.* М. : Новое литературное обозрение, 2013. С. 322.
2. *Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804–1904): в 2 ч. / Под ред. Н. П. Загоскина.* Казань: Казан. ун-т., 1904. 455 с.
3. *Валеев Р. М.* [и др.]. Монголовед О. М. Ковалевский: биография и наследие (1801–1878). Казань : Алма-Лит, 2004. 288 с.
4. *Дюма Ж.* Об изучении элит в современной историографии / пер. с франц. Ю. П. Крыловой // *Французский ежегодник = Annuaire d'etudes fransaises.* Т. 33. М. : Ин-т всеобщей истории РАН, 2001. С. 126–137
5. *Лісейчыкаў Д.* Святар у беларускім соцыуме: праспапаграфія ўніяцкага духавенства 1596–1839 гг. Мінск : Беларусь, 2015. 719 с.
6. *Литошенко Д. А.* Эволюция университетского образования в Европе XVI – конца XVIII веков : автореф. дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.03 / Дальневост. гос. ун-т. Владивосток, 2004. 26 с.
7. Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Фонд 977. Опись 4 «Совет». Дело 2063. Лист 1.
8. НАРТ. Ф. 977. Оп. 4 «Совет». Д. 2215. Л. 1–2.
9. НАРТ. Ф. 977. Оп. 4 «Совет». Д. 2258. Л. 1–2.
10. НАРТ. Ф. 977. Оп. 4 «Совет». Д. 2276. Л. 1–3.
11. НАРТ. Ф. 977. Оп. 4 «Совет». Д. 2702. Л. 1.
12. НАРТ. Ф. 977. Оп. 4 «Совет». Д. 3122. Л. 1–2.
13. НАРТ. Ф. 977. Оп. 4 «Совет». Д. 4175. Л. 1–2.
14. НАРТ. Ф. 977. Оп. 4 «Совет». Д. 3799. Л. 1–8.
15. НАРТ. Ф. 977. Оп. 5 «Ректор». Д. 1461. Л. 1–5.
16. НАРТ. Ф. 977. Оп. 5 «Ректор». Д. 1556. Л. 7–8.
17. НАРТ. Ф. 977. Оп. 12 «Историко-филологический факультет». Д. 242. Л. 1–3.
18. *Полянская О. Н.* О. М. Ковалевский исследователь Центральной Азии // *Вестник Евразии.* 2001. № 4. С. 20–34.
19. *Шамов Г. Ф.* Профессор О. М. Ковалевский: Очерк жизни и научной деятельности. Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1983. 112 с.
20. *Kotwicz W.* , 1801–1878: Ze wstepem M. Lewickiego, bibliografia opracowana przez M. oraz niewydana korespondencja Kowalewskiego // *Prace Wrocławskiego Towarzystwa Naukowego.* Ser. A. № 11. Wrocław : Wrocł. Tow. Naukowe, 1948. 207 p.

Шумейко М. Ф.

Белорусский государственный университет (г. Минск, Республика Беларусь)

**ПРОЯВЛЕНИЕ КОММЕМОРАТИВНОЙ ФУНКЦИИ ЛИЧНЫХ
АРХИВНЫХ ФОНДОВ ИСТОРИКОВ В ПРОЦЕССЕ
ИХ КОМПЛЕКТОВАНИЯ И НАУЧНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
(на примере документального наследия академика В. И. Пичеты)**

Хоть память крепкая – большое благо,
Но все ж надежней памяти бумага.

Восточная мудрость

Номо sapiens'у всегда было свойственно стремление оставить память о своем пребывании на Земле. Подтверждение этого находим в наскальных рисунках доисторического человека, запечатлевших сцены его охоты на диких зверей, или в графитти типа «*Куса и Ося были здесь*», которое герой повести И. Ильфа и Е. Петрова «12 стульев» нацарапал на все том же материале для письма, но во вполне историческое время. С учетом данного обстоятельства предположим, что наряду с информационной функцией, которой обладают все документы, включая и те, что составляют личные архивные фонды историков, именно последние, ввиду характера профессиональной деятельности их создателей, наделены еще и особой, *коммеморативной*¹ функцией, нацеленной на сохранение памяти о фондообразователе.

Современные исследователи не единожды обращали внимание на ту важную роль, которую в процессе коммеморации играют архивы, музеи, библиотеки, выступающие как «стратеги формирования политики памяти, как организаторы и создатели мест памяти, как трансляторы идейного наследия, провоцирующих память текстов, что имеет колоссальную значимость для развития фундаментальной науки и корпоративной самоидентификации ученых» [14, с. 352]. Однако не менее важную роль, на наш взгляд, играют и сами фондообразователи (в нашем случае – профессиональные историки), более других понимающие значение создаваемого ими комплекса *историографических источников*² и уже на

¹ Коммеморация – сохранение в общественном сознании памяти о значимых событиях прошлого.

² Под последними мы, вслед за С. О. Шмидтом, понимаем не только законченные работы историков (монографии, статьи и т. п.), но и те источники, которые позволяют проследить процесс их подготовки (эпистолярный, дневниковые записи, выписки из документов и научных трудов и т. п.) (См.: [22]).

стадии его формирования имеющие возможность проводить своего рода селекцию документов, отсеивая кажущиеся им малозначительными или нежелательными и оставляя «самые главные» в будущем архивном фонде личного происхождения.

Рассмотрим это на примере личного архивного фонда выдающегося историка, академика АН БССР и СССР, первого ректора БГУ В. И. Пичеты (1878–1947), 140-летию со дня рождения которого посвящена данная научная конференция.

Но прежде познакомимся с историей трансформации личного архива ученого в фонд личного происхождения, хранящийся ныне в Архиве РАН [1, с. 300–301]. Это позволит выяснить степень причастности как самого ученого, так и его родных, близких, учеников, а также академических архивистов к процессу отбора документов, предполагаемых для включения в состав фонда. Заметим кстати, что с выяснения истории формирования архивного фонда, будь то учреждения или, как в нашем случае, лица, должна начинаться любая научно-исследовательская работа по освоению составляющих его документов. Это – азы архивной эвристики и источниковедения, о которых, тем не менее, иногда забывают историки, и не только работающие с документами личных архивных фондов в качестве пользователей, но даже сами порой выступающие в качестве составителей их обзоров¹. К счастью, это не имеет отношения к объекту нашего исследования – личному архивному фонду В. И. Пичеты.

Попытки дать обзор данного фонда, причем на разных стадиях его формирования, уже предпринимались в историографии, что в определенной степени упрощает нашу задачу. Наиболее значимой здесь представляется работа Л. И. Уткиной, внесшей значительный вклад во введение в научный оборот документов личного архивного фонда го² – в юбилейном сборнике, посвященном 50-летию славистики в МГУ

¹ В этом автор убедился на примере в целом неплохо составленного обзора хранящегося в ЦГИА Украины личного архивного фонда М. В. Довнар-Запольского [17]. Отсутствие в нем сведений об истории фонда (когда и кем передан в архив и, соответственно, – кто занимался его упорядочением) оставляет у пользователя его документами многие вопросы без ответов.

² См., например, подготовленные ею фрагменты написанных В. И. Пичетой в августе 1931 г. в Ленинградском доме предварительного заключения воспоминаний «Моя жизнь до 1905 года», дневниковые записи ученого 1944–1946 гг., опубликованные в 4-м вып. научного сборника «Российские и славянские исследования» (Минск: БГУ, 2009. С. 301–332; 333–337). В предисловии к первым составитель писала: «Воспоминания – это 133 листа большого формата, испи-

им. М. В. Ломоносова [21]. Автор со ссылкой на статью ученика В. И. Пичеты – В. Д. Королюка [15, с. 34], – отмечает, что после смерти ученого предполагалось хранившийся у его вдовы – А. П. Пичета (1892–1973) – архив покойного после соответствующей обработки передать в рукописный отдел библиотеки Института славяноведения АН СССР. Однако, как пишет далее автор обзора, «Ни в конце 1940-х годов, ни в последующие годы по неизвестным нам причинам эта работа так и не была завершена, и материалы продолжали оставаться на прежнем месте. Лишь в 1967 г. А. П. Пичета передала основную часть документов личного архива академика в Архив АН СССР» [21, с. 34].

Рискнем предположить, что на принятие данного решения могло повлиять письмо члена Президиума АН СССР академика П. Н. Поспелова от 20 декабря 1967 г., направленное в адрес А. П. Пичета. В нем автор благодарил адресата за предоставление некоторых документов В. И. Пичеты на юбилейную выставку «Академия наук СССР за 50 лет Советской власти» и одновременно предлагал весь архив ученого передать в Архив АН СССР, который «хранит уникальные документы Академии наук и личные фонды ее действительных членов начиная с XVIII в. и организует их широкое использование» [4, л. 48].

Помимо Л. И. Уткиной интерес к личному архивному фонду ученого с архивоведчески-источниковедческих позиций проявляли и белорусские историки и архивисты [2; 23].

Нельзя не отметить, что интерес к книжно-документальному собранию В. И. Пичеты после его смерти наряду с академическим архивом проявлял и БГУ, о чем свидетельствует хранящееся в личном архивном фонде ученого дело на 56 листах за 1949–1970 гг. под названием «Переписка о передаче книг В. И. Пичеты в Белоруссию». Это во многом было обусловлено работой по созданию музея истории Университета, на что указывает содержание письма его научного сотрудника Я. П. Иконниковой (Науменко) на имя А. П. Пичета от 15 ноября 1956 г. В нем, в частности, говорится: «Уважаемая Александра Петровна! В связи с тем, что при Белорусском государственном университете открывается музей истории Университета, ректорат обращается к Вам с просьбой прислать

санные черными чернилами с двух сторон очень характерным «пичетинским» почерком, когда в первую минуту знакомства с ним вы не видите ничего, кроме палочек, черточек, крючочков. Достаточно много времени ушло, чтобы в него вчитаться, чтобы начать различать слова, составлять фразы, восстанавливать смысл написанного» (С. 305).

имеющиеся у Вас документы и фотографии Владимира Ивановича, относящиеся к его деятельности в Университете. Ректорат гарантирует сохранность этих документов и возвратит их Вам тотчас же после снятия с них копий» [4, л. 3].

Переписка между А. П. Пичета, с одной стороны, БГУ, ГБЛ БССР им. В. И. Ленина, ГБЛ СССР им. В. И. Ленина, с другой, о распределении рукописного и книжного наследия ученого велась в течение 1956–1965 гг. В качестве своеобразного эксперта в ней участвовал и научный сотрудник Института славяноведения АН СССР И. С. Миллер, так же как и В. Д. Королюк являвшийся учеником В. И. Пичеты.

Представители Музея истории БГУ Я. П. Иконникова и М. Б. Фридман спрашивали, какие из присланных вдовой ученого документов и фотографий В. И. Пичеты следует вернуть после снятия с них копий, а какие оставить в музее. В письме от 14 декабря 1956 г. они передали А. П. Пичета просьбу ректората и парткома университета подарить бюст ученого, который предполагалось установить в актовом зале главного корпуса, или разрешить сделать с него копию. В ответном письме 3 января 1957 г. Александра Петровна сообщала, что оригиналы всех посланных материалов она предоставляет в полную собственность музея. «Если будет не очень сложно для Вас снять с них фотокопии для меня, – писала она, – то я буду Вам очень благодарна. Из всего посланного я просила бы вернуть мне подлинную фотографию В. И. Пичеты в бытность его студентом Московского университета, а копию оставить себе» [4, л. 16].

Что касается бюста, А. П. Пичета готова была предоставить имеющийся у нее гипсовый вариант, с которого изготавливался памятник на могиле ученого на Новодевичьем кладбище. Однако, предупреждала она, он недолговечен. «Если речь идет о бюсте из мрамора, гранита и т. п., – писала Александра Петровна, – то осуществить это вполне возможно в зависимости от наличия средств у БГУ. По этому делу я говорила как с мраморной мастерской на Новодевичьем кладбище, где имеются лучшие в Москве резчики по мрамору и граниту, так и со скульптором М. М. Удальцовой. Узнала в мастерской и ориентировочную цену за изготовление мраморного бюста. При наличии макета это будет стоить приблизительно тысяч восемь. Из гранита немного дороже, так как он труднее в обработке (ведь это ручная копировка с гипсового макета)» [4, л. 16].

К сожалению, вопрос с изготовлением и установкой в главном корпусе БГУ бюста его первого ректора не был решен ни тогда, ни в последующие годы. И до сих пор гипсовый бюст В. И. Пичеты встречает вся-

кого, приходящего на исторический факультет Университета¹. Правда, к 90-летию БГУ на фасаде здания истфака, откуда ведет свою историю университет, появилась мемориальная доска в память о его первом ректоре.

Летом 1957 г. представители ГБЛ БССР им. В. И. Ленина вели с А. П. Пичета переговоры относительно передачи в Минск части книг из личной библиотеки ученого. По их просьбе Александрой Петровной в адрес библиотеки были высланы списки книг, которые она собиралась передать в Минск. Просматривавший их осенью этого года И. С. Миллер просил А. П. Пичета до отправки книг еще раз «глянуть на них в натуре». «При этом обещаю, – отмечал Миллер, – придерживаться того же принципа, что и при просмотре карточек – белорусов не обижать, отбирать только то, что действительно нам здесь позарезу нужно» [4, л. 26].

В 1960 г. А. П. Пичета передала из коллекции Владимира Ивановича в качестве дара в Отдел рукописей ГБЛ СССР им. В. И. Ленина рукописные материалы XVIII–XIX вв., которые были включены в фонд 218 собрания Отдела рукописей [4, л. 29]. 18 июня 1961 г. в письме на имя зав. отделом комплектования ГБЛ БССР им. В. И. Ленина Г. М. Сафьян Александра Петровна сообщала о посылке в библиотеку 2-х томного машинописного экземпляра научного труда «История Белоруссии», на 990 страницах, 664 из которых, включая предисловие, написаны, по ее словам, В. И. Пичетой. Она отмечала, что работа была завершена в 1943 г. и не публиковалась [подр. об этом см.: 16; 18, с. 338–339]. Здесь же она сообщала о высылке подписанной 10 декабря 1940 г. к печати, но неизданной первой части «Нарысаў па гісторыі Беларусі» под редакцией Пичеты, на 116 страницах [4, л. 30].

В письме к Я. П. Иконниковой от 1 марта 1965 г. А. П. Пичета осведомлялась о наличии в Музее истории БГУ переданных ею сюда два года тому назад фотографий первых выпусков медфака, факультета общественных наук, Всебелорусской конференции архивных работников. «Если [они] имеются, – отмечала она, – то я не буду их Вам пересылать, а отдам АН СССР, которая и так обижается на меня за то, что у них в архиве В. И. Пичеты пробел – целый период его работы в Белоруссии» [4, л. 38].

¹ В письме Иконниковой от 1 марта 1965 г. А. П. Пичета писала: «Я отдала бюст Владимира Ивановича в Университет и они должны ставить его на постамент» [4, л. 38].

Личный архивный фонд В. И. Пичеты, как отмечается в предисловии к его описи, поступил в Архив АН СССР в несколько приемов: в сентябре 1967 г. и ноябре 1968 г. Основная его часть была сдана вдовой ученого, проделав колоссальную работу по расчитыванию весьма неразборчивого почерка покойного мужа¹. Ею же была проведена атрибуция значительной части имевшихся в фонде фотодокументов, расшифрованы многочисленные криптонимы, встречавшиеся преимущественно в переписке ученого периода его пребывания в административной ссылке, сделаны пояснения к происхождению ряда научных, мемуарных, эпистолярных работ Владимира Ивановича.

В январе 1974 г. после смерти А. П. Пичета оставшуюся часть фонда сдала в академический архив дочь ученого – Ксения Владимировна Пичета. В ноябре 1975 г. д. и. н. М. Т. Белявский (1913–1989) передал туда же 17 документов, отложившихся в материалах его умершей жены И. М. Белявской (1913–1975) – ученицы В. И. Пичеты, бывшей первой аспиранткой открытой в 1939 г. кафедры южных и западных славян истфака МГУ. Так сформировался личный архивный фонд академика В. И. Пичеты.

До конца 1970-х гг., теперь уже в академическом архиве, шла работа по разбору, упорядочению и классификации составлявших его документов. Работниками Архива АН СССР, прежде всего старшим научным сотрудником И. П. Старовойтовой, была проделана очень сложная и кропотливая работа по приведению документов в должный порядок. В апреле 1982 г. ею была составлена наименьшая по объему (127 дел) и несложная по систематизации опись № 4 дел родственников и других лиц в фонде В. И. Пичеты. Через год – в марте 1983 г. – опись № 1 (453 дела) научных трудов ученого, в апреле – опись № 3 (264 дела), включившая переписку Пичеты, и опись № 2 (187 дел) с биографическими документами и документами о деятельности ученого в 1888–1970 гг. По утверждению в мае 1983 г. экспертно-методической комиссией Архива АН СССР описей дел личного фонда академика В. И. Пичеты он был открыт для исследователей.

¹ Многие адресаты, с которыми переписывался В. И. Пичета, обращали внимание на это обстоятельство. Так, в ответном письме из Минска, направленном 3 июня 1932 г. сосланному в Вятку ученому, Н. М. Никольский писал: «Разбирали мы усердно Ваши иероглифы, но так и не разобрали, над чем Вы сейчас работаете» [8, л. 1].

Изучавшая его Л. И. Уткина отмечала, что в фонде отсутствуют некоторые документы. Часть из них может находиться в личных архивах учеников В. И. Пичеты, прежде всего В. Д. Королюка и И. С. Миллера, которые после смерти учителя занимались разбором его архива. Было бы целесообразно, по ее мнению, восполнить пробелы при разборе архивов учеников Пичеты, выявить эти документы и вернуть их в Архив АН СССР.

При работе в 2012–2013 гг. над проектом Международного конкурса РГНФ–БРФФИ № 12–21–01005 «Документальное наследие академика В. И. Пичеты в белорусских и российских архивах» (с российской стороны в нем участвовали директор Архива РАН В. Ю. Афиани, ученый секретарь и научные сотрудники АРАН Н. М. Осипова и И. Г. Тараканова; с белорусской – преподаватели кафедры источниковедения истфака БГУ М. Ф. Шумейко, Т. Д. Гернович, О. С. Иванова и зав. отделом НАРБ Е. А. Макаренко), в ходе которого была создана база данных с описанием выявленных в архивах, библиотеках и музеях Беларуси и России документов ученого¹, российская сторона также обращала внимание белорусских коллег на имеющиеся в личном архивном фонде ученого, хранящемся в Архиве РАН, документальные лакуны, теперь уже связанные с минским периодом в жизни Пичеты, и была крайне заинтересована в получении в виде копий соответствующих документов для их приобщения к тем или иным описям фонда.

Возвращаясь к основной теме, вынесенной в название данной публикации, отметим, что сохранение в общественном сознании памяти о выдающемся историке, общественном деятеле, педагоге, организаторе высшей школы в Беларуси, академике АН СССР и АН БССР В. И. Пичете началось буквально в первые же дни после его смерти.

27 июня 1947 г. Совет министров СССР принял постановление № 2238 «Об увековечении памяти выдающегося советского ученого-историка академика В. И. Пичеты и об обеспечении его семьи» [10]. В соответствии с ним устанавливались по одной стипендии его имени в Институте славяноведения и Институте истории АН СССР для докторантов в размере 1300 руб в месяц каждая и по две стипендии для аспирантов в размере 800 руб в месяц каждая. Для аспирантов Института истории АН БССР устанавливались две стипендии в размере 800 руб. В

¹ Она содержит 2109 записей о документах, выявленных в АРАН, Музее истории БГУ, БГАМЛИ, НББ, НАРБ, НМИКБ, Отделе редких книг и рукописей ЦНБ НАНБ, ЦАГМ, ЦАОПИМ, ЦИАМ, ЦНА НАНБ: arran.ru/?q=ru|node|413

МГУ им. М. В. Ломоносова и в БГУ для специализировавшихся по славноведению аспирантов и студентов устанавливались по две стипендии в размере 800 и 400 руб, соответственно.

Постановление обязывало Академию наук СССР в 1948–1950 гг. издать труды ученого. Жене умершего Александре Петровне Пичета устанавливалось материальное обеспечение в соответствии с постановлением Совнаркома СССР от 28 декабря 1943 г. № 1435; кроме того, ей и состоявшей на иждивении Владимира Ивановича дочери Ксении Владимировне Пичета выдавалось единовременное пособие по 25 тыс руб каждой. Похороны ученого принимались на счет государства.

Выписка из этого постановления, равно как и последующие, принятые в его реализацию документы (распоряжения Президиума АН СССР, приказы ректора МГУ им. М. В. Ломоносова и др.), составили отдельное дело в разделе 6. 2 «Документы по увековечению памяти» описи № 2 личного фонда ученого [3].

В этот же, носящий сугубо коммеморативный характер раздел, включены и дела с извещениями о кончине ученого, некрологами, письмами и телеграммами в адрес А. П. Пичета с выражением соболезнования в связи со смертью Владимира Ивановича, текстами выступлений коллег ученого – А. В. Арциховского и М. Н. Тихомирова на панихиде 25 июня 1947 г. Завершала раздел, как и опись в целом, посмертная маска В. И. Пичеты, снятие которой датируется 23–24 июня 1947 г. [7].

Документы данного раздела имеют довольно широкие хронологические рамки и свидетельствуют о том, что процесс коммеморации не ограничивался лишь годом смерти ученого; хотя, разумеется, именно в этот год появилось наибольшее количество официальных документов и документов личного происхождения на этот счет (имеются в виду кроме выше упомянутых документов статьи коллег, друзей, учеников покойного в различных периодических изданиях, написанные осенью 1947 г. воспоминания первой жены ученого – М. В. Пичета (в девичестве Зызыкиной); составленная А. П. Пичета хронология последних дней жизни В. И. Пичеты, начиная с 31 мая и по день смерти 23 июня 1947 г. и др.).

Огромную роль в процессе коммеморации научной деятельности В. И. Пичеты сыграли, как выше уже отмечалось, его жена и дочь. На это указывает не только их подвижнический труд, связанный с приведением в порядок личного архива покойного мужа и отца, о чем речь уже шла выше, но и целенаправленное формирование политики его памяти, выразившейся в создании широкой источниковой базы, включая и библиографическую составляющую, весьма необходимую для последую-

щего изучения научного наследия ученого. В подтверждение сошлемся на имеющиеся в коммеморативном разделе фонда ученого составленные в 1960-е гг. женой и дочерью перечень книг, в которых имеются сведения о В. И. Пичете и его трудах [5] и список работ В. И. Пичеты, не вошедших в библиографию ученого, составленный его дочерью в 1970-е гг. [6].

Занимаясь упорядочением личного архива В. И. Пичеты, его родные вынуждены были порой решать возникавшие перед ними непростые проблемы, с которыми приходится сталкиваться в схожих ситуациях и более опытным, нежели они, профессиональным архивистам. Речь идет о судьбе личных библиотек, сопровождавших рукописные собрания ученых и являвшихся научным инструментарием фондообразователей. Мы уже отмечали, что значительная часть библиотеки ученого была передана А. П. Пичета Государственной библиотеке БССР им. В. И. Ленина [20]; десятки книг с опубликованными в них работами ученого поступили в сентябре 1965 г. в университетскую библиотеку [4, л. 39–44], часть книг поступила в библиотеку Института славяноведения АН СССР. Оттиски статей с дарственными надписями их авторов (А. П. Оглоблина, В. Н. Перцева, Н. Д. Полонской-Василенко, А. А. Савича, А. П. Сапунова, К. В. Сивкова, П. П. Смирнова, Н. В. Устюгова, К. В. Харламповича, С. В. Юшкова, В. К. Яцунского и др.) В. И. Пичете ввиду их небольшого объема были сгруппированы в несколько дел и включены в эпистолярную опись фонда [9]. Однако оставался значительный массив книг с дарственными надписями авторов Пичете, а также с маргиналиями последнего (иногда очень любопытными, свидетельствовавшими об отношении ученого как к авторам, так и к их научным сочинениям). Были среди них и вообще уникальные экземпляры вроде книг, побывавших в 1931 г. в Ленинградском доме предварительного заключения и запечатлевших сделанные в них Пичетой-заключенным записи. Одна из них, датированная 27 февраля 1931 г., была вписана ученым в титульный лист изданной в 1930 г. с предисловием С. А. Пионтковского книги А. Болотова «Жизнь и приключения, описанные самим им для своих потомков» и свидетельствовала о состоянии доведенного до отчаяния человека, близкого к самоубийству, которого «Только любовь к Асе и детям останавливают... от совершения этого ужасного акта признака слабости» [18, с. 303]. Аналогичная запись была сделана Пичетой на следующий день в книге Л. П. Гросмана «Записки Д'Аршиака: Петербургская хроника 1836 года» (Харьков: Пролетарий,

1930) [18, с. 304]¹. В отличие от книги А. Болотова, находившейся в личной библиотеке В. И. Пичеты, книга Л. П. Гросмана попала к родственнице ученого – О. А. Слободчиковой, где и хранится в настоящее время.

Принятое женой и дочерью историка решение относительно судьбы подобного рода книг можно оценивать по-разному. Дело в том, что ими были изъяты имевшиеся в них записи В. И. Пичеты, которые составили своеобразный «конволют», озаглавленный «Надписи В. И. Пичеты на книгах (частично с отзывами и замечаниями)» [2]. Благодаря этому сомнительному с точки зрения книговедения и архивоведения действию исследователь получил, тем не менее, возможность знакомиться с собранными в одном месте (архивном деле) отзывами и оценками Пичетой тех или иных работ или их авторов, что само по себе носит позитивный характер. Ведь не сделай они этого, исследователям бы пришлось потратить массу времени на поиски рассеянных по разным библиотекам книг с тем, чтобы сделать достоянием гласности и объектом исследования имеющиеся в них пичетовские маргиналии².

Отметим, что последние имеют большое значение и в плане коммеморации: в них В. И. Пичета порой не только давал оценки прочитанным книгам и их авторам, но и высказывал соображения, носившие методологический, науковедческий характер, а также свои чувства, с которыми он вряд ли делился в переписке с даже очень близкими ему

¹ Впервые полностью запись опубликована в: [11].

² Здесь уместно сослаться на пример с книжным собранием коллеги В. И. Пичеты, академика М. Н. Тихомирова (1893–1965), которое, правда, в отличие от пичетовского, не оказалось рассеянным, а было передано по завещанию владельца после его смерти Научной библиотеке Дальневосточного государственного университета. Имеющиеся на книгах тихомировского собрания маргиналии стали объектом описания книги В. А. Печенкиной [19]. В первой ее части (с. 7–82) воспроизводятся факсимильно автографы дарителей – академиков (с. 7–21), членов-корреспондентов (25–40), докторов и кандидатов наук (45–76), в том числе и В. И. Пичеты (с. 17) – следующего содержания: «Дорогому Михаилу Николаевичу Тихомирову от преданного автора», сделанной на его монографии «Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве» (Ч. 2. М., 1917); во второй публикуются сгруппированные в алфавитном порядке все дарственные надписи, имеющиеся на книгах тихомировского собрания. В предисловии составитель отмечает, что коллекция книг академика М. Н. Тихомирова, насчитывающая 967 изданий, согласно его воле выделена в отдельный фонд библиотеки и широко используется как в учебном процессе, так и в научно-исследовательской работе преподавателей, аспирантов, студентов.

людьми или фиксировал их в личном дневнике. Так, 8 марта 1947 г., за три с половиной месяца до смерти, прочитав книгу о биологе, основоположнике эволюционной морфологии, академике АН СССР А. Н. Северцове (1866–1936) «А. Н. Северцов. Биографический очерк» (Изд. АН СССР. М.:Л, 1946), В. И. Пичета оставил на ее титульном листе следующую запись: «Прекрасная книга о старом московском ученом. Так работали старики, так они умирали с наукой на устах! Её чтение доставило мне много радости. Я стар, и поэтому люблю читать о тех, кого я знал в молодости» [2, л. 9].

А вот запись, сделанная 27 февраля этого же года на обороте титульного листа изданной ОГИЗом в 1946 г. книги Павло Тычины «Избранное»: «Вот подлинный замечательный талант. Я чувствую голос родной «неньки» Украины, от которой я так далек... Отчего так случилось – не знаю» [2, л. 12].

Негативно характеризуя изданные в 1946 г. книги Р. А. Авербуха «История в первой и второй мировой войнах» («Как можно писать книгу об Италии, не зная ни итальянского, ни сербского языков. А у нас довольно смело пишут!»), В. В. Мавродина «Древняя Русь. Происхождение русского народа и образование Киевского государства» («Поразительно путаная и наглая книга»), далее на примере увидевшего свет в этом же году серийного издания «История дипломатии. Т. 3. Дипломатия в период подготовки второй мировой войны (1919–1939)», В. И. Пичета поднимал вопрос этического свойства, остающийся актуальным и в наше время. Он, в частности, писал: «Жаль, что в книге не отмечены те научные сотрудники, которые подбирали и переводили материалы для составителей [такowymi являлись И. И. Минц, А. М. Панкратова, В. П. Потемкин, Е. В. Тарле, Н. П. Колчановский. – М. III]. Ведь ими нельзя пренебрегать и благодарности они вполне заслуживают. В. Пичета. 11 февраля 1946 г.» [2, л. 16, 17, 31].

О свободе научного творчества шла речь в его записи, сделанной 16 января 1946 г. на книге президента АН СССР С. И. Вавилова «Советская наука на службе Родине», изданной в этом же году: «Превосходная работа. Мы имеем право гордиться научными достижениями. Наша мысль талантлива. Только надо дать ей полную свободу творчества» [2, л. 32].

Годовщину пребывания в тюрьме и ссылке ученый отметил записью на 2-м томе «Литературного наследия» (М., 1932): «V. Pitceta. Viatka, 1932. Год тюрьмы и ссылки. Июнь 1932 г. Тоска и грусть – постоянные мои спутницы. Не знаю, что думали те, кто сослал меня» [2, л. 70].

Важным источником коммеморативного характера наряду с личными дневниками, письмами, воспоминаниями, автобиографиями являются визуальные документы. Портретное документирование, по мнению современного российского историка-архивиста, «дало возможность пусть не каждому, то многим запечатлеть свою семью, круг близких людей. Зачем, возникает невольно вопрос? В подавляющем большинстве случаев явно не для вечности, а для собственного удовольствия – ощутить себя во времени и послать зримый сигнал близким о своем существовании» [13, с. 174].

В фонде В. И. Пичеты представлен довольно значительный блок фотодокументов, отражающих его научную, организаторскую, педагогическую деятельность, запечатлевших ученого в кругу коллег, друзей, родных и близких в различных ситуациях. Среди них преобладают фотодокументы портретного и событийного характера, предполагающие в первом случае фиксацию индивидуального или коллективного облика людей, сознательно или специально добровольно пожелавших такой фиксации; и во втором – фиксацию фактов и событий, чем-либо важных для человека, сообщества людей, корпорации, государства.

Почти отсутствует визуальная информация *видового* характера (фиксация природы, городских и деревенских пейзажей, зданий, сооружений, архитектурных и исторических памятников); очень мало представлено информации *ситуационного* характера (фиксация некоего действия, процесса и обстоятельств их совершения), равно как и информации *смешанного* характера, где могут сочетаться вышеперечисленные виды информации. Это обстоятельство свидетельствует, на наш взгляд, о том, что участвуя в создании фотодокументов, В. И. Пичета достаточно индифферентно относился к ним в плане «собственного удовольствия». Скорее всего, он рассматривал этот процесс как служебную необходимость (отсюда большинство фото имеют коллективный характер – с коллегами-профессорами, аспирантами, студентами и т. п. – и очень мало снимков на отдыхе, в кругу семьи и т. п.).

Подводя итог, отметим, что документы, составляющие личный архивный фонд В. И. Пичеты, достаточно репрезентативны с коммеморативной точки зрения. Они освещают основные этапы жизни и деятельности ученого, включая и драматические, связанные с его арестом, годичным пребыванием в тюремном заключении и последующей пятилетней административной высылкой. Отбирая последние для включения в личный архив ученого, его родные (и, прежде всего, жена) предполагали, что наступит время, когда подобные документы станут доступны-

ми для исследователей. И, действительно, в конце 1980-х гг. имевшиеся в описях фонда В. И. Пичеты записи об ограничении в использовании подобных документов утратили свою силу, и они стали выдаваться в читальный зал Архива РАН, выступая в качестве объекта исследования и публикации. И как выше уже отмечалось, именно они несут во многом коммеморативный характер по причине особых условий, в которых создавались.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Архив Российской академии наук: Путеводитель по фондам (Москва): фонды личного происхождения / под ред. В. Ю. Афиани; сост. Г. А. Савина, Н. М. Осипова, Ю. В. Щепанская; Архив РАН. М. : Наука, 2008. 632 с.
2. Архив РАН. Ф. 1548 (В. И. Пичета). Оп. 1. Д. 453. Л. 1–123.
3. Архив РАН. Ф. 1548. Оп. 2. Д. 162.
4. Архив РАН. Ф. 1548 Оп. 2. Д. 179.
5. Архив РАН. Ф. 1548. Оп. 2. Д. 185. Л. 1–112.
6. Архив РАН. Ф. 1548. Оп. 2. Д. 186. Л. 1–2.
7. Архив РАН. Ф. 1548. Оп. 2. Д. 187.
8. Архив РАН. Ф. 1548. Оп. 3. Д. 151.
9. Архив РАН. Ф. 1548. Оп. 3. Д. 262–264.
10. «В целях увековечения памяти...». Постановления Совета министров СССР об увековечении памяти историков-архивистов С. К. Богоявленского и В. И. Пичеты. 1947 г. Вступит. статья, подготовка текста к публикации и комментарии О. Н. Копыловой // Отечественные архивы. 2018. № 4. С. 110–117.
11. *Горяинов А. Н.* Тюремная запись В. И. Пичеты 1931 г. на книге Л. П. Гросмана «Записки Д' Аршиака» // Археографический ежегодник за 2001 год. М., 2002. С. 189.
12. *Иванова О. С.* Личные архивы как исторический источник (на примере архивов учёных – историков В. И. Пичеты и Н. Н. Улащика) // Академический архив в прошлом и настоящем: Сб. науч. статей к 280-летию Архива Российской академии наук / ПФА РАН; Отв. ред. И. В. Тункина. СПб.: Нестор – История, 2008. С. 414–420.
13. *Козлов В. П.* Второе археографическое обозрение России XX века. М. : Древлехранилище, 2016. 228 с.
14. Корзун В. П. Жены ученых и творение «мест памяти» (об особенностях складывания личных архивных фондов А. С. и И. А. Лаппо-Данилевских) // Фундаментальная наука: проблемы изучения, сохранения и реставрации документального наследия: Материалы Международной научной конференции / Отв. ред. В. Ю. Афиани; М. : Архив РАН, 2013. С. 352–356.
15. *Королюк В. Д.* Рукописное наследие академика В. И. Пичеты // Учен. зап. Ин-та славяноведения. М., 1949. № 1.

16. *Кузьменка Ул., Скалабан В. Акадэмік У. І. Пічэта: выпрабаванне лёсам // Беларускі гістарычны часопіс. 2003. № 6. С. 11–18.*

17. *Михальченко С. И. Личный фонд М В. Д овнар-Запольского в Центральном государственном историческом архиве Украины в Киеве // Археографический ежегодник за 1994 год. М., 1996. С. 285–290.*

18. *Памяць і слава: Першы рэктар Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта – Уладзімір Іванавіч Пічэта / склад.: С. М. Ходзін, М. Ф. Шумейка, А. А. Яноўскі. Мінск : БДУ, 2011. 375 с.*

19. *Печенкина В. А. Книга с автографами из коллекции М. Н. Тихомирова, подаренной Дальневосточному государственному университету. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. 200 с.*

20. *Сільнова Л. Д. Приватная калекцыя У. І. Пічэты ў кніжных фондах Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі // Гістарычныя крыніцы: праблемы класіфікацыі, вывучэння і выкладання: Матэрыялы да Міжнар. навук. -практ. канф., прысвеч. 120-годдзю з дня нараджэння У. І. Пічэты, Мінск, 23–24 крас. 1998 г. / Рэдкал.: С. М. Ходзін (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск., 1998. С. 116–118.*

21. *Уткина Л. И. Фонд академика В. И. Пичеты в Архиве АН СССР // 50 лет славыстики в Московском Университете (сб. статей под редакцией В. Г. Карасева). М. : Изд-во МГУ, 1989. С. 34–42.*

22. *Шмидт С. О. Архивный документ как историографический источник // Шмидт С. О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М. : РГГУ, 1997. С. 177–205.*

23. *Шумейко М. Ф. Личный фонд первого ректора Белорусского государственного университета В. И. Пичеты в Архиве Российской Академии наук // Архивы и делопроизводство. 2010. № 5. С. 102–113.*

Яноўскі А. А.

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт (г. Мінск, Рэспубліка Беларусь)

ГІСТОРЫК У. І. ПІЧЭТА Ў КАНТЭКСЦЕ ПАЛІТЫЧНЫХ ПЕРТУРБАЦЫЙ ПЕРШАЙ ПАЛОВЫ ХХ СТАГОДДЗЯ

Неабходна заўважыць, што падобная пастаноўка пытання не новая. Больш за тое, у мностве публікацый пра дарэвалюцыйны перыяд дзейнасці Уладзіміра Іванавіча як гісторыка яго навуковая спадчына і грамадская пазіцыя падаюцца менавіта з акцэнтам на палітычную заангажаванасць і імкненне быць хутчэй *нонканфармістам*, чым *лаяльным* да ўлады. А вось літаральна амаль што ці не з першых дзён пасля перамогі рэвалюцыі вучоны з нейкім нават залішнім стараннем заняўся засваеннем многіх кірункаў, вызначаных адпаведнымі пастулатамі. Галоўнае ж, – не толькі засвойваў новае, афіцыйнае, але сам што раз

праяўляў ініцыятыву, рабіў сваю прафесійную справу не аднойчы праз «немагу». Тады, калі не было надзей на пазітыўны канчатковы вынік, калі вакол зашмат недобрабычліўцаў чынілі ўсялякія перашкоды, калі катастрафічна не хапала фінансавання, матэрыяльнага забеспячэння.

Атмасферу тых 1920-х гг. Уладзімір Іванавіч яскрава прадставіў у сваім «Моё общественно-политическое кредо», якое не так даўно ўдалося вылучыць з процьмы (каля 300) старонак ягонай «Асабістай справы», заведзенай следчымі ў часы зняволення «Заслужанага прафесара БССР». Наш першы рэктар, узгадваючы сваю працу ў Беларусі на адказнай пасадзе, на другі дзень пасля свайго дня нараджэння – 22 кастрычніка 1930 г. – ў засценках савецкіх карных органаў дазволіў сабе паразважаць над сэнсам жыцця ўвогуле і свайго ў прыватнасці. Ён пісаў эмацыянальна і далёка не заўсёды бяспрэчна. Асабліва з пункту гледжання нашых цяперашніх ведаў, перакананняў, маралі. Тэкст дае магчымасць узгадаць галоўныя вехі жыццёвай і творчай біяграфіі. Дазволу агучыць пэўныя адрывкі з гэтага выдатнага тэксту:

«Мое общественно-политическое кредо.

В настоящее время, мне 51 год... Люди в таком зрелом возрасте уже представляют собой определенную моральную и общественно-политическую физиономию. Их прошлая жизнь и общественная деятельность является наилучшим показателем того, что они представляют собой в общественно-политическом отношении. Жизнь каждого из нас – результат воздействия той среды, и тех бытовых отношений, которые нас окружают. В эпоху формирования определенных социально-экономических условий развитие каждого из нас идет более менее спорно, без всяких зигзагов, под влиянием среды, бытовой обстановки, но когда наступает эпоха революции, когда раскрываются глаза на то, что дальше так жить нельзя, то все желающие жить и работать должны отдать весь запас своих сил, умственной энергии новой эре и новым общественным отношениям и тем самым войти в самую гущу жизни. В противном случае, жизнь их или раздавит или отбросит в сторону, как ненужный элемент. Предоставленные самим себе такие элементы должны ждать физической смерти в социальном одиночестве, ибо нельзя повернуть назад кругобега жизни...

Нет нужды загромождать мое кредо массой фактов, важны только самые главные, как отдельные эпизоды в моем общественно-политическом развитии, в процессе моего духовного развития вообще и формирования моего морального облика, в частности.

Я окончил Московский Университет в 1901 г., когда уже блестели зарницы Революции и вдали гремел гром забастовок и рабочих выступлений. Я хотел быть оставленным при университете, по кафедре русской истории, но меня не оставили, и я уехал учителем в учительскую семинарию в мест. Корастышев, Киевской губ..., я поехал в Москву искать работы, ибо меня властно тянула к себе наука, к которой я хотел идти своей дорогой... Я принимал видное участие в прогрессивной общественно-политич. жизни Екатеринослава, я вносил много нового и свежего в жизнь школы... Я был единственный из педагогов, который принял активное участие в митинге-протесте по поводу избиения полицией в Курске учащейся молодежи. Я отказался присутствовать на панихиде по убитом Сергее Ал-дровиче, заявив в учительской, что я не желаю присутствовать «на торжестве величайшего лицемерия». Меня перевели в Бессарабию, в г. Болград, обучать молдаван русскому языку, отчего я отказался, уехал в Москву, где кипела революционная жизнь.

Я приехал в Москву в начале Октября 1905 г., у меня не было никакого места, но я был молод и чувствовал себя сильным. Я стремился окунуться в революционную стихию... сознавать активным участником процесса строительства новой жизни и разрушения старого мира... Революция изменила мою историко-философскую идеологию. Я со всем моим темпераментом и духовной энергией отдался изучению марксизма, читал и изучал Маркса и Энгельса... Я, не оставленный при Ун-те, стал приват-доцентом Московского Университета. Но я был после только два месяца. Я не мог оставаться в университете и работать под полицейским надзором, и я оставил университет, куда меня вернула только Октябрьская Революция... Я в течение 1905-6 гг. развил широкую просветительную работу среди рабочих типографии Сытина, я преподавал на известных Причистенских курсах для рабочих, пока меня оттуда не выгнал приказ директора народных училищ, уже в эпоху наступившей реакции. Я много читал лекций в провинции, в народных университетах, пока эти лекции не были мне запрещены. Я читал лекции на разных курсах для учителей, но это мне было запрещено. Московская администрация не позволила мне выступить в Москве на юбилее по поводу 40-летия смерти украинского писателя Шевченко, ибо я как украинец, идеологически им был опасен...

Годы реакции не изменили меня. В 1912 г. на торжественном акте Практической Академии Наук, в присутствии попечителя Академии – генерала Джунковского, в разгар официальных торжеств, я читаю речь о Бородине, где называю Бородинское сражение – поражением Русской

армии, и только в одном Английском журнале я мог напечатать свой доклад... Когда пришла Октябрьская революция, я пошел навстречу ей..., я поступил все-таки на Советскую службу, в архив сначала в качестве инспектора, потом главного инспектора, и под моим влиянием была проведена реформа архива...

Я принимал участие в качестве эксперта на Польско-Советской конференции в Риге осенью 1921 г., и думаю, я оправдал доверие со стороны Соввласти. С 1921 г. по 1929 г. в течении 8-ми лет я был ректором Белорусского Гос. Университета, который был мною создан, под руководством партии и правительства, на пустом месте, без денег и в зданиях с разбитыми стеклами... Я исполнил поручение правительства и создал высшую школу в Белоруссии... Я развил в университете широкую общественную деятельность и научную работу, я поставил на прочный фундамент изучение экономики, истории и культуры Белоруссии. Я сам очень много работал и под моим руководством продолжали работать более молодые люди...

Наконец, меня почтили высоким званием академика и я думаю, что я оправдал своей научной работой это высокое звание...

Сила характера человека и целого народа выражается не тогда, когда живется хорошо, а когда живется плохо, и я верный этому правилу, старался быть твердым и идти по той дороге, по которой меня повела Октябрьская революция. 22/X 1930 г. /ПИЧЕТА/» [1, арк. 258–263; 20, арк. 17–25].

Гэтая лапідарная аўтабіяграфія-споведзь была напісана ў ленінградскіх «Крестах». Яна, калі прыняць да ўвагі мноства іншых крыніц, у якіх распавядаецца аб жыцці і творчасці Уладзіміра Іванавіча, дастаткова аб'ектыўная, шчырая.

Праз час была напісана не адна афіцыйная аўтабіяграфія. І ў кожнай можна прасочыць зварот Пічэты да логікі дадзена напісанага ў экстрэмальных умовах тэксту. У Архіве РАН, напрыклад, маецца такая ягоная аўтабіяграфія, у якой пададзены факты дзейнасці пасля «Акадэмічнай справы» і пасля зняволення і высылкі ў Вятку ды Варонеж. У ёй мноства фактаў слова ў слова паўтараюць інфармацыю «Крэда». Але шмат і ўдакладненняў (асабліва па «савецкаму перыяду» жыцця гісторыка). Некаторыя зноў жа працуюць:

«Краткая автобиография... – в 1926 г., во время сильнейшей оппозиции за границей по отношению к Советскому Союзу, по просьбе нашего посольства в Праге, в «О-ве сближения Чехословакии с СССР» прочел доклад о БССР и советском строительстве.

Тогда же в Праге я прочел лекцию на белорусском языке белорусским студентам – выходцам из Западной Белоруссии, среди которых было немало враждебных СССР.

В октябре 1925 г. был командирован ЦИКом БССР на съезд польских историков в Познани, как представитель БССР.

В 1926 г. я был командирован ЦИКом БССР в Польшу для научных занятий на 2 месяца и работал в Варшаве и Кракове. В Варшаве, когда Польша проводила политику сближения с СССР, по поручению нашего посла т. Войкова посетил ряд польских профессоров в означенных целях.

В июне 1927 г. был командирован ЦИКом СССР на международный съезд историков в Осло...

Принимал участие с речами в политических выступлениях против агрессивной политики Польши. Писал статьи в белорусских газетах против польской политики в Зап. Белоруссии. Выступал на съезде научных работников в Москве с протестом против поляков во время процесса «Громады».

С 1921 по 1930 г. был членом съезда Советов Белоруссии и несколько раз членом Президиума, а также ЦИКа БССР.

С 1922 по 1930 г. состоял членом Минского горсовета.

Был президентом Общества Безбожников – в Бел. Гос. Университете, выступал на Всебелорусском съезде безбожников...» [2, арк. 1, 1 зв., 2, 2 зв.].

Асабістага паходжання дакументы дазваляюць у каторы раз звярнуцца да няпростых тэм, стаўшых у гістарыяграфіі апошніх гадоў відавочна папулярнымі – «гісторык і ўлада», «гістарычная навука ў атачэнні палітычнай неабходнасці», «гісторыя – аб'ектыўнае прачытанне мінулага ці гісторыя як сродак зададзенай лініі інтэрпрэтацыі фактаў і парадыгм грамадска-палітычнага развіцця», і інш. Спробы гісторыкаў знайсці адказы на «вечныя пытанні» асабліва ў апошні час парадзілі зашмат выдатных прац, напісаных з розных падыходаў і з рознымі ацэнкамі і высновамі [гл., напрыклад: 7; 10; 16; 23; 12; і інш.].

Калі ж паставіць за мэту прасачыць, як метафарычна выказаўся сам Уладзімір Іванавіч, грамадска-палітычныя абставіны «*кругобега жыцця*» першага рэктара Беларусі, то прыдзецца пісаць не адзін том, ні адну дысертацыю (для прыкладу, часткова гэта выдатна зрабіла па асобных напрамках былая аспірантка кафедры гісторыі Расіі гістфака БДУ Алена Баранава [3]).

З агучнага «Крэда» можна вылучыць некалькі момантаў, праз якія магчыма асэнсаваць пазіцыю Пічэты ў жорсткіх палітычных пертурбаваннях часу, які выпаў на яго долю.

Па-першае, заўвага наконт таго, што «я поставил на прочный фундамент изучение экономики, истории и культуры Белоруссии», мае відавочную рацыю. Яшчэ наперадзе грунтоўны аналіз друкаванай і рукапіснай навуковай спадчыны гісторыка. Абмяжуемца некалькімі момантамі. Сам навуковец ужо ў 1922 г. выказаў сваю пазіцыю наконт беларускай гісторыі. Ён падкрэсліў, што асноўным пытаннем для беларускіх гісторыкаў з’яўляецца «...вопрос о том, можно ли говорить и писать об истории белорусского народа, как о самостоятельном целом, а не только как соответствующей части Киевской державы», а потым ВКЛ, Рэчы Паспалітай, Расійскай імперыі? Гэта значыць, дадаў ён, «...более значительных государственных комплексов». І сам даў адказ на такое вострае пытанне: маецца «...логическое основание говорить и писать об истории белорусского народа, как совершенно самостоятельном индивидуальном целом, имеющем самодавлеющее значение» [5, с. 31–32].

Праз два гады Уладзімір Іванавіч яшчэ больш упэўнена і нават некалькі рэзка пісаў аб «вельмі стракатай у нацыянальных адносінах тэрыторыі Расійскай дзяржавы», у якой палітыкай ранейшых улад спрабавалі зацвердзіць ва ўсіх сферах, у тым ліку навуковай, перакананасць у «...адзістве нацыянальнага палітычнага арганізму, у каторым велікаруская люднасць займала пераважнае месца», а Беларусь з пачатку XIX ст. аб’яўлялася «...краем «исконно-русским», але захопленым польска-жыдоўскім уплывам». І падобная палітыка «...навінна была ўбачыць у беларусе толькі заходняга руса», ішоў «...прымусовы зварот Беларусі ў «Западнорусский-Северо-Западный край», што перашкаджала беларусам «... выяўленню свайго нацыянальнага твару» [24, с. 142–143]. Не памылюся, калі скажу, што гэтыя пытанні і растаўленыя акцэнты актуальныя і сёння.

Між тым дазволю сабе зноў акцэнтаваць увагу на дакладным, а між тым характэрным факце, які прывёў Уладзімір Іванавіч у сваім «Крэда». Гэта аб артыкуле пра Барадзінскую бітву, які быў надрукаваны ў англійскім выданні. Цікава, што яго не згадвалі ў 1920-я гг. «пічэтаўскія гістарыёграфы»: ні А. А. Савіч, ні В. Д. Дружыц [17; 8].

А яны ж не раз давалі агляды навуковай спадчыны свайго калегі. Той жа Аляксандр Антонавіч абмежаваўся толькі заўвагай, што Пічэта з’яўляецца аўтарам шэрагу артыкулаў, «затрагивающих ряд тем по истории XIX в.» [17, с. 183]. Да апошняга часу не было згадак аб такой працы і ў іншых даследчыкаў, і ў самога Пічэты (за выключэннем запісу 1925 г. у адным з «Curriculum vitae», калі Уладзімір Іванавіч сярод дак-

ладных 153 назваў сваіх навуковых прац асобна пад № 124 проста запісаў – «Бородино» [13, арк. 15]. Праўда, значна пазней пад пазіцыяй № 64 гэты артыкул пададзены складальнікамі біябібліяграфічнага даведніка [6, с. 27]. Але гэты адмысловы даведнік складаўся ўжо з нагоды 100-годдзя з дня нараджэння рэктара БДУ.

Між тым указаны артыкул удалося знайсці (пасля немалых намаганняў) толькі ў бібліятэцы лонданскага ўніверсітэцкага коледжа (University College London, UCL), а дакладней – у біліятэцы ягонаў кафедры славянскай гісторыі. Артыкул змяшчае даволі спрошчанае паданне ваеннай дыспазіцыі напярэдадні сутыкнення двух армій пад Барадзіно. А вось наконт «апазіцыйнасці» у навуцы і да ўстановак улад, што так падкрэсліваў Пічэта, седзячы ў адзіночнай камеры № 73 «Крестов», можна гаварыць толькі ў сувязі са зместам выскоў артыкула. Хаця, калі быць уважлівым і прыдзірлівым, то і высновы не нясуць у сябе нешта такога, што б зусім разыходзілася з напрацоўкамі тагачаснай расійскай гістарыяграфіі (а тым больш на пачатак 1930 гг.). Праўда, нельга забываць палітычны ажыатаж 1912 г. вакол правядзення юбілейных мерапрыемстваў. Таму грамадзянская, як і навуковая, смеласць Пічэты вызывае павагу. Працытую высновы таго артыкула Уладзіміра Іванавіча ва ўласным перакладзе на беларускую мову:

«...Якімі сталі вынікі бітвы пры Барадзіно для рускіх? Тыя, хто прынялі ўдзел у бітве, аддаючы гонар храбрасці рускай арміі, аднадушна называлі Барадзіно перамогай Напалеона. З другога боку, некаторыя рускія, якія жылі ў тыя часы, у тым ліку ўрад, аставілі перамогу за Расіяй і разглядалі Барадзіно як першы крок у адступленні французскай арміі. На чым баку праўда і што думаў на гэты конт сам Кутузаў? Яго даклад імператару быў вельмі падрабязны. Ён не ўтойваў беспарадку ў рускай арміі і не сказаў ніводнага слова аб перамозе. Не яго віна, калі дадзены даклад вытлумачылі як перамогу, і ён быў па-другому прыпаднесены народу; але ў той жа час здаецца, што ў сэрцы ён не быў упэўнены ў паражэнні. У любым выпадку, усе ключавыя пазіцыі засталіся ў руках саперніка... Больш за тое, бітва не знясіліла ці прыпыніла французскую армію; аж да самой Масквы яна захавала ідэальны парадак...» [26].

Такім чынам, Уладзімір Іванавіч у сваіх высновах сумясціў амаль што ўсе на той час падыходы і ацэнкі вынікаў Барадзінскай бітвы. Не будзем забываць, што тэкст дакладу быў агучаны перад і студэнцкай, і саноўнай аўдыторыяй Масквы, перад самім генерал-губернатарам. А тое, што друкаваны варыянт пабачыў свет аж у Англіі, то гэта толькі

сцішыла магчымыя «меры ўздзеяння» на смелага гісторыка. А там спала хваля юбілейнай эйфарыі.

Можна казаць, што падзеямі 1812 г. гісторык пасля юбілейнага 1912 г. больш не займаўся, бо не надрукаваў на гэты конт нічога. Але калі ў 1939 г. з’явіўся зборнік «Против исторической концепции М. Н. Покровского» [19], то ў ім Уладзімір Іванавіч змясціў «актуальны» для тых гадоў артыкул пад назвай «М. Н. Покровский о войне 1812 года». І не дзіўна, бо аўтар, зноў увайшоўшы ў кола не тое што лаяльных, а неабходных уладзе гісторыкаў. І быў вымушаны падпарадкавацца новаму працтанню не толькі падзей 1812 г. Адначасова прыйшлося дастаткова востра пакрытыкаваць свайго памерлага калегу. Гісторык у адным сказе аб’яднаў і сваю новую пазіцыю аб выніках той бітвы, і непрыёмальнасць ацэнак Пакроўскага: «*Бородинское сражение было победой русской армии, а не поражением, и Кутузов имел полное основание послать в Петербург столь неприятный Покровскому рапорт*». Больша за тое – у складаны і ў каторы раз пераломны час, цяпер ужо такім для беларусаў стаў 1939 год, нядаўні ссыльны паліччў неабходным (з нагоды бягучых палітычных падзей) больш актуалізаваць негатыў ва ўспрыняцці Расіяй і цяпер ужо СССР іх заходніх суседзяў: «*Панская Польша и Литва вначале встретили «победителя» Наполеона криками радости и восторга и сделали его вассалами...*» [19, с. 287, 291].

Калі прадоўжыць гэта аспект творчай біяграфіі вучонага, то заўважым, што ён у перадваенны і ваенны час шчыльна распрацоўваў тэму расійска-польска-літоўскіх узаемаадносін. Гэта і так не надрукаваная манаграфія (асабісты фонд Пічэты ў архіве РАН (Ф. 1548) «Польский вопрос в международных отношениях (1795–1848)» [25, с. 38.], і ўдел Пічэты з канца 1930-х гг. у якасці супрацоўніка Інстытута гісторыі АН БССР у марных калектыўных намаганнях стварыць узорную і паліткарэктную «Гісторыю Беларускай ССР» (аб гэтым аўтар надрукаваў не адзін артыкул), у якой гісторык напісаў частку ад «упадка Польско-Литовского государства». Як адзін з вынікаў такой напружанай працы – разгром напісанага, што ўчыніў сакратар ЦК КП(б)Б Панцеляймон Панамарэнка ў выступленні ў кастрычніку 1946 г. Акадэмік двух акадэміяў быў абвінавачаны ў тым, што гісторыя беларускага народа «проходила в борьбе с Россией <...>, как будто бы Белоруссия в прошлом непрерывно воевала с Россией». І, заключыў партыйны лідар, – Пічэта «и далее, очевидно, продолжал бы “войны с Москвой”».

Між тым Панамарэнка не мог забыць выдатную ролю, якую адыграў Уладзімір Іванавіч у час падзелу паміж савецкімі Украінай і Беларуссю

звернутых у 1939 г. тэрыторый. На гэты конт маецца цікавы дакумент (дакладней – некалькі яго варыянтаў): запіска Пічэты з характэрнай назвай «К вопросу о южной границе БССР». Гэты тэкст на 15 старонках Уладзімір Іванавіч падрыхтаваў у сярэдзіне лістапада 1939 г., несумненна, па прамому ўказанню з ЦК КП(б)Б. І, мабыць, таму, што ён меў вопыт адстойвання доказаў пры размежаванні Беларусі з Польшчай пад час заключэння Рыжскага пагаднення 1921 г. Згадаю, што аб тых абставінах Уладзімір Іванавіч пісаў у артыкуле, які быў надрукаваны ў трох нумарах часопіса «Польмы» за 1928 г. [18]. Даручэнне зыходзіла і з-за таго, што Пічэта меў зашмат прац якраз пра гістарычныя перакрываванні лёсаў беларусах, украінцаў, палякаў, рускіх. Ды дзяржаўна-этнічных межаў паміж імі.

Абставіны даследаваў мой калега Міхаіл Федаравіч Шумейка. Дэталі той сітуацыі, пад умоўным пазначэннем «як Сталін у прысутнасці Хрушчова і Панамэрэнкі дзяліў далучаныя тэрыторыі», можна знайсці і па іншых сведчаннях. Галоўнае ж тое, што менавіта пічэтаўскія абгрунтаванні рэальна былі прынятыя да ўвагі. Канцэнтравана яны зафіксаваны ў трэцім, пятым і апошні дзевятым пункце яго выноў: «3. В экономическом и историческом отношениях вся территория Белоруссии с Брестом, Кобрином, Пинском представляла одно целое... 5. В основу разграничения УССР и БССР должны быть положены старые административные границы, хотя не охватывающие всего белорусского населения, но в целом правильно устанавливавшие этнографическую белорусско-украинскую границу... 9. Белоруссия в старых административных границах после воссоединения всех братьев-белоруссов охватывает исторически и этнографически всю Белоруссию» [15, арк. 14–15].

Гэты тэкст сёння захаваўся ў некалькіх архіўных варыянтах, якія ўтрымліваюць розныя справы 4-п фонда НАРБ [14]. Друкаваныя рукапісы з шматлікімі праўкамі чарніламі маюць уласныя подпісы Уладзіміра Іванавіча і за 16, і за 18 лістапада. Такая карпатлівасць з'яўляецца сведчаннем і павышанай увагі з боку беларускага палітычнага кіраўніцтва да пытання, і адказнасці самага Пічэты за навуковую дасканаласць сваіх доказаў. Вынікам сталі пастанова Прэзідыума ВС БССР «Аб размежаванні абласцей паміж БССР і УССР» ад 29 лістапада 1939 г. [21, с. 50] і Указ ВС СССР «Аб размежаванні абласцей паміж Украінскай ССР і Беларускай ССР» ад 4 снежня 1939 г. [22, с. 26–27]. Абставіны прыняцця рашэння аб размежаванні пададзены ва ўспамінах самага Панамэрэнкі. Вось толькі ён у вострых спрэчках з

Хрущовым спасылаўся не на Пічэту, а на тое, што «...предложения, которые мы вносим, составили члены ЦК Компартии Белоруссии» [11, с. 298–300].

Застаецца толькі схіліць галаву перад украінцам Пічэтай, які ў складанай палітычнай сітуацыі застаўся адданым навуковай аб'ектыўнасці і беларускай гісторыі.

А што напрыканцы кароткага экскурсу творчых намаганняў і жыццёвых калізій рэктара БДУ? Натуральна спаслацца на некаторыя думкі, якія ён выказаў... для сябе самага. Не для чытача, а для фіксавання свайго ўнутранага свету і таго, што лічыў максімальна аб'ектыўным, у адрозненне ад публічных тэкстаў, якія павінны былі прэтэндаваць на не толькі навуковасць, а і на задавальванне «власть предержащих» ды «палітычнай неабходнасці». Гэтыя «Дневниковые записи» былі надрукаваныя ў нашым факультэцкім навуковым зборніку «Российские и славянские исследования» (№ 4 за 2009 г.). І сталі даступнымі, дзякуючы апантанасці маскоўскага даследчыка Л. І. Уткінай.

Уладзімір Іванавіч палічыў неабходным зафіксаваць некаторыя прынцыповыя свае погляды на жыццё, навуку, рэчаіснасць. І пачаў гэта рабіць напрыканцы 1944 г., але змог за апошнія два гады свайго жыцця асіліць толькі 32 невялікіх лісточкі. Тэкст-споведзь патрэбна ўважліва чытаць, каб хаця б злёгка зразумець гэтага неардынарнага чалавека. Можна прывесці некалькі цытат, сэнс якіх раскрываецца пры умове больш-менш паглыбленага ведання біяграфіі вучонага. Напрыклад, высновы агульнага кшталту і з відавочным палітычным ухілам:

«В жизни я совершил много ошибок...», «...я говорил не то, что ду- мал...», «...я стыдился своей слабости...», «Работал я для блага народа в будущем, а теперь продолжаю работать для будущего «социалистического рая», которого никогда не будет», «Мы все великие молчальники», «Нам разрешено петь «аллилуйя» и «осанна», но Боже сохрани сказать правду...», «Жизнь в Германии строилась на поклонении фюреру, а у нас – «вождю», «Горжусь, что никому не сделал никакой «гадости.

Ці тыя, якія тычацца дакладна прафесійнай дзейнасці: «Надо быть честным, объективно-беспристрастным в науке», «Я все дальше и дальше уходил от абсолютной догмы», «Прошло 34 года, а мои взгляды на польский вопрос остались неизменными..., моё полонофильство оправдывается жизнью», «Я смерти не боюсь: только бы скорее перепечатать мою «Историю Польши», «...все равно моей работы никто не оценит», «... почтенных академиков, даже малограмотных, не рекомендует- ся трогать», «... у нее (аспирантки Пичеты. – А. Я.) нет организованности

труда, и в этом ее несчастье», «Сегодня читал лекцию «Борьба славян с немецкой агрессией»..., и надо признать – плохо» [4, с. 333–337].

Зразумела, цяжка ўгадаць нават галоўныя вехі жыццядзейнасці ча-лавека і вучонага такога маштабу. А тым больш паглыбіцца ў грамад-ска-палітычны кантэкст таго часу, што прыйшоўся на лёс У. І. Пічэты. Лёс, які з усёй моцай паўплываў на яго. Аднак відавочна праглядаецца адна абставіна: Уладзімір Іванавіч так і застаўся адданым сваім навуко-вым поглядам і перакананням наконт унікальнасці і самадастатковасці беларускай гісторыі ва ўсіх яе кампанентах – дзяржаўна-палітычным, культурным, эканамічным, ментальным. Нават перспектыву пераадоль-вання недастатковасці «беларусізацыі беларусаў» мудры вучоны і, без перабольшвання, палітык ужо ў 1944 г. бачыў «*вследствие изменившихся условий жизни*» [9, с. 49]. Вось толькі не пазначыў, калі гэтыя ўмовы змяняцца...

На гэтых мурах ён і будаваў БДУ! І гэта яго найважнейшая спадчына для нас – беларусаў. Вось толькі нам яе яшчэ патрэбна ўдумліва спасцігнуць, кіруючыся тым, што толькі ў адносінах да Беларусі Уладзімір Іванавіч заўсёды заставаўся непакінутым у поглядах і ацэнках, адданым той справе, якую ён выконваў – з часоў напісання сваіх дысер-тацый і да канца жыцця.

БІБЛІАГРАФІЧНЫЯ СПАСЫЛКІ

1. Архіў УФСБ РФ па Санкт-Пецярбургу і Ленінградскай вобласці. Архіўна-крымінальная справа № П–65245. Т. 19.
2. Архіў Расійскай акадэміі навук. Ф. 1548. Воп. 2. № 23.
3. *Баранав Е. В.* Владимир Иванович Пичета в научно-образовательных и общественно-политических процессах Беларуси (1918–1930 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. 07.00.02 – отеч. история. Минск : БГУ, 2008. 24 с.
4. *В. И. Пичета.* «Дневниковые записи 1944–1946 гг. / Л. И. Уткина (сост, предисл., науч. коммент.) // Российские и славянские исследования. Науч. сб. Вып. IV. Минск : БГУ, 2009. С. 333–337.
5. *В. И. Пичета.* Очередные вопросы белорусской историографии // Вестник Народного Комиссариата Просвещения ССРБ. Вып. 11–12. 1922.
6. Владимир Иванович Пичета. Биобиблиографический указатель / Сост. Е. Я. Дукор. Минск : Изд-во БГУ, 1978. 112 с.
7. *Дубровский А. М.* Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск : Изд-во Брянского государственного университета им. акад. И. Г. Петровского, 2005. 800 с.
8. Звезда. 1926. 31 кастрычніка.

9. «История белорусского народа довольно своеобразна». Доклад В. И. Пичеты «25-летие Белорусской ССР. 1944.» // Исторический архив. 2016. № 3. С. 32–54.
10. История через личность: Историческая биография сегодня / Под ред. Л. П. Репиной. 2-е изд. . М. : Квадрига, 2010. 720 с.
11. *Куманев Г. А.* Рядом со Сталиным: Откровенные свидетельства. Встречи, беседы, интервью, документы. М., 1999.
12. *Маркава А.* Шлях да савецкай нацыі: Палітыка беларусізацыі (1924–1929). Мінск : Галіяфы, 2016. 324 с.
13. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (далей – НАРБ). Ф. 205. Воп. 3. Спр. 6335.
14. НАРБ. Ф. 4-п. Воп. 21. Спр. 1525.
15. НАРБ. Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 13999.
16. Никс Н. Н. Московская профессура во второй половине XIX – начале XX века. Социокультурный аспект. М. : Новый хронограф, 2008. 304 с.
17. Памяць і слава: Першы рэктар Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта – Уладзімір Іванавіч Пічэта / склад.: С. М. Ходзін, М. Ф. Шумейка, А. А. Яноўскі. Мінск : БДУ, 2011. 375 с.
18. Польска-савецкія адносіны і Рьжскі мір // Польша. 1928. № 4. С. 146–166; № 5. С. 81–100; № 6. С. 126–147.
19. Против исторической концепции М. Н. Покровского. Сборник статей. Часть первая. М. : Л. : изд-во АН СССР, 1939. 518 с.
20. Расійскі дзяржаўны архіў сацыяльна-палітычнай гісторыі. Ф. 147. Воп. 2. Спр. 11.
21. Сборник законов Белорусской ССР и указов Президиума Верховного Совета Белорусской ССР. 1938–1967 гг. В 2 т. Т. 1. Мн., 1968.
22. Сборник законов СССР, указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 – июнь 1944 гг. М., 1944.
23. Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / Сост. А. Л. Хорошкевич. М. : Аквариус, 2015. 440 с.
24. *У. Пічэта.* Формы нацыянальнага й опозыцыйнага руху на Беларусі // Польша. 1924. № 2.
25. *Уткина Л. И.* Фонд академика В. И. Пичеты в Архиве АН СССР // 50 лет славыстики в Московском Университете (сб. статей под ред. В. Г. Карасёва). М. : изд-во МГУ, 1989.
26. *Яноўскі А.* Малавядомы артыкул У. І. Пічэты «Барадзіно» ў праламленні праз лёс і творчасць гісторыка // Беларускі гістарычны часопіс. 2012. № 11. С. 5–13.

РАЗДЕЛ II

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, АРХИВОВЕДЕНИЕ: ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ОСНОВА НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАМЯТИ

Белявский А. М.

Белорусский государственный университет (г. Минск, Республика Беларусь)

О ДЕКОНСТРУКТИВИСТСКОЙ КРИТИКЕ КАК МЕТОДЕ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ АРХИВОВ

Joe had been explaining things in the meantime. He said it was again the beginning of the unfinished, the re-discovery of the familiar, the re-experience of the already suffered, the fresh-forgetting of the unremembered. Hell goes round and round. In shape it is circular and by nature it is interminable, repetitive and very nearly unbearable. (FlannO'Brien) [11, p. 207]

Когда сообщение кажется выраженным предельно ясно – это очевидный признак того, что ему удалось ловко скрыть [...] насилие над языком, лишаящее его естественной многозначности. (Б. Бротман) [4, p. 69]

Постмодернистский термин «деконструкция» сегодня уже довольно комфортно прижился на страницах ведущих архивных изданий. Тем не менее, представляется, что по меньшей мере некоторые интересные возможности исследования архивов, открываемые этим методом, все еще не полностью осознаны (и, соответственно, реализованы) как историками, так и архивистами. Как отмечал один из первых и активных пропагандистов творчества Жака Дерриды в архивном сообществе, канадский ученый БрайенБротман [4; 5], проблема архивистов в том, что они так никогда и не восприняли «лингвистический поворот», понимание документов (и самого архива) как текста в философском смысле [4, p. 67–68]. Вероятно, часть этого высказывания можно адресовать и историкам-источниковедам – в отношении деконструктивистского понимания архива. Во многих случаях внимание архивных исследователей к Дерриде концентрируется на его эссе «Архивная лихорадка», в большой степени посвященном фрейдистской концепции «влечения к смерти»,

раскрываемой на примере архива – в то время как проблематика, напрямую касающаяся именно концепции архива, проходит практически через все творчество Дерриды.

Важный аспект творчества Дерриды, на котором акцентировал внимание Бротман – это принципиальная связь архива и письма. Письмо, которое создают люди, служит в такой же степени для того, чтобы затемнить, отодвинуть на второй план, «отсрочить» значение, в какой и зафиксировать его. Отсюда следствия для концепта архива: представление о письме как «отсрочке» значения. Само наше обращение к письму устанавливает границы, которые письмо не может преодолеть. Писать – уже само по себе значит – передавать нашу судьбу в чужие руки: потому что утверждение значения любого написанного фрагмента требует его прочтения. Таким образом, определение (ратификация) оригинального, исходного значения текста зависит от интерпретации читателя, значение «откладывается» до этого момента [4, р. 70].

Значение обязано своим существованием тому, чего в нем нет, не в меньшей степени, чем тому, что есть. Ключевой постулат современной лингвистики – знаки не обладают природным (в смысле, естественным, присущим им изначально) значением, а только «отличием» от других знаков. Знаки как «следы» – указывают на то, что что-то присутствует, но при этом и что-то отсутствует. «Реальность» (то, что они обозначают) отсутствует. Язык по Дерриде состоит из таких «следов»: «Будь то в порядке устного дискурса или письменного дискурса, ни один элемент не может функционировать как знак, не отсылая к какому-то другому элементу, который, в свою очередь, не остается просто присутствующим. Благодаря такой сцепленности каждый «элемент» – фонема или графема – конституируется на основе отпечатывающегося на нем следа других элементов цепочки или системы. Это сцепление, эта ткань есть текст, продуцирующийся лишь в порядке трансформации какого-то другого текста. Ничто, ни в элементах, ни в системе, нигде, никогда не выступает просто присутствующим или отсутствующим. Везде, сплошь имеют место только различения и следы следов» [1, с. 34].

Каждый раз использование письма создает чистое пространство, полость, которую необходимо заполнить. Таким образом, это никоим образом не аккуратная система слов, обладающих устойчивым значением, – а только следы, следы отличия. Характерно, что практически таким же образом некоторые видные современные ученые-архивисты, например голландец Эрик Кетелар [9] и южноафриканец Верне Харрис [8] рассматривают процесс работы с архивом. Архивный документ для

них не является нейтральным объектом, который открывается во всей полноте, как заархивированный файл, простым нажатием клавиши. Каждое обращение к архивному документу создает новый контекст его использования, который в свою очередь резонирует с контекстами его создания, архивирования, предыдущего использования – создателями и исследователями. Как исследователя (и архивиста) невозможно считать чем-то внешним по отношению к источнику, с которым он работает, так же и архив неотделим от того контекстуального смысла, каждый раз нового, который возникает при каждом обращении к нему. Поэтому каждое обращение к архиву неизбежно создает новые перспективы, новое видение, новые смыслы и значения.

Никакими усилиями невозможно привязать письмо (и архив) к одному-единственному зафиксированному значению, преодолевающему время. Сила этого постоянного движения подрывает идею основателя лингвистики Ф. де Соссюра о языке как о замкнутой стабильной структуре – и то же самое относится к письму, обществам, документам и документальным системам, и естественно – к архиву. Безусловно, это подрывает также и привычную нам позитивистскую концепцию объективной истории как «царства покоя в прошлом». Письмо (и письмо самого Дерриды) – стратегия без завершенности, потому что нет такой высшей инстанции, к которой можно было бы обратиться для установления единственно верного значения, потому что любое такое обращение само проходит через язык – постоянство письма и отсрочка значения вызывают друг друга.

Деррида по-новому вводит понятие архивирования (или «архивации», как его назвал Кетелар, чтобы отличить от «архивализации», ценностного выбора объекта хранения). Архивирование зависит от оставления следов, а оставление следов вызывает архивирование – и так по кругу. Для иллюстрации этой идеи Дерриды Бротман обращается к заимствованному из архитектуры понятию «тенсегриту» (баланс взаимного натяжения в структуре). Архивирование – сжатие, которому мешает избыточная энергия (натяжение) языка, те самые следы и отсрочка значения (сжатие – наоборот, фиксация значения). В этом смысле архивирование – антитеза письма. Для архивиста письмо и текст – средство и результат документирования, фиксирования, а для Дерриды наоборот – отсрочивание, игра значений, текстуальность. Текстуальность превращает текст в расплывчатый объект, гипер-текст: текст, переходящий в другие тексты. Более того, текстуальность значительно снижает роль сознательного автора в тексте. Его роль как «творца» начинает рассмат-

риваться как лишь случайный фактор в игре интерактивных текстов. Доминирование автора в триаде автор-текст-читатель фактически испаряется. Авторский контроль над текстом, даже в процессе его создания, превращается в химеру. В результате понятия «автор», «происхождение», «уникальность» теряют свою силу – а отсюда начинает разрушаться и идея того, что документы обладают единственным определенным источником происхождения (принцип провениенции) [4, р. 76–77]. И сейчас нельзя не отметить, что именно эти процессы набирают силу и скорость (становятся совершенно естественными) в условиях электронного документирования. То, что на поверхности кажется консервативным архивистам катастрофой, «смертью архива», с такой точки зрения становится его возрождением, «освобождением».

Архивирование может рассматриваться как попытка закрыть текст, зафиксировать его значение, привязать его к определенному месту и автору – т. е. установить границы (физическая форма существования архива – как бы метафора этой задачи). Архивист оставляет и закрепляет один определенный контекст текста (документа), привязывая его к мнимому автору, установленному времени и место создания – устанавливает рамки интерпретации. Таким образом операция сохранения – но лишь определенного значения, контекста и содержания документа – становится операцией исключения и забывания, ограничения возможностей. Архивирование – попытка избежать эффекта времени, «сохранить запечатанным конверт с письмом» [4, р. 80].

В результате мы можем посмотреть на архив как на результат попытки искусственно создать, навязать провениенцию тому, что исходно ею не обладает. Парадокс, но архив, построенный на провениенции и провозглашающий своей целью сохранение памяти, становится проводником операций исключения и забывания, ограничения возможностей интерпретации. При этом, конечно, нельзя забывать и то, что указанные операции являются частью механизма работы памяти, как индивидуальной, так и социальной – и в любом случае, неотъемлемой функцией архива – звеньями бесконечной цепочки «реконтекстуализации» документов. В этом же направлении работает и метод централизации архивов.

Вышеописанное можно проиллюстрировать примером из современной архивной практики. Вероятно, практически любому архивисту, занимавшемуся научно-технической обработкой документов, он будет хорошо знаком. Такая обработка начинается одним из двух путей: либо документы за определенный период просто вывозятся из организации в архив – и таким образом архивист, только начиная свою работу, уже

имеет дело с вырванным из его «естественной среды» материалом, разорванными цепочками связей, новым контекстом; либо архивист отправляется непосредственно в организацию, но там в итоге он совершит практически то же, но самолично, потому в процессе изучения и описания документов он неизбежно будет создавать собственный контекст.

Нагляднее всего это показать на работе с документальными массивами какого-либо «хаотического» периода, например архивами белорусских госорганов за первую половину 1990-х годов – период, когда, по сути, еще не были разработаны собственно белорусские нормативные и методические документы, регулирующие ведение делопроизводства и архива. И вот квалифицированный современный архивист, вооружаясь правилами работы архива и стандартами делопроизводства, созданными *позже* обрабатываемых документов (иногда даже не сформированных в дела, а пребывающих в россыпи), начинает приводить их в «порядок»: из россыпи «задним числом» формируются дела так, как они должны были быть сформированы, *по мнению* архивиста (основанному на *нынешних* правилах), в ранее сформированных делах меняются *неправильные* обложки (при этом сами дела, опять же, переформируются, если не соответствуют установленному на момент обработки стандарту), меняются заголовки (какой архивист не испытывал чувства досады при виде на обложке дела зловещего слова «Разное», сулящего ему долгие часы кропотливой работы?). В конечном итоге, примерно 10–20 % самых ценных документов все равно вывозится в государственный архив, где размещается на стеллажах и полках в хронологически-структурном, структурно-хронологическом и прочих *правильных* порядках, по которым была создана и опись дел.

Более резкую аналогию этого процесса можно увидеть в современной реставрации культурных объектов (медленно, но верно набирающей обороты в Беларуси). Руины старинного замка, как полустертый знак, открывающий пространство для интерпретаций своей былой формы (форм), сохраняющие связь со всем многообразием того, чем они были или могли быть, заменяются «знаком самих себя», завершённой отшлифованной версией представлений реставраторов о единственно правильном виде, по сути внеисторично фиксирующей его, уничтожающей все иные значения (замки в Мире, Несвиже, Косово и др.), и вместе с ними – прошлое в его динамике. Другая аналогия – деятельность первых европейских собирателей фольклора в XVII–XVIII вв., обычно подгонявших «корявую» народную поэзию под классицистские стандарты красоты, а иногда и вовсе

дописывавших недостающие фрагменты (например, Алан Рэмси в Шотландии и Томас Перси в Англии).

Естественно, любой архивист ответит на это, что обработка документов (как и отбор наиболее ценных из них) проводится с целью облегчения работы исследователя (и даже вообще создания возможностей для такой работы), что неупорядоченные, неправильно сформированные и т. п. дела затрудняют поиск необходимой информации, мешают восстановлению последовательности реальных событий (или реальной последовательности событий), вызвавших создание документов и отразившихся в них. Безусловно, так и есть – если только мы соглашаемся с тем, что есть некая незыблемая, объективная, застывшая в прошлом реальность, независимая ни от документа, ни от его создателя, ни от исследователя, обладающая единственным правильным видом, порядком и смыслом. Другими словами то, что Деррида называл «трансцендентальным означаемым» и существование чего принципиально отрицал. При этом то, как создавались документы, как формировались и велись дела в текущем делопроизводстве, по завершению их ведения, как (в каком порядке, «беспорядке») они хранились в структурных подразделениях и (или) архиве, насколько регулярно туда передавались, перерабатывались ли там и т. д. – признается малозначительным «информационным шумом», ненужной вуалью прошлого, мешающей увидеть главное, его истинное лицо.

В этом смысле архив представляется плотью от плоти европейской метафизики. Метафизика основана на тождестве и наличии (и здесь архив – способ ее реализации), а письмо Дерриды – на различии и отсутствии. Мечта философов – это архивная мечта фиксации значения [4, р. 81]. При этом, однако, не следует понимать Дерриду как врага «традиционного» архива, а деконструкцию как попытку его уничтожить. Архивирование и деконструкция взаимно дополняют друг друга – как в физике волна и частица. Это и есть своего рода *тенсегриту*.

И теперь можно снова вернуться к Кетелару, писавшему о том, в чем может заключаться работа исследователя архива (в смысле именно архива, а не той мнимой реальности, которую он якобы репрезентирует). Обнаружения в архиве, как и в письме, бинарных оппозиций, в первую очередь господства-подчинения – это то, что начали пытаться делать архивисты, заинтересовавшиеся «лингвистическим поворотом», и, в частности, идеями Дерриды, при этом регулярно переключаясь на фрейдистскую концепцию «влечения к смерти», на которой основана

«Архивная лихорадка» Дерриды (например, Кристина Риггзи Ричард Мэттьюс в недавних номерах «АркайвалСайенс» [10; 12]).

Однако это не единственная из возможных задач подобного исследования. Среди них: найти и показать те другие элементы цепочки или системы (следы следов), которые архив (создатель архива) пытался скрыть. Фрейд нужен для того, чтобы объяснить процесс «сжатия», архивирования, а текстуальность – чтобы развернуть, «разжать» интерпретирующий контекст архива, «натянуть» эту самую *тенсегриту*. Кетелар предложил ряд вопросов, вокруг которых должно строиться то, что он назвал *семантической генеалогией* архива. Под этим термином он понимает конструкцию и деконструкцию смыслов, которые люди, связанные с архивом на разных периодах его существования (создатели, архивисты-хранители, исследователи-пользователи), придавали ему в процессе архивализации (так он назвал архивирование по Дерриде) и архивации – ценностного выбора того, что нужно хранить, и организацию системы отбора и хранения. Эта генеалогия может выводиться через вопросы: Кто, когда, зачем и как создавал архив? Где хранился архив? Кто, когда, зачем и как работал с архивом? Кто, когда, зачем и как проводил экспертизу ценности? [9, p. 140].

Однако, подойдя к самой границе постмодернистской деконструкции архива, Кетелар (как, впрочем, и Бротман, и Терри Кук, и ряд других авторов, пропагандировавших постмодернистские идеи в архивном сообществе) не задал последний – и главный – вопрос: как полученные результаты показать через письмо, текст – поскольку классическое научное исследование оперирует языком и стилем, который в той же степени, что и архив, порожден европейской метафизикой, тяготеет именно к сжатию значения? Или даже: как получить сами эти результаты, пользуясь таким языком? Для Мишеля Фуко, например, ответ, в принципе, был бы однозначен: никак. «Архив» в концепции Фуко определяет все, что может быть сказано.

Деррида и его метод в этом смысле более оптимистичен. О том, как это можно делать, объясняя свою концепцию грамματοлогии (деконструкции) в интервью с Юлией Кристевой, он выразился так: «Грамматология должна деконструировать все то, что связывает концепты и нормы научности с онто-теологией, с логоцентризмом, с фонологизмом... она *включает* и *о-граничивает* науку, она должна дать нормам науки свободно и строго функционировать в своем собственном письме; еще раз, она *маркирует* и в то же время *расшитывает* границу, замыкающую поле классической научности» [1, с. 43–44].

Можно вспомнить (что и сделал Бротман, кстати, – тем самым тоже подойдя к упомянутой границе [4, р. 77]), что наиболее радикально настроенные постмодернисты (как поздний Ролан Барт) вообще отказывались от разделения текста на виды: типа литературы и официальных документов. Все (любой результат письма) есть Текст. В этом смысле архив – тоже текст, состоящий из текстов (и так до бесконечности), и задачей исследователя архива становится выявление этой текстуальности, актуализация насколько возможно большего количества текстов, не забывая важную ремарку Дерриды, о том, как проводится деконструкция: «Введение в игру различений предполагает действительно такие слияния и такие отсылки, которые препятствуют тому, чтобы в какой-либо момент, в каком-либо смысле имели место простые элементы, *присутствующие* в самих себе» [1, с. 34]. То есть, любое прямое название претендует на «простое присутствие». Цепочка актуализируемых текстов-следов, следов-смыслов должна быть потенциально бесконечной, она должна «оживать» в прочтении. Архив сам по себе никакими значениями (смыслами) не обладает – их создает только читатель.

Более того, если обратиться к так называемой «твердой», фундаментальной науке, то именно там сейчас можно найти неожиданную поддержку постструктуралистским концепциям (или источник их?). Определенные тенденции в современной физике и теории познания (когнитивистике) развивают идеи, очень близко подходящие к тому же. Одна из основных интерпретаций квантовой механики, квантовое байесианство, придает особое значение личностному фактору в исследовании. Для нее волновая функция – «личная», представляющая измерения индивидуальных знаний состояния системы, которые можно использовать для предсказания ее будущего [3]. Один из разработчиков этой интерпретации, Кристофер Фукс, развил ее в собственную теорию (Qbism), представляющему физику как «динамическую взаимосвязь рассказывания историй и написания уравнений» [6] Частично на ее основе профессор когнитивистики Калифорнийского университета Дональд Хоффман выдвинул смелую гипотезу о том, что «объективной» реальности, как некоей сущности, независимой от агентов ее восприятия, не существует в принципе [7]. Объектом науки в этом случае становится не мир или мы, а *мы-в-мире*. В таком случае, если физик может сказать, что квантовая механика – не о том, как устроен мир без нас (это относимо и к «царству покоя в прошлом»), а именно о нас в этом мире, то уж историк так может (а то и должен) мыслить тем более! Это касается в такой же степени и архивиста. В такой «системе координат» не только прошлая

действительность, «репрезентируемая» архивом, теряет свой смысл как объект исследования, но и сам архив так же лишается «суверенного» существования вне архивирующей (архивализующей?) и исследовательской деятельности – как и в работах Кетелара, Харриса и других архивистов, развивающих идеи Дерриды.

Здесь же нужно упомянуть – со стороны историков – Хейдена Уайта, указавшего на важность стиля в работе историка (еще раньше на это намекал Поль Вен), и Алуна Манслоу, одного из самых авторитетных современных его продолжателей. Таким образом, подходящий «инструментарий» нужно искать в области литературы и литературной критики. Найти его, кстати, можно в произведениях, созданных за много лет до Дерриды. Одним из первых писателей XX в., которых позднее причислят к постмодернистам, был ирландец Бриан О'Нолан, писавший под несколькими псевдонимами, в частности Фланн О'Брайен, которым подписаны цитируемые дальше романы. Вот как рассуждает о творчестве персонаж из его романа «О водоплавающих» (1939): «Решительно не возьму в толк, отчего каждая книга должна иметь только одно начало и один конец. Хорошая книга может иметь три совершенно несхожих начала, взаимосвязанных лишь в авторском предвидении, а уж концовок – добрую сотню» [2, с. 15–16]. Фабула самого произведения построена на этой концепции: герой романа пишет роман о писателе, который также пишет роман, герои которого вскоре активно начинают с ним бороться, и даже пытаются его убить, параллельно развивается еще несколько сюжетов «на других уровнях», псевдо-мифологическом и псевдо-эпическом – и их обитатели тоже вмешиваются в перипетии «чужих» повествований.

Еще более радикальный вариант – следующий роман О'Брайена «Третий полицейский», написанный в 1939–40, но изданный только в 1967 г. Его персонаж, негодяй и убийца, от лица которого ведется повествование, на всем протяжении его создает у читателя впечатление действительно существующего, самостоятельно действующего в реальном мире человека – но в финале выясняется, что он мертв и замкнут в бесконечном закольцованном аду, сущность которого автор показывал в изъятом из окончательного варианта фрагменте (см. первый эпиграф): «Тем временем Джо [*душа центрального персонажа. – А. Б.*] объяснял, что происходит. Он сказал, что это было начало неоконченного, повторное открытие знакомого, новое переживание уже выстраданного, свежезабываниенезапомненного. Ад простирается кругами. По форме он кольцеобразен, а по природе – вечен, бесконечно повторяем и почти

невыносим» [11, р. 207]. Кроме того, на протяжении всего романа его герой так и не может вспомнить собственное имя, деперсонализируясь еще и таким образом, но зато постоянно цитирует на французском причудливые (постмодернистские, как сейчас бы их назвали) пассажи выдуманного О'Брайеном философа де Селби, самым разным образом (чаще всего абсурдным) подводящие к идее иллюзорности физически воспринимаемой реальности (в то время, как сам безымянный главный персонаж воспринимает как реальность иллюзорный потусторонний мир, в котором он незаметно оказался). К слову, де Селби (как Де Селби) перекочевал и в другой роман О'Брайена, «Архив Долки», материализовавшись там как реальный персонаж.

Два приведенных примера не нужно рассматривать, разумеется, как прямой образец структуры текста, предлагаемой для подражания. Для метода, о котором идет речь, вообще не может быть никаких прямых образцов и ничего прямого. Они призваны *намекнуть* на стиль, который мог бы позволить не сжимать, не репрессировать, а расширять значения создаваемого текста. Кетелар завершил свою статью, упоминаемую выше, разделами «Чтение архива» и «Рассказывание» [9, р. 139–140] («Storytelling», тот самый термин, который использует и физик Фукс!), хотя и не развил идею рассказывания дальше.

Таким образом архив может изучаться как бесконечно развивающаяся (и расширяющаяся) сеть индивидуальных контекстов и значений. Каждое новое исследование само становится частью этой сети – как новый «рассказ», актуализирующий следы прошлых значений и самим процессом рассказывания добавляющий новые. В свою очередь, каждое исследование – его результаты, оформленные в текст – актуализирует индивидуальные контексты читателей. Такое умножение становится новой целью исследовательской работы: не сужение круга значений, как принято в традиционном научном дискурсе, а напротив, именно расширение – через «подключение» читателя к выявленным звеньям упомянутой сети. Исследователь архива становится своеобразным сталкером, ведущим читателя в запретную зону, которая открывается для каждого и каждый раз по-разному, причем предсказать, каким будет каждый новый поход, невозможно – можно только расставить межевые знаки на пути. Здесь нет ничего априори неважного: дело фонда, способ создания описей, биографии их составителей... даже банальный лист использования дела может сообщить неожиданный контекст – например, хулиганистой записью «попытка чтения вслух» в графе «Характер использования». Другими словами, целью архивного исследования может и долж-

но статья «прочтение» многозначности архива, и последующий «рассказ» ее. Рассказ этот может строиться через систему «глоссов», «заметок на полях», сюжеты в нем должны расходиться к горизонту, как дороги на картине Ван Гога. Для этого исследователю, создающему текст, необходимо владение теорией литературного творчества – поэтикой – и умение выражаться предельно многозначно.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Деррида Ж.* Семиология и грамматика. Беседа с Юлией Кристевой // *Позиции* / пер. с фр. В. В. Библихина. М. : Академический Проект, 2007. С. 24–45.

2. *О'Брайен Ф.* О водоплавающих. Трудная жизнь: Романы / пер. с англ. В. Симонова и В. Черныша; Предисл. В. Шубинского. СПб. : Симпозиум, 2000. 448 с.

3. *Хель И.* Десять интерпретаций квантовой механики [Электронный ресурс] // *Hi-News. ru*: [веб-сайт]. URL: <https://hi-news.ru/science/10-interpretacij-kvantovoj-mexaniki.html> (дата обращения: 30.06.2018).

4. *Brothman B.* Declining Derrida: Integrity, Tensegrity, and the Preservation of Archives from Deconstruction // *Archivaria*. Fall 1999. Vol. 48. P. 64–88.

5. *Brothman B.* The Limits of Limits: Derridian Deconstruction and the Archival Institution // *Archivaria*. Autumn 1993. Vol. 36. P. 205–220.

6. *Gefter A.* A Private View of Quantum Reality. An Interview with Christopher Fuchs [Electronic resource] // *Quanta Magazine* [website]. URL: <https://www.quantamagazine.org/quantum-bayesianism-explained-by-its-founder-20150604> (date of access: 30.06.2018).

7. *Gefter A.* The Case Against Reality. An Interview with Donald D. Hoffman [Electronic Resource] // *The Atlantic* [website], republished from *Quanta Magazine*. URL: <https://www.theatlantic.com/science/archive/2016/04/the-illusion-of-reality/479559/> (date of access: 30.06.2018).

8. *Harris V.* Claiming less, delivering more: a critique of positivist formulations on archives in South Africa // *Archivaria*. Fall 1997. Vol. 44. P. 132–141.

9. *Ketelaar E.* Tacit Narratives: The Meanings of Archives // *Archival Science*. June 2001. Vol. 1, issue 2. P. 131–141.

10. *Matthews R. J.* Is the archivist a «radical atheist» now? Deconstruction, its *new wave*, and archival activism // *Archival Science*. June 2016. Vol. 16, issue 3. P. 213–260.

11. *O'Brien F.* *The Third Policeman*. London: Flamingo/Harper Collins, 1993. 208 p.

12. *Riggs C.* The body in the box: archiving the Egyptian mummy // *Archival Science*. June 2017. Vol. 17, issue 2. P. 125–150.

Болсун Г. А.

Белорусский государственный университет (г. Минск, Республика Беларусь)

ДЕТСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ВОЙНЫ

Для молодого поколения война становится событием, память о котором носит весьма абстрактный характер. Она во многом формируется посредством художественных фильмов или компьютерных игр, качество которых зачастую оставляет желать лучшего. Однако для белорусов память о войне имеет огромное личное значение. Война кровавым катком прошла через нашу страну дважды – сначала летом 1941 г., когда фашисты двигались на Москву, затем летом 1944, когда в результате операции «Багратион» Беларусь была освобождена от оккупантов. Война коснулась каждой семьи – кто-то воевал, кто-то был угнан на работы в рейх, находился и погиб в концлагерях, выживал на оккупированной территории. И если мы не расскажем об этой трагедии своим детям, не научим их сопереживать человеческому горю, нас ждет будущее «Иванов, родства не помнящих».

Двадцатилетний опыт преподавания истории войны на разных курсах и факультетах БГУ, многочисленные встречи со школьниками, позволяют автору сделать вывод о том, что сегодня приемы «монументальной историографии» в молодежной среде практически не работают. Требуются иные подходы, способные вызвать интерес и личностное сопереживание молодых людей. Одна из тем, которая содержит огромный воспитательный и образовательный потенциал и способствует решению поставленной задачи, является тема «Дети войны». Здесь в арсенале преподавателей и интереснейший фактический материал, и различные способы его изложения.

Так, по подсчетам историков, за годы войны Беларусь потеряла каждого третьего своего жителя. Но важно не просто озвучить эту страшную цифру. Предложите ребятам представить семью – мама, папа, сын или дочь. Один из них в каждой такой семье погиб. Конечно, часто это были мужчины, однако женщины и дети, к сожалению, становились не только свидетелями, но и жертвами этой войны. «Будучи семилетним ребенком, – вспоминает В. К. Коршук, – я никак не мог понять, за что можно было расстрелять маму. Да, отец ушел в партизаны. Но мама ведь ничего плохого не делала. В дом вошли немцы и вывели маму на улицу. Она звала меня попрощаться, а я, страшно испугавшись, забрался под большую скамейку, откуда меня невозможно было вытащить.

Я уже знал, что немцы убивают. И все же меня всю жизнь мучает вопрос: «Зачем гитлеровцы стреляли маме в лицо» [1, с. 57].

Такой способ изложения вызывает у ребят определенную личную причастность, так как каждый проецирует эту жестокую правду на свою семью.

Кстати, когда мы говорим «дети войны», то какой возраст имеем в виду? В приказах командования немецкой группы армий «Центр» говорилось, что всех лиц, которые встретились в непосредственной близости от района военных действий, рассматривать как пленных, всех трудоспособных мужчин в возрасте 16–55 лет считать военнопленными [2, с. 39]. В тыловых районах, начиная с 14 лет, дети считались взрослыми, и им выписывались трудодни. Таким образом, когда мы говорим о детях войны, то подразумеваем возраст от рождения до 14–15 лет.

Историки хранят десятки тысяч детских воспоминаний о той страшной трагедии. Война породила проблему массового сиротства. Дети, оставшиеся без родителей, столкнулись с проблемой элементарного выживания, а более 100 детских домов, которые не успели эвакуировать в тыл с территории Беларуси в 1941 г., превратились в места настоящего геноцида. «Оставшись без родителей, – пишет И. Ф. Романовский, – дети выживали, как могли. Вместе с односельчанами я находился в лесу в зоне действий партизанского отряда «За Родину», в котором сражался брат Михаил. Жили в шалашах, рыли землянки... После войны я был направлен в Мозырский детский приемник-распределитель. Затем до мобилизации отца воспитывался в Калинковичском, потом в Туровском детских домах» [1, с. 58].

С горечью вынуждена констатировать, что сегодня многие ребята не могут ответить на вопрос: «Что вам известно о дневнике Тани Савичевой»? А ведь девять страниц детского блокадного дневника стали одним из скорбных символов Великой Отечественной войны. Важно показать, как ребята жили, о чем мечтали, как помогали взрослым и в блокадном Ленинграде, и в осажденном немцами Сталинграде, и на оккупированных территориях. Пережившая блокаду Ленинграда М. Д. Ягодницына пишет: «Мне было 11 лет, когда грянула война, разделившая нашу жизнь на «до» и «после»... Февраль. Приближается День моего рождения. Знаю, что подарков не будет, но жду. Пытаюсь навести порядок. Мама немного повеселела. Фантазирует, как после войны жить будем. Какие платья мне купит. Стук в дверь. Открываем. Женщина протягивает две бумажки и уходит. Радуюсь: «Письмо с фронта!» Спешу к маме.

Надрывный крик. Похоронки. Две сразу. Папы больше нет. Нет и брата» [3, с. 104–105].

Отдельно стоит сказать о детях, ставших юными сынами полков, о детях, попавших в партизанские отряды, о пионерах-героях, имена которых знал каждый советский школьник. С началом Великой Отечественной войны попасть в регулярные части РККА можно было несколькими путями: солдаты подбирали детей-сирот, дети сами убежали на фронт и, если им удавалось достичь передовой, командирам ничего не оставалось, как принять их. Были случаи, когда командиры брали с собой своих детей, полагая, что так будет безопаснее для них.

Студенты и школьники могут самостоятельно подготовить рассказы и про Владимира Тарновского, попавшего в действующую армию в 1943 г., а в 1945 г. расписавшегося на стене Рейхстага. И про самого юного бойца РККА Сергея Алешкова 1936 г. рождения. Его мать и брата нацисты казнили за связь с партизанами, а он в 1942 г. попал в партизанский отряд. Позднее со 142-м гвардейским полком С. Алешков участвовал в обороне Сталинграда, дошел до Польши, несколько раз был ранен. Имена Марата Казея, Зины Портновой и других юных героев не должны уйти из нашей исторической памяти.

К сожалению, сложно кратко отобразить все содержательные аспекты проблемы. Стоит отдельно говорить о малолетних узниках концлагерей, детских лагерях смерти, о детях в гетто, об угнанных на принудительные работы в рейх, о детях – жертвах и свидетелях карательных операции.

Говоря о формах работы, стоит назвать главную – встречи со свидетелями тех трагических событий, с детьми войны. Пока живы те, кто испытал на себе все тяготы и лишения военного лихолетья, те, чье детство украла война, необходимо воспользоваться шансом для организации диалога поколений. Их рассказы ярче фильмов и учебников формируют в сознании молодых людей представления об ужасах войны и фашистской оккупации.

Стоит отметить работу с письменными источниками – воспоминаниями, письмами, интервью. Большой воспитательный эффект дает совместный с учащимися и студентами просмотр и дальнейшее обсуждение художественных и документальных фильмов по данной теме. Действенной формой работы с молодежью является и посещение Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны, мемориального комплекса «Красный Берег». Участники экскурсий не-

однократно отмечали, что мемориальный комплекс «Хатынь» является памятником, в первую очередь, детям – жертвам войны.

Как отметили сами малолетние свидетели войны, «сегодня, отдавая дань уважения и почтения ветеранам Великой Отечественной, всем нам следует осознать, что на передовую линию Памяти выходят последние свидетели тех трагических событий – дети войны, пережившие тяготы оккупации, выжившие назло врагам и внесшие свой вклад в Великую Победу» [1, с. 62].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Коришук В. К., Романовский И. Ф.* Их детство украла война // *Беларуская думка.* 2018. № 1.
2. *Детство войны 1941–1945 гг.: живые свидетельства Беларуси / сост.: Л. А. Александренко [и др.].* Минск : ИП Логвинов, 2012. 216 с.
3. *И этой недетской печали нам хватит на тысячу лет.* СПб., 1997.

Бразовская Ю. А.

Белорусский государственный университет (г. Минск, Республика Беларусь)

ФОНТХИЛЛСКИЙ ЛОАНЛЕНД НА РУБЕЖЕ IX–X вв.

Источник. Под названием «Фонтхиллское письмо» в англосаксонистике фигурирует послание, подготовленное олддерменом Уилтшира Ордлафом для отправки королю Эдварду Старшему. Был документ отправлен или нет – не известно. В нем подробно описывается имущественный спор между Ордлафом и Этельмом Хигой, его соперником. Хотя Ордлаф никогда не идентифицировался как явный автор, это понятно из контекста письма. Имуществом, о котором шла речь, были пять гайд земли в поместье Фонтхилл в округе Ордлафа, которые он дал винчестерскому епископу. Хотя письмо не было точно датировано, предполагается, что спор, о котором повествуется в источнике, начинается в последние годы правления короля Альфреда Великого и завершается в период становления власти его преемника, короля Эдуарда Старшего.

Письмо, сохранившееся в оригинале или в виде копии, сделанной современниками, во многом считается сложной для анализа рукописью, которая прослеживает запутанную историю владения землей, ее бывшего владельца Хельмстана, который был осужден королем Альфредом за воровство. А также и то, как впоследствии эта земля перешла в единоличное владение Ордлафа после того, как Хельмстан был осужден вто-

рой раз за кражу соседских быков. Письмо предназначалось для использования в качестве доказательства в судебном процессе по иску Этельма Хиги против Хельмстана. Оно сыграло свою роль, и иск был отозван.

Письмо явно не является работой профессионального или опытного писца, так как содержит множество правок и исправлений. Орфография автора последовательна. Часть текста утеряна. Разбивка источника на строки дается по изданию Ричарда Марседена, опубликованного в «Кембриджском сборнике текстов по древнеанглийскому языку» [1, р. 96–102].

Историография, посвященная «Фонтхиллскому письму», показывает, что ряд вопросов решен: язык письма изучен полно, выявлены особенности документа, доказано предположение о высокой степени грамотности высших слоев населения, достигнутой в результате реформы образования, проведенной королем Альфредом Великим [2]. Все возможные версии о личности автора рассмотрены, наиболее предпочтительный вариант выбран [3; 4], а описанный в письме сюжет, связанный с кражей скота, детально проработан [5; 6]. Также информация, касающаяся судебной процедуры и системы розыска преступников в англосаксонской Англии, широко используется в историко-юридических публикациях [7].

Постановка проблемы. Исчерпывающего анализа в историографии «Фонтхиллского письма» пока не получила линия, связанная со статусом спорных земель как лоанленда. Рассмотрение источника под этим углом зрения позволит определить основные характеристики данного вида землевладения.

История пяти гайд в Фонтхилле изложена в следующих фрагментах источника:

«...ymb ðæt lond æt Funtial ða fif hida = относительно земли в Фонтхилле пяти гайд» [1, строка 1].

«...Æðeldryð hit Osulfe on æht gesealde wið gemedan feo, 7 heo cwæð to Osulfe ðæt heo hit ahte him wel to syllanne forðon hit wæs hire morgengifu ða heo æ [re]st to Aðulfe com... 7 Ælfred cing ða Osulfe his hondsetene sealde, ða he ðæt lond æt Æðeldryðe bohte, ðæt hit swa stondan moste, 7 Eadward his 7 Æðelnað his 7 Deormod his 7 ælces ðara monna ðe mon ða habban wolde» = «...Этельтрит ее Осульфю во владение продала за согласованную плату, и она сказала Осульфю, что она этим владеет верно чтобы продать, потому что это был ее «утренный дар», когда она впервые к Атульфю пришла... И Альфред-король, когда Осульфю свою подпись дал, когда он землю у Этельтрит купил, [установил], что это

должно оставаться так, и Эадверд свою, и Этельнот свою, и Деормод свою, и каждый из людей, которые пожелали» [1, строки 13–21].

«7 he me ða boc ða ageaf... 7 ic him gehet ðæt he moste ðes londes brucan ða hwile ðe he lifde» = «И он мне грамоту тогда отдал... И я ему позволил, что он может землей пользоваться на время его жизни» [1, строки 41–43].

«...hit wæs his læn ðæt he on sæt, he ne meahte na his forwyrca» = это был его лоан [ленд], который он занимал, он не мог у него отнять [1, строка 53].

«7 ic feng to minan londe 7 sealde hit ðon biscope ða on ðine gewitnesse 7 ði'nra weotena ða fif hida wið ðon londe æt Lidgeard wið fif hidan. 7 biscop 7 eal hiwan forgeafan me ða feower; 7 an was teoðinglond» = «И я получил свою землю и отдал ее епископу, что засвидетельствовали ты и твои уитаны: те самые пять гайд за пять гайд земли в Лидиярде. Епископ и его клирики отдали мне четыре гайды, а одна была десятинной» [1, строки 57–59].

В комментариях к своему переводу источника Зоя Юрьевна Метлицкая пишет следующее: «По-видимому, Этельм Хига хотел отнять у Хельмстана пять гайд под предлогом того, что тот потерял право на «бокленд», поэтому задачей Хельмстана и его заступника было доказать, что спорная земля не получена им или членами его рода от короля, а досталась ему иным путем. По-видимому, Хельмстан унаследовал от Осульфа или купил у него участок, история которого отражена в грамоте, утверждающей сделку Осульфа и Этельтрит» [8, с. 222].

Вопросы к истории пяти гайд. 1. Как земельные трансферы влияли на статус пяти фонтхиллских гайд? 2. Каков механизм трансфера земли в лоанленд? 3. Вопрос интерпретации фрагмента «... hit wæs his læn ðæt he on sæt, he ne meahte na his forwyrca».

Возможный ответ на первый вопрос. Земельные трансферы повлияли на статус имения в Фонтхилле следующим образом. Изначально фонтхиллские гайды являлись землей Атульфа. В письме нет упоминаний о грамоте, выданной на эту землю. Значит она являлась фолклендом. От Атульфа фонтхиллские гайды в качестве утреннего дара получила Этельтрит. Грамоты по-прежнему нет. Значит земля также являлась фолклендом, но особым, ибо Этельтрит имела право полностью им распоряжаться. То есть земля была чистой от всякого рода претензий. Она продает землю Осульфу, их сделку заверяет король: «И Альфред-король, когда Осульфу свою подпись дал, когда он землю у Этельтрит купил, [установил], что это должно оставаться так, и Эадверд свою, и

Этельнот свою, и Деормод свою, и каждый из людей, которые пожела-ли». Подписи короля и прочих указывают на выдачу грамоты, что позиционирует землю как бокленд. Последующий статус, «после Осульфа», нам неизвестен, равно как и то, каким образом землю получил Хельмстан. Внести ясность в первый вопрос можно, обратившись к судебным процессам, описанным в Фонтхиллском письме.

Первый суд вероятнее всего был судом шайра, созданным Ордлафом по воле короля: «И король повелел их рассудить. Я был одним из тех, кого для этого избрали, и еще были избраны Вихтборд, Эльфрик, Бюртхельм, Вульфхун Черный из Соммертона, Стрика, Убба и много других людей, которых я могу перечислить». Подсудность шайру маркирует статус фонтхиллских гайд как фолкленд.

Однако присяга приносилась на королевском суде. Учитывая важность его решения, перед процедурой Хельмстан обращается за помощью к автору письма, где говорит о том, что готов пожертвовать всем ради положительного итога, о чем тот пишет следующее: «Он просил меня, чтобы я ему помог, и заявил, что он лучше отдаст мне эту землю, чем проиграет».

После этого Хельмстан произносит клятву королю. «Когда суд закончился, мы все сказали, что спор разрешился». Приговор в англосаксонской Англии фиксировался грамотой, которая утверждала клятву – значит, подтверждала чистоту земли от претензий и переводила ее в разряд бокленда. После произнесения Хельмстаном клятвы грамота была отдана автору письма: «Когда клятва была принесена, Хельмстан отдал мне грамоту, как он прежде обещал». В ответ на это он «позволил ему пользоваться той землей до конца жизни, если он себя ничем не запятнает», что переводит фонтхиллские гайды из статуса бокленда в статус лоанленда.

Возможный ответ на второй вопрос. Анализ «Фонтхиллского письма» позволяет предложить следующий механизм формирования лоанленда.

Началом трансфера земли в этот статус послужила двусторонняя устная непубличная договоренность: «...если он отдаст землю мне, и он мне это клятвенно пообещал».

Вторым этапом стал переход грамоты к подлинному хозяину: «Когда клятва была принесена, Хельмстан отдал мне грамоту, как он прежде обещал. И я позволил ему пользоваться той землей до конца жизни, если он себя ничем не запятнает». Наличие грамоты указывает на то, что земля имела статус бокленда, однако вышеописанная процеду-

ра делает фонтхиллские гайды еще и лоанлендом. Кроме того, такая процедура имела значимые социальные последствия для обеих сторон: одна из них получала оправдание в суде, а вторая – усиление влияния, так как в суде присягали гайдами, которые подтверждали грамотами. Больше количество гайд давало большее влияние на суд. «Сами документы имеют символическую и материальную ценность в качестве доказательства права собственности, и в этом смысле их содержание может рассматриваться как менее важное, чем существование самой хартии» [9, p. 225].

Таким образом, трансфер земли в лоанленд был обусловлен непубличным соглашением о передаче земли, а непубличные действия (без свидетелей) закон не видит. В этом случае становится понятным отсутствие законов о лоанленде в судебныхниках того времени: «Мы также постановили, что считается виновным тот, кто отказывает другому человеку в правосудии, будь то [тяжба] из-за бокленда или из-за фолькланда (folclande), и что в случае [тяжбы] из-за фолькланда он [истец] должен назначить ему [ответчику] срок, когда будет произведено разбирательство дела перед герефой» [10, с. 616].

Владение лоанлендом было временным, экономическая составляющая перехода земли в данный статус в источнике не отражена.

Возможный ответ на третий вопрос. Понимание фрагмента «...*hit wæs his læn ðæt he on sæt, he ne mehte na his forwyrca*n» [1, строка 53] позиционируется не в грамматической, а в семантической плоскости. Предложение может быть интерпретировано различными способами. Грамматически его перевод на современный английский язык не сложен: «Because it was his grant that he occupied, he could never forfeit it» [11, p. 70]. Как и на русский язык: «Потому что это был его лоан [ленд], который он занимал, он не мог у него отнять». Фрагмент содержит четыре местоимения «он» в различных падежных формах, потому вопрос не в переводе, а в установлении логических связей. Первое местоимение, встречающееся в фрагменте, – «Потому что это был его лоан [ленд]» – может подразумевать два лица: либо Хельмстан, либо Ордлаф. Причем оба варианта грамматически возможны. Местоимение в фрагменте «который он занимал» очевидно указывает на Хельмстана, так как именно он жил на пяти фонтхиллских гайдах, как уже упоминалось выше.

Предшествующее фрагменту предложение заканчивается так: «...и суд решил передать его владения королю, поскольку Хельмстан – человек короля». Это позволяет высказать гипотезу о том, что во фрагменте

«он не мог у него отнять» может подразумеваться либо король, либо герцога Эанульф, который конфисковал имущество Хельмстана после второй кражи. Личность, упоминаемая под вторым местоимением, сомнений не вызывает (речь идет все о той же земле, которая принадлежит Хельмстану). Интерпретация данного фрагмента позволяет высказать гипотезу о том, что лоанленд имел двойственную природу: для хозяина, дающего его и имеющего грамоту (Ордлафа) – это бокленд, а для принимающего и грамоты не имеющего (Хельмстана) – это лоанленд.

Выводы. Анализ истории пяти гайд Фонтхилла показал, что:

1. лоанленд представлял собой тип землевладения, при котором земля, являющаяся боклендом или фолклендом, передавалась во временное (ограниченное определенным периодом) пользование. При этом для человека, имеющего хартию и предоставившего землю во временное пользование, это будет бокленд, а для получателя – лоанленд;

2. обретение статуса лоанленда происходило посредством устного договора о передаче земельной собственности с последующей передачей грамоты на землю реальному хозяину. Непубличность данной процедуры обусловила вывод лоанленда из сферы действия англосаксонского права (действия без свидетелей закон не видит);

3. договоренность о переводе земли в лоанленд обеим сторонам принесла определенные социальные выгоды: судебное оправдание для одного участника и увеличение общей суммы земельных владений при присяге для второго.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. The Fonthill Letter // The Cambridge Old English Reader. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 96–102.

2. Gretsche, M. The Language of the Fonthill Letter / Mechthild Gretsche // Anglo-Saxon England. Vol. 23. 1994. P. 57–102.

3. Boynton M., Reynolds, S. The Author of the Fonthill Letter / M. Boynton, S. Reynolds // Anglo-Saxon England. Vol. 25. 1996. P. 91–95.

4. Brooks, N. The Fonthill Letter, Ealdorman Ordlafe and Anglo-Saxon Law in Practice / Nicholas Brooks // Early Medieval Studies in Memory of Patrick Wormald. Farnham, Surrey: Ashgate, 2009. P. 301–317.

5. Hough, C. Cattle-Tracking in the Fonthill Letter / Carole Hough // The English Historical Review. Vol. 115. № 463. 2000. P. 864–892.

6. Smith, S. Th. Of Kings and Cattle Thieves: The Rhetorical Work of the Fonthill Letter / Scott Thompson Smith // The Journal of English and Germanic Philology. Vol. 106. № 4. 2007. P. 447–467.

7. *Rabin, A.* Testimony and Authority in Old English Law: Writing the Subject in the «Fonthill Letter» / Andrew Rabin // *Law and Sovereignty in the Middle Ages and the Renaissance.* Turnhout: Brepollis Publishers, 2011. P. 153–171.

8. Фонтхильское письмо / Пер. с древнеангл. З. Ю. Метлицкой // *Cursor mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения.* Вып. 2. Иваново : ИвГУ, 2009. С. 220–225.

9. *Forbes, H. F.* Heaven and Earth in Anglo-Saxon England: Theology and Society in an Age of Faith / Helen Foxhall Forbes. L., N. Y. : Routledge, 2016. 410 p.

10. Законы Эдуарда Старшего (899–925 гг.) // *Хрестоматия по истории средних веков.* Т. I. М. : Соцэкгиз, 1961. С. 615–617.

11. *Carlton, Ch. R.* Descriptive syntax of the old English charters / Charles Rogers Carlton. P. : Mouton, 1970. 200 p.

Бригадина О. В.

Белорусский государственный университет (г. Минск Республика Беларусь)

МЫ – ДРУГИЕ: ЕВРАЗИЙСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

История российской послереволюционной эмиграции в последние десятилетия стала предметом пристального научного внимания. Особый интерес вызывает евразийство – общественно-политическое и философское движение, которое возникло в русском зарубежье в начале 1920-х гг. «Евразийцы – это представители нового начала в мышлении и жизни, это группа деятелей, работающих на основе нового мышления к коренным, определяющим жизнь вопросам». Так охарактеризовал новую доктрину один из ее основателей – П. Н. Савицкий [2, с. 138].

Первым совместным выступлением евразийцев было издание в 1921 г. сборника «Исход к Востоку: предчувствия и свершения (Утверждения евразийцев. Кн. 1)». Авторы (П. Н. Савицкий, П. П. Сувчинский, Г. В. Флоровский, Н. С. Трубецкой) видели свою цель в разработке нового направления, которое они обозначили термином «евразийство», «может быть, не очень удачным, но бьющим в глаза» [1, с. 24]. Они определили самобытность России–Евразии. Согласно классикам евразийства, заслуга в создании культурно-цивилизационного и политического единства Евразии принадлежит монголам. На этом настаивали Н. С. Трубецкой и П. Н. Савицкий. Так, Трубецкой считал, что «господствовавший прежде в исторических учебниках взгляд, по которому основа русского государства была заложена в так называемой Киевской Руси, вряд ли может быть признан правильным... Из Киевской Руси не могло раз-

виться никакого мощного государства, и представление о том, что позднейшее русское государство есть продолжение Киевской Руси, в корне неправильно» Трубецкой определяет «сущность этого государства как «путь из Варяг в Греки» и называет три причины, по которым Киевская Русь не могла стать основой мощной московской государственности. Первая причина – Киевская Русь была малой по территории, так как она «не составляла и двадцатой доли общей площади той России, в которой родились все мы». Второй причиной он считал воинственных кочевников, «которых никто вполне подчинить себе не мог и которые делали невозможным всякое стремление оседлых государств к господству и расширению». Самой серьезной причиной, препятствовавшей Киевской Руси на пути к могуществу, была феодальная раздробленность. Трубецкой пишет, что в условиях малой территории и беспокойного соседства кочевников «Киевской Руси оставалось только разлагаться и дробиться на мелкие княжества, постоянно друг с другом воюющие и лишённые всякого более высокого представления о государственности. Это было неизбежно». Далее он утверждал, что Россия была втянута в общую финансовую систему монгольского государства, которая сохранилась и поныне. Свидетельством чего является «целый ряд русских слов, относящихся к финансовому хозяйству и продолжающих жить в русском языке даже и поныне являются словами, заимствованными из монгольского или татарского языка (например, казна, казначей, деньга, алтын, таможня)». Кроме этого, «татары ввели Россию в общегосударственную монгольскую сеть почтовых путей, и монгольская система организации почтовых сношений и путей сообщения, основанная на общегосударственной ямской повинности... сохранялась в России еще долго после татарского ига в государственном масштабе» [6, с. 208–212].

Евразийцы считали, что эта степная цивилизация сыграла крупную роль в деле строительства русской государственной «храмины» и отразилась на бытовом укладе русского народа, его языке и т. д. «Самое объединение почти всей территории современной России под властью одного государства было впервые осуществлено не русскими царями, а туранскими монголами» [9, с. 59]. Россия сложилась как самостоятельная цивилизация при сочетании собственно славянского начала с туранским. Наследие монголо-татарского периода было, по мнению евразийцев, тем важнейшим элементом русской истории, который превратил несколько периферийных раздробленных восточно-славянских княжеств в остов мировой империи. Вслед за Трубецким и Савицким Г. В. Вернадский, в статье «Два подвига св. Александра Невского»,

обосновал евразийскую интерпретацию монгольского ига. Истоки единства России–Евразии восходили, по мысли Вернадского, Савицкого, Трубецкого, к империи Чингисхана, сыгравшей важную роль в государственном строительстве и сохранении православной веры в условиях идейной и военной угрозы со стороны Запада. Напротив, европеизация России, начатая Петром I и продолженная его преемниками, привела к извращению самобытности России, замутнению национального самосознания, бездумно воспринимающего западные образцы. А это привело к расколу культуры на «низы» и «верхи», а в конечном итоге – к революции. Трубецкой обвиняет Петра в том, что, заменив патриарха Синодом, он унизил церковь. Приглашенные им чужаки-иностранцы воспитали революционную интеллигенцию. Военная служба и крепостное право были, заключает Трубецкой, и в допетровской России, но милитаристической и крепостнической страной Россия стала только в эпоху европеизации. Считая русскую революцию порождением романо-германского ига, Трубецкой даже приходит к заключению, что «татарское иго было вовсе не так уж плохо». Более того, и в революции евразийцы находили нечто полезное для России. Они считали, что революционная стихия способствовала очищению России от поверхностного европейского налета. Но при этом, как писал Г. В. Флоровский, «...евразийцы неоднократно разъясняли, в каком смысле они не то, что “приемлют”, а учитывают революцию, и, конечно... не следует ни в каком случае преуменьшать одичания, вырождения, разврата... Однако нет никаких оснований утверждать, что все в России подлежит искоренению. Растут и там благодатные побеги. Русская душа еще не истощилась» [10, с. 131].

Исходя из такого необычного видения истории России, евразийцы намечали особую политическую концепцию: «...Для того, чтобы отдельные части бывшей Российской Империи продолжали существовать как части одного государства, необходимо существование единого субстрата государственности. Этот субстрат может быть национальным (этническим) или классовым» [8, с. 26]. Одно из основных положений евразийства гласит, что Россия не может следовать всецело по пути европейского культурного развития, потому что она входит в состав особого мира, представляющего собою своеобразное совмещение европейских и азиатских жизненных стихий. «Русская культура сочетает элементы европейской и азиатской культуры, сводит их к некоторому единству», – читаем в статье П. Н. Савицкого «Евразийство». Монголы сформулировали историческую задачу Евразии, положив начало поли-

тической консолидации и самобытности ее государственно-политического строя. В соответствии с евразийской концепцией, Киевская Русь представлена нежизнеспособным протогосударством, прикреплённым к речной системе Днепра и экономически ориентированным на то, чтобы обеспечить речной путь «из Варяг в Греки». Киевская Русь на протяжении всего периода своего существования подвергалась ударам кочевников Великой Степи, которые усугублялись непрекращающимися междоусобными войнами. «Поэтому из Киевской Руси и не могло образоваться никакое мощное государство, и представление о том, что на поздних этапах своего развития русское государство явилось продолжением Киевской Руси, нельзя назвать верным... Между Киевской Русью и той Россией, которая существует в настоящий момент времени, общее только название «Русь». Что же касается географического и хозяйственно-политического содержания данного имени, то оно является совершенно различным» [7, с. 203].

Г. В. Вернадский полагал, что монгольское нашествие и политическое подчинение «Русской Земли» Востоку татаро-монгольским игом в XIII в. усугубили процесс естественного разложения Киевской Руси [4, с. 354]. Евразийцы считали, что именно от Московского княжества XIV в., а совсем не от обреченной варяжской Киевской Руси, взяла свое начало современная Россия–Евразия. Именно для монгольского исторического периода характерно возникновение предпосылок взаимного проникновения восточных славян и тюркских народов, проживающих на евроазиатском материке, через государственную преемственность России, которая перехватила «историческое знамя» у Золотой Орды.

После того, как в XIII в. наступил окончательный упадок Киевской Руси, князей северо-восточной части Руси стали волновать византийские идеи сильной императорской власти и централизации русских земель. Эти поиски усиливались и монгольским нашествием, поскольку более двух столетий Русь (кроме северо-западных княжеств) находилась в составе улуса Джучи-хана. Согласно этому подходу, чуждую русскому национальному самосознанию идею сильной монгольской государственности Россия воспринимала потому, что идея была великой, она создавалась во времена древней Евразии, была основана на военном типе, как и другие кочевые империи, и помогла создать сильную, единую и неделимую континентальную империю. Таким образом, произошло превращение монгольской государственной идеи в православно-русскую государственную идею» [6, с. 204].

Центром нового российского государства в XIV–XV вв. стала Москва. После разработки концепции «Третьего Рима» как главной национально-государственной доктрины в первой половине XVI в. начался процесс национально-государственной самоидентификации России, процесс определения своего места и роли в мировой цивилизации. После своего укрепления московская государственность получила другую проблему – необходимость укрепить оборону западных рубежей. По мнению евразийцев, данную проблему Россия могла решить лишь с помощью усвоения европейской техники и освоения западной промышленности. «Выполнение задачи заимствования европейской техники взял на себя Петр I. Но задачей этой он увлекся настолько, что она для него обратилась почти в самоцель, и никаких мер против заразы европейским духом он не принял. Задача была выполнена именно так, как не надо было ее выполнять, и произошло именно то, чего следовало больше всего опасаться: внешняя мощь была куплена ценой полного культурного и духовного порабощения России Европой» [6, с. 204].

Таким образом, основные идеи евразийства заключались в отрицании европоцентризма и признании принципиального равноправия всех цивилизаций; резко критическом отношении к романо-германскому Западу, стремящемуся к всеобщей европеизации человечества и уничтожению самобытности национальных культур; утверждении России как Евразии – особого «континента», самобытного культурно-географического мира, который отличен от Европы и Азии, но родственного более последней, чем первой; утверждении единства евразийского «континента»; утверждении монгольского ига благом для России; понимании русской революции как катастрофического завершения губительного процесса европеизации России, с одной стороны, а с другой – как начала ее «поворота к Востоку»; констатации крушения либеральной демократии и выдвижении ей на смену нового государственного строя – евразийской идеократии; противопоставлении разлагающему духу европейского индивидуализма православной идеи соборности.

Критически по отношению к евразийству выступали Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, А. А. Кизеветтер, П. Н. Милоков, П. Б. Струве, С. Л. Франк и многие другие. В числе оппонентов евразийства были и те, кто сначала заявили о своей приверженности евразийской доктрине либо сочувствовали движению, а потом порвали с евразийством и активно с ним полемизировали. Например, Г. В. Флоровский был одним из основателей евразийства, опубликовал ряд статей в первых евразийских печатных изданиях. Но затем обвинил евразийцев в измене

первоначальным принципам движения. В 1928 г. в статье «Евразийский соблазн» он осуществил глубокий критический разбор доктрины евразийства.

И философ И. А. Ильин (некогда с симпатией отзывавшийся о евразийском сборнике «Россия и латинство» за мужественное и верное, по словам автора, выступление против слияния православия и католичества) уже в 1925 г. резко осудил евразийство (его статья «Идейный оползень» была напечатана в нескольких номерах белградской газеты «Новое время») и призвал старшее поколение ученых и мыслителей решительно высказаться против «евразийских писаний» [5, с. 26]. Возражение вызвали антизападнические тенденции в выступлениях евразийцев, их негативное отношение к идее единства культурно-исторического процесса, а также недооценка евразийскими авторами общечеловеческих начал в культурной жизни. Споря с евразийцами, Н. А. Бердяевым указывал на некорректность самой мысли, будто какая-либо культура (по утверждению некоторых евразийцев, западная) может стать предпочтительным носителем зла, ибо христианство, по замечанию философа, «не допускает географического разделения добра и зла» [3, с. 31]. «Только от духовной беспомощности и материалистического склада души, опыта и мысли, как писал И. А. Ильин, можно искать спасения в Азии и на Востоке и противопоставлять им романо-германский Запад, забывая о том, что добро и зло не имеют востока и запада: зло и на востоке зло; добро и на западе добро» [5, с. 27]. По мнению А. А. Кизеветтера, основная идея евразийства, его теоретическое ядро, без которого рушилась вся евразийская доктрина, это идея о том, что национальные культуры не содержат общечеловеческих элементов, что «человечество разбито в своей культурной жизни на взаимно чуждые культурные миры». Эту мысль историк считал научно несостоятельной и никак не обосновываемой евразийцами: «Говорить о самобытности России, это значит, ничего не сказать» (5, с. 27).

Расширение и изменение состава евразийского движения привело к его расколу. Этому также способствовало и проникновение агентов ОГПУ в его среду. Внутри евразийства постепенно формировалось пробольшевистское направление. Характер движения необратимо изменялся. Еще в сентябре 1925 г. ничего не подозревавший о связях с ОГПУ Н. С. Трубецкой писал П. П. Сувчинскому и П. Н. Савицкому о наличии глубокого неблагополучия в евразийском движении: «Меня просто пугает, что с нами происходит. Я чувствую, что мы забрались в трясины, которая с каждым шагом всасывает нас все больше и больше. О чем мы

переписываемся? О чем говорим? О чем думаем? – только о политике. Надо назвать вещи своими именами: мы становимся политиканами и живем под знаком примата политики. Это – смерть» [5, с. 53].

Судьба многих евразийцев была такая же трагичная, как и судьба всего евразийского движения. П. Н. Савицкий был арестован в Праге в мае 1945 г. Его привезли в Москву и по обвинению в антисоветской деятельности приговорили к 10 годам заключения в лагерях. Свое наказание он отбывал с 1946 г в Мордовии, а с 1954 г. – под Москвой. Освободили П. Н. Савицкого в 1956 г., разрешили вернуться к семье в Прагу, но не допустили к преподавательской деятельности. Он вынужден был заниматься переводами с чешского языка на русский, написанием стихов и воспоминаний. В 1960 г. уже чехословацкие власти за изданный в Париже сборник стихов подвергли новому аресту (в стихах нашла отражение и лагерная тема). Только давление международной научной общественности способствовало скорому освобождению П. Н. Савицкого. А его соратник Н. С. Трубецкой умер вскоре после вторжения гитлеровцев в Австрию. Значительную часть рукописей, в том числе и неоконченный «Опыт предыстории славянских языков», при обыске изъяли, а в дальнейшем он был утерян либо уничтожен. Князь Д. П. Святополк-Мирский, принадлежавший к левому крылу евразийцев, в 1931 г. вступил в Компартию Великобритании. Его возвращению на родину содействовал Максим Горький. Получив советский паспорт, Д. П. Святополк-Мирский в 1932 г. уехал в СССР, где активно включился в литературную жизнь, но был арестован. Находясь в пересыльном лагере, он читал в своем бараке лекции по истории русской литературы.

Евразийством было выдвинуто достаточно много интересных идей в философии истории и культуры и в настоящее время его теоретическое наследие по-прежнему нуждается в основательном изучении.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Аверинцев С. С.* Несколько мыслей о «евразийстве» Н. С. Трубецкого: опыт беспристрастного взгляда // *Новый мир*. 2003. № 2. С. 19–28.
2. *Доронченков А. И.* Эмиграция «первой волны» о национальных проблемах и судьбе России. СПб. : Дм. Буланин, 2001. 214 с.
3. *Бердяев Н. А.* Евразийцы // *Евразия: исторические взгляды русских эмигрантов*. М., 1992. С. 25–35.
4. *Вернадский Г. В.* Монгольское иго в русской истории // *Основы Евразийства* / сост. Н. Агамалян [и др.]. М. : Арктогея–Центр, 2002. С. 345–362.

5. Игумен Феодосий (Иванников) Евразийцы как представители русской интеллигенции первой половины XX века // Интеллигенция и мир. 2010. № 1. С. 43–56.

6. Трубецкой Н. С. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока // Основы Евразийства / сост. Н. Агамалян [и др.]. М. : Арктогея–Центр, 2002. С. 201–216.

7. Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана // История. Культура. Язык. М. : Прогресс, 1995. С. 201–224.

8. Трубецкой Н. С. О туранском элементе в русской культуре // История. Культура. Язык. М. : Прогресс, 1995. С. 99–144.

9. Трубецкой Н. С. Общевразийский национализм // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М. : Наука, 1993. С. 51–65.

10. Флоровский Г. В. Письмо к П. Б. Струве о евразийстве // Из прошлого русской мысли. М., 1998. С. 126–134.

Бурачонок А. В.

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт (г. Мінск, Рэспубліка Беларусь)

ДЗЕЛАВАЯ АКТЫЎНАСЦЬ НАСЕЛЬНІЦТВА БЕЛАРУСІ Ў ДРУГОЙ ПАЛОВЕ XIX – ПАЧАТКУ XX ст. ЯК АКТУАЛЬНАЯ ПРАБЛЕМА АЙЧЫННАЙ ГІСТАРЫЯГРАФІІ

Уладзімір Іванавіч Пічэта ўвайшоў у айчынную гісторыю як арганізатар і рэфарматар вышэйшай адукацыі ў Савецкай Беларусі, як чалавек, без намаганняў якога ў 1921 г. не пачаў бы працу Беларускай дзяржаўнай ўніверсітэт – вядучы адукацыйны і навуковы цэнтр рэспублікі, які на сённяшні дзень уваходзіць у 2 % лепшых універсітэтаў свету.

Стварэнне першай вышэйшай навучальнай установы дала імпульс да развіцця новых навуковых кірункаў у БССР, у тым ліку і эканамічнай гісторыі. У сценах Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта яго першы рэктар разам са сваім настаўнікам М. В. Доўнар-Запольскім перадавалі студэнтам свае веды аб вопыце вядзення гаспадаркі на беларускіх землях папярэднімі пакаленнямі. Сённяшнія навучэнцы ўстановаў вышэйшай адукацыі таксама маюць магчымасць даведацца аб гэтым вопыце, знаёмячыся з працамі гэтых таленавітых прафесараў БДУ. Мітрафан Віктаравіч вядомы ў гэтых адносінах як аўтар першага даследавання па эканамічнай гісторыі Беларусі другой паловы XIX – пачатку XX ст. [1]. Нягледзячы на ўсе словы крытыкі, якія былі выказаны ў дачыненні да

яго выдання на розных этапах развіцця айчыннай гістарычнай навукі, манаграфія М. В. Доўнар-Запольскага стала асновай для далейшага вывучэння эканамічнага мінулага Беларусі перыяду капіталізму. У наступнае дзесяцігоддзе пытанні развіцця народнай гаспадаркі ў сваіх працах уздымалі Д. А. Дудкоў [2], К. І. Кернажыцкі [3], В. К. Шчарбакоў [4] і інш. Усе яны, даказваючы мэтазгоднасць Кастрычніцкай рэвалюцыі, праз адлюстраванне сацыяльна-эканамічнага становішча беларускіх губерняў у другой палове XIX – пачатку XX ст. заклалі фундамент для далейшага развіцця эканамічнай гісторыі Беларусі.

Якасна новы этап у даследаванні праблемы капіталістычнай трансфармацыі гаспадаркі ў беларускіх губернях прыходзіцца на 1960–1980-я гг. У гэты час пачынае ажыццяўляцца больш глыбокае і спецыялізаванае вывучэнне пэўных аспектаў эканамічнага развіцця Беларусі ў другой палове азначаны час. Так, новыя звесткі аб зменах у сельскагаспадарчай вытворчасці ў парэфарменны перыяд былі ўведзены ў навуковы зварот К. І. Шабунай [5], А. І. Кажушковым [6], Л. П. Ліпінскім [7], В. П. Панюцічам [8] і інш. Пытанні прамысловага развіцця Беларусі ў час станаўлення капіталізму знайшлі адлюстраванне ў манаграфіях З. Е. Абезгауза [9; 10] і М. Ф. Болбаса [11]. Трансфармацыя гандлёвых адносін прааналізавана ў працах Л. М. Міхневіча [12] і Х. Ю. Бейлькіна [13]. Безумоўна, прыведзены пералік даследчыкаў і іх прац далёка не поўны, але аўтар не ставіць сваёй задачай правесці глыбокі агляд савецкай гістарыяграфіі па дадзенай праблеме. Разам з тым, аналізуючы стан распрацаванасці праблемы капіталістычнай трансфармацыі эканомікі Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст., варта адзначыць, што айчынныя гісторыкі ў 1960–1980-я гг. здолелі дастаткова падрабязна адлюстраваць змены, якія адбыліся ў гаспадарчым жыцці гэтага рэгіёну Расійскай імперыі. Менавіта таму, нягледзячы на змены ў падыходах і метадалогіі даследавання, прадстаўнікі сучаснай беларускай гістарыяграфіі выкарыстоўваюць даныя, якія былі атрыманы іх папярэднікамі. Разам з тым, гісторыкі савецкага часу, адлюстроўваючы асноўныя аспекты пераўтварэнняў у эканоміцы Беларусі, не асабліва акцэнтавалі ўвагу на імёнах тых асоб, якія сваімі намаганнямі садзейнічалі пераходу мясцовай гаспадаркі на якасна новы ўзровень. Асабліва наракаць за гэта нельга, паколькі паводле тагачасных навуковых падыходаў прадстаўнікоў так званага «буржуазнага класу» было не прынята.

З набыццём незалежнасці Рэспублікай Беларусь цікавасць да эканамічнага мінулага краіны значна ўзрасла. Гісторыкі, эканамісты,

правазнаўцы ўсё больш сталі звяртацца да пытанняў, якія звязаны з развіццём прадпрымальніцтва ў парэформенны перыяд. Пры гэтым больш увагі стала надавацца намаганням пэўных прадстаўнікоў дзелавога свету ў развіцці канкрэтных галін тагачаснай гаспадаркі. Шмат у чым паўплываў зрух даследчыцкіх інтарэсаў з макра- на мікраўзровень. Былі «рэабілітаваны» і зноўку ўведзены ў навуковы зварот імёны такіх прадпрымальнікаў парэформеннай Беларусі, як А. Скірмунт, А. і Л. Лур’е, А. Стульгінскі, Ю. Столе і В. Краеўскі. Сярод даследчыкаў, якія задалі тэмп вывучэнню праяў прадпрымальніцкай ініцыятывы на тэрыторыі Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст. былі А. Л. Кіштымаў [14; 15], З. В. Шыбека [16], Н. І. Палетаева [17] і інш.

Прыклады прадпрымальніцкай ініцыятывы насельніцтва Беларусі ў парэформенны перыяд неаднаразов астанавіліся тэмай і для пэўных праектаў на беларускім тэлебачанні. У прыватнасці, у тэлевізійным сезоне 2015–2016 г. канала «Беларусь 3» глядачам быў прапанаваны цыкл навукова-папулярных фільмаў з праекту «Справы фамільныя». Шырокая аўдыторыя мела магчымасць пазнаёміцца з найбольш адметнымі прадстаўнікамі дзелавой эліты беларускіх губерняў, якія прыкладалі свае намаганні ў развіцці прамысловай, гандлёвай і крэдытнай сфер у XIX – пачатку XX ст. Гэтай жа тэматыцы былі прысвечаны асобныя фільмы тэлевізійнага праекту «Зваротны адлік» на тэлеканале АНТ. Нягледзячы на той факт, што ў эфір гэтыя фільмы выйшлі ўжо даўно, з імі заўжды можна азнаёміцца на ютуб-канале гэтых праектаў [18].

Праявы дзелавой актыўнасці мясцовага насельніцтва і іншаземных падданых на тэрыторыі Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст. адлюстроўваецца апошнім часамі ў іншых СМІ. У прыватнасці, з 2017 г. пачалася рэалізацыя сумеснага гістарычнага праекту інтэрнэт-парталаў TUT. BY і Universal Press. Дзякуючы яму, карыстальнікі сеткі інтэрнэт атрымалі магчымасць пазнаёміцца з імёнамі такіх вядомых бізнесменаў дарэвалюцыйнай Беларусі, як А. Ельскі, Б. Саламонаў, І. Кацэнельсон, Н. Якабсон і інш. [19]. І нават нягледзячы на той факт, што ў дадзеных артыкулах сустракаюцца асобныя фактычныя недакладнасці, сам па сабе праект мае вялікую значнасць для распаўсюджвання ведаў аб дарэвалюцыйным перыядзе гісторыі прадпрымальніцтва ў Беларусі.

Такім чынам, дзелавая актыўнасць насельніцтва Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст. з’яўляецца важнай тэмай, і з кожным годам яна становіцца ўсё больш запатрабаванай сярод шырокіх колаў грамадства. За апошнія дзесяцігоддзі айчыннымі гісторыкамі зроблена шмат, каб аднавіць імёны тых бізнесменаў і бізнесвумен, якія былі вя-

домы ў парэформенны перыяд не толькі на тэрыторыі Беларусі, але і за яе межамі. Аднак гэтыя намаганні ўяўляюць сабой толькі пачатак той вялікай стваральнай работы, якая яшчэ павінна быць зроблена. Асабліва актуалізуецца запатрабаванасць у паглыбленні гэтых ведаў на сучасным этапе развіцця нашай дзяржавы, калі прадпрымальніцтва ўсё больш прываблівае беларускае насельніцтва ў якасці асноўнай сферы дзейнасці. У сувязі з гэтым неабходна працягваць працу па аднаўленні і папулярызацыі ведаў аб вопыце эканамічна актыўных суб'ектаў гаспадарання на тэрыторыі Беларусі на рубяжы XIX–XX стст. Адлюстраванне складанага шляху да атрымання сталага прыбытку са сваіх прадпрыемстваў жыхарамі беларускіх губерняў павінна скласці ў сучасным грамадстве ўяўленне аб тым, што гэта сфера дзейнасці не такая простая, як падаецца адразу. Канкрэтныя прыклады з эканамічнай гісторыі Беларусі дазваляць зразумець, што найбольшую значнасць, а ў выніку – вядомасць, мелі прамыслоўцы і фінансісты; гандаль жа выступаў у якасці стадыі накіравання першапачатковага капіталу. У дадатак да гэтага, усебаковае адлюстраванне дзелавой актыўнасці жыхароў дарэвалюцыйнай Беларусі павінна развіць разуменне аб тым, што дасягненне поспехаў магчыма не толькі пры існаванні спрыяльнага для прадпрымальнікаў асяроддзя з боку дзяржавы, але і пры наяўнасці арганізатарскіх здольнасцяў і шэрагу дзелавых якасцяў у чалавека, які абраў для сябе гэты від дзейнасці. Ну і безумоўна, распаўсюджванне ведаў аб механізмах дасягнення прадпрымальнікамі адмысловых пазіцый не толькі ў эканамічнай сферы, але і ў грамадскім жыцці Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст. павінна стаць прыкладам па вядзенні спраў для сённяшніх крэатыўных людзей.

БІБЛІАГРАФІЧНЫЯ СПАСЫЛКІ

1. *Довнар-Запольскі М. В.* Народное хозяйство Белоруссии, 1861–1914 гг. Минск : Госплан БССР, 1926. 238 с.
2. *Дудкоў Д. А.* Аб развіцці капіталізму ў Беларусі ў 2-й палове XIX і пачатку XX стагоддзя. Мінск : Партмассэктар, 1932. 202 с.
3. *Кернажыцкі К. І.* Да гісторыі аграрнага руху на Беларусі перад імперыялістычнай вайной. Мінск, 1932. 102 с.
4. *Шчарбакоў В. К.* Кастрычніцкая рэвалюцыя на Беларусі і беларуская акупацыя. Мінск : Беларус. дзярж. выд-ва, 1930. 127 с.
5. *Шабуня К. И.* Аграрный вопрос и крестьянское движение в Белоруссии в революции 1905–1907 гг. Минск : Изд-во М-ва высш., сред. спец. и проф. образования БССР, 1962. 434 с.

6. *Кожушков А. И.* Развитие капитализма в сельском хозяйстве Белоруссии во второй половине XIX века. Минск : Изд-во М-ва высш., сред. спец. и проф. образования БССР, 1963. 87 с.

7. *Липинский Л. П.* Развитие капитализма в сельском хозяйстве Белоруссии (II половина XIX в.). Минск : Наука и техника, 1971. 252 с.

8. *Панютич В. П.* Социально-экономическое развитие белорусской деревни в 1861–1900 гг. Минск : Навука і тэхніка, 1990. 373 с.

9. *Абезгауз З. Е.* Развитие промышленности и формирование пролетариата Белоруссии во второй половине XIX века. Минск : Наука и техника, 1971. 178 с.

10. *Абезгауз З. Е.* Рабочий класс Белоруссии в начале XX века (1900–1913 гг.). Минск : Наука и техника, 1977. 168 с.

11. *Болбас М. Ф.* Промышленность Белоруссии: 1860–1900. Минск : Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1978. 311 с.

12. *Михневич Л. М.* Торговля Белоруссии (1900–1970 гг.). Минск : Наука и техника, 1973. 222 с.

13. *Бейлькин Х. Ю.* Сельскохозяйственный рынок Белоруссии, 1861–1914 гг. Минск : Наука и техника, 1989. 286 с.

14. *Киштымов А.* Сирмунты: династия предпринимателей // Деловой вестник. 1994. № 9–10.

15. *Киштымов А. Л.* Добрушская бумажная фабрика: опыт социальной политики директора-распорядителя А. И. Стульгинского (80-е гг. XIX в. – 1915 г.) // Предпринимательство в Белоруссии. 2000. № 7. С. 29–31.

16. *Шыбека З. В., Шыбека С. Ф.* Минск : старонкі жыцця дарэвалюцыйнага горада. Минск : Польша, 1994. 341 с.

17. *Полетаева Н. И.* Купечество Беларуси: 60-е гг. XIX – начало XX в. Минск : Наука и техника, 2004. 247 с.

18. Обратный отсчёт. Графская пристань. Портрет неизвестной. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=1ESVBRg20Kw> (дата обращения: 06.10.2018); Справы Фамільныя. Каралі шкла. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=tMRI8Ze-5Y8&t=1053s> (дата обращения: 06.10.2018); Справы Фамільныя. Ударнікі капіталістычнай працы. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=N8g8ojOKuIM&t=831s> (дата звароту: 06.10.2018).

19. *Сехович В.* Первый машиностроитель Беларуси: от «нигилиста» до «белорусского Путилова» // Новости TUT. BY [Электронный ресурс]. 2017. 7 ноября. URL: <https://news.tut.by/economics/567417.html> (дата обращения: 06.10.2018); Сехович В. Кредиты и окорока: на чем зарабатывал миллионы в царской России внук финансового советника Костюшко // Новости TUT. BY [Электронный ресурс]. 2018. 7 февраля. URL: <https://news.tut.by/economics/579656.html> (дата обращения: 06.10.2018); Сехович В. Соломоновы миллионы: как первый бизнесмен-рейдер Беларуси создал и потерял свое состояние // Новости TUT. BY [Электронный ресурс]. 2018. 4 апреля. URL: <https://news.tut.by/economics/587287.html> (дата обращения: 06.10.2018).

**ПРОБЛЕМА ПУБЛИКАЦИИ
СФРАГИСТИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ. НА ПРИМЕРЕ
МНОГОПЕЧАТНЫХ ДОКУМЕНТОВ**

Искусство археографического издания – это ничто иное, как навыки подготовки эквивалентов исторических источников, которые как нельзя лучше замещают сами оригиналы в исследовательском процессе. Это очень не простое искусство, поскольку каждый источник кроме своего содержания имеет также форму, по которой историки также могут делать выводы и точная передача которой с помощью слов есть сложная процедура, если она вообще возможна¹.

То, что сказано выше, полностью касается письменных источников. Но ведь не только они используются историками. Специфические проблемы порождают издания звуковых материалов, транскрипция которых не решает проблемы, как и картографических и иконографических материалов. Хотел бы остановиться на последних, поскольку они касаются проблемы археографического издания печатей. Иконографические источники оперируют другим, нежели письменные источники, кодом, что означает следующее: все попытки «перевода» с одного кода в другой (то есть с иконографического, образного на описательный) заканчиваются, с одной стороны, потерей части информации, с другой, такой «перевод» сразу набрасывает определенную интерпретацию сообщения.

Сложность информационной структуры сфрагистического материала как источника является причиной большинства издательских проблем. Прежде всего, в записи информации, которая переносится через печати, использовали разные коды: естественный, который составлялся с иконографических знаков и условный, то есть разного рода надписи. Но это еще не все, поскольку определенное значение имеют размеры, формы печати, а также цвет воска, в котором выполнен оттиск, или шире – способ оттиска и прикреплении печати к документу². Все это собрание раз-

¹ J. Tandecki, K. Kopiński, *Edytorstwo źródeł historycznych*, Warszawa 2014, s. 13–15.

² M. Hlebionek, *O pieczęciach starosty generalnego Wielkopolski Adama Sędziwoja Czarnkowskiego*, «Archiwa.Kancelarie.Zbiory», nr 2 (4), 2011, s. 27–45; Idem, *Pieczęć jako obiekt archiwalny. Wybrane problemy*, w: *Toruńskie konfrontacje archiwalne*, t. II, *Teoria archiwalna wczoraj-dziś-jutro*, red. W. Chorążyczewski, A. Rosa, Toruń 2011,

ных форм кодирования информации должно найти свое отображение в археографическом издании. Попытки разрешить эти проблемы были и есть различные, составляя равнодействующую, учитывающую, с одной стороны, характер издания, а с другой – технические возможности, характерные для времени, в котором такое издание появлялось. Отдельным вопросом, касающимся археографических публикаций именно печатей, есть передача контекста функционирования печатей. В случае с древними печатями, известными в единичных экземплярах, это не составляет проблемы. Она появляется при исследовании печатей позднего Средневековья или Нового времени, когда оттиски, сделанные одной матрицей, могут выступать при документах разного рода, или вообще без документов (хотя бы как средство закрытия реликвий)¹, то есть в разных контекстах. В среде польских археографов сегодня определяющей является инструкция описания печатей, разработанная Международным советом архивов², модифицированная издателями таким образом, чтобы привести в соответствие со спецификой обработанного материала³. В свою очередь на Западе Европы, где присутствуют стабиль-

s. 311–315; Idem, Pieczęć jako system informacyjny. Przykład polskich pieczęci królewskich, «Сфрагистичний щорічник», Вип. III, Київ 2012, s. 173–189.

¹ M. Hlebionek, Okruchy dziejów. Archiwum parafii katedralnej św. Jana Chrzyciela i św. Jana Ewangelisty w Toruniu, w: Dzieje i skarby kościoła świętojańskiego w Toruniu, red. K. Kluczwajd, M. Woźniak, Toruń 2002, s. 423–424.

² Проект указаний: R.-H. Bautier, Projet de regles pour l'établissement de notices descriptives de sceaux, w: Diplomatica et sigillographica. Travaux preliminaires de la Commission international de la diplomatique et de la Commission international de sigillographie pour une normalisation international des éditions de documents et un vocabulaire international de la diplomatique et de la sigillographie. Folia caesarogustana, t. 1, Saragossa 1984, s. 97–109. Окончательная версия указаний: Vocabulaire international de la sigillographie, red. S. Rocci-Noe, Roma 1990, s. 19–34; см. также перевод этого словаря на польский, чешский, словацкий и венгерский языки (с терминами, в частности, на белорусском языке): Vocabularium internationale sigillographicum, red. K. Müller, L. Vrtel, M. Hlebionek, V. Keresztes, tłum. na j. pol. B. Jusypenko, oprac. M. Hlebionek, A. Baniecki, D. Bednarek, R. Forysiak-Wójcziński, J. Grabowski, P. Gut, P. Pokora, D. Żygadło, Bratislava 2016, s. 73–85.

³ См., напр.: Dokumenty strony polsko-litewskiej pokoju melneńskiego z 1422 roku, wyd. P. Nowak, P. Pokora, Poznań 2004, s.VIII; T. Kałuski, Pieczęcie cechów na ziemiach księstwa głogowskiego do połowy XIX wieku. Geneza i symbolika, Warszawa 2013, s. 115–117; I. Matejko, Książęta, pieczęcie i władza. Studium ze sfragistyki Piastów legnicko-brzeskich, Warszawa 2016, s. 97–98; Pieczęcie przy dokumentach Związku Pruskiego, wyd. M. Hlebionek, Toruń 2017, s. 47–48.

ные фундаменты сфрагистики и традиционные издательские методы, ищут способы передачи в публикации более полного контекста (контекстов) издаваемого материала¹.

Для большинства сфрагистов документ со многими печатями – это прежде всего капитальное собрание оттисков, относительно легких для исследования, поскольку они собраны в одном месте, но в то же время имеют сразу определенную хронологию и контекст. Одновременно все (вновь имею в виду здесь сфрагистов) интуитивно понимают этот достаточно часто встречаемый термин. Тем не менее, готовя данный текст, автор спросил нескольких коллег, как они понимают это. Полученные ответы составили целый спектр решений: от документа с двумя прикрепленными печатями до четко не определенного – «большое количество печатей». Поиск в литературе тоже не дал удовлетворительного ответа на вопрос, как следует понимать термин «документ с рядом печатей». Сами сфрагистические публикации не уточняют этого понятия², более того, имеет место синонимическое понятие совместного прикрепления печатей к документу (относительно документа совместно опечатаного)³, а в последнее время – документа, который многократно скреплялся печатями⁴. Эти два выражения представляют отображение западноевропейской терминологии, где определение «документ со многими печатями» либо не функционирует вообще, либо функционирует эпизодически, а описывается там скорее как явление многократного опечатывания (*scellage multiple* (fr), *multiple sealing* (eng)) или совместного опе-

¹ См. напр.: В. Marne -Kuühl, *Mittelalterliche Siegel der Urkundenfonds Mariental, Corpus sigillorum von Beständen des Staatsarchivs Wolfenbüttel*, Bd. 1, Quellen und Forschungen zur braunschweigischen Landesgeschichte, Bd. 42, Braunschweig 2006, ss 685; В. Klössel-Luckhardt, *Mittelalterliche Siegel des Urkundenfonds Walkenried, Corpus sigillorum von Beständen des Staatsarchivs Wolfenbüttel*, Bd 2, Veröffentlichungen der historischen Kommission für Niedersachsen und Bremen, Bd 288, Göttingen 2017, ss 877 и рецензия первой из работ, автором которой был Т. Дидерих (Т. Diederich); *Frische Brise für die Siegelforschung. Überlegungen zu einer neuartigen Siegelpublikation*, «Herold-Jahrbuch», NF, 13, 2008, s. 9–23.

² К сожалению, в публикациях, касающихся консервации архивных материалов, многопечатный документ выступает как антиномия однопечатного документа. *Zob. Zasady postępowania z materiałami archiwalnymi. Ochrona zasobu archiwalnego*, opr. M. Borowski, A. Czajka, A. Michaś, Warszawa 2011, s. 53.

³ М. Haisig, *Sfragistyka ogólna*, в: М. Gumowski, М. Haisig, S. Mikucki, *Sfragistyka*, Warszawa 1960, s. 99–101.

⁴ *Vocabularium*, s. 165, nr 66.

чатывания (Mitsiegelung)¹. Международный сфрагистический словарь ограничивается на этот счет определением понятия многократного опечатывания (совместное опечатывание), не фиксируя категории многопечатного документа². Этого термина не знает также Международный словарь дипломатики³. Оставляя в стороне детальное терминологическое размышление⁴, нужно подчеркнуть, что уже сама конструкция выражения «многопечатный» подсказывает, что под ним следует понимать что-то, снабженное очень большим количеством печатей. Что же это такое: большое количество печатей? Это сложно определить. Думаю, что точкой отсчета можно принять обычаи, существовавшие в конкретной эпохе, канцелярии или – шире, на данной территории. Потом имели бы мы здесь дело с особенной формой документа, со много-разовым опечатыванием, которые выходят за эти нормы. Давая себе отчет в том, что эти выше представленные объяснения понятия тоже не являются очень четкими, мне кажется, что дальнейшие попытки их более детального определения толкали бы нас в сторону расплывчатых размышлений: многопечатный документ – это документ с двумя, восьмью или двенадцатью печатями. Одновременно следует отметить, что не каждый пергаментный или бумажный документ, снабженный многими оттисками печати, должен быть многопечатным документом. Оговаривая явление многопечатности, автор известного учебника дипломатики Гарри Бресслау ссылается на пример епископского циркуляра, на котором некоторые священники ниже своих примечаний об ознакомлении с его содержанием, оставляли оттиски своих печатей⁵. С подобными документами встречаемся также в практике функционирования консисторов. Дело в том, что эти исполнительные примечания следует понимать как особые документы (имеющие декларативный характер), за-

¹ См. составление соответствующих терминов в: *Vocabularium*, s. 166, nr 66 zob. тоже: *Dictionnaire de sigillographie pratique*, ed. A. Chassant, P.-J. Delbarre, Paris 1860, s. 12; 125–127; W. Ewald, *Siegelkunde*, Munchen–Berlin 1914, s. 49–50.

² *Vocabularium*, s. 165, nr 66.

³ *Vocabulaire international de la diplomatie*, éd. M. Milagros Cárcel Ortí, València 1997, *passim*.

⁴ Представил его в выступлении под названием Многопечатный документ глазами сфрагиста. Избранные примеры, которое состоялось на конференции «Источник – источниковедение – вспомогательные исторические дисциплины», (Варшава, 9 марта 2018 г.)

⁵ H. Bresslau, *Handbuch der Urkundelehre für Deutschland und Italien*, 1. Bd, Leipzig 1889, s. 961–962, прим. 6.

веренные особенными оттисками печатей. В таком случае мы имели бы дело не с многопечатными документами, а с собранием документов «с одной печатью», написанных на одной странице. С таким явлением встречаемся время от времени также в других случаях (документы отпущения грехов имеют исполнительные примечания местного епископа с его печатью¹ или расширения [как правило позже] содержания документа, записанные на той самой странице и снабженные отдельной печатью)². Какое бы количество печатей при каждом документе не было, это не должно вести к сомнению в многопечатности.

Следствием принятия предлагаемого выше понимания многопечатного документа будет понимания такой категории дипломов, которые выходят за определенные нормы, как что-то необычное: сфрагистическо-дипломатический феномен.

Фактически в этом нет ничего нового, поскольку документы, снабженные необычайным количеством печатей уже инвентари средневековых архивов называли понятием особенных (*notabilis*) или достойных восхищения (*mirabilis*)³. Такой подход несет с собой некоторые следствия. С исследовательской точки зрения этот феномен может иметь больше чем один «уровень»: явления многопечатных документов вообще, но и, как уже отмечали, феноменом будет каждый единичный многопечатный документ, что уже составляет его уникальность, иногда очень далеко идущую.

С археографической точки зрения к проблемам, связанным с публикацией отдельных оттисков, относится необходимость передачи в публикации специфики многопечатного документа. Ниже остановлюсь на проблемах, с которыми столкнулся, работая над подготовкой издания многопечатных документов польско-литовской стороны и крестоносцев мирного договора 1435 г. и эрекционных Прусского Союза 1440 г. Они выбраны намеренно, поскольку представляют два совершенно разных подхода к проблеме издания источников этого типа. В случае с брестским трактатом, кроме сфрагистических материалов, в публикации бу-

¹ Zob. np. Archiwum Państwowe w Toruniu, Kościół Najświętszej Maryi Panny, sygn. 1 [1476];

Klasztor benedyktynek toruńskich, sygn. 16 [1498].

² См., напр.: Archiwum Państwowe w Bydgoszczy, Klasztor kanoników regularnych w Trzemesznie, sygn. 53.

³ O. Guyotjeannin, «Capito sigilli». Note sur le sceau de majeste du roi d France Chalres V, в: La justice royale et la parlement de Paris (XIV–XVII siècle), ed. Y.-M. Berce, A. Soman, Paris 1995 (= Bibliothéque l'Ecole des Chartres, t. 153), s. 450.

дут также критически изданные тексты самих документов. В случае эрекционного акта Прусского Союза сконцентрировано внимание на издании печатей, без текстов самого документа.

Оба подхода имеют свои плюсы и минусы. Первый позволяет создание полного эквивалента источника как целостности. Второй делает возможным концентрирование на его сфрагистическом аспекте и проведение углубленного исследования над ним.

Документы брестского мира. Группа многопечатных документов мирных договоров, подписанных Польшей, Великим Княжеством Литовским и Орденом Крестоносцев, есть специфическим собранием. Об этом говорит количество таких документов, произведенных теми самыми канцеляриями на протяжении короткого промежутка времени. Анализируя собрания этих документов, нужно помнить, что они являются результатом договоренностей между сторонами трактата, что де факто было причиной того, что письменные материалы дают отображение «перекрещивания» обычаев, общих для обеих канцелярий¹.

Мир, подписанный в Бресте Куявском 31 декабря 1435 г., положил конец конфликту между Польшей, Литвой и Орденом Крестоносцев, начавшемуся в 1431 г.² В Бресте переговорщики с обеих сторон кон-

¹ Дипломатически-сфрагистическая проблема, связанная с мирными трактатами, которые подписывали между собой Польша, Литва и Орден Крестоносцев, имеет огромную литературу. С нашей точки зрения к наиболее важным работам следует отнести: M. Grzegorz, *Analiza dyplomatyczno-sfragistyczna dokumentów traktatu toruńskiego 1466 r.*, Toruń 1970; K. Neitmann, *Die Staatsverträge des Deutschen Ordens in Preußen 1230–1449. Studien zur Diplomatie eines spätmittelalterlichen deutschen Territorialstaates*, Köln–Wien 1986; P. Nowak, *Pieczenie przy polskim dokumencie wstepnym pokoju toruńskiego z 1466*, «Roczniki Historyczne», t. 67, 2001; Idem, *Dokumenty pokoju w Raciążku 1404 r.*, «Studia Źródłoznawcze», t. 40, 2002, s. 57 i n; idem, *Dokumenty II pokoju toruńskiego z 1466 roku*, «Studia Źródłoznawcze», t. 43, 2005; A. Szweđa, *Organizacja i technika dyplomacji polskiej w stosunkach z zakonem krzyżackim w Prusach w latach 1386–1454*, Toruń 2009; Idem, *Uwagi o dokumentach rozejmowych i pokojowych z okresu wojny 1409–1411*, «Zapiski Historyczne», t. 75, 2010, z. 2.

² Этот конфликт синтетически представил: M. Biskup, *Wojny Polski z Zakonem Krzyżackim (1308–1521)*, Gdańsk 1993, s. 143–199; ср. также: A. Lewicki, *Powstanie Świdrygiełły. Ustęp z dziejów unii Litwy z Koroną*, Kraków 1892; J. Matusas, *Švitrigaila Lietuvos didysis kunigaikštis*, Kaunas 1938 (wyd. II – Vilnius 1991), s. 34–146; C. A. Lückcrath, *Paul von Rusdorf. Hochmeister des Deutschen Ordens 1422–1441*, Bad Godesberg 1969, s. 123–133, 146–164; M. Biskup, *Polityka zewnętrzna*

фликта представили вступительные документы, в то же время подготовка главных документов продолжалась несколько месяцев. Приложение печатей к документу польско-литовской стороны имело место во время общего съезда в Серадзе 4 марта 1436 г., аналогичная процедура со стороны Ордена продолжалась дольше; известно, что еще в мае 1436 г. не было всех нужных печатей. Обмен главными документами окончательно наступил 1 августа 1436 г. в Торуни¹.

Сберегаемый в *Deutschordens-Zentralarchiv* в Вене² главный документ мирного соглашения, представленный польско-литовской стороной, имеет шитую форму, ребро которого сформировано по образцу рулона, обвязанного связками печатей, которые протянуты через круглые отверстия, вырезанные на страницах в одном ряду, вдоль его края. Следует подчеркнуть, что это было первое употребление такой формы документа в польско-крестоносных трактатах, а все предыдущие имели образец пергаментной страницы.

Связки, на которых привешивались печати, были тонкие и напоминали скорее всего грубые нити, которые не были сплетены в форме шнуров. Согласно нотариальным описям главного документа, содержащихся в трансумпах, они имели белый, красный, черный цвета³. Сегодня они поблекли или запачканы настолько, что практически все их можно оценить как разные оттенки бронзового. Следует подчеркнуть, что в период после архивирования диплома отдельные связки пытались укрепить, дополнительно переплетая черными и белыми нитками⁴. Встречаются случаи повторного подвязывания оттисков, которые отвалились от документа, к концам связок других печатей. Форма шнуров, а может быть также позднейшее действия консерваторов, привели к сильному переплетению связок, и попытка отобразить не только поочередность привешивания отдельных печатей, но и определить их первоначальное количество, фактически невозможно.

zакonu krzyżackiego, w: Państwo zakonu krzyżackiego w Prusach. Władza i społeczeństwo, red. M. Biskup, R. Czaja, Warszawa 2008, s. 244–250.

¹ A. Szweda, Dokumenty pokoju brzeskiego z 31 grudnia 1435 r. – wprowadzenie do tematu, w: Pabaisko mūšis ir jo epocha: straipsnių rinkinys, Vilnius 2017, s. 76–78.

² Wiedeń, *Deutschordenszentralarchiv*, Urkunden, nr 3359.

³ *Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz*, Urkunden, Schiebl. 66, nr 14.

⁴ M. Hlebionek, A. Szweda, *Die Urkunden des Friedens von Brest und ihre Bedeutung für die Siegelkunde und Heraldik – editorische Herausforderungen*, w: *Die Geschichte im Bild. Editions-wissenschaftliches Kolloquium 2015*, hrsg. von H. Flachenecker, K. Kopyński, J. Tandecki, Toruń 2016, s. 87.

Текст документа напоминает о 209 гарантах, которые должны прикрепить печати к диплому. Из них 207 (в том числе выставители) находятся в списке гарантов. Два остальных лица появляются в формуле *datum per manus*. Отсюда выходит, что при акте должны находиться королевская печать, принадлежавшая Владиславу Варненчику, печать великого князя Литовского Сигизмунда и его сына Михала, 3 печати других князей из дома Ольгердовичей, 4 печати мазовецких князей, одна печать князя слупского, 10 печатей представителей епископата, 8 печатей городских и 180 печатей представителей рыцарства. Два из трех известных трансумпта крестоносцев интересующего нас документа не дает точного количества находящихся при них печатей. Первый, выставленный в 1453 г., оценивает их количество как более 200, а следующий, от 1508 г., вообще не вспоминает этого вопроса. Только третий из них, написанный в 1463 г., информирует, что при акте находится 206 оттисков¹. Приняв во внимание возможность уничтожения трех печатей, либо ошибки нотариуса, который пересчитывал оттиски, можно полагать, что начальное количество печатей приблизительно соответствовало количеству гарантов. Следует отметить, что учитывая значительные различия между списком гарантов и сопоставлением распорядителей, которые действительно оставляли свои оттиски на документе, нет уверенности в том, что документ действительно был удостоверен всеми номинальными гарантами. На сегодня сохранились всего 182 оттиски печатей правителей, епископата, рыцарства и городов.

При главном документе, исключая королевскую печать и печати епископата, оттиски были исполнены в натуральном воске с разными оттенками: от коричневого до ясно желтого. Как кажется, печати рыцарства не были оттеснены в шаре воска в печатной миске как подкладки, но непосредственно на куске воска, нижняя часть и края которой позже хранили таким образом полученный оттиск. В случае огромного, как в польских условиях, собрания оттисков печатей при главном документе появляется проблема распознавания очередности привешивания печатей и методики первичной структуризации их собрания. Выше уже указано на действия консерваторов, которые определенно усложняют воссоздание поочередности привешивания печатей. Осмотр диплома позволяет все-таки говорить о существовании общей закономерности. Итак, сохраненные при документе печати правителей и епископата находятся в центре, окружены печатями рыцарства и низшего духовенст-

¹ A. Szweđa, Dokumenty pokoju brzeskiego, s. 76–78.

ва, а наиболее крайние места (слева) занимают печати городских гарантов. Основываясь на этом наблюдении, можно принять гипотезу, согласно которой печати наиважнейших лиц привешивали при нашем документе посередине сшитого ребра. Затем центральное место займет, наверное, королевская печать, окруженная с обеих сторон княжескими печатями; позже, к обоим краям страницы наступали оттиски епископских, рыцарских и печатей низшего духовенства, и в конце концов городских печатей (наверное только с одной стороны акта). Предложенная выше реконструкция есть только гипотетическая. Анализ следов воска, оставшегося на оттисках, может указывать на то, что документ сперва был опечатан представителями городов и рыцарства, а только потом к нему были привешены печати, оттесненные в красном воске. К такой мысли подталкивают следы красного воска, оставленные на оттиске печати города Варшавы. Принимая эту гипотезу, можем допустить, что оттиски епископских и королевской печатей, как наиболее важных, завершали целый процесс удостоверения акта.

Также форму прошитого документа имеет главный орденский документ, который находится в Главном архиве древних актов¹. Печати прикреплены к нему шелковыми связками разных цветов, прошивающие в четыре ряда широкий край с левой стороны прошитого документа. Часть из них осталась сплетенной в шнуры, другая – нет, будучи фактически связками нитей. Похоже, как в случае с документом польско-литовской стороны, связки печатей настолько запутаны, что детальная реконструкция очередности прикрепления печатей кажется невозможной².

Перечень гарантов находится в документе и насчитывает 214 персон. Известно, что документ должен был быть скреплен печатью великого магистра, 27 высоких должностных лиц ордена, как центральных, так и прусских и инфлянских, 21 командора (14 прусских и 7 инфлянских), 10 войтов, двух администраторов, 13 вицекомандоров (домашних командоров) и 6 епископов с капитулами их кафедр. Кроме духовенства и должностных лиц печати к документу прикрепили 120 представителей рыцарства и 8 городов. На сегодняшний день сохранилось при нем в сумме 159 оттисков и одна мисочка для печати.

При документе стороны крестоносцев видно значительно большее различие цвета воска, чем при документах польско-литовской стороны.

¹ Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie, Zbiór dokumentów pergaminowych, sygn. 1011.

² М. Хебйонек, А. Шведда, *Die Urkunden*, s. 88–89.

Для оттисков использован воск в красном, зеленом, черном, естественных цветах. Существенное различие также есть в цветах связок нитей, которые приготовлены в красном, зеленом, голубом и белом цветах. Анализ категорий диспенентов печатей и приписанных им цветов воска показывают, что это было преднамеренное действие, которое имело целью четкое определение принадлежности диспенента к конкретной группе гарантов и подчеркивало этим статус в данной группе¹. Кажется, на это указывает письмо Великого Магистра к прусским городам с рекомендацией доставить на конкретный день в Мальборк печатные матрицы вместе с приготовленными нитями зеленого цвета для их прикреплени². Заканчивая, следует подчеркнуть, что сегодняшнее состояние актов указывает на то, что документ стороны крестоносцев был подготовлен более тщательно. Там встречаемся не только с оттисками печатей в восковой массе, из которой сформирована мисочка, но и видим, что сами оттиски исполнены более четко, в то время как при польском документе имеются нечеткие оттиски полей легенды, а иногда и даже поля печати.

Поскольку оба документа издаются вместе, одной из важных издательских проблем, с которой мы столкнулись, готовя их публикацию, был выбор формы. Как правило издатели печатей руководствуются или

¹ В красном воске были сделаны оттиски печатей представителей епископата и высших чиновников ордена. Печати локальных чиновников крестоносцев сделаны в воске естественного цвета или черного. К тому же печати епископов как и крестоносцев привешены к акту на шнурочках красного цвета. На шнурочках этого цвета привесили также печати капитул, хотя эти печати сделаны с воска разных цветов (зеленого, черного, естественного) за исключением красного. Печати рыцарей, оттиснутые главным образом в черном воске, но также и в естественном, были привешены на зеленых, голубых или белых шнурках. Наконец, городские печати, оттиснутые в зеленом воске или естественном, последовательно привешивали на зеленых шнурочках. M. Hlebionek, A. Szweda, *Die Urkunden*, s. 89.

² A. Szweda, *Dokumenty pokoju brzeskiego*, s. 74. С очень похожей структуризацией собрания печатей с помощью цвета воска встречаемся в случае документа крестоносцев – Меленьского договора: W. Ewald, *Siegelkunde*, s. 158; M. Haisig, *Sfragistyka ogólna*, s. 139. K. Neitmann, *Die Staatsverträge*, s. 264, который подчеркивает, однако, что не следует видеть в этом правила. Недавно: M. Hlebionek, *Uwagi o pieczęciach przy dokumentach II pokoju toruńskiego*, w: *Toruń miastem pokoju. II pokój toruński*, pod red. P. Olińskiego, W. Rozynkowskiego, Toruń 2016, s. 76; *Pieczęcie przy dokumentach Związku Pruskiego. Akt erekcyjny i dokumenty akcesyjne*, wyd. M. Hlebionek, Toruń 2017, s. 39.

поочередностью прикрепления печатей к документу, или списком свидетелей¹. В обоих документах следы первичной структуризации собрания оттисков, выполненной их экспонентом, читабельные. Это стало возможным посредством разнообразия цветов воска, а также цветов связок нитей, характерных для той или иной категории диспонентов, о чем выше упоминалось. Несмотря на это, использование первого метода оказалось невозможным из-за переплетения связок нитей, что делало невозможным воспроизведение поочередности привешивания конкретных печатей. Ссылки на поочередность представленных персон в письме гарантов в случае с документом польско-литовской стороны были невозможны, а в случае документа крестоносцев значительно усложнены посредством факта частого присутствия печатей тех, которые не вспоминаются среди гарантов. Поэтому пришлось отказаться от полной реконструкции первичной очередности прикрепления и использования штучной системы. Конечно, идеальным было бы, если он был однородным во всем издании и можно было бы его использовать как для печатей гарантов польско-литовской стороны, так и крестоносцев. Препятствовала этому иная социальная структура властей, которые были сторонами трактата. К одному и другому документу печати привешивали представители епископата, рыцарства и городов. Но уже печати князей встречаем только при документе польско-литовской стороны. Специфическими для диплома крестоносцев есть печати должностных лиц (или, лучше сказать, представителей администраций) ордена и кафедральных капитулов. Окончательно размещение каталожных примечаний в публикации будет соотноситься с рангом диспонента: для польско-литовского документа – от королевской печати, через княжеские, епископские, духовенства, рыцарские, до городских; для документа крестоносцев – от епископских печатей, через капитульные, должностных лиц Ордена, рыцарские, по городские. Только в границах каждой группы диспонентов использована система, которая соответствовала поочередности вписывания их в списке гарантов. Исключение составляют рыцарские печати, уложенные соответственно принадлежности к геральдическим родам, с неидентифицированными в конце эмблемами, и в алфавитном порядке в рамках отдельных гербов.

Выше отмечалась проблема частого появления печатей лиц, которых нет среди гарантов. Как своего рода курьез можно привести пример использования печати Андрея из Кокожина, ректора Ягеллонского уни-

¹ См., напр.: *Dokumenty strony polsko-litewskiej pokoju melneńskiego, passim.*

верситета и канцлера королевы Ельжбеты Грановской и казначея Софии Гольшанской, который умер в 1435 г., еще перед заключением брестского мира. Затем его печати должны были использовать третье лица, но состояние знания генеалогических или другого вида связей гарантов трактата делает невозможным определение того, кто мог ими распоряжаться. Наверное, здесь имеем дело с наследованием печати. Имеется подобный случай другого гаранта Пьотра из Бнина, который использовал печать умершего брата Войцеха. Унаследованные печати появляются также при документе крестоносцев, где они легко уловимы. Рыцарь из хелмской земли Августин из Шевна использовал матрицу печати, которую наследовал по отцу Яську¹. Также наследованную печать использовал непосвященный рыцарь Ян из Мгова (von Logendorf)². Можно предположить, что печать отца Ян использовал до конца жизни. Печать отца, Якуба, использовал также Ян Щиборовиц из Кацка. Что интересно, это была одна из двух, унаследованных им от отца, печатей. Другую он использовал в 1440 г. для скрепления ею акта присоединения к Прусскому Союзу³.

Значительная часть печатей, ввиду состояния сохранности легенд, остаются анонимными, что делает невозможным привязывание в конкретным лицам, а те, легенды к которым удалось прочитать, принадлежат к представителям мелкого рыцарства, о котором можно сказать немного. Встречаемся, наконец, с многократным привешиванием оттисков

¹ A. Hryniewicz, Oblicza dziewiętnastowiecznego kolekcjonerstwa sfragistycznego na przykładzie losów pieczęci z aktu rozejmu łęczyckiego, *Rocznik sztuki śląskiej*, t. 22, 2013, s. 143, przyp. 11. Касательно родства между Августом и Яском, см.: K. Bruski, *Lokalne elity rycerstwa na Pomorzu Gdańskim w okresie panowania zakonu krzyżackiego. Studium prozopograficzne*, Gdańsk 2002, s. 237.

² О генеалогии Мговского, см.: *Związek Pruski i poddanie się Prus Polsce. Zbiór tekstów źródłowych*, pod red. K. Górskiego, Poznań 1949 (далее цит. K. Górski, *Związek Pruski*), s. 239, прим. 18; A. Hryniewicz, *Oblicza*, s. 143, прим. 12. Ян с Мгова упоминается в тестах документа брестского мира и эрекционного акта Прусского Союза (zob. B. Engel, *Die mittelalterlichen Siegel des Thorner Ratharchives*, 2 Theil, *Privatsiegel mit Ausschluss der rein polnischen*, Thorn 1895, s. 19, Taf. III, nr 210; *Pieczęcie przy dokumentach Związku Pruskiego*, s. 86, nr 16 как рыцарь не посвященный. Тем не менее в легенде его печати есть определение Негг, могущее указывать на посвященного рыцаря. Поскольку отцом нашего Яна был Януш Логендорф, посвященный рыцарь (см.: *Związek Pruski*, s. 239, прим. 18) нужно принять, что к опечатыванию обоих дипломов Януш использовал печать отца.

³ *Pieczęcie przy dokumentach Związku Pruskiego*, s. 222, nr 77.

печатей лиц, которые достаточно хорошо засвидетельствованы в источниках. Указываю на них дважды, в случае Пьотра Корчбока, а в случае Винцента Швидвы с Шамопул даже трехкратно оттиснута печать под документом. В этом случае именно общественная позиция их номинального диспонента сделала невозможным четкое указание, кому именно они одолжены. Эти проблемы, которые появляются вследствие использования чужих печатей, есть, как мне кажется, специфическими для многопечатных документов. В случае дипломов, имеющих меньшее количество оттисков, существенно легче приписать их к конкретному выставителю либо свидетелю.

Выше упоминаемое явление использования печатей мелкого рыцарства приводит к тому, что на печатях часто встречаемся с разнообразием гербов, которых не было раньше. То, что касается печатей прусского рыцарства, об этом пойдет речь ниже. Здесь же акцентирую внимание лишь на те, которые относятся к кругу польской геральдики. На печати, принадлежавшей мазовецкому рыцарю Сасину из Лелек, в щите помещена эмблема, которая являет собой соединение гербов Правджиц и Заремба. Только изучение его генеалогии позволило определить, что его потомки печатались Правджицем.

С этой проблематикой связаны вопросы описания печатей, сохранившихся частично. Как правило в таком случае описывается сохранившийся фрагмент (фрагменты), а для описания всей печати делается отсылка к литературе, которая зафиксировала лучше сохранившиеся экземпляры. Спецификой значительного количества печатей, находящихся при интересующих нас документах есть факт, что это – уникальные экземпляры. Это касается особенно рыцарских печатей.

Документы Прусского Союза. Идея созыва конфедерации городов и рыцарства Крестоносной Пруссии, именуемого позднее Прусским Союзом, родилась около 1438 г. Тогда, против злоупотреблений со стороны властей ордена, представители хелмской земли предьявили поступат созыва на государственном уровне сословной организации¹. Эта идея была реализована два года спустя на сословном съезде, состояв-

¹ К. Górski, Związek Pruski, s. XXX–XXXV; M. Biskup, Jan Cegenberg współtwórca Związku Pruskiego (ok. 1390–1456), «Zapiski Towarzystwa Naukowego w Toruniu», t. 15, 1949, z. 1–2, s. 95; Idem, Gdańsk w antykrzyżackiej opozycji stanów pruskich, w: Historia Gdańska, Gdańsk 1978, s. 581; По мнению М. Гжегожа некоторые из малых городов Померании получили тогда от властей крестоносцев запрет на участие в квидзинском съезде, см.: М. Grzegorz, Pomorze Gdańskie pod rządami Zakonu Krzyżackiego 1308–1466. Bydgoszcz 1997, s. 226.

шемся 13 марта 1440 г. в Квидзине. Власти крестоносцев видели в Прусском Союзе, соединяющем сословную оппозицию, опасность для государства Ордена. Поэтому следующие великие магистры предпринимали попытки раскола организации¹, что в конечном счете привело к ее повороту в сторону Польши. В марте 1454 г. представители Союза представили королю Казимежу Ягеллончику документ, который официально подтвердил вхождение под его власть (6 марта 1454 г.), а король представил акт, которым инкорпорировал Пруссию. Начался затянувшийся военный конфликт, связанный с тринадцатилетней войной, продолжавшейся до 1466 г.²

На квидзинском съезде принят также образец документа присоединения, предназначенного для городов и рыцарства, которые по каким-то причинам не могли опечатать главного документа, но хотели присоединиться к Союзу³. Сам эрекционный документ, как и позднейшие документы присоединения к конференции, были подготовлены в двух экземплярах. По мнению Ирены Янош-Вискуповой, это имело целью защитить документ от потери или уничтожения⁴. Таким образом,

¹ E. Lüdicke, Rechtskampf des deutschen Ordens gegen den Bund der preussischen Stände, «Altpreussische Forschungen», 12 Jg., 1935, s. 22nn; 173nn; K. Górski, Związek Pruski, s. XLVII–LVIII; M. Biskup, Walka o zjednoczenie Pomorza Wschodniego z Polską w połowie XVw., в: Pomorze średniowieczne, red. G. Labuda, Warszawa 1958, s. 345; Idem, Trzynastoletnia wojna z Zakonem Krzyżackim 1454–1466, Warszawa 1967, s. 36; Idem, Gdańsk, s. 589–600; Idem, Der preussische Bund 1440–1454 – Genesis, Struktur, Tätigkeit und Bedeutung in der Geschichte Preussens und Polen, в: Hansische Studien, Bd. III, Bürgertum – Handelskapital – Städtebünde, Weimar 1975, s. 221–225; M. Biskup, G. Labuda, Dzieje Zakonu Krzyżackiego w Prusach, Warszawa 1986, s. 400–401; M. Grzegorz, Pomorze Gdańskie, s. 230–231.

² K. Górski, Związek Pruski, s. LVIII nn; M. Biskup, Trzynastoletnia wojna, s. 37–40; Idem, Gdańsk, s. 600nn; Idem, Der preussische Bund, s. 225; M. Biskup, G. Labuda, Dzieje Zakonu, s. 404nn.

³ Acten der Ständetage Preussens unter der Herrschaft des Deutschen Ordens (dalej cyt.: AST), Bd. II, hrsg. von. M. Toeppen, Leipzig 1880, nr 107, s. 169; P. Oliński, Droga do założenia Związku Pruskiego w Kwidzynie w 1440 r. в: Związek Pruski. Działo się w Kwidzynie w 1440r. Kwidzyn 2016, s. 19; Действительно, того дня задекларировали свое вступление в Союз в Гданьске Тчев и Старогард Гданьский, и на месте соответствующий документ представили Старинный Город Гданьск, Гнев, Хель, Леба, Лемборк, Нове и Пуцк, смотр. M. Biskup: Gdańsk, s. 581.

⁴ I. Janosz-Biskupowa, Archiwum Ziem Pruskich. Studium archiwoznawcze. Warszawa 1974, s. 81.

созданные два комплекта документов очутились в архивах Торуня и Ельблонга. В настоящее время в торуньском собрании, хранящемся в Торуньском архиве, находится экземпляр эрекционного акта Союза и двадцать один акцессионный документ¹. Ельблонское собрание, хранящееся в Государственном архиве в Гданьске, кроме эрекционного документа содержит девятнадцать акцессионных документов². К обоим эрекционным документам привешено семьдесят две печати³. Сохранность печатей в обоих экземплярах достаточно разная. При «торуньском» эрекционном документе находятся исключительно рыцарские печати (42 оттиска) и остатки двух городских печатей. При «ельблонском» экземпляре значительно лучше сохранилась группа городских печатей, насчитывающаяся 14 штук и 28 рыцарских печатей.

Документы Прусского Союза издавна представляли интерес для исследователей⁴. Несколько позже внимание историков начали привлекать находившиеся при документах печати, хотя уже в XVII в. исследователь истории Пруссии Кшиштоф Гарткнох обратил внимание на неслыханное среди торуньских городских архивных материалов количество оттисков, заверявших эрекционный документ Прусского Союза⁵. С развитием геральдических и сфрагистических исследований в XIX в. интерес к этому большому собранию оттисков возрос, а значительная их часть дождалась издания в форме прорисей⁶.

¹ Archiwum Państwowe w Toruniu, Akta miasta Torunia, katalog I, 952.

² Archiwum Państwowe w Gdańsku, Kolekcja dokumentów elbląskich, sygn. VI/1.

³ AST, II, s. 171; IV, s. 324. смотр. также: Archiwum miasta Elbląga. Przewodnik po zespołach 1242–1945., opr. J. Czaplicka, W. Klesińska, Warszawa 1970, s. 69; I. Janosz Biskupowa, Archiwum, s. 138nn

⁴ D. Runau, Historia und Beschreibung des 13 jährigen Krieges in Preussen von 1454 bis 66, Wittembergae 1582 (non vidi); C. Schütz, Historia rerum Prussicarum, Grosse 1599, k. 140–141; K. Górski, Związek Pruski, s. 6nn (там же информация о ранних изданиях); 119nn.

⁵ C. Hartknoch, Alt- und Neues Preussen, oder Preussischer Historien zwey Theile, in derer erstem von desz Landes vorjähriger Gelegenheit und Nahmen... In dem andern aber von desz Teutschen Ordens Ursprung, desselben, wie auch der nachfolgenden Herschafft... mit sonderbahren Fleisz zusammen getragen, Franckfurt am Mayn – Leipzig 1684, s. 312.

⁶ F. A. Vossberg, Münzen und Siegel der preussischen Staedte Danzig, Elbing Thorn, so wie Herzogen der Herzoege der Pommerellen. Berlin 1841; Idem, Geschichte der preussischen Münzen und Siegel von frühester Zeit bis zum Ende der Herrschaft des Deutschen Ordens. Berlin 1843; Idem, Münzgeschichte der Stadt Dan-

Казалось бы, что такой хорошо известный материал не должен породить больших проблем археографического характера. Начало систематических работ, ведущих к публикации, показало, однако, что подготовка их современного археографического издания есть своего рода вызов. Это проистекает, с одной стороны, из принятого очевидного принципа, что издание должно составлять эквивалент оригинального источника. С другой стороны, следует помнить, что оттиск печати, кроме того, что он есть самостоятельной формой трансмиссии информации, составляет элемент большей целостности – документа, который должен был заверять. И именно тот документ, во всей своей сложности, творил контекст, в котором выступает конкретный оттиск. К тому же в случае с документами Прусского Союза мы имеем дело с редкой для польского средневековья ситуацией сосуществования большого количества идентичных и заверенных теми самыми диспонентами оригиналов документов, творящих два отдельных, взаимодополняющих в сфрагистическом аспекте собрания.

Похоже, как в случае с документами трактата, следует начать с определения структуры издания. Было несколько возможностей. Наверное более очевидным, использованным также в предыдущих публикациях интересующего нас материала, была бы схема издания согласно владельцев печати. Она, однако, стирала бы связи между печатями и документами, с которыми они связаны. Поэтому избрано было другое решение: разделить издание на два собрания – существующих и не существ-

zig. Berlin 1852; O. Hupp, Wappen und Siegel der deutschen Städte, Flecken und Dörfer. Hft. I, Ostpreußen, Westpreußen und Brandenburg. Frankfurt a./Main, 1896; M. Gumowski, Herb i pieczęcie, w: Gdańsk. Przeszłość i terażniejszość, Lwów 1928; Idem, Herb i pieczęcie miasta Torunia, w: Dzieje Torunia. Praca zbiorowa z okazji 700-lecia miasta, Toruń 1933; Idem, Najstarsze pieczęcie miast polskich XIII i XIVw., Toruń 1960; Idem, Pieczęcie i herby miast pomorskich. Toruń 1939; Idem, Pieczęcie miasta Grudziądza, «Rocznik Grudziądzki», t. II, 1961; Idem, Handbuch der polnischen Siegelkunde. Graz 1966; B. Engel, Die mittelalterlichen Siegel des Thorner Rathsarchives. 2 Theil, Privatsiegel mit Ausschluss der rein polnischen. Thorn 1895 (далее цит. B. Engel, Privatsiegel) [См. также оценку достижений Б. Энгеля, представленную в работе: Możejko Beata: Stan badań nad sfragistyką Pomorza Gdańskiego w średniowieczu, w: Pieczęcie w dawnej Rzeczpospolitej. Warszawa 2006, s. 225nn]; G.A. von Mülverstedt, Der abgestorbene Adel der Provinz Preussen. Nürnberg 1874; Idem, Nachträge zu Vossberg's Geschichte der Preussischen Siegel, «Zeitschrift des Historisches Verein für den Regierungbezierk Marienwerder», VI. Hft, 1882, Idem, Zur mittelalterlichen Orts- und Adelskunde Westpreussens, «Zeitschrift des Historischen Vereins für den Regierung-Bezierk Marienwerder», Hft XXXIV, 1896.

вующих печатей. В обоих случаях, чтобы сберечь и подчеркнуть отношения оттисков и документов, принято решение ориентироваться на их внутреннюю систематизацию согласно документов, с которыми они связаны. Датирование дипломов избрано элементом, который упорядочивает примечания. Документ таким образом стал ключевой целостностью, группирующей описи сопровождающих его печатей. В границах отдельных документов пытались описям печатей придать систему, соответствующую поочередности привешивания оттисков к дипломам. Вопрос привешивания печатей к главным документам оказался достаточно сложным, поскольку два или три оттиски печати привешены были на одном пергаментном ремне. К тому же очередность печатей не сохранена¹. Например, в списке свидетелей отсутствует Ежи Спырова из Дылева, печать которого была привешена к акту². Это отсутствие последовательности привело к тому, что упорядочивая в рамках издания печати, привешенные к идентичным документам, следовало бы принять в некоторой степени арбитражную систематику, которая, однако, находила бы отображение в самом источнике. Отсюда и отсылка к общему для обоих экземпляров списку свидетелей/гарантов акта. Более того, с целью иллюстрирования различий в привешивании печатей, описи от-

¹ J. A. Kries, *Memoria saecularis diei quo ante hos trecentos annos Prussia excusso tyrannidis cruciferorum iugo in libertatem sese vindicatum ivit ac deinde sub serenissimorum augustissimorumque Poloniae regum imperium ac tutelam concessit regnante feliciter serenissimo ac potentissimo Augusto III*, Erscheinungsort: Thoruni Erscheinungsjahr: 1754, k. C2, przym. c). Zob. też AST, II, s. 174–175, прим. 1, где приведены суждения Крисса.

² Таких мелких непоследовательностей есть больше. На *торунском* экземпляре печать Петраша из Гардын, представителя острудского округа, была привешена среди печатей представителей хелминьской земли, и оттиск печати Оттона Страубэ из Рыну, также из острудского округа, находится на первом ремешке третьего ряда, закрывая собрание рыцарских печатей. При *гданьском* экземпляре, который находится на оторванном пергаментном ремешке, сохраняется вместе с документом, печати Ежи из Джвежина и Мачея из Гунтув были оттиснуты рядом, хотя в тестации имена, а при *торунском* экземпляре оттиски печатей, тех рыцарей разделяет соответственно фамилия и оттиск печати Якуша из Трумей. Аналогичное смещение находим в последовательности привешивания городских печатей при *торунском* экземпляре, где печать Крулевца-Липника была привешена там, где согласно тестации должен находиться оттиск печати Гданьска, и печать Книпавы, занимает место, где согласно списка свидетелей должна находиться печать Нового Города Торуня. Сравни. АРТ, АмТ, kat. I, sygn. 952; АРГ, Kolekcja dokumentów elbląskich, VI/1.

тисков с документов, заверенных более чем одной печатью, представлены таблицы, в которых мы попытались отобразить поочередность приложения печатей каждого экземпляра данного диплома. Таблицы указывают одновременно разницу в состоянии сбережения оттисков при отдельных документах. Как уже выше сказано, отдельно рассмотрены несохранившиеся печати. Информация о них размещена в конце издания с упрощенным описанием, но всегда с указанием документа, с которым они были связаны. Основу для определения типов, не существующих экземпляров, составляли сохранившиеся следы оттисков, информация о времени, когда эти оттиски еще существовали, реконструированы – опираясь на письменные источники – общие принципы опечатывания акта, и наконец, данные хронологии печатей конкретных диспонентов. Суммарно в каталоге собрана информация о тринадцати типах печатей, оттиски которых находились при эрекционных документах, но не сохранились до нынешних времен. Нужно было обдумать способ издания отдельных сохранившихся экземпляров печатей. Такая потребность вытекала из того, что в приготавливаемом к публикации собрании отдельные документы, и соответственно вислые на них печати, были сделаны в более чем одном экземпляре. Появился соответственно вопрос, нужно ли в издании давать детальные описания всех сохранившихся оттисков, или только описи типов печатей, сфрагистический аналог лахмановского архетипа, который встречается в собрании. Оба метода имеют свои недостатки и преимущества. Издание отдельных оттисков позволило бы четко передать черты каждого памятника, что, однако, приведет к переизбытку данных. С другой стороны, издание типов печатей позволяет избежать дублирования описей, при риске потери информации, специфической для каждого экземпляра. Анализ собрания показал, что оттиски печатей отдельных владельцев, заверяющих документы, входящие в состав обоих комплектов, исходят почти без исключения из тех же самых матриц. Только в двух случаях диспоненты привесили разные печати к торуньскому и ельблонскому документам¹. Эта однородность собрания привела к принятию окончательного решения использовать гибридный метод. Элементы описи пе-

¹ Это касается Мачея Сухостжицкого (Мачея из Люнау), который оттиснул их при главных документах (оттиск одной из них публикует В. Engel, *Privatsiegel*, s. 13, Taf. IV, nr 259) и Мелхиора из Боркова, печати которого находятся при акцессионных актах рыцарства из гданьской, ленборской и пуцкой округ (оттиск одной из них публикует В. Engel, *Privatsiegel*, s. 4, Taf. I, nr 31).

чатей разделены на две группы: общие для каждого экземпляра (идентификация диспонента, размеры, иконография, легенда) и индивидуальные, характерные для отдельных оттисков (цвет воска, состояние сохранности, место привешивания). Информация, общая для обоих экземпляров, представлена единожды, а индивидуальные – отдельно для каждого оттиска¹. Дополнением описания являются фотографии, хранящиеся в интересующем нас собрании экземпляров оттисков печатей и рисунков публикуемых прорисей печатей. Такими являются материалы, которые исследователи берут с наиболее популярных издательств: Ф. А. Фоссберга – для городских печатей и Б.Энгля – для рыцарских печатей. Они должны составлять элемент, который соединит данные оттиски с предыдущими изданиями, а также позволит верифицировать более ранние распространенные прорисы с фактическим состоянием.

Влияние на форму формуляра примечания описи печати имело наконец еще одно явление, характерное для оттисков, находящихся при эрекционных документах Союза. На многих печатных мисочках, которые висят при обоих экземплярах документа, можно видеть более или менее читабельные надписи, идентифицирующие диспонента (имя или его сокращение; фамилия либо владельческая атрибуция – иногда тоже сокращенная, а в одном случае название округа, с которой он был связан; название города). Скорее всего, когда-то они находились на всех печатях. В большинстве случаев они были нанесены пером, а в двух случаях (Велява, Алемборк) – раскаленным острием. Полагаю, что в этих надписях нужно видеть следы приготовления к сигилляции акта, что составляет подсказку для идентификации диспонента, или лица, которое прикладывало печать, где должна быть оттиснута данная печать². К сожалению, сохранность большинства из них находится в плохом состоянии. Некоторые имеют при этом следы позднейшего ретуширования. К этому привело использования света UV, чтобы можно было более четко читать надписи. Оно показало слабочитабельные при дневном свете фрагменты надписей, а также следы по их коррекции. Ввиду значения этих надписей для реконструирования техники опечатывания

¹ Так, в соответствии с рекомендациями Международного сфрагистического комитета Международного совета архивов. См.: *Vocabulaire international de la sigillographie*, s. 21; *Vocabularium*, s. 66.

² Этому вопросу посвящено особое внимание, см.: M. Hlebionek, *Nie tylko inskrypcje. Napisy na pieczęciach przy akcie erekcyjnym Związku Pruskiego, «Сфрагистичний щорічник»*, Вип. VI, 2016, s. 52–67.

документа, решено в примечаниях описей печатей взять во внимание их фотографии, а тракскрипции подавать в блоке, предназначенном для археографического комментария.

Вернемся к одному из элементов описи, который принадлежит к категории общих для всех экземпляров, происходящих из одной матрицы. Речь идет прежде всего о лице диспонента. Этот казался бы очевидный элемент каталожного примечания в нашем случае оказался проблематичным. Похоже, как в случае с документами трактата, так и в группе интересующих нас документов Прусского Союза, многократно встречаемся с явлением каренции (замещения) печати¹. Каренция печати приводит к тому, что де факто мы имеем дело с двумя диспонентами печати: номинальным, имя которого находится на матрице, и фактическим, который употребил эту матрицу². Оставаясь в соответствии с буквой документа, к которому привешена данная печать, каренционные оттиски, как правило унаследованные матрицы печатей от отца, приписаны лицам, упоминаемым в документе с перечнем свидетелей, а не в легенде печати и информация о контексте исполнения оттиска представлена в археографическом комментарии. В связи с лицом диспонента появилась здесь еще одна проблема, связанная с определением формы записи отдельных фамилий. Ее появлению способствовала польская литература, занимающаяся историей государства крестоносцев, которая целеустремленно полонизировала и осовременивала фамилии героев интересующих нас событий³. Это, однако, противоречит источнику. Поэтому в

¹ В примере, использованная Симоном из Глажева печать, принадлежала пишущему из той же местности Сардеру (Александру). Он упоминается в источнике в 1405 году, был наверное его отцом (см.: *Słownik historyczno-geograficzny ziemi chełmińskiej w średniowieczu*, opr. M. Biskup, K. Porębska, M. Grzegorz, Wrocław 1971, s. 35); Наверное также отцовскую печать использовал Сандер Махвич, который под эрекционными документами оттиснул печать с легендой, указывающей, что ее диспонентом был некий «Conrad de Orin». Конрада встречаем в источниках за 1409–1423 года (AST, I, nr 30, s. 49; nr 146, s. 187; nr 325, s. 410, nr 482, s. 618; E. Joachim, W. Hubatsch, *Regesta historico-diplomatica ordinis S. Mariae Theutonicorum 1198–1525, Pars I, Regesten zum Ordensbriefarchiv*, Goettingen 1948–1950, nr 1634, s. 97; nr 3931, s. 247.); Печать отца – Якуба – использовал Ян Шьчиборович из Кацка, опечатавая документ вхождения в Союз гданьского рыцарства (O genealogii Jana zob. K. Bruski, *Lokalne elity*, s. 118; T. Rembalski, *Dzieje osadnictwa na terenie współczesnych gmin Gdynia i Kosakowo od XIII do XV w.* Gdańsk 2006, s. 105). Такие примеры многократны.

² M. Haisig, *Sfragistyka ogólna*, s. 102–105.

³ К прим. К.: Górski, *Związek pruski*, passim

первой версии издания как основная версия записи фамилий принята форма, которая отображена в источнике. Однако после консультаций с исследователями проблемы и принимая во внимание то, что работа предназначена для польского читателя, в качестве первичной формы названия диспонента принята польскоязычная версия; фамилия/название в форме источника представлена как альтернатива.

Учитывая слабое разграничение сфрагистики и рыцарской геральдики, а также городской, прусских земель значительные трудности ожидали при описи сфрагистических изображений. Проблемы этой категории можно разделить на две группы. Первая исходит из попыток специфической колонизации XV в. прусской геральдики и идентификации рыцарских гербов, находящихся на наших печатях, с гербами, известными на польских землях. Это привело к тому, что в основном в прошлых публикациях встречаемся с ошибочными описаниями, которые влияют и влияют на современные исследования, хотя не выдерживают сравнения с источниками. Вторую группу проблем вызывало выступление специфических элементов в геральдике прусского рыцарства и городов, не поддающихся описанию в категориях как польской, так и немецкой геральдики. Примером могут служить печати Шимона из Глажева и Яна Уздовского, на которых в эмблемах изображены шпорные звезды (известные в немецкой геральдике, но не появляющиеся в польских гербах)¹, Гюнтера из Дылева и Шьчибора из Лебуни с мечами для охоты на кабанов (*Sauschwert*)², а также Будзиша из Зеленок и Николая из Закужева³, на которых изображены, вероятно, боевые молоты. В средневековой геральдике польских земель такие элементы не появляются вообще. К редко встречаемым предметам принадлежат щучьи челюсти, выступающие на печатях Петера Толцка, возможные в идентификации благодаря тому, что появляются также в гербе семьи Люзьяньских, активной еще в период нового времени⁴. Беспомощными становимся перед известными эмблемами из печати Николая из Горовых, Филипа

¹ Прориси публикует В. Engel, *Privatsiegel*, s. 9, Taf. I, nr 9; s. 22, Taf. I, nr 10.

² Прориси публикует В. Engel, *Privatsiegel*, s. 6, Taf. II, nr 70; Taf. II, nr 105; касательно идентификации эмблемы. См.: W. Boheim, *Handbuch der Waffenkunde*. Leipzig 1890, s. 255–256.

³ Прориси обеих публикует В. Engel, *Privatsiegel*, s. 9, Taf. II, 106; s. 18, Taf. III, nr 191.

⁴ Прорись публикует В. Engel, *Privatsiegel*, s. 22, Taf. IV, 237; касательно идентификации эмблемы см.: J. K. Dachnowski, *Herbarz szlachty Prus Królewskich z XVII w.* wyd. Z. . Pentek, Kórnik 1995, s. 14.

Безледзкого или Якуба Тринцке¹, о генезисе и значении которых можем только догадываться.

Отдельную исследовательскую проблему, хотя может в меньшей степени археографическую, составляет сохранившийся при эрекционном документе Союза оттиск большой печати Гданьска. От оставшихся привешенных в этом дипломе она выделяется прежде всего красным цветом воска, в которой оттиснута. Привилегию печатания в красном воске город получил только в пятидесятые года XV в. К этому времени исследователи относят хронологическую черту изготовления матрицы, с которой сделан оттиск. А его первое (исключая эрекционный акт Союза, который не приняли во внимание исследователи гданьской сфрагистики) использование датировано 1457 г.² Этот памятник как бы должен отодвинуть хронологию матрицы, если бы не анахроничное использование красного воска, которое в свою очередь может предполагать подмену печати на более престижную, уже после получения городом упомянутой привилегии. Однако следует подчеркнуть, что ни осмотр миски, ремня не показал следов манипуляции оттиском. Кроме не типичного цвета воска, единственная подсказка, увазывающая на возможное позднейшее привешивание этой печати, это – отсутствие следов надписи на миске, которые на городских печатях, как правило, хотя не всегда, но выступают.

Представленный выше опыт на основе археографических изданий двух многопечатных документов показывает, что проблемы, связанные с публикацией таких материалов, следует рассматривать на трех уровнях. Первый из них – это аккумуляция сложностей, с которыми встречаемся, издавая также отдельные печати. К ним принадлежат вопросы идентификации диспонента, надлежащего прочтения и описания отдельных оттисков. Второй уровень исходит из того, что каждый многопечатный диплом является феноменом. А для его формирования искали характерные, неизвестные ранее в данной канцелярии решения, которые находили отображения в технике опечатывания, а также в группировке печатей, структурировании их собрания. Понимание этих условий должно составлять фундамент, на котором будет построено издание. И поэтому к каждому многопечатному документу следует под-

¹ Прорись публикует В. Engel, *Privatsiegel*, s. 19, Taf. III, nr 207; s. 2, Taf. I, 19; s. 22, taf. IV, nr 239.

² В. Możejko, *Przywileje Kazimierza Jagiellończyka z 1457r. dla Gdańska a zmiany heraldycznego wizerunku miasta*, в: *Okręt Kościoła z gdańskiego Dworu Artusa*, Gdańsk 2008, s. 19–21.

ходить индивидуально. И, наконец, третий уровень, будучи фактически исходным двух предыдущих; он связан с необходимостью уловить и показать контексты формирования документа и его опечатавание как целостности, а также появления при нем каждого отдельного оттиска и функций, которые они исполняли при документе.

Евтухов И. О.

Белорусский государственный университет (г. Минск, Республика Беларусь)

ПРОПАВШАЯ ГРАМОТА: БОРЬБА ЗА НАСЛЕДСТВО В АНГЛОСАКСОНСКОЙ АНГЛИИ X в.

Линда Толлертон, издавшая свою успешно защищенную в Йоркском университете диссертацию (PhD) в виде монографии «Завещания и составление завещаний в англосаксонской Англии» (2011) [1] отмечает, что процесс оформления завещания имел многоступенчатый характер, причем каждый этап был публичным (происходил в присутствии свидетелей). Венчало оформление одобрение (confirmation) светской властью (secular authority) [1, p. 67], которое фиксировалось в виде хартии на землю. Ненадлежащее оформление документа переводило завещание в разряд спорных. В этом случае наследникам приходилось вступать в борьбу за наследство. Именно с такой проблемой столкнулась Эадгифу (ум. 968), занимавшая видное место в англосаксонском обществе первой половины X в.: жена короля Эдварда Старшего (замуж вышла в 919 г., овдовела в 924 г.), мать королей Эдмунда и Эадреда, бабушка королей Эдви и Эдгара [2, p. 146]. Ее многолетняя борьба за отцовское наследство отражена в хартии S 1211. Источник использовался по сборнику «Избранные английские исторические документы девятого и десятого веков» (1914), подготовленному Флоренс Хармер [3].

Исследования, специально посвященные хартии S 1211 в англоязычной историографии отсутствуют. Большинство авторов, затрагивающих документ, ограничиваются пересказом обстоятельств, связанных с наследством Эадгифы. Выводы, тем не менее, присутствуют. В частности, внимания заслуживает подчеркивание важности формата хартии. Хелен Форбс отмечает, что хартии сами себе «имеют символическую и материальную ценность в качестве доказательства права собственности, и в этом смысле их содержание может рассматриваться как менее значимое (less significant), чем само существование хартии» [4, p. 225]. Скотт Смит обратил внимание на заключительный пассаж хартии

о том, что грамота на землю в конце концов была собственноручно возложена Эадгифой на алтарь церкви [5, р. 34]. Вывод единственной статьи в российской историографии, имеющей отношение к хартии, носит самый общий характер: «В любом случае дело о землях в Кулинге и Остерленде еще раз подтверждает, что в англосаксонском социуме справедливость судебных решений была весьма относительной, а исход спора во многом определялся положением в обществе тяжущихся сторон вне зависимости от их пола» [6, с. 183]. Вне поля зрения исследователей остался вопрос о юридическом статусе спорных земель.

Современная англосаксонистика признает три возможных юридических статуса земельного владения: фолкленд, бокленд, лоанленд. Наследство, которое Эадгифе оставил ее отец, элдормен Кента Сигельм, составляли земли, «*swa he mid rihte beget, 7 him his yldran laefdon* = которые он по праву получил и ему его предками оставленные/завещанные». Таким образом, комплекс имел двойной статус. В него входил бокленд (? – земли полученные) и фолкленд (земли унаследованные). Двойной статус отражает продолжение данного предложения: «*hire laefde hire faeder land 7 boc* = ей оставил/завещал ее отец землю и **грамоту**». При обозначенном выше подходе к анализу документа земля интерпретируется как фолкленд, грамота – как бокленд.

Указанный комплекс земель кроме того имел статус лоанленда: находился в залоге у некоего Годы: «*hire faeder aborgude XXX punda æt Godan 7 betæhte him þæt land þæs feos to anwedde, 7 he hit hæfde VII winter* = ее отец одолжил тридцать фунтов у Годы, и передал ему землю за деньги в **обеспечение**, и он [Года] держал ее в течение семи зим». Тот факт, что грамота осталась у Сигельма, указывает на сохранение за ним владельческих прав.

Через семь лет после перехода земли в залог события вокруг нее активизировались: «*þa tid þæt man beonn eall Cantware to wigge to Holme, þa nolde Sigelm hire faeder to wigge faron mid nanes mannes scette unagifnum, 7 agef þa Godan XXX punda 7 becwæþ Eadgife his dehter land 7 boc sealde* = в то время, когда мужчины всего Кента были вызваны на битву при Хólме, не хотел Сигельм, ее отец, на битву идти, не вернув каждому деньги, и вернул тогда Года XXX фунтов, и завещал Эадгифе своей дочери землю и грамоту дал». Ситуация выглядела вполне буднично и бесконфликтно: Года получил деньги, Эадгифу – грамоту, земля должна была вернуться к ней. Но Сигельм погиб в битве, а Года отрицал получение денег (*ætsoc Goda þæs feos ægiftes*). В результате земля осталась у него.

По совету Бирхсига Диринга Эадгифу принесла присягу, равную 30 фунтам, в Эйлесфорде на заседании шайргемота. Рассмотрение иска Эадгифы на суде шайра подтверждает сделанный ранее вывод о том, что одно из двух владений было фолклендом (вопросы, связанные с боклендом разбирал суд короля). Но присяга не привела к удовлетворению иска. Друзья Эадгифы обратились к королю с просьбой запретить Года пользоваться землей (*frynd fundon æt Eadwearde syncge þæt he him þæt land forbead*). Можно предположить, что речь шла о том владении, которое, возможно, было боклендом. Но почему королю не была предъявлена оставленная Эадгифе отцом грамота? Она пропала? Обращение друзей к королю без предъявления документов успеха не имело.

Дело повернулось в пользу Эадгифы только после того, как король по неназванной в хартии причине «*Godan oncuþe swa swyþe swa him man atrehte bec 7 land ealle þa þe he ahte* = на Году разозлился так сильно, что ему была объявлена конфискация всех грамот и земли: всего, чем он владел». Имя короля в хартии не названо, но можно предположить, что это был Эдуард Старший. А конфискация владений Годы и передача их Эадгифе произошла или до его женитьбы на ней (919) или вскоре после нее. Земельные грамоты и земли (*bocum 7 landum*) получила Эадгифу.

Тем не менее, она решила переступить через свою многолетнюю вражду с Годой, не забирать все, а ограничиться малым: «*Pa swæð heo þæt heo ne dorste for Gode him swa leanian swa he hire to geearnud hæfde, 7 agef him ealle his land buton twam sulungum æt Osterlande* = Тогда говорит она, что она не посмела ради Бога ему так отплатить как он (от) нее заслужил, и возвращает ему его всю землю, за исключением двух сулунгов в Остерланде». Однако над Годой был установлен косвенный контроль, документы Эадгифу оставила себе (*molde þa bec agifan* = ни одной хартии не вернула). Связь Остерланда с хартией/ями позволяет определить его как бокленд.

Ситуация вновь изменилась в 924 г. После смерти Эдуарда Старшего корону получил его сын от прежнего брака (и, соответственно, пасынок Эадгифы) Этельстан. Годы обратился к новому правителю с просьбой, чтобы «*he him gefingude wiþ Eadgife his boca edgift; 7 se syncg þa swa dyde* = он сам упросил Эадгифу о его грамоте возвращении, и король сделал так». Уступив просьбе пасынка, Эадгифу отдала не все документы. Грамоты на земли в Остерланде (*Osterlandes bec*), она оставила себе, причем с согласия короля: «*7 he þa boc unnendre handa hire to let* = И он грамоту охотно ей оставил». Заслуживает внимания тот факт, что слово

«грамота» в первом случае стоит во множественном числе (*bec*), во втором – в единственном (*boc*).

Возникшее противоречие может быть снято, если допустить, что при конфискации имущества Годы Эадгифу получила **две** хартии на Остерланд, а король дал согласие на переход к ней **одной** хартии. Тогда получается, что **вторым** документом была та самая оставленная отцом хартия, которая пропала (но каким-то образом оказалась у Годы) и в силу этого не могла быть представлена королю. Теперь обе хартии, связанные с Остерландом, оказались в руках у Эадгифы, после чего *«twelfa sum hire aþ sealde for geborene 7 ungeborene þæt þis æfre gesett spæc wære = из двенадцати один ей клятву дал за рожденных и нерожденных, что эта навсегда решена тяжба была»*. Король утвердил решение на уитангемоте (надо полагать через выдачу хартии).

Ситуация оставалась равновесной чуть более полутора десятков лет, от 939 г. до 955 г. (время правления Эадмунда и Эадреда): *«7 Eadgifu hæfde land mid bocum þara tvegea cyninga dagas hire suna = И Эадгифа имела землю с грамотами (слово *boc* вновь стоит во множественном числе) в течение двух королей дней ее сыновей»*. Хартий теперь было три: прибавилось решение уитангемота.

Все изменилось после смерти Эадреда: Эадгифу лишилась всего имущества (*berypre ælcere are*), а сыновья Годы Леофстан и Леофрик захватили ее два имения, Кулинг и Остерланд, которым, собственно, и посвящена рассматриваемая хартия. Сделано было все по воле нового короля, внука Эадгифы, Эдви, который сказал, *«þæt hy rihtur hiora wæren þonne hire = что у них больше прав на них [имения] было, чем у нее»*. Из изложения становится ясно распределение статусов внутри наследственного земельного комплекса. Кулинг – это фолкленд, Остерланд – это бокленд.

Почему у сыновей Годы оказалось больше прав? Потому, что конфискация этих имений у Годы была незаконной. Из хартии S 1445 («Фонтхиллское письмо») мы узнаем, что лоанленд не мог быть конфискован: *«hit wæs his læn dæt he on sæt, he ne meahthe na his forwyrcan = это был его лоан [ленд], где он жил, он (король. – И. Е.) не мог у него отнять»* [7, р. 101]. Первой в русскоязычной историографии вопрос о юридическом статусе пяти гайд Фонтхилла как лоанленда поставила Ю. А. Бразовская в докладе «Историография «Фонтхиллского письма» (1990–2010-е гг.)» на ежегодной студенческо-аспирантской конференции БГУ в мае 2018 г.

Точка в тяжбе была поставлена после перехода короны к еще одному внуку Эадгифы, Эдгару: *«7 he 7 his wytan gerehton þæt hy manfull reaflac*

gedon hæfden = и он и его уитаны присудили, что они (сыновья Годы. – И. Е.) нечестивое ограбление сделали». На сцене появляется четвертая хартия, отменяющая предыдущую (решение уитангемота и короля Эдви). Все хартии (в документе вновь стоит множественное число) и спорные Кулинг и Остерланд Эадгифу передала собору Крайст Чёрч (*Cristes Cyrccean*) в Кентерберри: «*Pa nam Eadgifu, be þæs cynincges leafe 7 gewitnesse 7 ealra his bisceopa, þa bec 7 land betæhte in to Cristes cyrccean mid hire agenum handum upon þone altare lede þan hyrede on ecnesse to are 7 hire sawle to reste* = Тогда взяла Эадгифу по королю разрешению и свидетельству и всех его епископов **грамоты** и землю поручила Церкви Христа [и] со своими собственными руками положила ее на алтарь, как собственность общины навечно и ее души покоя». Дальнейшая судьба имений по англосаксонским хартиям не прослеживается.

После передачи указанных двух сулунгов в распоряжении Эадгифу оставались весьма значительные земельные ресурсы: Эдгар дал ей хартию на 65 гайд земли в Меоне взамен утраченной ранее [8, p. 654].

Таким образом анализ хартии S 1211 и сопутствующей исторической информации позволяет сделать следующие выводы о лоанленде:

1. Наследственные и приобретенные земли Сигельма, находившиеся в залоге (*anwedde*) у Годы, могут быть определены как лоанленд.
2. Данный лоанленд представлял собой единый комплекс, состоящий из фолкленда и бокленда. Подсудность комплекса проводилась по более высокому статусу. Поэтому присяга Эадгифы в суде шайра успеха не имела.
3. Статус лоанленда создавал защитный барьер от произвола королевской власти. Барьер, впрочем, легко преодолимый.
4. Передача спорных земель церкви была механизмом прекращения тяжбы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Tollerton L. Wills and Will-making in Anglo-Saxon England. York: York Medieval Press with The Boydell Press, 2011. 328 p.*
2. *A Historical Dictionary of British Women. L., N. Y.: Routledge, 2013. 512 p.*
3. *Grant of an Estate by Queen Eadgifu to Canterbury Cathedral, with an account of its Previous History // Harmer, F. E. Select English Historical Documents of the Ninth and Tenth Centuries. Cambridge: University Press, 1914. P. 37–38.*
4. *Forbes H. F. Heaven and Earth in Anglo-Saxon England: Theology and Society in an Age of Faith. L., N. Y.: Routledge, 2016. 410 p.*

5. *Smith Sc. Th. Land and Book: Literature and Land Tenure in Anglo-Saxon England.* Toronto: University of Toronto Press, 2012. 288 p.

6. *Болдырева И. И.* Англосаксонские аристократы X–XI веков в земельных спорах // Научный диалог. 2016. № 11. С. 181–192.

7. *The Fonthill Letter* // *The Cambridge Old English Reader/ Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 96–102.*

8. *Birch W. de Gray Cartularium Saxonicum.* Vol. 3. L. : Whiting and Company, 1899. 696 p.

Ерашэвіч А. У.

Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт (г. Мінск, Рэспубліка Беларусь)

**АРГАНІЗАЦЫЯ І ФУНКЦЫЯНАВАННЕ
ДЗЯРЖАЎНЫХ ФІНАНСАЎ ГУБЕРНЯЎ БЕЛАРУСІ
КАНЦА ХVІІІ – ПЕРШАЙ ПАЛОВЫ ХІХ ст.:
СУЧАСНАЯ АЙЧЫННАЯ ГІСТАРЫЯГРАФІЯ**

Улічваючы шматаспектнасць праблемы, а таксама неадназначную трактоўку зместа і сутнасці паняцця «дзяржаўныя фінансы», іх структуры і функцый у сучаснай эканамічнай навуцы, прадставім толькі стан вывучанасці гэтага пытання сучаснымі беларускімі гісторыкамі. З гэтай нагоды матэрыял падаецца па пэўных тэматычных блоках.

Пры вывучэнні стану і характару дзяржаўных фінансаў пасля ўваходжання асноўнай часткі беларускіх зямель у склад Расійскай імперыі ў выніку падзелаў Рэчы Паспалітай Абодвух народаў (1772, 1793, 1795 гг.) да ліку дыскусійных пытанняў адносіцца праблема вызначэння геаграфічных і храналагічных рамак даследавання.

Частыя змены ў адміністрацыйна-тэрытарыяльным падзеле беларускіх зямель адбываліся ў часы кіравання Кацярыны II і Паўла I працягнуліся і пры панаванні наступных імператараў – Аляксандра I і Мікалая I [51, с. 266.]. Палітыка ж расійскага ўрада ў бюджэтна-фінансавай сферы на тэрыторыі губерняў Беларусі ці дзяржаўная фінансавая палітыка па фарміраванні і пераўтварэнні элементаў фінансава-крэдытнай сістэмы ў ходзе асноўных стадый працэса, накіраванага на паступовую змену і развіццё комплекса фінансавых адносін у пэўным напрамку шляхам механізма і адпаведных інструментаў, не вырашалася цэнтральнымі ўладамі як асобная задача ў ходзе правядзення палітыкі дэпалінізацыі і русіфікацыі края (у адрозненне, напрыклад, ад сістэмы мерапрыемстваў па «разбору» шляхты ці

памяншэнні ідэалагічнага ўплыву і эканамічнай магутнасці рымска-каталіцкай царквы). Разам з тым, губерні Беларусі і Літвы не мелі, у ад-розненне ад суседняга Царства (Каралеўства) Польшкага, асобнага спе-цыяльнага фінансавага адміністрацыйнага апарату і цэнтралізаванага фонду грашовых сродкаў. Больш за тое, не назіралася мэтай узгодненасці ў вызначэнні складовых частак (грашовая, крэдытная, па-датковая, бюджэтная, мытная), устанавленні асноўных этапаў распрацоўкі і рэалізацыі, выяўленні асноўных напрамкаў правядзення (фіскальны, рэгулюючы, стымулюючы, дыскрэцыённы) дзяржаўнай фінансавай палітыкі як складаючай часткі сацыяльна-эканамічнай палітыкі дзяржавы, якія маглі ажыццяўляцца ў розныя прамежкі часу (напрыклад, грашовая рэформа Я. Ф. Канкрына 1839–1843 гг.; рэформа банкаўскай справы ў 1857–1860 гг., у выніку якой была ліквідавана сістэма старых казённых банкаў і ў 1860 г. быў створаны цэнтральны Дзяржаўны банк Расійскай імперыі, які спалучаў функцыю эмісійнага цэнтра і інстытута крэдытнай камерцыйнай дзейнасці). Іншымі словамі, вельмі складана рэканструіраваць і вызначыць змест, сутнасць, прын-цыпы і характар фінансавай палітыкі расійскага царызму на тэрыторыі Беларусі ў канцы XVIII – першай палове XIX ст. цалкам, а адпаведна высветліць асаблівасці яе рэалізацыі. Гэтыя абставіны абумовілі разгляд навуковай інтэрпрэтацыі і ацэнкі айчыннымі гісторыкамі праблемы арганізацыі і функцыянавання дзяржаўных фінансаў на тэрыторыі Беларусі ў часы кіравання Кацярыны II, Паўла I, Аляксандра I, Мікалая I (згодна яе падзелу на пэўныя прадметныя праблемныя групы, без уліку аўтарскіх публікацый).

Грашовае абарачэнне. Сучасная беларуская гістарыяграфія прабле-мы вызначэння прынцыпаў, формаў, метадаў, механізму, інструментаў, характару і асаблівасці грашовага абарачэння на тэрыторыі Беларусі канца XVIII – першай паловы XIX ст. прадстаўлена, у асноўным, альбо працамі гісторыкаў-краязнаўцаў, лакалізаванымі па прасторы і часу [4; 17; 41], прысвечаных пэўнай асобнай падзеі ці з’яве (прыкладам, лёсу Полацкага часовага манетнага двара [35; 67]), ці раздзеламі ў абагуль-няючых вучэбных дапаможніках [22; 30], альбо матэрыяламі ў абагуль-няючых працах [53]. Большую цікавасць і інтарэс уяўляюць даныя, прыведзеныя ў даследаваннях прафесійных беларускіх нумізматаў (І. Сінчук, І. Колабава і інш.), якія вывучалі грашовае асартымент знойд-зеных манетных скарбаў [33; 38–39], паспрабавалі разабрацца ў скла-данай праблеме грашовай тэрміналогіі, ліку і курсу грашовых адзінак на беларускіх землях у пэўныя прамежкі часу [36; 40; 59–60]. Шмат

публікацый, на аснове аналізу вытрымак і даведак з архіўных першакрыніцаў, І. Колабава прысвяціла з’яве фальсіфікацыі грашовых знакаў на тэрыторыі Беларусі ў першай палове XIX ст. Шэраг звестак з гісторыі абарачэння як манет, так і папяровых грашовых знакаў, фактаў фальшываманецтва прыведзены ў адным з раздзелаў абагульняючай працы вядомага беларускага нумізмата В. Н. Рабцэвіча, які, у цэлым, не ўдзяліў, у параўнанні з папярэднымі перыядамі, шмат увагі асаблівасцям грашовага абарачэння на тэрыторыі Беларусі часоў знаходжання яе зямель у складзе Расійскай імперыі [55, с. 267–289]. Віцебскі даследчык В. А. Шышанаў паспрабаваў вызначыць асаблівасці абарачэння на мясцовым грашовым рынку губерняў Беларусі рускіх асігнацый на мяжы XVIII–XIX ст., а таксама замежнай білоннай манеты ў першай палове XIX ст. [70–71]. Гісторык прыйшоў да высновы, што нізкі курс расійскіх асігнацый і немагчымасць насыціць рынак сярэбранай і меднай манетай былі адной з асноўных прычын, якая перашкаджала ўніфікацыі грашовай сістэмы Беларусі ў гэты час.

Пэўнае месца ў працах беларускіх гісторыкаў і аматараў баністыкі займае праблема ўкаранення ў беларускіх землях расійскіх папяровых грошай [18; 52–53]. Найбольш значнае даследаванне па праблеме папярова-графовага абарачэння на тэрыторыі Беларусі ў XVIII–XIX ст. належыць брэсцкаму гісторыку А. М. Баюре [5, с. 7–28], які ў пэўных раздзелах працы напісаў пра з’яўленне папяровых грошай: расійскіх асігнацый на Усходзе Беларусі пасля першага падзелу Рэчы Паспалітай, скарбовых білетаў Нацыянальнай Найвышэйшай Рады ў час паўстання 1794 г., расійскіх асігнацый у 1786–1818 гг., дэпазітных і крэдытных білетаў часоў сістэмы сярэбранага манаметалізму, уведзенай рэформай Я. Ф. Канкрына. Тым не менш, у даследаваннях па баністыцы адным з дыскусійных застаецца пытанне вызначэння і класіфікацыі папяровых грашовых знакаў кошту, іх сурагатаў. Такім чынам, грашовая гаспадарка беларускіх зямель канца XVIII – першай паловы XIX ст. у той ці іншай ступені з’яўлялася прадметам даследаванняў як прафесійных гісторыкаў, так і нумізматаў і баністаў-аматараў. Аднак заўважым, што дагэтуль адсутнічае спецыяльнае комплекснае даследаванне асаблівасцяў грашовага абарачэння на тэрыторыі Беларусі ў азначаны час з улікам аналізу шматлікіх канкрэтна-гістарычных даных як рэчавых (нумізматычных), так і асабліва шматлікіх і разнастайных неапублікаваных архіўных крыніц.

Дзяржаўны крэдыт. Банкаўская справа. Сярод сучасных беларускіх гісторыкаў розныя аспекты фарміравання, функцыянавання і развіцця

як сістэмы мясцовых казённых іпатэчных крэдытных устаноў на тэрыторыі Беларусі канца XVIII – першай паловы XIX ст., так і ўдзел адміністрацыйных устаноў і заможнага насельніцтва губерняў Беларусі ў актыўных і пасіўных фінансавых аперацыях агульнаімперскіх цэнтральных дзяржаўных банкаўскіх устаноў вывучаюць Ю. Л. Грузіцкі [19, с. 16–21; 20–28] і Е. А. Драздова (Бруханчык) [8; 31–32]. Аднак у цэлым вымушаны канстатаваць, што праблеме вызначэння спецыфікі функцыянавання дзяржаўных крэдытных інстытутаў на тэрыторыі Беларусі ў дадзены час, у параўнанні з пазнейшым перыядам станаўлення і развіцця капіталістычных і таварна-грашовых адносін у эканоміцы беларускіх зямель, удзелена недастатковая ўвага з боку айчынных гісторыкаў.

Арганізацыйна-прававое рэгуляванне фінансавых адносін. Фінансавое заканадаўства. Мясцовыя адміністрацыйныя органы па кіраванні дзяржаўнымі фінансамі (фінансавыя, падатковыя, крэдытныя, мытныя). Адным з пытанняў у даследаваннях прадстаўнікоў сучаснай айчынай гістарыяграфіі з’яўляецца высвятленне арганізацыі сістэмы адміністрацыйна-паліцэйскіх мясцовых органаў дзяржаўнай улады і кіравання ў беларуска-літоўскіх губернях. У прыватнасці, у артыкулах і дысертацыі І. М. Трасцяня прааналізавана арганізацыя і функцыянаванне інстытутаў ваеннага губернатарства і генерал-губернатарскага кіравання, грамадзянскага губернатарства, губернскага праўлення на тэрыторыі Беларусі ў 1772–1856 гг. [65]. Даследчыца паказала іх месца і ролю ў сістэме дзяржаўных органаў мясцовай улады і кіравання, высветлены асаблівасці фарміравання органаў мясцовага дзяржаўнага кіравання губернскай адміністрацыі. Вывучаючы працэс эвалюцыі сістэмы мясцовых органаў дзяржаўнай улады і кіравання на тэрыторыі Беларусі ад часоў Кацярыны II да Мікалая I, І. М. Трасцяня ахарактарызавала ўмовы фарміравання кіравання фінансава-падатковай сферай жыццядзейнасці грамадства земляў Беларусі праз паказ структуры і функцый фінансава-падатковых устаноў і органаў кіравання дзяржаўнага мясцовага кіравання. Аднак у цэлым, зыходзячы з мэты і задач даследавання, гэтыя сюжэты не з’яўляліся прывярытэтнымі.

Безумоўна, што пры вызначэнні характэрных рыс дзейнасці мясцовых адміністрацыйных органаў па кіраванні дзяржаўнымі фінансамі айчыныя гісторыкі і правазнаўцы ў той ці іншай ступені высвятлялі асновы прававой рэгламентацыі фінансавых адносін шляхам пералічэння правоў і абавязкаў (функцый) пэўных устаноў ці службовых асобаў фінансавай адміністрацыі. Тым не менш, гэтыя заяўленыя аўтарам праблемы патра-

буюць больш дэталевага, канкрэтна-гістарычнага разгляду з улікам уводу ў навуковы зварот шэрагу неапублікаваных архіўных звестак, аналізу матэрыялаў апублікаваных крыніцаў, пераасэнсавання гістарыяграфічных здабыткаў, выкарыстання тэарэтыка-метадалагічных падыходаў сучаснай тэорыі дзяржаўнага кіравання.

Дзяржаўны бюджэт губерняў Беларусі (даходная і расходная часткі). Дзяржаўны фінансавы кантроль. Пазбаўленыя ўласнай нацыянальнай дзяржаўнасці, не меўшыя статуса фіскальнай аўтаноміі і адпаведна цэнтралізаванага фонду грашовых сродкаў, губерні Беларусі з’яўляліся складовай часткай бюджэтнай сістэмы Расійскай імперыі, якая ў канцы XVIII – першай палове XIX ст. вылучалася такімі атрыбутыўнымі адзнакамі, як дэцэнтралізаванасць ці ведамасны характар грашовых фондаў, рознаўзроўненасць крыніц грашовых падаткаў і збораў паводле месцаў іх касавых паступленняў, прызначэння, відаў, формаў, характару (пастаянныя, часовыя, аднаразовыя; прамыя і ўскосныя; агульнадзяржаўныя, губернскія ці земскія, гарадскія, саслоўныя дваранскай карпарацыі, грамад дзяржаўных, удзельных сялян, аднадворцаў, яўрэйскіх таварыстваў і інш.).

Аснову даходнай часткі бюджэтаў розных узроўняў губерняў Беларусі складалі акладныя і неакладныя плацяжы падатковага характару, якія спаганяліся з розных катэгорый падатковага насельніцтва і сфер дзейнасці. Непадатковыя прыбыткі ад продажу дзяржмаёмасці на тэрыторыі Беларусі ў канцы XVIII – першай палове XIX ст. не ігралі значнай ролі ў структуры агульных грашовых паступленняў [63]. У кантэксце вывучэння пэўных тэм беларускія гісторыкі ў той ці іншай ступені дакладнасці і паўнаты закраналі ў спецыяльных і абагульняючых працах праблемы падаткаабкладання сялян [2; 14; 15], мяшчан гарадоў [48] і мястэчак [62], купцоў [54; 58], аднадворцаў і грамадзян [49], яўрэяў [1; 61], сферы гандлёвай дзейнасці [3; 9–11; 68]. У сувязі з разглядам асобных праблем беларускія навукоўцы таксама разглядалі пытанні арганізацыйна-фінансавага механізму забеспячэння дзейнасці ўрадавых губернскіх і павятовых бюракратычных устаноў розных узроўняў, ведамстваў і прызначэння [42]. Асобныя фрагментарныя даныя можна знайсці ў кваліфікаваных працах, кнігах і артыкулах, прысвечаных некаторым катэгорыям груп асноўных дзяржаўных выдаткаў. Падобныя фрагментарныя гістарычныя факты адносна фінансавання і кредытавання ваеннай справы беларускіх зямель змяшчаюцца ў працах А. М. Лукашэвіча [47], А. Л. Самовіча [56], культурнай сферы – у кнізе С. Я. Куль-Сяльверставай [43].

У рамках вывучэння канфесійнай палітыкі расійскага царызму [66] і дзяржаўна-рэлігійных адносінаў спецыялістамі ў дадзенай праблематыцы згадваюцца выпадкі дзяржаўнага фінансавання дзейнасці ўстановаў і службовых асобаў розных плыняў хрысціянскай царквы: рымска-каталіцкай (А. І. Ганчарук) [13], уніяцкай (С. В. Марозава, Дз. В. Лісейчыкаў) [44–45; 50], праваслаўнай (П. В. Шэўкун) [69], стараабрадніцтва (А. А. Гарбацкі) [16]. Значная колькасць даследаванняў беларускіх гісторыкаў прысвечана вывучэнню розных аспектаў арганізацыі і дзейнасці разнастайных тыпаў навучальных устаноў на тэрыторыі Беларусі ў канцы XVIII – першай палове XIX ст. [29; 57], у тым ліку асобна – праваслаўнага духоўнага ведамства [12], рымска-каталіцкай царквы [34], ваенна-навучальных [6; 7]. Зразумела, што ў кнігах і артыкулах па такога роду тэматыцы сустракаецца інфармацыя адносна фінансавання як навучальных устаноў, так і асобных чыноў вучэбнай адміністрацыі.

Адным з накірункаў даследаванняў беларускай гістарычнай навукі апошніх дзесяцігоддзяў, як ўжо згадалася, стала вывучэнне сістэмы арганізацыі, структуры і функцый асобных мясцовых органаў дзяржаўнай улады і кіравання на тэрыторыі Беларусі ў азначаны час. Безумоўна, што пры даследаванні розных аспектаў арганізацыі, спосабаў фарміравання і напрамкаў дзейнасці адміністрацыйна-бюракратычнага апарату царызму ў Беларусі беларускія гісторыкі (С. М. Токць, А. А. Кісялёў, С. Л. Лугаўцова і інш.) не маглі не абмінуць увагай пытанні, звязаныя з прынцыпамі камплектавання губернскіх і ўездных уладных структур, асаблівасцямі фарміравання кадравага складу дзяржаўных служачых мясцовых органаў улады і кіравання [46; 64]. Высвятляючы месца (статус) і ролю чыноўніцкага корпуса ў іерархічнай сістэме дзяржаўнага кіравання губерняў Беларусі, вучоныя звярталі пэўную ўвагу на пытанне матэрыяльнага стану дзяржаўных служачых, паспрабавалі вызначыць вядучыя крыніцы даходаў мясцовай бюракратыі, віды і памеры грашовага ўтрымання чыноўнікаў [37]. Тым не менш, асобнага комплекснага даследавання адносна бюджэтаў губерняў пакуль яшчэ не створана. Няма і прац на конт такой важнай стадыі бюджэтнага працэсу, як арганізацыя і функцыянаванне сістэмы дзяржаўнага фінансавага кантролю.

Такім чынам, у працах прадстаўнікоў айчынай гістарычнай навукі часоў існавання Рэспублікі Беларусь утрымліваецца шэраг каштоўных, але фрагментарных фактаў, часам важных разважанняў над шляхамі вырашэння розных аспектаў пастаўленай аўтарам актуальнай праблемы.

Кароткі агляд стану распрацаванасці праблемы ў гістарычных даследаваннях, вопыт постсавецкай беларускай гістарыяграфіі і недастатковая ступень вывучанасці ў навуковай гістарычнай літаратуры апошніх дзесяцігоддзяў стану дзяржаўных фінансаў губерняў Беларусі канца XVIII – першай паловы XIX ст. пераконвае ў тым, што адным з напрамкаў далейшых даследаванняў можа стаць напісанне манаграфічных прац па кожнаму з акрэсленых тэматычных блокаў. Акрамя таго, неабходна стварэнне і комплекснай спецыяльнай працы аб своеасаблівасцях фінансавай палітыкі расійскага ўрада на тэрыторыі губерняў Беларусі ў азначаны час на аснове аналізу і навуковай інтэрпрэтацыі даных як неапублікаваных архіўных, так і апублікаваных крыніц, узважанай ацэнкі і пераасэнсавання гістарыяграфічнай спадчыны – з улікам міждысцыплінарнага падыходу і комплекснага выкарыстання метадаў іншых сацыяльна-гуманітарных навук.

БІБЛІАГРАФІЧНЫЯ СПАСЫЛКІ

1. *Анішчанка Я. К.* Фінансавая рэвізія кагалаў Гродзенскай губерні ў пачатку XIX ст. // *Весці Акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук.* 1995. № 1. С. 45–53.

2. *Анішчанка Я. К.* Фінансавыя мерапрыемствы адміністрацыі Кацярыны II у дзяржаўных маёнтках Беларусі // *Весці Акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук.* 1993. № 2. С. 77–86.

3. *Атрушкевич М. М.* Городское законодательство в Беларуси в 1820–1830-х гг. (гильдейская реформа Е. Ф. Канкрин) // *Вестник Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.* 2011. Сер. 3. № 1. С. 97–100.

4. *Балябин А. А.* Денежные знаки на Борисовщине в период войны 1812 г. // *Колодеевские чтения: сборник материалов: 200-летию событий войны 1812 г. на Борисовщине посвящается / сост. И. А. Карпова [и др.]. Борисов : Борисовская крупн. тип., 2012. С. 300–306.*

5. *Баюра А. Н.* Бумажно-денежное обращение на территории Беларуси в XVIII–XIX веках. Брест : Изд-во БГТУ, 2003. 124 с.

6. *Бригадин П. И., Лукашевич А. М.* Военная школа Беларуси. XVIII – первая четверть XIX в. Минск : БГУ, 2004. 117 с.

7. *Бригадин, П. И., Лукашевич А. М.* Мятежный корпус: из истории Александровского Брестского кадетского корпуса (1842–1863 гг.). Минск : ГИУСТ БГУ, 2007. 182 с.

8. *Бруханчик Е. А.* Кредитные операции Приказов общественного призрения в Беларуси в конце XVIII – середине XIX в. // *Гуманітарна-эканамічны вестник.* 2010. № 4. С. 106–112.

9. *Бурачонок А. В.* Налогообложение торговой деятельности сельского населения Беларуси в первой половине XIX в. // *История торговли, податків та мита: тезидоповідей X міжнародної наукової конференції.* Київ, 2016. С. 50–52.

10. *Бурачонок А. В.* Эволюция заканадаўства ў сферы падаткаабкладання гандлю на тэрыторыі Беларусі ў канцы XVIII – пачатку XX ст. // *Беларускі археаграфічны штогоднік / рэдкал.: Э. М. Савіцкі (гал. рэд.) [і інш.].* Мінск : БелНДДАС, 2016. Вып. 17. С. 118–133.

11. *Бурачонок А. В.* Змены ў падаткаабкладанні гандлёвай дзейнасці купецтва на тэрыторыі Беларусі ў канцы XVIII – пачатку XX ст. // *Гісторыя гандлю на тэрыторыі Беларусі: зб. навук. арт. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі; уклад.: А. А. Скеп'ян; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.].* Мінск : Беларуская навука, 2016. С. 256–265.

12. *Восович С. М.* Учебные заведения православного духовного ведомства в Беларуси, конец XVIII в. – 1914 г.: дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02. Минск, 2003. 268 л.

13. *Ганчарук І. Г., Ганчар А. І.* Рымска-Каталіцкі Касцёл у Беларусі (1772–1830 гг.): манаграфія. Гродна: ГДАУ, 2012. 382 с.

14. *Гісторыя Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.].* Мінск : Экаперспекыва, 2000–2006. Т. 4: Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / М. Біч [і інш.]. 2005. 519 с.

15. *Гісторыя сялянства Беларусі: у 3 т. / пад рэд. В. І. Мялешкі [і інш.].* Мінск : Беларуская навука, 1997. Т. 1. Гісторыя сялянства Беларусі ад старажытнасці да 1861 г. / Я. Анішчанка [і інш.]. 1997. 431 с.

16. *Горбацкі А. А.* Старообрядчество на белорусских землях: монографія. Брест: БрГУ им. А. С. Пушкина, 2004. 237 с.

17. *Гринкевич В.* Монеты периода восстания 1830–1831 годов. Топография находок на территории современной Республики Беларусь // *Банкаўскі веснік.* 2017. № 12. С. 51–53.

18. *Грузицкий Ю.* Ассигнации – первые бумажные деньги Российской империи // *Вестник Ассоциации белорусских банков.* 2000. № 47. С. 45–49.

19. *Грузицкий Ю. Л.* Банки Беларуси (70-е гг. XIX – начало XX в.). Минск : Экоперспектива, 2005. 167 с.

20. *Грузицкий Ю. Л.* Государственный заемный банк (1786–1859) // *Банкаўскі веснік.* 2009. № 31. С. 58–62.

21. *Грузицкий Ю. Л.* Гродненский приказ общественного призрения – первый губернский банк (1805–1859 гг.) // *Гродна і гродзенцы: дзевяць стагодзяў гісторыі: да 880-годдзя горада. Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі, Гродна, 10–11 красавіка 2008 г.) / рэдкал. А. І. Антоненка [і інш.].* Гродна, 2008. С. 189–193.

22. *Грузицкий Ю. Л.* История развития денежно-кредитной системы Беларуси: учебное пособие; под ред. В. Н. Рябцевича. 3-е изд., исправл. и доп. Минск : Экоперспектива, 2007. 231 с.

23. *Грузицкий Ю. Л.* Казенные банки в Беларуси // *Веснік Беларускага дзяржаўнага эканамічнага ўніверсітэта.* 2010. № 1. С. 91–95.

24. *Грузицкий Ю. Л.* Сохранная казна как ипотечное кредитное учреждение (1772–1859) // Банкаўскі веснік. 2010. № 13. С. 65–68.
25. *Грузіцкі Ю. Л.* Станаўленне і развіццё банкаўскай сістэмы ў Беларусі // Беларускі гістарычны часопіс. 2008. № 7. С. 14–20.
26. *Грузицкий Ю. Л.* Формирование кредитных учреждений в докапиталистической Беларуси // Вестник Ассоциации белорусских банков. 2008. № 15. С. 33–37.
27. *Грузицкий Ю. Л.* Частная ипотека в позднефеодальной Беларуси // Банкаўскі веснік. 2011. № 1. С. 64–67.
28. *Грузицкий Ю. Л.* Частный ипотечный кредит в феодальной Беларуси // Вестник Ассоциации белорусских банков. 2008. № 34. С. 24–28.
29. *Гурецкий А.* Политика даризма в области образования в Белоруссии в конце XVIII – первой четверти XIX в. (1772–1825 гг.) : автореф. ... дис. канд. ист. наук: 07.00.02 ; Белорус. гос. пед. ун-т. Минск, 1998. 20 с.
30. *Донских С. В.* История развития финансово-кредитной системы: пособие по одноименному курсу для студентов специальности 1-25 01 04 финансы и кредит. Гродно : ГрГУ, 2008. 347 с.
31. *Дроздова Е. А.* Городские общественные банки белорусских губерний (1785–1914) // Банкаўскі веснік. 2006. № 13. С. 58–62.
32. *Дроздова Е. А.* Учреждения мелкого кредита в белорусских губерниях (1840–1917) // Банкаўскі веснік. 2007. № 1. С. 59–65.
33. *Зайцева О. Е., Синчук И. И.* Находки монет 16–20 вв. в Дисне и Друе (к истории товарно-денежных отношений города и округа). Минск : Технопринт, 2001. 64 с.
34. *Зянюк Р. У.* Навучальны ўстанова рымска-каталіцкай царквы ў Беларусі (1772–1914 гг.). Мінск : Беларускае навука, 2017. 299 с.
35. *Касмылёў В. С.* Полацкі часовы манеты двор // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі : тэз. дакл. навук. канф., прысвеч. 1130-годдзю Полацка. Полацк, 1992. С. 29.
36. *Квизикявичус Л., Синчук И.* Курс рубля медью в серебряных копейках в 1803–1811 гг. по расходным записям Минской консистории // Двенадцатая Всероссийская нумизматическая конференция, Москва, 19–24 апреля 2004 г.: тез. докл. и сообщ. М., 2004. С. 178–179.
37. *Киселёв А. А.* Система управления и чиновничество белорусских губерний в конце XVIII – первой половине XIX в. Монография. Мінск : Военная академия РБ, 2007. 172 с.
38. *Колабава І. Н.* Архіўныя дакументы XIX – пачатку XX ст. аб знаходках манетных скарбаў на тэрыторыі Беларусі і набліжаных рэгіёнаў // Віцебскія старажытнасці: матэрыялы навуковай канферэнцыі, Віцебск, 23–24 кастрычніка 2014 г. / Віцебскі абласны краязнаўчы музей; рэдкал.: Г. У. Савіцкі [і інш.]. Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава, 2017. С. 90–97.
39. *Колобова И.* Монеты восстания 1830–1831 гг. на территории Беларуси // Białoruś, Litwa, Polska, Ukraina: Wspólne dzieje pieniądza. Supraśl, 20–22. X. 1994: materiały z I Międzynarodowej konferencji Numizmatycznej. Warszawa, 1996. S. 133–136.
40. *Колобова И. Н.* О денежной терминологии на территории Беларуси во второй четверти XIX в. // Нумизматические коллекции: наследие исторической Лит-

вы и связанных с ней стран – открытия для просвещения и науки: тезисы докладов Международной нумизматической конференции, Вильнюс, Национальный музей Литвы, 23–25 мая 2012 г. Вильнюс, 2012. С. 182–183.

41. *Корзун А.* Денежное обращение на Гродненщине в конце XVIII – середине XIX в. // *Банкаўскі веснік*. 2006. № 4. С. 31–33.

42. *Корсак О. В.* Финансирование статистических комитетов белорусских губерний Российской империи (1830-е – начало 1900-х гг.) // *Весн. Беларус. дзярж. ун-та*. Сер. 3. Гісторыя. Эканоміка. Права. 2016. № 1. С. 9–13.

43. *Куль-Сяльверстава С. Я.* Беларусь на мяжы стагоддзяў і культур: фарміраванне культуры Новага часу на беларускіх землях (другая палова XVIII ст. – 1820-я гады). Мінск : БДУ, 2000. 260 с.

44. *Лісейчыкаў Д. В.* Штодзённае жыццё ўніяцкага парафіяльнага святара беларуска-літоўскіх зямель 1720–1839 гг. Мінск : Медысонт, 2011. 195 с.

45. *Лісейчыкаў Д. В.* Святар у беларускім соцыюме: праспапаграфія ўніяцкага духавенства 1596–1839 гг. Мінск : Беларусь, 2015. 717 с.

46. *Луговцова С. Л.* Полицейские органы на территории белорусских губерний Российской империи в 30–40-е гг. XIX в.: формирование и деятельность // *Органы государственной власти и местного самоуправления: традиции и современность* (к 150-летию земской реформы в России): материалы Международной науч.-практ. конф., РАНХ и ГС; ПсковГУ, 13 ноября 2014 г. Псков, 2015. С. 128–137.

47. *Лукашевич А. М.* Белорусские земли в военно-стратегических планах Российской империи (конец XVIII в. – 1812 г.) : автореф. дис. ... докт. истор. наук: 07.00.02; БГУ. Минск, 2014. 48 с.

48. *Люты А. М.* Сацыяльна-эканамічнае развіццё Беларусі ў другой палове XVIII – першай палове XIX ст. Мінск: БДПУ, 2004. 320 с.

49. *Макарэвіч В. С.* Дробная шляхта Беларусі ў 30-60-я гг. XIX ст.: склад і эвалюцыя сацыяльна-прававога становішча: дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02. Минск, 2008. 158 л.

50. *Марозава С. В.* Уніяцкая царква ў этнакультурным развіцці Беларусі (1596–1839 гг.). Гродна : ГрДУ, 2001. 352 с.

51. *Насевіч В.* Свянцянскі павет // *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т.* Мінск: Бел. Энцыклапедыя, 1993–2003. Т. 6. Кн. 1. 2001. С. 266.

52. *Орлов А. П.* Бумажные денежные знаки на территории Беларуси 1769–2014: каталог. 2-е изд., доп. Минск : Минская ф-ка цвет. печ., 2014. 703 с.

53. *Пазднякоў В. С.* Папяровыя грошы Беларусі ад XVIII ст. да нашых дзён. Мінск : Беларуская энцыклапедыя, 2008. 212 с.

54. *Рыжкова С. А.* Налоговая политика государства в отношении купечества Беларуси во второй половине XVIII – первой половине XIX в. // *Айчынная і сусветная гісторыя: сучасныя погляды і метады даследаванняў: зб. навук. прац: у 2 ч.* Мінск : БДПУ імя М. Танка, 2000. Ч. 2. С. 124–126.

55. *Рябцевич В. Н.* Нумизматика Беларуси. Минск : Польшыя, 1995. 687 с.

56. *Самович А. Л.* Военнопленные XIX – начала XX в. в западном регионе России (историческое исследование). М. : Военный университет, 2011. 258 с.

57. *Самусік А. Ф.* Развіццё сістэмы асветы на беларускіх землях у 70-х гг. XVIII – 30-х гг. XIX ст.: дыс. ... канд. гіст. навук: 07. 00. 02. Мінск, 1998. 136 л.
58. *Семенова С. А.* Купечество Беларуси во второй половине XVIII – первой половине XIX в.: дис. ... канд. ист. наук: 07. 00. 02. Минск, 2004. 127 л.
59. *Синчук И.* Голландские червонцы Пилсудского, реформа Канкрин и народный курс // *Pieniądzy systemu monetarne – wspólne dziedzictwo Europy. Studia i Materiały.* Białoruś-Bulgaria-Litwa-Lotwa-Moldawia-Polska-Rosja-Rumunia-Słowacja-Ukraina/ red. K. Filipowa, B. Kuklik. Augustów–Warszawa : ZGPTN, 2012. С. 255–276.
60. *Синчук И.* Литовско-белорусский рублёво-злотова-грошовый счёт конца XVIII – начала XIX века // Международная нумизматическая конференция, посвященная 150-летию Национального музея Литвы, Вильнюс, 26–28 апреля 2006. Доклады. Вильнюс, 2010. С. 347–366.
61. *Соболевская О. А.* Повседневная жизнь евреев Беларуси в конце XVIII – первой половине XIX века: монография. Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы, 2012. 443 с.
62. *Соркіна І.* Мясцічкі Беларусі ў канцы XVIII – першай палове XIX ст. Вільня: ЕГУ, 2010. 488 с.
63. *Сосна У. А.* Фарміраванне саслоўна-групавога складу сялянства Беларусі ў канцы XVIII – першай палове XIX ст. Мінск БДУ, 2000. 115 с.
64. *Токць С. М.* Дзяржаўны апарат царызму ў Беларусі ў 30–60-х гг. XIX ст. (структура, функцыі, чыноўніцкі корпус): дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02. Мінск, 1997. 150 л.
65. *Трестьян И. Н.* Эволюция системы местных органов государственной власти на территории Беларуси (1772–1856 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02; БГПУ им. Максима Танка. Минск, 2018. 27 с.
66. *Филатова Е. Н.* Конфессиональная политика царского правительства в Беларуси 1772–1860. Минск : Белорусская наука, 2006. 192 с.
67. *Шайкоў В. І.* Лёс Полацкага манетнага двара // Беларускі гістарычны часопіс. 1998. № 2. С. 93–97.
68. *Шаўчэня М. М.* Развіццё гандлю ў Беларусі (канец XVIII – першая трэць XIX стет.): дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02. Гродна, 2003. 144 л.
69. *Шевкун П. В.* Империя и церковь: российская политика в отношении православия на территории Беларуси (1796–1855 гг.): монография. Витебск : ВГМУ, 2015. 202 с.
70. *Шишанов В. А.* К вопросу об обращении русских ассигнаций в губерниях «от Польши присоединенных» на рубеже XVIII–XIX вв. // Труды ГИМ. М., 2003. Вып. 138. С. 281–288. (Нумизматический сборник Государственного Исторического Музея. Т. XVI).
71. *Шишанов В.* «Иностраннный биллон» в финансовой политике России первой половины XIX века // Банкаўскі веснік. 2010. № 7. С. 91–94.

Іванова В. С.

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт (г. Мінск, Рэспубліка Беларусь)

**ЛЁС ПАДРУЧНІКА НІДЭРЛАНДСКІХ АРХІВІСТАЎ
С. МЮЛЕРА, І. ФЭЙТА І Р. ФРУІНА Ў АРХІВАЗНАЎЧАЙ
ГІСТАРЫЯГРАФІІ ХХ ст.**

«Пасля сканчэння першай сусветнай вайны пачаўся перыяд цензуравання еўрапейскай архівістыкі, які тым не менш прывёў да фарміравання пэўнай навуковай свядомасці, фармулявання прынцыпаў кіравання працэсамі дакумента- і архівастварэння...»

Здзіслаў Хмелёўскі [1, с. 91]

У 2018 г. споўнілася 120 гадоў з часу выхаду ў свет легендарнага падручніка нідэрландскіх архівістаў Самюэля Мюлера, Іохана Фейта і Роберта Фруіна «Кіраўніцтва па ўпарадкаванні і апісанні архіваў, распрацаванае Асацыяцыяй архівістаў Нідэрландаў» [2, 3, 4]. Ніводная архівазнаўчая праца да сённяшняга часу не мела такога распаўсюджвання і такога ўплыву на архіўную думку. Яна перакладзена на больш чым дзесяць моваў, перажыла больш 15 перавыданняў, апошняе з якіх было зроблена ўжо у ХХІ ст. За гэты час у нацыянальных архівазнаўчых школах склалася ґрунтоўная гістарыяграфія па вывучэнні і інтэрпрэтацыі прынцыпаў закладзеных у падручніку, яна з’яўляецца сваеасаблівым індыхатарам узроўню, накірункаў і ідэалагічных падыходаў ў развіцці архівазнаўства ў ХХ ст.

Пераклад на іншую мову, а таксама адаптацыя падручніка да іншай архіўнай традыцыі – гэта дастаткова складаны працэс, які выклікае шэраг праблем тэрміналагічнага характару. Некаторыя тэрміны існуюць толькі ў адной мове і не маюць дакладнага адпаведніка ў іншых, адны і тыя ж тэрміны маюць рознае значэнне і г. д. Адмоўнай рысай большасці перакладаў падручніка было тое, што ў гэтых краінах не было публічнага абмеркавання, як гэта рабілася ў Нідэрландах. Таму у другой палове ХХ ст. даследчыкі сцвярджалі, што перакладчыкі не глыбока разумелі сэнс падручніка, дапускалі шэраг недакладнасцяў і памылак.

Першы пераклад, што з’явіўся ў 1905 г. быў зроблены на нямецкую мову *Хансам Кайсерам (HansKaiser)*, і рэдагаваўся аўтарамі падручніка. Ініцыятарам нямецкага выдання і аўтарам прадмовы быў *Вільгельм Веганд (WilhelmWiegand)*. Для адаптацыі тэрмінаў рабілася адпаведныя

каментары. Для гэтага выдання аўтарамі быў цалкам перароблены 20 раздзел (аб іерархіі відаў дакументаў у межах фонда), паколькі пры перакладзе высветлілася шмат недакладнасцяў. Першы пераклад паказаў асноўныя цяжкасці інтэрпрэтацыі архівазнаўчага тэксту. Па сутнасці, гэта быў не пераклад, а даследчыцкая праца, скіраваная на ўвядзенне палажэнняў падручнікаў новы кантэкст.

Італьянскі пераклад, зроблены *Джавані Віттані (Giovanni Vittani)* і *Джузэпэ Банэллі (Giuseppe Bonelli)*, выйшаў у свет у 1908 г. Ён адбываўся з нямецкай версіі, бо нямецкая мова на той час была значна больш распаўсюджаная чым нідэрландская, а таксама таму, што нямецкі варыянт ужо меў дапаўненні, зробленыя аўтарамі. Перакладчыкі ў прадмове звярталі ўвагу, што прынцыпы, выкладзеныя ў падручніку, маюць універсальны характар, хаця і ілюструюцца прыкладамі з нідэрландскіх архіваў. Дадаваліся заўвагі, якія акцэнтавалі ўвагу на архіўнай сітуацыі ў Італіі.

Французскі пераклад, што таксама ўзгадняўся з аўтарамі, выйшаў як раз напярэдадні першага Міжнароднага кангрэса архівістаў і бібліятэкараў ў Брусэлі ў 1910 г. Ён быў зроблены нідэрландскім архівістам *Іосафам Кувелірам (Joseph Cuvelier)* і французскім навукоўцам *Генры Стайнам (Henri Stein)*, прадмову напісаў сябра Самюэля Мюлера *Генры Пірэн (Henri Pirenne)*. Выданне акрамя аўтарскіх, утрымлівала заўвагі Кайсера і было адаптавана да практыкі працы бельгійскіх і французскіх архіваў [5, с. 264–266].

Міжнароднае прызнанне ідэй падручніка пачалося не толькі з перакладаў, але перадусім з першага Міжнароднага кангрэса архівістаў і бібліятэкараў у Брусэлі ў 1910 г. Прэзідэнтам яго архіўнай секцыі быў Самюэль Мюлер, і яго добравядомыя погляды дамінавалі ў дыскусіях. Колькасць архівістаў у Брусэлі налічвала каля 60 чалавек: з Нідэрландаў (9 прадстаўнікоў), з Францыі, Германіі, Аўстра-Венгрыі, Італіі, Іспаніі і ЗША (ад трох да шасці прадстаўнікоў). Вялікабрытанія, Партугалія, Расія былі прадстаўленыя адной ці двума асобамі. Другой тэмай на першай сесіі было абмеркаванне «прынцыпа правеніенцый», прадстаўленага архівістам г. Ратэрдама *Эне Версумам (Epe Wiersum)* [6, с. 48; 7, с. 26–27]. Яго вызначэнне цалкам адпавядала трактоўцы Мюлера 1908 г. У выніку абмеркаванняў нідэрландская трактоўка прынцыпа была ўнесена у рэзалюцыю кангрэса. Пазней, у 1964 г. Іаган Папіц адзначаў, што нягледзячы на дасягнуты кансэнсус, лакальныя варыяцыі інтэрнацыянальнага прынцыпа працягвалі існаваць і далей [8, с. 26–27].

Падручнік быў перакладзены на балгарскую мову ў 1912 г. па прыватнай ініцыятыве Балгарскага народнага банка, для працы ў бягучым справаходстве. Пераклад быў зроблены з французскай, і мае істотныя недахопы ў тэрміналогіі, бо перакладчык, настаўнік французскай мовы *Дзімітры Поп Ілеў (Dimitri PopIlev)*, не меў ніякага ўяўлення пра прадмет. Тым не менш, кніга мела вялікую станоўчую ролю ў архіўнай справе Балгарыі [9, с. 387].

Расійскі сціслы пераклад падручніка на 56 старонках часопіса «Архивное дело» быў зроблены гісторыкам і картографам *Іванам Аляксандравічам Галубцовым* з французскага выдання. Аўтар перакладу «не браў на сябе ніякіх крытычных задач», яго мэтай было знаёмства чытача са зместам кнігі як яна ёсць. Ён адзначаў, што шэраг правілаў падручніка не могуць быць выкарыстаны ў савецкай архіўнай практыцы у прадстаўленай форме, але патрэбны асэнсаваны выбар і выкарыстанне іх у адпаведных умовах архіўнай справы [4, с. 18]. Поўны расійскі пераклад падручніка з французскай быў зроблены Л. Пакроўскай у 1931 г., і захоўваўся ў выглядзе машынапісу ў ЦАУ СССР. Менавіта на яго спасылаліся ў сваіх артыкулах даследчыкі наступных дзесяцігоддзяў [10, с. 85].

Вядомы таксама і польскамоўны пераклад, зроблены ўраджэнцам Беларусі, вядомым архівазнаўцам і архівістам *Рычардам Мянціцкім*, які так і застаўся ў рукапісе ў яго асабістым архіве, што захоўваецца ў адпаведным адзеле бібліятэкі Торунскага ўніверсітэта [11, с. 69].

У англійскую мову «сто правілаў» у поўнай сваёй версіі прыйшлі толькі ў 1940 г. Але знаёмства з імі ў ЗША і Вялікабрытаніі пачалося задоўга да гэтага. *Арнольд ван Лаэр (Arnold J. VanLaer)* і *Вальда Ліланд (Waldo H. Leland)* зрабілі прынцып правеніенцыі і іншыя «новыя» метадыкі вядомымі для сваіх калег з Амерыканскай гістарычнай асацыяцыі, шляхам публікацый і выступленняў. Брытанскі архівазнаўца Хілары Джэнкінсан у сваім «Падручніку па кіраванні архівамі» (1922) [12] у кожным раздзеле цытуе правілы Мюлера – Фэйта – Фруіна, параўноўваючы іх з іншымі падыходамі. Улічваючы тое, што сам падручнік Джэнкінсана перавыдаваўся тры разы, можна сказаць, што асноўныя ідэі нідэрландскіх архівістаў былі шырока вядомыя ў Брытаніі ў першай палове XX ст.

Што тычыцца амерыканскага перакладу, то яго стваральнік *Артур Левіт (Arthur H. Leavitt)*, у сваёй прадмове адзначаў: «дзіўна, што кніга дасюль не была перакладзена на англійскую мову, нягледзячы на тое, што яе прынцыпы ў значнай ступені выкарыстоўваліся ў архіўнай

справе Вялікабрытаніі і інш. краін». Пераклад рабіўся з нідэрландскага выдання 1920 г. з унясеннем некаторых зменаў. Ён уключыў шэраг каментароў з французскага выдання, а таксама ўласных тлумачэнняў. Для большасці архіўных тэрмінаў былі дадзеныя амерыканскія эквіваленты, адпаведна значная частка іх першапачатковага сэнсу была страчана. Заўважным недахопам гэтага выдання стала адсутнасць аўтарскіх карэктываў, што былі ўнесены ў нямецкі варыянт. Гэтыя ж недахопы распаўсюдзіліся на кітайскі і партугальскі пераклады.

Амерыканскія перавыданні адбыліся яшчэ двойчы: у 1968 і 2003 гадах. Апошняя ўтрымлівала грунтоўную прадмову нідэрландскіх даследчыкаў *Петэра Хорсмана (PeterHorsman)*, *Эрыка Кетэлаара (EricKetelaar)* і *Тэа Томасена (TheoThomassen)* з аналізам гісторыі падручніка і генэзіса архівазнаўчых ідэй. Гэтая прадмова адпаведна была скарачаным перакладам 105-ці старонкавай прадмовы да юбілейнага нідэрландскага перавыдання падручніка ў 1998 г. [5]

На кітайскай мове (як пераклад з амерыканскага выдання 1940 г.) падручнік быў выдадзены ў 1959 г. У 1960 г. Асацыяцыя архівістаў Нідэрландаў дала дазвол на выданне падручніка на партугальскай мове Нацыянальнаму архіву Бразіліі. Перакладчык *Мануэль Адольфа Вандэрлей (ManoelAdolphoWanderley)* за аснову таксама узяў амерыканскую версію, але выкарыстоўваў і іншыя выданні. Другое дапоўненае выданне на партугальскай мове пабачыла свет у 1973 г.

Як ужо адзначалася, у савецкай гістарыяграфіі значнай была цікавасць да падручніка, як і да іншых еўрапейскіх архіўных распрацовак у сярэдзіне 1920-х гг. Яна праяўлялася на старонках часопісаў, а таксама падчас архівазнаўчых дыскусій. Так, ва ўкраінскім часопісе «Архіўна справа» ў 1925 г. была надрукавана рэцэнзія на падручнік, зробленая, адказным сакратаром рэдкалегіі часопіса, харкаўскім архівістам *Вольгай Гаўрылаўнай Вадалажчанка (Водолажченко Ольга Гаврылівна)*, аналізаваўся падручнік і ў лекцыях *Васіля Іванавіча Вераценнікава (Веретенников Василь Иванович)* і *Міхаіла Васільевіча Глівенкі (Гливенко Михайло Васильович)*, распрацаваных для Украінскага інстытута павышэння кваліфікацыі.

Тым не менш, у гэты ж час, распачалася і хваля крытыкі ў адрас нідэрландскага падручніка, якая прывяла да яго фактычнага выключэння з савецкай гістарыяграфіі аж да 80-х гг. XX ст. Ужо на першым з'ездзе архіўных працаўнікоў РСФСР *Барыс Іосафавіч Анфілаў* адзначаў, што «у вызначэнні архіўнага фонда, дадзенага галандскімі архівістамі, шмат умоўнасцяў і недакладнасцяў... У ім няма той

катэгарычнасці, якая павінна быць у скончанай формуле вызначэння». Не згодны быў Анфілаў і з тэзісам аб тым, што сямейныя архівы не могуць складаць архіўны фонд [13, с. 249–250]. На той момант такія заўвагі былі абумоўленыя канкрэтнай практычнай сітуацыяй, з якой сутыкнуліся савецкія архівісты – стварэннем Адзінага дзяржаўнага архіўнага фонда, у які шляхам адзяржаўлівання ўвайшлі і былыя фамільныя архівы.

Канчатковаму «выкрыццю буржуазнай сутнасці» падручніка быў прысвечаны цэлы шэраг артыкулаў у сярэдзіне 1930-х гг. [10; 14] Савецкія архівазнаўцы ўгледзелі ў правілах падручніка: *«адрыў тэорыі ад практыкі (інтарэсы архіўныя ставіліся вышэй інтарэсаў гістарычнай навукі); фэтышызацыю дакументаў і справаводства ўстановаў (неабходнасць захавання старога парадку справаводства); адвядзенне архівісту ролі пасіўнага гледача (архівіст, што перабудоўвае фонд – галоўны вораг архіва)»*. С іншага боку, падкрэслівалася, што сістэма пабудовы фонда, гэта сістэма *«якая не парушае арганічную і гістарычную структуру фонда, г. зн. сістэма храналагічна-структурная ці структурна-храналагічная»* [14, с. 60–61, 68]. Вырванія з кантэкста тэзісы падручніка былі «выкрыты», аднак сутнасць прапаноў па сістэматызацыі фонда па структурнаму прынцыпу замацавалася і ў савецкім архівазнаўстве. Акрамя непасрэдна ідэалагічных закідаў, скіраваных на адмежаванне савецкіх архіваў ад заходняй гістарыяграфіі і пастаноўкі іх на службу марксістскай тэорыі, разважанні архівазнаўцаў таго часу мелі відавочны практычны вынік – архівісты атрымалі права перабудоўваць структуру фонда, зыходзячы з т. зв. «класавых інтарэсаў», «кіруючай ролі партыі» і палажэнняў марксістскай тэорыі.

Разам з «выкрыццём буржуазных тэорый», адбывалася і «выкрыццё» перакладчыкаў і папулярызатараў падручніка. Крытыкаваліся погляды В. І. Вераценнікава, М. В. Глівенкі, Г. Н. Чаброва [15] і інш. У 1930 г. па «справе гісторыкаў» быў арыштаваны І. А. Галубцоў, а ў 1937 г. В. Г. Вадалажчанка, як «актыўная удзельніца антысавецкай украінскай паўстанцкай арганізацыі».

Агучаныя прэтэнзіі да падручніка паўтараліся ў савецкай гістарыяграфіі аж да 1980-х гг. [16, с. 56; 17, с. 71], хаця і ў 1960-х гг. некаторыя даследчыкі адзначалі розную прыроду фондаў арганізацый і фондаў асабістага паходжання, якія ўтвараюцца па іншаму прынцыпу, прынцыпу пертыненцыі. З канца 1980-х гг., дзякуючы працам Уладзіміра Мікалаевіча Аўтакратава і Таццяны Інакенцеўны

Хархордзінай нідэрландская тэорыя была рэабілітаваная і ўвайшла ў арсенал ведаў архівістаў на постсавецкай прасторы [18; 19]. Яе невялікі аналіз даваўся ў працах украінскіх і беларускіх даследчыкаў [20, с. 174–176; 21, с. 8], а з 1998 г. эстонскі часопіс «Тупа» пачаў публікацыю яго перакладу на эстонскую мову.

Такім чынам, падручнік нідэрландскіх архівістаў у XX ст. стаў, па выказванні *Тэадора Шэленберга (Theodor Schellenberg)*, «бібліяй сучасных архівістаў». На працягу больш як стагоддзя «сто правілаў», выкладзеных у іх, ніхто не змог адмяніць, але дыскусія, выкліканая іх увядзеннем, стала асновай для фарміравання шэрагу еўрапейскіх архівазнаўчых школ.

БІБЛІЯГРАФІЧНЫЯ СПАСЫЛКІ

1. *Chmielewski Z.* Dojrzewanie tożsamości naukowej archiwistyki w systemach totalitarnych międzywojennej Europy // *Archiwa Polskiej Europy. Wspólnedziedzictwo – różnedoswiadczenia* / red. A. Kulecka. Warszawa, 2017. S. 73–99.

2. *Muller S., Feith J. A., Fruin R.* Handleidingvoorhet Ordenenen Beschrijvenvan Archiven: ontworpeninopdrachtvandeVereeniging van Archivarissen in Nederand. Groningen: Erven B. van der Kamp, 1898. 156 p.

3. *Muller Fr. S., Feith J. A., Fruin R.* Manual for the Arrangement and Description of Archives. Drawn up by direction of the Netherlands Association of Archivists / translation by Arthur H. Leavitt. NewYork, 1940. 225 p.

4. *Голубцов И. А.* Архивисты Голландии о приведении в порядок и описании архивов // *Архивное дело.* 1925. № 2. С. 2–40; № 3–5. С. 84–102.

5. *Horsman P., Ketelaar E., Thomasen T.* New Respect of the Old Order: the context of the Dutch Manual // *American Archivist.* Vol. 66. 2003. P. 249–270.

6. *Barritt Marriot Rabe* Coming to America: Dutch Archivistek and American Archival Practice // *Archival Issues.* 18, № 1. 1993. P. 43–54.

7. *Geller Lawrence D.* Joseph Cuvelier, Belgian Archival Education and the First International Congress of Archives, Brussels, 1910 // *Archivaria.* № 16. 1983. P. 26–34.

8. *Horsman P.* The Last Dance of Phoenix, or The De-discovery of Archival Fonds // *Archivaria.* № 54. P. 1–23.

9. *Дуйчев И.* Лекции по архивистика. София, 1991. 424 с.

10. *Фомин Н.* Систематизация архивных материалов // *Архивное дело.* 1937. № 2 (43). С. 75–101.

11. *Degen R.* MyślarchiwalnaRyszarda Mienickiego// *Ryshard Mienicki (1886-1956). Archiwista i historyk* / pod red. W. Chorążyczewskiego i R. Degena. Toruń, 2009. P. 67–88.

12. *Jenkinson H. A.* Manual of the Archive Administration, including the Problems of War Archives and Archive Making. London, 1922. 243 p.

13. Протоколы Ісьезда архивных деятелей РСФСР. 14–19 марта 1925 года / Централархив РСФСР. Ред. Н. Ф. Бельчикова, В. В. Максакова. М., 1926. 312 с.

14. Назин И., Доброва З. Провениенцпринцип в построении архивного фонда // Архивное дело. 1937. № 1 (42). С. 56–68.

15. Чабров Г. Н. К вопросу о систематизации архивных материалов // Ленинградский архивист. 1935. № 1. С. 64–83.

16. Бржостовская Н. В. Архивы и архивное дело в зарубежных странах (История и современная организация) / Учеб. пособие. Под ред. Ю. Ф. Кононова. М., 1971. 219 с.

17. Старостин Е. В. Западноевропейская историография архивоведения (конец XIX – первая треть XX в.) // Советские архивы. 1985. № 3. С. 70–77.

18. Автократов В. Н. Понятие происхождения в архивоведении // Археографический ежегодник за 1978 год / АН СССР. Отделение истории. Археограф. комис. ; редкол. С. О. Шмидт [и др.]. М. : Наука, 1979. С. 142–149.

19. Хорхордина Т. И. История Отечества и архивы. 1917–1980-е гг. М., 1994. 357 с.

20. Мацяш І. Б. Архівознаўства: методалогічны засады та історыя развітку К., 2012. 515 с.

21. Архівазнаўства: дапаможнік / А. М. Бяляўскі і інш. ; пад рэд. М. Ф. Шумейкі. Мінск : БДУ. 2013. 415 с.

Каханюўскі А. Г.

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт (г. Мінск, Рэспубліка Беларусь)

АГРАРНЫ КРЫЗІС 80-х гг. XIX ст. І ТРАНСФАРМАЦЫЙНЫЯ ЗМЭНЫ Ў БЕЛАРУСКАЙ ВЁСЦЫ

У другой палове XX ст. адным з перспектыўных кірункаў у айчынай гістарыяграфіі стала вывучэнне працэсаў сацыяльна-эканамічнага развіцця беларускай вёскі. Намаганнямі, перш за ўсё, акадэмічных даследчыкаў сфарміравалася навуковая школа па аграрнай гісторыі, якая мела прызнанне ў калег з суседніх краін. Аднак у апошнія дзесяцігоддзі той патэнцыял страчаны і толькі намаганнямі ўніверсітэцкіх гісторыкаў ідзе аднаўленне цікавасці да вывучэння эканамічнай гісторыі Беларусі. Але нават у лепшыя часы па-за ўвагай даследчыкаў засталася скурпулёзнае вывучэнне праяў сусветнага аграрнага крызісу канца XIX ст. на тэрыторыі Беларусі і яго ўплыву на мясцовыя гаспадарчыя і сацыяльныя працэсы.

Сусветны аграрны крызіс пачаўся ў 1873 г. Яму папярэднічала хуткае развіццё земляробства ў ЗША, Аўстраліі, Канадзе, некаторых краінах Лацінскай Амерыкі, якое аказалася больш эфектыўным, чым у

традыцыйных пастаўшчыкоў збожжа. У выніку рэзка ўзрасла сусветная вытворчасць хлеба. Вялікую ролю ва ўзнікненні крызісу адыграла значнае ўдасканаленне транспартнай сістэмы, што дазваляла хутка і танна дастаўляць зерне з Амерыкі ў Еўропу. Пачалося падзенне цэн на хлеб на еўрапейскіх рынках. Аграрны крызіс закрануў Расійскую імперыю некалькі пазней, чым краіны Заходняй Еўропы. Складанасці ў збыце збожжа тут узніклі з канца 1870-х гг., а з 1881 г. пачалося падзенне хлебных цэн, якое прадаўжалася, за выключэннем некалькіх гадоў, да канца 1897 г. Напярэдадні крызісу ў Расійскай імперыі значна вырасла зернявая гаспадарка, з'явіліся новыя збожжавыя раёны, што стымулявалася высокім узроўнем цэн на хлеб у самой Расіі, а таксама за мяжой. У сувязі з падзеннем цэн вытворцы земляробчай прадукцыі з беларускіх губерняў аказаліся не ў стане канкураваць з больш танным зернем з Амерыкі і поўдня Расіі. Геаграфічная блізкасць Беларусі да рынкаў збыту сельскагаспадарчай прадукцыі вызначыла тут спецыфіку развіцця крызісу. Ён праявіў сваё ўздзеянне ў беларускіх губернях раней, чым у другіх рэгіёнах Расійскай імперыі, і аказаў больш значны ўплыў на далейшае развіццё сельскай гаспадаркі. Рэзкія спады хлебных цэн і адпаведна вывазнага гандлю збожжам адбыліся ў 1887–1888 гг. і 1894–1895 гг. На развіццё хлебнага гандлю адмоўна паўплывала тарыфная палітыка расійскага ўрада. Перагляд збожжавых тарыфаў у 1889 і 1893 гг. у значнай ступені абумовіў выцясненне беларускага збожжа з яго традыцыйных рынкаў збыту. Акрамя таго, гэтыя тарыфы садзейнічалі наплыву ў Беларусь хлеба з цэнтральна-чарназёмных губерняў.

Аграрны крызіс прывёў да структурнай рэканструкцыі сельскай гаспадаркі Беларусі. Гэта праявілася перш за ўсё ў змене спецыялізацыі сельскагаспадарчай вытворчасці ў жывёлагадоўчым кірунку. На мяжы XIX–XX стст. Беларусь становіцца раёнам развітой малочнай гаспадаркі. У 90-х гг. тут налічвалася больш за 200 прадпрыемстваў па перапрацоўцы малочнай прадукцыі, якая пастаўлялася ў розныя рэгіёны Расіі і за мяжу. У гады аграрнага крызісу ў памешчыцкіх гаспадарках вырасла значэнне вінакурэння. Пасля спаду, выкліканага ўвядзеннем з 1863 г. акцызнай сістэмы, з другой паловы 80-х гг. пачаўся рост вінакурнай вытворчасці. У пачатку 90-х гг. яе валавы аб'ём узрос на 67 % у параўнанні з першай паловай 60-х гг. XIX ст. Аграрны крызіс прывёў да інтэнсіфікацыі вытворчасці ў памешчыцкіх і некаторых сялянскіх гаспадарках, пачала шырока выкарыстоўвацца ўдасканаленая сельскагаспадарчая тэхніка.

Развіццё мясамалочнай жывёлагадоўлі паўплывала на структуру пасяўных плошчаў, садзейнічала пашырэнню травасеяння. За апошнія дваццацігоддзе XIX ст. іх агульная плошча павялічылася ў 7,7 разоў, і беларускія губерні па ўдзельнай вазе кармавых культур у агульнай пасяўной плошчы выйшлі на трэцяе месца пасля Прыбалтыкі і прывісленскіх губерняў. Узрасла таксама вытворчасць тэхнічных культур, сярод якіх першае месца займала бульба, што ў сваю чаргу прывяло да паляпшэння тэхнічнай аснашчанасці сельскай гаспадаркі і павышэння ўзроўню аграцэхнікі.

Першыя два дзесяцігоддзі пасля адмены прыгоннага права былі дастаткова складанымі для памешчыцкіх гаспадарак, аднак 1880–1890-х гг., нягледзячы на стан аграрнага крызісу, яны ў большасці сваёй паступова пачалі прыстасоўвацца да рыначных адносін. Землеўласнікі вымушаны былі выкарыстоўваць удасканаленую тэхніку ў сельскагаспадарчай вытворчасці. Яны паступова перайшлі на вырошчванне тэхнічных культур, травасеяне. Важнай і распаўсюджанай галіной вытворчасці памешчыцкіх гаспадарак беларускіх губерняў стала інтэнсіўная жывёлагадоўля, была створана вялікая колькасць конезаводаў. Больш як удвая тут павялічылася колькасць буйной рагатай жывёлы. З 80-х гг. XIX ст. у памешчыцкіх гаспадарках дастаткова хуткімі тэмпамі развівалася малочна-таварная жывёлагадоўля.

На думку М. Доўнар-Запольскага, на мяжы 80–90-х гг. XIX ст. адбыўся пералом у сацыяльна-эканамічным развіцці Беларусі. У гэты час зніжаецца зямельная забяспечанасць у пераліку на адзін сялянскі двор [3, с. 233]. У сельскай гаспадарцы значна павялічылася колькасць лішняй працоўнай сілы, узрасла цяга сельскага насельніцтва да адыходных промыслаў. Цэны на зямлю хутка падымаюцца, набываючы спекулятыўны характар [179, с. 234]. Натуральным вынікам працэсу капіталізацыі стала збядненне вёскі. Запаволены рост гарадской прамысловасці не даваў магчымасці паглынуць лішнюю працоўную сілу вёскі [3, с. 235]. Расійскі эканаміст пачатку XX ст. А. Каўфман адной з прычын вастрыві аграрнага пытання лічыў імкненне сялян апрацоўваць зямлю больш і шырэй, замест таго каб лепш. Сказвалася векавая традыцыя сялян, калі ў іх ёсць зваротныя сродкі, накіроўваць іх не на паляпшэнне сваёй гаспадаркі, а на яе пашырэнне [4, с. 140]. Дадзеная заўвага А. Каўфмана можа ўспрымацца з пэўнымі агаворкамі, звязанымі са старавымі магчымасцямі сялянскіх гаспадарак, у тым ліку ступенню ўрадлівасці іх глеб.

З аграрным крызісам па часе супалі многія сацыяльныя працэсы ў сялянскім асяродку. На мяжы 70–80-х гг. XIX ст. А. Кіркор адзначаў пашырэнне сямейных перадзелаў сярод сялянства, непазбежнасць дадзенага працэсу [5, с. 214]. У газеце «Минский листок» 25 лютага 1892 г. паведамлялася: «Уварванне індывідуалізму ў сялянскую сям’ю, усе члены якой яшчэ нядаўна складалі адзінае цэлае, якое дэспатычна кіравалася старэйшым членам, робіць вялікія поспехі. Сямейныя раздзелы цяпер ужо звычайная з’ява і рэдка можна сустрэць сям’ю, якая трымаецца дзедзюўскіх заветаў» [1, с. 188–189]. С. Каваль з Горацкага павета ў сваёй карэспандэнцыі, апублікаванай ў кастрычніку 1911 г. на старонках «Нашай нівы», вельмі спачувальна адгукнуўся аб ранейшых традыцыях вялікай беларускай сям’і: «Калісь сяляне жылі вялікімі сем’ямі, ня дзелячыся. Старшым лічыўся бацька. Ён ведаў парадак... Цяпер ні так! Ажаніў бацька сына дык і аддзеляй; другога ажаніў – і яго аддзеляй. Пры дзяльбе сваркі ды бойкі» [7, с. 558–559]. У канцы XIX ст. пераважала ўжо малая, нуклеарная сям’я [9, с. 50]. Сямейныя раздзелы дазваляліся адпаведна пісьмоваму прыговору сельскай грамады, але большай часткай яны адбываліся самавольна. У Віленскай губерні да 1883 г. падзялілася каля 29 тыс. сялянскіх двароў (амаль 34 % ад іх колькасці). Паказальна, што падзелы, якія былі іправедзены афіцыйным шляхам, складалі толькі 4 % [6, с. 62]. У Віцебскай губерні ў 1899 г. было зафіксавана 445 сямейных раздзелаў, у тым ліку 224 без дазволу сельскай грамады. Аналагічная сітуацыя была ў Магілёўскай губерні [6, с. 63]. Побач з пераважаючай малой сям’ёй мела месца і неразделеная, галоўным чынам бацькоўская адналінейная. Неразделенымі заставаліся пераважна заможныя сем’і. Сямейныя раздзелы суправаджаліся скарачэннем дзетнасці сямей. Прычынамі сямейных раздзелаў М. Доўнар-Запольскі вызначаў збыдненне сям’і, малазямелле, неўраджаі, цяжкасці з пошукам працы, якія дапаўняліся даволі значнымі падаткамі, якія абцяжарвалі бюджэт селяніна [2, с. 63]. У канцы XIX ст. беларусы ўсё часцей сталі звяртацца да пісьмовага завяшчання маёмасці [2, с. 67]. Права на маёмасць селянін набываў толькі пасля ўтварэння ўласнай сям’і, пасля жаніцбы. Традыцыйнае права беларускіх сялян было пабудавана такім чынам, што нерухомая і рухомая маёмасць рэдка заставаліся без прамога спадчынніка [2, с. 71]. Права жанчыны на атрыманне ў спадчыну зямлі залежала ад таго, пераходзіла яна ў іншую сям’ю ці не. У першым выпадку яна не атрымлівала частку зямельнага ўладання. І. Сербаву адзначаў, што жанчына ў беларусаў-сакуноў, якія жылі ўздож рэк Пціч і Арэса, карысталася аднолькавымі правамі з

мужчынамі. Удава валодала маёмасцю мужа і ўдзельнічала ў агульных сходах сельскіх жыхароў [8, с. 48].

Аграрны крызіс наклаў адбітак на кірунак і эфектыўнасць рэалізацыі ўрадавых мерапрыемстваў на тэрыторыі Беларусі. Перш за ўсё, гэта датычыцца абмежавальных законаў у дачыненні яўрэяў і католікаў. Адносна эфектыўнасці прымянення іх у час крызісу буйны землеўласнік Мінскай губерні Э. Вайніловіч адзначаў: «Яўрэі, якіх застаў у вёсках закон 1882 года, пражывалі на так званых запушчаных пляцах і ўчастках, якія засталіся за памешчыкам пасля надзялення сялян; яны там пражывалі як трымальнікі патэнтных ці беспатэнтных кабакоў, якія здаваліся ў арэнду заўсёды па пісьмовых дамовах. Пасля 3 мая 1882 г. вотчыннаму ўладальніку пустэчаў і карчомных пабудоў заставалася адно з двух: ці прыбраць яўрэя з пабудоў і сядзібы, ці ігнараваць закон і дазволіць яўрэю жыць на ранейшых умовах. Большасць уладальнікаў выбрала гэты другі выхад не толькі па прычыне дабрадушнасці і спагады да пастаўленых па-за законам, што, аднак, часта магло мець месца, паколькі нярэдка некалькі пакаленняў так званых шынкароў зжылося і несла службу столькім жа пакаленням вотчынікаў» [10, с. 90–91]. Часта высяленне яўрэя было немагчымым з прычыны фінансавай залежнасці вотчыніка ад шынкара як крэдытора ці паслужлівага фактара. На практыцы аказвалася, што гэта было адзіна прымальнае выйсце для землеўласнікаў, паколькі ў іншым выпадку ён вымушаны быў гадамі судзіцца з арандатарамі.

Пытанне аб уплыве на беларускую вёску сусветнага аграрнага крызісу 80-х гг. XIX ст. застаецца да канца не вырашаным. Характарыстыка змены спецыялізацыі сельскагаспадарчай вытворчасці ў Беларусі, перабудова сялянскіх гаспадарак пад патрабаванні рынку не акрэслівае ўсёй палітры пытанняў, звязаных з уздзеяннем аграрнага крызісу. Застаецца ў баку ад навуковых праектаў гісторыкаў неабходнасць сістэмнага аналізу трансфармацый у эканоміцы пад уплывам аграрнага крызісу, фарміравання прадпрымальніцкага светапогляду ў суб'ектаў гаспадарчага жыцця таго часу, эвалюцыі памешчыцкай гаспадаркі і г. д.

БІБЛІАГРАФІЧНЫЯ СПАСЫЛКІ

1. Белоруссия в эпоху капитализма : сб. док. и материалов : [в 2 т.] / Гл. арх. упр. при Совете Министров БССР, Ин-т истории Акад. наук БССР. Минск : Наука и техника, 1983–1990. Т. 1: Развитие капитализма в сельском хозяйстве Белоруссии / сост.: В. И. Мелешко [и др.]; ред.: К. И. Шабуня, В. Н. Жигалов. 1983. 272 с.

2. *Довнар-Запольский М. В.* Очерки семейственного права крестьян Минской губернии. М. : Типо-литогр. К. Ф. Александра, 1897. 78 с.
3. *Довнар-Запольский М. В.* Народное хозяйство Белоруссии, 1861–1914 гг. Минск : Изд. Госплана БССР, 1926. 239 с.
4. Кауфман А. А. Аграрный вопрос в России: курс нар. ун-та. 2-е, доп. изд. [М.] : Моск. науч. изд-во, 1918. 268 с.
5. *Киркор А. К.* Литовское Полесье // Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении [в 12 т.] / под ред. П. П. Семенова. СПб. ; М., 1882. Т. 3, ч. 1. С. 3–218.
6. *Панютич В. П.* Социально-экономическое развитие белорусской деревни в 1861–1900 гг. ; Акад. наук Беларуси, Ин-т истории; науч. ред. П. Г. Козловский. Минск : Навука і тэхніка, 1990. 375 с.
7. *Саўка Каваль. С.* Хоміно // Наша Ніва: першая беларус. газ. з рыс. Факс. выд. [Мінск, 2003]. Вып. 4: 1911. С. 558–559.
8. *Сербов И. А.* Белорусы-сакуны: крат. этногр. очерк. Петроград : Тип. Императ. Акад. наук, 1915. [2], II, XVII. 180 с.
9. Сям'я і сямейны быт беларусаў / В. К. Бандарчык [і інш.]; Акад. Навук Беларус. ССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору. Мінск : Навука і тэхніка, 1990. 256 с.
10. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности: [в 58 т.]. СПб. : Тип. И. Гольдберга, 1903–1904. Т. 21: Минская губерния. VIII. 435 с.

Ковяко И. И.

УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка» (г. Минск, Республика Беларусь)

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ К АНАЛИЗУ НОВОЙ ВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКИ В. БРАНДТА

Память об историческом прошлом Германии, укрепление позиций ФРГ в интеграционных структурах Запада, изменения в международной политике великих держав в 1960–1980-х гг. – все это способствовало актуализации германского вопроса в новом измерении и неразрывно связывало анализ новой восточной политики канцлера Вилли Брандта с изучением германской проблемы в целом. Начиная со второй половины 1960-х гг. в Великобритании и США появилось значительное количество публикаций, посвященных исследованию новой восточной политики и ее последствий для западного мира. Формирование основных подходов к изучению проблемы согласовывалось с изменениями формы гер-

манского вопроса, а также германской политики США и Великобритании. На протяжении 1960–2000-х гг. произошло неоднократное смещение акцентов в работах историков, которые занимались изучением и анализом новой восточной политики.

Реализация ФРГ нового курса в отношении стран Центральной и Восточной Европы в середине – второй половине 1960-х гг. вызвала неоднозначную реакцию в общественно-политических и научных кругах США и Великобритании. В процессе изучения данной проблемы исследователи придерживались, главным образом, двух подходов – консервативного (школа «сдерживания») и рационалистического¹. В работах авторов консервативного направления содержались критические оценки новой восточной политики, выражались опасения в связи с возможной «финляндизацией» или «самофинляндизацией» Западной Германии. Авторы прогнозировали ослабление связей ФРГ с Западом, выработку автономной германской политики в отношении СССР и социалистических стран Европы, возврат Бонна к прежней печально известной геополитической тактике «маятника» – лавирования между Востоком и Западом с целью достижения узконациональных целей. Так, профессор Льюис Эдингер (Колумбийский университет, США) с тревогой отмечал возрастание экономической и политической активности ФРГ в восточном направлении и одновременное ослабление зависимости Западной Германии от США в военной сфере. Автор прогнозировал переход от биполярности к многополярности, усиление влияния ФРГ в Центральной и Восточной Европе и возможное возрождение националистических идей в среде молодого поколения немецких граждан. В таком случае политика «маленьких шагов» в восточном направлении, по мнению исследователя, в будущем могла смениться политикой больших и уверенных шагов [5, с. 339–341]. Непредсказуемый и потенциально опасный характер мероприятий правительства ФРГ в восточном направлении отмечал исследователь Уильям Джонс в статье «Германия: перспективы националистического возрождения» (1970) [9, с. 318]. Заявления В. Брандта о преданности НАТО и ЕЭС оказались недостаточно убедительными сотруднику Университета Лафборо (Великобри-

¹Подробнее о формировании консервативной и рационалистической традиции в англо-американской историографии германского вопроса см. Gimbel J. *The American occupation of Germany. Politics and the military, 1945–1949*. Stanford: Stanford University Press, 1968. 335 p. ; Lewkowicz N. *The German question and the international order, 1943–1948*. London: Palgrave Macmillan, 2010. 253 p.

тания) Джеффри Робертсу, который выражал тревогу в связи с ослаблением роли НАТО в Европе и одновременным усилением позиций ФРГ. По мнению автора, Западная Германия, воспользовавшись тяжелой ситуацией, с которой столкнулись США в Азии, была способна выработать собственный независимый курс в европейской политике [16, с. 180–181].

Другая группа исследователей, представлявших рационалистическое направление, считала подобные опасения несостоятельными. С их точки зрения, подписание Четырехстороннего соглашения по Западному Берлину и Договора об основах отношений между ФРГ и ГДР не причинили ни малейшего беспокойства США. Эти договоренности свидетельствовали о принятии ФРГ тех реалий, которые США де-факто уже давно признали. Авторы упрекали представителей консервативного направления в недостаточном учете проблем советского блока и недооценке мощи США. По их мнению, новый курс скорее будет содействовать «финляндизации» Польши и Чехословакии, ослаблению их зависимости от Москвы и дезинтеграции социалистического блока [4, с. 488; 13, с. 240; 20, с. 212–215].

В середине 1970-х гг. в связи с успешной ратификацией восточных договоров и запуском механизма подготовки СБСЕ произошло смещение акцентов на позитивное восприятие новой восточной политики как ключевого компонента международной разрядки. Британский историк-германист, сотрудник Брэдфордского университета Джон Соуден в работе «Германский вопрос 1945–1973» (1975) подчеркнул положительный характер договоров 1970–1972 гг. для западного мира. Особенно высокая оценка была дана Четырехстороннему соглашению 1971 г., которое свидетельствовало об открытом характере германского вопроса и подтверждало права тройки западных держав в Берлине [18, с. 340]. Сотрудник Университета Питтсбурга Пол Хэммонд также выразил уверенность в том, что политика В. Брандта не несла угрозы целостности НАТО. С точки зрения автора, новый курс ФРГ продемонстрировал, что немцы, преследуя свои национальные цели в рамках блока, могут успешно работать на общее благо всех его членов [7, с. 289].

Во второй половине 1970-х – 1980-е гг. анализ сущности и результатов новой восточной политики в англо-американской историографии претерпел определенные изменения. С одной стороны, в рамках рационалистического направления сохранилась тенденция к положительной оценке мероприятий В. Брандта. В целом в работах представителей данного направления результаты новой восточной политики ФРГ рас-

ценивались как успех западногерманской дипломатии, который способствовал укреплению позиций стран Запада на международной арене и реализации их совместных задач. Подобные выводы содержатся в работах Вольфрама Ханридера, Роджера Моргана, Клея Клеменса [3, с. 239; 8, с. 20; 12, с. 31].

С другой стороны, в данный период наблюдалось заметное укрепление консервативного направления. Ослабление зависимости ФРГ от США и стабилизация режима ГДР воспринимались как неблагоприятные последствия новой восточной политики, которые могут таить значительный потенциал проблем для западного блока государств. В 1980-е гг. ФРГ неохотно воспринимала идеи увеличения и модернизации вооружений НАТО в Европе, поскольку подобные мероприятия неизбежно вели к ухудшению отношений с СССР и осложнению межгерманского диалога. Отдельные британские и американские исследователи пришли к заключению, что новая восточная политика привела к возникновению глубоких противоречий внутри НАТО, автономизации внешнеполитической деятельности ФРГ и усилению роли немецкого национального фактора при выработке и принятии решений НАТО. Примером могут служить публикации Анджелы Стент (Джорджтаунский университет, США) и Эдвины Моретон (Университет Аберистуит, Великобритания) [11, с. 11–12; 19, с. 154].

После падения Берлинской стены и объединения Германии в работах историков Великобритании и США окончательно утвердились положительные оценки внешнеполитического курса В. Брандта. Публикации 1990-х – 2000-х гг. больше не содержат критики и пессимистичных прогнозов. Исследователи констатируют, что при проведении новой восточной политики ФРГ оставалась надежным союзником стран Запада, курс на развитие отношений с государствами социалистического блока не имел ничего общего с национализмом и поведенческой тактикой «маятника». Новая восточная политика была изначально основана на базовых принципах курса К. Аденауэра – приоритет западной интеграции над объединением Германии [2, с. 61, 82, 92; 14, с. 148; 15, с. 10–11; 17, с. 217, 223, 257]. Историки Мэри Фулбрук (Университетский колледж Лондона), Тони Армстронг (Уэсли колледж, Делавер), Тони Джадт (Нью-Йоркский университет) отмечают, что благодаря новой восточной политике В. Брандта в Центральной и Восточной Европе были приведены в действие внутренние механизмы, которые сделали возможными «бархатные» революции и способствовали объединению Германии [1, с. 11; 6, с. 81; 10, с. 573]. Таким образом, авторы сходятся во мнении,

что новая восточная политика не только не несла в себе угрозы единству западного мира, но также способствовала расширению сферы его влияния в восточном направлении. Незначительная критика новой восточной политики сохраняется в работах отдельных авторов консервативного направления, которые отмечают, что без долгосрочной экономической и политической поддержки со стороны ФРГ, режим ГДР прекратил бы свое существование гораздо раньше.

В заключение следует отметить, что изучение проблемы новой восточной политики ФРГ в англо-американской историографии, развиваясь в рамках двух основных течений (консервативного и рационалистического), прошло три основных этапа. Во второй половине 1960-х – начале 1970-х гг. в работах британских и американских историков особенно отчетливо прослеживаются опасения в связи с нарастанием независимости ФРГ во внешней политике, выражается тревога по поводу ее возможного выхода из западных структур и превращения в нейтральное государство. После подписания восточных договоров и Заключительного акта СБСЕ в 1975 г. эти опасения постепенно уходят из работ британских и американских историков. Однако в 1980-е гг. в связи с актуализацией германской проблемы, возникновением разногласий в НАТО и нарастающей экономической и политической мощью ФРГ подходы к анализу новой восточной политики снова претерпели изменения. Главными угрозами, которые могли быть созданы в ходе новаторского курса В. Брандта, британские и американские исследователи называли стабилизацию, экономическое и политическое укрепление режима ГДР, а также возможный рост националистических настроений в ФРГ и рост ее влияния на политику блока НАТО. После объединения Германии абсолютное большинство авторов отмечают изначальную безопасность и стратегический успех новой восточной политики, которая способствовала не только разрешению германского вопроса, но также дезинтеграции блока социалистических государств и бескровной демократизации стран Центральной и Восточной Европы. В результате это привело к заметному усилению позиций стран Запада как в региональном (европейском), так и глобальном масштабе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Armstrong T.* Breaking the ice: rapprochement between East and West Germany, the United States and China, and Israel and Egypt. Washington: United States Institute of Peace Press, 1993. 187 p.

2. *Banchoff T.* The German problem transformed: institutions, politics and foreign policy, 1945–1995. Michigan: The University of Michigan, 1999. 230 p.
3. *Clemens C.* Reluctant realists: the CDU/CSU and West German Ostpolitik, 1969–1982. Durham; London : Duke University, 1989. 369 p.
4. *Clemens W. C.* The Soviet world faces West: 1945–1970 // *International Affairs*. 1970. Vol. 46. № 3. P. 475–489.
5. *Edinger J. L.* Politics in Germany. Attitudes and processes. Boston: Little, Brown and Co., 1968. 360 p.
6. *Fulbrook M.* The two Germanies, 1945–1990. Problems of interpretation. London: Macmillan, 1992. 114 p.
7. *Hammond P. Y.* Cold war and détente. New York : Harcourt Brace Jovanovich, 1975. 370 p.
8. *Hanrieder W. F., Graeme P. A.* The foreign policies of West Germany, France and Britain. Englewood Cliffs : Prentice-Hall, 1980. 314 p.
9. *Johnes W. T.* Germany: prospects for a nationalist revival // *International Affairs*. 1970. Vol. 46. № 2. P. 316–322.
10. *Judt T.* Postwar. A history of Europe since 1945. New York : Penguin Press, 2005. 967 p.
11. *Moreton E.* The German question in the 1980s // *Germany between East and West* / Ed. by E. Moreton. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. p. 3–20.
12. *Morgan R.* 54: West Germany's foreign policy agenda // *The Washington papers*. Vol. VI. London : Sage, 1978. 79 p.
13. *Morgan R.* The United States and West Germany, 1945–1973. A study in Alliance politics. London : Oxford University, 1974. 282 p.
14. *Munro C.* Britain and German Ostpolitik // *Deutschland und Russland in der britischen Kontinentalpolitik seit 1815* / Hsg. von A. M. Birke und H. Wentker. Muenchen; New Providence; London; Paris : Saur, 1994. P. 145–155.
15. *Pittman A.* From Ostpolitik to reunification: West German – Soviet political relations since 1974. N. Y. : Cambridge University Press, 1992. 226 p.
16. *Roberts G.* West German politics. New York : Taplinger Publishing Company, 1972. 206 p.
17. *Smyser W.* From Yalta to Berlin: The cold war struggle over Germany. New York : St. Martin's Griffin, 1999. 465 p.
18. *Sowden J. K.* The German question, 1945–1973. Continuity in change. London : Bradford University, 1975. 404 p.
19. *Stent A.* From embargo to Ostpolitik. The political economy of West German-Soviet relations, 1955–1980. Cambridge : Cambridge University, 1981. 328 p.
20. *Wolfe J. H.* West Germany's Ostpolitik // *World Affairs*. 1971. Vol. 134. № 3. P. 210–219.

Космач П. Г.

Белорусский государственный университет (г. Минск, Республика Беларусь)

**СОВРЕМЕННАЯ АНГЛОЯЗЫЧНАЯ
ИСТОРИОГРАФИЯ О РОЛИ РЕЛИГИИ
В АМЕРИКАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ XVIII в.**

В рамках современных социально-гуманитарных исследований происходит существенное переосмысление роли религии в Новое и Новейшее время [3, с. 115–123]. Так, французская модель интеллектуальной культуры «Века Разума», носившая антиклерикальный и во многом антирелигиозный характер, уже не рассматривается в качестве универсальной [4, с. 585]. В других странах Запада ситуация значительно отличалась: критика церкви далеко не всегда приобретала радикальный характер, а конфессиональный фактор продолжал оказывать влияние на политическую жизнь. Важным примером, иллюстрирующим специфику роли религии в истории эпохи Просвещения, выступают события и процессы, связанные с образованием Соединенных Штатов Америки.

Особое место в американской историографии XX в. занимает П. Миллер, подготовивший ряд фундаментальных исследований по истории пуританизма. Занимаясь преимущественно XVII в., он, тем не менее, в некоторых своих работах показал важнейшую роль пуританской ковенантной традиции в сопротивлении мерам британского правительства [24, р. 336, 343]. Развитие исторической мысли в США свидетельствует о плодотворности выдвинутой П. Миллером концепции, в рамках которой подчеркивалось, что идеи независимости колоний имели религиозный контекст. Существенным событием стал выход работы К. Брайденбо «Митра и скипетр: Трансатлантические верования, идеи, личности и политика» (1962), где была комплексно рассмотрена политическая роль англиканства в колониях [10]. В 1966 г. вышла работа А. Хеймерта «Религия и американское сознание: от Великого пробуждения до революции», которая была посвящена памяти умершего в 1963 г. П. Миллера [19]. В ней показано, что кальвинистские убеждения, распространению и защите которых способствовало т. н. «Великое пробуждение» протестантизма 1730–1740-х гг., сыграли важную роль в развитии американского самосознания на протяжении XVIII в.

Работы П. Миллера, К. Брайденбо, А. Хеймерта определили начало нового периода в разработке проблем, связанных с религиозным фактором в истории образования США. Их достижения использовались при

подготовке двух капитальных трудов по данной проблематике – в 1967 г. вышла книга Б. Бейлина «Идеологические источники Американской революции», а в 1969 г. – «Создание Американской республики, 1776–1787» Г. Вуда. В работе Б. Бейлина, получившей Пулитцеровскую премию и премию Бэнкрофта, были определены основные источники политической мысли Американской революции, среди которых находились социально-политические теории новоанглийского пуританизма [5, р. 32]. Книга Г. Вуда показала важную часть идеологии восставших колонистов – республиканскую традицию, воплощенную в идеале «христианской Спарты», который включал положения, характерные для пуританского мировоззрения [34, р. 114]. В предисловии к изданию 1998 г. автор признал возможность дополнения книги материалом по проблемам религии и политической экономии.

Одним из наиболее важных направлений стало исследование роли религии в становлении американской нации и отделении колоний от Великобритании. Здесь следует отметить книги Э. Тавсона («Нация-искупитель. Идея американской миллениальной роли», 1968) [31], С. Берковича («Пуританские основы американской идентичности», 1975 г. и «Американская иеремияда», 1978 г.) [6; 7], Дж. Биренса («Провидение и патриотизм в ранней Америке, 1640–1815», 1978 г.) [8], Н. Хэтч («Священное дело свободы: Республиканская мысль и миллениум в революционной Новой Англии», 1977 г.) [18]. Промежуточный итог работы в этом направлении подвел британский историк Дж. Кларк в статье «Американская революция: религиозная война?», опубликованной в журнале «Historytoday» (декабрь 1990 г.) [11]. В дальнейшем он подготовил фундаментальную монографию «Язык свободы, 1660–1832: Политический дискурс и социальная динамика в англо-американском мире» (1994) [12], где показал, что радикальные общественные движения как в самой Великобритании, так и на подвластных ей территориях в означенный период имели религиозное измерение, что относилось и к политической жизни в целом. Книга Дж. Кларка стала частью нового направления в англоязычной историографии – т. н. «трансатлантических исследований», в рамках которых делается акцент на взаимной обусловленности событий и процессов, происходивших в метрополии и колониях.

Тематические исследования различных американских научных центров нашли отражение в сборниках статей, среди которых: «Религия, общественная жизнь и американское государственное устройство» (под редакцией Л. Луго, 1994 г.) [27]; «Религия в революционную эпоху»

(под редакцией Р. Хоффмана и П. Альберта, 1994 г.) [26], подготовленный Историческим обществом Капитолия Соединенных Штатов; «Религия и новая республика: Вера в основании Америки» (под редакцией Дж. Хатсона, 2000 г.) [25], изданный на основе материалов специального симпозиума, проведенного Библиотекой Конгресса США 18–19 июня 1998 г.; а также «Вера и основатели американской республики» (под редакцией Д. Дрейсбаха и М. Холла, 2014 г.) [16].

Важными работами, в которых по-новому рассматривалась роль религии в государственно-правовом оформлении США, стали книги Э. Сандоз – «Правовое правительство: политическая теория, религия и основание Америки», 1990 г.) [29]; Д. Дэвиса – «Религия и Континентальный конгресс, 1774–1789», 2000 г.) [13]; Ф. Лэмберта – «Отцы-основатели и место религии в Америке», 2003 г.) [23]; Т. Кидда – «Бог свободы: Религиозная история Американской революции», 2010 г. [22]. Систематическому изучению религиозных взглядов лидеров Американской революции посвящена книга Э. Гостеда [17]. В работах Д. Дрейсбаха [14; 15] и Дж. Хатсона [20; 21] отражается специфическое понимание светскости, которое разделяли американские государственные деятели XVIII в. Они отмечают, что в его основе лежало стремление не допустить установления государственной церкви (на федеральном уровне), а сами «отцы-основатели» США высоко ценили общественные функции религии.

Вопрос о религиозном контексте формирования государственно-правовых институтов США остается дискуссионным в рамках научной и публицистической литературы. К сожалению, во многом сохраняется тенденция игнорирования или замалчивания соответствующих аспектов общественно-политической жизни того времени [3, с. 93–94]. Вместе с тем англоязычные исследователи добились значимых результатов, которые постепенно получают все более широкое признание в научном сообществе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Бейлин Б.* Идеологические истоки Американской революции. М. : Новое издательство, 2010. 308 с.
2. *Вуд Г. С.* Идея Америки. Размышления о рождении США. М. : Издательство «Весь Мир», 2016. 432 с.
3. *Космач П. Г.* Эпоха Просвещения: страницы истории духовно-интеллектуальной культуры. Минск : РИВШ, 2017. 170 с.

4. Мир Просвещения. Исторический словарь / Под ред. В. Ферроне и Д. Роша. М. : Памятники исторической мысли, 2003. 668 с.
5. *Bailyn B.* The Ideological Origins of the American Revolution. Cambridge : The Belknap Press of Harvard University Press, 1976. 334 p.
6. *Bercovitch S.* The Puritan Origins of the American Self. New Haven and London : Yale University Press, 1975. 250 p.
7. *Bercovitch S.* The American Jeremiad. Madison : The University of Wisconsin Press, 1978. 239 p.
8. *Berens J.* Providence and Patriotism in Early America, 1640–1815. Charlottesville: University Press of Virginia, 1978. 188 p.
9. *Bonomi P. U.* Under the Cope of Heaven: Religion, Society, and Politics in Colonial America. New York: Oxford University Press, 2003. 291 p.
10. *Bridenbaugh C.* Mitre and Sceptre: Transatlantic Faiths, Ideas, Personalities, and Politics, 1689–1775. New York : Oxford University Press, 1962. 354 p.
11. *Clark J.* The American Revolution: A War of Religion? // History Today. 1989. Vol. 39. Issue 12 (December 1989). P. 10–16.
12. *Clark J.* The Language of Liberty 1660–1832. Political Discourse and Social Dynamics in the Anglo-American world. Cambridge : Cambridge University Press, 1994. 404 p.
13. *Davies D. H.* Religion and the Continental Congress 1774–1789: Contributions to Original Intent. Oxford, New York: Oxford University Press, 2000. 309 p.
14. *Dreisbach D.* Real Threat and Mere Shadow: Religious Liberty and the First Amendment. Westchester: Crossway Books, 1987. 351 p.
15. *Dreisbach D.* Thomas Jefferson and the Wall of Separation between Church and State. New York and London: New York University Press, 2002. 282 p.
16. Faith and the Founders of the American Republic / Ed. by D. Dreisbach and M. D. Hall. New York: Oxford University Press, 2014. 366 p.
17. *Gaustad E.* Faith of the Founders: Religion and the New Nation, 1776–1826. Waco : Baylor University Press, 2004. 196 p.
18. *Hatch N.* The Sacred Cause of Liberty: Republican Thought and the Millenium in Revolutionary New England. New Haven & London : Yale University Press, 1977. 199 p.
19. *Heimert A.* Religion and the American Mind from Great Awakening to the Revolution. Cambridge : Harvard University Press, 1966. 668 p.
20. *Hutson J.* Religion and the Founding of the American Republic. Washington : Library of Congress, 1998. 136 p.
21. *Hutson J.* Forgotten Features of the Founding. The Recovery of Religious Themes in Early American Republic. Lanham [etc.] : Lexington Books, 2003. 197 p.
22. *Kidd T. S.* God of Liberty: A Religious History of the American Revolution. New York : Basic Books, 2010. 298 p.
23. *Lambert F.* The Founding Fathers and the Place of Religion in America. Princeton : Princeton University Press, 2003. 328 p.

24. *Miller P.* From Covenant to the Revival // *The Shaping of American Religion*/ Ed. by W. Smith and A. Leland Jamison. Princeton, New Jersey : Princeton University Press, 1961. P. 322–368.
25. *Religion and the New Republic: Faith in the Founding of America* / Ed. by J. Hutson. Lanham, Boulder, New York, Oxford : Rowman and Littlefield Publishers, Inc., 2000. 213 p.
26. *Religion in a Revolutionary Age* / Ed. by R. Hoffman, P. Albert. Charlottesville: University Press of Virginia, 1994. 335 p.
27. *Religion, Public Life and the American Polity* / Ed. by L. Lugo. Knoxville: The University of Tennessee Press, 1994. 269 p.
28. *Rhoden N.* Revolutionary Anglicanism: The Colonial Church of England Clergy during the American Revolution. London: Macmillan Press LTD, 1999. 205 p.
29. *Sandoz E. A.* Government of Laws: Political Theory, Religion and the American Founding. Baton Rouge and London: Louisiana State University Press, 1990. 259 p.
30. *Shalev E.* American Zion: The Old Testament as Political Text from the Revolution to the Civil War. New Haven and London : Yale University Press, 2013. 239 p.
31. *Tuveson E.* Redeemer Nation: The Idea of America's Millennial Role. Chicago and London : The University of Chicago Press, 1968. 238 p.
32. *Wilson J. F.* Religion and the American Nation: Historiography and History. Athens and London : The University of Georgia Press, 2003. 104 p.
33. *Wood G.* Religion and the American Revolution // *New Directions in American Religious History* / Ed. by H. S. Stout, D. G. Hart. New York, Oxford : Oxford University Press, 1997. P. 173–205.
34. *Wood G.* The Creation of the American Republic 1776–1787. Chapel Hill and London : The University of North Carolina Press, 1998. 653 p.

Кухаренко А. А.

Белорусский государственный университет (г. Минск, Республика Беларусь)

ИСТОРИОГРАФИЯ ИПОТЕЧНОГО КРЕДИТОВАНИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ

В конце XIX – начале XX в. деятельность финансовых учреждений стала приоритетным направлением исследования для многих известных ученых, которые связывали с ними возможное решение аграрного вопроса в Российской империи. Историки, экономисты, юристы давали различные оценки кредитно-банковской системе и предлагали пути совершенствования деятельности государственных и коммерческих банков. После того как кредитно-банковская система Российской империи была разрушена, она стала предметом исследования преимущественно

историков, которые ставили цель определить роль финансовых учреждений в решении аграрного вопроса.

Историографию по исследуемой проблеме можно условно разделить на досоветскую, советскую и современную. Хронологические рамки досоветской историографии охватывают период с первой половины 1880-х гг. до 1917 г. Советская историография делится на два этапа: 1917 – первая половина 1950-х гг.; вторая половина 1950-х – 1980-е гг. Современная историография берет свое начало с 1990-х гг. [4, с. 15].

Первые работы, посвященные ипотечному кредитованию крестьянского населения белорусских губерний, появились еще в первой половине 1880-х гг. Деятельность Крестьянского поземельного банка рассматривалась в масштабе всей Российской империи без выделения ее региональных особенностей. Видя в создании банка продолжение реформы 1861 г. и связывая с деятельностью банка возможное решение аграрного вопроса, исследователи давали разные оценки его деятельности. Эта разница в оценках была обусловлена тем, что каждый из исследователей имел свой взгляд на решение аграрного вопроса в Российской империи (В. И. Богословский, С. Ю. Витте, М. Я. Герценштейн, М. И. Горемыкин, В. И. Гурко, А. Н. Гурьев, А. С. Ермолов, А. Н. Зак, Н. П. Заломанов, А. В. Красик, С. К. Кузнецов, Н. Н. Кутлер, А. П. Никольский, Н. В. Пономарев, С. Н. Прокопович, А. А. Салтыков, П. Н. Семенов, В. Ю. Скалон и др.).

В досоветской историографии ипотечное кредитование крестьянского населения белорусских губерний не стало предметом специального исследования. Большинство работ носит публицистический характер. При рассмотрении отдельных аспектов деятельности финансовых учреждений исследователи пытались выявить слабые стороны и предложить возможные пути совершенствования организации кредита для крестьян.

Советская историография формировалась под влиянием негативной оценки деятельности Крестьянского поземельного банка, сформулированной В. И. Лениным. Он раскритиковал банк за финансовую поддержку дворянства посредством покупки у них земли по завышенным ценам: неслучайно, упоминая Крестьянский поземельный банк, слово «крестьянский» ставил в кавычки, а в скобках писал «читай: помещичий» [6, с. 254]. Впоследствии этой оценки придерживались практически все советские ученые.

В 1917 – первой половине 1950-х гг. ипотечное кредитование крестьянского населения белорусских губерний рассматривалось в рамках обобщающих работ по истории Беларуси и отдельных исследований по

крестьянскому движению и столыпинской аграрной реформе (М. В. Довнар-Запольский, Д. А. Дудков, В. М. Игнатовский, К. И. Кернажицкий, В. И. Пичета, А. И. Цвикевич и др.). При этом финансовые учреждения белорусских губерний по-прежнему не представляли собой предмета отдельного изучения.

Во второй половине 1950-х гг. повысился интерес к изучению проблем аграрной истории Беларуси пореформенного периода. Ипотечное кредитование крестьянского населения белорусских губерний рассматривалось не только в рамках обобщающих работ по истории Беларуси и отдельных исследований по крестьянскому движению и столыпинской аграрной реформе, но и стало предметом отдельного изучения (С. М. Байкова (Самбук), З. И. Гиаргидзе, Г. С. Евдокименко, А. И. Кожушков, Л. П. Липинский, И. И. Саладков, Т. Е. Солодков, Э. Ф. Хромова, К. И. Шабуня, З. В. Шибeko и др.).

Современная белорусская историография, которая начинается с 1990-х гг., качественно отличается от предшествующих периодов изучения ипотечного кредитования крестьянского населения белорусских губерний. Несмотря на то, что белорусские ученые сумели отказаться от одностороннего подхода к исследуемой проблеме, в историографии широко распространен тезис о защите Крестьянским поземельным банком интересов помещиков в ущерб интересам крестьян.

В. П. Панютюч пришел к выводу, что деятельность Крестьянского поземельного банка привела к увеличению земельной собственности и укреплению хуторского хозяйства зажиточных верхов крестьянства, но не смогла решить аграрный вопрос на территории Беларуси. Вместе с тем ученый повторяет ошибочный тезис о защите банком интересов помещиков в ущерб интересам крестьян. Он сумел показать степень изученности проблемы ипотечного кредитования крестьянского населения белорусских губерний и развернул дискуссию вокруг работ Х. Ю. Бейлькина, С. В. Гаштольда и М. В. Довнар-Запольского, которые затрагивали вопрос дифференциации клиентов белорусских отделений Крестьянского поземельного банка [8].

Влияние аграрного кризиса конца XIX в. и капиталистической трансформации сельского хозяйства Беларуси на ипотечное кредитование крестьянства удалось определить Х. Ю. Бейликину. Ученый пришел к выводу, что ценовая политика Крестьянского поземельного банка должна была облегчить положение помещиков, не сумевших в ходе аграрного кризиса конца XIX в. перестроить свои хозяйства на рыночные начала [1, с. 54].

Ю. Л. Грузицкий определил особенности становления и развития кредитно-банковской системы Беларуси, а также выделил ее структурные элементы. Ученый уделил особое внимание ипотечному кредитованию крестьянского населения белорусских губерний. По его мнению, финансовые учреждения сыграли ведущую роль в политике правительства Российской империи по разрешению давно назревшего аграрного вопроса путем формирования системы частного крестьянского землевладения в белорусских губерниях. Это вело к ликвидации феодально-сословных пережитков, утверждению рыночных начал в аграрном секторе [2].

Социально-экономические условия формирования банковской системы Беларуси во второй половине XIX – начале XX в., становление и развитие банковской системы Беларуси, влияние банковской системы на социально-экономическое развитие Беларуси были показаны в работах Е. А. Бруханчик (Дроздовой). Она ввела в научный оборот значительное количество архивных источников, а также применила математические методы их обработки [3]. В. Л. Носевич провел анализ земельных покупок крестьян при содействии Минского отделения Крестьянского поземельного банка на примере Кореньщины – микрорегиона в центральной части Беларуси. Автор не только определил условия заключенных сделок, но и выявил особенности хозяйствования крестьян на землях, купленных с помощью банковской ссуды [7].

Аграрный вопрос западно-белорусской деревни в контексте социально-культурных процессов второй половины XIX – первой трети XX в. удалось показать С. М. Токтю. Ученый выделил несколько «жизненных стратегий» крестьян, среди которых особое место заняла покупка крестьянами части помещичьей земли. Проанализировав земельные покупки крестьян Гродненской губернии, он пришел к выводу, что «использование ссуд Крестьянского поземельного банка на практике для большинства крестьян выглядело нереальным» [9, с. 58]. А. А. Кухаренко выделил периоды и направления деятельности белорусских отделений Крестьянского поземельного банка, исследовал национально-конфессиональный состав клиентов банка, установил степень взаимодействия местных отделений банка с землеустроительными комиссиями и земскими учреждениями. Было определено влияние деятельности белорусских отделений банка на рост крестьянского землевладения, стабилизацию земельного рынка и ход реализации столыпинской аграрной реформы [5, с. 53–60].

Отдельного упоминания заслуживают авторы работ, в которых анализируется деятельность финансовых учреждений в рамках изучения истории губернских городов. Среди белорусских исследователей, при-

нимающих участие в разработке этого направления, необходимо упомянуть А. Н. Баюру, О. И. Бубновича, Т. В. Варонич, А. К. Гецевича, М. В. Жарского, Э. Г. Иоффе, А. Л. Киштымова и З. В. Шибeko.

В современной российской историографии ипотечное кредитование крестьянского населения белорусских губерний рассматривается преимущественно в контексте всей Российской империи. Особое внимание уделяется количественному анализу статистических источников деятельности банков (С. А. Саломатина), определению особенностей работы местных отделений банков (О. С. Павлова, Н. А. Устина, С. А. Фролов), выявлению роли кредитно-банковской системы в формировании земельного рынка (Т. П. Витвицкая, Е. В. Кисмина, С. С. Акманов, Е. П. Баринова), установлению степени влияния финансовых учреждений на мобилизацию индивидуальной земельной собственности крестьян (П. Н. Зырянов, И. Д. Ковальченко, С. А. Пахомчик, В. Г. Тюкавкин).

Интерес к изучению ипотечного кредитования крестьянства в украинской историографии активизировался во второй половине 1990-х гг. Исследователи по-разному оценивают деятельность Крестьянского поземельного банка как инструмента столыпинской аграрной реформы. В. В. Бочаров, И. Н. Власюк, О. Н. Приймак и В. Д. Терещенко положительно отзываются о проведенной банком работе. Ю. И. Вовк и Л. Р. Игнатова, наоборот, критикуют банк за трудные для крестьян условия выдачи ссуд. Следует отметить, что географические границы большинства исследований охватывают только территорию Украины.

В литовской и польской историографии отсутствует предметное изучение ипотечного кредитования крестьян белорусских губерний. Краткое упоминание о Крестьянском поземельном банке встречается в публикациях ученых из Великобритании (Д. Паллот.), Германии (Г. Аухаген), США (П. Грегори) и даже Японии (М. Кимитака). Как правило, эти работы затрагивают проблемы, связанные с подготовкой и реализацией столыпинской аграрной реформы в Российской империи.

Таким образом, для досоветской историографии были характерны разносторонние подходы к исследованию ипотечного кредитования крестьян белорусских губерний, а советская историография основывалась на негативной оценке Крестьянского поземельного банка. Современная историография вновь установила плюрализм исследовательских подходов. Во второй половине XX в. ипотечное кредитование крестьян белорусских губерний стало отдельным предметом исследования, что положило начало новому направлению в белорусской исторической науке. Ученые стали заниматься изучением деятельности различных

финансовых учреждений на территории Беларуси. Данная проблема представляет несомненный интерес для аграрной истории. Научные центры изучения аграрной истории Беларуси сформировались в Белорусском государственном университете, Белорусском государственном педагогическом университете им. М. Танка, Белорусском государственном экономическом университете, Гродненском государственном университете им. Я. Купалы, Институте истории НАН Беларуси.

Полученные результаты исследования ипотечного кредитования крестьянского населения белорусских губерний могут быть использованы для изучения экономической истории Беларуси второй половины XIX – начала XX в., разработки учебных программ по истории для средней и высшей школы, подготовки обобщающих работ и пособий. Выводы исследования будут востребованы для практической работы руководящих органов банковского сектора экономики Республики Беларусь, научно-исследовательских и аналитических организаций, занимающихся разработкой стратегии развития финансово-кредитных учреждений Беларуси.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Бейлькин Х. Ю.* Капиталистическая трансформация сельского хозяйства Беларуси в начале XX века (1901–1914 гг.). Гомель : Центр исслед. ин-тов рынка, 2006. 295 с.
2. *Грузицкий Ю. Л.* Банки Беларуси (70-е гг. XIX – начало XXI в.). Минск : Эксперспектива, 2005. 167 с.
3. *Дроздова Е. А.* Формирование банковской системы Беларуси (1861–1914 гг.). Минск : Ковчег, 2008. 162 с.
4. *Кухаренко А. А.* Деятельность Крестьянского поземельного банка на территории Беларуси в период столыпинской аграрной реформы (1906–1914 гг.) // Веснік БДУ. Сер. 3. 2013. № 2. С. 15–18.
5. *Кухаренко А. А.* Землеустроительная деятельность Крестьянского поземельного банка на территории Беларуси (1906–1914) // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. Мінск : БДУ, 2014. Вып. 9. С. 51–61.
6. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений : в 55 т. 5-е изд. М. : Госполитиздат, 1961. Т. 16. 697 с.
7. *Носевич В. Л.* Традиционная белорусская деревня в европейской перспективе. Мінск : Тэхналогія, 2004. 350 с.
8. *Панютіч В. П.* Историография аграрной истории Беларуси, 1861–1917 гг. Минск : Ин-т истории, 2005. 260 с.
9. *Тоць С.* Беларуская вёска ў эпоху зьменаў. Другая палова XIX – першая траціна XX ст. Мінск : Тэхналогія, 2007. 308 с.

Кухарэнка В. М.

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт (г. Мінск, Рэспубліка Беларусь)

**ФАРМИРАВАННЕ КУЛЬТУ ЛІДАРА ХАРВАЦКАЙ СЯЛЯНСКАЙ
ПАРТЫІ СЦЯПАНА РАДЗІЧА І ЯГО РЭАЛІЗАЦЫЯ
Ў МЕЖАХ ХАРВАЦКАЙ ПАЛІТЫКІ ПАМЯЦІ**

У Харватыі адзін з братоў-заснавальнікаў і першы старшыня Харвацкай сялянскай партыі (ХСП) Сцяпан Радзіч стаў самым вядомым і папулярным харвацкім палітыкам яшчэ пры жыцці. Яго папулісцкія палітычныя тэзісы паўплывалі і на тое, што ён быў сапраўды любімым палітыкам харвацкага народу (у першую чаргу, сялянства). Ужо пры жыцці быў відавочны і яго станоўчы ўплыў на фармаванне харвацкай нацыі. Культ асобы, які з’явіўся яшчэ пры жыцці Радзіча (і ён нічога супраць свайго ўшанавання ў народзе не меў), пасля смерці палітыка сфармаваўся практычна адразу.

Трагічная смерць (Радзіч памёр 8 жніўня 1928 г. ад наступстваў замаху на яго жыццё пад час пасяджэння парламента Каралеўства СХС 20 чэрвеня), да якой мелі прамое дачыненне «вонкавыя» ворагі харвацкай нацыі – сербійцы (мы выкарыстоўваем менавіта гэты тэрмін, бо носьбітам адмоўнай канатацыі для харватаў у міжваенны перыяд была менавіта гэтая частка сербскай нацыі), прывяла да ўзнікнення ў Радзіча яшчэ і іміджу пакутніка. Такім чынам, палітык стаў ідэальным «матэрыялам» для стварэння культуры сучаснага нацыянальнага героя. Акрамя аб’ектыўных прычынаў, якія садзейнічалі гэтаму працэсу, неабходна памятаць і пра тое, што пасля смерці самага ўплывовага харвацкага палітыка яго асобай шмат хто хацеў скарыстацца для атрымання палітычных бонусаў.

Першаснай мэтай для паплечнікаў Радзіча быў пошук адэкватнай замены лідару ХСП, які здаўна карыстаўся статусам галоўнага гульца на прэчанскай арэне Каралеўства СХС. У кароткі перыяд паміж замахам на жыццё і смерцю Сцяпана Радзіча (20 чэрвеня – 8 жніўня) яго калегі не прымалі рашэнняў пра спадчынніка лідара партыі, больш за тое, паранены Радзіч працягваў прымаць рашэнні і партыйнага, і нават дзяржаўнага ўзроўню (напрыклад, адхіліў прапанову ўзначаліць урад, ці прапанову аб аддзяленні «вузкай» Харватыі) аж да крытычнага пагаршэння свайго стану 23–24 ліпеня [3, р. 241–242]. Толькі пасля яго ўваходжання ў стан комы стала зразумела, што наступствы замаху будуць вельмі цяжкімі не толькі для палітыка і яго сваякоў, але і для ХСП

і «прэчанскага фронту». Паплечнік Радзіча па Сялянска-дэмакратычнай кааліцыі Светазар Прыбічэвіч не быў папулярны ні сярод палітыкаў, ні сярод народа. Але, галоўнае, ён быў лідарам прэчанскіх сербаў, а таму ніяк не падыходзіў на ролю старшыні харвацкага нацыянальнага руху [6, str. 210].

Сярод бліжэйшых калег па партыі спадчыннікам у рэшце стаў Уладзімір (Ўладка) Мачак, палітык, які быў поўнай супрацьлегласцю Радзіча па тэмпераменту, характару, палітычнаму стылю – прасцей пералічыць адзінкавыя супадзенні, чым усе адрозненні паміж гэтымі лідарамі ХСП. 13 жніўня, на наступны дзень пасля пахавання Радзіча, клуб прадстаўнікоў ХСП вырашыў зацвердзіць Мачака на пасадзе лідара партыі. Але вычварнасць гэтага рашэння палягала ў тым, што Мачак станавіўся выконваючым абавязкі старшыні ХСП, а нябожчык «...Госпадам дадзены Правадыр харвацкага народу, пасля сваёй фізічнай смерці не перастае быць Народным Правадыром... і застаецца яе (партыі. – В. К) Старшынёй» [cit. preма: 4, str. 4].

Пахаванне Радзіча, якое сабрала рэкордную колькасць удзельнікаў жалобных мерапрыемстваў (па розных падліках ад 100 да 300 тыс. асобаў), суправаджалася сімвалічнымі праявамі. Напрыклад, на чале жалобнай працэсіі на падушцы ляжаў цярновы вянец, у цэнтры яго была змешчана куля, якой быў паранены Радзіч у Скупшчыне (югаслаўскі парламент). Сімвалічнымі ахоўнікамі гэтай падушкі былі Іван Пернар і Іван Гранджа, ахвяры таго ж замаху 20 чэрвеня, якія спрабавалі абараніць свайго лідара.

Кіраўніцтва ХСП намагалася ўмацаваць у народзе культ Сцяпана Радзіча. Рэгулярнае адзначэнне датаў, звязаных з жыццём народнага трыбуна (дзень нараджэння братаў Радзічаў – 11 ліпеня, дата замаху – 20 чэрвеня, дата смерці – 8 жніўня), было заслугай яго паплечнікаў па партыі. Яшчэ ў 1930-я гг. былі адкрыты некалькі помнікаў і бюстаў С. Радзіча.

Асноўным праектам па захаванню памяці была ідэя стварэння мемарыяльнага музея-маўзалея ў якім-небудзь знакавым месцы, напрыклад, у роднай вёсцы Радзічаў. Першая спроба арганізацыі невялічкага мемарыяла (па сутнасці, святыні Радзіча ў Сялянскім доме, куды знеслі вянкi з пахавання, кулю ды іншыя падобныя рэчы і ўпрыгожылі ўсё гэта вялікай колькасцю свечак) скончылася пажарам ужо 27 жніўня 1928 г. [5, str. 737].

Пасля першай няўдачы ідэя стварэння музея практычна знікае не толькі з-за супрацьдзеяння югаслаўскіх уладаў, але і зыходзячы са скла-

данай эканамічнай сітуацыі. Але галоўнымі экспанатамі плануемага музею павінны былі стаць забальзаміраваныя сэрца і мазгі Радзіча, якія не пахавалі разам з нябожчыкам. У лістападзе 1929 г. у выданні «Novosti» выйшаў ананімны артыкул пра знаходку ў сейфе пры ператрусе ў Сялянскім доме куфра, дзе змяшчаліся шклянкі з мазгамі і сэрцам былога лідара ХСП. Пра гэта паведамлілі як сям’і нябожчыка, так і кіраўніцтву партыі. Справу хутка замялі (харвацкія выданні не жадалі кампраметаваць ні сям’ю, ні партыю, абмяркоўваючы гэтую далікатную сітуацыю), рэшткі забраў У. Мачак. Але праз два гады, у кастрычніку 1931 г. у Сялянскім доме зноў знайшлі замураваныя ў сцяну тры ж пасудзіны. На гэты раз іх павінна была забраць дачка Радзіча, Міра Кашуціч. Падавалася, на гэтым блуканні рэшткаў харвацкага правадыра скончацца, але іх прыгоды толькі пачыналіся. Наступны раз іх знайшлі ўжо пасля вайны пры вызваленні скляпенняў былога Сялянскага дому (будынак быў перададзены пасля 1945 г. Сучаснай мастацкай галерэі). Рэшткі перадалі ў музей Інстытуту крыміналістыкі. Далей існуюць тры версіі іх лёсу. Першая (самая верагодная) – рэшткі зніклі пад час паводкі ў 1964 г. Другая версія, рамантычная, кажа пра тое, што ў музеі знайшоўся чалавек, сцяміўшы, каму належаць гэтыя забальзаміраваныя сэрца і мазгі. Ён перадаў рэшткі адданаму ідэалам ХСП святару, пасля чаго іх замуравалі ў алтар адной з заграбскіх цэркваў. Удзельнікі гэтай акцыі, як і любыя сведчанні пра месца, дзе нарэшце знайшлі супакой рэшткі харвацкага трыбуна, да гэтага часу невядомыя. Трэцяя версія пра пахаванне рэшткаў у магілу Радзіча не спраўдзілася пры рэстаўрацыйных працах на мемарыяле заграбскіх могілак Мірагой у 1996 г. [5, str. 735–736].

Альгэрнатыўным фронтам барацьбы за захаванне памяці палітыка выступіла сям’я Сцяпана Радзіча – Марыя Радзіч (удава), Уладзімір Радзіч (сын), Міра Кашуціч (дачка), яе муж і сакратар партыі Аўгуст Кашуціч. Акрамя рэгулярных дробных сутычак з колам У. Мачака, Радзічы канфлітавалі з кіраўніцтвам партыі з-за сваіх спробаў замены Сцяпана Радзіча яго сынам – Уладзімірам. Ад бацькі ён, на жаль, успрыняў толькі схільнасць да злоўжывання алкаголем і некаторыя вонкавыя рысы, ды зусім не меў схільнасцяў да палітычнай дзейнасці [1, str. 215]. Але Марыя Радзіч настойліва імкнулася параўнаць яго ў вачах харвацкага сялянства са сваім мужам і зрабіць з яго палітычнага спадчынніка Сцяпана Радзіча [2, str. 300].

І сям’я, і партыя займаліся яшчэ і распаўсюджаннем выяваў Радзіча не толькі на друкаванай прадукцыі і значках, але і на прадметах побыту

(абрусах, табакерках, гадзінніках, люстэрках, запакоўках мыла і іншых рэчах) ды нават на шакаладзе. Усё гэта, зразумела, не толькі садзейнічала распаўсюджанню культу, але і прыносіла прыбытак сваякам памерлага і ХСП.

Нягледзячы на ўсе праблемы, звязаныя з укараненнем культуры Сцяпана Радзіча ў масах у міжваенны перыяд, у наш час можна ўпэўніцца ў нечаканай эфектыўнасці гэтых мерапрыемстваў. Памяць пра харвацкага народнага трыбуна зараз надзейна зацвердзілася менавіта на побытавым узроўні. У Харватыі, напэўна, у кожным населеным пункце ёсць вуліца ці плошча імя палітыка, ці прысвечаная абодвум братам Радзічам. Яго імем называюць грамадскія будынкі, арганізацыі, калектывы. Радзіч знаёмы кожнаму харвату і дзякуючы сваёй выяве на банкноце ў 200 харвацкіх кун. Пасля замаху на жыццё Радзіча і яго смерці яму была прысвечана песня «Kad je Stjepan Radić umro», якая стала народнай. Зараз, праз 100 год, яе выконваюць не толькі фальклорныя і нават эстрадныя калектывы, але і звычайныя людзі пад час сямейных святаў. Нават у сацыяльнай сетцы Facebook ёсць група пад назвай «Dnevna doza Stjepana Radića» (назва пра дзённую дозу выклікана вядомым фактам, што Радзіч кожны дзень выпіваў 2 літры віна, але, хутчэй за ўсё, разбаўленага вадой, як гэта прынята ў Харватыі для заспакаення смагі). Яшчэ адным з нядаўніх прыкладаў захавання памяці пра лідара ХСП у моладзевым асяродку стаў студэнцкі фестываль яго імя, які курыруе студэнцкі дом (інтэрнат) «Сцяпан Радзіч» Заграбскага ўніверсітэту. Для гэтага фестывалю быў нават створаны гімн.

БІБЛІАГРАФІЧНЫЯ СПАСЫЛКІ

1. Arhiv Jugoslavije (AJ). Zbirka 37. Milan Stojadinović. Fasc. 10. Jed. op. 59.
2. AJ. Zbirka 37. Milan Stojadinović. Fasc. 19. Jed. op. 138.
3. *Biondich M.* Stjepan Radić, the Croat Peasant Party, and the politics of mass mobilization, 1904–1928. Toronto : University of Toronto Press, 2000. 344 p.
4. *Boban Lj.* Macek i politika Hrvatske seljacke stranke 1928–1941. Iz povijesti hrvatskog pitanja: u 2 knj. Zagreb : Globus, 1974. Knj. 1: Od 1928. do 1939. 483 str.
5. 5. Grgić, S. Radić nakon Radića: Stvaranje kulta heroja Stjepana Radića (1928.–1934.) / S. Grgić // Časopis za suvremenu povijest. 2010 – br. 3. Str. 723.–748.
6. *Matković H.* Svetozar Pribičević: ideolog, stranački vođa., Zagreb : Hrvatska sveučilišna naklada, 1995. 356 str.

Ландина Л. В.

Белорусский государственный университет культуры и искусств, (г. Минск, Республика Беларусь)

**СООТНОШЕНИЕ ПОДХОДОВ В ИЗУЧЕНИИ
ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО И РОССИЙСКОГО
АБСОЛЮТИЗМА В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XXI в.**

Изучение государственных институтов традиционно занимает ведущие позиции в историографии любого государства в любую эпоху. Даже советская историческая наука, акцентировавшая внимание на социально-экономическом развитии и классовой борьбе, не была в этом смысле исключением. Во-первых, марксистской методологией вовсе не отрицалась активная роль государства и обратное воздействие надстройки на экономику и общество. Во-вторых, изучение революций предполагало экскурс в предреволюционную эпоху с целью охарактеризовать старую власть и доказать неизбежность революции – будь то в Англии, Франции или России. В последнем случае характеристика российской монархии должна была убедить не только в неизбежности трех российских революций, но и в легитимности власти большевиков. По этой причине проблема абсолютизма, как российского, так и западноевропейского, была в числе важнейших и неоднократно становилась предметом дискуссий.

В российской дореволюционной и постсоветской историографии абсолютистские монархии рассматривались и рассматриваются с иными установками, входя в число важнейших направлений исследований. Весьма продуктивно сопоставление подходов российских историков в изучении абсолютизма российского и западноевропейского на протяжении конца XIX – начала XXI в. Такая «longue durée» – длительная продолжительность – приводит к более масштабным выводам, чем рассмотрение развития концепта абсолютизма в отдельные периоды.

В дореволюционной российской историографии осмысление абсолютизма западноевропейского и российского изначально развивалось в различном ментальном поле. Российская историография с момента своего становления главное внимание уделяла изучению государства, утверждая правомерность и легитимность российской монархии. Хорошо известно оформление тезиса «Москва – Третий Рим», развитие идеи суверенитета монарха-самодержца, подчеркивание особого духовного единения царя и

народа, «симфонии» церковной и светской власти, уходящей корнями в византийскую традицию. То есть российское самодержавие и царь-самодержец – это многослойная ментальная конструкция. Российская монархия традиционно именовалась самодержавием – от становления до последнего дня официального существования. При этом монархи, их деятельность могли вызывать как уважение и преклонение, так и критику и ненависть. Все зависело от идейных воззрений историка или публициста, диапазон которых варьировался от монархического до революционно-демократического. Что же касается термина «абсолютизм», то в российской общественной и научной мысли он ассоциировался с Западом, рационализмом, отсутствием духовной связи царя и народа, всевластием бюрократии. Это – полицейское, «регулярное» государство, созданное Петром I. Не случайно наречие «абсолютно» применительно к власти появляется в петровскую эпоху в «Истории о царе Петре Алексеевиче и ближних к нему людях» князя Б. И. Куракина. Так, Куракин пишет: «Князь Борис Алексеевич Голицын сидел в Казанском дворце и правил весь Низ так абсолютно, как бы был государем» [3, с. 63]. И далее об усилении власти Петра I и его неприязни к родовитым фамилиям: «К тому же и сам его величество склонным явился, дабы уничтоживанием оных отнять у них повоир (rouvoig – *фр.: власть*) весь и учинить бы себя наибольшим сувереном» [3, с. 64].

Термин «абсолютизм» далеко не сразу был признан и в политике, и в науке. Можно согласиться с российским исследователем Ю. А. Сорокиным, утверждавшим, что в русских письменных источниках, и прежде всего, в законодательстве, он «фактически не отложился» [14, с. 10]. Термины «самодержавие» и «абсолютизм» применялись в различном идейном контексте. Для монархически настроенных историков и публицистов самодержавие есть органическое российское явление, а абсолютизм, насаждаемый Петром I – явление чуждое, разорвавшее единение царя с народом. Для либералов абсолютизм, наоборот, благо, так как он восходит к идеям Просвещения и общего блага [14, с. 18–19].

Однако это разграничение не было всеобъемлющим. Например, марксистская мысль сближала оба термина вплоть до синонимичности, что впоследствии создаст почву для споров о том, что именно в виду имел В. И. Ленин, применяя оба понятия в том или ином контексте. Так, в работе «Попытное направление в русской социал-демократии» он не только дал определение термина «абсолютизм», но и продемонстрировал его смысловую идентичность с термином «самодержавие». По контексту речь идет о низвержении абсолютизма революционной рабочей

партий. «Но что такое низвержение *абсолютизма* (курсив здесь и далее мой. – Л. Л.)?» – формулирует Ленин главный вопрос и указывает: «Чтобы разъяснить это... необходимо ответить сначала на вопрос: что такое *самодержавие*?» [10, с. 251] И далее следует известное определение: «*Самодержавие (абсолютизм, неограниченная монархия)* есть такая форма правления, при которой верховная власть принадлежит всецело и нераздельно (неограниченно) царю...» [10, с. 251–252]. Обращает на себя внимание дальнейшее утверждение: «Что же значит ниспровержение *абсолютизма*? Это значит отказ царя от неограниченной власти... Итак, ниспровержение *самодержавия* означает замену самодержавной формы правления конституционной формой правления» [10, с. 252].

При изучении монархии дореволюционными историками был ведущим правовой подход. Ярким подтверждением этому является государственная школа, расцвет которой пришелся на вторую половину XIX в. Соединение правового подхода с позитивизмом обусловило взлет российской историографии, связанный с деятельностью В. О. Ключевского. Его работы – пример того, что, наряду с государственными, российская историография уделяла большое внимание социально-экономическим и географическим факторам. Так, по Ключевскому, период Российской империи и абсолютизма – «период всероссийский, императорско-дворянский, период крепостного хозяйства, земледельческий и фабрично-заводской» [8, с. 34].

Изучение западноевропейского абсолютизма основывалось в России на иной мотивации. Петровские реформы дали мощнейший импульс не только контактам России с Западом, но и пробудили интерес к истории европейских стран. Ее изучение позволяло не только расширить кругозор, но, что особенно важно, сопоставить историю России и Западной Европы, чтобы понять, с одной стороны, российскую самобытность, а с другой, – оценить целесообразность заимствований с Запада.

Дореволюционная российская историография в период своего становления опиралась на западноевропейскую идейную и нарративную основу. Впервые термин «абсолютизм» был применен в лекционном курсе 1858/59 гг. С. В. Ешевского, где шла речь о становлении принципа в Риме – истомленное гибелью республики Римское государство признало власть Августа как условие мира и спокойствия [6, с. 125–126]. В интерпретации Ешевского абсолютизм – авторитарная власть, необходимая во имя высшей цели: «Как переходное состояние, как возможность ... лучшего будущего, абсолютизм имеет свое историческое

оправдание, даже проявляясь в суровых, жестких формах... [6, с. 126]. Однако, ставший самоцелью, «абсолютизм губительно действует на все живое, смертельным недугом поражает организм общества» [6, с. 126].

Трактовка С. В. Ешевского весьма показательна. В первую очередь, налицо правовой подход – абсолютизм выступает как этап в развитии государства. Неоспоримой ценностью определена свобода, на время поправная абсолютизмом. Такое понимание абсолютизма, применительно к новоевропейскому государству, утвердилось далее в российской дореволюционной науке и выглядело следующим образом. Абсолютизм – это закономерная форма управления, необходимая для централизации, гражданского мира и создания условий для свободного развития экономики. Однако самодовлеющий абсолютизм – подавляющая регрессивная сила, устранить которую должна буржуазная революция. Отсюда – традиционный для либеральной историографии тезис «вынесения приговора и предъявления счета» абсолютной монархии. Таким образом, в дореволюционной либеральной историографии абсолютизм рассматривался как закономерное явление и «необходимое зло», а в перспективе – предпосылка буржуазных революций.

В отличие от специалистов по истории России, представлявших различные идейные течения, историки, занимавшиеся Западной Европой, практически все были либералами, хотя и в разной степени. Всеобщая история являлась идейной пищей для российской либеральной мысли, черпавшей в ней положительные примеры для пореформенной России. В последней трети XIX в. сформировалась основанная на методологии позитивизма и либеральных идеях «русская школа» всеобщей истории. Доминирующим в указанном дискурсе был правовой подход, главными факторами генезиса абсолютной монархии считались возродившаяся в европейском обществе римская идея абсолютной власти и разложение феодализма как сеньориального порядка.

Например, Н. И. Кареев считал абсолютизм государством, где общество исключено из управления, осуществляемого верховной властью через чиновников. Это общество сословных привилегий, полицейское государство с всепроникающей опекой и преклонением перед государственностью в ущерб гражданским правам [7, с. 2–8]. Абсолютизм был сокрушен Французской революцией, которая стала любимой темой российских новистов. Тогда же появился и стал применяться наряду с «абсолютизмом» термин «старый порядок», обозначающий государственные и социальные институты дореволюционной Франции и их аналоги в других странах. Проводя параллели между западноевропейским и рос-

сийским абсолютизмом, Кареев относил крушение «старого порядка» в России 1905 г. [7, с. 5].

Считая главными в генезисе абсолютизма правовые факторы, дореволюционные новисты-либералы уделяли внимание и социально-экономическим предпосылкам, что соответствовало позитивистской многофакторности в объяснении исторического процесса. Например, коллега Н. И. Кареева П. Н. Ардашев, традиционно отводя первое место в формировании абсолютизма правовой идее, указывает на такие важнейшие социально-экономические составляющие абсолютной монархии, как освобождение крестьян, рост городов, разрушение натурального хозяйства, формирование рынка и буржуазии, усиливавшей свое влияние в связи с увеличением роли государственного кредита [2, с. 13–19].

Таким образом, в российской дореволюционной историографии налицо разница подходов к проблемам российского и западноевропейского абсолютизма. Более поздняя по времени, иная по мотивации, достаточно однородная в плане методологии и либеральной направленности, интерпретация западноевропейского абсолютизма выходила в итоге на его сдержанную и отрицательную оценку.

Октябрьская революция вызвала радикальную методологическую перестройку в советской исторической науке. И 1920-е г. можно выделить как особый, переходный период, в котором временно сосуществовали различные методологические подходы. При этом изменения были неравномерными, в ряде случаев наблюдалась методологическая преемственность установок дореволюционной и советской историографии.

Наиболее яркий тому пример – минимальная трансформация концепта западноевропейского абсолютизма. Так, его ценностная составляющая вообще не претерпела изменений. Абсолютизм не приветствовали ни либералы, ни тем более большевики. Революционные ценности импонировали либералам, по крайней мере, теоретически, и были принципиально важны для большевиков. По этой причине западноевропейский абсолютизм остался терпимым «необходимым злом» и предпосылкой буржуазных революций. В методологическом плане также сохранилась известная преемственность, коренившаяся в том, что и либеральная идея, и марксизм принадлежали западноевропейской философской и историографической традиции.

Переходный период раннего Нового времени, мануфактурный капитализм в сочетании с крепостным правом и сословностью породили многочисленные дискуссии, стержнем которых была роль дворянства и буржуазии при абсолютизме. В 1920-х гг., согласно установкам «школы

Покровского», возобладала идея «абсолютизм – государство периода торгового капитала». В соответствии с ней, абсолютизм был едва ли не государством буржуазии либо опирался на буржуазию и дворянство одновременно. Однако по мере установления идеологического и методологического монизма к середине 1930-х гг. был выработан надолго утвердившийся в советской историографии тезис о том, что абсолютизм является дворянским государством, учитывающим, в силу государственных выгод, интересы буржуазии. Эта концепция не была новой, так считали и дореволюционные историки. Однако они не делали столь категоричных выводов о классовой сути абсолютизма, подчас рассматривая последний в роли социального арбитра [9].

В советской историографии данная теоретическая конструкция стала называться концепцией «равновесия». В наиболее полном виде она была сформулирована С. Д. Сказкиным в статье «Маркс и Энгельс о западноевропейском абсолютизме» в 1941 г. Основываясь на классиках марксизма, Сказкин утверждал, что абсолютная монархия возникает в переходные эпохи, когда старые сословия, в первую очередь дворянство, разлагаются, а средневековое сословие горожан складывается в класс буржуазии. При этом ни одна из сторон не взяла еще перевеса над другой. По причине такого равновесия сил государственная власть получает известную самостоятельность по отношению к обоим классам как кажущаяся посредница между ними [13, с. 12–13]. Поскольку государство – продукт классовых противоречий, то «сущностью всякой феодальной монархии, в том числе и феодально-абсолютистской, является диктатура класса феодалов» [13, с. 9]. В ужесточившемся дискурсе советской исторической науки был отменен термин «старый порядок», на смену которому пришел «феодально-абсолютистский строй».

Интерпретация российского абсолютизма советской исторической наукой, наоборот, претерпела радикальные изменения. Все немарксистские его трактовки были категорически отвергнуты. Пройдя этап признания российского абсолютизма государством торгового капитала, к концу 1930-х гг. советские историки и в отношении российской монархии приняли концепцию «равновесия». С этого момента методологическая разница в понимании абсолютизма в Западной Европе и России ликвидировалась. Доминирующим стал социологический подход, воплощением которого явилась концепция «равновесия», а правовые аспекты в формировании абсолютизма заняли периферийное положение, особенно при рассмотрении абсолютных монархий в Западной Европе. Была создана единая формационная схема, где на основе марксизма де-

монстрировалась общность исторического развития Европы и России и правомерность установок марксизма на российской почве. Соответственно, стали синонимами термины «абсолютизм» и «самодержавие» и оказались неприемлемыми славянофильские, евразийские и монархические идеи своеобразия российских государственных институтов.

Свергнутая российская монархия могла быть только негативной. Она стала называться «царизмом», более нейтрально – «самодержавием», а Россия времен абсолютизма приобрела эпитет «феодално-крепостническая». Отныне вести разговор о конструктивной роли российской монархии или персоналиях российских царей стало неприемлемым в официальном дискурсе. Единственным исключением был Петр I, европеизировавший Россию и превративший ее в империю с абсолютной монархией. Но и он, по мнению советских историков, не смог преодолеть своей классовой ограниченности [11, с. 34].

Постепенно в советской историографии начали осознаваться узость и проблематичность только социологического подхода. Это проявилось уже во время Советско-итальянской встречи историков в апреле 1968 г. [5], а в полном масштабе назревшие проблемы в изучении абсолютизма развернулись на проходившей в 1968–1972 гг. дискуссии об абсолютизме. Эта дискуссия до сегодняшнего дня не осмыслена до конца, и скоропалительные оценки ее как практически безрезультатной не соответствуют реальным итогам. Можно назвать ряд перспективных установок в изучении абсолютизма, выработанных в ее ходе. Во-первых, в ходе дискуссии был предложен продуктивный метод сравнительного анализа абсолютных монархий. Во-вторых, А. И. Чистозвонов сформулировал весьма удачное в то время определение абсолютизма, который «есть политическая надстройка позднего феодализма, переходного периода, когда феодальная формация начинает разлагаться под влиянием буржуазных отношений. Власть монарха в этих условиях становится более или менее неограниченной (абсолютной) и приобретает известную самостоятельность действий по отношению к господствующему классу феодалов или обоим борющимся классам (феодалам и буржуазии в широком смысле слова) в целом» [16, с. 62]. В-третьих, было указано на недопустимость упрощенного понимания «равновесия», которое все более представлялось как некий баланс сил в конкретном обществе. В-четвертых, концепция «равновесия» была признана непригодной для исследования российского абсолютизма по причине явно не достаточного развития буржуазных отношений в России. Наконец, дискуссия показала возможность методологического маневра, когда был достигнут

максимум возможного в рамках одной марксистской парадигмы. Но дискуссия в принципе не могла дать однозначного ответа о сущности абсолютизма и процессах, качественные и количественные границы которых размыты. Она показала предел социологического подхода, который, в свою очередь, был частным проявлением общего кризиса социальной истории в то время.

Вторая половина 1980-х гг. и новые идеи в исторической науке коснулись концепта абсолютизма. Историограф-медиевист Е. В. Гутнова в написанной в 1989 г. статье «Государство в структуре и эволюции феодального общества» указала на недостаточное внимание советской медиевистики к проблемам государственных институтов. Она акцентировала внимание на вопросах, которые впоследствии сформируют проблемное поле в изучении западноевропейской абсолютной монархии: центральная власть и местное управление, деятельность аппарата управления, социальная политика, многообразие путей централизации, государство и культура, государство и церковь, наконец, личностный фактор [4, с. 252–260]. Концепция «равновесия» была отвергнута уже не только в отношении российского, но и западноевропейского абсолютизма. При этом социологический подход оставался господствующим. С конца 1980-х гг. в историческую науку был возвращен термин «старый порядок» и постепенно вышел из употребления «феодально-абсолютистский строй», равно как и «царизм» и «феодально-крепостнический строй». Из работ, посвященных политическим институтам западноевропейских стран, постепенно исчезли ссылки на классиков марксизма. Рубежным стал 1989 год, когда отмечалось двухсотлетие Французской революции и был подвергнут ревизии целый массив устоявшихся представлений, в том числе и о «старом порядке».

Знаковым стало появление книг, посвященных государственным деятелям периода абсолютизма. В России – Елизавете Петровне (несмотря на нейтральное название книги – «Россия в середине XVIII века. Борьба за наследие Петра»), именно императрица находилась в центре внимания автора. – *Л. Л.*) [1], во Франции – Ришелье [15] и Кольберу [12]. Наконец, принципиальным стал ценностный разворот в отношении абсолютизма – он перестал подвергаться лишь негативным оценкам и рассматриваться лишь как «необходимое зло» и причина революций. На первое место выходила личность, а не система, отношение к которой также менялось. Абсолютная монархия, во всем многообразии проблемного поля, начала рассматриваться как самоценный объект исследования.

Разрушение СССР и утрата позиций марксистской методологией привели к изменениям ориентиров в обществе и исторической науке. Существенно снизился интерес к революциям и классовой борьбе, на смену революционным приоритетам пришли традиционалистские. Как в российской, так и во всеобщей истории центральное место в исследованиях заняла власть – самодостаточный феномен и всевозможные аспекты ее существования. Это психология и презентация власти, двор и его функционирование, символика и атрибутика власти, политическая культура и ментальность, механизм принятия решений и состав правящей элиты, личность во власти, ее психология и окружение и т. д. Уже не первое десятилетие разрабатываются такие комплексы проблем, как «власть – общество – реформы», «власть – культура – социум», «власть – общество – личность», «абсолютизм и конституционализм», «традиционализм и модернизация» и многие другие. Особое место в работах историков заняли персоналии монархов и их окружения. Однако было бы ошибкой полагать, что отношение к правителям радикально изменилось. Их образы стали гораздо сложнее, многослойнее, противоречивее. Но даже при самом лояльном отношении, например, Людовик XVI не предстал энергичным интеллектуалом и талантливым правителем, а Николай II, несмотря на канонизацию, – воплощением государственной силы и мудрости. Нужно отметить, что при изучении монархий среди историков – медиевистов и новистов – сохраняется определенная общая позиция. Специалисты же по истории России, напротив, представляют различные точки зрения – от критических либеральных до охранительных монархических.

Российская историография вошла в европейское научное пространство, что особенно сказалось на изучении всеобщей истории. Сформировались и развились такие направления исследований, как история элит, потестарная имагология, просопография, история повседневности, микроистория и т. д. Все указанное иллюстрировало, наряду с методологическим кризисом и поисками, присутствие постмодерна в российской исторической науке. Однако «конца истории» не произошло – цивилизационный подход смягчил методологическую ломку и выход на методологический плюрализм. Тем не менее, появились проблемы методологической и понятийной ревизии, ухода в микросюжеты, гносеологического пессимизма, терминологического и нарративного кризиса, преодоление которых продолжается и сегодня.

В изучении западноевропейского и российского абсолютизма на первое место вышел правовой подход, однако социологический ни в коей

мере не игнорируется. Более того, сведение огромного комплекса проблем абсолютизма только к двум указанным представляется недостаточным. Более глубокое осмысление абсолютизма требует понимания его в ментальном, сакральном, социокультурном, психологическом ракурсах – необходимо построение и адаптация концептуальной модели абсолютизма с учетом современных методологических реалий. Чрезвычайно перспективным представляется компаративное исследование абсолютизма в различных странах, а также сопоставление исторических судеб тех государств, где были абсолютные монархии, и тех, где их не было.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Анисимов Е. В.* Россия в середине XVIII века. Борьба за наследие Петра. М. : Мысль, 1986. 239 с.
2. *Ардашев П. Н.* Абсолютная монархия на Западе. СПб. : Тип. Акц. Об-ва Брокгауз-Эфрон, 1902. 183 с.
3. *Архив князя Ф. А. Куракина* / Под ред. М. И. Семевского. В. 10 кн. СПб. : Тип. Балашева, 1890–1902. Кн. 1. Бумаги князя Б. И. Куракина 1676–1717 г. Письма Петра Великого. История. Дневник и путевые заметки. 1890. XXVI. 387 с.
4. *Гутнова Е. В.* Государство в структуре и эволюции феодального общества // *Всеобщая история: дискуссии, новые подходы.* Вып. 2. М. : Наука, 1989. С. 247–260.
5. *Документы советско-итальянской конференции историков 8–10 апреля 1968 г.* М.: Наука, 1970. 374 с.
6. *Ешевский С. В.* Сочинения. Часть первая. М. : Тип. Грачева и К. 1870. 576 с.
7. *Кареев Н. И.* Западноевропейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII веков: Общая характеристика бюрократического государства и сословного общества «старого порядка». СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1908. 452 с.
8. *Ключевский В. О.* Сочинения : в 8 т. М. : Госполитиздат, 1956–1959. Т. 1. 427 с.
9. *Ландина Л. В.* Понятие абсолютизма в советской историографии 1920–1930-х годов: преемственность или дискретность? // *Средние века: исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени.* М. : Наука. 2017. Вып. 78 (1–2). С. 326–345.
10. *Ленин В. И.* Попытное направление в русской социал-демократии // *Полн. собр. соч. : в. 55 т.* М. : Политиздат, 1971–1975. Т. 1. С. 240–273.
11. *Ляховіч Л. У.* Ад класавога падыходу – да псіхасторыі: асобы манархаў дынастыі Раманавых у савецкай і постсавецкай гістарыяграфіі // *Беларускі гістарычны часопіс.* 2013. № 9. С. 33–45.
12. *Малов В. Н. Ж.* -Б. Кольбер. Абсолютистская бюрократия и французское общество. М. : Наука, 1991. 240 с.

13. *Сказкин С. Д.* Марк и Энгельс о западноевропейском абсолютизме // Ученые записки Московского городского педагогического института. 1941. Т. 3. Вып. I. С. 3–25.

14. *Сорокин Ю. А.* Российский абсолютизм в последней трети XVIII в.: Монография. Омск Омск. госуниверситет, 1999. 322 с.

15. *Черкасов П. П.* Кардинал Ришелье. М. : Междунар. отношения, 1990. 384 с.

16. *Чистозвонов А. Н.* Некоторые аспекты проблемы генезиса абсолютизма // Вопросы истории. 1968. № 5. С. 46–62.

Ларионов Д. Г.

Белорусский государственный университет (г. Минск, Республика Беларусь)

КОНСЕРВАТИВНЫЕ УЧАСТНИКИ II ВАТИКАНСКОГО СБОРА (ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА)

II Ватиканский Собор (1962–1965) Католической Церкви занимает особое место в церковной истории. Будучи не догматическим, а сугубо пастырским, он принял ряд документов, реализация которых привела к глубоким преобразованиям в церковной практике и политике. Решение о созыве Собора было принято Папой Иоанном XXIII (1958–1963), который приступил к программе обновления и реформирования Церкви – «аджорнаменто». По сути, Собор стал составной частью «аджорнаменто», придав ему каноническое оформление в виде коллегиального решения соборных отцов.

Разумеется, столь мощные сдвиги в таком консервативном и влиятельном институте, как Церковь, не могли не привлечь внимания различных исследователей. Ход Собора освещали многочисленные журналисты, его решения интерпретировали теологи, философы, историки, политики. С самого начала определилась тенденция: подобно тому, как в самой Церкви наличествовали две противоборствующие группы (сторонники обновления и сторонники традиции), так и в среде исследователей выделились сторонники и противники того курса, который выбрала Церковь. При этом особенно показательным является отображение в литературе представителей консервативного крыла, оказавшегося в двойном меньшинстве. С одной стороны, им противостояло большинство остальных участников Собора во главе с самим Папой, с другой – против них было настроено мировое общественное мнение.

Как известно, соборное большинство в целом было готово идти на реформы Церкви, поскольку ощущалась объективная необходимость в корректировке официального курса в виду значительных социально-политических и культурных трансформаций в обществе. Кроме того, сам Папа инициировал церковные преобразования, что для многих иерархов и простых верующих было обязывающим фактором. Поэтому церковные консерваторы оказались в непростой ситуации: они выглядели не просто обскурантами, идущими наперекор велению времени, но еще и оказались в оппозиции большинству церковных иерархов и самому Папе. Таким образом, их нонконформистская позиция требовала не только принципиальности, но и значительного мужества и готовности идти на жертвы. В настоящее время, через полвека после Собора, ситуация лишь усугубилась. Знакомство с историографией II Ватиканского Собора в основном подтверждает это положение.

Особенно интересной представляется советская историография, поскольку в ней оказались переплетены несколько противоречивых тенденций. С одной стороны, стоящие на позициях научного атеизма и использующие марксистский анализ советские религиоведы в своих работах, следуя государственной линии, подвергали критике религию в принципе и Католическую Церковь в частности. При этом католицизму уделялось особое внимание, как особенно враждебной к социалистическому строю религии, поскольку Ватикан, помимо векового давления на Восток, в годы «холодной войны» солидаризовался с капиталистическими государствами. Начавшиеся в Церкви преобразования выявили резкие внутренние противоречия. И советским авторам приходилось делать оговорки, подчеркивая прогрессивный характер мероприятий, осуществляемых Иоанном XXIII, одобрительно высказываться о Папе и о многих церковных иерархах и теологах.

К отличительным чертам советской историографии проблемы следует отнести также тот факт, что подавляющее большинство авторов – не историки. Основной массив работ написан религиоведами и культурологами, представляющими философские науки, и отличается высокой степенью ангажированности. Эти работы являются скорее агитационно-пропагандистскими, идеологическими, чем собственно научными. Тем не менее, подбор фактов, их интерпретация и не в последнюю очередь используемая риторика очень интересны и показательны.

В советской литературе за сторонниками традиционных католических ценностей закрепился ряд терминов, которые, хотя и имеют свои смысловые оттенки, авторами зачастую используются как взаимозаме-

няемые: интегрисы, традиционалисты, консерваторы. Наверное, наиболее корректно, хотя и не без политизированности, в советской историографии позицию консерваторов выразил крупнейший специалист по католическому модернизму Б. Ю. Кузмицкас, чье исследование было единственным в СССР и не утратило актуальности по сей день: «интегрисы, руководствуясь решениями последних соборов (Тридентского, 1545–1563 гг., I Ватиканского, 1869–1870 гг.), церковных синодов и конгрессов, утверждали, что церкви следует отвернуться от современного общества, осудить или проклинать многие явления современной культуры, как греховные заблуждения» [5, с. 159–160].

Основная критика в адрес консервативных представителей Церкви со стороны советских авторов звучит не за их теологические воззрения, а за их негативное отношение к коммунизму. Так, в 1963 г., то есть ещё на начальном этапе работы Собора, Академия наук УССР выпустила работу А. С. Онищенко, в которой критическому разбору подвергся клерикализм, как «идеологическое орудие империализма». Здесь, говоря о позиции консерваторов на Соборе, автор постулирует классические тезисы: «Традиционалисты» или «консерваторы» выступают за неизменность политической и тактической линии Ватикана. Ультрареакционные клерикалы продолжают тянуть традиционный груз антикоммунизма, голосуют за «крестовый поход» против стран социализма. «Крестоносцы» стремятся изобразить войну против коммунизма священной» [10, с. 30–31]. В целом, их отличает «бешеный антикоммунизм» – словосочетание, повторяемое неоднократно. Двумя годами позже в московском издательстве «Мысль» вышло фундаментальное исследование клерикализма, в котором автор писал о католических традиционалистах: «В настоящее время воинственные клерикалы наследуют традиции санфедистов и им подобных. В санфедистской «священной травле» коммунизма они используют церковь и клерикальные организации» [12, с. 188].

Через год после завершения Собора, в 1966 г., вышло исследование крупного советского религиоведа, специалиста по католицизму, М. П. Мчедлова «Эволюция современного католицизма» [7]. В работе автор дает позитивную оценку новому курсу Ватикана: «Реалистичная позиция Иоанна XXIII свободна от набивших оскомину формулировок, от «осуждения», «предания анафеме» и травли прогрессивных сил» [7, с. 42]. Одновременно очень выразительно выстраивает свое отношение к сторонникам сохранения традиционного католического учения, описывая их с помощью следующих оборотов: «группа «бешеных» ратовала за воинствующую непримиримость к социалистическим странам»;

«любители разжигания антисоветской истерии», «характерная для анти-советских кругов клевета», «твердолобые консерваторы», «экстремистски настроенные кардиналы и епископы», «отпетые традиционалисты» [7, с. 48; 51; 53; 133]. Характерно подобрана автором информация по ярким представителям консервативного меньшинства: «Кардинал Сири, известный своей враждебностью ко всякому «обновлению» церкви заявил: «Нам понадобится 40 лет для того, чтобы исправить вред, нанесенный папой Иоанном XXIII» [7, с. 50]; «кардинал Оттавиани произнес в университете «Ангеликум» в Риме профашистскую речь, изобиловавшую злобными нападениями на Советский Союз, клеветническими выпадами против коммунизма и атеизма» [7, с. 51]; «против включения главы о евреях в схему об экуменизме выступили по своему обыкновению отпетые «традиционалисты» типа кардинала Руффини. Для этого сорта прелатов никакие новшества неприемлемы, а любой повод используется для антикоммунистической клеветы» [7, с. 133]. Резюмируя деятельность консервативного меньшинства на Соборе, М. П. Мчедлов заявляет: «Влиятельная группа (250–300 человек), которая на соборе упорно выступала против всяких нововведений и, пуская в ход все дозволенные, а нередко и недозволенные регламентом собора приемы и средства, пыталась добиться возврата на старую, проторенную стезю антикоммунистических «крестовых походов», «охоты за ведьмами», благоговейного почитания допотопных догм и канонов» [7, с. 143]. Из этого фрагмента очевидны два аспекта, для советского автора принципиально важным является вопрос отношения представителей Церкви к коммунизму и либо непонимание, либо нежелание понимать специфику религиозного мировоззрения, естественным образом привязанного к «допотопным» догмам и канонам.

О проблеме отношения консерваторов к коммунизму говорили и другие советские авторы: «Воинствующие клерикалы требовали включения в соборные документы специального раздела, в котором коммунизм подвергался бы нападкам в духе «крестового похода» [4, с. 15]; «на II Ватиканском соборе интегрлисты выступили за осуждение коммунизма» [13, с. 137]; «крайне правые кардиналы и епископы пытались направить собор по пути разжигания антикоммунистической истерии и атмосферы «холодной войны» [9, с. 9].

Примечательно, что в работе про Иоанна XXIII видного иерарха РПЦ, активно участвовавшего в экуменическом диалоге с Католической Церковью Никодима Ротова, деятельность консервативных участников Собора показана нейтрально, хотя и эпизодически [8].

Особое внимание советские авторы уделяли архиепископу М. Лефевру, который на Соборе стал одним из лидеров консервативного крыла, а после возглавил сопротивление преобразованиям в Церкви, став, фактически основным и наиболее известным традиционалистом. Так, о нем говорится, что уже к середине 1970-х гг. «воинствующий французский клерикал М. Лефевр» стал олицетворением тех религиозных сил, которые могут привести к расколу в католической церкви. Эти силы стремятся «перечеркнуть решения II Ватиканского собора». Сам архиепископ получает следующую характеристику: «воинствующий клерикал», который «в свое время активно поддерживал асовцев... До открытой апологии фашизма Лефевр сегодня не доходит», но дистанция между ним и фашистами очень невелика по причине его «неукротимой ненависти к коммунизму», «экстремист Лефевр» [2, с. 30; 51].

Еще сильнее роль архиепископа М. Лефевра подчеркивалась одним из крупнейших советских религиоведов Л. Н. Великовичем. В вышедшей в 1984 г. книге «Современный капитализм и религия» архиепископу отведен специальный раздел под названием «Антипапа» [1, с. 82–85]. Автор констатирует, что «в последнее десятилетие отмечается активизация деятельности реакционных кругов католической церкви, испытывающих ностальгию по прошлому дособорному католицизму. В этом отношении весьма показательны традиционалисты, возглавляемые французским архиепископом Марселем Лефевром». Л. Н. Великович отмечает, что «на II Ватиканском соборе комитет «Коэус интернационалис патрум», руководимый им, решительно выступал против каких-либо нововведений в церкви. Традиционалисты даже требовали принятия собором антикоммунистической декларации. Антикоммунистические выступления Лефевра были поддержаны реакционными кругами и неофашистскими изданиями, а также некоторыми церковными деятелями. Недаром на Западе его нередко называют «капелланом черного интернационала». Следует отметить, что в название группы соборных консерваторов каралась неточность – должно быть не «коэус», а «коэтус», поскольку эта группа называлась «Coetus Internationalis Patrum». В той же книге автор обращает внимание еще не одного сторонника традиционных католических ценностей, который, в частности, предлагал, чтобы соборные отцы осудили коммунизм – бразильского клерикального автора, профессора, основателя «Общества защиты традиции, семьи и собственности» П. Корреа де Оливейра (имя которого автором также приводится с ошибкой – Оливиера). Именно П. Корреа де Оливейра подготовил докладную записку, призывающую к осуждению

коммунизма, распространенную среди участников Собора в конце 1963 г. Л. Н. Великович о нем пишет как о «яро антикоммунистическом авторе», а его организацию характеризует, как «своего рода интернационал католического обскурантизма» [1, с. 82].

Уже в послесоветский период отношение к традиционалистам и лично к архиепископу М. Лефевру меняется. Так, известный православный ученый, протоиерей В. Асмус опубликовал достаточно подробную и доброжелательную биографическую статью, посвященную М. Лефевру. Он говорит, что на Соборе архиепископ «выступал за хранение традиционного учения, против всех заблуждений в церкви и в современном мире». Православному священнику «понятен трагизм положения этого епископа. Его христианская совесть не может примириться с тем, что начинается в церкви после II Ватиканского Собора» [11, с. 222].

Наиболее ярким и популярным советским исследованием, в котором значительное внимание уделялось II Ватиканскому Собору, является работа И. Р. Григулевича «Папство. Век XX». Здесь автор с богатой фактологией и при помощи очень яркого языка реконструирует события, формируя у читателей определенное отношение к происходящему. Разумеется, позиция консерваторов подвергается здесь разгромной критике. Например, при описании реакции на предложение прогрессистов разрешить представителям не католических церквей присутствовать на заседаниях Собора: «Соборные отцы встретили аплодисментами, в то время как лидер интегрлистов Оттавиани в исступлении кричал полтавыни «Horresco!» («Чудовищно!»)» [3, с. 335].

Наверное, наиболее показательным примером, позволяющим выявить отношение авторов к соборным консерваторам, является случай с выступлением кардинала А. Оттавиани 30 октября 1962 г. во время обсуждения вопроса о реформе литургии. Кардинал А. Оттавиани был в то время вторым по влиятельности лицом в Церкви после Папы – возглавлял Верховную священную конгрегацию святой канцелярии (ныне – Конгрегация доктрины веры). Как известно, литургия – главное действие в церковной практике, в ходе которой происходит важнейшее событие – пресуществление хлеба и вина в плоть и кровь Христову. Отсюда проистекает особое отношение к литургии со стороны верующих. Среди многих реформ, предложенных Собором, была предусмотрена и реформа литургии.

Консервативные участники Собора были либо против преобразований в литургии, либо же предлагали подойти к таким изменениям более осторожно и деликатно. Именно с таким предложением выступил кар-

динал А. Оттавиани. У него было достаточно много поправок к предлагавшемуся документу, выступление затянулось, и кардинал вышел за рамки отведенного времени. В результате, представитель обновленцев кардинал Альфринк, председательствовавший в тот день, приказал выключить микрофон оратора, не дожидаясь завершения его выступления.

Разные авторы по-разному описывают нюансы этого случая. Так, И. Р. Григулевич с сарказмом и ликованием пишет: «Оттавиани, по видимому, решил, что 10-минутное ограничение его не касается и начал очень издали. Когда он проговорил 17 минут, Альфринк попросил оратора оставить трибуну. Оттавиани продолжал говорить. Тогда Альфринк, крикнув «Satis!» (довольно!), выключил микрофон. Соборные отцы одобрили решительное поведение председателя громкими аплодисментами. Этот эпизод показал, что интегрлисты на соборе оказались в меньшинстве» [3, с. 337]. Примерно в таком же триумфаторском духе описывается это и в фундаментальной 5-томной «Истории II Ватиканского Собора» под редакцией Дж. Альбериги, вышедшей в 1995–2001 гг. (русское издание 2003–2010 гг.): у Оттавиани было так много замечаний, что Альфринку пришлось его прервать, после чего последовали «бурные аплодисменты» [6, с. 153]. Следует отметить, что в данном 5-томном исследовании авторы подчеркнута симпатизируют церковным обновленцам, а консервативных участников критикуют. По сути, эта работа, являющаяся своего рода каноническим официальным трудом по истории Собора, предлагает такое же видение соборных дискуссий, как и работы советских авторов, с той разницей, что здесь пропагандистская риторика менее грубая.

Ни советские, ни официальные католические авторы не приводят в своем описании этой скандальной ситуации важных сопутствующих факторов, которые позволяют несколько иначе взглянуть на причины того, почему кардинал А. Оттавиани нарушил регламент. Очевидец событий, американский священник Р. Уилтген, свидетельствует: «По причине частичной слепоты, кардинал говорил без опоры на текст и вышел за рамки отведенного времени. Когда кардинал Оттавиани проговорил 15 минут, кардинал Альфринк позвонил в колокольчик. Но выступающий настолько погрузился в тему, что не услышал звонка или, возможно, проигнорировал его. По сигналу кардинала Альфринка техник выключил микрофон» [16, р. 28–29]. Об этом же пишет и один из наиболее влиятельных авторов-традиционалистов М. Дейвис: «Кардинал был стар и частично слеп. Он искренне говорил о предмете, глубоко волновавшем его» [14, р. 93]. М. Дейвис не скрывает своей симпатии к карди-

налу А. Оттавиани и его риторика диаметрально противоположна риторике И. Р. Григулевича. В еще одном исследовании авторы – священники-седавакантисты, не признающие послесоборную Церковь истинной Церковью и считающие послесоборных пап антипапами – пишут, что кардинал Оттавиани не реагировал на предупреждение о лимите выступления из-за плохого слуха [15, р. 386].

Таким образом, очевидно, что представление консервативных участников II Ватиканского Собора в историографии обусловлено личным отношением авторов к проблеме церковных преобразований. Более того, это отношение влияет даже на подбор фактов, которые могут пролить свет на причины, контекст и ход соборных дискуссий. Приходится с сожалением констатировать высокую степень ангажированности авторов, из-за чего объективная реконструкция атмосферы, царившей на Соборе, представляется возможной только после детального изучения всего многообразия первоисточников, информации прессы и научных работ по теме.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Великович Л. Н.* Современный капитализм и религия. М. : Политиздат, 1984. 238 с.
2. *Гольденберг М.* Клерикальный антикоммунизм. Кишинев : Штиница, 1979. 180 с.
3. *Григулевич И. Р.* Папство. Век XX. 2-е изд., доп. М. : Политиздат, 1981. 532 с.
4. *Кантеров И. Я.* Ватикан под натиском атеизма. М.: Наука, 1972. 151 с.
5. Кузмицкас Б. Философские концепции католического модернизма. Вильнюс : Минтис, 1982. 208 с.
6. *Ламберигтс М.* Прения по литургии // История II Ватиканского собора. Т. II. Формирование соборного сознания / Общ. ред. Дж. Альбериго, А. Бодров, А. Зубов. М. : Библийско-богословский институт св. апостола Андрея, 2005. С. 129–203.
7. *Мчедлов М. П.* Эволюция современного католицизма. М. : Мысль, 1966. 224 с.
8. Никодим, митрополит Ленинградский и Новгородский. Иоанн XXIII, Папа Римский. Wien : «Pro Oriente», 1984. 665 с.
9. *Нюнка В. Ю.* Современный Ватикан. М. : Знание, 1980. 64 с.
10. Онищенко О. С. Клерикализм – ідеологічне знаряддя імперіалізму. Київ. : Вид. Ак. наук УРСР, 1963. 140 с.
11. П. В. А. Архиепископ Марсель Лефевр и католицизм XX века // *Regnum Aeternum*. М. : Изд-во Наш дом – L'Age d'Homme, 1996. С. 221–232.
12. *Реиетников Н. А.* Клерикализм. М. : Мысль, 1965. 446 с.

13. *Ястребов И. Б.* Католицизм в современной Франции (Очерк социально-политических позиций». М. : Мысль, 1973. 192 с.
14. *Davies M.* Pope John's Council. Liturgical Revolution – Volume Two. Dickinson : Angelus Press, 1977. 352 p.
15. *Radecki F., D. Radeckr.* Tumultuous Times. The Twenty General Councils of the Catholic Church and Vatican II and its Aftermath. Wayne : St. Joseph's Media, 2004. 655 p.
16. *Wiltgen R.* The Rhine Flows into the Tiber. A History of Vatican II. Rockford, TAN Books, 1985. 304 p.

Лебедзева І. В.

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт (г. Мінск, Рэспубліка Беларусь)

ДЗЕЦІ Ў САЦЫЯЛЬНА-ЭКАНАМІЧНЫХ ПРАЦЭСАХ НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ ДРУГОЙ ПАЛОВЫ XIX – ПАЧАТКУ XX ст.: ГІСТАРЫЯ ГРАФІЯ ПЫТАННЯ

Дзяцінства – дынамічны элемент сацыяльнай сістэмы, які залежыць ад агульных заканамернасцяў развіцця грамадства. Гісторыя дзяцінства непасрэдна звязана з даследаваннем сям’і і прыватнага жыцця. Перыяд другой паловы XIX – пачатку XX ст. у айчынай гісторыі характарызуецца грунтоўнымі трансфармацыйнымі працэсамі. Яны ахапілі ўсе сферы жыцця грамадства і выклікалі адпаведныя змены ў паводзінах дзяцей і падлеткаў, у адносінах грамадства да гэтай катэгорыі насельніцтва. Найперш гэта было абумоўлена рэзкімі зменамі ў сістэме традыцыйных норм паводзінаў, якія заўсёды найперш закранаюць дзяцей.

Асобнай і даволі складанай праблемай з’яўляецца вызначэнне саміх межаў дзяцінства. У розных катэгорыях насельніцтва Беларусі даследуемага часу гэтыя межы былі розныя і залежалі ад узроўню жыцця, адукацыі, традыцыі і інш. У расійскай заканадаўчай сістэме на працягу XIX ст. адбылося шмат значных эвалюцыйных зменаў, перш чым канчаткова нарматыўна вызначылася заканадаўчае афармленне межаў дзяцінства і прававых магчымасцей гэтай катэгорыі насельніцтва [27, с. 37]. Узрост непаўналецця прадугледжваў некалькі перыядаў: ад нараджэння да 14 гадоў, ад 14 да 17 і ад 17 да 21 года. Дакументамі, якія з’яўляліся падцвярджэннем узросту, лічыліся прыходскія (метрычныя) кнігі, дваранскія радаслоўныя, гарадавыя абывацельскія кнігі і рэвізскія сказкі, а таксама пісьмовае сведчанне святара, які хрысціў, і сведкаў гэтай падзеі [11, с. 1].

Праблема вывучэння гісторыі дзяцінства бачыцца, перш за ўсё, у дваістасці разумення самога дзяцінства. Дзеці ўяўляюцца вучонымі і як аб'ект, і як суб'ект даследавання. Традыцыйныя гуманітарныя навукі вывучаюць дзяцінства як аб'ект і прадукт дзейнасці дарослых, – як дарослыя ўяўляюць сабе свет дзяцей, працэсы выхавання і сацыялізацыі, далучэння да культуры. Такім чынам, дзіця бачыцца прадуктам дарослага, без уласнага ўяўлення аб навакольным асяроддзі і ўласнай рэакцыі на яго. Дарэчы, вельмі цяжка ўявіць сабе дзяцей у якасці пасіўнай, нерухомай істоты без эмоцый. У сучаснай гуманітарнай навучы ёсць мноства даследаванняў, прысвечаных разгляду дзяцей як аб'ектаў дзейнасці дарослых, аднак погляд на дзіця як суб'екта гістарычнага працэса не ажыццяўляўся. Толькі з сярэдзіны ХХ ст. вучоныя пачынаюць даследаванне дзяцінства, зыходзячы з кардынальна новага ракурса вывучэння – з пункту гледжання самога дзіцяці. Дзяцінства вывучаюць як акрэсленую субкультуру са сваімі ўласнымі функцыямі, традыцыямі, уласнай сацыяльнай канструкцыяй. Прадпрымаюцца спробы вывучэння свету дарослых вачымі гэтай дастаткова самастойнай субкультуры – света дзяцей. Асабліва істотныя ў гэтым накірунку праведзены даследаванні ў галіне сацыялогіі, псіхалогіі, псіхагісторыі. Першым і шматразова цытуемым сярод гісторыкаў, якія пачалі даследаванне праблемы дзяцінства, з'яўляецца французскі гісторык-дэмограф Ф. Ар'ес – у 1960 г. ён выдаў кнігу «Дзіця і сямейнае жыццё пры старым рэжыме» [3]. Аўтар упершыню растлумачыў, што дзяцінства не проста вызначаны этап у развіцці чалавека, а складанае, шматграннае разуменне, якое не аднойчы змяняецца на працягу гістарычнага працэса. Акрамя самой гісторыі дзяцінства Ф. Ар'еса цікавяць праблемы дынамікі ўзроставых груп, узаемаадносін дарослых і дзяцей у зменлівых вірах гісторыі, сацыяльныя ўстаноўкі, умовы выхавання ў сям'і. Даследчык не толькі высвятляе самое паняцце дзяцінства, але і апісвае адлюстраванне дзяцінства ў выяўленчым мастацтве, дзіцячае адзенне, заняткі, гульні, школьнае навучанне і інш.

Існуе мноства тэорый, якія вызначаюць гісторыю як пастаянны працэс змены пакаленняў, калі чалавечая супольнасць з усім яе назапашаным матэрыяльным, вытворчым, духоўным капіталам перадае ўсё гэта наступнаму пакаленню. Пакаленню, што існуе ў зусім новых умовах жыцця, прымае гэтую спадчыну і далей пераўтварае яе ў новыя формы і г. д. У галіне сацыяльнай гэты працэс змены пакаленняў выглядае як паслядоўны шэраг збліжэнняў паміж дарослым і дзіцем, таму што кожны дарослы, без уліку свайго становішча ў грамадстве, калісьці быў

дзіцём. У псіхалогіі і сацыялогіі нерэдка выкарыстоўваецца выраз «дзіця – бацька мужчыны». Гэта значыць, што эмоцыі, уражанні, матэрыяльнае і духоўнае асяроддзе, у якім знаходзіўся чалавек у дзяцінстве, абавязкова напайняе ўнутранае жыццё дарослага і з’яўляецца праймай яго далейшага жыцця, учынкаў, памкненняў, сацыялізацыі і месца ў грамадстве. Падобны падыход яскрава прасочваецца ў працы І. С. Кона [13]. Пэўным практычным падцверджаннем гэтай тэорыі з’яўляецца даследаванне пачатку XX ст. юрыста М. Ф. Тэадаровіча «Дзеці-злачынцы і суды для іх. Папулярныя эцюды», дзе ён апісвае арганізацыю і дзейнасць спецыяльных судаў для дзяцей-злачынцаў у Расіі. Галоўнай думкай працы з’яўляецца наступнае сцвярджанне: калі грамадства жадае пазбавіцца ад злачынцаў, яно абавязкова павінна зрабіць дзяцінства шчаслівым [26]. Псіхатэрапеўт Э. Эрыксан у сваёй кнізе «Дзяцінства і грамадства» (1950) пры апісанні выпадкаў сваёй лячэбнай практыкі таксама раскрывае ўзаемазалежнасць дарослага і дзіцячага сусветаў, слухна заўважае, што належачыя да дарослага чалавека маральныя і духоўныя характарыстыкі закладзены ў яго дзяцінстве [28].

Заўважна, што дзяцінства, з’яўляючыся міждысцыплінарнай з’явай, належыць да ліку сталых аб’ектаў даследаванняў у галіне педагогікі, філасофіі, сацыялогіі і псіхалогіі, этнаграфіі. У распрацоўку гісторыі дзяцінства зрабілі ўнёсак некалькі пакаленняў даследчыкаў. Сярод іх трэба адзначыць грунтоўныя этнаграфічныя працы даследчыкаў XIX ст.: А. Я. Багдановіча [18], П. В. Шэйна [16], Е. Р. Раманова [21], І. А. Сербавы [23], Ю. Ф. Крачкоўскага [14]. У іх працах можна знайсці звесткі аб бытавых і сацыяльных умовах жыцця дзяцей, адносінах да іх у сям’і, традыцыях і абрадах, апісанне дзіцячага адзення, а таксама запісы гульняў, прымавак, казак, калыханак і іншых дзіцячых спеваў. Асобна неабходна выдзеліць працу М. В. Доўнар-Запольскага «Нарысы звычайнага сямейнага права сялян Мінскай губерні»: даследчык даў не толькі падрабязную характарыстыку ўнутрысямейных адносін і адносін да дзяцей, але і вызначыў месца дзіцяці ў грамадстве згодна з прынятымі ў сялян звычайнымі нормаў [10].

Неабходна таксама узгадаць даследаванні беларускіх навукоўцаў, якія непасрэдна не звязаны з тэмай дзяцінства, але ў іх змешчана вялікая колькасць метадалагічнага і фактычнага матэрыяла, высноў і трапных характарыстык, без якіх немагчыма ўявіць і даследаваць месца дзяцей у грамадстве. Гэта працы М. В. Біча [6], А. М. Лютага [15], Х. Ю. Бейлькіна [4]. Але толькі ў манаграфіі А. Г. Кахановіча «Сацыяльная трансфармацыя беларускага грамадства (1861–1914 гг.)» прадстаўлена

сістэмнае, з прымяненнем сучасных падыходаў, апісанне працэсаў трансфармацыі грамадства другой паловы XIX – пачатку XX ст., саслоўнай структуры і сацыяльных змен у ім [12].

Этнаграфічнае даследаванне дзяцінства паспяхова працягвалася і ў савецкі час. Дастаткова ўзгадаць такія грунтоўныя працы, як «Дзіцячы фальклор» – акадэмічнае выданне Інстытута мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору [9], а таксама «Сям’я і сямейны быт беларусаў», дзе на прыкладзе шматлікага фактычнага матэрыяла паказана гісторыя трансфармацыі сям’і і сямейных адносінаў, пачынаючы з XIV ст. і да савецкага часу, разгледжаны пытанні выхавання дзяцей у розныя перыяды гісторыі Беларусі, падрабязна апісаны звычаі і абрады, характэрныя для беларускай сям’і [25]. Не менш карыснымі для вывучэння этнаграфіі дзяцінства, заснаванымі на вялікім экспедыцыйным матэрыяле, з’яўляюцца сучасныя працы. Да прыкладу – шматтомнае выданне «Беларусы», падрыхтаванае акадэмічным калектывам аўтараў. Сям’і і сямейным адносінам прысвечаны 5-ты том гэтага выдання [5].

Беларусы на працягу стагоддзяў сфарміравалі ўласную сістэму сацыяльных паводзінаў, якая знайшла сваё адлюстраванне ў метадах выхавання дзяцей, адносінаў да бацькоў, ва ўнутрысямейных адносінах паміж мужам і жонкай. Цікавай у гэтым напрамку даследаванняў з’яўляецца манаграфія даследчыцы этнаграфіі дзяцінства Л. В. Ракавай. У сваёй працы на аснове шматлікіх палявых даследаванняў, падрабязнага агляду гістарыяграфічных матэрыялаў і дакладных крыніц аўтар з пазіцыі гістарызма разглядае праблемы і эвалюцыю традыцый сямейнага выхавання дзяцей беларусаў [20]. Больш вузкаму напрамку этнаграфічнага вывучэння дзяцінства прысвечана навуковая праца А. Дз. Якубінскай, а менавіта – сацыялізацыі дзяцей беларускіх сялян перыяду другой паловы XIX – пачатку XX ст. Значная ўвага ў манаграфіі нададзена высвятленню праблем забеспячэння здароўя дзяцей, прафілактыцы і лячэнню дзіцячых хвароб, ролі гульні, цацак і фальклорных элементаў у развіцці і выхаванні дзяцей [29].

У якасці найбольш значных у гістарычнай літаратуры звычайна абмяркоўваюцца праблемы сацыялізацыі дзяцей і падлеткаў, роля традыцыйных інстытутаў і форм дзейнасці дзяржавы і грамадскіх арганізацый, вывучаецца сувязь паміж выхаванне дзяцей і іншымі аспектамі сацыяльнай структуры і культуры дадзенага грамадства. Сярод прац па гісторыі выхавання на тэрыторыі Беларусі выдзяляюцца навуковыя даследаванні Е. Г. Андрэевай. Даследчыца прасачыла эвалюцыю развіцця дзіцячых прынотаў і дамоў дагляду на тэрыторыі Беларусі

другой паловы XIX – XX ст. і зрабіла выснову аб тым, што тут мела месца распаўсюджанне педагагічных ідэй рускай, польскай, украінскай народнасцей, а традыцыі падрыхтоўкі кадраў дашкольнага выхавання на працягу ўсяго XIX ст. былі значна мацнейшымі за беларускія, паколькі пераважная большасць настаўнікаў рыхтавалася за межамі Беларусі [1]. Дзейнасць дзяржавы і грамадскіх арганізацый у другой палове XIX ст. у адносінах да дзяцей з адхіленнямі ў развіцці асветлена ў працы беларускага даследчыка І. М. Боблы [7].

Непараўнальна больш даследаванняў па гісторыі дзяцінства разглядаемага перыяду праведзена расійскімі навукоўцамі. Гэтая тэма ў сучаснай расійскай гістарыяграфіі выклікае вельмі вялікую цікавасць. У ліку першых грунтоўных аўтараў разглядаемага перыяду неабходна пазначыць Б. М. Міронава з яго фундаментальнай 3-томнай працай «Расійская імперыя: ад традыцыі да мадэрна» [17]. У шэрагу даследаванняў, якія прысвечаны непасрэдна гісторыі дзяцінства, неабходна выдзеліць манаграфію І. У. Сінавай «Дзеці ў гарадскім соцыуме ў другой палове XIX – пачатку XX ст.: праблемы сацыялізацыі, дэвіяннасці і жорсткага абыходжання». Аўтар з прымяненнем сучасных метадалагічных сродкаў паказала вострую неабходнасць вывучэння гісторыі дзяцінства, акрэсліла падыходы да вызначэння межаў дзяцінства, на прыкладзе шматлікага факталагічнага матэрыяла зрабіла выснову аб тым, што сям'я з'яўляецца важнейшым інстытутам першапачатковай сацыялізацыі чалавека [24].

З вышэй сказанага вынікае, што пытанні гісторыі дзяцінства, разам з вывучэннем эвалюцыі заканадаўства, змянаў адносін да дзяцей у грамадстве, уздзеяння эканамічных рэформаў вывучаемага перыяду, цесна звязаныя з даследаваннем сям'і і гендэрнай гісторыі. У прыватнасці, Н. А. Аралавец разгледжаны асаблівасці шлюбных адносін гарадскога насельніцтва ў пачатку XX ст., змяненне поглядаў на сямейныя адносіны, прыведзены дэмаграфічныя паказчыкі сям'і і фактары, якія паўплывалі на іх трансфармацыю [2]. Неабходна ўгадаць працы Н. Л. Пушкаравай па гендэрнай гісторыі, якія сталі класічнымі ў гэтай галіне [19], а таксама даследаванне Л. М. Дзянісавай, прысвечанае раскрыццю прыватнага жыцця, побыта і ролі жанчыны-сялянкі ў савецкай вёсцы [8].

Новымі падыходамі да даследавання гісторыі дзяцінства XX ст. вызначаецца навуковая праца А. А. Сальнікавай «Расійскае дзяцінства ў XX стагоддзі: гісторыя, тэорыя і практыка даследавання». Цікавасць выклікае той факт, што аўтар для раскрыцця праблемы прапануе выкарыстоўваць у якасці крыніцы ўспаміны дзяцей аб сваім недалёкім

мінулым, абгрунтоўваючы гэта тым, што ўспаміны дарослых аб сваім дзяцінстве заўсёды выглядаюць прыгожымі і «светлымі». Дзеці ў гэтым выпадку больш крытычныя і аб'ектыўныя. Тым самым А. А. Сальнікава разглядае дзяцей як самастойных суб'ектаў гістарычнага даследавання, пазбаўленых стэрэатыпаў «дарослага» свету [22].

Вялікая колькасць прац расійскіх гісторыкаў прысвечана раскрыццю праблемы сацыяльнага дагляду і апякунства, утварэнню вялікай колькасці дабрачынных устаноў напрыканцы XIX ст. і, асабліва, у пачатку XX ст. Існаванне такіх праяў, безумоўна, сведчыць аб працэсах фарміравання ў Расійскай імперыі грамадзянскай супольнасці, а таксама аб праблеме дэвіацыі ў дзіцячым асяроддзі і росце вялікай колькасці маргінальных элементаў (негатыўных фактараў трансфармацыйных змен у грамадстве).

Гісторыя дзяцінства другой паловы XIX – пачатку XX ст. – вельмі важная і складаная галіна для даследавання. Але вывучэнне гісторыі дзяцінства сутыкаецца з шэрагам розных складаных праблем. Прымяненне міждысцыплінарных падыходаў да вывучэння дзяцінства ў беларускім грамадстве, звяртанне як да сусвету дзяцей і дзяцінства, так і да сусвету дарослага грамадства дапамогуць зрабіць унёсак у паглыбленне нашага разумення беларускага грамадства другой паловы XIX – пачатку XX ст.

БІБЛІАГРАФІЧНЫЯ СПАСЫЛКІ

1. *Андреева Е. Г.* Гуманистические идеи первоначального воспитания в дореволюционной Белоруссии. Минск : МПИ, 1985. 96 с.
2. *Араловец Н. А.* Городская семья в России, 1897–1926 гг.: историко-демографический аспект. М. : РИО ИРИ РАН, 2003. 233 с.
3. *Арьес Ф.* Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке / Пер. с франц. Я. Ю. Старцева при участии В. А. Бабинцева. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. 416 с.
4. *Бейлькин Х. Ю.* Сельскохозяйственный рынок Белоруссии (1861–1914 гг.). Минск : Навука і тэхніка. 1989. 280 с.
5. Беларусы. Сям'я / В. К. Бандарчык, Г. М. Курыловіч, Т. І. Кухаронак і [інш.]. Мінск : Бел. навука, 2001. Т. 5. 375 с. .
6. *Бич М. О.* Рабочее движение в Белоруссии в 1861–1903 гг. Минск : Навука і тэхніка. 1983. 278 с.
7. *Бобла И. М.* Развитие специального обучения и воспитания аномальных детей в дореволюционной Белоруссии. Минск : 1983. 86 с.
8. *Денисова Л. Н.* Судьба русской крестьянки в XX веке: брак, семья, быт. М. : «Памятники исторической мысли»; «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2007. 480 с.

9. Дзіцячы фальклор / Акадэмія навук Беларускай ССР. Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору. Мінск : Навука і тэхніка, 1972. 733 с.
10. *Довнар-Запольскі М. В.* Исследования и статьи. Киев : издание А. П. Сапунова, 1909. Т. 1. П. 487 с.
11. Законы о детях. Сборник постановлений действующего законодательства, относящихся до малолетних и несовершеннолетних с приложением свода разъяснений по кассационным решениям Сената / Сост. Я. А. Канторович. СПб., 1899.
12. *Каханоўскі А. Г.* Сацыяльная трансфармацыя беларускага грамадства (1861–1914 гг.). Мінск : БДУ. 2013. 335 с.
13. *Кон И. С.* Ребенок и общество. Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М. : Изд. центр «Академия». 2003. 336 с.
14. *Крачковский Ю. Ф.* (1840–1903) Быт западнорусского селянина / сочинение Юл. Ф. Крачковского. М. : издание Императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете, 1874. 212 с.
15. *Лютый А. М.* Социально-экономическое развитие городов Белоруссии в конце XVIII – первой половине XIX в. Минск : Навука і тэхніка. 1987. 181 с.
16. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. Собраны и приведены в порядок П. В. Шейном. Т. III. СПб. : 1902. 521 с.
17. *Миронов Б. Н.* Российская империя: от традиции к модерну : в 3 т. СПб. : Дмитрий Буланин, 2014. Т. 1. 896 с.
18. Пережитки древнего миросозерцания у белорусов. Этнографический очерк А. Е. Богдановича. Гродно : Губернская Типография. 1895. 186 с.
19. *Пушкарева Н. Л.* Частная жизнь женщины в доиндустриальной России. X – начало XIX в. Невеста, жена, любовница. М. : «Ладомир», 1997; Русская женщина: история и современность. М. : «Ладомир», 2002; Бытовое насилие в истории российской повседневности (XI–XXI вв.). СПб. : ЕУ СПб., 2012.
20. *Ракава Л. В.* Эвалюцыя традыцый сямейнага выхавання беларусаў у XIX–XX стст. Мінск: Беларус. навука, 2009. 311 с.
21. *Романов Е. Р.* Белорусский сборник. Вильно : 1912. Вып. VIII–IX. 1912.
22. *Сальникова А. А.* Российское детство в XX веке: История, теория и практика исследования. Казань : Казанский гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина, 2007. 256 с.
23. *Сербов И. А.* Белоруссы-сакуны. Краткий этнографический очерк. Петроград : Тип. Имп. Акад. Наук, 1915. 180 с.
24. *Синова И. В.* Дети в городском российском социуме во второй половине XIX – начале XX в.: проблемы социализации, девиантности и жестокого обращения. СПб. : Дмитрий Буланин, 2014. 288 с.
25. Сям’я і сямейны быт беларусаў / В. К. Бандарчык, Г. М. Курьловіч, Л. В. Ракава [і інш.]. Мінск : Навука і тэхніка, 1990. 256 с.
26. *Теодорович М. Ф.* Дети-преступники и суды для них. Варшава, 1914. 31 с.
27. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Изд. 1885 г., со включением статей по продолжениям 1890 и 1891 гг. СПб. : Гос. совет. 683 с.

28. Эрик Г. Эрикссон. Детство и общество. Изд. 2-е, перераб. и доп. / Пер. с англ. СПб. : Ленато, АСТ, Фонд «Университетская книга», 1996. 592 с.

29. Якубінская А. Дз. Традыцыйная сацыялізацыя дзяцей беларускіх сялян у другой палове XIX – першай палове XX ст. Мінск : РІВШ, 2010. 118 с.

Литвиновская Ю. И.

УО «Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники» (г. Минск, Республика Беларусь)

СОБЫТИЯ ВОЙНЫ 1812 ГОДА В ДОКУМЕНТАХ БЕЛОРУССКИХ АРХИВОВ

Архивные материалы – база любого серьёзного исторического исследования. Без их использования освещение конкретных исторических событий будет неполным, мы не сможем добиться объективной картины происходившего, произвести качественный анализ и сделать аргументированные выводы. В Беларуси крупнейшими хранилищами документов по дореволюционному периоду её развития являются исторические архивы в Минске и Гродно. Именно на них опираются в первую очередь в своих исследованиях белорусские исследователи.

Война 1812 г. – одно из наиболее значительных событий в истории дореволюционной России. Она явилась испытанием прочности государства и не случайно получила в российской историографии название «Отечественной». Многие события происходили на территории Беларуси, на население которой легла основная тяжесть военных повинностей, что привело к величайшим бедствиям для жителей городов и деревень, разорению и опустошению края. В белорусских архивах сохранились многие документы той эпохи, которые проливают свет, прежде всего, на события социально-экономического характера.

Основной комплекс неопубликованных документальных источников находится в Национальном историческом архиве Беларуси (НИАБ): царские указы и манифесты, отчёты губернаторов, переписка губернских учреждений с поветовыми, различного рода рапорты, сведения о сдаче провианта и фуража. А также обобщенные и отдельные расписки, многочисленные ходатайства помещиков о снижении бремени военных поставок, оказании помощи и т.д.

В фонде Белорусского генерал-губернатора [12] имеется ряд важных свидетельств, касающихся событий войны 1812 г. К ним можно отнести показания бывших жителей местечка Краснополье Полоцкого повета

земскому суду об уничтожении их жилищ французскими войсками, многочисленные сведения о разорении помещиков и крестьян и прошения о помощи и возмещении убытков; материалы об изыскании средств для восстановления разрушенных городов и местечек.

Представляют интерес материалы, собранные в деле № 2 фонда – временного военного губернатора Минской губернии и командующего войсками в ней расположенными [4]. Здесь привлекают внимание сведения о расследовании жалоб помещиков на генерал-майора Тучкова и полковника Исаева за ущерб, причинённый российскими войсками при их прохождении через Минскую губернию. Расследование было проведено по личному указанию главнокомандующего армией М. И. Кутузова.

В фондах Минского [5] и Витебского [13] губернских правлений содержится значительное количество материалов, которые проливают свет на обеспокоенность властей огромным количеством оружия, оставленного воюющими сторонами на полях сражений. Имеются также документы, где показаны конфискация имений помещиков, не вернувшихся в Россию в течение 2-х месячного срока (как это было означено в царском манифесте от 12 декабря 1812 г.), расхищение различного рода ценностей из резиденции Минского архиепископа во время пребывания французов в городе и др. Среди материалов фондов – документы о крестьянских волнениях в 1813–1825 гг.

Важные документальные источники сохранились в фондах Витебского [14], Минского [3] и Могилёвского [18] гражданских губернаторов. Они касаются поставки артиллерийских лошадей для российской армии накануне войны с Наполеоном, снабжения войск обмундированием и транспортом, экономического ущерба, причинённом войной как крестьянскому хозяйству, так и помещицкому (в том числе и одному из крупнейших в Беларуси имений – Горы-Горецкому). Широко представлены прошения помещиков о снижении тягот военного бремени, компенсации потерь, а также прошения крестьян об уменьшении феодальных повинностей и помещицкого гнёта в послевоенный период.

В фондах Минского губернского дворянского депутатского собрания [6] и губернского предводителя дворянства [7] имеются документы о рекрутских наборах и поставках провианта и фуража для войск и компенсации за эти поставки помещикам, о возмещении убытков, нанесённых жителями разных поветов Минской губернии во время войны. Здесь хранятся ведомости и донесения поветовых присутствий по военным делам, журналы регистрации квитанций о поставках фуража и продовольствия для армии, переписка губернского предводителя дворянст-

ва с губернским по военным делам присутствием о выполнении различного рода военных требований.

Весьма содержательный фактический материал сохранился в фонде Минского губернского для военных повинностей присутствия [16]. Губернские и поветовые присутствия были учреждены в апреле 1812 г. и действовали до июня 1816 г. В них входили высшие должностные лица губернии – губернатор (председатель присутствия), вице-губернатор, предводитель дворянства и два представителя от дворян губернии. В задачу присутствия входило заготовка продовольствия и фуража для армии, создание запасных магазинов, контроль за набором рекрутов, состоянием мостов, дорог.

В фонде, состоящем из 42 дел, хранится множество документов по всем этим вопросам: ведомости и квитанции о реквизированном российскими войсками продовольствии, рапорты поветовых инстанций о наличии продовольствия, дела об отводе пастбищ для армейских лошадей. В материалах фонда имеются сведения о производстве набора в рекруты, об убытках, нанесённых войсками населению; переписка с поветовыми по военным повинностям присутствиями по разным вопросам сбора и сохранения продовольствия и фуража, информация о пожертвованиях продовольствия и лошадей для действующей армии.

Ценные документальные источники находятся в фонде Минской казённой палаты [8]. Они дают возможность проследить ситуацию, сложившуюся накануне войны, с сохранением финансовых средств и казённого имущества и ущерб, нанесённый отдельным поветам губернии во время войны. Сохранились многочисленные прошения об оказании помощи, о выплате компенсаций за реквизированное продовольствие.

Разруха коснулась как помещичьих хозяйств, так и хозяйств мелкой шляхты и крестьян. В декабре 1812 г. и январе-июне 1813 г. многие десятки помещиков практически всех поветов Минской губернии обращались в различные инстанции – к гражданскому губернатору П. М. Добринскому, в присутствие для военных повинностей и казённую палату с просьбами ослабить бремя продовольственных поставок [8, оп. 4, ед. хр. 601, л. 20–105]. В фонде имеются данные о пожертвованиях населения губернии в пользу российских войск и о предоставлении пособий инвалидам войны. Представляет интерес переписка казённой палаты с департаментом госимуществ Министерства финансов о предоставлении сведений об убытках, понесённых старостинским и казённым имениям во время войны, с целью принятия мер к восстановлению хозяйственной жизни имений.

Значительные документальные источники обнаружены в фонде Минской духовной консистории [2]. Это указы Святейшего Синода, различного рода предписания консистории, рапорты духовных правлений, настоятелей монастырей, благочинных о состоянии храмов после изгнания неприятеля, жалобы духовенства и ходатайства об оказании помощи после войны. Они дают представление об ущербе, который понесли православная церковь и её служители во время войны, о расхищении церковной утвари, обнищании монастырей. В фонде представлены ведомости убытков, причинённых имениям Минского архиерейского дома, а также материалы о борьбе за саму резиденцию архиепископа между римско-католической и православной конфессиями. Тяжба между ними длилась довольно продолжительное время. Часть имущества католики возвратили. Минский архиерейский дом превратился в источник противостояния между церквями [2, ед. хр. 3039, л. 62]. Широко представлен материал о процессе послевоенного восстановления церковной жизни, помощи государства священно- и церковнослужителям и их семьям, строительстве новых церквей и восстановлении господствующего положения православия, попытках организовать помощь населению.

Ведомости учёта ущерба, причинённого различным имениям, акты о военных реквизициях, воззвание М. И. Кутузова к населению Литовских губерний относительно содействия поимке дезертиров имеются в фонде Радзивиллов [9].

Отдельные дела с материалами по интересующей нас проблеме сохранились и в ряде других фондов: Бобруйского уездного для военных повинностей присутствия [17], Бобруйского уездного по воинской повинности присутствия, Минской губернии [11], Борисовского уездного комитета по определению потерь вследствие военных действий 1812–1813 гг. [15]. Они представляют собой документы о доставке продовольствия в Бобруйскую крепость, реестры убытков, понесённых имениями Борисовского уезда, другие сведения о потерях.

Ряд документов по данной проблеме имеется в Национальном историческом архиве Беларуси в г. Гродно. Они сосредоточены главным образом в фондах Гродненского гражданского губернатора [1] и Временной Гродненской исполнительной комиссии Временного литовского правительства [10]. В первом из них сохранились свидетельства о призыве рекрутов в российскую армию, о размерах материальных и людских потерь по губернии за время войны, поставках продовольствия для войск. Материалы фонда дают представление о сложностях преодоле-

ния последствий войны, об особенностях послевоенного экономического развития губернии и напряжённой социальной атмосфере в результате серьёзных крестьянских волнений.

Во втором фонде содержатся сведения о создании французскими военными властями на территории Гродненской губернии, преобразованной в одноимённый департамент, органов местного самоуправления, просуществовавших с июля по декабрь 1812 г. Собрана переписка местных властей с Временным правительством Великого княжества Литовского по финансовым и хозяйственным вопросам. Представляют интерес данные о ценах, установленных в г. Гродно в 1812 г., книга регистрации постановлений административной комиссии Гродненского департамента по сбору налогов и расходах за октябрь – декабрь 1812 г., а также постановлений губернской исполнительной комиссии о налоговых поступлениях и расходах в январе – марте 1813 г.

Архивные документы в сочетании с опубликованными материалами позволяют составить довольно полное представление о влиянии войны 1812 г. на социально-экономическую обстановку в Беларуси и в частности на такие её стороны, как сокращение численности населения, хозяйственная разруха, формирование социальной напряжённости и другие негативные явления, которые предстояло преодолевать на протяжении последующих десятилетий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ)

1. Ф. 1. Канцелярия Гродненского гражданского губернатора. Оп. 1, ед. хр. 30, 222, 588, 1355, 1357, 1360, 1884.
2. Ф. 136. Минская духовная консистория. Оп. 1, ед. хр. 2874, 2898, 2904, 2929, 2930, 2932, 2935, 3039.
3. Ф. 295. Канцелярия Минского гражданского губернатора. Оп. 1, ед. хр. 12, 96, 97, 98, 103, 118, 120, 133.
4. Ф. 296. Временный военный губернатор Минской губернии и командующий войсками в ней расположенными. Оп. 1, ед. хр. 2.
5. Ф. 299. Минское губернское правление. Оп. 1, ед. хр. 147. Оп. 2, ед. хр. 235, 249.
6. Ф. 319. Минское губернское дворянское депутатское собрание. Оп. 1, ед. хр. 49, 58, 66, 67.
7. Ф. 320. Канцелярия минского губернского предводителя дворянства. Оп. 1, ед. хр. 12. Оп. 3, ед. хр. 8.
8. Ф. 333. Минская казённая палата. Оп. 4, ед. хр. 535, 601. Оп. 24, ед. хр. 12.
9. Ф. 694. Радзивиллы. Оп. 2, ед. хр. 4592. Оп. 3, ед. хр. 130.

10. Ф. 1168. Временная гродненская исполнительная комиссия Временного литовского правительства. Оп. 1, ед. хр. 1, 3, 4, 5, 7.
11. Ф. 1262. Бобруйское уездное по воинской повинности присутствие, Минской губернии. Оп. 1, ед. хр. 5.
12. Ф. 1297. Канцелярия генерал-губернатора витебского, могилёвского и смоленского. Оп. 1, ед. хр. 440, 473, 5957.
13. Ф. 1416. Витебское губернское правление. Оп. 2, ед. хр. 5025.
14. Ф. 1430. Канцелярия Витебского гражданского губернатора. Оп. 1, ед. хр. 111, 225.
15. Ф. 1517. Борисовский уездный комитет по определению потерь вследствие военных действий 1812–1813 гг. Оп. 1, ед. хр. 1.
16. Ф. 1537. Минское губернское для военных повинностей присутствие. Оп. 1, ед. хр. 1, 4, 11, 13, 18, 26, 27, 33, 40, 41.
17. Ф. 1587. Бобруйское уездное для военных повинностей присутствие. Оп. 1, ед. хр. 3.
18. Ф. 2001. Канцелярия Могилёвского гражданского губернатора. Оп. 1, ед. хр. 22, 23, 24, 37.

Михальченко С. И.

*Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского
(г. Брянск, Российская Федерация)*

ПИСЬМА Ф. В. ТАРАНОВСКОГО В ЗАРУБЕЖНЫХ АРХИВАХ¹

История русской эмиграции первой волны не перестает привлекать внимания отечественных историков. Важнейшим и пока еще далеко не полностью введенным в научный оборот источником, является переписка эмигрантов, в том числе, ученых. Среди них – юрист и историк Федор Васильевич Тарановский (1875–1936). Выпускник Императорского Варшавского университета, Тарановский был доцентом и профессором Варшавского (1899–1906), Юрьевского университетов (1908–1917), Демидовского юридического лица в Ярославле (1906–1908). В 1917 г. его избрали профессором Петроградского университета (еще с 1912 г. в качестве приват-доцента он читал там лекции). Уехав затем на Украину, он был деканом юридического факультета вновь образованного Екатеринославского университета, в 1918 г. стал одним из основателей Всеукраинской Академии наук. Сотрудничество с антибольшевистскими движениями, в конце концов, привело его к эмиграции. С 1920 г.

¹ Выполнено при поддержке РФФИ (грант № 18-09-00437).

вплоть до смерти он – профессор Белградского университета по кафедре истории славянских законодательств [6].

Тарановский написал за свою жизнь множество писем, часть из которых уже становилась предметом анализа [5]. Предлагаемая статья содержит характеристику двух комплексов писем Тарановского из зарубежных архивов.

Вначале – о письмах известному русско-американскому историку Георгию Владимировичу Вернадскому (1887–1973) [3]. Они относятся к 1920–1927 гг. и хранятся в фонде Вернадского в Бахметевском архиве Библиотеки редких книг Колумбийского университета в Нью-Йорке. Ценность этого архива для изучения истории русской эмиграции неоднократно отмечалась в литературе [9]. Постоянно вводятся в научный оборот и неопубликованные материалы из фондов этого собрания.

В 1920-е гг. эмиграция и Вернадского, и Тарановского только началась. Если Тарановский сразу смог определиться с местом жительства и работой и в итоге все эмигрантские годы провел в Белградском университете, то первые годы эмиграции Вернадского оказались наполнены переездами и работой в разных научных и учебных заведениях Европы: вначале он жил в Константинополе, затем в Афинах, работая в библиотеке Греческой археологической ассоциации, а с 1922 по 1927 г. преподавал на Русском Юридическом факультете в Праге, после чего переехал в США, где стал профессором Йельского университета. Всего сохранилось 11 писем Тарановского Вернадскому [2]¹. Ответных писем не найдено, вероятно, они не сохранились, так как белградский архив Тарановского погиб при бомбежке немцами столицы Югославии в 1941 г. [8, с. 331]. Однако, поскольку особенностью писем Тарановского является то, что в начале каждого из них он фактически пересказывал с комментариями содержание письма к нему Вернадского, то письма Тарановского позволяют многое узнать как о его жизни, так и о Вернадском, письма которого, как выше указано, не сохранились.

Первое письмо написано Тарановским 20 декабря 1920 г. и направлено в Константинополь. В нем он выражал радость по поводу вызволения Вернадского с супругой из «ада». Главное содержание письма (как и нескольких следующих) – попытка получения Вернадскими визы в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев (КСХС). С визой обещал помочь сербский митрополит Досифей (1877–1945). Относительно воз-

¹ Далее все цитаты из писем приводятся по этому источнику. Нумерация листов единиц хранения в архиве отсутствует.

возможности обустройства в КСХС Тарановский был исполнен пессимизма: устроиться, по его мнению, в Белградский университет возможно только на богословский факультет, другие факультеты переполнены. Предлагал Вернадскому рассмотреть иные варианты трудоустройства – в семинарию, гимназию или на вновь открытый философский факультет в Скопле (Скопье) в македонской части государства.

К марту стало ясно, что с получением визы что-то не складывается: Вернадский пошел было за визой, но консул сказал, что ее пока нет. По выраженному в письме от 2 марта 1921 г. мнению Тарановского, может ничего и не выйти тогда, поскольку процесс получения виз вообще усложнился и даже протекции не помогают. Видимо, «обманули или смошенничали, что в порядке вещей на Балканах», – сетовал автор письма. – А заочно устроиться в университеты нельзя, надо долго ходить лично. В этих условиях Тарановский советовал не пренебрегать возможностью устройства в Болгарии, если таковая появится. Сообщил, что приват-доцент Арсеньев устроился в Кенигсберге¹. Судя по письмам Тарановского, попытки Вернадского переселиться в КСХС не прекращались весь 1921 г. Так, в письме от 9 октября 1921 г. Тарановский приветствовал намерение Вернадских обосноваться в словенской Любляне и стать профессором незадолго перед тем открытого там университета. Советовал связаться с уже начавшим в нем преподавание бывшим деканом историко-филологического факультета университета Св. Владимира в Киеве Николаем Михайловичем Бубновым.

Как известно, в итоге, в 1922 г. Вернадский стал профессором Русского Юридического факультета (РЮФ) в Праге, влившись в число сотен русских эмигрантов, получивших поддержку в рамках так называемой «русской акции». В письме от 17 мая 1922 г. Тарановский выражал радость по этому поводу и, со своей стороны, делился собственными успехами – писал об «оазисе в душевной пустыне эмигрантской жизни», устроенном им в 1920 г. в Земуне – Религиозно-философском кружке. (Как вспоминал участник кружка известный философ Василий Васильевич Зеньковский, «работали мы дружно, все прежнее или забылось, или отодвинулось», причем «самым интересным и живым членом и участником этих собраний был сам Ф. В. [Тарановский]. Широко образован-

¹ Арсеньев Николай Сергеевич (1888-1977) – философ и культуролог. В 1912–1917 гг. приват-доцент Московского университета. Участник Белого движения. Эмигрировал. В 1922-1944 гг. преподавал в Кенигсбергском университете, с 1947 г. – в Свято-Владимирской Духовной семинарии в США.

ный, привыкший к точным юридическим формулировкам, он мыслил очень ясно и четко и всегда укреплял свои религиозные позиции пережитым опытом» [4, с. 53]).

Первоначальная эйфория, связанная с устройством в Праге, вероятно, скоро сменилась тревогой и разочарованием – все сильнее стало приходиться понимать того, что большевики пришли надолго, и вероятность устройства выпускников РЮФ в России маловероятна. Наметился кризис Русского Юридического факультета, количество студентов начало уменьшаться [3, с. 184]. Видимо, все это было причиной возобновления поисков Вернадским нового места службы. Из недатированного письма (по содержанию относящегося к 1924 г.) следует, что Вернадский вновь поднял вопрос об устройстве в Белградском университете: по его мнению, предполагался уход с кафедры русской истории престарелого профессора Георгия Емельяновича Афанасьева (1848–1925). Тарановский разъяснил Вернадскому его ошибку: Афанасьев, как и все русские, был гонорарным профессором (т. е. почасовиком), а на кафедре был еще ординарный профессор из сербов. К тому же, отдельной кафедры русской истории в университете не было, а Афанасьев, как специалист по Франции, преподавал на кафедре всеобщей истории. По мнению Тарановского, эмигранту в КСХС нигде уже устроиться невозможно. Например, на философском факультете в Скопье (который рассматривался как место возможного устройства Вернадского в 1920–1921 гг.) после ухода в Софийский университет историка-медиевиста русского эмигранта П. М. Бицилли взяты на работу два местных доцента.

Другие письма 1924–1927 гг. наполнены, в основном, размышлениями Тарановского о прочитанных книгах (в том числе, присланных Вернадским) или о событиях, свидетелем или участником которых он был. В письме от 31 марта 1924 г. Тарановский, благодаря адресата за присылку его учебника по истории русского права (*Вернадский Г. В. Очерк истории права Русского Государства XVIII–XIX вв. Прага, 1924*), приветствовал внимание Вернадского к взаимоотношениям церкви и государства, но сомневался в правильности выбора хронологического периода (императорской России). У самого Тарановского работа над «Очерком истории русского права» не клеилась, как он сообщал в письме от 13 апреля 1925 г. [Книга выйдет только через три года на польском языке (*Taranowski F. Historja prawa rosyjskiego. Lwow, 1928. Cz. 1*)].

Весьма информативно письмо от 23 ноября 1926 г.: Тарановский общался, что в Белграде в следующем году решено провести Второй конгресс византологов. Приглашая Вернадского к участию в конгрессе (для

участников виза и проезд по железной дороге КСХС бесплатны), он передавал просьбу главного организатора, профессора Богословского факультета Белградского университета византиниста Драгутина Анастасиевича узнать, получила ли русская Прага приглашения.

Последнее письмо Тарановского датировано 28 мая 1927 г. Ученый делился с коллегой впечатлением от только что посмертно опубликованных весьма откровенных мемуаров знаменитого искусствоведа и историка Н. П. Кондакова (Воспоминания и думы. Прага, 1927) – «впечатление жуткое». В Белграде готовились праздновать День русской культуры (приуроченной ко дню рождения А. С. Пушкина) и Тарановский готовил речь «Государственные воззрения Пушкина».

Писем более позднего периода не сохранилось.

Несмотря на относительную краткость эпистолярного комплекса, представляется, что письма Тарановского Вернадскому являются важным источником по истории как эмиграции в целом, так и биографий и научных воззрений Ф. В. Тарановского и Г. В. Вернадского.

Значительный комплекс писем Тарановского хранится в Архиве Республики Словении в Любляне (Arhiv Republike Slovenije). Они находятся в фонде близкого друга Тарановского, юриста и философа, с 1930 г. профессора Люблянского (а ранее Белградского) университета, Евгения Васильевича Спекторского (1876–1951) [7].

Сохранилось 11 писем и открыток Тарановского за 1931–1934 гг. [1]. (Вообще, эти и другие письма в фонде хранятся в конвертах, примерно по 40 – 60 штук в каждом. Принцип их объединения в тот или иной конверт не всегда удается понять, но чаще он хронологический. Общее количество писем – около 1100 штук. К сожалению, отсутствие нумерации листов хранения делает невозможным точные ссылки, они возможны только на фонд и коробку). В письмах содержится разнообразная, иногда – уникальная, информация. Так, из писем следует, что в начале 1930-х гг. в среде русской эмиграции родилась идея издать сборник «Трудные вопросы». В нем должна была идти речь о том, как вести себя эмигрантам после падения власти большевиков в России. На предложение инициаторов сборника (среди которых был Спекторский) поучаствовать в нем Тарановский ответил отказом, причем сама идея сборника представлялась ему непродуманной. Он подчеркивал, что «для сборника нужен съезд участников. План должен быть разработан и всеми хорошо усвоен. Иначе сборник не оправдает себя и может даже оказаться вредным. Это должен быть план действий, сочетания разума и воли, – ясность, определенность, решительность. Если этого не будет, то лучше

не писать». Тарановский вообще полагал, что нельзя посвящать книгу «трудностям, с которыми придется встретиться в случае падения большевиков». А то сам собой будет напрашиваться ответ – пусть большевики остаются. Задачи простые будут: диктатура для удержания порядка, доставление хлеба проголодавшимся, одежды раздетым... Попутно – организация государственно мыслящего населения, – нечто вроде фашистов, причем организовать их нужно так, чтобы они всегда были готовы выйти на улицу для подавления реставрационных коммунистических попыток.

Тарановский касается в письмах и подготовки издания к 100-летнему юбилею Киевского университета Св. Владимира. Юбилей вуза, с которым были связаны дореволюционные судьбы многих проживавших в зарубежье (в том числе, в Любляне) эмигрантов и попадавший на 1934 г., в Югославии было решено отметить изданием сборника статей. Редакторскую работу взял на себя Спекторский, в число авторов был приглашен и Тарановский. Но по мере подготовки книги ее концепция изменилась, и вместо сборника фактически остался только написанный Спекторским очерк истории университета. В такой ситуации Тарановский счел за лучшее отказаться от участия в книге. «Я предполагал, что сборник в честь Киевского университета будет состоять из статей по истории отдельных кафедр, – писал Тарановский летом 1934 г. – Тогда имела бы смысл и статья о русской истории. Но раз этого не будет, а только общая памятка, написанная единолично Вами, то моя статья теряет свой *raison d'être*, и потому я очень прошу освободить меня от данного обещания. О значении Киевского университета для истории русского и славянского права я произнесу речь в заседании Русского Научного Института, посвященного университету». Через несколько дней вновь та же мысль: «Думаю о брошюре Киевской и окончательно прихожу к выводу, что случайно выхваченная статья об истории права не имеет для себя достаточного основания. Посему прошу Вас освободить меня от данного Вам обещания». В итоге вышла книга объемом 101 с., представляющая собой историю университета ([Спекторский Е. В.] Столетие Киевского университета Св. Владимира: 1834–1934. Белград: Издательство Комитета киевских профессоров в Любляне, 1935), Тарановский в ней участия не принимал.

Немало информации содержится в письмах Тарановского о коллегах по научному цеху. Став в 1930 г. директором Русского Научного Института в Белграде, он пересекался со многими из них в процессе организации деятельности этого учреждения. Так, например, высоко оценивая в

целом деятельность П. Б. Струве («если Струве уйдет из Белграда, то это будет большой потерей для Института»), Тарановский полагал, тем не менее, что тот «заводит в Институте вредную в научном отношении и, строго говоря, недопустимую манеру говорить всякому обо всем, не считаясь со специальностью». При этом он соглашался с мнением о Струве, высказанным сербским филологом А. Беличем: «Трудно сказать, в какой области он является теперь специалистом, но он врос в русскую общественность и является в ней большой интеллектуальной силой».

Струве «отличился» и при праздновании юбилея Ф. М. Достоевского в Русском Научном Институте в Белграде. Тарановский, как директор института, выступил организатором празднования. Торжественное заседание состоялось 15 февраля «в присутствии ... массы публики». В письме Спекторскому Тарановский сетовал: «Струве опоздал и явился только во время моего вступительного слова, снимал пальто тут же перед эстрадой, читал сидя, развалившись, с руками в карманах. Абсолютно не приготовился, останавливался, бегал, екал, тряс бородой, тыкал руками в пространство, мычал без связи, комкал». Лучше выступил другой лектор, славист А. Л. Погодин, который «приготовился», но и он «читал по писаному» и «содержание было слабое».

Письма Тарановского наполнены также личной информацией. Особую ценность имеет информация о его сыне, будущем известном лингвисте, а тогда начинающем исследователе и поэте Кирилле Тарановском (1911–1993). 19 марта 1931 г. Ф. В. писал: «Вчера Кира выступал на литературно-художественном вечере, – читал свои переводы Северянина и Есенина, – имел большой успех».

В фонде Спекторского хранится и более десяти писем К. Ф. Тарановского, а также жены Ф. В. Тарановского – М. Н. Тарановской.

Охарактеризованные письма – лишь часть эпистолярного наследия Ф. В. Тарановского, но и на их примере можно увидеть высокую ценность его переписки как источника по истории русской эмиграции первой волны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Arhiv Republike Slovenije (ARS). Fond SI AS1901. Škatla 1
2. Columbia University. Rare book library. Bakhmeteff Archives. G. Vernadsky papers. Box 10. F. V. Taranovskii letters.
3. *Дворниченко А. Ю.* Русский историк Георгий Вернадский. Путешествия в мире людей, идей и событий. СПб.: Евразия, 2017. 724 с.

4. *Зеньковский В.* Мои встречи с выдающимися людьми // Записки Русской академической группы в США. Нью-Йорк. 1994. Т. XXVI. С. 3–64.

5. *Михальченко С. И.* Письма Ф. В. Тарановского в архивах России как исторический источник // Актуальные вопросы изучения и преподавания социально-гуманитарных дисциплин. Материалы международной научно-практической конференции к 100-летию исторического факультета ВГУ им. П. М. Машерова. Витебск, 25–28 апреля 2018 г. / под ред. В. А. Космача, А. Н. Дулова. Витебск : ВГУ, 2018. С. 44–46.

6. *Михальченко С. И.* Федор Васильевич Тарановский // Вопросы истории. 2017. № 9. С. 16–33.

7. *Михальченко С. И., Ткаченко Е. В.* Евгений Васильевич Спекторский // Вопросы истории. 2013. № 1. С. 31–53.

8. *Омельченко О. А.* Федор Васильевич Тарановский // Право и жизнь. 1994. № 6. С. 330–341.

9. Россия в США: 50-летию Бахметевского архива Колумбийского университета посвящается: [Сб. ст.] / сост. А. В. Попов. М. : Б. и., 2001. 351 с.

Монзель В. Ю.

ГУ «Национальный архив Республики Беларусь» (г. Минск, Республика Беларусь)

СОВРЕМЕННАЯ АНГЛОЯЗЫЧНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ИТАЛИЙСКИХ СОЮЗНИКОВ РИМА В II–I вв. до н. э.

Глобализация, увеличение академической мобильности, расширение возможностей для международной коммуникации учёных в конце XX – начале XXI в. оказали огромное влияние на историков, исследующих различные вопросы истории Древнего Рима, в том числе сложный и дискуссионный вопрос о политической борьбе по вопросу о гражданско-правовом статусе его италийских союзников в конце II – начале I в. до н. э. В результате названных выше процессов постепенно происходят, во-первых, стирание границ национальных антиковедческих школ и, во-вторых, их более тесное вовлечение в глобальный исторический дискурс. Тем не менее, некоторые отличия между этими школами сохраняются. Так, французских антиковедов отличает повышенное внимание к эпиграфическим источникам, что связано с изданием во Франции «Эпиграфического ежегодника» – одного из важнейших археографических изданий в этой сфере – и с длительной традицией опоры на эпиграфический материал в исследованиях. Итальянские историки в силу естественных причин лучше знакомы с результатами археологических

исследований в собственной стране, а в поле их интересов часто попадают локальные аспекты истории Апеннинского полуострова. Вместе с тем, наряду с конвергенцией сложившихся школ, в антиковедении появляются и новые исследовательские центры с признаками национальных. Так, в фокусе внимания современных нидерландских исследователей, предпочитающих английский язык для своих публикаций, находятся экономическая история и тесно связанные с ней социальные вопросы. В результате глобализации английский язык значительно потеснил немецкий в качестве основного языка публикаций по античной истории.

Для современной историографии весьма показательным, что новый толчок исследованиям в области римско-италийских отношений придал датчанин Х. Моуритсен, который с начала 1990-х гг. работает в Великобритании. Его основная работа «Объединение Италии: исследование античной и современной историографии» была опубликована в 1998 г. Она оказала значительное влияние на развитие представлений о характере политической борьбы в Риме вокруг проектов изменения гражданско-правового статуса италийских союзников и о причинах восстания италиков, вызванного провалом мирного разрешения накопившихся противоречий. Ключевой в работе Х. Моуритсена является критика распространённого в историографии тезиса о первостепенном значении для италийских союзников Рима вопроса о политических правах (*iussuffragii* и *iushonorum*). По мнению исследователя, существующие концепции носят отпечаток представлений о современных нациях и сложились под влиянием экстраполяций идей национализма Нового времени на древнеримскую почву антиковедами. Х. Моуритсен видит в ожесточённой борьбе за принятие законопроектов об изменении гражданско-правового статуса италийских союзников Рима следствие внутренних конфликтов в среде нобилитета [1]. Несмотря на несомненные достоинства этой книги, весьма спекулятивной выглядит критика датским историком Аппиана Александрийского – одного из основных источников сведений по римской истории позднереспубликанского периода. Дело в том, что Аппиан прямо указывает на важность гражданского статуса для италиков (App. В. С. I, 21; *ibid.*, 34), что противоречит концепции Х. Моуритсена. Идеи Х. Моуритсена не нашли всеобщей поддержки у антиковедов, однако оказали существенное влияние на расширение проблемного поля их исследований и на пересмотр многих устоявшихся интерпретаций.

В 2004 г. Л. де Лигт опубликовал статью «Бедность и демография: случай гракханских земельных реформ». Основные её выводы ценны,

прежде всего, для экономической истории, которой и занимается нидерландский учёный. Однако заслуживает внимания важный вывод, непосредственно касающийся остроты римско-италийского вопроса. Де Лигт доказывает, что многочисленные войны, в том числе гражданские, не оказали большого влияния на постоянный прирост населения Италии в конце II–I вв. до н. э. Рост численности населения стал сравнимой по значимости с аграрными реформами конца II в. до н. э. причиной обострения земельного голода в сельскохозяйственных районах Италии [2]. Соотечественница де Лигта, С. Розелар, в 2009 г. попыталась систематизировать разрозненные сведения *Liber Colonialarum* о деятельности гракханской аграрной комиссии, которая прямо затрагивала и интересы италиков [3]. Необходимо пояснить, что эти и другие выводы нидерландских исследователей имеют прямое отношение к историографической полемике о роли и месте гражданско-правового статуса италийских союзников в римской политике. Дело в том, что с лёгкой руки Аппиана в современной историографии утвердилась точка зрения о неформальной сделке римлян с италийскими союзниками, предполагавшая отказ последних от притязаний на *agerpublicus* в обмен на предоставление им политических прав (*iussuffragii*) или полного римского гражданства. В результате, экономические и демографические процессы в Италии коррелировали с остротой италийского вопроса, нерешённость которого вылилась в кровопролитную Союзническую войну.

В 2007 г. издательство Оксфордского университета опубликовало монографию Э. Бисфэма «От Аскула до Акция: Муниципализация Италии от Союзнической войны до Августа», в основу которой легла его докторская диссертация. Исследование британского историка посвящено процессу распространения и развития муниципиев, т. е. местного самоуправления по римскому образцу, в Италии. Первые 160 страниц книги – предыстория этого процесса, в том числе рассказывается о борьбе за распространение прав римского гражданства на италийских союзников [4]. На общем фоне благоприятных отзывов об этом исследовании выделяется сдержанная рецензия С. Розелар, которая обращает внимание на то, что функционирование муниципальных магистратов сводится в основном к выяснению их титулов и имён. Это, по мнению исследовательницы, существенно снижает научную ценность основной части монографии [5].

В 2009 г. австралийский историк К. Дарт в статье «Италийская конституция в Союзнической войне (91–88 гг. до н. э.): переоценка» проанализировал особенности военно-политической организации восстав-

ших италиков и сделал вывод, что она была сформирована с прицелом на борьбу за римское гражданство, а не за независимость от Рима [6]. Статья «Солдаты, римские граждане и латинские колонисты в Италии в эпоху Средней республики» нидерландского специалиста по древнеримской демографии и военной организации П. Эрдкампа, работающего в Бельгии, внесла определённый вклад в понимание культурных и, с неизбежными оговорками относительно условности термина, этнических процессов, происходивших на Апеннинском полуострове в конце II – начале I в. до н. э. Эрдкамп связывает развитие италийского самосознания с целым рядом факторов – от совместной службы италиков во вспомогательных частях римской армии до политической агитации римских ораторов [7]. Австралийская исследовательница Ф. Твиди в статье «Грязь или небо: Марк Ливий Друз и земля» отстаивает первостепенную важность аграрного вопроса в программе широких реформ трибуна 91 г. до н. э. Марка Ливия Друза, но признаёт и важность его законопроекта о правах италийских союзников. Автор разделяет распространённую точку зрения о неформальной сделке римлян с италийскими союзниками, которую пытались осуществить и Гай Семпроний Гракх, и Марк Ливий Друз [8].

В 2013 г. была опубликована внушительного объёма (958 страниц) монография С. Кендалла «Борьба за римское гражданство: римляне, союзники и войны 91–77 гг. до н. э.». Автор не разделяет точку зрения Х. Моуритсена и считает римское гражданство осознанной целью борьбы италийцев, что учёный и доказывает путём реконструкции событий конца II – начала I в. до н. э. Определённый интерес представляет предположение С. Кендалла о том, что Союзническая война задумывалась италийцами всего лишь как сецессия, схожая с восстаниями плебеев в Ранней республике [9]. В числе недостатков данной работы рецензент А. Раджи отметил спекулятивность ряда построений американского исследователя, противоречивость отдельных его выводов, наличие большого числа гипотез и аргументов *exsilentio*, а также слабое знакомство с важными работами, написанными не на английском языке [10]. Добавим, что С. Кендаллу присуща некоторая модернизация. В частности, это выразилось в неоднократном использовании современного термина «налогоплательщики» (*taxpayers*) в контексте отсутствия возможности италийских союзников влиять на решения, принимаемые в Риме. Идея об античном аналоге принципа «нет налогов без представительства» заслуживает более детального рассмотрения, хотя она наверняка возникла под влиянием параллелей с предпосылками войны за независимость США.

Статья «Римская политика в 70-е гг. до н. э.: история перестроек?» Ф. Сантанджело, опубликованная в 2014 г. в авторитетном *Journal of Roman Studies*, посвящена критике традиционного представления о 70-х гг. до н. э. как периоде, основным содержанием которого была борьба за власть между различными группировками сторонников ушедшего из политики и умершего диктатора Луция Корнелия Суллы. Автор среди важнейших вопросов повестки дня этого плохо освещённого в источниках десятилетия отмечает шаги по пути решения италийского вопроса, законсервированного Суллой [11].

На рубеже XX–XXI вв. крупные научные издательства начали публиковать новый вид коллективных монографий – *companion* (букв. спутник). Это сборники из 10–20 статей, написанных различными специалистами, систематически освещают различные аспекты. Ориентация на новейшие подходы в историографии и высокий научный уровень позволяют считать данные издания своеобразными учебниками для аспирантов и молодых учёных. Важным достоинством является фиксация сложившегося научного консенсуса по многим вопросам, что весьма важно при обилии дискуссионных исторических интерпретаций. В настоящее время *companions* переживают свой расцвет: крупнейшие университеты и издательские дома научного профиля выпустили несколько десятков подобных сборников по различным аспектам античной истории – цивилизациям (Древняя Греция, Древний Рим и др.), широким темам (греческая религия, римская армия и др.), отдельным персоналиям (Цезарь, Тацит и др.) или отдельным регионам (Римская Британия, Римская Италия). Помимо соответствующих разделов и отдельных пассажей во многих изданиях наибольший интерес для римско-италийских отношений представляет последний сборник [12]. Эта коллективная монография, вышедшая в серии сборников *Wiley-Blackwell* в 2016 г., содержит 25 статей 24 авторов в 4 разделах – «Влияние Рима – унификация и интеграция», «Локальное и региональное разнообразие», «Город и сельская местность», «Экономика и общество». Статьи различаются по масштабу – от широкой вводной статьи Е. Исаевой до 5 исследований локальных особенностей.

Наконец, в 2017 г. была опубликована монография Ф. Карла-Уинка ««Рождение» Италии. Институционализация Италии как региона (III–I вв. до н. э.)», посвящённая этнокультурным процессам на Апеннинском полуострове и становлению у народов региона общего самосознания. Большое внимание итальянский историк уделяет полемике по вопросу об уравнивании италийских союзников с римлянами в конце II – начале

I в. до н. э. Он отмечает важность римского гражданства для италийских союзников, но причину обострения этого вопроса в политике понимает как результат внутримримских политических тенденций, а не борьбы самих италийцев [13].

Беглый обзор современной англоязычной историографии по непростой теме политической борьбы вокруг гражданско-правового статуса италийских союзников с акцентом на ключевой вопрос о причинах этого процесса показателен для оценки современного состояния антиковедения в целом. Необходимо отметить многообразие подходов и, как следствие, выводов авторов, которые сформировались как учёные в различных исследовательских центрах мирового антиковедения. Сложность темы и противоречивость источников лишь содействуют параллельному обсуждению различных гипотез и делают этот процесс весьма продуктивным. Высокая академическая мобильность, очевидная по биографическим данным упоминаемых исследователей, демонстрирует отечественным историкам наличие широких возможностей для самореализации и участия в развитии глобального исторического дискурса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Mouritsen H.* Italian Unification: A Study in Ancient and Modern Historiography. London : School of Advanced Study, University of London, 1998. 203 p.

2. *de Ligt L.* Poverty and Demography: The Case of the Gracchan Land Reforms // *Mnemosyne, Fourth Series.* 2004. Vol. 57, Fasc. 6. P. 725–757.

3. *Roselaar S.* References to Gracchan Activity in the *Liber Coloniarum* // *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte.* 2009. Bd. 58, H. 2. P. 198–214.

4. *Bispham E.* From Asculum to Actium: The Municipalization of Italy from the Social War to Augustus. Oxford : Oxford University Press, 2007. 566 p.

5. *Roselaar S.* Review: From Asculum to Actium. The Municipalization of Italy from the Social War to Augustus // *The Classical Review. New Series.* 2011. Vol. 61, No. 1. P. 223–225.

6. *Dart C. J.* The 'Italian Constitution' in the Social War: A Reassessment (91 to 88 BCE) // *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte.* 2009. Bd. 58, H. 2. P. 215–224.

7. *Erdkamp P.* Soldiers, Roman citizens and Latin colonists in mid-Republican Italy // *Ancient Society.* 2011. Vol. 41. P. 109–146.

8. *Tweedie F.* *Caenumautcaelum*: M. Livius Drusus and the Land // *Mnemosyne, Fourth Series.* 2011. Vol. 64, Fasc. 4. P. 573–590.

9. *Kendall S.* The Struggle for Roman Citizenship. Romans, Allies and the Wars of 91–77 BCE. Piscataway: Gorgias Press, 2013. 958 p.

10. *Raggi A.* Review: The Struggle for Roman citizenship // Bryn Mawr Classical Review. URL: <http://bmcr.brynmawr.edu/2014/2014-09-13.html> (date of access: 07.09.2018).

11. *Santangelo F.* Roman Politics in the 70s B. C. : a Story of Realignments? // The Journal of Roman Studies. 2014. Vol. 104. P. 1–27.

12. *A Companion to Roman Italy* / A. Cooley (ed.). Malden; Oxford : Wiley–Blackwell, 2016. 579 p.

13. *Carla-Uhink F.* The «Birth» of Italy. The Institutionalization of Italy as a Region, 3rd-1st Century BCE. Berlin : De Gruyter, 2017. 468 p.

Орлова Н. Е.

Белорусский государственный университет (г. Минск, Республика Беларусь)

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В АНГЛИИ В XVI–XVIII вв.

Процесс модернизации, обозначившийся в странах Западной Европы на рубеже XV–XVI вв., положил начало глубоким переменам в жизни западноевропейского общества, в том числе и в сфере образования народа. Развитие рыночной экономики, формирование капиталистического уклада потребовало значительного повышения уровня грамотности, культуры и дисциплины населения. В связи с этим наметилась тенденция перестройки сферы просвещения, направленная на создание государственной системы всеобщего начального обучения.

Известно, что развитие капитализма наиболее поступательно и динамично шло в Англии, которая уже в XVI в. была центром новой жизни европейского общества. Предпринимательство, торговая деятельность стали повседневным занятием большинства населения. Соответственно менялись образ жизни и ценностные ориентиры людей, они приобретали более рациональный характер. Особую значимость теперь имело накопление опыта, совершенствование знаний и умений. В то же время развитие товарно-денежных отношений сопровождалось дифференциацией населения, усилением социальных противоречий и политической нестабильности. Это вызывало беспокойство правящих кругов и их стремление к укреплению своей власти путем усиления контроля над обществом.

Указанные явления объективно способствовали развитию сферы образования. Неслучайно в периоды Возрождения и Реформации в Англии отмечались первые признаки проявления интереса общественности к

состоянию образования [3, с. 2]. Об этом свидетельствует заметное увеличение числа учебных заведений в этот период. Прежде всего, возросло количество «грамматических школ», учреждавшихся с XII в. на пожертвования различных обществ, а также состоятельных лиц. Условием вкладчиков, как правило, было «учить бедняков» бесплатно. Число пожертвований и, соответственно, школ особенно увеличилось в XVI в., в период Реформации, когда имущество закрывавшихся монастырей передавалось школам. Однако вскоре в числе «бедняков» оказались преимущественно представители мелкого дворянства и нарождавшейся буржуазии [6, с. 96].

Заметный толчок к развитию школьной системы в стране был дан в период правления Тюдоров. Генрих VIII, положивший начало Реформации в Англии, в 1536 г. издал указ, в частности, предписывавший приходам учреждать школы для обучения всех детей чтению и религии. Ответственность за организацию обучения возлагалась на священника, занятия позволялось проводить прямо в церкви. Кроме того, разрешалось и мирянам «обучать мальчиков основам чтения, письма и арифметики» [11, р. 265]. Обращение Генриха VIII в своей политике к сфере образования народа в значительной степени обуславливалось политическим мотивом – его стремлением утвердить в обществе новое вероучение (англиканство) как необходимое условие укрепления абсолютной власти монарха.

Именно с этих пор более активно стали учреждаться различного рода церковные и частные школы, уровень которых зависел от стоимости обучения в них. Так, появились недорогие «дамские школы» для детей до 7 лет, в которых главным образом обучали навыкам рукоделия и лишь иногда чтению и письму [11, р. 265]. Для неимущих слоев устраивались дешевые школы, обучавшие только элементарным предметам (чтению, письму, счету). К 1547 г. «грамматические школы» существовали уже в каждом крупном городе [11, р. 266]. При этом следует отметить их окончательное превращение в сословные школы, дававшие классическое образование для сыновей аристократии и буржуазии. Они способствовали формированию образованного среднего класса.

Определенное внимание проблеме образования бедных слоев уделяло и правительство Елизаветы I. В 1576 г. был принят королевский акт, предписывавший городским магистратам организовывать школы при рабочих домах в целях воспитания у молодежи трудолюбия, дисциплинированности и сдерживания роста преступности. Акт привел к спорадическим попыткам местных властей учреждать прядильные школы,

которые сами содержали себя на доходы от труда детей и делали акцент на воспитательной работе [12, р. 23].

Значительный вклад в дело развития образования народа внесло пуританское движение, сформировавшееся во второй половине XVI в. как оппозиция государственной англиканской церкви. Его представители требовали очищения англиканства от остатков католицизма, демократизации и упрощения церковного устройства. Будучи фанатичными приверженцами своего учения как единственно верного, пуритане с присутствием им упорством вели активную пропаганду исповедуемых ими идей, стремясь к их повсеместному распространению. В этой связи они изначально проявляли большой интерес к сфере образования, видя в ней эффективное средство для внедрения своего учения.

Уже в елизаветинские времена, с 1560-х гг., пуритане вкладывали свои средства в школьное дело. Однако наибольший вклад в развитие системы просвещения в стране был ими сделан в годы революции в 1640–1660 гг. Проблема образования была в числе наиболее часто дебатруемых вопросов в Долгом парламенте. В частности, здесь обсуждались предложения о создании государственной системы всеобщего обязательного бесплатного обучения. Различные проекты реформирования сферы образования выдвигались известными деятелями революции. Так, социалист-утопист Дж. Уинстенли призывал районные администрации обеспечить образованием и профессиональным обучением всех детей. Другой приверженец социалистических идей Г. Робинсон предлагал создать государственную систему школ для обеспечения бесплатного образования для всех детей. Также идеологи демократического движения левеллеров (уравнителей) требовали, чтобы в стране было обеспечено всеобщее обучение народа [10]. Недовольные традиционными «грамматическими школами» и университетами, пуритане разработали и множество различных предложений относительно школ, колледжей и университетов, в которых бы большое значение уделялось преподаванию научных и технических знаний [10].

Долгий парламент предпринимал и некоторые практические шаги, направленные на поддержку и развитие сферы просвещения в стране. В частности, принимались законы, согласно которым бесплатные школы для народа освобождались от уплаты налогов. Кроме того, конфискованное церковное имущество передавалось в пользу школ, а также средства, полученные в результате секвестра королевских земель и церковных имений, частично направлялись на образовательные цели [10]. Однако в условиях гражданских войн, социально-экономической и поли-

тической нестабильности второй половины XVII в. (периода Реставрации) реализовать обозначенные предложения и проекты не представлялось возможным. Более того, после восстановления монархии в 1660 г. многие реформы были признаны пуританскими по духу, радикальными и отменены [10].

В целом в деятельности пуритан в сфере образования просматривается также идеологический подтекст: они стремились к распространению образования среди народа, в первую очередь, в целях утверждения своего вероучения (пуританизма) в массах и укрепления своих позиций в обществе. Собственно пуританизм, как известно, стал идеологической составляющей Английской буржуазной революции, направленной, по сути, на реализацию его программы. Вместе с тем, важно отметить, что уже в период революции звучали идеи создания государственной системы всеобщего обучения.

Отмечая заметный вклад пуритан в развитие дела образования народа в Англии в XVI–XVII вв., стоит обозначить и определенную деятельность английской общественности в этом направлении. По всей стране в отмеченное время проходили оживленные дебаты, а Лондон стал поистине центром, где действовало большое число различного рода учебных заведений и обсуждались вопросы, касавшиеся системы просвещения [10].

После революционных событий XVII в., в результате которых Англия вступила на новый этап общественного развития, деятельность английской общественности в сфере просвещения народа заметно активизировалась: в стране развернулось движение за создания школ для бедных различными благотворительными обществами, как правило религиозного характера. Это движение обозначилось еще на рубеже XVI–XVII вв., но приняло широкий размах в начале XVIII в. В это время большинство подобных школ стало появляться под покровительством созданного в 1698 г. «Общества по распространению христианских знаний». Оно ставило своей целью «содействовать и поощрять учреждение благотворительных школ во всех частях Англии и Уэльса» [11, р. 267]. За первое полугодие было учреждено 6 школ, а через 20 лет – более тысячи [3, с. 3]. Обучение было бесплатным, оно предназначались исключительно для детей неимущих слоев. Общество организовывало и вечерние школы для взрослых. Основным содержанием обучения было чтение Библии и священных книг, до и после занятий обязательным было участие в богослужении. Очевидно, что своей задачей Общество ставило скорее воспитание низших классов в

духе христианского смирения и довольства своей участью, чем расширение умственного кругозора народных масс. Епископ Бутлер в начале XVIII в. так пояснял деятельность школ данного Общества: «Цель этих школ вовсе не заключается в том, чтобы помогать детям бедных родителей выйти из того сословия, в котором они родились; напротив, оставляя их в прежнем положении, мы желаем помочь детям сообщением главных сведений из катехизиса и основных положений общественного благоустройства» [3, с. 4].

В середине XVIII в. начали действовать и другие подобного рода общества: «Общество по распространению религиозных знаний среди бедных», «Общество по распространению Евангелия» [7, с. 4]. Все они в своей педагогической деятельности явное предпочтение отдавали религиозному предмету и более, чем их предшественники, руководствовались идеологическими соображениями. Во многом данная тенденция была обусловлена радикальными событиями XVII в., углубившими процесс либерализации английского общества и развившими в нем демократический элемент. Подобные перемены вызвали стремление имущих классов, по словам историка благотворительных школ М. Джойс, «установить социальную дисциплину среди бедноты, которая, в современном представлении, была особенно восприимчива к яду мятежа и недоверия» [6, с. 378].

Таким образом, в XVI – первой половине XVIII в. в Англии существовала довольно разнообразная сеть различных школ. Однако вся сфера школьного образования строилась исключительно на добровольной основе (создавалась и поддерживалась благотворительными усилиями) и носила все еще средневековый характер. При этом предпочтение отдавалось средним школам, дававшим классическое образование представителям имущих классов. В этой связи обучением была охвачена сравнительно небольшая часть населения. Бедные слои общества не имели доступа к полноценному образованию. Они получали лишь основы грамотности через узкий канал начального типа учебных заведений – дешевых частных и благотворительных школ, как правило, не выходящих за рамки религиозного и, отчасти, трудового обучения. Власти в этот период не придавали сфере просвещения особого значения, ограничиваясь здесь лишь эпизодическими мерами и руководствуясь при этом охранительными соображениями. Вся сфера образования находилась в руках частной благотворительности и под контролем господствующей (англиканской) церкви.

Добровольная система образования в определенной степени устраивала доиндустриальное общество. Однако она была не способна обеспечить всеобщее обучение, необходимость в котором возникла в Англии в условиях развернувшейся модернизации и вступления страны в последнюю треть XVIII в. на путь индустриального развития. Определяющим событием, обозначавшим новый исторический этап, стал промышленный переворот. Он повлек за собой коренные преобразования в жизни английского общества. Сфера английского образования находилась под прямым воздействием обозначенных глубоких перемен. Роль и значение ее в обществе в отмеченное время заметно возросли и с экономической, и с социально-политической точки зрения. С переходом к машинному производству потребовались новые знания и умения. В связи с этим большая часть трудового населения вынуждена была менять специальность. Безусловно, это вызывало необходимость, в первую очередь, повсеместного распространения в стране грамотности. С другой стороны, стремительное развитие капитализма углубляло дифференциацию населения и соответственно вызывало рост социального недовольства. Данный фактор требовал усиления идеологического воздействия на широкие слои народа, воспитания у них уважения к собственности и власти. Наиболее эффективно решить подобную задачу могла массовая школа. В этой связи в последней трети XVIII в. обозначился интерес английской общественности к вопросу образования народа как серьезной социальной проблеме. Многие общественные и политические деятели в это время отмечали «нравственное падение» народа в связи с резким ухудшением условий жизни и подчеркивали необходимость сохранения «должной субординации в низших классах» [6, с. 378–379]. В связи с этим предлагалось повысить роль школы в целях воспитания детей бедных классов в духе послушания властям.

Виднейший представитель классического либерализма, приверженец идеи политического равенства и свободы А. Смит утверждал, что просвещением простого народа должно заниматься государство, поскольку «просвещенный народ всегда более воспитан и более склонен к порядку, чем народ невежественный... его не так легко увлечь в легкомысленную или ненужную оппозицию мероприятиям правительства» [5, с. 560–561]. Известный ученый-экономист, священник Т. Мальтус в своей теории совершенствования человека и общества также отводил большую роль просвещению, доказывая, что «образование представляет могущественное средство предупреждения преступлений, усовершенствования производительной промышленности, улучшения нравов и при-

учения людей к благоразумному и порядочному поведению» [2, с. 107]. Видный деятель английского образования А. Мор в свою очередь убеждала: «Обучать хорошим правилам детей низших классов – самый верный способ спасти страну. Для этого мы должны учить их читать» [11, р. 448]. В рассматриваемое время начал свою просветительскую деятельность и известный политик лорд Г. Брум. В своих публикациях он доказывал, что невежество является главной причиной социальных беспорядков, и считал обязанностью предпринимателей заботиться о распространении просвещения среди рабочих [4, с. 82]. Очевидно, что авторы приведенных высказываний рассматривали школу, прежде всего, как средство идеологического воздействия, формирования определенного социального типа личности, нужного для существовавшей системы. В их высказываниях звучит призыв к государству и обществу обратить самое серьезное внимание на вопрос образования простого народа для сохранения общественного порядка.

Первым ответом на новые вызовы времени и реальной попыткой обеспечения систематического всеобщего начального обучения в стране стало движение воскресных школ. Начало ему положил владелец газеты из Глочестера Р. Райкс, основавший в 1780 г. воскресную школу с целью обучения детей бедных классов грамоте и основам катехизиса [3, с. 5]. Движение воскресных школ было первым практическим шагом по пути создания национальной системы массового образования в стране. Однако подобные школы откровенно «стремились удержать учеников в предназначенной для них сфере жизни и воспитать из них покорное поколение» [6, с. 378]. А. Мор, которая занималась организацией воскресных школ, заявляла: «Моя цель воспитывать низшие классы в привычках трудолюбия и почтительности» [8, р. 133]. В связи с этим программа подобных школ ограничивалась в основном религиозным обучением.

В конце XVIII в. в Англии развернулось и настоящее «интеллектуальное движение». Оно выражалось, с одной стороны, в пробуждении интереса трудящихся масс к образованию, а с другой, – в заметном оживлении просветительской деятельности английской интеллигенции. По инициативе Г. Брума в конце столетия было создано «Общество полезных знаний», издававшее трактаты о всех отраслях знаний. Эти знания излагались простым языком и были доступны всем [4, с. 82]. Вместе с деятельностью Общества довольно большими тиражами начали издаваться также доступные для простого народа журналы, среди которых особенно популярным был «Пенни Мэгэзин» («Penny Magazin»). На его

страницах печатались познавательные и полезные статьи [4, с. 83–84]. Подобного рода издания были достаточно эффективным средством повышения уровня образования и общей культуры народных масс. Кроме того, в это время значительно возросло количество воскресных школ для взрослых, создавались различного рода общества по распространению знаний среди простого народа [9, р. 141]. Наиболее активно просветительское движение развернулось в крупном промышленном центре – Бирмингеме. Здесь прилагались большие усилия, чтобы вывести образование бедных слоев за пределы религиозного обучения и приблизить его к потребностям жизни. В Бирмингеме учреждались просветительские общества, открывались для рабочих библиотеки, организовывались бесплатные лекции по основам технических знаний, вводилось начальное обучение для всех. Ведущей просветительской организацией стало наиболее крупное «Братское общество», образованное в 1796 г. [9, р. 141], а с 1798 г. действовало «Общество для обучения юношества письму, ведению книг, арифметике, географии, рисованию» [1, с. 107].

Важным начинанием в конце столетия стала организация ежедневных начальных школ. Первой такой мерой можно считать создание вечерних учебных заведений для детей и взрослых. Правда, как и воскресные школы, они также ориентировались на воспитание у своих учеников «христианской добродетели» [9. С. 168].

В условиях развернувшейся в Англии в последней трети XVIII в. промышленной революции проблема образования заметно актуализировалась: обозначилась потребность в создании системы всеобщего начального обучения. В связи с этим английская общественность впервые обратила внимание на проблему образования народа как на важный социальный вопрос. При этом начальная школа рассматривалась, в первую очередь, как средство поддержания социального порядка. На протяжении данного периода, прежде всего, со стороны добровольных структур (просветительских и религиозных обществ) были предприняты первые практические действия по развитию сферы начальных школ. Подобные действия создавали основу для формирования национальной системы всеобщего начального обучения в стране.

Таким образом, на протяжении XVI–XVIII вв. просматриваются определенные тенденции в развитии сферы английского народного образования. Прежде всего, с XVI в. во времена правления Тюдоров обозначился интерес властей и общественности к вопросу образования народа. По мере углубления процесса модернизации, утверждения капиталистического уклада и развития либерально-демократического процесса в

стране, отмеченный фактор неуклонно возрастал. Основным вектором развития сферы образования в Англии в рассматриваемый период было создание предпосылок формирования государственной системы массового обучения. В качестве первостепенной ставилась задача воспитания детей бедных слоев в рамках трудолюбия и послушания властям. Значение идеологического фактора возрастало по мере демократизации английского общества.

Следует признать, что основную нагрузку в деле организации образования народа несли на себе частные структуры – различного рода религиозные и благотворительные общества. При этом ведущие позиции здесь традиционно занимала господствовавшая (Англиканская) церковь, строго контролировавшая всю образовательную систему страны. В конце XVIII в. в условиях промышленной революции английская общественность осознала необходимость создания системы всеобщего начального обучения и предприняла первые практические меры в этом направлении, мотивируя свои действия необходимостью сглаживания растущих социальных противоречий в стране. Эта деятельность заложила основы национальной системы массового обучения в Англии.

В целом развитие сферы английского народного образования в XVI–XVIII вв. носило замедленный характер, несмотря на динамичное движение страны по пути модернизации. Во многом это обуславливалось, прежде всего, отсутствием потребности общества в массовом образовании в период раннего (мануфактурного) капитализма. Несомненно, имели значение и особенности исторического развития страны: с одной стороны, выступала консервативность английского общества, его особая приверженность традициям, с другой – ориентация на либеральные ценности, в основе которых лежал индивидуализм. Такое сочетание в целом предопределило своеобразный путь развития страны – эволюционно-поступательный, когда новое не отрицало старое, но формировалось на его основе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Институты для рабочих в Великобритании // ЖМНП. СПб., 1857. Ч. 96. Отд. VII. С. 106–109.
2. *Мальтус Т.* Опыт о законе народонаселения // Антология экономической классики: В 2 т. М.: Эконом, 1992. Т. 2. С. 5–134.
3. *Мижнев П. Г.* Очерки развития и современного состояния народного образования в Англии. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1896. 62 с.

4. *Рюде Дж.* Народные низы в истории. 1730–1848. М. : Прогресс, 1984. 320 с.
5. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М. : Мысль, 1962. 684 с.
6. *Тревельян Дж. М.* Социальная история Англии. Обзор шести столетий от Чосера до королевы Виктории. М. : Изд. иностр. лит., 1959. 589 с.
7. *Флейшнер Л.* История народного образования в Англии. Одесса: [б. м.], 1895. 39 с.
8. *Simon B.* Studies in the History of Education. London: Lawrence and wishart, 1960. 375 p.
9. *Dobbs A. E.* Education and social movement. 1700–1850. London : Longmans, 1919. 257 p.
10. *Gillard D.* (2018) Education in England: a history www.educationengland.org.uk/history.
11. *Hibbert C.* The English: A social history 1066–1945. London : Penguin Books, 1987. 785 p.
12. *Wardle D.* English Popular Education. 1780–1975. Cambridge : Cambridge University Press, 1976. 197 p.

Раков Д. К.

Белорусский государственный университет (г. Минск, Республика Беларусь)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ ПАМЯТИ «БЕРЕЗИНА»: ИСТОРИЯ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОВЕДЕНИЯ

В современной мозаике культурных событий, посвященных актуализации ключевых моментов военной истории на территории Беларуси, особое место занимает Международный День памяти «Березина». Это мероприятия, проводимые в Борисове и Борисовском районе, рассматриваемые нами в хронологических рамках 1999-2017 гг., приурочены к годовщинам переправы «Великой армии» Наполеона через Березину и сражений с российскими войсками, проходившие 26-29 ноября 1812 г. Тема Березинской переправы стала предметом многочисленных работ мемуарного плана, военно-исторических исследований, произведений изобразительного искусства, выставок, публикаций в периодической печати, популярных работ [23, с. 309, 313]. Несмотря на долгий и повышенный интерес к теме Войны 1812 г. нужно отметить, что в историографии не предпринималась попытка целостного осмысления и представления рассматриваемого нами мероприятия. В данной статье предмет исследования будет рассмотрен сразу в трех срезах: историко-

культурном, организационно-методическом и социально-психологическом измерениях.

Истоки рассматриваемой нами традиции Дня памяти можно выявить в связи с развитием в СССР военно-исторического движения по эпохе наполеоновских войн (1805–1815), оформившегося к 1980–м гг. Целью данного движения, получившего название «*военно-исторической реконструкции*», является воспроизведение элементов или комплекса военного костюма, снаряжения и вооружения конкретной армии, подразделения определенного исторического периода, страны, а также воссоздание быта, традиций и сражений, и применение этого в ситуации приближенной к военной тактической игре [9; 2, с. 146; 22, с. 4–5; 20, с. 577–578; 25]. В 1988 г. Федерация военно-исторических клубов при ЦК ВЛКСМ провела поход по памятным местам Отечественной войны 1812 г., в т. ч. Брилевское поле, что сразу привлекло внимание общественности. В 1992 г. связи с установлением копии утраченного памятника на Брилевском поле также при участии реконструкторов были проведены церемониалы, которые повторялись и в последующие годы на памятных местах. В Республике Беларусь установление традиции организации именно Дня памяти относится к 1997–1999 гг. при поддержке местных властных структур силами именно белорусских энтузиастов, любителей эпохи Наполеоновских войн. В эти же годы закрепляется название данного мероприятия – Международный День памяти «Березина». К данной инициативе присоединились вскоре и другие подобные объединения. На рубеже 1990–2000-х гг. идея отмечать годовщину переправы и сражений получает развитие, приобретает более широкий размах и достигает высокой точки к 2002 г. – предстоящему 190-летнему юбилею переправы и 900-летию Борисова [11, с. 172–173; 18, с. 5]. В 2002 г. День памяти и военно-исторический фестиваль как его неотъемлемый атрибут собрал на Брилевском поле и на тет-де-поне (т. н. «Батарях») около 300–400 участников и примерно 7 тыс. зрителей, и стал особенностью культурной жизни Борисовщины, традиционным торжественным событием.

Программа Дня памяти, проводимого, как правило, в течение двух дней в последние выходные ноября, состоит из следующих основных пунктов:

1. Церемониал в д. Студенка и на Брилевском поле в форме митинга и возложения венков, с караулом из представителей военно-исторических клубов у памятников [12, с. 4; 10, с. 162–164; 6, с. 407–409, 411, 416–417; 13, с. 7; 10, с. 107–108, 118–122].

2. Международная научно-практическая конференция «Колодеевские чтения», организуемая Борисовской центральной районной библиотекой имени И. Х. Колодеева [28, с. 5; 4, с. 12].

3. Кульминация Дня памяти – историческая реконструкция эпизодов Березинской переправы и сражений на Брилевском поле в рамках проведения международного военно-исторического фестиваля «Березина», цель которого – патриотическое воспитание молодежи и привлечение туристов, а также поддержка деятельности военно-исторических клубов. Несомненно, именно этот пункт программы обладает наибольшей аттрактивностью, степенью известности [1, с. 7; 4, с. 12; 7, с. 5; 27, с. 75–76; 10, с. 43; 24, с. 27].

Организаторами Дня памяти выступают местные органы власти, военно-исторические клубы и ассоциации, различные фонды и объединения [19]. *Участниками* являются десятки клубов военно-исторической реконструкции из Беларуси, России, Украины, Польши, Латвии, Литвы, Франции, Швейцарии и др. [3; 8, с. 14; 14, с. 1]. Примечательно, что с 2005 г. средняя численность участников военно-исторического фестиваля остается примерно одинаковой и составляет около 450–500 человек (в т. ч. 50–100 кавалеристов), что, видимо, объясняется ограниченными возможностями у городских властей и спонсоров касательно финансирования. Дело в том, что в смете расходов на организацию и проведение фестиваля большую часть затрат составляют выплата компенсации за транспортную доставку иностранным участникам, аренда лошадей, пиротехника [1, с. 7; 6, с. 343–344, 358–361, 366–367; 5, с. 6–7].

Важным аспектом фестиваля является *степень соответствия реконструкции костюма участников и проведения сражения исторической действительности*. В первую очередь это уровень воссоздания (копирования) обмундирования и вооружения реконструируемых армий. Каждый участник, клуб стремится максимально приблизить свой внешний вид к известному по историческим источникам, установленному в историографии образцу для каждого рода войск и конкретного подразделения, обмундирование которого он воссоздает, т. е. воспроизвести его с наибольшей точностью по материалу и технологии изготовления, силуэту [2, с. 146]. Для участников, по их словам, реконструкция воспринимается как «погружение в прошлое», «оживание в образ», «ощущения духа эпохи». В целом в печати отмечается, что годовщина события дает возможность в рамках фестиваля «разыграть сражение с максимальным историческим подобием», зрителям – «получить представление про все рода войск того времени», и сама реконструкция сра-

жения является «постановочной битвой», «инсценировкой», позволяющей «увидеть, как это было», а также «живым музеем», «уроком истории под открытым небом» [8, с. 14; 29, с. 5; 6, с. 364, 367]. К ряду реконструкций сражений историками И. А. Груцо и В. В. Кищенко были написаны детальные *сценарии для проведения реконструкции*, основанные на изучении состава сторон, их действий, хода сражения. Чаще всего представляемый зрителю на Брилевском поле эпизод одной из битв при переправе – крупное сражение на правом берегу между частями «Великой армии» под командованием французских маршалов Н. Ш. Удино и М. Нея и российскими войсками во главе с генералом Е. И. Чаплицем из 3-ей армии адмирала П. В. Чичагова, произошедшее 28 ноября 1812 г. южнее д. Брили на участке дороги Борисов–Зембин [21, с. 63–64; 24, с. 41, 44]. Особое внимание на фестивале привлекает принципиальный момент в решении вопроса определения «победившей» стороны. Организаторы пришли к следующему ответу: в данной реконструкции сражения ни одна сторона не должна одержать победу, и «бой» заканчивается «вничью» [8, с. 14]. В этом простом, с первого взгляда, решении заложен гуманистический подход к осмыслению события, который является идейной основой самого Дня памяти, и обязательно манифестируется во время проведения всех пунктов Дня памяти. В 2007–2009 гг. М. Мюссо, Чрезвычайный и Полномочный Посол Франции в Беларуси, отмечала, что «Нам хочется, чтобы Березина стала местом примирения, а европейский континент – территорией мира, свободы, безопасности и процветания всех народов», «Березина XIX в. – символ ужаса, отчаяния, в XXI в. – часть исторической общеевропейской памяти, символ дружбы народов» [8, с. 14; 14, с. 1; 15, с. 3]. Дело в том, что в исторической памяти французов, а также, например, швейцарцев и голландцев, входивших в «Великую армию» Наполеона, Березина воспринимается не только как трагедия, но и символ самоотверженности, долга, чести и героизма. Солдаты и офицеры «Великой армии» в ноябре 1812 г. проявили чудеса мужества и отваги при создании переправы через Березину и в боях при ней [21, с. 63; 24, с. 5, 31, 38, 41–42; 17, с. 202, 204].

Подводя итоги предпринятого нами исследования, следует отметить, что значение Дня памяти заключается в том, что он является ярким маркером исторической памяти европейских народов на современном этапе, выполняет мемориальную функцию в общественно-культурной жизни общества. Кроме функции социальной памяти, заключающейся в сохранении местности в районе переправы и памятников как объектов наследия, объект используется и как культурный, экономический ре-

курс. То, что в Беларуси события Войны 1812 г. увековечиваются, и этот День отмечается, является важным свидетельством части т. н. «политики памяти» государства и элементом «исторического сознания» общест-венности, ее интереса к прошлому. Организация и проведение Дня па-мяти, участие в нем, выступают в качестве формы, при помощи которой общество осуществляет свое понимание прошлого, «взаимодействует» с ним, и в целом являются средством популяризации истории [26, с. 27, 30–33]. Большой импульс Дню памяти придает приуроченный к нему военно-исторический фестиваль. Его важность состоит и в том, что это не только место встреч, диалога о прошлом и наследии, но и в осмысле-нии войны как социального катаклизма и попытка через игру, инсцени-ровку, отдавая дань памяти, восстановить, «пережить» трагические, ге-роические события. Максимально погружаясь в особое пространство, создаваемое с помощью исторической реконструкции, участники «увле-кают» за собой и зрителей, которые становятся свидетелями живой иллюстрации прошлого, стремятся «прочувствовать» его. *Переправа и битвы при Березине по исторической значимости стоят в одном ряду с такими выдающимися событиями наполеоновской эпохи как Аустер-лиц, Бородино, Ватерлоо*, и места, где происходили события ноября 1812 г. с каждым годом становятся объектом все большего внимания со стороны общественности и властей. Разработка концептуального под-хода к созданию полноценного мемориального комплекса с развитой инфраструктурой и музея-заповедника в районе переправы и/или куль-турного центра в Борисове будет способствовать повышению интереса со стороны туристов и раскроет потенциал историко-культурного объ-екта, установит его рациональное использование и сохранение.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Автушко Е.* «Березина-2002»: не обошлось без дегтя // Курьер из Борисова. 2002. №47 (353). 20 нояб. С. 7.
2. *Алехин П. Г.* Парадная форма пешего grenадера французской Старой гвардии, 1812 г. // В кн.: Алехин П. Г. Наполеоновские войны. Униформа европейских армий. М. : Яуза, Эксмо, 2007. С. 146-157.
3. *Балябин А.* День памяти «Березина-2004» // Курьер из Борисова. 2004. 24 нояб. С. 5.
4. *Бярэзіна А.* Бярэзіна як сімвал супрацоўніцтва // Літаратура і мастацтва. 2012. № 49. 10 снеж. С. 12.
5. *Граковіч Е.* Дзень памяці на берагах Бярэзіны // Гоман Барысаўшчыны. 2002. №11 (44). Ноябрь. С. 6-9.

6. *Груцо И. А.* Сокровища Наполеона: история, версии, поиски, картография. Минск : ТетраСистемс, 2010. 496 с.
7. *Ивуть А.* Река памяти – Березина // Адзінства. 2012. № 61. 28 нояб. С. 2-5.
8. *Ишчанка С.* «Бітва» на Бярэзіне, у якой перамагло сяброўства // Культура. 2007. № 48. 1–7 снеж. С. 14.
9. Кодекс групп военно-исторической реконструкции // Клуб исторической реконструкции «Литовский уланский полк» [Электронный ресурс]. URL: <http://litulan.org/nasha-biblioteka/stati/kodeks-grupp-voenno-istoricheskorejrekonstruktsii> (дата обращения: 25.09.2018).
10. *Лукашевич А. М.* Памятники и памятные места 1812 года в Беларуси. Минск : Харвест, 2012. 288 с., 16 л. вкл.
11. *Лянькевич Г., Лобач Н.* Пригласите французов на Березину! // Беларуская думка. 1999. №5. С. 171–174.
12. *Макаревич Н.* Последний приют у Студенки // Белорусская военная газета. 2008. 11 нояб. С. 4.
13. *Макаревич Н.* Холодная осень 1812-го... В Борисове и его окрестностях прошел День памяти, посвященный 194-й годовщине исторической Березинской переправы // Белорусская военная газета. 2006. 25 нояб. С. 7.
14. *Макаревич Н.* Холодная осень 1812-го... Под Борисовом прошел День памяти, посвященный 195-летию Березинской переправы // Белорусская военная газета. 2007. 27 нояб. С. 1.
15. *Макаревич Н.* Эхо далекого прошлого // Белорусская военная газета. 2008. 25 нояб. С. 3.
16. *Мозгов А.* Память об исторической переправе // Борисовские новости. 2009. № 49. 2 дек. С. 12.
17. *Несцярчук Л. М.* Беларусь у вайне 1812 года. Паміж Напалеонам і Аляксандрам. Брэст : ТАА «Паліграфіка», 2012. 320 с.: іл.
18. *Николайченко А.* «Брилевское поле превратим в историко-культурный центр» // Борисовские новости. 2003. № 51. 18–24 дек. С. 5.
19. О создании организационного комитета и общественного совета [для подготовки и проведения памятных мероприятий по случаю 200-летия войны 1812 года]: решение Борисов. исполн. ком., 14.11.2011 г., № 1417.
20. *Соколов О. В.* Армия Наполеона... сегодня, или Военно-историческая реконструкция в Европе, Америке и России // Соколов О. В. Армия Наполеона. С. 577–582.
21. *Соколов О. В.* Березинская переправа // Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. С. 62–65.
22. *Соколов О. В.* Рождение «Империи» // Империя истории. 2002. № 3. С. 4–9.
23. *Тотфалушин В. П., Земцов В. Н.* Историография // Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М. : РОССПЭН, 2004. С. 309–316.
24. *Уртулль Ф.-Г.* 1812. Березина: победа в разгар катастрофы. [пер. с англ. М. Баранова]. М. : Эксмо, 2015. 128 с.

25. Устав ВОО «Минский пехотный полк» // Военно-историческое общественное объединение «Минский пехотный полк» [Электронный ресурс]. URL: <http://mincy.by/forum/2-20-1> (дата обращения: 10.09.2018).

26. *Чепайтене Р.* Культурное наследие в глобальном мире. Вильнюс: ЕГУ, 2010. 298 с.

27. *Чиняков М. К.* Борисов // Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2004. С. 75–76.

28. *Чумакова А.* Еўрапейская драма на Бярэзіне праз стагоддзі // Адзінства. 2011. № 74. 7 дек. С. 5.

29. *Шміт Т.* Гадавіна падзей на Бярэзін // Гоман Барысаўшчыны. 2004. № 11 (68). С. 5.

Сальков А. П.

Белорусский государственный университет (г. Минск, Республика Беларусь)

БОЛГАРО-ГРЕЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ В ЗАПАДНОЙ ФРАКИИ (1912–1938): ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ОБЪЕКТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Западная Фракия – спорная греко-болгарская земля (8,6 тыс. кв. км) на северном побережье Эгейского (в болгарской культурно-исторической традиции – Белого) моря в междуречье Месты (*греч.* Нестос) и Марицы (*греч.* Эброс, *тур.* Мерич), ограниченная с севера грядой Западных Родоп. С востока Западная Фракия граничит по р. Марице с европейской Турцией (Восточной Фракией), с запада – с греческой Восточной Македонией, расположенной в междуречье Струмы (*греч.* Стримон) и Месты. Вместе Западная Фракия и Восточная Македония совпадают с историко-географической областью Беломорье, имея отчасти и общую историю. Западная Фракия располагала лишь мелкими портовыми городками Дедеагач (*греч.* Александрополис) и Порто-Лагос (*греч.* Лагос, *тур.* Кара-Агач), а также материковыми поселками Ксанти (*болг.* Скеча, *тур.* Искече), Гюмюрджина (*греч.* Комотини), Димитика (*греч.* Дидимотихон), Черномен (*греч.* Ормению). Край традиционно выступал стыком пространственно-политических воззрений держав и геополитических образов балканских стран и регионов.

В XV–XVII вв. большинство христианского населения Фракии в составе Османского султаната исламизировалось и восприняло турецкий язык (греки массово, болгары – в меньшей степени) [5; 38]. Поэтому масштаб и характер освободительного движения в Западной Фракии, подъем которого начался в XIX в., отличался от антиосманской борьбы

не только в Греции и Болгарии, но и в схожей по условиям соседней Македонии [28].

Обострение отношений внутри христианского Рум-миллета привело к греко-болгарской схизме и созданию Болгарского экзархата (1872). Российские проекты Константинопольской конференции 1876/1877 г. и Сан-Стефанского мира не могли быть реализованы. Решения Берлинского конгресса 1878 г. разрушили концепцию Болгарии в этнических границах.

В изолированном ареале проживания помаков (*тур.* помаклар) во фракийском горном районе Родоп – болгароязычной исламизированной этнорелигиозной группы смешанного происхождения – протекали сложные процессы, которые (как и само происхождение помаков) по сей день являются предметом ожесточенных научных споров и дискуссий [9; 10].

По окончании Русско-турецкой войны в Западных Родобах был поднят Родопский мятеж (Сенклеровский бунт, февраль – октябрь 1878 г.). Он явился вооруженным движением турецкого и помакского населения против местных христиан и Временного русского управления в Болгарии. Османская дипломатия при поддержке Британии использовала мятеж как аргумент для ревизии сан-стефанской границы во Фракии. Одним из его организаторов был Станислас Сен-Клер, британский агент с дипломатическим прикрытием сотрудника консульства в Варне; турецкий офицер, именовавший себя Хидайет-пашой. Мятеж был подавлен русскими войсками и болгарскими четами. Его эпицентр, Кырджалийская околия, была присоединена к автономной турецкой провинции Восточная Румелия [15].

Однако более двадцати помацких сел (именовались «непокоренными и несдавшимися») в родопском регионе Тымрышне подчинились восточно-румелийской администрации, объявив самоуправление «Тымрышской (Помакской) республики» во главе с Ахмед-ага Караходжовым. Так был предпринят опыт помакского территориального обособления (1879–1886). В сентябре 1885 г. Болгария присоединила Восточную Румелию, которая именовалась также Северной Фракией. Однако турецкие войска оккупировали земли «Тымрышской республики». Болгаро-турецким соглашением в стамбульском квартале Топхане (апрель 1886 г.) признавалось объединение Болгарии, но в качестве компенсации Порты получала Кырджали и Тымрыш общей площадью 2 тыс. кв. км с населением 35 тыс. человек. (Оба района отошли к Болгарии после Первой Балканской войны) [20].

В конце XIX в. турецкая территория Западной Фракии стала объектом притязаний Болгарии и Греции. Обладание краем делало Болгарию средиземноморской страной и являлось обязательным для идеи Великой Болгарии элементом концепции государства двух морей – Черного и Эгейского. России же это позволяло через Болгарию получить эвентуальный выход в Средиземное море в обход Турции и Проливов [30]. Для Греции край служил северным флангом пространства «Мегалэидэи», призванной эволюционным путем реставрировать Византийскую империю со столицей в Константинополе и с Эгейским морем в качестве внутреннего озера. Для Турции в условиях кризиса и заката имперского величия Западная Фракия была важным европейским форпостом ее владений [4; 32; 34].

Влиятельной политической силой в регионе выступала Внутренняя Македонско-Одринская революционная организация (ВМОРО, 1893–1919), созданная преимущественно македонскими и фракийскими болгарскими. Она выдвинула абстрактно сформулированную идею антиосманской борьбы за независимость в форме единого автономного Македоно-Одринского государства. Региональное Одринское общество «Странджа» (по названию горного массива), как легальная организация беженцев из Восточной Фракии, существовало в Болгарии в 1896–1900 гг. Затем «Странджа» вошла в состав Верховномакедоно-одринского комитета (ВМОК, 1895–1905), вначале сотрудничавшего, а затем враждовавшего с ВМОРО [16].

При военно-политической поддержке ВМОРО в Битольском, Скопленском и Салоникском вилайетах прошло Илинденское восстание (2–27 августа 1903 г.) с целью создания автономного государства в составе Порты. Была провозглашена Крушевская республика (3–13 августа) с равным представительством трех этно-религиозных общин – болгар-экзархистов, славяно- и албано-патриархистов, влахов-аромунов. Когда накал борьбы уже пошел на убыль, болгарское население Восточной Фракии – санджака Кырккилисе (*болг.* Лозенград) Адрианопольского вилайета – подняло выступление по решению Одринского окружного революционного комитета, обреченное Преображенское восстание (18 августа – 8 сентября). Была провозглашена Странджанская коммуна (19 августа – 7 сентября) двух этнических общин – болгар и греков. Жестокое подавление восстаний османскими войсками сопровождалось этническими чистками и кровавым террором [17].

Между ареалами этих двух восстаний располагалась территория Западной Фракии, существенно не затронутая организованным освободи-

тельным движением. К началу XX в. тюркоязычные мусульмане в крае составляли около 70 % населения, православные греки – около 17 %, а болгары были меньшинством. Программа Мюрцштегских реформ, принятая в октябре 1903 г. австрийским и русским императорами Францем Иосифом I и Николаем II, предусматривала и создание этнических границ в Македонии, но осталась нереализованной. Это послужило одной из причин создания антитурецкого Балканского союза (1912) и двух Балканских войн.

По итогам победоносной для Болгарии Первой Балканской войны (октябрь 1912 – апрель 1913 г.) она получила почти всю (вдвое больше сан-стефанской) македонскую полосу Эгейского побережья и всю Западную Фракию. Разгромная для Болгарии Вторая Балканская война (июнь–июль 1913 г.) оставила ей лишь малую часть Западной Фракии (с Гюмюрджиной и Дедеагачем). Условия Бухарестского мира 10 августа 1913 г. стали болгарской национальной катастрофой [29; 6].

Вслед за этим вспыхнул мятеж мусульманского населения Западной Фракии, который привел к появлению самопровозглашенной Гюмюрджинской республики (31 августа – 25 октября 1913 г.) со столицей в Гюмюрджине во главе с президентом Ходжа Салих-эфенди. Квазигосударство занимало значительную территорию в 8,6 тыс. кв. км в междуречье Месты и Марицы, включавшую греческую зону с Эгейским побережьем и Дедеагачем (*греч.* Александруполис), материковые поселки Софулу (*греч.* Суфли), Гюмюрджину (*греч.* Комотины), Искече (*греч.* Ксанти). Болгарская зона включала поселки Ортакёй-Хаскёй (*болг.* Ивайловград), Кошукавак (*болг.* Крумовград), Мастанли (*болг.* Момчилград), Киркаали (*болг.* Кырджали), Пашмакли (*болг.* Смолян), Даридере (*болг.* Златоград). Население республики составляло около 235 тыс. человек. Гюмюрджина была занята болгарскими войсками еще в ходе Первой Балканской войны, но греческая армия отвоевала город во время Второй. Тем не менее, через месяц он был возвращен Болгарии по Бухарестскому миру. Однако против Болгарии выступили все местные мусульмане, воспринимавшиеся в то время как национальность (турки, а также исламизированные нетурецкие этносы – греки, болгары-помаки, влахи-мегленорумыны, цыгане – составляли 78,8 % населения), и даже немногочисленные сефарды (евреи-ладино). Христианское меньшинство составляли православные болгары (10,9 %) и православные греки (9,4 %). Почти все население края владело турецким языком, хотя и не считало его родным. Был взят курс на возвращение в состав Турции. Карательные отряды башибузуков учинили резню несогласных болгар,

всего было сожжено 22 болгарских села. Под конец существования республики она была переименована в Независимое управление Западной Фракии. Однако все руководство и протурецкие ирредентистские деятели бежали с приближением двух болгарских дивизий, бескровно заняв край [13].

В сентябре 1915 г. Болгария присоединилась к Тройственному союзу, восприняв Первую мировую войну как возможность реванша. В августе 1916 г. болгары оккупировали Западную Фракию. Однако в июне 1917 г. Греция вступила в войну на стороне Антанты. Ситуация на фронтах привела к выходу Болгарии из войны и Салоникскому перемирию 29 сентября 1918 г. на условиях вывода ее войск со всех греческих территорий. В октябре 1918 г. войска Антанты оккупировали Западную Фракию, учредив там союзное управление. Причем и после войны София по-прежнему понимала решение своего национального вопроса как единовременное присоединение всех населенных болгарами земель, упоая на «14 пунктов» Вудро Вильсона [27, с. 194–201]. Нейский мирный договор с Болгарией 27 ноября 1919 г. стал ее второй национальной катастрофой.

Заметным военно-политическим фактором на Эгейском побережье стало македонское национально-революционное движение. После поражения Болгарии в Первой мировой войне ВМОРО фрагментировалась, хотя руководящее ядро сохранилось. В ноябре 1918 г. группа деятелей из Серре создала Временное представительство, которое заявило о возврате старой концепции неделимой автономной Македонии. К началу работы ПМК оно являлось единственным органом македонского населения и эмиграции, который выступал за независимость Македонии (начал издаваться «Бюллетень», появилась брошюра ДимоХаджидимова «Назад к автономии», была издана политическая программа представительства «Воззвание к македонскому населению и эмиграции в Болгарии»). 1 марта 1919 г. видные деятели Тодор Александров и Александр Протогеров направили на ПМК меморандум о допуске македонского представителя для изложения требования независимой Македонии. В декабре была образована Внутренняя Македонская революционная организация (ВМРО, 1919–1934 гг.), которая считала Фракию своей оперативной территорией [24].

В 1920 г. Греция оккупировала и Западную (в мае), и Восточную (в июле) Фракию. Созданное Управление Фракии во главе с генерал-губернатором Вазикисом развернуло преследование, эллинизацию или изгнание болгарского и турецкого населения [36]. Реакцией стало фор-

мирование на болгаро-турецком конгрессе в Гюмюрджинском высокогорье Временного правительства Западной Фракии (из семи турок и трех болгар). Оно объявило борьбу за автономию единой Фракии. Возникли вооруженные болгарские четы и турецкие отряды для сопротивления греческой оккупации, которые наиболее активно действовали в районах Дедеагача, Караагача, Димотики. Затем в Кырджалийском высокогорье на совместном совещании была создана Болгаро-турецкая внутренняя революционная организация (ноябрь 1922 – июнь 1923 г.), действовавшая в основном в Западной Фракии. В распоряжении главного воеводы Тане Николова и предводителя западнофракийских турок Фауд-бея было 13 болгарских и 7 турецких чет. Выделившееся левое крыло основало под руководством Т. Николова Внутреннюю Фракийскую революционную организацию (сентябрь 1923 – октябрь 1927 г.), добивавшуюся независимой Западной Фракии от Марицы до Струмы. Ее преемником стала вооруженная структура – Комитет свободы Фракии (существовал до мая 1934 г.). Появились общественные организации – фонд «Фракийское дело», Женский союз, Фракийский научный институт [30, с. 190–200, 222–224, 258–262].

Приоритетом для Афин стали приобретения в Малой Азии. Греческие войска высадились в Турции, начав Вторую греко-турецкую войну (май 1919 – ноябрь 1922 г.) [39, р. 86–101; 35, р. 347–357, 364–365]. На Парижской мирной конференции 1919 г. Греция действовала поэтапно, для начала отрезав Западную Фракию от Болгарии. Проблема обсуждалась 10 месяцев [37, р. 85–92, 153–171, 256–289]. Попытки Болгарии добиться плебисцита, которого Греция боялась, как огня, были отклонены, так как этническая ситуация в крае поменялась. В 1919 г. болгары составляли 47 % населения. Даже в 1920 г., когда началась их массовая эмиграция, доля сократилась только до 38 % (турки составляли 34 %, а греки – 24 %) [2, л. 1; 3, л. 21].

На конференциях союзников 1920 г. – в апреле в Сан-Ремо (Италия) и июле в Спа (Бельгия) – Западная Фракия была передана Греции. Французские войска были заменены греческими [30, с. 181–183]. Болгария утратила Дедеагач – ее единственный в 1913–1919 гг. выход к Эгейскому морю. 10 августа 1920 г. был подписан Фракийский договор с Грецией, который предоставил ей все права на край, но обязывал дать Болгарии свободу транзита и зону в порту Дедеагача. Болгария отвергла договор, его не ратифицировали союзники [8].

Подписанный в тот же день Севрский мирный договор с султанской Портой тоже не был ратифицирован, так как власть в Турции перешла к

правительству Мустафы Кемаля, отклонившего его. Неурегулированный вопрос о Фракии спровоцировал Афины на Малоазиатскую операцию (март 1921 – сентябрь 1922 г.). Она проходила с переменным успехом, но завершилась военным разгромом Греции (в том числе, благодаря масштабной двухлетней военно-технической и финансовой помощи кемалистам со стороны Советской России). Фракийские и анатолийские греки, являясь турецкими подданными, были подвержены ирредентизму и оказывали содействие греческой армии [39, р. 198–238, 284–311]. Страны Антанты наконец начали переговоры об урегулировании отношений с новой Турцией (11–14 октября 1922 г.), подписав Муданийское перемирие, к которому через два дня присоединилась Греция. Перемирие предусматривало отвод греческих войска из Восточной Фракии до р. Марицы, а также оккупацию войсками Антанты правого, западно-фракийского, берега реки до момента заключения мирного договора [33, р. 548–552].

На Лозаннской конференции (ноябрь 1922 – июль 1923 г.) разрабатывалось урегулирование с Турцией. 30 января 1923 г. была заключена греко-турецкая конвенция о принудительном обмене населения. Это обременило Афины более чем 1 млн беженцев, которых было решено расселить в Эгейской Македонии и Западной Фракии, что вызвало резкие противоречия с многочисленным местным болгарским населением [25].

Лозаннский мирный договор 24 июля 1923 г., подписанный в актовом зале Лозаннского университета, подвел итоги Греко-турецкой войны, признал республиканскую Турцию, восстановившую свое владение Проливами, определил ее границы. Греция отказывалась от претензий на Малую Азию, утрачивала контроль над Мраморным морем и Адрианополе (то есть теряла то, что было обещано Антантой в 1915 г. России), устанавливала границу с Турцией по Марице, получала участки в Западной Фракии вокруг Дедеагача и Ксанти [39].

Турции взамен репараций с Греции был передан Караагач, поселок на железнодорожной линии, соединявшей Болгарию с Эгейским побережьем. Лозаннская конвенция о режиме Проливов от 24 июля 1923 г. установила во Фракии демилитаризованную зону в 30 км по обе стороны границы Турции с Болгарией и Грецией от Черного до Эгейского моря [7, с. 166–167]. Потеряв возможность реализовать «Мегалиидэя», Греция пережила свою.

София пыталась добиться в Лозанне своих целей. По ее просьбе был выработан протокол об экономическом выходе Болгарии к морю (прибрежная зона шириной в 3 км в аренду на 99 лет). Однако она требовала

превращения Западной Фракии в автономную область под международным управлением, считая это реальной гарантией своего доступа к морю [3, л. 2]. Против этого выступил британский министр иностранных дел Джордж Керзон. Специальная подкомиссия подготовила проект конвенции о Дедеагаче (оставался под юрисдикцией Греции), но он был отвергнут болгарской делегацией, покинувшей конференцию [30, с. 186–190].

В болгарской историографии утвердилось мнение о том, что кроме кемалистской резни турецких греков, были и массовые геноцидальные чистки болгар в Западной Фракии в 1923 г. (фракийские беженцы составили 5 % населения Болгарии), но особенно – летом 1913 г. [11; 22]. Насильственный греко-турецкий обмен населением повлек отказ Греции от «Великой идеи» и ее национальную катастрофу, но лишил болгар шансов выйти к Эгейскому морю, так как Западная Фракия стала единственной компенсацией для Греции, которую предали Париж, Рим и Лондон, поддержав Анкару.

Болгаро-греческие отношения отличались напряженностью. Острейшей гуманитарной проблемой стал постоянный в 1920-х гг. поток беженцев из Эгейской Македонии и Западной Фракии в Болгарию, спровоцированный террором по отношению к болгарскому населению края [23, с. 156–173, 225–236]. 29 сентября 1924 г. греческий и болгарский министры иностранных дел Николаос Политис и Христо Калфов подписали в Женеве конвенцию о защите меньшинств и обмене населением [7, с. 167–171]. Министры финансов двух стран Георгиос Кафандарис и Владимир Моллов 7 декабря 1927 г. подписали экономический договор. «Соглашение Кафандарис-Моллов» урегулировало имущественные вопросы граждан по обе стороны границы. Это позволило осуществить обмен населением, и 300–400 тыс. болгар из Беломорья переселились в Болгарию [30, с. 220–221].

В сфере межгосударственных отношений Болгария неоднократно пыталась добиться реализации в 1920-х гг. политическими средствами выгодных для себя положений Нейского договора (признание прав меньшинств, экономический выход к Эгейскому морю), что не дало результатов. София сталкивалась с враждебной политикой балканских соседей. Она была направлена на изоляцию Болгарии и насильственное изменение этнического состава («обезболгаривание») греческой Македонии. Вооруженные пограничные конфликты с Грецией имели место в октябре и декабре 1925 г., январе – феврале 1931 г. В июле 1938 г. в Болгарии была утверждена программа перевооружения армии, хотя од-

новременно и заключен болгаро-греческий договор о ненападении от 31 июля [21; 14; 31].

В конце 1930-х гг. проблемы Юго-Восточной Европы вышли на передний план европейской политики. Особое место занимали отношения Болгарии с Балканской Антантой (пакт Греции, Румынии, Турции и Югославии, заключенный в 1934 г. для противодействия влиянию Италии и Германии на Балканах, примкнуть к которому отказались Болгария и Албания). Как отмечалось в отчете советского полпредства в Греции за 1937 г., пакту был нанесен «серьезный удар» заключением в январе югославо-болгарского договора о «вечной дружбе». Он вызвал «очень серьезную тревогу» в Греции. Граница с Болгарией стала укрепляться, пограничные районы были переведены на военное положение. Греция усилила свои связи с Турцией, чтобы чувствовать себя в безопасности с востока [1, л. 52].

В воззвании греческого политика Георгиоса Кафандариса, которое в январе 1938 г. было приобщено полпредом СССР в Афинах (с июля 1937 по май 1939 г.) Н. И. Шароновым к своему дневнику, упоминалось «вождевание болгар на территориальный выход к Эгейскому морю сквозь греческую территорию». Кафандарис давал оценку: «Такое территориальное обезглавливание Греции ради болгарского выхода само по себе чудовищно», это было бы десантом «иностранным завоевателем по направлению к Эгейскому морю, то есть начало национального разложения» [1, л. 7, 17]. Шаронов, оставив в дневнике запись о поездке в январе 1938 г. короля Греции (с ноября 1935 по апрель 1947 г.) Георга II Глюксбурга по Македонии и Фракии, с едкой заметил: ««восторженное население» [со значительной болгарской прослойкой. – А. С.] готовит торжественные встречи» [1, л. 100].

В зреющий конфликт вовлекались и другие члены Балканской Антанты, имея разные цели. Турция стремилась поднять на новый уровень отношения с Грецией. 27 апреля 1938 г., вскоре после аншлюса Австрии и продвижения Германии в сторону Балкан, был заключен Афинский греко-турецкий договор о вооруженном нейтралитете. Три месяца спустя греческий премьер-министр (с апреля 1936 по январь 1941 г.) Иоаннис Метаксас от имени Балканской Антанты подписал с премьер-министром Болгарии (с ноября 1935 по февраль 1940 г.) Георги Кьосейвановым Салоникский договор о дружбе и ненападении от 31 июля 1938 г. Им были отменены унижительные для Болгарии статьи Нейи. Это произвело сильное оживление на Балканах накануне Мюнхена, был

поставлен вопрос о праве для Софии пользоваться портами Салоник или Дедеагача [26, с. 44–46, 53–55].

Для Софии и Афин, переживших крах великодержавных концепций, Западная Фракия стала болгарской национальной травмой и греческим «местом памяти». В болгарском обществе сложилось ощущение, что страна задыхается без доступа к Эгейскому морю, испытывая фигуральную легочную недостаточность [12; 19]. Границы болгарской национальной территории во Фракии на десятилетия остались болезненной проблемой [27, р. 194–199]. В Греции проводилась жесткая политика эллинизации и ассимиляции болгарского населения края [31; 7, с. 70–97]. Это влекло новый подъем его освободительного движения [18; 25].

Объективная реальность в истории данного конфликта сводится к тому, что болгарская и греческая историографии отстаивали собственные национально-государственные интересы в их узкой трактовке, манипулируя в свою пользу балансом исторических и этнических аргументов на обладание спорной территорией, игнорируя законные права того или иного меньшинства. События этого периода задали порочную матрицу, которая во многом была воспроизведена в ходе Второй мировой войны и напряженного послевоенного урегулирования проблемы Западной Фракии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Архив внешней политики РФ (АВПРФ). Ф. 05. Оп. 18. П. 142. Д. 62.
2. АВПРФ. Ф. 06. Оп. 8-б. П. 80. Д. 166.
3. АВПРФ. Ф. 432. Оп. 1. П. 18. Д. 47.
4. *Ботсвейн Тим, Николсон Колин*. Греция. История страны. М. ; СПб. : Эксмо : Митгард, 2007.
5. *Велев Григор*. История на българите от Македония : в 3 т. София : Изток-Запад, 2014–2016. Т. 1: Древност, Средновековие, Българското Възраждане. 2014.
6. *Генов Георги*. Беломорска Македония 1908–1916. София : 2006.
7. *Даскалов Георги*. Българите в Егейска Македония. Мит или реалност. Историко-демографско изследване (1900–1990 г.). София : Македонски научен институт, 1996.
8. Дипломатический словарь : в 2 т. / А. Я. Вышинский, С. А. Лозовский. М. : ОГИЗ : Госполитиздат, 1948–1950. Т. 2. 1950.
9. Дружба «Родина» – минало и съвременност: 75 години от основаването на Българо-мохамеданска та културно-просветна и благотворителна дружба «Родина» на 3 май 1937 г. в град Смолян. Материали от научната конференция (София, 24 април 2012 г.). София : Тангра, 2012.

10. Заблуди и фалшификации за произхода на българитемохамедани. Материали от научната конференция (Смолян, 29 октомври 2009 г.). София : Институт по история при БАН: Тангра, 2010.
11. *Илиев Георги*. Лятото на 1913 г. Документи рани свидетелства за геноцида над българите. София: Изток-Запад, 2013.
12. *Караганев Румен*. България и нейнатаinsufficiëntiarpulmonum или националнакауза за излаз на Бяло море, 1919–1941. София : ИК Гутенберг, 2005.
13. *Константинова Юра*. Българи и гърци в борби за османското наследство. София: Фабер, 2014.
14. *Косев Димитър*. Външната политика на България при управлението на Андрей Ляпчев 1926–1931. София : изд-во Захарий Стоянов, 2014.
15. *Мехмед Хюсеин*. Помаците и торбешите в Мизия, Тракия и Македония. София : без изд-ва, 2007.
16. Национално-освободителното движение на македонските и тракийските българи. 1878–1944: в 4 т. / Добрин Мичев (отг. ред.). София : Македонски научен институт, 1994–2003. Т. 1 : Борби за запазване на единството на българската нация. 1994.
17. Национално-освободителното движение на македонските и тракийските българи. 1878–1944: в 4 т. / Добрин Мичев (отг. ред.). София : Македонски научен институт, 1994–2003. Т. 2: Организирано национално-освободително движение. Илинденско-Преображенското въстание 1893–1903 г. 1994.
18. Национално-освободителното движение на македонските и тракийските българи. 1878–1944: в 4 т. / Добрин Мичев (отг. ред.). София: Македонски научен институт, 1994–2003. Т. 4: Освободителните борби след Първата световна война. 1919–1944 / Стоян Германов (ред. на том). 2003.
19. *Райкин Спас*. Сан Стефанска България. Поява, съдба, триумф и трагедия на българската национална идея : в 2 т. София : Пенсофт, 2011–2012.
20. *Райчевски Стоян*. Българитемохамедани. София: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 1998.
21. *Райчевски Стоян*. Ньойският договор 1919 г.: Диктат и неизпълнени обещания. София : Българскибестселър, 2010.
22. *Райчевски Стоян*. Етническото прочистване на българите в Източна и ЗападнаТракия и Мала Азия (1903–1913–1923). София : изд-во Захарий Стоянов, 2013.
23. *Райчевски Стоян*. Бежанците от Македония и техните братства в България. София: Захарий Стоянов, 2016.
24. *Палешутски Костадин*. Македонското освободително движение след Първата световна война (1918–1924). София : изд-во на Българската академия на науките, 1993.
25. *Палешутски Костадин*. Македонското освободително движение 1924–1934. София : изд-во «Проф. Марин Дринов», 1998.
26. *Сирков Димитър*. Външната политика на България 1938–1941. София : Наука и изкуство, 1979.

27. *Стоянова Ваня*. Границитена «българската национална територия» в Тракия (1913–1947) // Regions, borders, identities in Central and Southeast Europe, 17-th – 21-th centuries. Collected studies / Penka Peykovska, Gábor Demeter (ed.). Sofia; Budapest: Institute of history: HAS, 2013. С. 191–204.
28. *Тодев Илия*. Българското национално движение в Тракия 1800–1878. София : Акад. изд-во «Марин Дринов», 1994.
29. *Узунов Красимир, Начев Генчо*. Забравената война 1912–1913. София : Студио Витамин Арт, 2013.
30. *Филчев Иван*. Тракийският въпрос и тракийското движение в България. София : изд-во «Проф. Марин Дринов», 2007.
31. *Якимов Александър*. Балканската политика на Гърция между дветесетовни войни. София : Симелпрес, 2012.
32. *Dakin Douglas*. The Greek Struggle in Macedonia 1897–1913. Thessaloniki : Institute for Balkan Studies, 1966.
33. *Fromkin David*. A Peace to End All Peace: The Fall of the Ottoman Empire and the Creation of the Modern Middle East. New York : Henry Holt and Company, 2001.
34. *Kofos Evangelos*. The Macedonian Question: The politics of Mutation. Thessaloniki : Institute for Balkan Studies, 1987.
35. *MacMillan Margaret*. Paris 1919: Six Months That Changed the World. New York : Random House, 2002.
36. Modern Greece: a history since 1821 / Giannēs Koliopoulos, Thanos Veremēs (ed.). Chichester, U. K. ; Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2010.
37. *Petsalis-Diomidis Nikolas*. Greece at the Paris Peace Conference (1919). Thessaloniki : Institute for Balkan Studies, 1978.
38. *Rossos Andrew*. Macedonia and Macedonians. A History. Stenford : Hoover Institution Press, 2008.
39. *Smith Michael Llewelin*. Ionian Vision: Greece in Asia Minor, 1919–1922. London : Hurst and Company, 2000.

Самохвалов Д. С.

Белорусский государственный университет (г. Минск, Республика Беларусь)

ИСТОРИЯ И ПСИХОЛОГИЯ: СЛОЖНЫЙ ПУТЬ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

В современной историографии междисциплинарные исследования заняли прочные позиции. Необходимость сотрудничества историков с представителями других наук объясняется тем, что история связана с изучением человеческой деятельности. Современное общество, его уклад, быт, внутренние коммуникации и межличностные отношения – объект познания специалистов самых разных научных направлений. Однако изучение обществ минувших времен формально отдано на от-

куп истории. Разумным выходом из этой ситуации является заимствование фактов, методов и приемов других дисциплин, изучающих человека и человеческую деятельность.

Начиная с XIX в. историки успешно заимствовали отдельные методы и готовые объяснительные концепции из языкознания, социологии, экономики и антропологии. Например, из социологии в историю попали классовый, формационный и эволюционный подходы, теория модернизации и мир – системный анализ. В немалой степени под влиянием идей социологов до второй половины XX в. исторические труды были больше посвящены изучению социальных процессов, чем самого человека. Антропологический поворот отчасти изменил эту картину. Понимание человека прошлого, его внутреннего мира и мотивов деятельности стали необходимым атрибутом современной историографии.

Психология – наука, которая могла бы предложить историкам обширное поле для междисциплинарных усилий. Она изучает человеческую психику как сплав разума, сознательного и бессознательного поведения. Психологи также могут быть заинтересованы в союзе с историками, поскольку нуждаются в информации о психических процессах в прошлом. «Нам, прежде всего, нужно сообща иметь дело с тем обстоятельством, что различные психологии и психологи подвластны историческим законам, а историки и исторические летописцы – законам психологии», – отмечал известный американский психолог Э. Г. Эриксон [8, с. 559–560]. Однако спустя более полувека после написанных им слов мы вынуждены констатировать, что междисциплинарная интеграция истории и психологии имеет очень ограниченный характер.

Долгое время историки решали проблему описания характера известных личностей и мотивов их поведения с помощью литературных приемов, которые стали постепенно вытесняться из их трудов лишь в XIX веке под влиянием позитивизма. Примерно тогда же возникла психология как самостоятельная наука. В работах психологов различных направлений предпринимались попытки использования собственных методов и подходов для исследования проблем прошлого. Однако историки игнорировали усилия психологов. Ситуация выглядела необычной, если учесть то обстоятельство, что историческое сообщество не было консервативным и хорошо понимало потребность в кооперации. Возможно, дело в том, что до первой мировой войны авторитет истории как науки был чрезвычайно высоким, и историки требовали от представителей других дисциплин внимательного отношения к своим исследованиям. Работа психологов на историческом поле, как правило, ограничива-

лись не всегда корректным подбором фактов. В этой связи стоит вспомнить критическое замечание Г. Риккерта: «Применение господствующего в настоящее время в психологии метода к историческим наукам должно почти что неизбежно привести на ложный путь, что и случилось там, где место исторического изложения заняли социально-психологические теории» [5, с. 47].

После первой мировой войны история как наука оказалась в кризисе. В новых сложившихся условиях требовалось уметь выделять проблемы и решать их. Для решения проблем историки нуждались в новых подходах, и опыт психологов обращал на себя их внимание. Так, известно, что основатель Манчестерской историографической школы Л. Б. Нэмир интересовался теорией З. Фрейда [11, с. 179]. Один из наиболее радикальных реформаторов историописания М. Блок изучал ментальность людей прошлого и считал, что исторические факты по преимуществу психологические [1, с. 104]. Его близкий коллега, редактор журнала «Анналы» Л. Февр предлагал ясно оговоренное сотрудничество историков и психологов [6, с. 107]. Но этот всплеск интереса к междисциплинарной интеграции с психологией имел очень ограниченный характер.

Большинство историков, стремившихся понять мир людей прежних времен, их мысли и переживания, научились избегать теории и методологии, присущих психологии. Представители истории повседневности, истории ментальностей и исторической антропологии стали описывать формы существования и поведения, определенные процедуры и модели мышления, основанные на внешних факторах. Пример им был подан известной американской исследовательницей-антропологом Р. Бенедикт. В 1934 г. она опубликовала свою знаменитую работу «Шаблоны культуры», в которой заявила: «Культура подобно личности – это более или менее стойкий шаблон мыслей и действий» [9, с. 46]. В ее понимании культура избирательно заимствовала те или иные индивидуальные черты, чтобы превратить их в главные характеристики представителя культуры. Такой взгляд на культуру как некую слепую могущественную силу не был лишен налета мистицизма, который определялся холистической методологией автора. В силу обстоятельств Р. Бенедикт не имела широких возможностей для полевых исследований и опиралась на анализ известной истории, литературы, дневников и документов. Ее опыт очень походил на работу самих историков, которые вынуждены восстанавливать картину прошлого не посредством прямых контактов, а через источники, запечатлевающие отдельные факты и свершившиеся события. Возможно, именно

это предопределило их выбор в пользу описания шаблонов вместо попыток понимания внутренних индивидуальных мотивов.

Второй способ избегания прямых заимствований из психологии при изучении умонастроений людей прошлого заключается в распространении концепции, разработанной лингвистами, о ключевой роли языка в формировании сознания. Историки давно использовали методы лингвистики в работе с письменными источниками, а потому благосклонно восприняли идею изучения ментальности через образы, отображаемые в текстах. В конце XIX – первой половине XX в. доминировал герменевтический подход, позже – структурализм и постструктурализм, семиотическое толкование знаков как отражения человеческого сознания и прочтения культуры через знаковые системы. Хотя психология не отвергает ценность семиотического анализа и, более того, собственный опыт определения и трактовки знаковых систем присущ некоторым направлениям психологической науки, историки, применяющие данный подход, как правило, игнорируют практику психологов, опираясь на идею существования неких рациональных шаблонов внутри текста или культурной реальности. Таким образом мы сталкиваемся с существованием исторической психологии, где нет места психологии.

Не менее печальным выглядит опыт психологов. В карте наук одного из основателей социальной психологии В. Вундта история и психология стояли рядом [2, с. 71]. Однако психология мыслилась им как феноменологическая область знаний, призванная проводить эмпирические исследования и искать законы, а история – как генетическая, описывающая происхождение проблемы. Столь узкое понимание истории превращало ее из отдельной науки в частный исследовательский инструмент. Позже Ж. Пиаже закрепил за понятием «исторический» лишь формы генетического или ретроспективного описания. В дальнейшем психологи демонстрировали завидное постоянство в рестрикции понимания истории. Причем, это характерно даже для тех исследователей, кого принято относить к историческим психологам.

В трудах Л. С. Выготского, основателя советской школы, получившей после его смерти название «культурно-исторической психологии», термин «исторический» применяется по отношению к изменениям в ходе социально-культурного развития [3, с. 101]. Сама история представлялась ученому схематически как среда, в которой формируются особенности поведения. Любопытно, что его трактовка символизма давала широкие возможности для объяснения артефактов прошлого и в сочетании с историческими методами сбора и анализа информации мог-

ла бы существенно изменить традиционные представления, по меньшей мере, о бесписьменных обществах. Но ни сам Л. С. Выготский, который умер в 1934 г. в тридцативосьмилетнем возрасте, не успев многое реализовать, ни его ближайшие ученики и последователи не пытались применить это на практике. История оставалась для них фоном протекания психологических процессов, а не областью для изучения.

Французский психолог И. Мейерсон, определивший психологию как изучение истории [7, с. 127], призывал к постижению психики человека через анализ его творений и установлению причин изменения в поведении людей различных эпох. Пожалуй, он единственный из западноевропейских ученых прошлого столетия был наиболее близок к идее методологической интеграции психологии и истории. К сожалению, его призывы во многом оставались программными и носили лишь теоретический характер.

Существование исторической психологии без психологии и исторической психологии без истории свидетельствует об отсутствии точных представлений историков и психологов о сущности дисциплины, которую представляет противоположная сторона. Однако ситуация с разделением исторической психологии на две ветви вовсе не уникальна. То же самое произошло с социальной психологией, которая с конца XIX в. развивалась отдельно в среде социологов и в среде психологов, так что иногда принято говорить о «социологической социальной психологии» и «психологической социальной психологии».

Во второй половине XX в. в двух странах, находившихся на разных полюсах политического развития, были предприняты попытки методологической кооперации истории и психологии. Так, советский академик Б. Ф. Поршнев предложил собственное видение исторической психологии, которую считал необходимой для создания полноценной картины развития человечества [4, с. 9]. Его разработки опирались на обширные знания не только истории, археологии и психологии, но также лингвистики, физиологии и других наук. Усилия Б. Ф. Поршнева не встретили полного понимания и одобрения со стороны коллег. Его труд «О начале человеческой истории» был издан лишь спустя два года после его смерти в 1974 г., причем в неполном виде. Его последователи фактически ограничивались историографическими изысканиями и описанием опыта зарубежных ученых. В современной российской науке сохраняются определенные традиции, заложенные во времена СССР. Для них характерны широкое толкование понятия «историческая психология», куда

включаются антропологический и лингвистический подходы, и опора на общеисторический инструментарий.

В США в рамках «новой истории» получила развитие психоистория, представители которой привлекли психоаналитические теории для установления причин произошедших событий. В 1974 г. психоисторик Л. де Мос предложил собственную психогенетическую теорию истории [10, с. 97–100], которая претендовала на то, чтобы стать парадигмой и вытеснить традиционные исторические представления. Он даже сравнивал традиционную историю с астрологией, а психоисторию с астрономией. Тем не менее, как показало будущее, влияние психоисториков как на историю, так и психологию оказалось не таким существенным, как представлялось основателям этого междисциплинарного направления.

Сторонники внутренней кооперации истории и психологии смогли добиться определенных успехов, однако их деятельность по совершенствованию общих методологических подходов далека от завершения. Современные история и психология не являются целостными науками. Они разделены на множество тематических и методологических направлений. Только будущее покажет, возникнут ли на их основе новые проекты совместной междисциплинарной интеграции. Объединение наук возможно при наличии общих потребностей и интересов. Вместе с тем, остается актуальной проблема взаимного понимания. Кажется, что представители двух наук связаны традициями взаимного игнорирования, преодоление которых требует изменения образовательных программ и тесного знакомства с методологией сопредельных дисциплин.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Блок М. Апология истории или ремесло историка. М. : Наука, 1973.
2. Вундт В. Введение в философию. М. : ЧеРо, Добросвет, 2001.
3. Выготский Л. Мышление и речь. Психологические исследования. М. ; Лг. : Государственное социально-экономическое издательство, 1934.
4. Поршнев Б. Социальная психология и история. М. : Наука, 1966.
5. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. СПб. : Образование, 1911.
6. Февр Л. Бои за историю. М. : Наука, 1991.
7. Шкуратов В. Историческая психология. М. : Смысл, 1997.
8. Эриксон Э. Детство и общество. СПб. : Ленато, АСТ, 1996.
9. Benedict R. Patterns of Culture. Boston; New York: Houghton Mifflin Harcourt, 2005.
10. De Mause L. The Emotional Life of Nations. New York; London: Karnac, 2002.
11. Hayton D. W. Lewis Namier: Nationality, Territory and Zionism. // International Journal of Politics, Culture, and Society. Vol. 30. No 2. 2017. P. 172–182.

Ситкевич Ю. В.

Белорусский государственный университет (г. Минск, Республика Беларусь)

**ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИИ
В КОНЦЕ XV – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в.
В ИЗДАНИЯХ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ
АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ**

В 1834 г. для издания документов, собранных Археографической экспедицией Академии наук, при департаменте народного просвещения в Санкт-Петербурге под председательством П. А. Ширинского-Шихматова была создана Археографическая комиссия. С принятием в 1837 г. Устава она стала постоянным научным учреждением. На протяжении 1834–1917 гг. Археографическая комиссия занималась изысканием и публикацией источников по истории Российского государства (с древнейших времен до конца XVII в.). Согласно Уставу, публикации подлежали летописи, хронографы, степенные книги, сказания, грамоты, родословные, разрядные и писцовые книги, статейные списки и др. [3].

Источники, свидетельствующие о внешнеполитической деятельности Российского государства, в зависимости от своего происхождения и характера информации, можно разделить на две группы: документальные (материалы делопроизводства и актовые источники) и нарративные (летописи).

К материалам делопроизводства относится различного рода дипломатическая документация, связанная с отправлением своих и приемом иностранных посольств, с деятельностью дипломатических миссий. Среди них выделяются грамоты главам государств, «наказы» («памяти») послам, посольские речи, ответы на них, донесения («отписки»), «статьейные списки», росписи («поминоки», «корма»). Актовыми по своему характеру являются «докончальные», шертные, перемирные грамоты.

В результате работы членов Археографической комиссии появились сборники документальных материалов: 1) Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А. И. Тургеневым [1]; 2) Дополнения к Актам историческим, относящимся к России: собраны в иностранных архивах и библиотеках и изданы Археографической комиссией [4]; 3) Акты, относящиеся к истории Западной России [2]; 4) Сборник П. А. Муханова [11].

Результатом изыскательной деятельности А. И. Тургенева (1784–1845) стал вышеуказанный сборник, опубликованный в 1841 г. [1]. В

начале своей политической карьеры составитель находился на государственной службе в Московском архиве Коллегии иностранных дел, Министерстве юстиции, а с апреля 1812 г. стал помощником статс-секретаря Государственного совета Г. И. Гагарина. Он имел чин действительного статского советника. В 1817 г. А. И. Тургенев возглавил департамент духовных дел Министерства духовных дел и народного просвещения. В 1824 г. в связи с реорганизацией Министерства был уволен. После этого переехал жить за границу, где в иностранных архивах и библиотеках занимался поиском источников по истории Российского государства (Ватиканский тайный архив, Королевская Парижская библиотека, архив французского Министерства иностранных дел и др.). Собранные им материалы по распоряжению императора Николая I были переданы Археографической комиссии [14].

Источники из данного издания (письма папы Льва X к великому князю московскому Василию III и папы Юлия III к Ивану IV, наказ короля польского и великого князя литовского Сигизмунда I папскому легату епископу Скаренскому, посланному к Василию III, ответ императора Священной Римской империи Карла V на посольство от польского короля и великого князя литовского Сигизмунда II) позволяют проследить, какие шаги предпринимала Римская курия по привлечению великого князя московского Василия III к католической вере, а также выяснить позицию императора Священной Римской империи Карла V относительно «царского» титула Ивана IV [1, с. 128, 133, 141–142].

В 1848 г. были изданы «Дополнения...» к данному сборнику. Опубликованные материалы были извлечены российскими археографами (среди них граф С. С. Уваров, министр народного просвещения, протоиерей И. И. Григорович и др.) из Кёнигсбергского, Ватиканского, Торуньского, Висмарского, Бременского, Гамбургского, Австрийской Галиции архивов. Особую ценность для изучения внешнеполитической деятельности Российского государства конца XV – первой половины XVI в. представляют источники, извлеченные из Кёнигсбергского тайного архива. Они опубликованы в «Актах» под названием «Материалы для истории Ордена Ливонских и Прусских рыцарей, касательно военных действий и мирных сношений их с Россией, Литвой и Польшей, 1343 по 1520 г.». Среди них встречаются отписки, посольские речи, договорные грамоты, письма, свидетельствующие о взаимоотношениях магистра Ливонского ордена Вальтера фон Плеттенберга с великим князем литовским Александром, магистром Тевтонского ордена Фридрихом Саксонским. Благодаря этим источникам, имеется возможность выяснить,

какую роль играл Ливонский орден, политический союзник ВКЛ, в отношениях между Вильно и Москвой в годы военных действий первой четверти XVI в. [4].

К наиболее значимым публикациям источников по истории внешней политики России конца XV – первой половины XVI в. следует отнести второй том «Актов, относящихся к истории Западной России» (1848) [2]. Его составлением занимался протоиерей И. И. Григорович – историк, филолог, археограф. В 1820 г. в сане протоиерея он был назначен настоятелем собора апостолов Петра и Павла в Гомеле, ректором гомельского уездного и приходского училищ. На протяжении всей своей жизни активно занимался археографической деятельностью. При поддержке графа Н. П. Румянцева Григорович составил «Белорусский архив древних грамот». С 1837 г. он являлся членом Археографической комиссии [15].

Основой для составления второго тома «Актов» послужили материалы, извлеченные из Императорской публичной библиотеки, Московского Главного архива Министерства иностранных дел, архива бывших греко-униатских митрополитов, Литовской Метрики, находящейся при третьем департаменте Правительствующего Сената. Хронологически материалы тома охватывают время княжения в ВКЛ Сигизмунда I и содержат разнообразные сведения дипломатического характера (наказы, грамоты, статейные списки, посольские речи), которые отражают отношения Российского государства с ВКЛ в эпоху правления Василия III [2, с. 16, 45–47, 67, 83–85, 136–140, 131–134]. Выяснить же роль «крымского фактора» в отношениях между вышеназванными государствами накануне и в военные годы 1507–1508 гг. позволяют ярлык крымского хана Менгли-Гирея, королевский лист с просьбой прислать вспомогательного войско к границам Российского государства [2, с. 38–40]. В переписке Ливонского магистра с магистром Тевтонского ордена сконцентрированы сведения, отображающие состояние отношений между Россией и ВКЛ (военные действия, заключение перемирия, подписание мира) [2, с. 344–346, 346–352, 366–367].

Обширные данные о международной жизни как Российского государства, так и ВКЛ включает в себя «Сборник П. А. Муханова». П. А. Муханов (1797–1871) – историк, археограф, попечитель Варшавского учебного округа с 1851 по 1861 г. В 1869–1871 гг. он являлся председателем Петербургской Императорской Археографической комиссии. Основой для составления сборника послужили документы из Литовской Метрики. Делопроизводственные и актовые источники дан-

ного сборника освещают вопросы взаимоотношений ВКЛ с Российским государством, Молдавией, Крымским ханством [11].

Сведения о внешнеполитических контактах Российского государства с Крымским ханством, Великим Княжеством Литовским, Венгерским королевством, Молдавским господарством содержат в себе летописные памятники: Софийская вторая [13], Симеоновская [12] и Воскресенская [5] летописи, часть первая Львовской летописи [7], Московский летописный свод конца XV в. [8], Русский хронограф [10], летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью [6], Продолжение летописи по Воскресенскому списку [9], изданные Археографической комиссией (всего было издано 24 тома «Полного собрания русских летописей»). Летописные источники в полной степени не отображают перипетии международной жизни, не дают представления о московском посольском церемониале. Однако, тем не менее, из них можно почерпнуть информацию о том, кто принимал участие в проведении дипломатических переговоров и насколько интенсивными были внешнеполитические контакты.

Наиболее информативной летописью, отражающей историю внешнеполитической деятельности Российского государства, является Софийская вторая летопись. В ней доводится изложение событий до 1517 г. и помещены сведения об отношениях московского великого князя с венгерским королем Матвеем Корвином, крымским ханом Менгли-Гиреем, императором Священной Римской империи Максимилианом I, великими князьями литовскими. Она уникальна тем, что содержит известия, касающиеся внутреннего положения в других странах (например, о положении дел в Венгерском королевстве после смерти Матвеева Корвина в 1490 г., в ряде случаев определяет цели визитов иностранных послов (как и отправки своих миссий) [13, с. 326, 333–334, 371, 404].

Таким образом, Петербургская Императорская Археографическая комиссия внесла неоценимый вклад в возможность дальнейшего изучения внешней политики России на основе введенных ею в оборот исторических источников, извлеченных из российских и иностранных архивов и библиотек. В сборниках содержатся не только тексты источников, но и дается характеристика выявленных комплексов документов, приводится общее краткое описание публикуемых источников, их состава и содержания. Также рассматриваются вопросы, связанные с особенностями текста публикуемых источников. Высокий уровень публикаций актуализирует их научную ценность в проводимых сегодня исследова-

ниях. А начатое Комиссией издание летописных памятников серии «Полное собрание русских летописей» продолжается и в настоящее время.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А. И. Тургеневым: в 2 т. СПб. : Тип. Э. Праца, 1841–1842. – Т. 1: Выписки из Ватиканского тайного архива и из других римских библиотек и архивов, с 1075 по 1584 год. 1841. XXII. 399 с.

2. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией: [в 5 т.]. СПб. : Тип. II Отд-ния Собств. Е. и. вел. Канцелярии, 1846–1853. Т. 2: 1506–1544. 1848. III. 405 с.

3. Археографическая комиссия [Электронный ресурс] // Президентская библиотека. – URL: <https://www.prlib.ru/collections/689008>. – Дата доступа: 30.09.2018.

4. Дополнения к Актам историческим, относящимся к России. Собраны в иностранных архивах и библиотеках и изданы Археографической Комиссией. СПб. : Тип. Э. Праца, 1848. XV. 543 с.

5. Летопись по Воскресенскому списку / предисл. Б. М. Клосса. [Репр. изд.]. М. : Яз. рус. культуры, 2001. X. 345 с.

6. VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью / Археогр. комис. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1904. V. 532 с.

7. Львовская летопись. Часть 1 / Археогр. комис. ; под ред. С. А. Адрианова. СПб. : Тип. М. А. Александрова, 1910. IV. 418 с.

8. Московский летописный свод конца XV века / предисл. Б. М. Клосса. [Репр. изд.]. М. : Яз. слав. культуры, 2004. XV. 463 с.

9. VII. Продолжение летописи по Воскресенскому списку / Археогр. комис. СПб. : Тип. Э. Праца, 1859. VIII. 301 с.

10. Русский хронограф / предисл. Б. М. Клосса. [Репр. изд.]. М. : Яз. слав. культур, 2005.

11. Сборник Муханова. Изд. 2-е, доп. СПб. : Тип. Э. Праца, 1866.

12. Симеоновская летопись / Археогр. комис. ; под ред. А. Е. Преснякова. СПб. : Тип. М. А. Александрова, 1913. III. 316 с.

13. Софийская вторая летопись / предисл. Б. М. Клосса; подгот. текст: С. Н. Кистерев, Л. А. Тимошина. [Репр. изд.]. М. : Яз. рус. культуры, 2001. VIII. 446 с.

14. Срезневский И. И. Александр Иванович Тургенев. Несколько о нем припоминаний. 1785–1845 // Русская старина. 1875. Т. 12, № 3. С. 555–564.

15. *Хомеев А. Д.* Труды протоиерея Иоанна Григоровича по белорусской археографии [Электронный ресурс] // Западная Русь. URL: <https://zapadrus.su/zaprus/istbl/662-2012-05-31-14-03-40.html> (дата обращения: 30.09.2018).

Талмачова С. А.

*УА «Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка»
(г. Мінск, Рэспубліка Беларусь)*

**«ТРУДЫ СЪЕЗДА НЕПРЕМЕННЫХ ЧЛЕНОВ ГУБЕРНСКИХ
ПРИСУТСТВИЙ» ЯК КРЫНІЦА ВЫВУЧЭННЯ АГРАРНАЙ
ПАЛІТЫКІ САМАДЗЯРЖАЎЯ Ў БЕЛАРУСІ Ў ПАЧАТКУ ХХ ст.**

Аграрнае пытанне на працягу другой паловы XIX – пачатку ХХ ст. займала адно з важнейшых месцаў ва ўрадавай палітыцы Расійскай імперыі. Рэформы ў дачыненні да памешчыцкіх, удзельных, дзяржаўных сялян, а таксама іншых катэгорый сельскага насельніцтва не вырашылі ў поўнай меры тых праблем, якія меліся ў сферы пазямельных адносін. Сталыпінская аграрная рэформа, распачатая ўказам ад 9 лістапада 1906 г. [5], стала вялікім крокам наперад. Яе паспяхова рэалізацыя ў першую чаргу залежыла ад мясцовых органаў кіравання, у тым ліку земскіх начальнікаў і губернскіх прысутнасцей.

20 ліпеня 1907 г. міністр унутраных спраў П. А. Сталыпін звярнуўся да губернатараў з цыркулярным пісьмом аб скліканні ў Санкт-Пецярбургу неадменных членаў губернскіх прысутнасцей для абмеркавання пытанняў, звязаных з рэалізацыяй указа ад 9 лістапада 1906 г. Мэтай гэтага мерапрыемства было высьвятленне становішча на месцах і, у прыватнасці, ступені паспяховасці дзейнасці ў рэалізацыі рэформы земскіх начальнікаў, іх павятовых з’ездаў і кантролю з боку губернскіх прысутнасцей. Адною з задач ставілася распрацоўка мер накіравання і паскарэння гэтай дзейнасці. Разам з тым былі і іншыя: вызначыць неабходныя і магчымыя змяненні і дапаўненні ўказа ад 9 лістапада 1906 г. для яго больш паспяховай рэалізацыі; распрацаваць праграму экзаменаў пры прызначэнні на пасаду земскага начальніка, а таксама меры, неабходныя для ўсталявання пастаяннага і сапраўднага назірання губернскіх прысутнасцей за дзейнасцю земскіх начальнікаў і іх павятовых з’ездаў; вызначыць неабходныя змяненні і дапаўненні ў «Наказе земскім начальнікам», распрацаванага МУС у 1905 г. для кіраўніцтва іх працай і інш.

Адзначым, што губернскія прысутнасці былі правапераемнікамі губернскіх па сялянскіх справах прысутнасцей, ліквідаваных законам ад 12 ліпеня 1889 г. У адпаведнасці з ім губернскую прысутнасць узначальваў губернатар, а ў яе склад уваходзілі губернскі прадвадзіцель дваранства, віцэ-губернатар, пракурор акруговага суда і 2 неадменныя

члены. Акрамя іх, на пасяджэнне губернскай прысутнасці на правах яе членаў запрашаліся: старшыня або член акруговага суда, кіраўнікі казённых палат і дзяржаўнымі маёмасцямі і старшыня губернскай земскай управы, калі разглядаемыя пытанні адносяцца да іх кампетэнцыі (арт. 105) [3, с. 521]. Структура мясцовых устаноў у Беларусі была рэфармавана ў Віцебскай, Магілёўскай і Мінскай губернях на падставе закону ад 12 чэрвеня 1900 г. [1], а ў Віленскай і Гродзенскай губернях – ад 8 чэрвеня 1903 г. [2]. Важнай асаблівасцю кадравыга складу губернскіх прысутнасцей Беларусі было існаванне ў штаце трох неадменных членаў, замест двух, прадугледжаных Палажэннем 1889 г. У некаторых выпадках у склад губернскай прысутнасці на правах неадменных членаў уводзіліся чыноўнікі пэўных міністэрстваў: з-за вялікай колькасці і складанасці спраў па пазямельным уладкаванні розных катэгорый сельскага насельніцтва, якіх не існавала ў іншых губернях Расійскай імперыі.

Неадменныя члены губернскай прысутнасці вылучаліся з мясцовых дваран губернатарам пры ўзгадненні з губернскім прадвадзіцелем дваранства і зацвярджаліся імператарам па хадайніцтву міністра ўнутраных спраў. Яны рыхтавалі даклады да пасяджэнняў прысутнасці, кантралявалі вядзенне справаводства і выконвалі розныя даручэнні прысутнасці. Неадменны член займаў высокі ранг у мясцовай службовай іерархіі – быў штатным чыноўнікам V класа. Таму іх запрашэнне на нараду было невыпадковым, хаця і незвычайным для ўрадавай палітыкі. П. А. Сталыпін ахарактарызаў з’езд неадменных членаў губернскіх прысутнасцей як «первый в этом отношении опыт и едва ли не единственный случай в истории министерства» [6, с. 23].

Аб важнасці гэтага форуму для ўрада сведчыць яго склад. Так, у ім прынялі ўдзел: выконваўшы абавязкі таварыша міністра ўнутраных спраў А. І. Лыкошын (старшыня), таварыш міністра юстыцыі сенатар А. Р. Гасман, таварыш міністра фінансаў М. М. Пакроўскі, таварыш галоўнаўпраўляючага землеўладкаваннем і земляробствам А. Дз. Паленаў, дырэктар Дэпартаменту зямельных маёмасцей А. А. Рыццях, чыноўнікі Земскага аддзела МУС і інш. Віленскую губ. прадстаўляў неадменны член губернскай прысутнасці І. І. Гашкевіч, Гродзенскую – Л. Р. Баркоў, Мінскую – У. А. Шчапоцьеў, Магілёўскую – В. С. Кяханаў. Прадстаўніка ад Віцебскай губ. не было. Дэлегаты з тэрыторыі Беларусі ўваходзілі ў склад камісій, якія распрацоўвалі праекты пастаноў, што затым ішлі на абмеркаванне з’езда. Так, Л. А. Казем-Бек, чыноўнік канцылярыі Віленскага, Ковенскага і Гродзенскага генерал-

губернатара, ўваходзіў у склад юрыдычнай камісіі з'езда, У. А. Шчапоцьеў – рэвізійнай [9, с. 124–129]. Гэта сведчыла аб іх высокім аўтарытэце і прафэсіяналізме.

24 кастрычніка 1907 г. П. А. Стальпін урачыста адкрыў работу з'езда. У сваім прывітальным слове ён вызначыў месца і ролю губернскіх прысутнасцей і іх неадменных членаў у мясцовым кіраванні і ў рэалізацыі аграрнай палітыкі дзяржавы: «Губернскія прысутствія – это нервный центр губернии, объединяющий все власти, близко соприкасающиеся с крестьянами. В настоящее время главная задача губернских присутствий – это направлять деятельность земских начальников» [9, с. 4]. Ён адзначыў, што вольны выхад з абшчыны з'яўляўся галоўнай умовай пад'ёму матэрыяльнага дабрабыту сялян, а ўрад вызначыў шэраг мер па пераўладкаванню сялянскага землекарыстання. «Задача в этом случае сводится к тому, – працягваў Стальпін, – чтобы, без коренной ломки на местах, предоставить каждому крестьянину самостоятельно устроить свое хозяйство. <...> Особенно интересным представляется сложный вопрос об отводе земли к одному месту, имеющий столь важное значение, так как укрепление само по себе является лишь этапом к улучшенному способу землевладения – хуторскому. В этой области пока сделано мало и на практике не достигнуто положительных результатов» [9, с. 4]. Міністр адзначыў, што абавязкова скарыстае труды з'езда ў распрацоўцы далейшых дзеянняў, а меркаванні дэлегатаў «не останутся без внимания» [9, с. 5].

На першым пасяджэнні кожны неадменны член паведаміў пра стаўленне насельніцтва да закону 9 лістапада 1906 г. і аб тых перапашкодах, якія сустракаліся ў яго ажыццяўленні ў розных губернях. Высветлілася, што колькасць заяў аб умацаванні надзельных земляў у асабістую ўласнасць у цэлым па імперыі перавышала ў той час 150 тысяч, і яна пастаянна павялічвалася [9, с. 5]. У матэрыялах з'езда прыведзены даныя аб паказчыках выхаду з абшчыны і аб умацаванні надзельнай зямлі ў асабістую ўласнасць па губернях да 1 лістапада 1907 г. Адзначалася, што найбольш паспяховае прымяненне ўказа 9 лістапада 1906 г. назіралася ў Херсонскай, Саратаўскай, Екацерынаслаўскай, Самарскай і Кіеўскай, а найменш паспяховае – у Валагодскай, Уладзімірскай, Казанскай, Кастрямскай губернях. У Віцебскай губерні за год падалі хадайніцтвы аб выхадзе з абшчыны 2 895 гаспадароў двароў, з іх былі зацверджаны 310 прысудаў валасных сходаў, 26 пастаноў земскіх начальнікаў, замацавана 3 614 дзес. 368 саж. надзельнай зямлі за 393 гаспадарамі двароў. У Магілёўскай губерні

абвясцілі жаданне на выдзяленне надзелаў 2 227 гаспадароў двароў, зацверджана 92 прысуды сходаў і 27 пастаноў земскіх начальнікаў, замацавалі 898 дзес. зямлі ва ўласнасць 129 гаспадароў двароў [9, с. 130–131]. Гэта быў толькі пачатак рэалізацыі рэформы. Данія па Віленскай, Гродзенскай і Мінскай губернях у гэтых звестках не прыведзены. Аднак такое становішча тлумачыцца тым, што ў названых трох губернях рэалізавалася асобнае «Местное положение» ад 19 лютага 1861 г., па якім сяляне адразу выкупалі зямлю падворна, а не абшчынай. Таму хадайніцтвы аб умацаванні абшчынай зямлі не падаваліся. Для адчужэння надзельных зямель у грамадах з падворным землекарыстаннем неабходна было атрымаць дакумент, які пацвярджаў прыналежнасць участка. Гэта маглі быць: «крепостной акт»; «владенная запись», выдадзеная сялянскімі ўстановамі; пастановы агульнаграмадзянскіх ці валасных судаў ці павятовых з'ездаў; зацверджаныя павятовым з'ездам грамадскія прыгаворы ці пастановы земскага начальніка аб замацаванні участка ў асабістую ўласнасць асобных гаспадароў двароў [5]. Зразумела, сталыпінская рэформа рэалізавалася і тут, але сяляне адразу пераходзілі да наступнага этапу – адвядзення ўласных надзелаў да аднаго месца, г. зн. да стварэння хутароў ці адрубоў.

У час работы з'езда былі разгледжаны звесткі аб дзейнасці мясцовых устаноў па рэалізацыі закону ад 9 лістапада 1906 г., тых перашкоды, якія сустракаліся пры гэтым, недакладнасці і няяснасці ў фармулёўках закону і іх тлумачэнні. Важным быў абмен вопытам па адвядзенні да адных месцаў участкаў, замацаваных у асабістую ўласнасць сялян, па спрашчэнню і паскарэнню правядзення такіх мерапрыемстваў, а таксама высьвятленне ролі і месца ў гэтым працэсе мясцовых устаноў па сялянскіх справах і землеўладкавальных камісій. Прадстаўнікі ад заходніх губерняў дзяліліся вопытам работы па пераходу да адрубога і хутарскога ўладання [9, с. 5].

Каб пазбегнуць значнага павелічэння абскарджаных пастаноў, на абмеркаванні дэлегатаў з'езда былі прапанаваны пытанні, якія ўзніклі ў практыцы рэалізацыі рэформы. Парадак дзеянняў мясцовых устаноў пры ўмацаванні зямлі ў асабістую ўласнасць (працэсуальны бок умацавання) абмяркоўваўся па асаблівай праграме, прапанаванай Міністэрствам унутраных спраў. Яна складалася з 19 пытанняў. Па кожным з іх спачатку дакладалася заключэнне юрыдычнай камісіі, а потым абмяркоўвалася членамі з'езда [9, с. 9]. Напрыклад, у якім парадку павінны дзейнічаць тыя, хто жадаў ўмацаваць абшчынную зямлю ў асабістую ўласнасць? У якую інстанцыю трэба падаваць хадайніцтва? У

прыватнасці, да сельскага старасты ці праз яго на разгляд схода? Ці ў валасное праўленне? Ці адразу да земскага начальніка? Абмеркаванне такіх «дробязей» дэлегатамі з'езда сведчыць аб істотнай розніцы ў падходах на месцах. Больш складанымі былі пытанні, якія адносіліся да парадку складання і абскарджання актаў аб умацаванні зямлі і інш. Адзначалася, што падобныя недакладнасці закону прыводзілі да замаруджвання працэсу ўмацавання зямлі на практыцы [9, с. 9–27].

МУС прызнаваў, што існаваўшае заканадаўства ў дачыненні да сельскага насельніцтва ў цэлым мела шэраг адмоўных якасцей – непаўната, недакладнасць, няяснасць і супрацьлегласць асобных пунктаў. Гэтыя прабелы вырашаліся ў Правячым Сенаце, тлумачэнні якога па справах, што ў ім разглядаліся, мелі важнае значэнне для далейшай практыкі рэалізацыі аграрнай палітыкі. З гэтай прычыны на разгляд Сената перадаваліся канчатковыя пастановы губернскіх прысутнасцей, якія адбыліся з парушэннямі закону. Пры гэтым заключэнні МУС аб адмене такіх пастаноў фармуляваліся ў выглядзе матываваных рапартаў з тлумачэннем сэнсу такіх законаў. Па ўсіх справах падобнага кшталту, якія разглядаліся Сенатам у асабістай прысутнасці таварыша міністра, Земскі аддзел МУС складаў даведкі, у якіх змяшчаліся «абставіны справы», а таксама праект яе вырашэння з прывядзеннем адпаведных законаў і даных практыкі Сената [6, с. 22–24].

Важным бокам стальпінскай рэформы была ліквідацыя церазпалосіцы і дальназемелля. У якасці меры па ліквідацыі гэтага тормаза ў развіцці агракультуры прапанавалася адвядзенне дробных частак надзелу да аднаго месца. Але гэта было вельмі складанае пытанне. Абмеркаванню з'езда быў прапанаваны праект правілаў аб адводзе надзельных участкаў да адных месцаў, распрацаваны Земскім аддзелам МУС і выпраўлены ў адпаведнасці з заключэннямі камісіі па адводу [9, с. 27–39]. Па ўказу ад 9 лістапада 1906 г. кожны гаспадар двара, які ўмацаваў надзельныя ўчасткі ў асабістую ўласнасць, меў права патрабаваць выдзелу зямлі да аднаго месца. У тых абшчынах, дзе не адбывалася перадзелаў, грамада мела права ў выпадку немагчымасці ці нязручнасці выдзелу замест зямлі заплаціць кампенсацыю грашыма па ўзгадненні з тым, хто выдзяляўся, ці па ацэнцы валаснога суда. Пры агульных перадзелах выдзел зямлі быў абавязковым. Аднак працэсуальны парадак выдзелу ў законе быў вызначаны вельмі няпоўна. Адзначалася толькі, што спрэчкі, якія ўзніклі пры выдзеле ўчасткаў да аднаго месца, вырашаліся павятовым з'ездам земскіх начальнікаў ці міравых пасрэднікаў. Але ў законе не было ніякіх указанняў аб тым, кім і як павінен быў праводзіцца такі выдзел у розных

выпадках. У больш позніх заканадаўчых актах гэтыя прабелы былі ліквідаваны, але яны былі ў час працы з'езда неадменных членаў у стадыі распрацоўкі і абмеркавання ў адпаведных урадавых і заканадаўчых структурах. А на месцах праблему неабходна было вырашаць своечасова. У цыркулярах МУС даваліся ўказанні аб парадку дзеянняў, але патрабавалася распрацаваць адзіныя падыходы да вырашэння ўзнікаўшых праблем і пытанняў. Вызначэнне агульнага кірунку з улікам практыкі мясцовых устаноў было вельмі актуальным. Складзеныя правілы меркавалася выдаць, не чакаючы заканадаўчага вырашэння, «в порядке управления» [9, с. 29]. Адзначым, што вялікая частка прапаноў, выказаных пры абмеркаванні праекту, была выкарыстана пры падрыхтоўцы закону ад 14 чэрвеня 1910 г.

Адным з кірункаў была распрацоўка мер да спрашчэння і паскарэння судовага і адміністрацыйнага справаводства ў земскіх начальнікаў і ўвогуле сялянскіх устаноў (у прыватнасці, меры для ліквідацыі пакладаў у справах павятовых з'ездаў земскіх начальнікаў і губернскіх прысутнасцей). Ад гэтага залежыла хуткасць разгляду і зацвярджэння хадайніцтваў сялян. Так, закон адзначаў магчымасць абскарджання ў павятовым з'ездзе пастанова земскага начальніка на працягу 30 дзен. Дэлегаты абмяркоўвалі пытанне аб тым, ці павінен земскі начальнік адразу перадаваць пастанову аб умацаванні зямлі ці вытрымаць тэрмін на абскарджанне, а затым перадаваць на разгляд з'езда разам са скаргамі. Была прынята пастанова аб тым, што дзеля паскарэння вырашэння мэтазгодна перадаваць у з'езд пастанову адразу, каб павятовы з'езд мог своечасова падрыхтаваць справу да абмеркавання. Так, у адной з губерняў павятовыя з'езды пры паступленні пастаноў земскіх начальнікаў адразу прызначалі дату разгляду з улікам 30 дзён на абскарджанне і дадавалі 6–7 дзён на перасылку скаргаў, якія маглі падавацца ў апошнія дні вызначанага тэрміну. Такі парадак быў прызнаны слухным і зручным [9, с. 23].

Рэалізацыя аграрнай палітыкі ў значнай ступені залежыла ад дзейнасці земскіх начальнікаў. Старшыня з'езда адзначаў, што ўраду вядомы цяжкія ўмовы, у якіх працавалі ўсе дзеячы па кіраванню сялянамі, а асабліва земскія начальнікі: «Находясь под гнетом часто незаслуженных нареканий и непрестанной, весьма часто легкомысленной травли прессы и опасений за свою службу, висящую как бы в воздухе, в виду слухов о полном упразднении самого института, мало обеспеченных материально, многия из лиц, занимавших эти должности за последнее время, совершенно опустили руки. Повальное их бегство,

ныне, к счастью, прекратившееся, и не вполне удачное иногда замещение освободившихся должностей, явились прямым и плачевным последствием такого упадка духа» [9, с. 7].

Пры гэтым ролю земскіх начальнікаў у рэалізацыі рэформы цяжка пераацаніць, аб чым сведчыць большасць артыкулаў указа ад 9 лістапада 1906 г. Менавіта ад гэтых чыноўнікаў залежыла яе паспяховаць, пачынаючы з простага тлумачэння законаў насельніцтву. Таму да кантролю і каардынацыі іх дзейнасці з боку губернскіх прысутнасцей прыцягвалася значная ўвага. Аднак ажыццяўленне такой каардынацыі было немагчыма без валодання інфармацыяй аб тым, што адбываецца на месцы. Законам 1889 г. на неадменных членаў губернскіх прысутнасцей ускладаўся абавязак кантролю падпарадкаваных ім органаў – сельскага і валаснога самакіравання, земскіх начальнікаў і іх павятовых з'ездаў. Такі кантроль ажыццяўляўся праз перыядычныя рэвізіі.

На з'ездзе неадменных членаў губернскіх прысутнасцей быў заслуханы даклад Земскага аддзела МУС адносна правядзення рэвізій мясцовых устаноў. Адзначалася, што абавязкі земскіх начальнікаў вельмі складаныя і разнастайныя, а парадак іх выканання не можа быць дакладна вызначаны інструкцыямі ці «Наказом земским начальникам», распрацаваным МУС у 1905 г. [7], якія давалі толькі агульныя дырэктывы. Назіранне за працай гэтых чыноўнікаў не магло быць абмежавана патрабаваннем ад іх справаздач, тэрміновых ведамасцей і да таго падобных дакументаў справаводства. Адзначалася, што кантроль за дзейнасцю земскіх начальнікаў і кіраўніцтва патрабавалі перыядычных і, па магчымасці, частых рэвізій. З гэтай прычыны ў 1903 г. пры Земскім адзеле МУС былі створаны тры адмысловыя пасады чыноўнікаў асаблівых даручэнняў, якіх на працягу года камандзіравалі ў розныя часткі імперыі [9, с. 86]. Але такія рэвізіі чыноўнікамі цэнтральнай установы, зразумела, не маглі паўтарацца часта і таму не маглі быць дастаткова падрабязнымі, а мелі характар уласна рэвізійны, а не інструкцыйны. Між тым МУС прызнаваў неабходнасць і карыснасць менавіта апошняга роду рэвізій, якія па закону ўскладаліся на абавязкі неадменных членаў губернскіх прысутнасцей. Між тым даныя з губерняў сведчылі, што такія рэвізіі не былі сістэматычнымі [9, с. 87].

Па звестках за 1905–1907 г., агучаных на з'ездзе, у Віленскай губерні ўвогуле не праводзіліся рэвізіі мясцовых устаноў (ці проста не былі пададзены звесткі), у Віцебскай губерні ў 1906 г. рэвізаваліся 3 павятовыя з'езды з 11, 11 земскіх начальнікаў з 52 і 14 валасных праўленняў з 194; у 1907 г. – 1 павятовы з'езд і па 5 валасных

праўленняў і судаў. У Мінскай губерні ў 1906 г. – 1 павятовы з’езд з 9, 11 земскіх начальнікаў з 67, 10 валасных праўленняў з 203, а ў 1907 г. – 2 павятовыя з’езды, 9 земскіх начальнікаў і па 10 валасных праўленняў і судаў. У адрозненне ад вышэйназваных, у Магілёўскай губерні рэвізіі праводзіліся і ў 1905 г., але лічбы таксама сціплыя – 9 земскіх начальнікаў з 54 і па 11 валасных праўленняў і судаў з 145. У 1906 г. рэвізіі тут зусім не праводзіліся, а ў 1907 г. было абрэвізавана 20 земскіх начальнікаў, 42 валасныя праўленні і 40 валасных судаў [9, с. 132]. Прыведзеныя даныя патрабуюць удакладнення па іншых крыніцах. Так, матэрыялы «Трудов...» па Гродзенскай губерні паказваюць, што толькі ў 1905 г. праводзіліся рэвізіі 5 земскіх начальнікаў з 50 і 10 валасных праўленняў з 178, а па астатніх гадах звестак няма. Пры гэтым матэрыялы рэвізіі Гродзенскай губерні, якія адклаліся ў справах Земскага аддзела МУС, даюць іншыя лічбы. Яны сведчаць, што за 1903–1907 гг. неадменнымі членамі губернскай прысутнасці правяраліся 25 земскіх начальнікаў і 45 валасных праўленняў, у тым ліку ў 1905 г. – адпаведна 6 і 11 [4, л. 2]. На думку аўтара, такое супярэчэнне можна тлумачыць наступным. Як адзначана ў «Трудах...», «в ведомость не вошли сведения по ревизиям, проведенным вследствие возбуждения против должностных лиц дисциплинарных производств» [9, с. 132]. Такім чынам, за гэты перыяд толькі 20 % земскіх начальнікаў і 22,2 % валасных праўленняў Гродзенскай губерні рэвізаваліся ў рабочым парадку, без разгляду справы па дысцыплінарным спагнанні.

Сапраўды, на з’ездзе адзначалася, што да 1907 г. рэвізіі не былі планамернымі і сістэматычнымі, а праводзіліся ў большасці выпадкаў такім службовым асобам, пра якіх у губернскіх прысутнасцях меліся «неблагоприятные сведения» [9, с. 89]. Вынікам такіх праверак было ці звальненне абрэвізаванага земскага начальніка, ці накладанне на яго пэўнага спагнання. МУС прапанаваў зрабць рэвізіі пастаяннымі і сістэматычнымі, ліквідаваўшы іх карны характар. Мэтай рэвізіі павінна было стаць усталяванне сувязі паміж цэнтральнай і мясцовымі ўладамі, назіранне за ажыццяўленнем урадавых мерапрыемстваў і прымяненнем законаў, накіраванне дзейнасці сялянскіх устаноў у адпаведнасці з мэтамі ўрада, вывучэнне мясцовых патрэб і ўмоў, правільная ацэнка службовых асоб і г. д. [9, с. 89].

Для ўніфікацыі формы праверак ўдзельнікамі з’езда былі распрацаваны праграмы рэвізіі валаснога праўлення і суда, земскіх начальнікаў і іх павятовых з’ездаў. У праграмы былі ўключаны пункты, якія адпавядалі абавязкам і кампетэнцыі службовых асоб пэўнага ўзроўню,

замацаваныя ў заканадаўчых актах. Кожны з гэтых пунктаў абмяркоўваўся на з’ездзе вельмі падрабязна. Напрыклад, рэвізіі земскага начальніка маглі мець розныя мэты: 1) праводзілася падрабязная рэвізія ўсіх устаноў у земскім участку і справаводства самога земскага начальніка; 2) агульнае высвятленне пасяховасці і інтэнсіўнасці яго дзейнасці. Адзначалася, што праверкі першай катэгорыі былі больш карыснымі, але займалі шмат часу і таму не маглі праводзіцца так часта, як пажадана. Між тым рэвізіі другога разраду давалі магчымасць атрымліваць уяўленне аб дзейнасці земскага начальніка і маглі праводзіцца праз больш кароткія прамежкі часу. Дэлегаты з’езда прыйшлі да высновы аб неабходнасці камбінаваць падобныя рэвізіі – падрабязныя рэвізіі праводзіць праз 2–3 гады, а кароткія – штогод [9, с. 87]. Дзеля таго, каб аб’яднаць і каардынаваць дзейнасць земскіх начальнікаў, было прапанавана заўвагі па выніках рэвізіі агучваць на пасяджэннях павятовых з’ездаў, і толькі потым у губернскай прысутнасці разам з заключэннем з’езда і тлумачэннямі рэвізаванага земскага начальніка [9, с. 88].

Вынікам суместнай работы ўдзельнікаў з’езда стаў, па сутнасці, цыркуляр МУС ад 19 снежня 1907 г. аб правядзенні неадменнымі членамі губернскіх прысутнасцей найбольш частых і планамерных рэвізій органаў сялянскага самакіравання, земскіх начальнікаў і павятовых прадвадзіцеляў дваранства. У цыркуляры МУС ад 23 студзеня 1908 г. ужо патрабавалася, каб усе павятовыя з’езды, земскія начальнікі і валасныя і сельскія праўленні былі абрэвізаваны на працягу двух гадоў [4, л. 2]. Праграмы рэвізій, якія прыкладаліся да цыркуляраў, адпавядалі тым, што былі зацверджаны на з’ездзе неадменных членаў губернскіх прысутнасцей.

Такім чынам, «Труды...» даюць магчымасць прасачыць уплыў работы з’езда неадменных членаў губернскіх прысутнасцей на канчатковае афармленне патрабаванняў да дзейнасці мясцовых устаноў па сялянскіх справах. Акрамя названых, на з’ездзе абмяркоўваліся і іншыя пытанні. Напрыклад, была распрацавана праграма экзаменаў для прэтэндэнтаў на пасаду земскага начальніка і інш. У цэлым МУС было настолькі задаволена вынікамі праведзенага з’езда, што ў 1909 г. склікала новы з’езд неадменных членаў губернскіх прысутнасцей, на гэты раз запрасіўшы і прадстаўнікоў землеўладкавальных камісій [10]. Яшчэ адной прычынай, на наш погляд, стала тое, што заканадаўчага вырашэння пытанняў, звязаных з рэалізацыяй рэформы, да таго часу яшчэ так і не адбылося, а

алгарытм узгаднення дзеянняў розных ведамстваў пры яе правядзенні патрабавалася распрацаваць тэрмінова.

Тыя пытанні, якія абмяркоўваліся на з'ездзе неадменных членаў губернскіх прысутнасцей, а таксама сам ход іх абмеркавання прадстаўляе значную цікавасць для высвятлення праблем, з якімі сутыкнуліся цэнтральныя і мясцовыя ўлады пры рэалізацыі аграрнай рэформы. Прапаноўвы, ўнесеныя дзельнікамі з'езда, сталі падставай для далейшых дзеянняў урада. Матэрыялы «Трудов съезда неперменных членов губернских присутствий» даюць прастору для вывучэння працэсу рэалізацыі аграрнай палітыкі самадзяржаўя ў Беларусі ў пачатку ХХ ст.

БІБЛІАГРАФІЧНЫЯ СПАСЫЛКІ

1. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета. – О распространении законоположений 12 июля 1889 г. О преобразовании крестьянских и судебных учреждений на губернии Витебскую, Минскую и Могилевскую. – 12 июня 1900 г. // Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собр. 3-е: в 33 т. Т. 20 (1900). Отд. I. № 18864. С. 762–764.

2. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета. – О распространении законоположений 12 июля 1889 года на губернии Виленскую, Гродненскую и Ковенскую и об ассигновании необходимых на сие кредитов. – 8 июня 1903 г. // ПСЗРИ. Собр. 3-е : в 33 т. Т. 23 (1903 г.). Отд. 1. № 23106. С. 687–689; Отд. 2: Штаты и табели. С. 356–359.

3. Высочайше утвержденные: I. Положение о земских участковых начальниках, II. Правила об устройстве судебной части в местностях, в которых введено означенное Положение, III. Временные правила о волостном суде в тех же местностях и IV. Правила о порядке приведения в действие Положения о земских участковых начальниках. – 12 июля 1889 г. // ПСЗРИ. Собр. 3-е : в 33 т. Т. 9 (1889). Отд. I. № 6196. С. 508–535; Отд. II : Штаты и табели. К № 6196. С. 521.

4. Дело о результатах ревизии крестьянских учреждений Гродненской губернии за 1908 год // Расійскі дзяржаўны гістарычны архіў (РДГА). Фонд 1291. Воп. 31, 1908 г. Спр. 45.

5. Именной высочайший указ, данный Сенату. – О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования. – 9 ноября 1906 г. // ПСЗРИ. Собр. 3-е: в 33 т. Т. 26 (1906). № 28528. С. 970–974.

6. Краткий очерк возникновения и развития важнейших фактов деятельности Земского отдела Министерства внутренних дел: (К 50-летию его существования) / МВД. Земск. отд. 1858 4/III 1908. СПб.: тип. М-ва вн. дел, 1908. 28 с.

7. Наказ земским начальникам 11 августа 1905 года, циркуляр министра внутренних дел от 31 того же августа о введении наказа в действие. Неофиц. изд. СПб.: Д. В. Чичинадзе, 1905. 105 с.

8. Съезд неперенных членов губернских присутствий. Программы ревизии крестьянских учреждений, выработанные на Съезде неперенных членов губернских присутствий, бывшем в Петербурге 24 октября – 1 ноября 1907 года. Казань, [1908]. 40 с.

9. Съезд неперенных членов губернских присутствий. Труды Съезда неперенных членов губернских присутствий. 24 октября – 1 ноября 1907 г. / МВД. СПб.: тип. М-ва вн. дел, 1908. 155 с.

10. Съезд неперенных членов губернских присутствий и землеустроительных комиссий. Труды Съезда неперенных членов губернских присутствий и землеустроительных комиссий. 10–23 янв. 1909 г. / МВД. СПб. : тип. М-ва вн. дел, 1909. XVIII. 363 с.

Федосик В. А.

Белорусский государственный университет (г. Минск, Республика Беларусь)

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ ПО БИБЛЕЙСКОЙ КОНЦЕПЦИИ «ЧЕТЫРЕХ ЦАРСТВ» В РОССИЙСКИХ ХРОНИКАХ И ЛЕТОПИСЯХ XV–XVI вв.

Основными российскими средневековыми источниками по всемирной истории являются «Летописец Еллинский и Римский» (XV в.) и «Русский хронограф» 1512 г. Оба, как показывает анализ их содержания, имеют практически одинаковые источники, использованные их создателями, текст большей частью идентичен, одинакова композиция произведений. Оба исторических сочинения представляют собой хроники с изложением всемирной истории, но в «Летописце Еллинском и Римском» всемирная история представлена до захвата крестоносцами Константинополя в 1204 г., а «Русский хронограф» охватывает хронологически более длительный период. В «Летописце Еллинском и Римском» по существу отсутствует описание истории Западной Римской империи с 395 по 476 г., излагается только византийская история. Впрочем, и средневековые описывается откровенно с «византийскоцентричных» позиций (например, поход Олега на Константинополь представлен как внешнеполитический фактор для Византии [1, с. 473–474]) в отличие от «Русского хронографа» [2, с. 354].

«Русский хронограф» 1512 г. дает гораздо более широкую историческую палитру, с IX в. ее изложение приобретает «русскоцентричный» характер, когда стержнем становится история Древней (Киевской) Руси, затем Московского княжества, а вокруг стержня отечественной истории идет описание зарубежной истории – прежде всего, ближайших госу-

дарств. Создатели «Русского хронографа» явно стремились осознать место России во всемирном историческом процессе, и уже поэтому этот источник выступает более значимым.

Исследователи уже обращали внимание на то, что концепция «Русского хронографа» находилась в русле разрабатывавшейся теории «Москва – третий Рим» (отсюда выводилась и вероятность авторства Филофея для этого хронографа) [3, 4]. Но по сути это лишь констатация ряда политических положений данной теории, имеющих в тексте. А вот само обоснование их должным образом не исследовалось, ибо для этого требуется не только знание политической, социальной ситуации в России того времени, ее внешней политики, а и ментальности людей средневековья, где доминировала религиозная составляющая. Механизм обоснования теории без этого не понять, особенно столкнувшись с тем, что кажется нам совершенно абсурдным, абсолютно несоответствующим историческим реалиям. Но это были люди средневековья, для нас они «Другие». Причем гораздо более далекие и непонятные, чем люди античности. И эту непонятность людей средних веков для нас определяет, прежде всего, их система связей в феодальном социуме и соответствующие ментальные стереотипы, установки, ценности. Древнеримские сюжеты в «Русском хронографе» (их отбор, интерпретация и т. д.) представляют, таким образом, особый интерес.

Как и для абсолютного большинства исторических трудов по всемирной истории, «Русскому хронографу» и «Летописцу Еллинскому и Римскому» так же присущ компилятивный характер. И в немалой степени выбор тех или иных сюжетов древнеримской истории был обусловлен имевшимся у авторов набором созданных ранее и в разных странах исторических сочинений. Источниками для авторов «Русского хронографа» являлись, прежде всего, Библия (отсюда, слабое использование иных письменных источников по сюжетам, отраженным в ней, хотя использовался и древнерусский перевод «Иудейской войны» Иосифа Флавия), «Александрия», византийская «Хроника» Зонары и особенно «Хроника» Манассии. Но наш анализ показывает, что все же главным источником по античной истории являлась византийская «Хроника» Георгия Амартола, точнее ее древнерусский перевод с соответствующими коррективами [5].

Если «Летописец Еллинский и Римский» больше напоминает назидательное чтение из древней истории для средневекового христианина, то в «Русском хронографе» четко прослеживается определенная кон-

цепция всемирной истории, в центре которой со временем оказываются Древняя Русь и Московское княжество.

Несомненна преемственность с древнерусской письменной традицией в освещении античной истории, базировавшейся на византийской традиции, но обнаруживается целый ряд принципиально новых тенденций. В российских хронографах и «летописцах» совершенно не освещается классическая история Древней Греции (история древнегреческих полисов), в качестве греческой истории выступает история завоеваний Александра Македонского и эллинистических монархий. История древнего Рима представлена только царским периодом (чрезвычайно кратко) в его легендарном изложении и периодом империи (подробно), история римской республики практически отсутствует. Намного более строгое, чем в использовавшихся византийских и древнерусских источниках, отношение к античным мифологическим сюжетам, освещению проявлений язычества в античности (особенно в «Русском хронографе» с его полным отказом характеризовать греческие и римские божества как богов и богинь). В хронографе и летописце используется синхронизация (вслед за византийскими хронистами) событий римской и христианской истории. Симптоматично почти полное отсутствие освещения культуры античности.

Анализ обоих источников дает доказательства использования в российских хронографе и «Летописце Еллинском и Римском» библейской концепции «четырех царств», по которой «римское царство» – последнее из этих земных царств (отсюда последующие «второй», «третий Рим», но не какое-то иное «царство»), что было использовано для обоснования теории «Москва – третий Рим». Основы этой концепции изложены в библейской книге пророка Даниила, неоднократно цитируемой в «Русском хронографе» и «Летописце Еллинском и Римском», и имеются все основания утверждать, что именно по ней целенаправленно осуществлялся отбор материала по всемирной истории с древних времен и изложение ее хода. В полном соответствии с ней древняя история (помимо ее начала от сакральной обязательной ветхозаветной) представлена историей только четырех «земных» царств: вавилонского, персидского, греческого и римского. Средневековому человеку в его феодальной системе социальных связей был совершенно непонятен иной тип отношений между людьми в обществе, присущий в античности древнегреческому полису и римской цивитас. Отсюда и «греческое царство» представлено эллинистическими царствами, и римская история освещается лишь по «царям» и «кесарям». По концепции Даниила, последним из

земных царств будет римское, после чего наступит Страшный суд и царство Божье. Из этого вытекала невозможность существования никакого крупного («мирового») земного «царства» после римского. Его просто не будет. С этим, кстати, связаны и хилиастические (миллениаристские) обоснования 1000-летнего царства Божьего на земле таборитов, Томаса Мюнцера, анабаптистов, но церковью это объявлялось ересью. Поэтому претензии на новое мировое земное «царство» и обосновывались идеей «второго» и «третьего» Рима. Поскольку византийцы только себя характеризовали как ромеев (римлян) – в противовес варварам, уничтожившим Западную Римскую империю, то Византии в такого рода обоснованиях отводилась роль «второго Рима», а другие могли претендовать только на роль «третьего Рима». Идеологическая, теоретическая основа для таких претензий Российского государства была обоснована на античном историческом материале в «Русском хронографе».

В Западной Европе такого рода претензии выдвигались ранее – средневековыми германскими хронистами относительно Священной Римской империи, созданной Оттоном I в X в. Но важнейшее отличие заключалось в том, что ни для франков времен Карла Великого, ни для германцев Священной Римской империи «второй» и «третий» Рим не требовались. Город Рим непосредственно входил в состав этих имперских государственных образований. Германский хронист XII в. Оттон Фрейзингенский четко обозначает конец «римского царства» низложением Одоакром Августула с его императорскими регалиями вкупе с сообщением, что далее Одоакр правил как король [6, р. 317]. Но к кому же «перешло» «римское царство»? Сам Оттон сразу четкого ответа не дает, а продолжает свою хронику повествованием о приходе к власти у франков Хлодвиг и о возвышении франкской державы. Однако следует обратить внимание на два последующих важных сюжета в 5-й и 6-й книгах хроники Оттона. В 5-й сообщается о том, что Карл получил от папы римского Льва титул императора и Августа, и народ при коронации кричал славу ему как «императору римлян» [6, р. 363]. В книге 6-й – те же титулы от папы получает в Риме германский король Оттон, и хронист заявляет, что владычество римлян перешло от франков к германцам. Для убедительности он ведет четкий список императоров, игнорируя тех, кто в Италии правил «не совсем как император» [6, р. 383]. И снова это сопровождается изложением теории «четырёх царств» Даниила.

Итак, у Оттона можно наблюдать четкую матрицу библейской концепции «четырёх царств», которую использовали и византийские, и российские средневековые хронисты. Однако здесь имеется существен-

ное отличие. У Оттона отсутствует идея «нового Рима». Точнее, сам термин встречается при описании деяний Константина (при нем Константинополь стал «Новым Римом»). Но в каком контексте? Не в рассуждениях о «четыре царствах», а в принципиальном для епископа Фрейзингена моменте церковной истории. По рассуждениям Оттона, это означало, что церковь «нового Рима» (то есть – Константинополя) стала второй после римской, а церковь Александрии со второго места отошла на третье. И отсюда следует обескураживающий вывод Оттона – отныне суверенитет римлян распространился на греков [6, р. 283]. Значит церковь Рима получила право на верховенство над остальными христианскими церквями.

Однако византийцы считали именно себя «ромеями» (кстати, не византийцами, как мы привычно их называем), и, как показывают их хроники, они не видели серьезной необходимости в обосновании того, что Византия – это какой-то «второй Рим». Восточная Римская империя просуществовала почти все средневековье, она сама была Римской империей после падения под натиском варваров ее западной соседки в V в.

В соответствии с концепцией «четыре царств» в ее средневековой интерпретации в «Русском хронографе» представлена исключительно скупо и фрагментарно древнегреческая история. По сути дела, излагается лишь поход греков на Троию и дается краткий перечень греческих «мудрецов» классического периода древнегреческой истории (даже без пояснений о сферах их деятельности). Дается с очевидной целью связать их с величием Александра Македонского как «еллина» [2, с. 222]. Совершенно отсутствует история древнегреческих полисов. Средневековому читателю, существовавшему в системе связей феодального общества (из этих связей главной была зависимость личная и поземельная), была совершенно непонятной иная система связей между людьми в античном социуме: отношения равных в правах и перед законом граждан. В полисе не было сеньоров и вассалов, феодально-зависимых земледельцев, царей, королей, князей и чиновников. Рабами в полисе были иноземцы, сограждан нельзя было обращать в рабство. Представители власти были выборными (срок полномочий обычно один год, никакого вознаграждения за исполнение государственных обязанностей), подотчетными перед избиравшим их собранием граждан. Законы принимались не монархом, а собранием тех же граждан. Это было прямое народоправство, немыслимое для человека феодального социума. Не было ни власти отдельной от народа, ни вооруженной силы отдельной от на-

рода. Армия полиса – ополчение всех его граждан (отсюда и такое внимание граждан к физической подготовке). Нет сословия рыцарства, дворянства, дружинников, а воином является каждый. И как это можно было даже представить человеку феодального общества? История древнегреческих полисов была не просто неинтересна средневековому читателю либо писателю, она была просто совершенно непонятна. В России XV–XVI вв. (как и в других регионах Восточной Европы) феодальные отношения еще завершали свое формирование, в то время как на западе Европы они уже завершали свое существование. Поэтому и нет в «Русском хронографе» 1512 г. истории древнегреческих полисов. И вряд ли было возможно объяснить тогдашнему читателю, в чем же конкретно заключалась «мудрость» Перикла или Демосфена [2, с. 185]. Зато вполне была понятна история «царств», где история «греческого царства» начиналась с Александра Македонского [2, с. 222].

То, что в «Русском хронографе» и «Летописце Еллинском и Римском» была использована именно Даниилова теория «четырех царств», принятая христианскими отцами церкви (она есть уже у Киприана [7, р. 22]), свидетельствует и само изложение древней истории: очень подробное именно по истории Вавилонии, Персии, державы Александра Македонского и «римского царства». Остальные государства древности упоминаются лишь в контексте их контактов с выше названными. Кроме, конечно, истории Израйля и Иудеи. Но она (по крайней мере, до вавилонского плена) излагается как часть истории сакральной. При этом сама концепция «царств» предполагала внимание именно к монархиям, древнегреческий полис, республиканский Рим и современный ему олигархический Карфаген сюда явно не вписывались да и не были понятны средневековому уму. Так что «настоящая» история Греции для создателей хронографа и летописца начиналась совсем с иной эпохи. Эту часть истории античности историки в первой половине XIX в. назовут эпохой эллинизма.

Повествование об эпохе эллинизма в «Русском хронографе» строится в полном соответствии с комментарием к пророчеству Даниила о третьем звере с четырьмя головами. Помимо того, что это «Еллинское царство», основателем которого выступает Александр Македонский, там разъясняется, что четыре головы зверя означают то, что Александр разделит это царство на четыре части [2, с. 173]. А вот в «Летописце Еллинском и Римском» со смертью Александра и разделом его державы связывается другое библейское пророчество – Иезикииля о нашествии Гога и Магога [1, с. 178–179].

Разделение царства Александра в «Русском хронографе» изложено довольно противоречиво. Если еще до начала повествования об Александре Македонском в истолковании видения пророка Даниила о четырех зверях говорится о том, что царство Александра будет разделено на четыре части (Селевка, Деметрия, Птолемея и Филиппа), то в эпизоде смерти Александра – о его завещании разделить царство на четыре части, но уже во главе с Филоном, Селевком, Антиохом и Птолемеем [2, с. 213]. О не существовавшем завещании Александра Македонского говорится и в старобелорусском тексте «Александрии», но там приводится совершенно фантастический раздел царства на 11 частей, среди которых «Индия», «Угорское царство», «Муринское панство», Армения, «Далмация и Сицилия» [8, с. 111].

Интересно, что в византийской «Хронике» Малалы (хорошо известной еще в Древней Руси) без фантазирования о завещании Александра повествуется, что его владения были разделены на четыре «гопархии» [9], причем в точном соответствии с историческими реалиями. В византийской же «Хронике» Георгия Амартола говорится о разделе только на три части [5, с. 169]. И ни один из византийцев деление царства никак не связывает с пророчеством Даниила.

А в «Русском хронографе», едва заканчивается повествование о смерти Александра, следует изложение уже новой версии деления царства Александра. Вначале заявляется о пророчестве Даниила о четырех ветрах, которые предшествовали появлению четырех зверей. В главе 102-й «Русского хронографа» со ссылкой на четыре ветра этого видения Даниила утверждается: «Повести оуба нынешняя достоить послушати, яко истинна зело, како оуба смешишися 4 царства: 1-е Ефиопское, 2-е Македонское, 3-е Римляное, 4-е Греческое, яже соуть 4 ветри подь небесемь, еже виде Данииль» [2, с. 173, 213]. Эта сентенция кажется непонятной, особенно потому, что далее следует: «Оумерьшоу же Александроу, на десять частей оубо разделися царство его и по нем царствоваша четыре раби его: Филиппъ въ Македонии, Антиохъ же въ Европи, во Египте же Птоломей Заякливый, Сириею же и Финикию Селевкъ, инехъ шесть – инеми странами» [2, с. 213–214].

Здесь царство Александра оказывается разделенным на 10 частей, а не на четыре, как несколькими строками выше. Правда, вышеназванные четверо (теперь они уже «рабы» Александра) все же выделены из десяти. Эта четверка снова не совпадает с ранее изложенной четверкой диадохов из пророчества Даниила в этом же хронографе. Но зачем десять? И эти десять частей (так и не названных полностью), судя по всему, не

являются простым следованием тексту «Александрии» с ее одиннадцатью частями былого царства Александра. В этом убеждает продолжение текста хронографа. Но самое главное, что здесь обосновывается концепция Константинополя как второго Рима, причем абсолютно невероятными аргументами для современного историка или любого человека, знакомого с историей античности. Вот для чего понадобилось «смешение» четырех царств с отсылкой к четырем ветрам в видении пророка Даниила: «Вузъ же царь сотвори Византию, идеже последи созданы бысть Царьградъ, и посла къ Фолоу, царю Ефиопску, и поять дщерь его Алимпіаду, мать Александровоу, и роди отъ неа дщерь и назва Византиа. Бе же добра взором, и поать ю царь Римскій Армія и за вено дасть ей Римъ и того ради боляре Римстїи гневахоуся нань. Роди же Византиа три сыны: 1 по отчю имени Ермила, 2 Оурваніе, 3 Клавдіе, и по отце царствова: Ермила в Риме, Оурваніа въ Византии, въ матерне граде, а Клавдіе въ Александриі. Царство же Еллинское, рекше Греческое, хочеть быти ото Алимпіады, дщере Фола, царя Ефиопьскаго, еюже поять Воузъ царь, иже созда Византию, иже бысть мати градовомъ Греческаго царства. Последи же въ той Византии созданы бысть Царьградъ и нареченъ Новый Римъ» [2, с. 214].

Итак, совершенно фантастическая история с «эфиопским» (даже не с египетским как для Александра) происхождением матери Александра Олимпиады (принадлежавшей к царскому роду соседнего с Македонией Эпира), с вымышленным еще одним ее браком с неким «Возом». И ведь явно специально в «Русском хронографе» отсутствует эпизод из «Александрии» о том, что Павсаний силой заставил Олимпиаду выйти за себя замуж, – в хронографе ей «приготовлен» другой муж. А через не существовавшую никогда дочь Олимпиады Византию связанными тесно между собой через генеалогию «царских» родов оказываются Македония (Греческое царство), Рим (Римское царство) и Византий (Константинополь). Отсюда и Константинополь выступает как Новый Рим. Причем, что существенно: сама Византия представляется российскому хронисту (или хронистам) не просто как часть разделившегося позднее Римского царства, а начало ее возводится к тому самому «царству Еллинскому», основателем которого выступает Александр Македонский.

Весьма существенным представляется тот факт, что в созданном немного ранее «Летописце Еллинском и Римском» также изложена легенда о браке матери Александра с неким «Возом» и рождении от этого брака дочери Византии, вступившей в брак с «царем римским» с четким

обозначением, что Византий (будущий Константинополь) принадлежал Византии, а затем ее сыну от брака с «царем римским» [1, с. 179]. Но, в отличие от «Русского хронографа», в летописце еще отсутствует идея о Византии (Константинополе) как «новом Риме».

Следует отметить почти полное отсутствие в «Русском хронографе» и особенно в «Летописце Еллинском и Римском» интереса к тому периоду римской истории, которую историки определяют как Римскую республику. Очевидно, одна из главных причин такого отбора материала по древнеримской истории как византийскими, древнерусскими, так и средневековыми российскими историками заключается в кардинальной ментальной инаковости человека классического античного социума и человека средневекового социума. Сама эта инаковость (системы ценностей, социальных координат, смысла жизни даже поведенческих стереотипов и установок) обуславливалась принципиальным отличием связей людей в социуме: в римской цивитас (республике) – отношения равных между собой в правах и перед законом граждан, в средневековом социуме – отношения господства – подчинения. История цивитас как общества граждан, побудительные мотивы социальных процессов в нем, причины конфликтов и т. п. были во многом непонятны людям средневековья, жившим в совершенно иной системе отношений между людьми в обществе. Такую историю было гораздо труднее «адаптировать» для средневекового читателя, чем, например, историю Троянской войны греков, завоевания царя Александра Македонского или дворцовые перевороты и заговоры в Риме (сюжеты популярные в средневековых хрониках и других исторических сочинениях).

Отличительной чертой «Русского хронографа» равно как и «Летописца Еллинского и Римского» (с его особенностью, частого включения трудов отцов церкви по новозаветным сюжетам) является изложение правления почти всех римских императоров. В основном эти описания очень краткие с обязательным указанием длительности правления и обстоятельствами прихода к власти и оставления ее (убийства, перевороты, болезни и т. д.). Можно заметить, что для средневековых историков оказались чуждыми размышления позднеримских историков о состоянии Римского государства, его мощи или слабости при том или ином императоре, о попытках императоров укрепить государство либо о деяниях, приведших к его ослаблению.

Современного историка, конечно, шокирует отображение в «Летописце Еллинском и Римском» и «Русском хронографе» так называемого «кризиса III века»: простое перечисление имен императоров и обстоя-

тельств захвата власти и свержения. При этом крайне мало говорится о внешнем натиске на империю, поставившей ее на грань гибели. Эта катастрофа, по сути, игнорируется. Совершенно не видно почти случившегося распада империи, ожесточенной борьбы в самой Римской империи (кроме констатации имен победителей в усобицах). Ни слова о Пальмирском царстве на востоке Римской империи, ни о Галльской империи на ее западе. Внешняя политика изображена только как борьба с набегами «скифов» да война с Персией. Это резко контрастирует с античными историками (особенно «Авторов жизнеописаний августов»), а также Евтропия и Аврелия Виктора, где на них сделан главный акцент – Евтропий писал об «отчаянном положении дел и почти полном распаде римского государства» [10, с. 60]). В обоих российских средневековых сочинениях отводится больше места описанию ужасов эпидемии чумы, поразившей империю, чем смертельной внешней опасности для римской державы. Но главное место (особенно в «Летописце Еллинском и Римском») отведено христианским мученикам, отцам церкви и борьбе с ересями в христианстве, что соответствовало средневековой системе ценностей христиан-европейцев.

После разделения Римской империи внимание авторов летописца и хронографа сосредотачивается на Восточной Римской империи. В «Летописце Еллинском и Римском» из важнейших событий на западе лишь упоминается о взятии Рима вандалами, представленном как результат личных интриг императрицы Евдоксии [1, с. 342–343].

Взятие вестготами Рима в «Русском хронографе» лишь констатируется (никаких деталей и даты), напротив, взятие Рима вандалами Гензериха в 455 г. охарактеризовано как окончательная утрата независимой государственности Рима и подчинение его владычеству варваров: «И оубо Римъ държавы царьския до конца лишися и варварьскимъ ригамъ повинуся» [2, с. 285]. После этой фразы следует простое перечисление имен последующих западноримских императоров (среди которых назван и отец Ромула Орест), а о Ромуле («Ромиле») сказано: «последний сій» [2, с. 285]. При этом подчеркивается совпадение имен основателя и последнего императора Рима (однако без указания, что последний отрекся вовсе не в Риме, а в Равенне, давно бывшей резиденцией западноримских императоров). И следует вывод явно: «Сиа приключишася старому Риму, а нашъ же новый Римъ, Цариград, доить и растеть, крепиться и оmlаждаеться, буди же ему и до конца расти» [2, с. 285]. Пока это Рим второй – Константинополь.

Теория «Москва – третий Рим» в «Русском хронографе» еще отсутствует, но основа для «третьего Рима» уже подготовлена. Все изложение античной истории строится именно по ее каркасу с использованием Данииловой теории «четырех царств» с нанизыванием на нее отобранных для этого событий истории античности. Характерно, что в летописях и хрониках Великого Княжества Литовского концепция «четырех царств» отсутствует, не стала привлекательной и идея «нового Рима». Впрочем, даже падение Константинополя в 1453 г. в белорусско-литовском летописании осталось едва замеченным. О взятии турками Константинополя в 1453 г. имеются лишь краткие сообщения в «Краткой Волынской летописи» и в «летописи Панцырного и Аверки» [11, с. 367, 573].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Летописец Еллинский и Римский. Т. 1. Текст. С.-Петербург : Изд-во «Дмитрий Буланин», 1999. 512 с.
2. Русский хронограф. Ч. 1 // Полное собрание русских летописей. Т. 22. СПб. : Типография М. А. Александрова, 1911. 568 с.
3. *Творогов О. В.* Хронограф Русский [Электронный ресурс]. URL: http://russo.com.ua/slovar_knijnikov_i_knijnosti_drevney_rusi/page/hronograf_russkii.568/ (дата обращения: 10.03.2014).
4. *Творогов О. В.* Литература Древней Руси [Электронный ресурс]. URL: http://old-ru.ru/articles/art_47_5.htm (дата обращения: 28.09.2014).
5. *Матвеев В., Щеголева Л.* Временник Георгия Монаха (Хроника Георгия Амартола). Русский текст, комментарии, указатели. М. : Изд-во Богородский печатник, 2000. 543 с.
6. Otto of Freising. Two Cities. A Chronicle of Universal History to the Year 1146 A. D., by Otto, Bishop of Freising. New York : Columbia University Press. 2002. 560 p.
7. Thasci Caecili Cypriani opera omnia // Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum. V. III. Pars I. Vindobonae: Apud C. Geroldi filium bibliopolam Academiae, 1871. 462 p.
8. Александра. Похождение царя Александра Македонского // Беларускія Александрыя, Троя, Трышчан. Перакладная белетрыстыка Беларусі XV–XVII стст. Мінск : Беларуская навука, 2009. С. 33–198.
9. Johannes Malalas. Book 8 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.attalus.org/translate/chronicles.html> (дата обращения: 14.02.2015).
10. Евтропий. Краткая история от основания города // Римские историки IV века. М. : РОССПЭН, 1997. С. 5–73.
11. Летапісы і хронікі Беларусі. Сярэднявечча і раннемадэрны час. Мінск : АРЧЕ-Пачатак, 2010. 902 с.

*Хоронжичевски Вальдемар,
Роса Агнешка*

Университет Николая Коперника в Торуне (г. Торунь, Республика Польша)

К ГЛОБАЛЬНОМУ СООБЩЕСТВУ АРХИВИСТОВ¹

Начало формирования мирового сообщества архивистов можно рассматривать по-разному. Естественно, перемещение образцов, взаимное перенятие решений можно наблюдать еще в древности, которая отличалась великолепными архивами в Месопотамии, Египте, Греции и Риме². Можно, однако, указать несколько символических дат. Прежде всего – это появление первого печатного архивного трактата авторства Якова фон Раммингена в 1571 г. Вторая дата – выступление в 1815 г. Бартольда Георга Нибурга с предложенным им принципом территориальной pertinенции (принадлежности). Третья и, пожалуй, самая главная дата, это принятие в 1910 г. на Первом Всемирном Конгрессе библиотекарей и архивистов в Брюсселе принципа провениенции (происхождения) с рекомендацией его применения архивистам всего мира³.

Труд Якова фон Раммингена положил начало международному обмену зафиксированой в письменной форме архивной мыслью. Соблюдение связи документов с территорией, в результате управления которой появились архивные документы, нераздельность материалов с местом их хранения, несмотря на введущиеся войны и изменения границ государств, это первая из предложенных архивному миру ценностей. Мы не грабители архивных материалов для националистического ощущения блага отчизны. Архивные материалы всего мира могут рассчитывать на нашу заботу и опеку⁴. Принцип провениенции, наконец-то, обозначил требование к сохранению информации о контексте создания архивных материалов. Каждый документ должен оставаться в той части архивного фонда, в которой находился на регистрационном этапе. Это означает установление универсального языка касательно архивного порядка, уважающего каждое разнообразие, отразившееся в

¹ Пер. с пол. Виктории Денисовой

² Ср.: M. Rokosz, *Archiwa w państwach starożytnych*, Archeion, t. 53, 1970, s. 59–82.

³ B. Ryszewski, *Archiwistyka. Przedmiot, zakres, podział (studia nad problemem)*, Warszawa – Poznań 1972, s. 15–41 (раздел: *Zarys rozwoju archiwistyki*).

⁴ W. Chorążyczewski, *Terytorialność archiwaliów i jej aspekt informacyjny*, [w:] *Dom otwarty/dom zamknięty? Lekcje pogranicza, Europa Środkowo-Wschodnia (XX/XXI w.)*, red. B. Górczyńska-Przybyłowicz, Poznań 2014, s. 77–94.

архивных документах. Архивные материалы сами подсказывают, как они должны быть упорядочены. Архивные материалы надо чувствовать, проникнуться их духом. Каждый архивист во всем мире, перед которым поставлена задача упорядочить данные архивные дела, выполнит задачу похоже, если только правильно истолкует эти материалы, если только позволит, чтобы архивные документы его направили. Также каждый пользователь архивов по всему миру поймет, что сделал архивист, и тем самым с легкостью найдет необходимую информацию, обладая лишь сведениями о строе. Только или аж столько? Потому что пользование языком провениенции изначально предполагает освоение этого языка. Данный язык не является простым. Провениенция посвящает, облегчает пользование архивными документами, но также дисквалифицирует тех, кто не погружен в данный образ мышления, тех, кто хотел бы получить результат автоматически после произнесения волшебного заклинания, которым является имя, географическое названия или название предмета¹.

Язык принципа провениенции паразитительно напоминает базовую ценность иного глобального сообщества – историков. Это не случайно. Архивисты, пропагандирующие принцип происхождения – это историки. Исторический метод, который сформировал критическую историю, университетскую, заставляет их искать ответы на вопрос о происхождении информации, ее подлинности и достоверности. Архивные материалы – это исторические источники, которые можно профессионально использовать лишь при условии критического к ним подхода, но архивные материалы – это массовые источники, а критика источника была разработана для текстов раннего средневековья – редких и единичных, не входивших в сложную интеракцию с другими текстами.

Массовые архивные материалы более позднего времени требовали других способов их исследования. Методы исследований по документоведению (генетика документа) и реконструкции архивотворческого процесса вышли им навстречу, формируя дипломатику нового времени или предлагая познавательный кондоминиум архивоведения и дипломатики. Данное методологическое развитие не было бы возможным без

¹ Он же, *Zasada proveniencji w polskiej myśli archiwalnej do 1939 roku*, [w:] *Toruńskie Konfrontacje Archiwalne*, t. 2, *Teoria archiwalna : wczoraj, dziś, jutro*, red. W. Chorążyczewski, A. Rosa, Toruń 2011, s. 101–137; ср. тот же, *Archiwum jako wykluczenie, czyli o pradawnych funkcjach archiwów*, [w:] *Nowe funkcje archiwów*, red. I. Mamczak-Gadkowska, K. Strykowski, Poznań, 2015, s. 21–27.

принятия за основу в архивной практике принципа происхождения, который не является ничем иным, как подготовкой к критике исторического источника – передаче пользователю данных о происхождении информации, записанной в архивных материалах: кто, когда и где её создал. Таково значение так называемого контекста происхождения документальной ретроспективной информации.

К сожалению, XX в. принес конфликт между надгосударственным глобальным сообществом архивистов и национальными обществами, к которым по рождению и ощущениям архивист принадлежит. Не без значения в данном случае имело ключевое сомнение, связанное с принципом территориальной пертиненции (принадлежности): какого именно уровня структуры архивного фонда он касается? Уровня документа, архивной единицы, серии или архивного фонда? А может, рекомендует соблюдать неприкасаемость целых архивных фондов? Уже в XIX в. было понятно, что необходимо соблюдать неразрывность документов и архивных единиц как единого целого, равно как физического, так и подчиняющегося самым основным требованиям по управлению архивным фондом. Однако, как трактовать в таком случае серии и архивные фонды? Является ли архивный фонд неделимым? А что, если фонд был создан в результате управления более чем одной административно-территориальной единицей либо, что еще хуже, целым государством? Национальные интересы заявили о себе и во многих случаях стали преобладать. Особенно, это было заметно в молодых странах, возникших в результате распада старых империй после первой мировой войны или государствах постколониальных, где победила концепция, гласящая, что в международных отношениях территориальная принадлежность имеет преимущество над принципом происхождения, и в связи с этим можно дробить архивные фонды, разделяя его серии между разными государствами, которые ранее были под единым управлением, так как данные серии образовались в результате управления их территорией и на данной территории должны храниться. Является ли делом случая, что в «старых» странах аргументировалось обратное, подчеркивая приоритет принципа происхождения и невозможность понимания архивных документов после нарушения, путем отрыва, их первоначальной целостности? По существу, на сегодняшний день в этом вопросе есть бесспорное согласие, хотя это вовсе не означает, что тогдашние мотивы поддерживать подобную точки зрения были лишены национальных интересов¹.

¹ Он же, Terytorialność, там же.

Опыт тоталитаризма первой половины XX в. склонил международное интеллектуальное сообщество к поиску универсальных решений, всеобщих ценностей, не приписанных к отдельным народам, рассоренным между собой, которые можно бы было предложить и воплотить в жизнь. Единый принцип должен был обеспечить архивный порядок. Единая формальная платформа должна была этот порядок предложить. Такой платформой стал Международный совет архивов (1948) вместе со своим первенцем – Международным конгрессом архивов (1950)¹. Первоначально необходимо было разобраться со взаимоотношением архивных принципов. Данный вопрос был решен в пользу провениенции до такой степени, что слово «пертиненция» было предано забвению. Территориальная провениенция предписывает сохранение или возвращение архивных фондов на территорию, где они были созданы. Функциональная провениенция (которая, правда, называется также «территориальной пертиненцией», но как термин второстепенный) позволяет передавать регистратуру наследникам административных функций на данной территории². Происхождение фонда влияет на решение о способе его упорядочения³. Недробимость архивного фонда, который правильно архивирован, то есть в соответствии с территориальной принадлежностью данного архива, является высшей ценностью и подсказывает правильное решение при возникновении проблемы размещения в случае, если бы территориальное подчинение архива изменилось, а в результате этого архивный фонд перешел бы частично в территориальное подчинение другого архива. Деление такого фонда не допускается, он должен оставаться в том архиве, в котором произошла его архивация. Таким образом, зарождается концепция исторического фонда, об уважении к которому, как к определенной исторически сформированной целостности, начали задумываться уже в первой половине XX в. Такое уважительное отношение подсказывает еще одно решение. Если, в связи с изменением территориального подчинения архива, он преобразуется таким образом,

¹ L. Chajm, *Międzynarodowa Rada Archiwów – międzynarodowe forum archiwalne*, Archeion, t. 63, 1975, s. 189–207; N. Borzęcka, *Międzynarodowa Rada Archiwów – organizacja i działalność*, Teki Archiwalne. Seria nowa, t. 10, s. 157–178.

² Dictionary of archival terminology. English and French with equivalents in Dutch, German, Italian, Russian and Spanish, ed. by P. Walne, compiled by F. B. Evans, F. J. Himly, P. Walne, München 1984, s. 226.

³ Ср.: The Principle of Provenance. Report from the First Stockholm Conference on Archival Theory and the Principle of Provenance 2–3 September 1993, Stockholm 1994, s. 207.

что территориально данный архивный фонд полностью перейдет в территориальную компетенцию иного архива, не того, в котором произошла архивация данного фонда, то вовсе не обязательно думать о перемещении всех фондов. Конечно, это бы не нарушило их неделимости, но принесло бы ущерб целому фонду архива. Стабильность в распределении является не только выгодной с информационной точки зрения, но также устраняет возможные архивные споры. Уважение к исторически сформированному архивному фонду является очередным достижением, выработанным международным сообществом архивистов. Однако, чтобы оно успешно функционировало, необходимо разработать модель совместной опеки над архивными документами, в которых заинтересованы различные страны, а также создать модель всеобщего доступа ко всем архивным материалам в мире. В противном случае, оставляя «наши» архивные материалы в «чужих» руках, может возникнуть чувство утраты доступности к источникам самосознания¹.

Общая забота об архивных материалах, в которых живо заинтересованы две или несколько стран, была изложена ЮНЕСКО в концепции общего архивного наследия². Она предполагает, что архивные материалы, которые были правильно архивированы, должны остаться на своем прежнем месте – не может быть и речи о дроблении фондов и разделении архивов. Данная концепция, однако, не может быть применима к похищенным или перемещенным в результате эвакуации архивным материалам, которые вследствие этого остались на чужой территории. Эти две группы архивных материалов должны быть возвращены владельцам в соответствии с принципом территориальной провениенции. Таким образом, цивилизованно устранив законные основания для международных претензий, приступаем к определению понятия архивных материалов, которые должны подлежать правовому институту общего архивного наследия. Здесь можно выделить две сферы с единым центром. Внутренняя сфера будет включать в себя архивные материалы, в отношении которых возникает общая собственность. Здесь речь идет в основном о фондах, созданных центральными органами власти и администрацией государства, которое позже было разделено границей, а также фондах, созданных мест-

¹ W. Chorążyczewski, Terytorialność, там же.

² См.: W. Stępniaк, Sukcesja państw dotycząca archiwaliów, Warszawa – Łódź 1989, s. 83; он же, Klauzule archiwalnej konwencji wiedeńskiej z 8 IV 1983 r., Archeion, t. 79, 1985, s. 5–38; он же, Tradycyjne metody rozstrzygania międzynarodowych sporów archiwalnych, Archeion, t. 106, 2003, s. 38–46.

ными органами власти и органами управления территориями, которые были впоследствии разделены государственной границей или которые целиком вошли в состав другого государства. Внешняя сфера – это все архивные фонды (или их фрагменты), с которыми страна, ими не владеющая, ощущает культурную взаимосвязь. Хотя данное определение не совсем точно, но этого должно быть достаточно. Ощущение взаимосвязи может со временем измениться. Касается это архивных фондов, созданных в результате действий органов «нашего» государства на территории, откуда это государство ушло, деятельности органов местного самоуправления, состоящих из наших соотечественников, функционирующих в рамках «нашего» законодательства, религиозных, общественных организаций, школ, предприятий, дворянских усадеб, семей и лиц, функционирующих в рамках «нашего» общества, с решающим участием наших соотечественников. Подробно выделенные материалы, вплоть до архивной единицы хранения, объединенные в рамках института совместного архивного наследия, должны дожидаться общей опеки двух или более сторон. Понятие опеки включает в себя: хранение, консервацию, микрофильмирование, оцифровку, обработку, работы по редактированию, создание научно-справочного аппарата и публикацию на тему данных архивных материалов. Опека имеет аспект как мериторический (стратегия деятельности), так и финансовый (привлечение средств для общих мероприятий). Все эти договоренности необходимо прописать в международном договоре, а его соблюдение должно быть гарантировано регулярным сотрудничеством как коллегиальных органов, созданных для реализации договоренностей, так и отдельных лиц – таких своего рода архивных «консулов» в странах, сотрудничающих с нашей.

Не менее важным, благодаря концепции общего наследия, является формирование чувства общей ответственности за архивные материалы, хранящиеся за пределами наших стран. В случае опасности ограничим ли мы наши действия по оказанию помощи архивам только спасением «наших» материалов, которые находятся за рубежом? Концепция общего архивного наследия – это огромный шаг на пути к формированию опекунской позиции в отношении всего мирового архивного фонда. Уже в рамках общего наследия заложена идея помогать более слабому, бедному для собственной, хорошо понятной, выгоды. Спасая «чужие», мы спасаем «свои». Отсюда остается только шаг к проекту Международного совета

архивов «Архивная солидарность» («Archival Solidarity»)¹. Диагностированные проблемы архивов в странах более бедных могут быть решены благодаря финансовой поддержке, которой располагают или которую получают богатые страны, имеющие более легкий доступ и больше возможностей на получение средств из государственных и международных бюджетов. Конечно, вопрос не только в деньгах и не только в реализации конкретных задач в рамках проекта, но также в долгосрочной, а более того, сущностной, профессиональной, технологической помощи. Речь идет о помощи в общем, постоянно, даже вне проекта и после его окончания. Речь идет о всеобщем согласии с тем, что архивная солидарность является значимой в системе ценностей мирового сообщества архивистов.

Как оказать сущностную поддержку более слабым и параллельно задействовать всех архивистов, равно как из богатых стран, имеющих в большей степени развитую науку об архивном деле, так и из небогатых и, пожалуй, познающих архивоведение как совокупность профессиональных действий и специального порядка? Международные стандарты архивного описания документов (ISAD, ISAAR, ISDIAH, ISAF) – это обмен знаниями, навыками, опытом². В то же время это совершенствование языка провениенции, как универсального средства коммуникации между архивистами во всем мире. Внедрение стандартов архивного описания в настоящее время требует обеспечения архивистов инструментом в виде бесплатной информационной системы, как среды, в которой данные стандарты функционируют. Эта задача должна быть решена с помощью авторизованной Международным советом архивов системой АТОМ, то есть Access to Memory³.

Оглашение на Международном конгрессе архивов в Пекине в 1996 г. «Этического кодекса архивистов» наконец ввело в общественный оборот

¹ Cp.: R. Alberch, P. Carbonell, M. Corominas, M. Carme Martínez, M. Fèlix Roncero, R. Saball, L. Ureña, *Archivists Without Borders, a challenge for international archival solidarity*, Revista Lligall, nr 21, 2003, <https://arxiv.org/index.php/documents/publicacions/revista-lligall-1/lligall-21-1>, (дата обращения: 29.06.2018); см. также: *Archival Solidarity*, <http://archivalsolidarity.net/home.php> (дата обращения: 29.06.2018)..

² См.: A. Laszuk, *Moduły, poziomy i elementy, czyli opis archiwalny*, [w:] *Wokół metodyki archiwalnej. Księga dedykowana prof. Wiesławie Kwiatkowskiej w sześćdziesiątą piątą rocznicę urodzin*, red. W. Chorążyczewski, A. Rosa, M. Zmudziński, Toruń 2018, s. 135-154.

³ Cp. *AtoM: Open Source Archival Description Software*, <https://www.accesstomemory.org/en/>, дата доступа: 29.06.2018.

систему ценностей, которую чтит мировое архивное сообщество¹. Такими ценностями, коротко говоря, являются уважение к контексту создания архивных материалов (происхождение и размещение без разрыва архивной, натуральной целостности), стремление к максимально возможной доступности архивных материалов, абсолютное равенство всех людей в доступе к архивным материалам (вторую и третью мы уже предлагали заключить в новую, выведенную формулу, определенную как принцип публичности архивов)². Схожая профессиональная подготовка, схожий способ мышления архивистов всей Земли должны также усилить явление профессиональной мобильности, перемещение архивистов по странам всего мира³.

Упомянутое в предыдущем абзаце стремление к максимизации доступа к архивным материалам, начиная с середины XX в., было и остается предметом внимания и беспокойства международных архивных органов. На международном уровне вопросами унификации нормативов и правил, касающихся пользования архивами, либерализации доступа, ведения архивами образовательной и культурной деятельности, занялся уже в первые годы своего существования Международный совет архивов, который отметил данные вопросы как чрезвычайно важные для создания сообщества архивов и архивистов, не взирая на этнические, национальные различия, или различия, вызванные государственными границами. Особенно при унификации правил, связанных с предоставлением доступа к архивному фонду, были усмотрены возможности для равномерного развития архивов, а также для минимизации претензий и архивных споров. Несмотря на то, что обычно данная проблематика не была доминирующей, однако на конференциях Круглого стола архивов, ежегодных конференциях МСА и на меж-

¹ Kodeks Etyczny Archiwistów uchwalony na XIII Międzynarodowym Kongresie Archiwów w Pekinie, *Archiwista Polski*, 1997, nr 1, s. 10–14; W. Stępnia, Etyczne aspekty zawodu archiwisty, *Archiwista Polski*, 1997, nr 1, s. 15–17.

² W. Chorążyczewski, A. Rosa, Zasada publiczności archiwów nowym paradygmatem archiwistyki, *Archiwista Polski*, r. 15, 2010, nr 3 (59), s. 23–42; те же, Is the public principle a new paradigm of archival science?, *Archiwa – Kancelarie – Zbiory*, nr 5 (7), 2014, s. 11–21; A. Rosa, Zasada publiczności archiwów. Jedna zasada, różne interpretacje, [w:] *Toruńskie Konfrontacje Archiwalne*, t. 2, s. 21–54.

³ European Conference on Archives. *Archivist: Profession of the Future in Europe*, Warsaw May 18–20, 2006, ed. W. Stępnia, Warsaw 2006, s. 358.

дународных конгрессах архивов, данные вопросы достаточно часто концентрировали внимание¹.

В первую очередь акцент направлялся на формы участия архивов в культурной жизни общества, на влияние, которое архивы могут оказывать не только на формирование молодежи, но и на общество в целом, а также на возможность использования архивных фондов для реализации потребностей различных заинтересованных данными фондами и содержащейся в них информацией групп. На первый план, однако, выносился вопрос унификации на международном уровне норм, касающихся условий пользования архивами². Параллельно предпочтение отдавалось таким решениям, которые бы облегчали исследователям пользование архивными документами, например, массовое микрофильмирование архивного фонда либо разработка стандартов и руководств по проведению зарубежных выставок и временного обмена документами между государствами.

Первоочередным намерением было сокращение периода замещения архивных материалов. В планах было уменьшение этих сроков до 20–30 лет, а затем, при отсутствии каких-либо правовых препятствий, касающихся защиты государственной тайны или персональных данных, их полная ликвидация. Наряду с этим предпринимались усилия, связанные с расширением прав пользователей, и в первую очередь с возможностью самостоятельного проведения исследований в архиве и поиске архивных документов, ограничивая контроль соответствия заказанных документов с заявленной темой, а также контроль заметок и выводов из собранного материала. Усилия были приложены также в стремлении к уравниванию прав различных групп пользователей: граждан и иностранцев, ученых и не ученых, а также людей с ограниченными возможностями, так, чтобы место хранения архивных материалов не влияло на возможность по их использованию. Важным аспектом в этом стремлении стал вопрос оптимизации условий работы для пользователей в архивах, оборудования читальных залов, а также внедрения государственных, а затем и международных информационных систем, соз-

¹ См. тексты, изданные в 50-е гг. XX в. в периодических изданиях МСА: *Archivum*, *Janus*, *Comma*. См. так же: Н. Barczak, *Międzynarodowa Rada Archiwów w sprawie liberalizacji dostępu do materiałów archiwalnych*, *Archeion*, t. 50, 1968, s. 269–271.

² Н. Altman, *Zadania archiwów w świetle konferencji archiwów w Zagrzebiu*, *Archeion*, t. 28, 1958, s. 3–9.

дание которых стало возможным благодаря разработанным международной средой стандартам описания.

Увенчанием работ по всеобщей либерализации доступа является разработка международной средой архивистов, действующей в рамках Международного совета архивов, а затем и утверждение этой средой трех документов, которые официально выражают позицию открытой доступности к архивам, это ранее упомянутый «Этический кодекс архивистов» 1996 г., «Всеобщая декларация архивов»¹ 2010 г. и международный стандарт по предоставлению доступа, т. е. «Принципы доступа к архивам» (Principles of Access to Archives)² 2012 г. Эти документы в первую очередь подчеркивают значимость доступа как элемента общей ответственности за архивы, указывают на открытую доступность к архивам, которая продвигает демократию и усиливает роль архивистов в обществе³.

В результате установления общих ценностей, с которыми соглашаются те, кто приписывает себе гордое звание «архивист», образовалась глобальная республика архивистов. Повсеместные общества не являются чем-то новым. Ведь можно делить человечество по-разному. Языковые или этнические общины не являются единственной возможностью объединения в группы, единственным способом почувствовать связь и понимание. Республики людей мыслящих или ученых в истории повторяются. Возникает вопрос, на который каждый образованный человек, склонный к рефлексии, должен себе ответить: являюсь ли я больше членом национального сообщества или представителем наднациональной общины мыслящих людей? Чем являлась община схоластиков, а чем община гуманистов Эпохи Возрождения? А чем же иным была республика просвещенных эрудитов XVIII в.?⁴ Иной была республика историков, сформированная в XIX в., историков университетских, прагматичных, свободных от услужливости королям, герцогам, князьям, городам и монастырям?⁵ Иным сегодня явля-

¹ Universal Declaration on Archives, <https://www.ica.org/en/universal-declaration-on-archives>, доступ: 2.07.2018.

² Principles of Access to Archives, https://www.ica.org/sites/default/files/ICA_Access-principles_EN.pdf (дата обращения: 2.07.2018).

³ D. Grot, *Ku przeszłości otwartej. Dostępność archiwów państwowych w Polsce w latach 1918–2014*, Warszawa 2015, s. 265–275 (раздел: Dorobek Międzynarodowej Rady Archiwów).

⁴ К. Pomian, *Europa i jej narody*, Gdańsk 2009, s. 353.

⁵ В соответствии с идеалом этой республики каждый историк, перед которым поставлена подобная проблематика исследований, выберет одинаковые источники, сделает одинаковые выводы, а результаты своих исследований опи-

ется сообщество людей, использующих научные теории как основу мировоззрения? Что объединяет людей, считающих теорию эволюции как основу для понимания мира и происходящих в нем изменений с людьми, придерживающимися мысли креационизма? Язык? Государство? Этого слишком мало и это слишком случайно, незаслуженно.

Предпочтение принадлежности к наднациональной общности архивистов подразумевает, что в определенных ситуациях может возникнуть необходимость архивного непослушания¹. Готовность к применению данного на практике является также ценностью, которая конституирует Архивиста. Непослушание является трудным, рискованным. Ни одна власть не будет этого терпеть. По возможности, однако, нужно воспротивиться политическим или бюрократическим решениям, угрожающим безопасности архивного фонда: «своего» и «чужого», вплоть до бойкотирования распоряжений, направленных на грабеж, перемещение, уничтожение архивных материалов.

«Счастье дает друзей, несчастье их испытывает», так латинским изречением можно определить принадлежность к глобальной республике архивистов. Экстренной ситуацией является война, когда национальные общины оказывают по отношению друг к другу враждебность в действии и в поведении. Всеобщая система ценностей наказывает архивисту участвовать в работе активной архивной службы в тылу, чтобы сохранить всемирное архивное наследие, которое является общим достоянием, однако, не для того, чтобы данное наследие грабить, уничтожать или, быть может, использовать в качестве источника информации о наиболее активных представителях «вражеского» народа

шет одинаково. Не напоминает ли это утверждение, что каждый архивист упорядочит каждый фонд подобно, а каждый пользователь, знающий язык происхождения, поймет труд архивиста? Эта аналогия не случайна. С середины XIX в. практически только историки являются архивистами и именно они создают архивоведение. Это историки нуждаются в комплексе источников, сконцентрированном и широко доступном; историки нуждаются в публичных архивах, которые бы хранили и по возможности всем и все позволяли использовать. Историки нуждаются в архивистах, уважающих те же ценности.

¹ Данный мотив можно отыскать в новой книге Здислава Хмелевского, см. Z. Chmielewski, *Problemy archiwistyki podzielonej Europy. Selekcja i opracowanie dokumentacji 1918–1991*, Warszawa 2017, s. 355. Верность общим ценностям вопреки общей политике властей была фактором, замедляющим (в Восточной Германии) или препятствующим (в Польше) введению так называемого марксистско-ленинского архивоведения.

для их ликвидации или преследования¹. Представитель глобальной республики архивистов будет также сотрудничать с оккупационными архивными службами для спасения находящихся под угрозой уничтожения архивных документов, даже если это поставит его в неловкую ситуацию: бойкот товарищей или нападки со стороны органов своего государства, а после успешного отпора, оказанного оккупанту, даст свидетельство истины, несмотря на то, что всеобщая воля его народа получить реванш, не позволит оглашать какие-либо факты, выставляющие в выгодном свете бывшего оккупанта². Архивист «глобальный» не будет способствовать начинаниям своих властей и соотечественников, которые во благо народа, создают крайне опасную ситуацию для архивного фонда. Архивист будет, пожалуй, первым, кто скорее уступит город, чем будет его защищать до последнего, но тем самым спасет архивные материалы³.

Естественно, членство в мировом сообществе архивистов предполагает не только позицию сопротивления и несения помощи, когда всемирное архивное наследие находится под угрозой. Это также полезные действия в благословенное мирное время. Это каждодневный труд по созданию архивного фонда еще более понятным и доступным для каждого заинтересованного лица, это оказание помощи в преодолении барьеров, которые обязательно присутствуют, когда заинтересованное лицо желает воспользоваться архивными материалами, это создание образа дружественного архива для пользователей архивными документами. Это также продвижение и распространение самыми яркими консулами всего мирового архивного фонда, а также объектов, имеющих особое значение для человечества, как это происходит в рамках программы «Память Мира»⁴.

¹ E. Rosowska, Wstęp, [w:] Polska – Białoruś. Wspólne dziedzictwo historyczne. Przewodnik po materiałach archiwalnych 1918–1939, t. 1, Archiwum Państwowe Obwodu Brzeskiego, Archiwum Państwowe Obwodu Grodzieńskiego, oprac. i red. nauk. E. Rosowska, A. Smalanczuk, A. Wabiszczewicz, A. Wielikij, Warszawa 2013, s. 5–23.

² W. Suchodolski, Archiwa polskie za okupacji (1939–1945), Archeion, t. 17, 1948, s. 54–83.

³ P. Bańkowski, Archiwista na powstańczym Żoliborzu. Wspomnienia sierpień – wrzesień 1944, oprac. A. Chodkowska, Warszawa 2014, s. 194; K. Siuda, Archiwista na powstańczym Żoliborzu. Dziennik Piotra Bańkowskiego z perspektywy egodokumentalnej, Archiwa – Kancelarie – Zbiory, nr 7 (9) 2016, s. 209–213.

⁴ Pamięć państw i narodów: lista światowa Programu UNESCO Pamięć Świata, oprac. B. Berska, W. Stępnia, Warszawa 2011, s. 344.

Чикалова И. Р.

Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка / Институт истории НАНБ (г. Минск, Республика Беларусь)

«СТАРЫЙ ПОРЯДОК» И РЕВОЛЮЦИЯ КОНЦА XVIII в. ВО ФРАНЦИИ В ТРУДАХ РОССИЙСКИХ ИСТОРИКОВ РУБЕЖА XIX–XX вв.

Страноведческие направления в российской историографии развивались по мере складывания в Санкт-Петербурге, Москве, Киеве, Харькове научных школ в области всеобщей истории, в связи с чем новыми именами (Б. Н. Чичерин, В. И. Герье, М. М. Ковалевский, Н. И. Кареев, И. В. Лучицкий, Г. Е. Афанасьев, П. Н. Ардашев, А. М. Ону, А. А. Боровой, Е. В. Тарле, В. А. Бутенко, Э. Д. Гримм, Н. И. Кулябко-Корецкий, Е. И. Утин, Н. А. Осокин, И. Н. Бороздин, В. Ф. Дерюжинский, В. А. Бутенко, П. А. Кропоткин, П. Г. Мижуев и др.) прирастало и франковедение. Бурные события во Франции оказали большое влияние на политические процессы в странах Европы. Ее история открывала широкий простор для изысканий: через раскрытие явлений, определявших особенности политической и социально-экономической эволюции Франции, российские историки пытались объяснить общеевропейские закономерности развития.

Одно из первых мест в числе исследователей «старого порядка» занимает *Павел Николаевич Ардашев*. Он работал во многих университетах. По утверждению В. П. Бузескула, Ардашев скончался в Минске в 1922 г. И. В. Тункина отмечает, что с 1922 г. он жил в Минске [4, с. 173, 487]. По другим сведениям, он с декабря 1923 г. по июнь 1924 г. был профессором новой истории в Витебском педагогическом институте. Основные научные интересы Ардашева были связаны с исследованием провинциальной администрации во Франции в царствование Людовика XVI – последнюю пору «старого порядка», предшествовавшую революции. Результатом его двухгодичной командировки во Францию стало объемное, почти в 1400 страниц, двухтомное исследование «Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка» [1].

Провинциальную администрацию Ардашев изображает на общем фоне дореволюционной Франции, что дало основание Н. И. Карееву назвать этот труд «целой энциклопедией в отношении старого порядка» [9]. Ардашев показал, что в эволюции дореволюционной Франции следует различать различные этапы развития и особенности отдельных

территорий, поскольку в «старом порядке» проходили перемены, «совершалась внутренняя эволюционная работа». Она проходила не столько в результате проводимых реформ и введения новых законодательных норм, сколько вследствие не зависящих от законодателя фактических изменений в самом порядке вещей: «законы были все те же, но не те порядки; те же учреждения, да люди другие». «Другие» – это значит проникнувшиеся духом просвещения. В отличие от предшествовавших ему исследователей, Токвиля, например, Ардашев показал французскую провинцию не инертной и застывшей, а склонной к умственной жизни и прогрессу. В оценке В. П. Бузескула, «по полноте и широте исследования, по документальности и массе нового «Провинциальные интенданты» П. Н. Ардашева не имели себе равного труда даже во французской литературе» [4, с. 175].

Ученик Н. И. Кареева приват-доцент Санкт-Петербургского университета *Александр Михайлович Ону (Onou)* создал ряд трудов об истории предреволюционной Франции. В монографии о наказаниях третьего сословия он обратился к анализу исторической обстановки в стране накануне выборов 1789 г. в Генеральные Штаты [32]. Историк задался целью выяснить, насколько достоверно наказания отражают настроения различных сословий накануне переворота. Обращаясь к наказаниям крестьян, он установил, что деятельное участие в их составлении принимали священники и судейские чиновники, вообще образованные люди. Ону пришел к выводу, что, преломившись сквозь призму миросозерцания редакторов из числа «умных господ», наказания утратили под политической фразеологией настоящие мысли и подлинные чувства тех избирателей, от имени которых они составлялись. Но Ону склонен находить в наказаниях и позитивную сторону: «если брать наказания шире и уметь при этом читать иногда между строк, то окажется, что они удивительно верно отразили сущность той работы, которая происходила во французских умах, и то направление, которое принимала их воля накануне великого переворота» [32, с. 706]. И. В. Луцицкий признал книгу Ону «одним из самых выдающихся трудов по истории Франции XVIII в.» [23], а Академия наук удостоила его премии.

Одним из тех, кто своими историческими трудами внес крупный вклад в изучение французской истории эпохи «старого порядка», был *Алексей Алексеевич Боровой*. Основной труд Боровой – написанная на основе архивных материалов книга «История личной свободы во Франции» [2]. Боровой рассмотрел историю личной свободы через эволюцию законодательных актов, принятых во Франции с середины XVII в. до

переворота 18 брюмера (9 ноября 1799 г.). Историк тщательно разобрал роль парламента, работу тюрем и разрушительную роль угнетения личной свободы при Людовике XVI. Далее он концентрирует внимание на событиях, имевших важное значения для законодательного закрепления прав французских граждан. Ими Боровой считает указы, рассмотренные Генеральными Штатами в 1789 г., конституции 1791 и 1793 гг. и практику их применения в области защиты личной свободы. Во 2-й части книги подробно исследована работа Конвента и Директории. В целом автор наглядно представил эволюцию идеи личной свободы во Франции, ее отражение в законодательных актах.

В работах российских исследователей большое место занимала разработка вопроса об аграрных отношениях накануне и во время французской революции XVIII в. Николай Иванович Кареев в книге о крестьянах и крестьянском вопросе во Франции в последней четверти XVIII в. подробно описал положение французского крестьянства, показал его расслоение, охарактеризовал аграрное законодательство в годы революции, утверждал, что мелкая крестьянская собственность во Франции возникла в результате революции [10]. Книга, а это была магистерская диссертация Кареева, изданная и защищенная им в 1879 г., имела большой успех в Западной Европе. По предложению знаменитого французского историка Фюстель де Куланжа Кареев составил краткое изложение своей книги на французском языке, оно было напечатано в трудах Академии.

К вопросу о крестьянском землевладении накануне и во время революции XVIII в. обратился *Иван Васильевич Лучицкий*. Он в течение 20 лет, с 1894 г. и вплоть до начала Первой мировой войны, ежегодно приезжал во Францию для работы в архивах. Им было обследовано более 20 провинциальных архивов, собрано и сделано достоянием науки огромное количество неизданных документов. Итогом стала публикация нескольких книг и статей [24–29]. Труды Лучицкого были хорошо известны во Франции, многие его книги перевели на французский язык и заслужили высокую оценку французских учёных.

На основе податных списков, кадастров, описей и актов продажи Лучицкий доказывал распространённость крестьянского землевладения еще до революции. По его подсчетам, в большинстве провинций крестьяне владели 1/3, а в некоторых местностях даже 3/5 земли. Перед революцией, как выяснил Лучицкий, шло не уменьшение крестьянской собственности, а ее рост при одновременном увеличении раздробленности. Не было ни одной группы крестьянства, даже самой бедной, кото-

рая не владела бы клочком земли. Дворянство имело около 1/3, а духовенство – около 1/10 земельных площадей. По Лучицкому, революция, хотя не помешала переходу части собственности в руки крестьян, но и не решила земельный вопрос: возможность помочь безземельной и малоземельной массе сельского населения не была использована.

Вслед за Н. И. Кареевым и И. В. Лучицким проблемой земельной собственности во Франции занялся *Максим Максимович Ковалевский*. Ему принадлежат фундаментальные труды «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения», «Происхождение современной демократии» (в 4 т.), «Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства» (в 3 т.), «От прямого народовластия к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму» (в 3 т.) [15; 16].

К проблеме крестьянского вопроса во Франции накануне и во время Французской революции Ковалевский обращался в ряде трудов. Кроме «Происхождения современной демократии» выделяются «Происхождение мелкой крестьянской собственности во Франции» [18], а также серия статей в «Вестнике Европы», объединенная общим заглавием «Очерки социального быта Франции» [19–21]. Историк вел длительную полемику с Лучицким по вопросу о крестьянском землевладении во Франции конца XVIII в. Он считал крестьянский вопрос коренным во французской общественной жизни того времени, в решении которого речь идет о «сохранении или упразднении сеньориальных прав и крепостных отношений» [15, т. 1, с. 436]. Как и Кареев, Ковалевский, возражая Лучицкому, отвергал положение о широком распространении до революции мелкой крестьянской собственности. Процесс перераспределения земельной собственности имел место, но обезземеливание дворян и крестьян шло в пользу буржуазии, тем более во время революции. В дискуссии о земельной собственности мнения историков разделились. Даже Кареев отказался от своих прежних утверждений и признал концепцию Лучицкого в качестве приоритетной.

Наиболее глубокое обобщение социальных и политических предпосылок Французской революции конца XVIII в. и характеристика ее начального этапа нашли воплощение в труде Ковалевского «Происхождение современной демократии», вышедшем в 4-х томах в 1895–1897 гг. [15]. Три тома посвящены предшествовавшему Французской революции периоду и ее первым двум с половиной годам – до принятия Людовиком XVI конституции 1791 г. и роспуска Учредительного собрания. Четвертый том представляет собой отдельную монографию о падении Венеци-

анской аристократической республики. Завершающий, 5-й том книги, содержащий материалы по истории Первой республики, не сохранился: при подавлении вооруженного восстания в Москве он сгорел вместе с типографией Сытина, в которой печатался.

На историческом фоне реалий «старого порядка» Ковалевский охарактеризовал политический и социальный строй Франции накануне революции, место в нем «владельческих и невладельческих» сословий, «правлящих классов и классов подвластных», показал негативную роль сеньориального права и его влияние на экономическое и социальное положение крестьянства, выявил специфику цехового устройства и зарождение свободной от цеховых ограничений промышленности, оценил законодательство по крестьянскому и рабочему вопросу, рассмотрел политические доктрины, в том числе «демократической монархии», социальные и экономические теории, полемику по крестьянскому и рабочему вопросу. Он осветил процесс выработки конституции 1791 г., принятия Декларация прав человека и гражданина. Причину революции Ковалевский усматривал в провалах политики Людовика XVI и его правительства, которые не смогли осуществить назревшие в стране реформы. Историк полагал, что главные события в идейно-политической и социальной сфере происходили в 1789–1790 гг.: именно в начале революции был уничтожен абсолютизм и весь феодальный уклад. Юридическим воплощением завоеваний этого периода революции стала конституция 1791 г. По мнению Ковалевского, она отразила противоречие между республиканским содержанием и монархической формой. В целом значение Французской революции в том, что она дала мощное ускорение конституционному процессу, именно под ее влиянием зародилась европейская демократия.

Труды, рассматривающие общий ход истории Французской революции конца XVIII в. в дореволюционной историографии немногочисленны. Первым из российских университетских историков начал изучать Французскую революцию *Владимир Иванович Герье*. Эта тема прошла через всю его творческую жизнь. Лекции по истории Французской революции Герье впервые прочитал в 1869 г. В 1877 г. он опубликовал статью «Республика или монархия установится во Франции?» [5], у которой показал неспособность французской монархии завершить борьбу с феодализмом в политической области и нейтрализовать дальнейшее его преобладание в социальной сфере. Вследствие этого «старая Франция достигла в конце XVIII в. того момента, когда под феодальным покровом незаметно созрел совершенно новый организм». Другими сло-

вами, революция стала неизбежным следствием предшествовавшего хода французской истории. Герье уже в ранних работах считал Французскую революцию «одним из замечательнейших памятников на пути человечества к гражданскому прогрессу». Революция являлась «местным результатом европейской культуры XVIII века», она «была катастрофой феодального порядка» и в то же время «довершением централизации и объединения Франции». Наконец, «ее декларация прав сделалась великой хартией европейской демократии».

Герье в статьях, объединенных в книгу «Идея народовластия и Французская революция», проследил, как во Франции в идеологии Просвещения возникла идея народовластия, почему она нашла именно в этой стране благоприятную почву для развития и как ее народному признанию и успеху содействовала неспособность монархии вовремя провести антифеодальные реформы. Герье полагал, что главное объяснение революции заключено в распространении идеи народовластия: с одной стороны, она парализовала монархию и правительство, впадшие в нерешительность и беспомощность при возникновении революционной угрозы, с другой, – увлекла и депутатов, и народные массы на революционный путь [6].

Французская революция, говорил на лекциях своим студентам Герье, имеет большое влияние и не только потому, «что ищут в истории французской революции руководства», но и потому, что «невольна она отражается на мировоззрении человека <...> влияет на него, определяет его политические убеждения, его симпатии той или другой партии». Ее история, продолжает Герье, – наиболее поучительная часть новой истории, и то, что происходит в современной Франции, становится понятно только тому, кто знает ее предшествующую историю». Но революция «сильно повлияла и на другие европейские государства, и потому история этих государств становится вполне понятна только в связи с историей французской революции». [7, с. 4]. Герье призывал извлекать уроки из прошлого опыта, имея в виду события 1905 г. в России: «Мы переживаем подобную же эпоху и нам может грозить подобное и даже худшее зло, чем то, которое обрушилось на французов в конце XVIII в., если мы повторим их политические заблуждения» [8, с. 2].

Курс лекций по истории стран Западной Европы в Новое время, начиная с 1885 г. в Санкт-Петербургском университете читал Н. И. Карев. Результатом стал семитомный труд «История Западной Европы в новое время», его первый том вышел в 1892 г. [11] В изложение вписано политическое и социальное развитие Франции. Главы о ней в IV и V

томах легли в основу его книги «Политическая история Франции в XIX веке» [13]. В концепции Кареева революция была победой неприлегированных слоев населения над старым дворянством и соединенным с ним духовенством. Республиканцы, стоявшие у власти в 1792–1799 гг., не сумели удержать ее в своих руках, а режим Первой империи Наполеона Бонапарта сделал невозможным свободное проявление в политике стремлений общественных классов.

Особое место в историографии Французской революции занимает имя крупнейшего теоретика анархизма *Петра Алексеевича Кропоткина*. В его восприятии «революция, перевернувшая всю жизнь Франции и начавшая все перестраивать в несколько лет, представляет собой целый мир, полный жизни и действия» Но «история революции остается неполною и даже очень часто совершенно непонятною», возникает «целый ряд новых вопросов, обширных и сложных». Историей Французской революции Кропоткин начал заниматься с 1878 г. Публикации нескольких десятков статей по различным ее аспектам завершились выходом в 1909 г. одновременно на французском, английском и немецком языках монографии «Великая французская революция. 1789–1793» [22]. Рассмотрение истории Французской революции подвело Кропоткина к выводу о том, что в истории всякого народа неизбежно наступает такое время, когда существенное изменение во всем строе его жизни становится неизбежным. Так было во Франции в 1789 г. Власть не воспользовалась возможностью реформ, упорно сопротивлялась, – в ответ началась революция. Ее результаты не ограничиваются переменами в одной только Франции, они состоят также в перемене основных начал политической жизни всех стран «образованного мира».

Заметное место тема Французской революции заняла в творчестве *Евгения Викторовича Тарле*. Он создал ряд трудов по истории Франции периода Революции конца XVIII в. В их числе – книга «Падение абсолютизма» [33]. Впервые он исследовал состояние промышленности, положение и роль рабочего класса в политической борьбе в труде «Рабочие национальных мастерских во Франции в эпоху революции» (1907) [34], который предварил более обстоятельную монографию «Рабочий класс во Франции в эпоху революции» [35]. На ее основе в 1911 г. была защищена докторская диссертация. Труд Тарле высоко оценили российские историки. Н. И. Кареев писал, что для истории рабочего класса в 1789–1799 гг. он «сделал так много, как никто, и в этом смысле его книга может быть поставлена наряду с наиболее значительными трудами, посвященными изучению экономической стороны

французской революции» [14, с. 221–222]. Исследование Тарле получило международное признание. В 1909–1911 гг. в Париже были изданы две работы его на французском языке. В 1914 г. вышла книга «Крестьяне и рабочие во Франции в эпоху Великой революции» [36].

Научный авторитет российских новистов, в том числе франковедов, получил подтверждение изданием трудов П. А. Кропоткина («Великая французская революция»), М. М. Ковалевского («Происхождение современной демократии»), В. И. Герье («Аббат Мабли, моралист и политик») во Франции раньше, чем в России. Об этом же свидетельствует перевод на французский язык книг Н. И. Кареева, И. В. Луцицкого, Е. В. Тарле, А. М. Ону, П. Н. Ардашева, Г. Е. Афанасьева. В «Истории Франции», вышедшей под редакцией Лависса, автор главы о крестьянской собственности во Франции перед революцией конца XVIII в. приводит мнения только двух историков. И оба они русские – И. В. Луцицкий и М. М. Ковалевский.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Ардашев П. Н.* Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка. 1774–1789. Провинциальные интенданты. Историческое исследование преимущественно по архивным данным. Т. 1–2. СПб. : Тип. «В. С. Балашев и К°», 1900–1906.

2. *Боровой А. А.* История личной свободы во Франции : в 2 ч. М. : Тип. «Император». Моск. ун-та, 1910.

3. *Боровой А. А.* История личной свободы во Франции: ответ рецензентам Московского ун-та проф. Тарасову и проф. Елистратову. М. : Тип.-литограф. Ю. Венер, 1911.

4. *Бузескул В. П.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX и в начале XX века. М. : Индрик, 2008.

5. *Герье В. И.* Республика или монархия установится во Франции? // Сб. государственных знаний. СПб. : Д. Е. Кожанчиков, 1874–1880. Т. III. 1877. С. 107–170.

6. *Герье В. И.* Идея народовластия и французская революция 1789 г. . М.: Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1904. VIII, 571 с.

7. *Герье В. И.* История XVIII века. Лекции, читанные в 1902–03 году. М., 1902.

8. *Герье В. И.* Французская революция 1789–1795 гг. в освещении И. Тэна. СПб.: А. С. Суворин, 1911. VIII, 497 с.

9. *Кареев Н. И.* Отзыв о сочинении П. Н. Ардашева «Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка» // Отчет о присуждении Академией наук премии митрополита Макария в 1909 г. по истор.-филол. отд. СПб., 1911. С. 2–64.

10. *Кареев Н. И.* Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII в. М. : тип. М. Н. Лаврова и К^о и А. И. Мамонтова, 1879. XXII, [2], 492, LXXXIX с.

11. *Кареев Н. И.* История Западной Европы в Новое время : в 7 т., 9 кн. СПб. : Тип. И. А. Ефрона, 1892–1917.

12. *Кареев Н. И.* Происхождение современного народно-правового государства. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1908. 506 с.

13. *Кареев Н. И.* Политическая история Франции в XIX веке: (Правительственные формы и внутренняя политика, политические партии и общественные классы). СПб. : Брокгауз-Ефрон, 1902. VI, 300 с.

14. *Кареев Н. И.* Историки Французской революции. Ч. 3. Л. : Колос, 1924.

15. *Ковалевский М. М.* Происхождение современной демократии : в 4 т. М. : Тов-во тип. А. И. Мамонтова, 1895–1897.

16. *Ковалевский М. М.* Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства : в 3 т. М., 1898–1903.

17. *Ковалевский М. М.* От прямого народовластия к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму. Рост государства и его отражение в истории политических учений : в 3 т. М., 1906.

18. *Ковалевский М. М.* Происхождение мелкой крестьянской собственности во Франции. СПб., 1912.

19. *Ковалевский М. М.* Крестьянское землепользование до революции // Вестник Европы. 1911. № 7. С. 96–142; № 8. С. 204–255.

20. *Ковалевский М. М.* Кустари-крестьяне и фабричные рабочие накануне революции // Вестник Европы. 1911. № 10. С. 51–76.

21. *Ковалевский М. М.* Принудительное отчуждение и судьба национальных имуществ во Франции // Вестник Европы. 1911. № 11. С. 270–289; № 12. С. 183–203.

22. *Кропоткин П. А.* Великая французская революция 1789–1793. М. : Наука, 1979. 575 с.

23. *Лучицкий И. В.* Отзыв о сочинении А. М. Ону // Сборник отчетов о премиях и наградах, присуждаемых имп. АН. Отчеты за 1909 г. СПб., 1912. С. 32–74.

24. *Лучицкий И. В.* Крестьянское землевладение во Франции накануне революции (преимущественно в Лимузене). Киев : тип. ун-та св. Владимира Н. Т. Корчак-Новицкого, 1900. 431 с.

25. *Лучицкий И. В.* Крестьянство во Франции в XVIII в. // Книга для чтения по истории нового времени. М., 1911. Т. 2. С. 244–290.

26. *Лучицкий И. В.* Крестьяне и крестьянская реформа во Франции во время революции / И. В. Лучицкий // Книга для чтения по истории нового времени. М., 1911. Т. 3. С. 342–406.

27. *Лучицкий И. В.* Состояние земельных классов во Франции накануне революции и аграрная реформа 1789–1793 г. Киев, 1912.

28. *Лучицкий И. В.* Аграрные отношения во Франции накануне революции // Русское богатство. 1913. № 3.

29. *Лучицкий И. В.* Из истории сеньериальных и поземельных отношений во Франции в эпоху революции // Научно-исторический журнал. 1914. № 4.
30. *Ону А. М.* Голодовки во Франции при Людовике XIV. СПб., 1892.
31. *Ону А. М.* Наказы третьего сословия во Франции в 1789 году. СПб., 1898.
32. *Ону А. М.* Выборы 1789 г. во Франции и наказания третьего сословия с точки зрения их соответствия истинному настроению страны. СПб., 1908.
33. *Тарле Е. В.* Падение абсолютизма в Западной Европе. Исторические очерки. Ч. 1. СПб. : т-во М. О. Вольф, 1907. 270 с.
34. *Тарле Е. В.* Рабочие национальных мастерских во Франции в эпоху революции (1789–1799). СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1907.
35. *Тарле Е. В.* Рабочий класс во Франции в эпоху революции. Исторические очерки : в 2 ч. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1909, 1911.
36. *Тарле Е. В.* Крестьяне и рабочие во Франции в эпоху Великой революции. СПб., 1914. 116 с.

Щерба Т. Н.

Белорусский государственный университет (г. Минск, Республика Беларусь)

ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ СОСЛОВНОЙ ГРУППЫ ПОЧЕТНЫХ ГРАЖДАН В БЕЛАРУСИ (1832–1917 гг.): ИСТОРИОГРАФИЯ ИЗУЧЕНИЯ ВОПРОСА

XIX – начало XX в. стали периодом трансформационных изменений в белорусском обществе, которые во многом определили этно-политические, государствообразующие процессы в XX в. Их понимание даст ответ на многие сложные вопросы становления современной белорусской нации. Изменениям подверглась сословно-корпоративная организация общества, несмотря на консервативность ее структуры. Важное место в понимании изменений сословно-корпоративной организации принадлежит изучению сословной группы почетных граждан, которые задумывались как социальный лифт мобильности различных категорий населения. Почетные граждане являются малоизученной темой. На данный момент в Беларуси нет исследований, посвященных предметному изучению этой сословной группы. Историография носит фрагментарный характер и дает обобщенное представление о почетных гражданах.

Почетные граждане как сословная группа Российской империи была введена 10 апреля 1832 г. манифестом Николая I «Об установлении нового сословия под названием Почетных Граждан» [16]. Введение нового сословия предполагало снять напряженность в обществе и дать возмож-

ность социального продвижения для людей, которые приносили пользу Российской империи. Почетные граждане объединяли группы населения, заметно отличавшиеся по социальному происхождению. К ним могли быть причислены купцы, личные дворяне, ученые, выпускники высших учебных заведений, художники и писатели, владельцы мануфактур и фабрик. Почетные граждане были разделены на личных (пожизненные) и потомственных (передавались по наследству). Причисление к почетному гражданству принималось решением Правительствующего Сената или императорским указом. Почетные граждане освобождались от рекрутской повинности, телесных наказаний.

Начало изучения вопросов эволюции социально-правового статуса почетных граждан было положено в дореволюционный период. Отличительной чертой исследовательских работ того времени было то, что их авторы являлись свидетелями тех событий и процессов, которые они описывали. Данными вопросами занимались преимущественно правоведы, поэтому уделяли внимание именно правовому статусу сословия [11; 12].

В советский период сословная группа почетных граждан, как и многие другие сословные группы, не являлись предметом пристального изучения. Исследования концентрировали внимание на социально-экономическом развитии, революционных преобразованиях и т.п. В работах по социально-экономической истории Беларуси XIX – начала XX в. присутствуют лишь отдельные упоминания о сословной группе почетных граждан [3; 13]. В российской историографии рассматриваемого периода эволюция социально-правового положения сословной группы почетных граждан в Беларуси не получила отражения. Почетные граждане в исследованиях рассматривались в контексте проблематики истории всей Российской империи. В статистических данных присутствуют лишь эпизодически сведения по всеми губерниями, что не позволяет проследить количественное соотношение почетных граждан конкретно в белорусских в сравнении с другими российскими губерниями. Тем не менее, советские исследователи рассматривали почетных граждан как одну и сословных структур городского населения Российской империи [18; 20].

В последние десятилетия появляются первые работы, касающиеся уже непосредственно изучения почетных граждан в Беларуси как отдельной сословной группы. Одним из первых белорусских исследователей, кто занялся изучением вопроса под углом зрения выявления новых возможностей для населения в повышении социальной мобильности,

кто охарактеризовал условия получения почетного гражданства и словесно-правовое положение его получивших, кто выявил динамику количественного и национального состава почетных граждан в Беларуси, был А. Г. Кохановский [9]. В монографии Александра Геннадьевича почетные граждане в Беларуси представлены как один из каналов мобильности сословных групп, эволюции сословных институтов в белорусских губерниях во второй половине XIX – начала XX в. [10]. На почетных граждан в Беларуси в своей кандидатской диссертации обращает внимание также и А. В. Бурачонок [4]. Он приходит к выводу, что почетные граждане, сравнительно с другими сословиями, получили меньшую представленность в предпринимательской среде [5]. Его коллега В. С. Макаревич, рассматривая вопросы «разбора шляхты», отдельное внимание уделяет почетным гражданам (особой социальной группе), к которым могла быть отнесена шляхта. К почетным гражданам относилась шляхта, которая не смогла доказать своего дворянского происхождения и по профессии были учителями, художниками, врачами и др. [14]. Как социальный клапан нисходящей мобильности для личного дворянства почетных граждан подает в своей монографии А. П. Житко [6]. В тоже время в работе Н. И. Полетаевой они рассматриваются как возможность восходящей мобильности для купечества [17]. А вот З. В. Шибeko они интересны в качестве одной из категорий городского населения в связи с их социальной мобильностью [21].

В современной российской историографии сословная группа почетных граждан получила более предметный анализ. Однако и в их работах они рассматриваются не как отдельная сословная группа, а как представители городских обывателей [1; 2; 7; 8; 15; 19]. Кроме того, в этих исследованиях почетные граждане в Беларуси не рассматриваются, так как приоритетны масштабы или всей Российской империи, или отдельных российских губерний (с лишь косвенным упоминанием некоторых белорусских).

Таким образом изучение вопросов эволюции социально-правового положения почетных граждан в Беларуси только в последние годы стало приобретать определенные историографические очертания. Тем не менее, комплексное, как и детальное и предметное рассмотрение проблемы отсутствует. В большинстве случаев вопрос включается в обобщающие исследования по социально-экономической истории Беларуси XIX – начала XX в. И это при том, что углубленное изучение сословной группы почетных граждан дает возможность увидеть полную картину трансформационных изменений в белорусском обществе в указанное время.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Акуленко И. В.* Почетное гражданство в российской политической истории // Вестник Российского Университета дружбы народов. Сер.: Политология. 2015. № 4. С. 14–15.
2. *Белокрыс А. М.* Почетное гражданство в дореволюционной России // Московский журнал История государства Российского. 2005. № 3. С 55–57.
3. *Бич М. О.* Рабочее движение в Белоруссии 1861–1904 гг. Минск : Наука и техника, 1983. 280 с.
4. *Бурачонок А. В.* Развіццё прадпрымальніцтва ў фабрычна-заводскай вытворчасці Беларусі (1861–1914 гг.): дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02. Мінск, 2012. 183 л.
5. *Бурачонок А. В.* Сацыяльны склад прамысловых прадпрымальнікаў Беларусі (канец XIX – пачатак XX ст.) // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. Вып. 6. Мінск : БДУ, 2011. С. 20–26.
6. *Жытко А. П.* Дваранства Беларусі перыяду капіталізму. 1861–1914 гг. Мінск : БДПУ, 2003. 233 с.
7. *Иванова Н. А., Желтова В. П.* Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века). М. : Новый хронограф, 2009. 741 с.
8. *Иванова Н. А., Желтова В. П.* Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX века. М. : Наука, 2004. 574 с.
9. *Каханюўскі А. Г.* Ганаровыя грамадзяне ў саслоўна-карпаратыўнай арганізацыі беларускага грамадства ў другой палове XIX – пачатку XX с. // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Сер. 2, Гісторыя. Эканоміка. Права. № 1. 2016. С. 15–20.
10. *Каханюўскі А. Г.* Сацыяльная трансфармацыя беларускага грамадства (1861–1914 гг.). Мінск : БДУ, 2013. 335 с.
11. *Кеппен П. И.* Девятая ревизия / Петра Кеппена, действительного члена императорской Академии наук, доктора философии, магистра правоуедения и члена разных ученых обществ. СПб. : Тип. Императ. Академии наук, 1857. XII. 296 с.
12. *Коркунов Н. М.* Русское государственное право. Спб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1909. Т. 1. 623 с.
13. *Люты А. М.* Сацыяльна-эканамічнае развіццё Беларусі ў другой палове XVIII – першай палове XIX ст. Мінск : БДПУ, 2004. 320 с.
14. *Макарэвіч В. С.* Дробная шляхта Беларусі ў 30–60-я гг. XIX ст.: склад і эвалюцыя сацыяльна-прававога становішча: дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02. Мінск, 2008. 158 л.
15. *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. Т. 1. 549 с.
16. Об установлении в состоянии городских обывателей нового сословия почетных граждан и о правах и преимуществах сего сословия, 10 апреля 1832 г., № 5284 // ПСЗРИ. Собр. 2-е : в 55 т. Спб., 1833. Т. 7. Отд. 2. С. 193–195.
17. *Полетаева Н. И.* Купечество Беларуси: 60-е гг. XIX – начало XX в. Минск : БГЭУ, 2004. 247 с.

18. *Рашин А. Г.* Население России за 100 лет (1811–1913 гг.) /под ред. акад. С. Г. Струмилина. М. : Госстатиздат, 1956. 352 с.

19. *Рикман В. Ю.* Почетное гражданство и его генеалогия // Проблема отечественной истории и культуры периода феодализма: Чтения памяти В. Б. Кобринина. М., 1992. С. 154–156.

20. *Рындзюнскій П. Г.* Городское гражданство дореволюционной России. М. : Изд-во Акад. Наук. СССР, 1958. 559 с.

21. *Шыбека З. В.* Гарады Беларусі (60-я гады XIX – пачатак XX стагоддзя). Мінск : Эўрофорум, 1997. 292 с.

Яблоньска Марлена

Університет Ніколая Коперніка в Торуне (Республика Польша)

Кешковска Божена

Архив Университета Николая Коперника в Торуне (Республика Польша)

АУДИОВИЗУАЛЬНАЯ ДОКУМЕНТАЦИЯ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ УНИВЕРСИТЕТА (на примере фонда Архива Университета Николая Коперника в Торуне)

Каждый человек с высшим образованием был связан или до настоящего времени связан с каким-либо высшим учебным заведением, независимо от того, идет ли речь об университете, политехническом институте или техникуме. Одни связаны из-за места работы, другие – по прекрасным воспоминаниям юности, а третьи – через круг знакомых или друзей. Те, кто наиболее прочно связался со своей Альма-матер, испытывают непреодолимую потребность сохранить ее образ в своей памяти, тщательно хранят зачетную книжку, потрепанное, недействительное удостоверение, конспекты лекций, а осенними вечерами просматривают старые фотографии. Многие из них, вероятно, хотят, чтобы память об объекте их воспоминаний сохранилась как можно дольше, не только в мечтах, но и в сознании других людей, на страницах книг, газет, экранах телевизоров.

Чтобы так случилось, необходимо эту «память» сберечь, обеспечить ее сохранность, обработать и предоставить широкому кругу пользователей. Отличным место для этого являются архивы, в том числе ВУЗов. Учитывая богатую историю, стоит здесь упомянуть Архив Ягеллонского университета, который был основан в 1364 г., Архив Вильнюсского университета, основанный в 1578 г. или Архив Университета во Львове,

уходящий своими корнями к XVII столетию¹. Сегодня архивы имеют почти все высшие школы в Польше, являясь сокровищницей знаний о ВУЗе, его истории, периодах взлетов и падений, радостных и грустных моментах. Жизнь университетов полна восхитительных событий национального и международного уровня, которые стоит документально подтверждать. Начиная с инаугурации учебного года, церемоний вручения научных степеней профессорам и докторам наук, присвоения почетных званий, визитов важных гостей, праздничных мероприятий, юбилеев и ежегодных праздников, которые отметились в культурном календаре не только высшей школы, но и всего города. Жизнь университета, это также грустные моменты, прощания с любимыми профессорами, несчастные случаи, забастовки и протесты, а также всегда трудные морально-бытовые или финансовые ситуации. Таким образом, архивы ВУЗов ведут учет широкого спектра исторических источников.

Чем, однако, являются исторические источники? Проще говоря, это любые продукты человеческой деятельности, которые дошли до наших времен и могут быть свидетельством прошлых эпох. Учитывая способ фиксации, их можно разделить на устные, то есть, разговорные, письменные и механические. Наиболее значительной группой являются письменные источники, которые до сих пор считаются важнейшими в процессе познания прошлого. Нас, однако, учитывая название статьи, особенно будут интересовать механические источники, т.е. зарегистрированные на носителях изображения звука и движения. В этой группе следует выделить аудио, видео и видеозвуковые источники. Рассмотрим ближе аудио и видеозвуковые источники, то есть видеозаписи и звукозаписи, как те, которые менее распознаны и реже оговариваются, а в то же время являются очень востребованными материалами, значение которых часто недооценивается.

Специфика механических источников заключается, разумеется, в их носителе, который часто, будучи благом, становится одновременно причиной многих опасений. Среди носителей можно выделить²:

¹ T. Suleja, Archiwalia powojennego Uniwersytetu Wrocławskiego – próba charakterystyki, [on-line]. URL: <http://www.archiwum.amu.edu.pl/publikacje/1.pdf>, s. 1 (дата обращения: 10.07.2018).

² Dietrich Schüller, Nośniki audiowizualne, materiały szkoleniowe z warsztatów Archiwalne materiały audiowizualne. Zapis dźwięku i obrazu – nośniki mechaniczne i magnetyczne, Archiwum Akt Nowych w Warszawie, 23–24 listopada 2006 r.

- **механические носители**, относятся к наиболее старейшим, широко используемым типам носителей для записи и воспроизведения звука. Они были доступны на рынке уже с 1888 г. К этой группе относятся цилиндры, то есть фонографические валики, грампластинки и пластинки с микродорожкой, иначе – виниловые пластинки. Данный тип носителя, однако, достаточно уязвим и вследствие частого воспроизведения подвергается значительной деградации, поэтому для него рекомендуется создание страховой копии.

- **магнитные носители** основываются на изобретенной еще в XIX в. магнитной записи, однако, в практике им нашлось применение только в 1936 г., а в середине 1980-х гг. их начали использоваться профессионально. Наиболее характерными магнитными носителями являются катушки (бобины) и хорошо всем известные магнитофонные кассеты и видеокассеты.

- **оптические носители**, предком которых является оптический диск, разработанный для записи аналоговых видео сигналов в конце 1970-х гг. К самым популярным оптическим дискам относятся диски: CD, CD–RW, DVD, HD DVD, Blu-ray Disc и

- **цифровые носители**, то есть всяческие внешние диски, жесткие диски компьютеров и серверов.

Такой широкий спектр потенциальных носителей создает немало проблем, связанных с их хранением и требует создания специфических условий в хранилищах, поскольку деструкция носителей может быть спровоцирована воздействием воды, слишком высокой или слишком низкой влажностью и температурой, механической деформацией, загрязнением воздуха, огнем, светом и магнитным полем¹. При учете и хранении аудиовизуальной документации следует помнить о нескольких правилах. Первое – это хранение в соответствующих, стабильных и рекомендуемых для данного типа носителей климатических условиях. Второе – все упаковки должны быть изготовлены из химически стабильных материалов, не вступающих в реакцию с материалом носителя (например, бескислотного картона, полипропилена). Третье правило гласит, что фонд должен подвергаться постоянному контролю, а его использование должно быть целесообразным (страховое копирование, регулярная перемотка магнитной ленты, неприкосание голыми руками к носителям, контроль климатических условий, поддержка чистоты в хранилищах).

¹ Ibidem.

Разнообразие носителей – это проблемы, связанные с воспроизведением архивных записей на них хранящихся, а также с предоставлением их в пользование. Связано это зачастую с отсутствием соответствующего оборудования по воспроизведению. Уже в настоящее время архивы сталкиваются с трудностями воспроизведения некоторых источников, записанных на старых носителях. Оборудование, которым пользовались до сих пор, часто не подходит для использования, а отсутствие сервиса и запасных частей приводят к тому, что его ремонт становится невозможным. Определенным выходом из данной ситуации является принятие в архив материалов вместе с оборудованием для их воспроизведения, но практика показывает, что часто и сам фондообразователь не имеет таких устройств. Хорошим и рекомендуемым решением является создание резервных копий на носителях, которые актуальны в данное время, в том числе цифровых, для того, чтобы обезопасить себя перед техническими «сюрпризами» и параллельно защитить оригинал. Таким образом, материалы необходимо предоставлять в пользование только в виде копий, а оборудование для воспроизведения поддерживать в полной исправности. Следует помнить, что цифровая копия никогда не будет лучшего качества чем аналоговый оригинал, но зато с её помощью можно задержать процесс утраты информации, а также поддать запись процессу реконструкции.

Звуковые и аудиовизуальные источники имеют еще одну особенность, которую можно отнести к их недостаткам, а именно, относительную простоту манипулирования информацией и даже подделку. Вмешательство в содержание источника может быть большим искушением, поэтому исследователь, использующий данный вид документации, должен особенно осторожно делать заключения и применить к источнику научную критику.

Звуковые и аудиовизуальные источники познания – это не только высокие требования, угрозы и опасности. Это также преимущества, среди которых можно выделить:

- **новый вид источника**, зафиксированный на новом носителе. Благодаря этому основная база источников становится богаче и разнообразнее;

- **непосредственное и правдивое запечатление реальности**, что позволяет ощутить себя участником определенных событий, дает возможность их проследить и совершить текущий анализ;

- **запись человеческих эмоций**, поскольку ни один из «традиционных» источников не позволяет настолько точно воспроизвести сопутствующие фактам эмоции, реакцию людей, подлинные переживания;

- **регистрация человеческого голоса**, звуковые и аудиовизуальные источники дают нам ни с чем не сравнимую возможность услышать голос человека, записать его тембр, тон, мелодическую линию высказываний. Это позволяет анализировать личность выступающего, его происхождение, социальную принадлежность, и даже образование или профессию, показать ораторские способности, чистоту и правильность речи;

- **возможность учета большого количества деталей**, источники видео и аудио, регистрирующие изображение и звук, позволяют на многоуровневый анализ источника, поскольку кроме основного сюжета, они фиксируют целый ряд деталей, подробностей, создавая тем самым оптимальные условия для анализа второго плана и сбора информации с того пласта, который кажется менее важным.

Для того чтобы в полной мере воспользоваться звукозаписями и аудиовизуальными источниками, необходимо подвергнуть их тщательному анализу. Обязательно следует начать с распознавания типа носителя и формата записи. Это позволит утвердиться в подлинности источника, а также укажет возможности его использования, хотя и обусловит некоторые ограничения, о которых исследователь должен знать. Приступая к анализу содержания и формы передачи информации, очень полезными могут оказаться и другие – письменные источники и литература, которые позволят понять контекст, а также избежать ошибок в толковании. Не без значения является также анализ второго плана и попытка расширения информационного слоя именно с помощью скрытых деталей и подробностей. Завершением работы с аудио и видео источниками является отклонение всех сомнений в отношении подлинности источника, окончательное подтверждение его правдивости, дабы удовлетворение от применения обогащенной научно-исследовательской базы было полным.

В Архиве Университета Николая Коперника в Туруне [AUMK], который был создан 16 сентября 1948 г., кроме документации, зафиксированной на традиционном носителе, так называемой бумажной документации, накапливается, обрабатывается, сохраняется и предоставляется в пользование специальная документация, в том числе фоно и аудиовизуальная. Фонодокументация состоит из набора аудиозаписей, зарегистрированных на различных носителях звука: катушках, магнитофонных кассетах, дисках CD и DVD. Документация аудиовизуальная состоит из коллекции записей, произведенных на видеокассетах,

CD, DVD и цифровых кассетах. Аудиозаписи и фильмы, находящиеся в фонде архива университета делятся на следующие предметно-тематические группы¹:

Интервью, воспоминания, в частности, с профессором Конрадом Гурским о создании и началах Университете Николая Коперника – 1975 г., с профессором Тадеушем Чежовским о создании и началах Университете Николая Коперника – 1979 г., с профессором доктором Эдвардом Пассендорфом – геологом – 1980 г., воспоминания профессора Леона Есьмановича – 1985 г., воспоминания профессор Зофи Абрамовичуны о профессоре Стефане Сребрным – 1987 г., воспоминания профессора Вацлава Одыньца – 1994 г.

Траурные мероприятия, в частности: панихида профессора Витольда Лукашевича – 1975 г., профессора доктора Ежи Личковского – 1983 г., доктора Юзефа Моссаковского – 1975 г., профессора Раймунда Галлона – 1986 г., ректора профессора Ришарда Бора – 1987 г.

Инаугурации учебного года²

День университета³

Почетные степени honoris causa, в частности: профессору доктору Конраду Гурскому – 1979 г., профессору доктору хабилюваному Вацлаву Шишковскому – 1991 г., профессору доктору хабилюваному Герарду Лабуде – 1993 г., профессору Лешку Бальцеровичу – 1998 г.⁴

Юбилей, в частности, торжество по случаю 80-летия профессора Конрада Гурского – 1971 г.; Юбилей 80-летия профессора доктора Александра Яблоньского – 1978 г., профессора доктора Кароля Гурского – 1983 г.; открытое заседание Сената Университета Николая Коперника по случаю 85-летия со дня рождения и 60-летия научной деятельности профессора доктора Кароля Гурского – 1988 г.; 70-летия со дня рождения доцента Ирины Янош Бискуповэй – 1995 г.; Юбилей 50-летия Факультета правоведения и Администрации – 2000 г.

Годовщины, в частности, 25-летие Университета Николая Коперника – 1970 г.; празднование 25-летия Факультета биологии и наук о Земле, а также Гуманитарного – 1971 г.; 30-летия Института истории и архивоведения – 1977 г.; 40-летия Университета Николая Коперника –

¹ AUMK, Zbiór nagrań (filmowych i audio) 1959–2017, sygn. AUMK 309/124.

² 1967/68–1969/70, 1973/74–1978/79, 1981/82–2007/08; в периоды: 1967–69, 1973–78, 1981–83, 1985 запись велась Архивом Университета Николая Коперника.

³ С 1984 г. до настоящего времени.

⁴ С 1973 г.

1985 г.; 40-ая годовщина I Инаугурации учебного года в Университете Николая Коперника – 1986 г.; 50-летие Университета Николая Коперника – 1995 г.

Выборы ректоров и проректоров, в частности, выборы ректора – 1981 г.¹

Лекции и доклады, в частности, лекция доцента доктора Ежи Сэрчика на письменном экзамене по истории для поступающих на специальность истории Гуманитарного факультета – Четырёхлетний Сейм и Конституция 3-го Мая – 1969 г.

Возобновление кандидатских степеней, например: возобновление кандидатской степени профессор Ирэны Славиньской – 1996 г.; возобновление степени кандидата гуманитарных наук профессора Артура Хрынкевича – 1998 г.; церемония возобновления степени кандидата гуманитарных наук: профессора доктора Марьяна Бискупа, профессора доктора Ежи Ключковского, профессора доктора Анджея Томчака – 2000 г.

Съезды, в частности, съезд архивистов – 1971 г.; празднование 15-летия Заочного отделения истории. I съезд выпускников Заочного отделения истории – 1977 г.; 30-летие Специализации по архивному делу Университета Николая Коперника, встреча выпускников Специализации по архивному делу Университета Николая Коперника – 1981 г.²

Собрания, научные сессии, торжественные вечера, например: научная сессия, организованная в честь 100-летия со дня рождения профессора Людвика Колянковского, первого ректора Университета Николая Коперника. Открытие мемориальной доски – 1982 г.³

Общеуниверситетские торжества, например, заседание Сената Университета Николая Коперника. Обсуждение вопросов Научной станции в Семенках и Радиоастрономии – 1965 г.; церемония закладки краеугольного камня под строительство Академического городка – выступления: ректора, I секретаря Исполнительно комитета Польской Объединенной Рабочей Партии, председателя Областного Народного Совета в Быдгоще, оглашение акта основания – 1967 г.⁴

¹ С 1981 г.

² С 1971 г.

³ С 1974 г.

⁴ С 1965 г.

Почетные граждане города Торуня, в частности, церемония присвоения звания «почетного гражданина города Торуня» доценту Эльжбете Завацкей – 1993 г., Марьяну Бискупу – 2000 г.

Телепередачи, в частности, история Университета Николая Коперника в Торуне – фельетон – 2000 г. (запись TVB); Гражданин, Поэт Збигнев Херберт (он был студентом Торуньского университета, учился на Факультете гуманитарных наук в 1949-1951 гг., на Факультете права в период с 1948 г. по 1952 г.) – 2001 г. (запись TVP2); телепередачи об Университете Николая Коперника: «Universitatis» и «Bez kompleksów»¹.

Выставки, например: «Мой Вильнюс над Вислой «– выставка – аудиовизуальная презентация биографии и научной деятельности доктора Генриха Барановского – 2007 г.»²

Студенческие записки³.

Архив Университета Николая Коперника учитывает 6344 аудиозаписи с 1965 г. по 2017 г., зафиксированные на магнитной пленке, кассетах и цифровых носителях, а также 698 фильмов на кассетах VHS, DVD и других цифровых носителях с 1960 г. по 2017 г.⁴

В соответствии с нормативами по делопроизводству с 2004 г., организационные структуры университета (например, Студенческая радиостанция «Радио Сфера», Телевидение Университета), которые производят документацию на таких типах носителей, как видеокассеты, диски CD, DVD, цифровые кассеты, обязаны указать на носителях следующее данные: название записи, имя автора, имена людей – участников записи, место записи, учетный номер записи, цифровой символ из перечня типовых документов и архивную категорию⁵. Кроме того, организационные структуры должны вести учет фонодокументов, который может иметь формат базы данных⁶.

¹ С 1998 г.

² С 2001 г.

³ Кассеты, переданные Центром промоции и информации с 2003–2006 гг.

⁴ Отчет о деятельности Архива Университета Николая Коперника за 2017 г., [online] URL: <http://www.archiwum.umk.pl/archiwum/sprawozdania/sprawozdaniearchiwumum2017.pdf> (дата обращения: 08.01.2018).

⁵ Przepisy kancelaryjno-archiwalne, oprac. H. Duczkowska-Moraczewska, H. Robótka, Toruń 2004, s. 14.

⁶ Ibidem, zał. 14 rejestr nagrań.

Реестр аудиозаписей

№	Название записи	Автор и дата	Количество единиц (плёнок, CD-ROM, дисков)	Архивная категория	Примечания

Структуры, передающие фоновую и аудиовизуальную документацию в Архив Университета Николая Коперника, должны произвести предварительную селекцию, оценивая собранные материалы с точки зрения исторического значения и целостности, чтобы должным образом обеспечить сохранность коллекции записей, характерных для данного исторического периода, места, а также скомплектовать материал, регистрирующий различные события, касающиеся Университета Николая Коперника. Также при оценке материалов должны быть приняты во внимание следующие критерии: содержание, происхождение и физические свойства.

В Архив университета фильмы и фоновая документация попадают разными способами, пополнение происходит также за счет принятия на хранение материалов из таких структур как, Центр промоции и информации, который передал на видеокассетах цикл репортажей под названием «Студенческие записки», где представлена история ВУЗа, отдельных факультетов, научных исследований и студенческой жизни. Стоит отметить, что в 70-е и 80-е гг. XX в. сотрудники Архива по собственной инициативе записывали различные мероприятия из жизни университета: инаугурацию учебного года, день университета, лекции и доклады профессоров и других ученых, юбилеи и т. д. Данный материал дополнительно обогатил фонд технической документации источниками по истории ВУЗа.

Начиная с 1966 г., в Архив поступали записи на магнитофонных кассетах, первые передал директор по административной части. Это были записи Научной станции в Семенках и Радиоастрономии. В 1985 г. Институт педагогики и психологии в рамках занятий, организованных для молодых работников науки, проводил встречи с заслуженными работниками университета. Архив принял участие в этих встречах и записал воспоминания, в частности, профессора В. Ивановской, Р. Галлона, Л. Есьмановича. Эти фонозаписи дополнили собрание воспоминаний, учет которых архив начал вести с 1980 г. Особенно ценной представля-

ется коллекция из 12 кассет с зафиксированными профессором Ежи Томашевским шестьюдесятью разговорами с сотрудниками университета на тему военного положения в Польше. Записи вместе со справочным аппаратом автор передал в архив 21 апреля 1997 г.

Очередную группу приобретенных материалов составляют «говорящие» источники, которые становятся в настоящее время предметом особой заботы архивного руководства во всем мире. По инициативе сотрудников собираются отчеты и воспоминания людей, связанных с университетом. Первые интервью дали Конрад Гурски (в 1975 году) и Тадеуш Чэжовски (в 1980 г.). Они касались начального периода деятельности университета. В последующие годы данный вид источников пополнился за счет воспоминаний работников науки и администрации¹. Большинство этих воспоминаний и интервью было опубликовано по случаю празднования 50-летия Университета Николая Коперника².

Архив ВУЗа стремится также приобретать записи телепередач о людях, которые связаны с университетом; так, в фонде хранится фильм о Хенрике Эльзенберге³ 1997 г. (TV Polonia), кроме этого есть передача под названием «Гражданин, Поэт Збигнев Херберт»⁴ 2001 г. (TVP 2). Архив также владеет репортажами, представляющими общую картину ВУЗа, например, «Университет Николая Коперника» Кристиана Пшисецкого – 1985 г., (TVP) и фильм, посвященный Архиву университета 2001 г. (TVP). Очень важным, с точки зрения создания видеоматериалов об университете и их накопления Архивом,

¹ Воспоминания: Tadeusz Czeżowski, Stefan Burhardt, Tadeusz Cieślak, Edward Passendorfer, Kazimierz Sokołowski, Jadwiga Puciata-Pawłowska, Leonid Żytkowicz, Leonard Jarzębowski, Barbara Nareńska-Dębska, Józef Kozłowski, Leon Jeśmanowicz, Jerzy Serczyk, Irena Biskupowa, Leszek Michalski, Rajmund Galon, Lucjan Dybowski, Eugenia Gumowska, Wilhelmina Iwanowska, Władysław Mrózek, Władysław Odyniec, Stanisław Staniszewski, Marian Szulz, Jerzy Tomaszewski, который передал воспоминания связанных с Университетом Николая Коперника нескольких членов «Солидарности», касательно их деятельности в 80-е г.

² Uniwersytet Mikołaja Kopernika, Wspomnienia pracowników, pod. red. A. Tomczaka, Toruń 1995.

³ Профессор Хенрик Эльзенберг работал в Торунском университете в период с 1945 г. до 1960 г. на кафедре философии.

⁴ Збигнев Херберт учился в Университете Николая Коперника: на факультете правоведения в 1948–1951 гг., на гуманитарном факультете в 1949–1951 гг.

является многолетнее сотрудничество с Польским телевидением – его отделом в Быдгоще¹.

Архив Университета Николая Коперника располагает следующим научно-справочным аппаратом для вышеуказанной документации: актами приема-передачи, книгой учета для отдельных видов носителей (катушки, магнитофонные кассеты, видеокассеты, диски CD, цифровые мини-кассеты), метрикой записи (инвентарную карту) и предметным каталогом, который является источником информации о собрании записей, хранящихся в архиве. Записи размещены согласно тематике в хронологическом или алфавитном порядке. Ведутся два вида карточного каталога: каталог собранных воспоминаний – в алфавитном порядке по фамилиям и каталог – по темам, согласно вида носителей.

Традиционная информационная система все чаще заменяется базами данных. Также это касается звукозаписей и фильмов. База аудиозаписей была разработана и первоначально велась совместно со студентами Института истории и архивоведения Университета Николая Коперника. В настоящее время она дополняется сотрудниками Архива и включает в себя собрание фонодокументов, повествующих об истории Торуньского университета, начиная с 1965 г. до 2017 г. В ближайшее время она будет доступна в Интернете. В стадии подготовки находится также база видеодокументов, посвященных истории ВУЗа, его сотрудникам и студентам за время с 1960 г. по 2017 г. Все материалы были систематизированы согласно предметному порядку, по ниже приведенной схеме:

- I. Инаугурация учебного года.
- II. Дни ВУЗа/Университета.
- III. Выборы.
- IV. Общеуниверситетские торжества.
- V. Факультеты/организационные структуры/здания университета.
- VI. Лекции/конференции/выставки.
- VII. Почетные степени *honoris causa*/возобновление научных степеней.
- VIII. Похороны.
- IX. Интервью/воспоминания.
- X. Известные личности университета.

¹ Фельетон под названием «Dzieje UMK w Toruniu» в 2000 г., репортаж о студенческой группе «Grupa Zero-61», в котором был представлен портрет и историческая зарисовка данной организации, а также репортаж о профессоре А. Хутникевиче под названием «Ja Lwowianin», представленный в рамках цикла «Torunianin XX wieku».

- XI. Промоция университета.
- XII. Студенческая жизнь.
- XIII. Выпускники.
- XIV. Информационные программы.
- XV. Другое.

Каждая запись в базе фонодокументации и фильмов, содержит следующие рубрики для описания: шифр, название фонда, название записи, содержание (информация по содержанию и форме записи), автор, происхождение (название передающей организационной структуры, дар, депозит и т. д.), дата события, старые шифры, ключевые слова: предметные, именные, географические, техническое описание (тип носителя, вид записи – моно или стерео), заметки (время записи и т. д.), фамилия человека, который сделал запись и ссылка для воспроизведения записи. Поиск в базе можно выполнить исходя из предмета, персоны, географического названия, периодов или шифров аудио и видеозаписей.

Говоря об аудиовизуальной документации, необходимо упомянуть о фотографиях, которые можно также причислить к данной группе¹. Учет фотографических материалов ведется в архиве университета с 1966 г. Данный тип документации поступал на хранение по-разному, обычно ее передавали организационные структуры университета, но она также попадала путем покупки, дара или благодаря инициативе сотрудников архива. Данные материалы были созданы, по большей части, Алоизом Чарнецким, который передал фотографии в фонд университетского архива, а также в фонд Государственного архива в Торуне. В виде дара фотодокументы поступили в архив от Янины Гардзелевской и Ольгерда Галдыньского. Фотодокументы фиксируют наиболее важные события, происходившие во время университетских торжеств, а также события из жизни людей, связанных с высшей школой. Прежде всего, они касаются инаугурации учебного года, заседаний, юбилеев ВУЗа, выставок, научных кафедр, защиты кандидатских диссертаций, получений почетного звания *honoris causa* и различных других мероприятий, т.е. студенческих праздников, балов выпускников и т.д. Начиная с 1966 г., торуньский университетский архив хранит фотографии, сделанные в университете по случаю различных торжеств, встреч и конференций. Собранные фотографии относятся к истории университета, и используются в различных публикациях, на выставках. В настоящее время фонд университетского архива располагает 7 978 позитивами, 19 725 негативами, относя-

¹ AUMK, Zbiór fotografii UMK 1946–2015, sygn. AUMK 309/121.

щимися к периоду с 1946 г. по 2017 г., а также 12 074 фотографиями на цифровых носителях за 2012–2017 гг.¹

Структуры Университета Николая Коперника, создающие фотографическую документацию, обязаны применять ее правильное описание². На защитных конвертах должна содержаться следующая информация: фамилия лица, название объекта, события или явления; порядковый номер темы из реестра; общее число фотографий в конверте, (в скобках число дубликатов позитивов); номер негатива; цифровой символ из перечня типовых документов и архивная категория³.

На каждой фотографии должно быть нанесено идентификационное описание: название темы (фамилия лица, название объекта, события, явления); номер с конверта и порядковый номер в пределах конверты; порядковый номер темы согласно реестру⁴.

Кроме этого, организационные структуры должны вести учет фотографий, который может иметь формат базы данных⁵:

Таблица 2

Реестр фотографий

	Название темы (лица, объекта, явления)	Дата создания	Число позитивов/ негативов	Архивная категория	Примечания

Что касается справочно-информационного аппарата, то здесь важной является база под названием Альбом Университета Николая Коперника, которая позволяет осуществлять поиск в коллекции фотографий. Она включает фотографии с 1946 г. и выполняет функцию электронной описи. Каждая запись в базе содержит шифр, состоящий из номера архива, номера фонда, номера темы и сплошной нумерации изображения, целью которой является выявление количества фотографий в архиве. Остальные рубрики содержат следующие данные: дату и место события, автора фо-

¹ Отчет о деятельности Архива Университета Николая Коперника за 2017 г., [online] URL: http://www.archiwum.umk.pl/archiwum/sprawozdania/sprawozdanie_ArchiwumUMK_2017.pdf (дата обращения: 08.01.2018).

² Przepisy kancelaryjno-archiwalne, oprac. H. Duczkowska-Moraczewska, H. Robótka, Toruń 2004, s. 14.

³ Ibidem, s. 14.

⁴ Ibidem, s. 14.

⁵ Ibidem, zał. 14 rejestr nagrań.

тографии, авторские права, старые шифры, размер и статус негатива, а также позитивного изображения либо цифровой фотографии, другие данные. База была создана на основе методических рекомендаций по обработке фотографической документации¹. Все фотоматериалы сгруппированы по приведенной ниже предметно-хронологической схеме:

- I. Инаугурации учебного года
- II. Изображения сотрудников Университета Николая Коперника
- III. Юбилеи сотрудников
- IV. Здания
- V. Студенческая жизнь
- VI. Сотрудничество с другими организациями
- VII. Кафедры и научные лаборатории
- VIII. Заседания Сената Университета Николая Коперника
- IX. Почетные степени *honoris causa*
- X. Визиты и встречи
- XI. Конференции и научные симпозиумы
- XII. Похороны
- XIII. Фотоархив редакции «Голос Университета»
- XIV. Студенческое фотоагентство

Существенным аспектом размышлений над аудио и аудиовизуальной формой документации являются условия ее хранения. Фильмы, аудиозаписи и фотографии представляют собой очень хрупкий носитель информации, поэтому очень важно правильно обеспечить его сохранность. По этой причине в архиве университета аудиозаписи и фильмы хранятся в специальных коробках в шкафу, а фотографии помещены в конверты. Материалы содержатся в хранилище при температуре 18°C и 50–60 % относительной влажности воздуха.

Пользование аудиовизуальной документацией осуществляется на условиях, описанных в регламенте Архива Университета Николая Коперника, который доступен на сайте: <http://www.archiwum.umk.pl/zasob/regulaminy/> и на месте – в читальном зале. Воспоминания людей, так называемые «говорящие» источники, которые не были опубликованы, предоставляются с согласия заинтересованных лиц и организаций либо по истечении определенного срока, указанного данными лицами или учреждениями. Наиболее старые записи перезаписываются с кату-

¹ Decyzja Nr 8 NDAP z dnia 24 kwietnia 2006 roku w sprawie wprowadzenia wskázówek metodycznych dotyczúcych zasad opracowania fotografii w archiwach państwowych.

шек на новые носители и кроме того они загружаются в базу и только в такой форме могут быть предоставлены пользователям.

Аудиовизуальная документация используется, в первую очередь, в образовательных и научно-исследовательских целях, а также для создания радиопередач и телевизионных программ об Университете Николая Коперника. Звукозаписи, видео и фотографии, состоящие на учете в архиве, представляют собой ценный источник знаний о всей высшей школе, о работниках науки и администрации, о студентах, а также о политической и научной деятельности и т. д. Особого внимания заслуживают материалы, касающиеся начального периода функционирования университета, который является важным для каждого ВУЗа и лиц, занимающихся историей высших школ.

Ведущееся Архивом Университета Николая Коперника документирование дает широкие возможности по их изучению и популяризации. Уже в шестидесятые годы эти материалы использовались в научных диссертациях. В основном применялись для исследований по истории университета или его отдельных организационных структур. Кроме того, из них черпалась информация при составлении биографий и некрологов. Аудиовизуальными архивными материалами из фонда университетского архива пользовались, в частности, авторы фильмов и радиопередач, например, были использованы в радиорепортаже студенческие материалы Збигнева Херберта. Традиционная и аудиовизуальная документация применяется при организации различных выставок, юбилеев и конференций. Материалы, собранные сотрудниками архива, дополняют историю университета и спустя годы становятся ценным источником.

К значимым источникам следует отнести также записи с публичных чтений и лекций сотрудников университета по исторической, культурной и политической тематике (например, сессия, посвященная 20-летию Польской Народной Республики, материалы по истории «Солидарности»).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Белозорович Виктор Александрович, заместитель декана факультета истории, коммуникации и туризма УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», кандидат исторических наук, доцент, v.belozorovich@grsu.by

Белявский Александр Михайлович, доцент кафедры источниковедения исторического факультета БГУ, кандидат исторических наук, доцент, bialiauski@icloud.com

Бразовская Юлия Алексеевна, студентка 2 курса исторического факультета БГУ.

Бригадина Ольга Васильевна, доцент кафедры истории России исторического факультета БГУ, кандидат исторических наук, доцент, brigadinaol@mail.ru

Бураченко Александр Вячеславович, доцент кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени исторического факультета БДУ, кандидат исторических наук, доцент, burumag@gmail.com

Веремейчик Алина Евгеньевна, доцент кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени исторического факультета БГУ, кандидат исторических наук, arh-muz@mail.ru

Гернович Татьяна Дмитриевна, доцент кафедры источниковедения исторического факультета БГУ, кандидат исторических наук, adelia.z@gmail.com

Глебенек Мартин, доцент кафедры специальных исторических дисциплин Института истории и архивистики Университета Николая Коперника в Торуне, доктор наук, hleb@o2.pl ; hleb@umk.pl.

Денисов Антон Владимирович, доцент кафедры политологии, социологии и социального управления факультета технологий управлений и гуманитаризации, Белорусского национального технического университета, кандидат исторических наук, доцент, dzianisau_s@tut.by

Евтухов Игорь Орестович, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета БГУ, доктор исторических наук, профессор.

Ерошевич Александр Владимирович, доцент кафедры политологии УО «Белорусский государственный экономический университет», кандидат исторических наук, доцент, erash06@rambler.ru

Ершова Ольга Игоревна, доцент кафедры педагогики БГУ, кандидат исторических наук, ershova_olga@tut.by

Иванова Ольга Сергеевна, доцент кафедры источниковедения исторического факультета БГУ, кандидат исторических наук, ivanova.volga.s@gmail.com

Кохановский Александр Геннадьевич, декан исторического факультета БГУ, доктор исторических наук, профессор, kohanovsky@bsu.by

Кохнович Виктор Адамович, доцент кафедры истории России исторического факультета БГУ, кандидат исторических наук, доцент, Esperovic@mail.ru

Кешковска Божена, ст. делопроизводитель Архива Университета Николая Коперника в Торуне, bkierzkowska@umk.pl

Ковяко Ирина Ивановна, доцент кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка», кандидат исторических наук, доцент, klq2034@mail.ru

Кодин Евгений Владимирович, исполняющий обязанности проректора по научной работе ФГБОУВО «Смоленский государственный университет», заведующий кафедрой истории России, доктор исторических наук, профессор, rectorat@smolgu.ru

Космач Павел Геннадьевич, доцент кафедры истории нового и новейшего времени исторического факультета БГУ, кандидат исторических наук, доцент, hist2014@yandex.ru

Кухаренко Артур Андреевич, начальник отдела научно-исследовательской работы студентов Главного управления науки БГУ, доцент кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени исторического факультета БГУ, кандидат исторических наук, KuharenkAA@bsu.by

Кухаренко Варвара Николаевна, доцент кафедры истории южных и западных славян исторического факультета БГУ, кандидат исторических наук, доцент, ateh1@yandex.ru

Ландина Лариса Владимировна, доцент кафедры истории Беларуси и музееведения УО «Белорусский государственный университет культуры и искусств», докторант кафедры истории нового и новейшего времени исторического факультета БГУ, кандидат исторических наук, доцент, larisa-hist@mail.ru

Ларионов Денис Геннадьевич, доцент кафедры истории нового и новейшего времени исторического факультета БГУ, кандидат исторических наук, доцент.

Лебедева Ирина Валентиновна, старший преподаватель кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени исторического факультета БГУ.

Литвиновская Юлия Ивановна, доцент кафедры гуманитарных дисциплин факультета информационных технологий и управления УО «Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники», кандидат исторических наук, доцент, litwinowski@yandex.by

Лойко Александр Иванович, заведующий кафедрой философских учений Белорусского национального технического университета, доктор философских наук, профессор, alexander.loiko@tut.by

Мелешко Елена Ивановна, доцент кафедры всеобщей и славянской истории УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», кандидат исторических наук, meleshko_ei@grsu.by

Михальченко Сергей Иванович, директор НИИ фундаментальных и прикладных исследований ФГБОУВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», доктор исторических наук, профессор, smikh10@mail.ru

Монзуль Владимир Юрьевич, главный архивист, заведующий сектором научно-справочного аппарата ГУ «Национальный архив Республики Беларусь», monzul000@gmail.com

Мосейчук Людмила Ивановна, научный сотрудник Главного управления образовательной деятельности БГУ, mosejchuk@tut.by

Орлова Наталья Евгеньевна, доцент кафедры истории нового и новейшего времени исторического факультета БГУ, кандидат исторических наук, доцент, neo0504@mail.ru

Петаченко Григорий Алексеевич, доцент кафедры истории России исторического факультета БГУ, кандидат исторических наук, доцент.

Раков Дмитрий Константинович, студент магистратуры исторического факультета БГУ

Роса Агнешка, доцент кафедры архивистики Института истории и архивистики Университета Николая Коперника в Торуне, кандидат наук, arosa@umk.pl

Сальков Анатолий Петрович, заведующий кафедрой истории южных и западных славян исторического факультета БГУ, кандидат исторических наук, доцент, anatsalkov@mail.ru

Самохвалов Дмитрий Сергеевич, доцент кафедры источниковедения исторического факультета БГУ, кандидат исторических наук, доцент, abovo@tut.by

Ситкевич Юлия Владимировна, аспирант кафедры истории России Белорусского государственного университета.

Сытько Кирилл Валерьевич, младший научный сотрудник Центрального научного архива НАН Беларуси, магистр управления, kirylawolny@gmail.com

Тарасенкова Татьяна Ивановна, директор ОГКУ «Государственный архив новейшей истории Смоленской области», кандидат исторических наук, доцент, tata-tarasenkova@yandex.ru

Темушев Степан Николаевич, доцент кафедры истории России исторического факультета БГУ, кандидат исторических наук, доцент, stepnik_bsu@tut.by

Толмачева Светлана Александровна, доцент кафедры истории Беларуси и славянских народов УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка», кандидат исторических наук, доцент, Tolmachova.sv@yandex.ru

Федосик Виктор Анатольевич, зав. кафедрой истории древнего мира и средних веков исторического факультета БГУ, доктор исторических наук, профессор.

Хадасевич Анна Сергеевна, доцент кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени исторического факультета БГУ, кандидат исторических наук, доцент.

Хоронжичевски Вальдемар, профессор кафедры архивистики Института истории и архивистики Университета Николая Коперника в Торуне, доктор наук, профессор, wch@umk.pl

Хорхордина Татьяна Иннокентьевна, заведующий кафедрой истории и организации архивного дела факультета архивного дела Историко-архивного института ФГБОУВО «Российский государственный гуманитарный университет», доктор исторических наук, профессор.

Чикалова Ирина Ромуальдовна, профессор кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории УО «Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка», доктор исторических наук, профессор, irina_chikalova@mail.ru

Шимукович Сергей Фадеевич, ГУО «Республиканский институт высшей школы», кандидат исторических наук, доцент, 28.05.74@mail.ru

Шумейко Михаил Федорович, заведующий кафедрой источниковедения исторического факультета БГУ, кандидат исторических наук, доцент, jesti@inbox.ru

Щерба Татьяна Николаевна, аспирант кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени исторического факультета БГУ, магистр исторических наук, Shcherba@bsu.by

Яблоньска Марлена, доцент кафедры управления документами и архивной информации Института истории и архивистики Университета Николая Коперника в Торуне, доктор наук, mjablon@umk.pl

Яновский Олег Антонович, заведующий кафедрой истории России исторического факультета БГУ, кандидат исторических наук, профессор, helgoleg@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПРАДМОВА	3
-----------------------	---

РАЗДЕЛ I

В. И. ПИЧЕТА, ЕГО КОЛЛЕГИ, УЧЕНИКИ И ПОСЛЕДОВАТЕЛИ: ОПЫТ ПРОСОПОГРАФИЧЕСКОГО ПРОЧТЕНИЯ ИСТОРИИ

<i>Белозорович В. А.</i> Концепция истории Беларуси в трудах В. К. Щербакова.....	5
<i>Веремейчик А. Е.</i> В. И. Пичета как исследователь частной земельной собственности на территории Беларуси	9
<i>Гернович Т. Д.</i> Николай Павлович Шкляев – хранитель минских архивов.....	17
<i>Дзянісаў А. У.</i> Уладзімір Пічэта як лідар краязнаўчага руху Савецкай Беларусі ў першай палове 1920-х гг.	26
<i>Ершова О. И.</i> Народный комиссар просвещения БССР А. М. Платун как представитель советской номенклатуры	36
<i>Кажноўіч В. А.</i> Заснавальнік школы фізічнай хіміі ў БДУ: прафесар М. М. Паўлючэнка (1909–1975).....	45
<i>Кодин Е. В.</i> Н. П. Вакар и начало американского послевоенного белорусоведения	51
<i>Лойко А. И.</i> Философия идентичности – методологическая основа исследований В. И. Пичеты по истории народов Восточной Европы	65
<i>Мелешко Е. И.</i> Михаил и Павел Бобровские: воспитание историка.....	70
<i>Мосейчук Л. И.</i> Национальное многообразие в учебных программах Белорусского государственного университета в 20–30-е гг. XX в.	79
<i>Петащенко Г. А.</i> В. И. Пичета в общественно-политических процессах 1920-х гг.	85
<i>Сыцько К. В.</i> Дакументы аб дзейнасці У. І. Пічэты ў Інбелкульце і АН БССР (па матэрыялах фондаў ЦНА НАН Беларусі).....	89
<i>Тарасенкова Т. И.</i> Советский университет: руководители и преподаватели вуза в период его становления (на примере Смоленского государственного университета 1920–1930-х гг.).....	95
<i>Темушев С. Н.</i> Проблемы этнического и политического развития домонгольской Руси в представлении В. И. Пичеты	102
<i>Хадасевіч А. С.</i> Ираида Осиповна Царюк – историк, декан, педагог.....	110
<i>Хорхордина Т. И.</i> Историк и Вечность: С. О. Шмидт и историческое архивоведение	116
<i>Шимукович С. Ф.</i> От филомата до ректора императорского университета: О. М. Ковалевский на службе науке и образованию	123

<i>Шумейко М. Ф.</i> Проявление коммеморативной функции личных архивных фондов историков в процессе их комплектования и научного использования (на примере документального наследия академика В. И. Пичеты).....	132
<i>Яноўскі А. А.</i> Гісторык У. І. Пічэта ў кантэксце палітычных пертурбацый першай паловы XX стагоддзя.....	145

РАЗДЕЛ II

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, АРХИВОВЕДЕНИЕ: ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ОСНОВА НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАМЯТИ

<i>Белявский А. М.</i> О деконструктивистской критике как методе источниковедческого изучения архивов	157
<i>Болсун Г. А.</i> Детские свидетельства войны	168
<i>Бразовская Ю. А.</i> Фонтхиллский лоанленд на рубеже IX–X вв.	171
<i>Бригадина О. В.</i> Мы – другие: евразийская концепция российской истории....	177
<i>Бурачонак А. В.</i> Дзелявая актыўнасць насельніцтва Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст. як актуальная праблема айчынай гістарыяграфіі	184
<i>Глебёнок Марцин.</i> Проблема публикации сфрагистических материалов. На примере многопечатных документов.....	189
<i>Евтухов И. О.</i> Пропавшая грамота: борьба за наследство в англосаксонской Англии X в.	211
<i>Ерашэвіч А. У.</i> Арганізацыя і функцыянаванне дзяржаўных фінансаў губерняў Беларусі канца XVIII – першай паловы XIX ст.: сучасная айчынная гістарыяграфія	216
<i>Иванова В. С.</i> Лёс падручніка нідэрландскіх архівістаў С. Мюлера, І. Фэйта і Р. Фруіна ў архівазнаўчай гістарыяграфіі XX ст.	227
<i>Каханоўскі А. Г.</i> Аграрны крызіс 80-х гг. XIX ст. і трансфармацыйныя змены ў беларускай вёсцы	233
<i>Ковяко И. И.</i> Основные подходы в англо-американской историографии к анализу новой восточной политики В. Брандта.....	238
<i>Космач П. Г.</i> Современная англоязычная историография о роли религии в американской революции XVIII в.....	244
<i>Кухаренко А. А.</i> Историография ипотечного кредитования крестьянского населения белорусских губерний.....	248
<i>Кухарэнка В. М.</i> Фарміраванне культуры лідара Харвацкай сялянскай партыі Сцяпана Радзіча і яго рэалізацыя ў межах харвацкай палітыкі памяці	254
<i>Ландина Л. В.</i> Соотношение подходов в изучении западноевропейского и российского абсолютизма в российской историографии конца XIX – начала XXI в.	258

<i>Ларионов Д. Г.</i> Консервативные участники II Ватиканского собора (историография вопроса)	268
<i>Лебедзева І. В.</i> Дзеці ў сацыяльна-эканамічных працэсах на тэрыторыі Беларусі другой паловы XIX – пачатку XX ст.: гістарыяграфія пытання.....	276
<i>Литвиновская Ю. И.</i> События войны 1812 года в документах белорусских архивов	283
<i>Михальченко С. И.</i> Письма Ф. В. Тарановского в зарубежных архивах.....	288
<i>Монзуль В. Ю.</i> Современная англоязычная историография о гражданско- правовом статусе италийских союзников Рима в II–I вв. до н. э.	295
<i>Орлова Н. Е.</i> Основные тенденции развития народного образования в Англии в XVI–XVIII вв.	301
<i>Раков Д. К.</i> Международный день памяти «Березина»: история, проблемы и перспективы проведения.....	310
<i>Сальков А. П.</i> Болгаро-греческий конфликт в Западной Фракии (1912–1938): историографические интерпретации и объективная реальность	316
<i>Самохвалов Д. С.</i> История и психология: сложный путь междисциплинарной интеграции	327
<i>Ситкевич Ю. В.</i> Внешнеполитическая деятельность России в конце XV – первой половине XVI в. в изданиях Петербургской императорской археографической комиссии	333
<i>Талмачова С. А.</i> «Труды съезда непрременных членов губернских присутствий» як крыніца вывучэння аграрнай палітыкі самадзяржаўя ў Беларусі ў пачатку XX ст.	338
<i>Федосик В. А.</i> Всемирная история по библейской концепции «четырёх царств» в российских хрониках и летописях XV–XVI вв.	348
<i>Хоронжичевски Вальдемар, Роса Агнешка.</i> К глобальному сообществу архивистов.....	359
<i>Чикалова И. Р.</i> «Старый порядок» и революция конца XVIII в. во Франции в трудах российских историков рубежа XIX–XX вв.	371
<i>Щерба Т. Н.</i> Эволюция социально-правового положения сословной группы почетных граждан в Беларуси (1832–1917 гг.): историография изучения вопроса	380
<i>Яблоньска Марлена, Кешковска Божена.</i> Аудиовизуальная документация как источник по истории университета (на примере фонда Архива Университета Николая Коперника в Торуне)	384
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	399

Научное издание

**ИСТОРИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ:
ОБЪЕКТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ
И НАУЧНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ**

**Сборник научных статей
по материалам международной научной конференции,
посвященной 140-летию со дня рождения
академика В. И. Пичеты**

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *О. А. Яновский*
Дизайн обложки *С. Н. Темушева*
Компьютерная верстка *Л. Н. Копач*

Подписано в печать 12.12.2018. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 23,18. Уч.-изд. л. 24,8.
Тираж экз. Заказ 416.

Белорусский государственный университет.
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/270 от 03.04.2014.
Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательский центр Белорусского государственного университета».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 2/63 от 19.03.2014.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.